

- Слова
 - Слово 1
 - На Пасху и о своем промедлении1
 - Слово 2
 - К призвавшим вначале, но не встретившим св. Григория, когда он стал пресвитером
 - Слово 3
 - Григорий Богослов оправдывает удаление свое в Понт после рукоположения в пресвитеры и возвращение оттуда, а также учит, как важен сан священства и каков должен быть епископ
 - Слово 4
 - Первое обличительное на царя Юлиана
 - Слово 5
 - Второе обличительное на царя Юлиана
 - Слово 6
 - О мире, произнесенное в присутствии отца после предшествовавшего молчания по случаю воссоединения монашествующих
 - Слово 7*
 - Надгробное брату Кесарию, произнесенное еще при жизни родителей
 - Слово 8
 - Надгробное Горгонии, сестре Св. Григория Назианзина
 - Слово 9
 - Защитительное, говоренное им отцу своему Григорию в присутствии Василия Великого после рукоположения Св. Григория Богослова в епископа Сасимского
 - Слово 10
 - Защитительное, говоренное им отцу своему и Василию Великому по возвращении Св. Григория Богослова из уединения
 - Слово 11
 - Говоренное брату Василия Великого, Святому Григорию, епископу Нисскому, когда он пришел к Св. Григорию Богослову по рукоположении его в сан епископа
 - Слово 12
 - Говоренное отцу, поручившему ему попечение о Назианзской церкви

- [Слово 13](#)
 - [Произнесенное при рукоположении Евлалия в сан Епископа Доарского](#)
- [Слово 14](#)
 - [О любви к бедным⁸³](#)
- [Слово 15](#)
 - [Произнесенное в присутствии отца, который безмолвствовал от скорби, после того как град опустошил поля](#)
- [Слово 16](#)
 - [В память святых мучеников маккавеев](#)
- [Слово 17](#)
 - [Произнесенное встревоженным жителям Назианза и прогневанному градоначальнику](#)
- [Слово 18](#)
 - [Сказанное в похвалу отцу и в утешение матери Нонне в присутствии Св. Василия, к которому обращено вступление к данному слову](#)
- [Слово 19](#)
 - [Произнесенное Св. Григорием Богословом о словах своих Юлиану, производившему перепись народа и уравнение податей](#)
- [Слово 20](#)
 - [О поставлении епископов и о догмате Святой Троицы](#)
- [Слово 21](#)
 - [Похвальное Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому](#)
- [Слово 22](#)
 - [О мире, произнесенное на общем собрании единоверных, бывшем после примирения](#)
- [Слово 23](#)
 - [О мире, произнесенное в Константинополе по случаю распри, произошедшей в народе, о некоторых несогласных между собой епископах](#)
- [Слово 24](#)
 - [В похвалу святому священномученику Киприану¹⁶², сказанное на другой день его памяти по возвращении Григория из села](#)
- [Слово 25](#)
 - [В похвалу философу Герону¹⁶⁸, возвратившемуся из](#)

изгнания

Слово 26

- Произнесенное Святым Григорием Богословом о себе самом, когда он после покушения Максима занять архиепископский престол в Константинополе возвратился из села

○ Слово 27

- Против евномиан²⁰⁹ и о богословии первое, или предварительное

○ Слово 28

- О богословии второе

○ Слово 29

- О богословии третье, о Боге Сыне первое

○ Слово 30

- О богословии четвертое, о Боге Сыне второе

○ Слово 31

- О богословии пятое, о Святом Духе

○ Слово 32

- О соблюдении доброго порядка в собеседовании и о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге

○ Слово 33

- Против ариан и о самом себе

○ Слово 34

- К пришедшим из Египта

○ Слово 35

- В память мучеников и против ариан

○ Слово 36

- О себе самом и к говорившим, что Св. Григорий желает константинопольского престола

○ Слово 37

- На евангельские слова: «Когда окончил Иисус слова сии...» и проч. (Мф.19:1)

○ Слово 38

- На Богоявление или на Рождество Спасителя

○ Слово 39

- На святые светы явлений Господних

○ Слово 40

- На Святое Крещение

○ Слово 41

- [На Святую Пятидесятницу](#)

- [Слово 42](#)

- [Прощальное, произнесенное во время прибытия в Константинополь ста пятидесяти епископов](#)

- [Слово 43](#)

- [Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской](#)

- [Слово 44](#)

- [На неделю новую, на весну и в память мученика Маманта](#)

- [Слово 45](#)

- [На Святую Пасху](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)

- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)

- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [*](#)
- [–](#)

Введение

Содержание

[Тематическая разбивка «Слов»](#)

Пять слов о богословии

Тематическая разбивка «Слов»

I. Догматические: [27](#), [28](#), [29](#), [30](#), [31](#) – «Пять слов о богословии»; [20](#), [32](#)

II. Похвальные и надгробные: [7](#), [8](#), [11](#), [13](#), [16](#), [18](#), [21](#), [24](#), [24](#), [43](#)

III. На разные случаи, автобиографические и защитительные: [2](#), [3](#), [6](#),
[9](#), [10](#), [12](#), [15](#), [17](#), [19](#), [22](#), [23](#), [26](#), [33](#), [24](#), [36](#), [42](#)

IV. Обличительные: [4](#), [5](#)

V. Праздничные слова и проповеди: [1](#), [14](#), [37](#), [38](#), [39](#), [40](#), [41](#), [44](#), [45](#)

Слова

Слово 1

На Пасху и о своем промедлении¹

Воскресения день – благоприятное начало. Просветимся торжеством и обнимем друг друга. «Скажем: братья, и ненавидящим нас» ([Ис.66:5](#)), особенно тем, которые из любви что-нибудь сделали или потерпели. Уступим все Воскресению; простим друг друга: и я (упомяну об этом теперь), подвергшийся доброму принуждению, и вы, употребившие доброе принуждение; хотя несколько и сетуете на меня за задержку. Может быть, перед Богом оно лучше и драгоценнее, нежели поспешность других. Хорошо и уклоняться несколько от призвания Божия, как в древности поступил Моисей, а после Иеремия; хорошо и поспешать с готовностью на глас Зовущего, как Аарон и Исаия, только бы то и другое было по благочестию, – одно по причине собственной немощи, а другое по надежде на силу Зовущего. В день таинства помазан я; в день таинства удалился ненадолго, чтобы испытать самого себя; в день таинства и возвращаюсь², избрав этот день добрым попечителем моей боязливости и немощи, дабы Воскресший ныне из мертвых и меня обновил Духом, и, облекши в нового человека, для новой твари, для рождаемых по Богу, сделал добрым образователем и учителем, который со Христом и умирает охотно и воскресает.

Вчера заклан был Агнец, помазаны двери, Египет оплакивал первенцев; мимо нас прошел погубляющий, печать для него страшна и досточтима, и мы ограждены драгоценной кровью: ныне мы чисто убежали из Египта, от жестокого властителя фараона и немилосердных надсмотрщиков, освободились от работы над глиной и кирпичами, и никто не воспрепятствует нам праздновать Господу Богу нашему праздник исшествия, – и праздновать «не со старой закваской, не с закваской порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» ([1Кор.5:8](#)), не принося с собой египетской закваски безбожной. Вчера я распинался со Христом, ныне прославляются с Ним; вчера умирал с Ним, ныне оживаю; вчера погребался с Ним, ныне воскресаю.

Принесем же дары Пострадавшему за нас и Воскресшему. Может быть, вы думаете, что я говорю о золоте, или о серебре, или о тканях, или о прозрачных и драгоценных камнях. Это – вещество земное, преходящее и на земле остающееся, которого всегда больше имеют злые – рабы дольного, рабы миродержателя. Нет, принесем самих себя – стяжание самое драгоценное перед Богом и Ему наиболее свойственное, воздадим

Образу сотворенное по образу, познаем свое достоинство, почтим Первообраз, уразумеем силу таинства³ и то, за кого Христос умер. Уподобимся Христу; ибо и Христос уподобился нам: сделаемся богами ради Его; ибо и Он стал человеком для нас. Он восприял худшее, чтобы дать лучшее; обнищал, чтобы нам обогатиться Его нищетой; принял образ раба, чтобы нам получить свободу; снизошел, чтобы нам вознестись; был искушен, чтобы нам победить; претерпел бесславие, чтобы нас прославить; умер, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь к Себе долу лежащих в греховном падении. Пусть кто все отдаст, все принесет в дар Богу, Который предал Себя за нас в цену искупления: ничего не принесет он равного тому, как если представить Ему самого себя, понимающего силу таинства и сделавшегося всем для Христа, как Он для нас.

Сей⁴ Пастырь добрый, полагающий душу за овец, вам, как видите, плодотворит пастыря. Ибо на это надеется он и желает, и просит от вас, пасомых им⁵. Он дает вам себя сугубо вместо одного, и жезл старости делает жезлом духа; к неодоушевленному храму присовокупляет одушевленный⁶, к храму прекрасному и невидному – другой, который, как бы ни был скуден и мал, но для него, без сомнения, весьма дорог, и совершен им с великими усилиями и трудами, и (о если бы можно было сказать!) достоин трудов его. Все свое предлагает он вам, – какое великодушие, или, справедливее сказать, какое чадолобие! Предлагает седину и юность, храм и Архиерея, завещателя и наследника, предлагает слова⁷, которых вы желали, и слова не пустые, теряющиеся в воздухе и не проникающие далее слуха, но которые пишет Дух, не чернилами, но благодатью, запечатлевает на скрижалях, каменных или плотью облеченных, – слова, не слегка на поверхности начертываемые и легко стираемые, но глубоко врезающиеся. Вот что приносит вам этот досточтимый Авраам, Патриарх, честная и достоуважаемая глава, вместилище всех доблестей, образец добродетели, совершенство священства, приносящий ныне добровольную жертву Господу, – своего единокровного, рожденного по обетованию.

А вы, как дар и плод, принесите Богу и нам расположение – быть доброй паствой, вселяясь на злачные пажити и воспитываясь на воде упокоения ([Пс.22:1–2](#)). Хорошо зная Пастыря и будучи им знаемы, идите за тем, кто зовет пастырски и свободно, через дверь, а не следуйте чужому, перескакивающему через ограду, разбойнически и коварно. Не слушайте чужого голоса, уводящего от истины и расточающего по горам, по пустыням, по дебрям, по местам, которых не посещает Господь, – голоса,

отводящего от здоровой веры в Отца, и Сына и Святого Духа, во единое Божество и силу; веры, вещанию которой всегда внимали и да внимают всегда мои овцы; не слушайте голоса, который нечистыми и поврежденными словами отторгает и увлекает от истинного и первого Пастыря. Далече от всего того, как от зелия чарующего и смертоносного, да дарует Он всем нам, – и пастырям и стаду, и питаться и питать, и всем ныне и в вечном упокоении быть едино во Христе Иисусе. Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово 2

К призвавшим вначале, но не встретившим св. Григория, когда он стал пресвитером

Что не спешите к нашему слову, о друзья и братья, некогда столь скорые для того, чтобы принудить меня и извлечь из моей твердыни, то есть из пустыни, которую я возлюбил больше всего, которую я преимущественно чтил и избрал себе руководительницей всей жизни, как содейственницу и мать божественного восхождения, делающую причастным Божьей благодати? Для чего тем, что желали получить, пренебрегаете по получении? Для чего, по-видимому, лучше умеете желать нас, когда нас нет, нежели пользоваться нами, когда мы с вами, как будто вы хотели только овладеть нашим любомудрием, а не извлекать из него пользу себе? Или же, прилично мне сказать и это: «вы пресыщены» ([Ис.1:11](#)), и притом – странное дело! – прежде нежели вы нас вкусили и испытали. Даже, как странника, вы не ввели меня, или, скажу сострадательнее, не введены и вы со мной; для чего, если не другое что, то заповедь уважить надлежало. Как начинающему не дали вы мне руководства, как боязливого не ободрили меня, как потерпевшего насилие не утешили; напротив, – не хотел бы сказать, однако скажу, – и праздник не в праздник вы мне сделали; не с добрым предвестием вы меня приняли и торжество растворили печалью; потому что недоставало при нем самого важного для удовольствия, – недоставало вас, моих победителей, – несправедливо было бы сказать: любителей. Так легко пренебрегают всем, что легко побеждают; раболепно чтится высокое, и бесчестится смиряющееся перед Богом; Чего вы хотите? Судиться ли мне с вами, или стать судьей? Произнести ли приговор, или подвергнуть себя приговору? Ибо надеюсь, что и судимый одержу верх, и произносся суд, праведно вас осужу. Вина ваша в том, что вы не равной мерой воздаете за мою любовь; не отдаете чести моему послушанию, и нынешнего усердия не представляете в поруку за будущее, тогда как и при этом усердии едва ли бы можно было положиться на будущее, потому что у всякого больше горячности вначале. Напротив, каждый из вас предпочитает что-нибудь и старому, и новому своему пастырю, не уважая седин и не ободряя юности.

Великолепна изображаемая в Евангелии вечеря (Мф.22и сл.), угощающий ласков, там – и друзья, и самое приятное пиршество, это – брак Сына. Но Царь созывает, а гости не приходят. Он гневается, и, – умалчиваю о том, что было дальше, как о предвещающем грозное, но

скажу, что легче выговорить, – Царь наполняет пиршество другими. Не желаю вам этого, но вы поступили со мной (могу ли говорить кротко?) – и тех высокомернее и дерзостнее, потому что они, будучи званы, отреклись от вечери и оскорбили Звавшего; а вы – нечужие, вы – не званые на брак, но сами призвали меня, сами привлекли к этой священной трапезе, сами показали мне великолепие брачного чертога, а потом оставили меня. Таковы ваши великие доблести! Кто на село свое, кто к паре волов новокупленных, кто к новобрачной супруге, кто за чем-либо другим маловажным, – все вы рассеялись и убежали, не заботясь ни о брачном чертоге, ни о Женихе. Это весьма опечалило и привело меня в затруднение, – не умолчу о своих чувствованиях, – я едва не удержал слово, которое хотел принести в брачный дар, как лучшее и драгоценнейшее свое достояние, и едва не обратил слова против вас, возлюбленные; потому что однажды я потерпел от вас насилие, – и мог воспользоваться таким прекрасным случаем; притом язык мой изощряла любовь, которая бывает весьма горяча и неистощима в обвинениях, когда превращается в ревность, оскорбившись неожиданным пренебрежением. Ежели кто из вас был уязвлен любовью и испытал презрение, то он знает силу этой страсти и простит тех, которые подверглись ей, и были близки к такому же безумию.

Впрочем, мне и теперь непозволительно укорять вас, и не желаю, чтобы когда-нибудь было позволено. Может быть, и сказанное мной чрезмерно укоризненно для вас, священное стадо, достохвальные овцы Христовы, Божье достояние, которым богат ты⁸, при всей своей бедности. Мне кажется, что прилично отнести к тебе эти слова Писания: «межи пролегли для» тебя по «прекрасным местам, и удел» твой «всего приятнее для» тебя ([Пс.15:6](#)). Я не уступлю ни в чем преимущества перед нами самым многочисленным городам, самым обширным из паств; хотя мы малочисленны в наименьшем колене сынов Израилевых, хотя мы весьма малочисленны в тысячах Иудиных; мы – малый из городов Вифлеем, в котором рождается Христос, и ныне и издревле право познаваемый и почитаемый; мы Отца превозносим, Сына почитаем равным Ему, и Духа Святого прославляем. Мы единокорны, едино мыслим, нимало не оскорбляем Троицы ни приложением, ни отсечением, как худые распорядители и мирители Божества, которые унижают и оскорбляют все, тем самым, что одно почитают более надлежащего.

Если же хотите чем-нибудь воздать мне, вы – нива моя, виноград мой, утроба моя, или лучше, этого общего нашего отца, который благовествованием породил нас во Христе, то окажите уважение и мне,

как требует того справедливость; потому что я предпочел вас всему, – в чем свидетели – сами вы и поручившие мне это правление, или служение. И если возлюбившему больше и обязаны мы больше: то как измерю любовь, к которой я обязал вас моею любовью?

Но большее уважение оказывайте самим себе; почитите вверенный вам образ и Вверившего его, почитите страсти Христовы и надежду будущей жизни. А для этого храните веру, которую приняли, в которой воспитаны, которой надеетесь сами спастись ([1Кор.15:1–2](#)) и других спасти, ибо знаете, что немногие могут похвалиться тем же, чем и вы. Благочестие поставляйте не в том, чтобы часто говорить о Боге, но в том, чтобы больше молчать; ибо язык, не управляемый разумом, – помеха для всех людей. Всегда держитесь той мысли, что безопаснее слушать, нежели говорить; возжеленнее учиться, нежели учить о Боге; тщательнейшее об этом исследование предоставляя строителям слова, сами выказывайте благочестие менее словом, а более делом, и обнаруживайте любовь свою к Богу более соблюдением заповедей Его, нежели удивлением к Законодателю; избегайте зла, преуспевайте в добродетели, духом живите, духом ходите, им привлекайте ведение; назидайте на основании веры «не дерево, сено, солому» – вещества слабые, которые легко могут истребиться, когда дела наши будут судимы или очищаемы огнем, – «но золото, серебро и камни драгоценные» ([1Кор.3:16](#)) – вещества твердые и пребывающие. Так поступайте, а тем прославляйте и нас, будете ли с нами, или не будете, нашими ли будете пользоваться словами, или найдете что-нибудь другое предпочтительнее. Будьте чистыми и непорочными чадами Божиими среди рода лукавого и развращенного; не спутывайтесь сетями нечестивых, окрест ходящих, и не связывайтесь узами своих грехов ([Притч.5:22](#)); Слово Божие да не будет подавлено в вас заботами житейскими, чтобы вам не остаться бесплодными. Но идите царским путем, не уклоняясь ни направо, ни налево, и под руководством Духа шествуйте узким путем, как пространном. Тогда все у нас будет благоуспешно и в настоящей жизни и на будущем испытании во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава вовеки. Аминь.

Слово 3

Григорий Богослов оправдывает удаление свое в Понт после рукоположения в пресвитеры и возвращение оттуда, а также учит, как важен сан священства и каков должен быть епископ

Я побежден, и признаю над собой победу. «Повинуйся Господу и надейся на него» ([Пс.36:7](#)). Так да начнет слово мое блаженнейший Давид или, лучше сказать, Вещавший в Давиде и еще доньше через него Вещающий! Ибо для начинающего всякое слово и дело самый лучший порядок – и начинать Богом, и оканчивать Богом.

О причине же моего прежнего противления и малодушия, по которому я «удалился и оставался бы» ([Пс.54:8](#)) на немалое время вдали от вас, может быть и желавших моего пребывания у вас, а равно и о причине настоящей моей покорности и перемены, по которой я сам возвратился к вам, пусть всякий говорит и думает по-своему; так как один ненавидит, а другой любит; иной не извиняет, а другой даже одобряет меня. Людям всего приятнее рассуждать о чужих делах, особливо, если увлекаются или благорасположением, или ненавистью; в каком случае всего чаще и скрывается от них истина. Но я, отложив стыд, представлю истину и для обеих сторон, то есть, для обвиняющих меня и для защищающих усердно, буду правдивым посредником, сам себя в ином обвиняя, а в ином оправдывая. И чтобы слово мое шло в надлежащем порядке, – скажу сперва о том, что было со мной прежде – о моей боязливости. Ибо не могу снести, чтобы мной соблазнились некоторые из наблюдающих тщательно за всеми моими поступками, правильны ли они, или нет (так как Богу угодно, чтобы и я значил нечто для христиан); а соблаздившихся, если найдутся таковые, излечу этим защитительным словом. Всего лучше – не устраивать другим преткновения или соблазна, не погрешая и даже не давая подозрения, насколько это возможно, и насколько достанет сил ума, потому что знаем, какое неизбежное и тяжкое наказание определил «Неизменный» ([Тит.1:2](#)) соблаздившим и единого от малых. Но я подвергся этому, братия, не по неведению и недоразумению, напротив того (похваюсь, хотя несколько), по другим причинам, а не потому, чтобы презирал Божии законы и повеления.

Как в теле, иное начальствует и как бы председательствует, а иное состоит под начальством и управлением: так и в Церквах (по закону ли

справедливости, воздающей по достоинству, или по закону Промысла, все связующего) Бог постановил, чтобы одни, для кого это полезнее, словом и делом направляемые к своему долгу, оставались пасомыми и подначальными; а другие, стоящие выше прочих по добродетели и близости к Богу, были Пастырями и Учителями к совершению Церкви, и имели к другим такое же отношение, какое душа к телу и ум к душе, дабы то и другое, недостаточное и избыточное, будучи, подобно телесным членам соединено и сопряжено в один состав, совокуплено и связано союзом Духа; представляло одно тело, совершенное и истинно достойное самого Христа – нашей Главы. Поэтому не думаю, чтобы безначалие и беспорядок были полезнее порядка и начальства, как для всего прочего, так и для людей; напротив, всего менее полезны они людям, которым угрожает опасность в важнейшем. Для них, если не исполнят первого требования разума, чтобы не грешить, важно второе, чтобы согрешившие возвращаемы были на истинный путь. А поскольку хорошо и справедливо – быть начальниками и подначальными, то, по моему мнению, равно худо и в одинаковой мере противно порядку, как всем желать начальства, так и никому не принимать его на себя. Когда бы все стали избегать этого начальствования или, правильнее назвать, служения; тогда бы прекрасной полноте Церкви недоставало бы значительнейшего, и она не была бы уже прекрасной. Притом, где и кем совершалось бы у нас таинственное и горе возводящее Богослужение, которое у нас всего превосходнее и досточтимее, если бы не было ни Царя, ни Князя, ни Священства, ни Жертвы ([Ос.3:4](#)), ни всего того, чего, как важнейшего, были лишены непокорные издревле в наказание за великие преступления? С другой стороны, нимало не странно и не вне порядка, что многие богомудрые из подначальных восходят на степень начальника; это – не вопреки правилам, какие предписывает любомудрие, и не предосудительно; равно как и то, что искусному корабельщику дают управлять корабельным носом, а тому, кто, управляя носом, умеет наблюдать ветры, доверяют кормило; или (если угодно еще) – мужественный воин делается начальником отряда, а хорошему начальнику отряда поручается все войско и распоряжение всеми военными делами.

И я не степени сана устыдился, желая высшей, что, может быть, подумает иной из людей ни к чему не годных и злых, которые судят о других по собственным своим страстям. Я не так мало понимаю и Божие величие и человеческую низость, чтобы для всякого сотворенного естества не признавать великим делом – хотя сколько-нибудь приближаться к Богу, Который един всего светозарнее, всего славнее и превосходит чистотой

всякую вещественную и невещественную природу.

Итак, что же со мной произошло? Какая была причина моего непослушания? Многим казалось, что я был тогда сам не в себе, сделался совершенно иным человеком, а не каким меня знали, противился и упорствовал больше, нежели сколько было позволительно. Поэтому выслушайте тому причины вы, которым давно желательно их знать.

Особенно поражен я был неожиданностью, подобно человеку, поражаемому внезапным громом, не собрался с мыслями; и потому преступил скромность, к которой приучал себя всю жизнь. Потом овладела мной какая-то привязанность ко благу безмолвия и уединения. Любя его с самого начала, насколько едва ли любил кто другой из занимающихся науками, в важнейших и опаснейших для меня обстоятельствах дав Богу обет «безмолвной жизни», даже коснувшись уже ее, как находившийся в преддверии, и по изведании восплававший большим желанием, я не вынес принуждения, не допустил ввергнуть себя в мятежи и насильно отвлечь от такой жизни, как бы от священного убежища. Мне казалось, что всего лучше, замкнув как бы чувства, отрешившись от плоти и мира, погрузившись в самого себя, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседуя с самим собой и с Богом, жить превыше видимого и носить в себе божественные образы, всегда чистые и несмешанные с земными и обманчивыми впечатлениями, быть и непрестанно делаться истинно чистым зеркалом Бога и божественного, приобретать ко свету свет – к менее ясному лучезарнейший, пожинать уже упованием блага будущего века, жить вместе с ангелами и, находясь еще на земле, оставлять землю и быть возносиму Духом горе. Если кто из вас объят этой любовью, то поймет, что говорю, и извинит тогдашнее состояние моего духа. Но слова мои не убедят, может быть, многих, именно всех тех, кому смешным кажется этот род жизни, к которому они все расположены или по собственному неразумию, или потому, что иные проходят его недостойно; подкрепляемые завистью, также злонравием и поползновением многих на худшее, они и хорошее именуют худым, любомудрие называют тщеславием. А от этого непременно грешат в одном из двух – или делают зло, или не верят добру

Сверх этого, произошло со мной еще нечто (открою перед вами всю мою тайну): не знаю, благородно ли это, или нет; однако же, так было. Мне стыдно было за других, которые, будучи ничем не лучше прочих (если еще не хуже), с неумытыми, как говорится, руками, с нечистыми душами берутся за святейшее дело, и прежде нежели сделались достойными

приступить к священству, врываются во святилище, теснятся и толкаются вокруг Святой Трапезы, как бы почитая этот сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию, не служением, подлежащим ответственности, но начальством, не дающим отчета. И такие люди, скудные благочестием, жалкие в самом блеске своем, едва ли не многочисленнее тех, над кем они начальствуют; так что, с продолжением времени и этого зла, не останется, как думаю, над кем им начальствовать, – когда все будут учить, вместо того чтобы, как говорит Божие обетование, «быть наученными Богом» ([Ис.54:13](#)); все станут пророчествовать, и, по древнему сказанию, по древней притче, будет и «Саул во пророках» ([1Цар.10:11](#)). Иные пороки, по временам, то усиливались, то прекращались; но ничего никогда, и ныне и прежде, не бывало в таком множестве, в каком ныне у христиан сии постыдные дела и грехи. Но ежели не в наших силах – остановить стремление зла, то, по крайней мере, ненавидеть и стыдиться его есть не последняя степень благочестия.

Но вот последняя причина, которая важнее приведенных; ибо касаюсь уже главнейшего в слове, и не солгу (что было бы и непозволительно рассуждающему о таком предмете); я не думал, и теперь не думаю, чтобы одно и то же значило – водить стадо овец или волов и управлять человеческими душами. Там достаточно и того, чтобы волы или овцы сделались самыми откормленными и тучными. А в этом случае пасущий их будет выбирать места, обильные водой и злаками, перегонять стада с одного пастбища на другое, давать им отдых, поднимать с места и собирать, иных жезлом, а большую часть свирелью. У пастыря овец и волов нет другого дела, разве иногда придется ему повоевать немного с волками и присмотреть за больным скотом. Всего же больше заботят его дуб, тень, свирели и то, чтобы полежать на прекрасной траве, у студеной воды под ветерком устроить на время из зелени ложе, иногда со стаканом в руке пропеть любовную песнь, поговорить с волами или овцами, и из них же, что пожирнее, съесть или продать. А о добродетели овец или волов никто никогда не позаботится. Ибо что у них за добродетель? И кто из пастухов предпочитал собственному удовольствию полезное для стада? Но человеку, который с трудом умеет быть под начальством, еще, кажется, гораздо труднее – уметь начальствовать над людьми, особенно – иметь такое начальство, каково наше, которое основывается на Божием законе и возводит к Богу, – в котором, чем больше высоты и достоинства, тем больше опасности даже для имеющего ум. И он, во-первых, подобно серебру и золоту обращаясь всюду, во всяком обстоятельстве и деле не должен звучать, как поддельная и нечистая монета, не должен нисколько

содержать в себе вещества худшего, которое бы требовало сильнейшего огня. Иначе, тем большее произойдет зло, чем над большим числом людей будет он начальствовать; потому что порок, распространяющийся во многих, значительнее порока, остановившегося на одном. И не так легко ткань принимает в себя невыводимую краску, и близкие вещи впитывают одна от другой зловоние или благовоние, но так быстро разливается в воздухе и из воздуха сообщается животным какое-нибудь вредное испарение, производящее заразу и называемое заразой, как подчиненные, в скорейшем обыкновенно времени, принимают в себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку – добродетель. В этом порок и берет особенно верх над добродетелью. И я всего более скорблю при мысли, что порок есть дело, удобно возбуждающее к соревнованию и без труда исполняемое, что всего легче сделаться порочным, хотя бы никто нами в том не руководил; напротив, стяжание добродетели есть дело редкое и трудное, хотя бы и многое к ней влекло и побуждало. Эту самую мысль, как думаю, имел и блаженнейший Аггей, когда приведен был к этому чудному и весьма верному изображению: спросите иереев о законе, говорит он: священное мясо, прикоснувшееся к ризе, к какому-нибудь яству или питью, или сосуду, освятит ли тотчас, что к нему приблизилось? И когда иереи сказали: нет; спросите еще, говорит: когда что-либо прикоснется к нечистой вещи, не тотчас ли примет в себя скверну? На это они сказали: примет, и по причине сообщения не будет уже чистым ([Агг.2:13–14](#)). Что значит это? То же, что и я говорю. Добродетель не удобоприемлема для человеческой природы, как и огонь для влажного вещества; но большая часть людей готова и способна принимать в себя худое, подобно тростнику, который, из-за сухости своей, легко воспламеняется и сгорает при ветре от искры. Ибо всякий скорее принимает в себя в большей мере малый порок, нежели высокую добродетель в малой мере. Так небольшое количество полыни тотчас сообщает горечь свою меду, а мед и в двойной мере не сообщает полыни своей сладости. Выдерни малый камень: он повлечет за собой всю реку на открытое место; удержать же и преградить ее едва сможет самая твердая плотина.

Итак, первое, чего из сказанного нами бояться должно, есть то, чтобы нам не оказаться худыми живописцами чудной добродетели, особенно же негодным подлинником для других живописцев, может быть, и не худых, но многих, или чтобы нам не подойти под поговорку: беремся лечить других, а сами покрыты струпьями. Во-вторых, если бы кто из нас сохранил себя, даже сколько можно более, чистым от всякого греха, то не

знаю еще, достаточно ли и этого готовящемуся учить других добродетели. Кому вверено это, тот не только не должен быть порочным (этим гнушаются и многие из подчиненных ему), но должен отличаться добродетелью, по заповеди, повелевающей «уклониться от зла и сотворить благо» ([Пс.36:27](#)). Он обязан не только уничтожать в душе своей худые образы, но и укоренять лучшие, чтобы ему превосходить других добродетелью больше, нежели насколько он выше их достоинством. Он должен не знать даже меры в доброте и в восхождении к совершенству, почитать не столько прибылью то, что приобретено, сколько потерей то, что не достигнуто, пройденное же обращать всегда в ступень к высшему, и не высоко думать о себе, если и многих превосходит, но признавать уроном, если не соответствует в чем сану. Ему должно измерять успехи свои заповедью, а не примером ближних (порочны ли они, или успевают несколько в добродетели), не взвешивать на малых весах добродетель, какой обязаны мы Великому, от Которого все и для Которого все, не думать, что всем прилично одно и то же; так как не у всех один и тот же возраст, одни и те же черты лица, не одинакова природа животных, не одинаковы качества земли, красота и величие светил. Напротив, должно почитать пороком в отдельном человеке то, что произведено им худого, заслуживает наказания и строго истязуется самим законом, а в начальнике и предстоятеле даже то, что он не достиг возможного совершенства и не преуспевает непрестанно в добре; потому что ему надобно превосходством своей добродетели привлекать народ к порядку, и не силой обуздывать, но доводить до порядка убеждением. Ибо все, что делается недобровольно, кроме того, что оно насильственно и не похвально, еще и не прочно. Вынужденное подобно растению, насильно согнутому руками, как скоро бывает оставлено на воле, обыкновенно возвращается в прежнее свое положение. Напротив, что делается по свободному произволению, то, как скрепляемое узами сердечного расположения, и весьма законно и вместе надежно. Поэтому закон наш и сам Законоположник особенно повелевает «пасти стадо не принужденно, но охотно» ([1Пет.5:2](#)).

Положим даже, что иной непорочен и взошел на самый верх добродетели: все еще не вижу, каким запасшись знанием, на какую понадеявшись силу, отважится он на такое начальство. Ибо править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, по моему мнению, действительно есть искусство из искусств и наука из наук. В чем всякий может удостовериться, если врачевание душ сравнить с врачеванием тел, изведает, насколько трудно последнее, и разберет, насколько наше врачевание еще труднее, а вместе, и предпочтительнее, и по свойству

врачуемого, и по силе знания, и по цели врачевания. Одно трудится над телами, над веществом бранным и стремящимся долу, над веществом, которое непременно разрушится и подвергнется своей участи, хотя теперь, с помощью искусства, и преодолется произошедшее в нем расстройство; ибо тело, уступив природе и не выходя из своих пределов, будет разрушено или болезнью, или временем. А другое печется о душе, которая произошла от Бога и божественна, которая причастна горнего благородства и к нему поспешает, хотя и соединена с худшим (может быть, и по другим причинам, какие известны единому Богу, соединившему ее с телом, и разве еще тому, кто самим Богом научен таковым тайнам, но насколько мы знаем – я и подобные мне люди) для двух следующих целей. Во-первых, чтобы душа могла наследовать горнюю славу за подвиг и за борьбу с дольным, и, будучи здесь искушена ими, как золото огнем, получила уповаемое в награду за добродетель, а не только как дар Божий. И конечно, в том – верх благости Божией, что добро сделано и нашей собственностью, не только всеяно в нас с естеством, но воздвигается также нашим желанием и движениями свободы, преклонной на ту и другую сторону. Во-вторых, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрешая от дебелости, привлекать к себе и возводить горе, чтобы она, став руководительницею для служебного вещества и обратив его в сослужебное Богу, была для тела тем же, чем Бог для души.

Врачующий тело принимает во внимание место, случай, возраст, время года и тому подобное, дает лекарства, предписывает образ жизни, предостерегает от вредного, чтобы прихоти больного не воспрепятствовали искусству; иногда же, когда и над кем нужно, употребляет прижигания, резание и другие, еще более жестокие способы лечения. Хотя все это оказывается очень трудным и тяжелым, однако же не настолько, как наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведение, свободное желание и все в нас тому подобное, исторгать, что приросло к нам зверского и дикого, а на место этого вводить и укоренять все, что есть кроткого и благородного, устанавливать надлежащее отношение между душой и телом, не позволяя, чтобы лучшее управлялось худшим, что было бы величайшей несправедливостью, но низшее по природе подчиня начальственному и владычественному, как, без сомнения, требует Божий закон, прекрасно установленный для всего творения и видимого, и сверхчувственного.

В рассуждении всего перечисленного мной примечаю еще и то, что охраняемое врачом тело, каково есть по своей природе, таковым и остается, само же собой нимало не злоумышляет и не ухищряется против

средств, употребляемых искусством; напротив, врачебное искусство владеет веществом; разве иногда произойдет какой-либо временный беспорядок от воли больного, что, впрочем, нетрудно предотвратить и пресечь. А в нас мудрование, самолюбие и то, что не умеем и не терпим легко уступать над собой победу, служат величайшим препятствием к добродетели и составляют как бы ополчение против тех, которые подают нам помощь. Сколько надлежало бы прилагать стараний, чтобы открыть врачуящим болезнь, столько употребляем усилий, чтобы избежать врачевания. Мы храбры против самих себя и искусны во вред своему здоровью. То рабски скрадываем грех, утаивая его в глубине души, как некоторый загноившийся и злокачественный струп, как будто, сокрывши от людей, сокроем и от великого ока и суда Божия; то под различными предложениями извиняем в себе грехи и придумываем оправдания своим страстям; то, заградивши слух, подобно «аспиду глухому и затыкающему уши», принимаем все меры, чтобы «не слышать голоса заклинателя» ([Пс.57:5–6](#)) и не пользоваться врачеванием мудрости, которым исцеляется душевный недуг, то, наконец (как поступают более смелые и храбрые из нас, явно не стыдимся ни греха, ни врачуящих грех, идем, как говорится, с открытой головой на всякое беззаконие. Какое расстройство ума! или как еще приличнее назвать такую болезнь! – Кого надлежало бы любить, как благодетелей, гоним от себя, как врагов, ненавидя «обличающих в воротах» ([Агг.2:15](#)), «гнушаясь словом праведным» ([Амос 5:10](#)), и подобно тем, которые, терзая собственную плоть, думают, что терзают ближних, предполагаем нанести тем больший вред своим доброжелателям, чем больше зла сделаем сами себе.

Поэтому-то полагаю, что наше врачебное искусство гораздо труднее, а следовательно, и предпочтительнее искусства врачевать тела; но оно труднее еще и потому, что последнее мало заглядывает вглубь, более же занимается видимым; напротив, все наше врачевание и попечение относится к «сокровенному сердца человеку» ([1Пет.3:11](#)), и наша брань – с врагом, внутри нас воюющим и противоборствующим, который, оружием против нас употребляя нас же самих (что всего ужаснее!), предает нас греховной смерти. А для этого нам нужны великая и совершенная вера, в большей мере Божие содействие, но не в малой также, как убежден я, и собственная наша ревность, выражаемая и действительно оказываемая словом и делом, если нужно, чтобы наши души, которые для нас всего предпочтительнее, хорошо были врачуемы, очищаемы и ценимы дороже всего.

Что же касается цели того и другого врачевания (нам остается еще

сравнить их в этом отношении), то цель одного – или сохранить здоровье и благосостояние плоти, когда оно есть, или возвратить, когда оно утрачено, – хотя и неизвестно, полезно ли это будет обладающему здоровьем. Ибо и противоположное этому часто приносило великую пользу, равно как нищета и богатство, слава и беславие, унижение и знатность, также все, что по природе своей занимает середину, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, делается лучшим или худшим по употреблению и произволу обладающих. Но цель другого врачевания – окрылить душу, похитить из мира и предать Богу, сохранить образ Божий, если цел, поддержать, если – в опасности, обновить, если поврежден, «вселить Христа в сердца» ([Еф.3:17](#)) Духом; сказать короче: того, кто принадлежит к горнему чину, сделать богом и причастником горнего блаженства. Этого хотят для нас и охраняющий закон, и посредствующие между Христом и законом Пророки, и Совершитель и конец духовного закона – Христос, и истощившее Себя Божество, и воспринятая плоть, и новое смешение – Бог и человек – единый из Божества и человечества, и через единого то и другое. Для этого Бог стал причастен к плоти через посредство души, и далекое между собой совокуплено через сходство посредствующего за тем и за другим; все соединилось в единое за всех и за единого Праотца, душа за душу преступившую, плоть за плоть, покорившуюся душе и вместе осужденную; Христос, не причастный к греху и высший греха, за Адама, бывшего под грехом. Для этого ветхое заменено новым; страданием воззван страдавший; за каждый наш долг воздано особо Тем, Кто превьше нас; и открылось иное таинство – человеколюбивое Божие смотрение о падшем через непослушание. Для этого – рождение и Дева, для этого – ясли и Вифлеем; рождение вместо создания, Дева вместо жены, Вифлеем вместо Эдема, ясли вместо рая, малое и видимое вместо великого и сокровенного. Для этого – ангелы, славящие Небесного, сделавшегося потом Земным, пастыри, видящие славу на Агнце и Пастыре; звезда путеводная; волхвы, поклоняющиеся и приносящие дары, чтобы прекратилось идолослужение. Для этого Иисус приемлет крещение и свидетельство свыше; для этого постится, подвергается искушению и побеждает победившего. Для этого изгоняются демоны, исцеляются болезни и великое дело проповеди поручается малым и совершается ими. Для этого приходят в смятение народы и люди помышляют тщетное. Для этого – древо за древо и рука – за руку; рука, мужественно распростертая, за руку, невоздержно простертую; руки пригвожденные – за руку своевольную, руки, соединяющие воедино концы мира, – за руку, извергшую Адама. Для этого – вознесение на крест за падение, желчь за

вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть, тьма для света, погребение за возвращение в землю, воскресение для воскресения. Все это было для нас Божиим некоторым детоводительством и врачеванием нашей немощи, возвращающим ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящим к древу жизни, от которого удалил нас плод древа познания, безвременно и неблагоразумно вкушенный. Этого-то врачевания служители и сотрудники – все мы, председательствующие перед другими, мы, для которых важно – знать и врачевать собственные немощи и недуги, или вернее сказать, это еще не столь важно (но меня заставила выразиться так порочность многих, находящихся в этом сани), – гораздо же важнее – быть в состоянии врачевать и искусно очищать других, чтобы от этого была польза тем и другим, и имеющим нужду во врачевании и поставленным врачевать.

Кроме этого, врачи тел должны переносить известные нам труды, бдения, заботы и, как сказал один из их мудрецов⁹, – из чужих несчастий собирать себе скорби; иное дознавая и изобретая сами, иное заимствуя и собирая у других, они должны обращать это в пользу требующих; и что ими найдено или избегнуто, не исключая и самых малостей, для них немаловажно, но признается имеющим силу к укреплению здоровья, или к отвращению опасности. И для чего все это? Чтобы больше дней прожил на земле человек, и человек, может быть, не полезный для общества, но самый негодный, которому, по его порочности, было бы даже лучше давно умереть и через то освободиться от порока, этого величайшего недуга. Но положим, что он и добрый человек; долго ли он будет жить? Ужели всегда? И что приобретет от здешней жизни? Желать разрешиться от нее, по моему мнению, есть первое и вернейшее благо, и свойственно человеку – подлинно здравомыслящему и умному. Но нам, когда мы – в опасности утратить спасение души, души блаженной и бессмертной, которая будет вечно или наказываема за порочность, или прославляема за добродетель, – какой предлежит подвиг, и какие нужны сведения, чтобы хорошо и других уврачевать и самим уврачеваться, чтобы исправить образ жизни и плоть покорить духу? Ибо не одинаковы понятия и стремления у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселого и печального, у больного и здорового, у начальников и подчиненных, у мудрых и невежд, у робких и смелых, у гневливых и кротких, у стоящих твердо и падающих. А если еще разберем подробнее, – то какое различие между вступившими в супружество и безбрачными! И у последних опять – между пустынножителями, между находящимися в общежитиях и между остающимися в мире! Между опытными и преуспевшими в созерцании и

между теми, которые просто исполняют должное! Между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми делом и живущими праздно, между потерпевшими измену счастья и благоуспешными, не встречавшими неудач! Все таковые различаются между собой желаньями и стремлениями – иногда более, нежели сколько они различны по телесному виду, или (если угодно) по сочетанию и растворению стихий, из которых мы состоим; и потому нелегко за ними наблюдать. Но как телам даются неодинаковые лекарство и пища, – иное пригодно здоровому, иное – больному; так и души врачуются различным образом и способом. Свидетели такового врачевания – сами болящие. Одних наставляет слово, другие исправляются примером. Для иных нужен бич, а для других – узда; ибо одни ленивы и неудобоподвижны к добру, и таких должно возбуждать ударами слова; другие сверх меры горячи духом и неудержимы в стремлениях, подобно молодым, сильным коням, бегущим дальше цели, и таких может исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для одних полезна похвала, для других – укоризна, но и та и другая – вовремя; напротив, без времени и без основания они вредят. Одних исправляет увещание, других – выговор, и последний – или прилюдно, или после тайного вразумления. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумлениями, сделанными наедине, но приходят в чувство, если укорят их при многих; другие же при гласности обличений теряют стыд, но их смиряет тайный выговор, и за такое снисхождение к себе воздают они благопокорностью. Иные, возгордясь мыслью, что дела их тайны, о чем они и заботятся, считают себя умнее других, и в таких надобно тщательно наблюдать все, даже самые маловажные, поступки; а в других лучше ничего не замечать, и, как говорится, видя не видать, слыша не слышать, чтобы, подавив их ревностью обличений, не возбудить к упорству и, напоследок, не сделать дерзновенными на все, истребив в них стыд – это средство ко внушению покорности. Иногда нужно гневаться не гневаясь, оказывать презрение не презирая, терять надежду не отчаиваясь, сколько этого требует свойство каждого; других должно врачевать кротостью, смирением и соучастием в их лучших о себе надеждах. Одних полезно побуждать, от других часто полезнее быть самому побужденным, и хвалить или осуждать должно – у иного недостаток и могущество, а у иного нищета и расстройство дел. Ибо наше врачевание не таково, каковы добродетель и порок, из которых первая всегда и для всех всего лучше и полезнее, а последний всего хуже и вреднее; у нас одно и то же, например, – строгость или кротость, а равно и прочее, мной перечисленное, не всегда даже для одних и тех же оказывается или самым спасительным, или

опасным. Напротив, для иных хорошо и полезно одно, а для иных другое, первому противное, – сообразно тому, думаю, как требуют время и обстоятельства, и как допускает нрав врачуемого. Хотя сколько бы кто ни употреблял старания и ума, невозможно всего изобразить словом и обнять мыслью в такой подробности, чтобы вкратце был виден весь ход врачевания; однако же, на самом опыте и на деле делается то известным из врачебной науки и врачу. Вообще же известно нам, что как для холящего по высоко натянутому канату небезопасно отклоняться в стороны, и малое, по-видимому, отклонение влечет за собой большее, безопасность же его зависит от равновесия; так и в нашем деле, кто, по худой жизни или по невежеству, отклоняется в ту и другую сторону, для того очень опасно, что и сам он впадет в грех и вовлечет в него управляемых. Напротив, должно идти самым царским путем и остерегаться, чтобы, как сказано в Притчах, «не уклониться ни направо, ни налево» ([Притч.4:27](#)). Таково свойство наших немощей и от этого столько труда доброму Пастырю, обязанному хорошо знать души своих пасомых, и быть вождем их по закону прямого и справедливого пастырства, которое было бы достойно истинного нашего Пастыря.

Что же касается самого раздаяния слова (скажу напоследок о том, что составляет первую нашу обязанность, и понимаю слово Божественное и высокое, о котором ныне все любомудрствуют); то, ежели кто другой приступает к делу этому с дерзновением, и почитает его доступным для всякого ума, – я дивлюсь многоумию (чтобы не сказать: малоумию!) такого человека. Для меня кажется непростым и немало духа требующим делом – каждому «давать в свое время меру хлеба» ([Лк.2:42](#)) слова, и с рассуждением вести домостроительство истины наших догматов, то есть нашего любомудрого учения о мирах или мире, о веществе, о душе, об уме и умных существах, как добрых, так и злых, о Промысле, все связующем и распоряжающемся всеми событиями, как согласными с разумом, так, по-видимому, и противоречащими должному – человеческому уму; также о первоначальном нашем устройстве и о последнем воссоздании, о преобразованиях и истине, ими прообразуемой, о Заветах, о первом и втором Христовом пришествии, о воплощении, страданиях и смерти Христовой, о воскресении, о кончине мира, о суде и воздаянии – и грозном и сладком; а что главное, о том, чему должно верить – о начальной, царственной и блаженной Троице. В этом догмате для обязанных просвещать других – всего опаснее, чтобы нам, из опасения многобожия, заключив Божество в одну Ипостась, не оставить в учении своем одних голых имен, признав за одно Отца и Сына, и Святого Духа, а также, через

уклонение в противное, разделив Божество на трех или разнородных и друг другу чуждых, или неподчиненных и безначальных, так сказать, противоположных Богов, не впасть в равное первому зло, подобно тому, что бывает с кривым деревом, которое чрезмерно гнут в противную сторону. А как ныне в учении о Боге – три недуга: безбожие, иудейство и многобожие, и из них защитником первого Ливийский Савеллий, второго – Александрийский Арий, а третьего – некоторые из числа чрезмерно у нас православных; то какое же мое учение? Избегая всего, что есть вредного в этих трех ложных учениях, держаться в пределах благочестия. И, во-первых, не увлекаться в безбожие Савеллия, следуя его новому разложению и сложению, по которому, либо утверждают не столько то, что «Ипостаси» суть одно, сколько то, что каждая – ничто (ибо выступающее из себя и переходящее взаимно друг в друга перестает уже быть тем, чем оно есть); либо воображают и составляют себе какого-то сложного и странного Бога, подобного баснословным животным. Во-вторых, не уклоняться в иудейскую скудость, рассекая естества с Ариевым, справедливо так называемым, умоисступлением, и не приписывать Божескому естеству зависти, ограничивая Божество одним Нерожденным, как бы из опасения, чтобы Бог не потерпел ущерба будучи Отцом истинного и равночестного по естеству Бога. Наконец, – не вводить избегнутого уже нами языческого многоначалия, и трех начал, как одного другому не противопоставлять, так и одного с другим не сопоставлять. Не должно быть такими любителями Отца, чтобы даже отнимать у Него отечество; ибо чьим был бы Он Отцом, если бы Сын или наравне с тварью был отделен от Него и разъединен с Ним по естеству (потому что чуждое уже не Сын), или был смешан и слит с Отцом, и, что тоже значит, сливал Его с Собой? Не должно быть и такими любителями Христа, чтобы у Сына не оставлять даже сыновства (ибо чьим был бы Он Сыном, если бы не имел началом Отца), а у Отца не оставлять преимущества – быть началом, принадлежащего Ему, как Отцу и Родителю. Ибо Отец был бы началом чего-то низкого и недостойного, или, вернее сказать, началом в низком и недостойном смысле, если бы не был началом Божества и благодати, созерцаемой в Сыне и в Духе Святом, – в первом, как в Сыне и в Слове, а в другом, как в исходящем и неразрешаемом Духе. Обязательно нужно как соблюсти единство Божие, так и исповедовать три Ипостаси, притом – каждую с личным Ее свойством.

Чтобы достаточно и соответственно достоинству предмета уразуметь и изложить это, – для того потребно слово более продолжительное, нежели каково настоящее время, и даже думаю, какова настоящая жизнь. Особенно

же, как ныне, так и всегда, потребен для этого Дух, при одном содействии Которого и можно только о Боге и мыслить, и говорить, и слушать. Ибо к чистому должно прикасаться одно чистое и ему подобное. Теперь же кратко упомянул я об этом, с той целью, чтобы видно было, как трудно беседующему о таких предметах, особенно в многочисленном собрании людей всякого возраста и разных способностей, которое, подобно многострунному органу, требует неодинаковых ударений, трудно, говорю, найти слово, которое бы всех наставляло и озаряло светом знания. Трудно уже и потому, что, как опасность с трех сторон, то есть, от мысли, слова и слуха, то невозможно не преткнуться, если не во всем, по крайней мере в чем-либо одном. Ибо если ум не просвещен, или слово слабо, или слух не очищен, и потому не вмещает слова; от одной из этих причин так же, как и от всех, всегда хромает истина. Но трудно еще и потому, что здесь обращается во вред и опасность то самое, что для обучающихся чему-либо другому содействует учение весьма легким и удобоприемлемым, т.е. заботливость слушателей о благочестии. Ибо они, как идущие на подвиг за учение о Боге – Существе Высочайшем, и о своем спасении – первейшей для всех надежде, чем горячее в вере, тем с большим упорством внимают слову, почитая покорность ему не благочестием, но изменой истине, и скорее готовы отказаться от всего, нежели от своих мыслей, с которыми пришли, и от привычки к догматам, в которых воспитаны. И замечу еще, что это – недуг людей более умеренных и не совершенно худых, которые, хотя грешат против истины, однако же, как подвергающиеся этому из заботливости о благочестии и имеющие ревность, только не по разуму, может быть, и не так строго будут осуждены, и не так сильно наказаны, как отпадающие от воли Господней по злонравию и лукавству. Даже они со временем могут еще переувериться и перемениться по той же заботливости о благочестии, по которой они противились; ежели только коснется их слово, и, как железо в кремень, или внутренне или внешним образом, произведет благовременный удар в их оплодотворенное уже и достойное света разумение, в котором от малой искры весьма скоро может воссиять светильник истины. Но что сказать о людях, которые из-за тщеславия или любоначалия «разглашают клевету» ([Пс.72:8](#)), с велеречием какого-нибудь Ианния или Иамврия вооружаются не против Моисея, но против истины, и восстают против здравого учения? Что сказать о третьем роде людей, которые, из-за невежества и вследствие его – дерзости, с жадностью, как свиньи, кидаются на всякое учение и попирают прекрасный бисер истины? Или о всех тех, которые не имеют у себя ни собственного мнения, ни какого-либо образца, худого или доброго, для

учения о Боге, но готовы слушать всякое учение и всякого учителя, чтобы из всего выбрать лучшее и безопаснейшее, и такой выбор доверяют самим себе – худым судьям истины; а потом, переходя и возвращаясь от одной вероятности к другой, нагруженные и подавленные учениями всякого рода, переменяя многих учителей и многие писания разбросав легкомысленно, как пыль на ветер, когда утомится и слух, и ум (какое безрассудство!), начинают выказывать одинаковое отвращение ко всякому учению и приобретают губительную привычку – осмеивать и презирать саму веру нашу, как нечто нетвердое и не имеющее в себе ничего здравого, делая невежественное заключение от учащих к учению, подобно такому человеку, который, имея воспаленные глаза или поврежденные уши, винит солнце или звуки, – первое, что оно темно и не блещет, а последние, что они слабы и беззвучны? Поэтому-то легче вновь запечатлеть истину в душе, которая подобна еще неисписанному воску, нежели по старым письменам, то есть, после принятых худых правил и догматов, писать слово благочестия, в каком случае оно сливается и смешивается с первыми. Правда, что лучше идти по гладкой и битой дороге, нежели по шероховатой и непротопанной, и легче пахать землю, которую неоднократно резал и умягчал плуг; однако же, лучше писать на Душе, которую не изборозило еще угодное учение и на которой не врезались глубоко начертания порока. Иначе у благочестивого и хорошо пишущего будут два дела – изгладить прежние изображения, и на их место написать лучшие и достойные сохранения. Столько в нас от лукавого лукавых образов и начертаний относительно как прочих видоизменений (πάθη) души, так и самого слова; и столько-то трудов для того, кому вверено это детоводительство душ и попечение о них! Но еще большего не коснулось мое слово, чтобы не сделаться обширнее надлежащего.

Если бы кто захотел укротить и сделать ручным многовидного и многообразного зверя, составленного из многих, больших и малых, кротких и свирепых зверей, то, без сомнения, потребовалось бы много труда и усилий, чтобы управлять таким с разными свойствами чудовищным существом; потому что не все звери любят одинаковые звуки голоса, пищу, ласки, свист и другие способы ухода за ними; напротив, для одних приятно и неприятно одно, а для других – другое, по природе и привычке каждого. Что же надлежало бы делать зрителю такого зверя? Конечно, если хочет хорошо управиться со зверем и соблюсти его, то приобрести для этого многосторонние и разнообразные сведения и употреблять уход, подобающий каждому «свойству зверя». Так, поскольку общее тело Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому

существу, слагается из многих и различных нравов и умов, то Предстоятелю совершенно необходимо быть вместе как простым, относительно к правоте во всем, так, насколько можно более, многосторонним и разнообразным для приличного со всяким обращения, а равно – способным к полезной со всяким беседе. Ибо одни, по способностям младенцы и, можно сказать, еще не окрепшие, требуют себе в пищу молока, то есть самых простых и первоначальных уроков, и не могут принимать словесной пищи, приличной мужу. А если бы кто предложил им такую не по силам пищу, то, вкусив и отяжелев (когда ум, как тело младенца, недостаточен еще к тому, чтобы переварить и усвоить принятое), они понесли бы ущерб даже в прежней своей силе. Другие же, достаточно обучившие чувства к различению истинного и ложного, имеют нужду «в мудрости, проповедуемой между совершенными» ([1Кор.2:6](#)), и в пище высшей и более твердой. А если бы стали поить их молоком и кормить растениями – пищей слабых, то они совершенно по праву огорчились бы тем, что их не укрепляют во Христе, не дают им возрастая достойным похвалы возрастанием, какое производится словом, которое хорошо вскармливается им превращает в мужа и приводит в меру духовного возраста. Но кто же имеет достаточные к тому силы? Мы не способны управлять словом истины и мешать вино с водой, то есть учение, веселящее сердце человеческое, с учением пошлым, дешевым, влачимым по земле, пропадающим и текущим понапрасну, как делают многие. Они, чтобы от такого руководства получить и себе прибыль, беседуют с приходящими о том и о другом, так и иначе, в угождение всякому, подобно каким-нибудь чревовещателям и суесловам, для собственной своей забавы употребляют слова, из земли исходящие и в землю уходящие, как будто тем больше они прославляются в народе, чем больше вредят себе и губят себя, проливая кровь неповинную самых простых душ, которая будет взыскана от рук наших. Напротив, знаем, что лучше другим искуснейшим вручить бразды правления над собой, нежели быть несведущими правителями других, что лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать ненаученный язык. Посоветовавшись об этом с самим собой (может быть, и не худым советчиком, а если и не так, то, по крайней мере, доброжелательным), я рассудил, что незнающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно делать, лучше учиться, нежели не зная учить. Ибо счастлив тот, до кого хотя в глубокой старости дойдет старческое слово, которое может принести пользу душе, еще юной по благочестию. А поэтому брать на себя труд – учить других, пока сам еще не научился достаточно, а по пословице, на большом глиняном сосуде

учиться делать горшки, то есть, над душами других упражняться в благочестии, по моему мнению, свойственно только людям крайне неразумным и дерзким, – неблагоприятным, если они не чувствуют своего невежества, – дерзким, если, сознавая его, отваживаются на дело.

Мудрейшие из евреев говорят, что у них в древности был один особенно прекрасный и похвальный закон, по которому не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу Писания. Ибо чтение это не было бы и полезно; потому что не всякая книга всякому с первого начала вразумительна, а заключающая в себе более глубокий смысл даже может многим, по своему внешнему смыслу, обратиться в большой вред. Напротив, книги, которые и по внешнему смыслу назидательны, были с самого начала открыты всякому и находились в общем употреблении; а книги, которые под неважной оболочкой скрывают таинственную красоту – награду напряженных исканий и светлой жизни, – сияющую и удобосозерцаемую только для имеющих очищенный ум, доверяемы были уже переступившим двадцатипятилетний возраст, потому что в этом только возрасте человек может стать выше чувственного и с успехом восходить от написанного к духу. Но у нас между временем, когда учить и когда учиться, нет никакого предела, подобного камням, поставленным издревле между коленами за Иорданом и коленами по эту сторону Иордана. У нас не дано дозволений одним на то, другим на другое, и не существует никакого правила относительно способностей; напротив, все это оставлено без внимания и слито. И мы так худо поступаем, что большая часть из нас (чтоб не сказать все) почти прежде, чем острижем у себя первые волосы и оставим детский лепет, прежде нежели войдем во двory Божии, узнаем наименования Священных Книг, научимся распознавать письма и писателей Ветхого и Нового Завета (не говорю: прежде нежели омоем душевную нечистоту и гнусность, какими покрыл нас грех), если только затвердим два или три слова о благочестии, и то понаслышке, а не из книги, если хоть немного ознакомимся с Давидом, если умеем ловко надеть плащ или до пояса походить на философа (о чудное председательство и велемудрие! конечно, Самуил священ и в пеленах!): мы уже и мудры, и учителя, и высоки в божественном, первые из книжников и законников, сами себя посвящаем в небесные, желаем «называться учителями», нимало не смотрим на букву, все хотим разуместь духовно (сколько грез! какое обширное поле пустословия!); и мы стали бы негодовать, если бы нас не очень хвалили. Таковы те из нас, которые еще скромнее и проще других, каковы же более духовные и благороднейшие? Они, если заблагорассудится им, подвергнут нас многим осуждениям и

испытаниям и поставив ни во что, удаляются от нас, с презрением даже к сообществу с нами, как с людьми неблагочестивыми. Но если, обратясь к кому из них, спокойно и в логическом порядке спросим так: скажи мне, дивный муж, ты считаешь за что-нибудь пляску и игру на свирели? – ответят может быть: конечно, почитаем. А также считаешь за что-нибудь мудрость и быть мудрым, то есть, как мы полагаем, иметь ведение о божественном и человеческом? И в этом уступят нам. Что же назовешь лучшим и высшим? Пляска ли и игра выше мудрости, или мудрость несравненно выше этих искусств? Хорошо знаю, они будут настолько добросовестны, что даже скажут: мудрость выше и всех искусств. Но для пляски и игры на свирели есть науки, и им учатся, и на то нужны время, непрерывные труды и усилия, иногда надобно тратить деньги, приискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать дальние путешествия, а также делать и терпеть все, чем приобретается опытность. А мудрость, которая все превосходит и заключает в себе все блага в совокупности (так что самому Богу, хотя Он имеет многие наименования, угоднее зваться Премудростью, нежели другим каким именем), ужели почтем для себя столь легким и незатруднительным делом, что всякому стоит только захотеть, и будет мудрым? Большое невежество – так думать! Но если мы (или кто другой учение и умнее нас) начнем говорить с ними таким образом, чтобы понемногу рассеять их заблуждение; то все это будет то же, что и сеять на камне, или говорить в уши глухому. Так мало в них мудрости даже на то, чтобы сознавать свое невежество. И мне кажется, прилично сказать о них Соломоново слово: «есть зло, которое видел я под солнцем, видел человека, мудрого в глазах своих» ([Еккл.10:5](#); [Притч.26:2](#)), и что еще хуже, получившего право учить других, когда не чувствует собственного невежества. Если какой недуг, то этот именно, достоин слез и смирения. И я неоднократно жалел об этом, хорошо зная, что самомнение отнимает у человека большую часть того, что он собой представляет, и что тщеславие бывает для людей величайшим препятствием к добродетели. А излечить и остановить болезнь могут разве Петр или Павел – великие ученики Христовы, которые, со властью управлять словом и делом, получили дар благодати, и были всем для всех, да всех приобрящут. Для нас же, прочих людей, немаловажно, если будем хорошо управляемы и руководимы теми, кому вверено исправление таких дел и распоряжение ими.

Но поскольку упомянул я о Павле и о подобных ему, то, если угодно, оставив всех прочих, кто только сделался знаменитым – или как законодатель, или как пророк, или как военачальник, или как

заведовавший другой какою-нибудь частью общественного благоустройства, не говоря, например, о Моисее, Аароне, Иисусе Навине, Илие, Елисее, Судиях, Самуиле, Давиде, о всем сонме Пророков, об Иоанне, о двенадцати учениках и их преемниках, из которых каждый со многими трудами и усилиями проходил в свое время звание начальника; умолчав обо всех них, одного Павла представлю свидетелем моего слова, чтобы из его примера видеть, что значит иметь попечение о душах, и кратковременных ли занятий, малых ли требует это сведений! А чтобы удобнее это узнать и понять, послушаем, что говорит о Павле сам Павел.

Не буду говорить о его трудах, бдениях, страхах, злостраданиях от голода, жажды, холода и наготы, о злоумышлениях против него неверных, о противодействиях ему верных. Умалчиваю о гонениях, сонмищах, темницах, узах, обвинителях, судилищах, ежедневных и ежечасных смертях, о корзине, о метаниях камнями, о биениях палками, о странствовании, об опасностях и на суше, и на море, и во глубине морской, о кораблекрушениях, об опасностях на реках, об опасностях от разбойников, от сродников, об опасностях лжебратства, о пропитании трудами рук своих, о бескорыстном благовестовании, о том, как Павел был образцом для ангелов и людей, когда, стоя между Богом и людьми, за людей подвизался и к Богу приводил и присоединял народ избранный. Кроме этих внешних подвигов, кто должным образом опишет ежедневную его попечительность, сердобольность, заботливость обо всех церквах, ко всем сострадательность и братолюбие? Претыкался ли кто, – и Павел чувствовал немощь. Другой соблазнялся, а Павел приходил в воспламенение. А его неутомимость в учении, разнообразие способов врачевания, – то человеколюбие, то опять строгость, то смешение и растворение и человеколюбия и строгости; так что ни кротостью не расслабляет, ни суровостью не ожесточает! Он излагает законы рабам и господам, начальникам и подчиненным, мужам и женам, родителям и детям, супружеству и безбрачию, воздержанию и роскоши, мудрости и невежеству, обрезанию и необрезанию, Христу¹⁰ и миру, плоти и духу. За одних благодарит, других укоряет, одних именует своей радостью и венцом, других обличает в безумии. Кто ходит прямо, тем сопутствует и соусердствует, а кто ходит криво, тех останавливает.

Он то отлучает, то утверждает любовь ([2Кор.2:8](#)), то плачет, то веселится, то поит молоком, то касается тайн, то снисходит, то ведет с собой на высоту, то угрожает палицею ([1Кор.4:21](#)), то объемлет духом кротости, то возносится с высокими, то смиряется с смиренными. Иногда он – меньший из апостолов, а иногда обещает представить доказательство,

что в нем глаголет Христос. Иногда желает отойти и «становится жертвой» ([2Тим.4:6](#)); иногда признает более нужным для верующих – пребывать ему во плоти. Ибо ищет не собственной пользы, но пользы чад, которых родил во Христе благовествованием, – такова цель и всякого духовного начальства, – во всем презирать свое для пользы других! Павел хвалится немощами и скорбями; как бы некоторым убранством, украшается мертвенностью Иисусовой; он высок и по плоти, но радуется духовным дарам; он не невежда в познании, хотя говорит о себе, что видит сквозь тусклое стекло и гадательно. Бодр духом и изнуряет тело, истощая его, как противника, а вместе не учит ли и не вразумляет ли тем и нас, не превозноситься земным, не кичиться ведением, не восстанавливать плоть против духа? Он за всех ратоборствует, за всех молится, обо всех ревнует, за всех воспламеняется, – и за тех, которые вне закона, и за тех, которые под законом; он проповедник язычников, защитник иудеев. Он дерзал и на нечто большее за братьев своих по плоти (о если бы и мне говорящему это дерзнуть на нечто подобное!). Павел молит из-за любви своей к братьям, чтобы они вместо него приведены были ко Христу. Какое величие души, какая горячность духа! Он подражает Христу, бывшему за нас клятвой, воспринявшему на себя наши немощи, понесшему наши болезни, или, скажу скромнее, он первый после Христа не отрекается страдать за иудеев, и притом как нечестивый, только бы они спаслись. Но к чему перечисляю подробности? Живя не для себя, но для Христа и для проповеди, распяв себе мир и распявшись миру и всему видимому, Павел все считает мало важным и низким для своего желания, хотя «от Иерусалима и окрестностей даже до Иллирика исполнит благовествование» ([Рим.15:19](#)), хотя восхищен будет до третьего неба, сделается зрителем рая и услышит произнесенные для нас слова.

Таков Павел, таков всякий подобный ему духом! Но мы боимся, чтобы в сравнении с ними не быть «юродивыми князьями Цоанскими» ([Ис.19:11](#)), «или приставниками пожинающими», или ложно «ублажающими народ», прибавлю даже, ублажаемыми, «и путь стезей ваших испортившими» ([Ис.3:12](#)), или «ругателями господствующими», или начальниками юными, несовершенными умом и не имеющими столько пищи и одеяния, чтобы предводительствовать каким ни есть числом людей ([Ис.3,4–7](#)), или «пророками-лжеучителями» ([Ис.9:15](#)), или «князьями-законопреступниками» ([Ис.1:23](#)), которые вместе с отеческими постановлениями достойны злоречия во время жестокого голода ([Ис.8:21](#)), или священниками весьма далекими от того, чтобы «говорить к сердцу Иерусалима» ([Ис.40:2](#)), так как за все это сильно порицает и обличает

очищенный Серафимом и углем Исаия. И так, ужели, хотя дело это так важно и так многотрудно для сердца чувствительного и скорбного, хотя оно действительная «гниль для костей» ([Притч.14:30](#)), даже для человека с умом, – однако, опасность не велика, и последствия не заслуживают внимания?

Но на меня наводят великий страх, с одной стороны, блаженный Осия, когда говорит, что нас, священников и начальников, ожидает «суд, потому что были западнею в Массифеи, сетью, раскинутой на фаворе» ([Ос.5:1–2](#)), воткнутой ловцами душ человеческих, и угрожает «пожаты» непотребных пророков ([Ос.5:6](#)), истребить «огнем судей их» ([Ос.7:7](#)), удержаться на время, «чтобы ставить царей и князей» ([Ос.8:10](#)), потому что они царствовали сами собой, а не Богом ([Ос.8:4](#)), а с другой стороны, божественный Михей, который не терпит, чтобы «Сион созидаем был кровью», чьею бы ни было, «и Иерусалим неправдой», чтобы «главы его за подарки судили, священники учили за плату, и пророки предвещали за деньги» ([Мих.3:10–11](#)). И чем угрожает за это? «Сион распахан будет как поле, Иерусалим сделается грудой развалин, и гора дома этого будет лесистым холмом» ([Мих.3:12](#)). Оплакивая же такое оскудение добрых правителей, что едва остается где колос или стебель, когда и князь просит и судья говорит из угождения, и восклицая почти следующими словами великого Давида: «спаси меня, Господи, ибо не стало праведных» ([Пс.11:1](#)). Пророк возвещает, что за это оскудеют у них блага, как бы «поядаемые молью» ([Мих.7:4](#)). А Иоиль заповедует нам плач, он хочет, чтобы «служители алтаря рыдали» ([Иоил.1:13](#)) в тяжкое время голода; он вовсе далек от того, чтобы дозволить нам роскошь среди бедствия других, не только повелевает «назначить пост, проповедать цельбу, собрать старцев и младенцев» ([Иоил.2:15–16](#)) – эти жалкие возрасты, но требует, чтобы священники шли в храм в пепле и вретисах, с глубоким смирением поверглись на землю, «ибо опустошены поля» ([Иоил.1:10](#)) от бесплодия, «прекратилось приношение и возлияние в доме Господнем» ([Иоил.1:9](#)), и таким унижением привлекли милость. А что скажет Аввакум? Его речь пламеннее, он с негодованием обращается к самому Богу и как бы вопиет на Владыку Христа за неправду судей, говоря: «Доколе, Господи, я буду взывать, и Ты не услышишь, буду вопить к Тебе о насилии, и Ты не спасешь? Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия? Грабительство и насилие передо мной, и восстает вражда и поднимается раздор. От этого закон потерял силу, и суда правильного нет: так как нечестивый одолевает праведного, то и суд происходит превратным» ([Авв.1:2–4](#)). Потом у Пророка угроза и следующие слова: «посмотрите и

внимательно взгляните, и вы сильно изумитесь; ибо я сделаю дело» ([Авв.1:5](#)). Но нужно ли приводить все слова угрозы? Напротив, по моему мнению, лучше присовокупить к сказанному, как Аввакум, вызвав сперва на среду и оплакав многих учинивших что-либо несправедливое и худое, вызывает, наконец, начальников и учителей злонравия, называя порок «развращением мутным», опьянением и заблуждением ума, и говорит, что через них напиваются этим ближние, «как взирают» ко тьме душ своих и «пещерам» гадов и зверей, то есть, обиталищам худых помыслов ([Авв.2:15](#)).

Таковы перечисленные мной Пророки, и такие они предлагают нам наставления. Но справедливо ли будет оставить без внимания Малахию, который в одном месте жестоко обвиняет и укоряет священников, что «презирают имя» Господне ([Мал.1:6](#)), и между прочим присовокупляет, что «приносят на жертвенник нечистый хлеб» ([Мал.1:7](#)), жертвуют не из первого урожая, – что, каких даров не принесли бы ни одному из начальников, или какие принеся, себя бы обеславили, такие дары, то есть хромое, недужное, растленное и вовсе нечистое и презренное, приносят Царю всяческих, когда дают обеты; а в другом месте напоминает завет Божий с левитами – «завет жизни и мира», завет – «боязнью бояться» Господа, и от лица перед «именем Его благоговеть» ([Мал.2:5](#)). «Закон истины», говорит Пророк о Левите, «был в устах его, и неправда не обреталась на языке его: в мире и правде он ходил со Мной и многих отвратил от греха. Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его». И какая высокая, а вместе и страшная тому причина! – «ибо он вестник Господа Вседержителя есть» ([Мал.2:6](#)). Отказываюсь повторять то, что есть укоризненного в следующих за этим клятвах, – я страшусь истины, но приведу, что легче выговорить, а вместе и полезно. Пророк, как бы с особенным негодованием, и отвергая их священнодействия по причине их развращения, говорит, «что Он уже не призывает более на приношение и не принимает умиловительной жертвы из рук ваших» ([Мал.2:13](#)).

Как скоро вспоминаю о Захарии, трепещу его серпа, а равно и всего, что свидетельствует он против священников. Но что открывает он о знаменитом Иисусе, великом Иерее, которого, изобразив сперва облеченным в ризу гнусную и неприличную, облакает потом в ризу священническую и светлую, а также и то, что говорящим и заповедующим Иисусу представлен у него ангел, – да почтено будет молчанием, как важнейшее и, может быть, настолько высокое, что должно быть относимо не ко многим священникам. Впрочем, то обстоятельство, что и «по правую

руку» этого Иисуса «стоял сатана, чтобы противодействовать ему» ([Зах.3:2](#)), по моему мнению, немаловажно и должно внушать немалый страх и осторожность. У кого же будет столько дерзости и такое алмазное сердце, чтобы, слыша, как Пророк с настойчивостью обличает и укоряет других пастырей, не вострепетать и не смириться в себе самом? «Слышен голос плачущих пастырей, потому что опустошено приволье их», говорит он, «слышно рыкание львов» ([Зах.11:3](#)), потому что они настолько пострадали. Захария почти слышит сами рыдания, как бы уже настоящие, и плачет вместе с бедствующими. А через несколько слов говорит еще разительнее и сильнее: «Пасите овец, обреченных на заклание, которых купившие убивают ненаказанно, а продавшие говорят: благословен Господь, я разбогател!», и пастухи их не жалеют о них. Ибо «я не буду миловать жителей земли сей, говорит Господь Вседержитель» ([Зах.11:4–6](#)). И еще, простирая угрозы вместе и на начальников народа, говорит: «О, меч! поднимись на пастырей, порази пастырей, и рассеются овцы! И я обращу руку Мою на пастырей» ([Зах.13:7](#)), – «на пастырей воспылал гнев Мой, и агнцев я накажу» ([Зах.10:3](#)). С такой ревностью продолжает он речь и не может удержаться от угроз; почему и опасаясь, чтобы, повторяя их по порядку, и мне не возбудить против себя ненависти.

Но так говорит Захария; о старцах же, упоминаемых у Даниила, умолчим, ибо хотелось бы умолчать. Умолчим и о том, что справедливо сказано и засвидетельствовано о них Владыкой: «что беззаконие вышло из Вавилона от старейшин-судей, которые казались управляющими народом» ([Дан.13:5](#)). Как без страха выслушаем Иезекииля, этого наблюдателя и истолкователя великих тайн и видений? Как выслушаем заповедуемое им «стражам – не молчать» о беззаконии, и о «грядущем на него мече» ([Иез.33:6](#)); потому что это не принесет пользы ни им, ни согрешающим, напротив, предусмотреть и предвестить полезно или тем и другим, когда одни скажут, а другие выслушают, или, без всякого сомнения, возвестившим? Как примем и другое его нападение на пастырей, то в следующих словах: «беда пойдет за бедою и весть за вестью, и будут просить у пророка видения, и не станет учения у священника, и совета у старцев» ([Иез.7:26](#)); то еще в следующих: «Сыне человеческий, скажи ему: ты – земля неочищенная, не орошаемая дождем в день гнева! Заговор пророков ее среди нее – яко лев рыкающий, терзающий добычу, души съедают насилием» ([Иез.22:24–25](#)), и через несколько слов: «священники ее нарушают закон Мой и оскверняют святыни Мои, не отделяют святого от несвятого», но все для них было одинаково, «и от суббот Моих они закрыли очи свои, и Я уничижен у них» ([Иез.22:26](#))? Пророк угрожает

разрушить «стену и обмазывающих ее грязью» ([Иез.13:15](#)), то есть, и тех, которые грешат, и тех, которые прикрывают грехи, что делают худые правители и священники, обольщающие дом Израилев, по внушению сердец своих, преданных похотям своим. Умолчу, что говорит он о тех, которые «пасут самих себя, млеко едят, волной одеваются, откормленных заколают, а овец не пасут, изнемогшего не поднимают, пораненного не перевязывают, заблуждающего не возвращают, потерянного не ищут», и «крепкого» не сберегают, но «оскорбляют трудом», и стараются погубить; от этого овцы рассыпались по всем полям и горам «без пастырей», и сделались добычею всякой птицы и всякого зверя, «и никто не разведывает о них, и никто не ищет их» ([Иез.34:2–6](#)). Что же потом? Сказано: «живу Я, говорит Господь Бог, за то, что» так делалось «и оставлены стада Мои на расхищение» ([Иез.34:8](#)): вот «Я на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их» ([Иез.34:10](#)); овец соберу и соблюду, а пастыри понесут различные наказания, каких стоят худые пастыри.

Но чтобы не продлить слова, перечисляя всех Пророков и все, что сказано у каждого, обойду молчанием прочих, а упомяну только об одном, который «познан» еще до рождения и «освящен» в утробе матери ([Иер.1:5](#)), – это Иеремия. Он просит «голове воду и глазам источник слез», чтобы оплакать, как должно, Израиля ([Иер.9:1](#)). А не менее того оплакивает он злонравие предстоятелей. Бог, в обличение священников, говорит ему: «Священники не говорили: «где Господь?» и учителя закона не знали Меня, и пастыри отпали от Меня» ([Иер.2:8](#)). А потом говорит сам Пророк: «Пастыри сделались бессмысленными и Господа не искали, а потому и они поступали безрассудно, и все стадо их рассеяно» ([Иер.10:21](#)). «Множество пастухов испортили Мой виноградник, истоптали ногами участок Мой; любимый участок Мой сделали пустою степью» ([Иер.12:10](#)). После этого снова обращает укоризну на самих пастырей: «Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей! Поэтому так говорит Господь к пастырям, пасущим народ Мой: вы рассеяли овец Моих, и разогнали их, и не смотрели за ними, и Я накажу вас за злые деяния ваши» ([Иер.23:1–2](#)). Иеремия хочет, чтобы воскликнули «пастухи, и восплакали вожди стада, ибо исполнились дни их для заклания» ([Иер.25:34](#)).

Но для чего повторять мне ветхозаветное? Кто, проверив сам себя по правилам и определениям, какие Павел постановил для епископов и пресвитеров, а именно; быть «трезвыми, целомудренными, не пьяницами, не бийцами, назидательными», во всем неукоризненными и неприкосновенными ни к чему худому ([1Тим.3:2–3](#)), – кто, говорю, не

найдет себя сильно уклонившимся от правоты правил? А какие законы дает Иисус ученикам, посылая их на проповедь? Существенное в них, не говоря о подробностях, состоит в том, чтобы ученики таковы были по добродетели, так благоустроены и ответственны своему званию, и, если должно выразиться короче, столько небесны, что благовествование не менее бы распространялось посредством их жизни, как и посредством слова. Но меня приводят в страх и укоряемые фарисеи и обличаемые книжники. Мы, если желаем небесного царства, по заповеди обязаны намного превосходить их в добродетели; а потому нам будет стыдно перед ними, если окажемся хуже их по своим порокам и услышим справедливые себе укоризны: змеи, порождения ехидны, «вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие, гробы внутри полные скверны, а извне благоукрашенные, по одной внешности чистые блюда», и другие подобные наименования, какие заслужили и получили фарисеи и книжники ([Мф.23:24–33](#)). Такие мысли не оставляют меня день и ночь, сушат во мне мозг, истощают плоть, лишают бодрости, не позволяют ходить с поднятыми высоко взорами. Это смиряет мое сердце, сокращает ум, налагает узы на язык и заставляет думать не о начальстве, не об исправлении и назидании других (что требует избытка дарований), но о том, как самому избежать грядущего гнева и сколько-нибудь стереть с себя ржавчину пороков. Надобно прежде самому очиститься, потом уже очищать; умудриться, потом умудрять; стать светом, потом просвещать; приблизиться к Богу, потом приводить к Нему других; освятиться, потом освящать. Руководителю необходимы руки; советнику потребно благоразумие.

Когда же это будет? – скажут скорые на все и ни в чем нетвердые, легко созидающие и разрушающие. Когда свеча поставится на подсвечник, и на что употребится талант, то есть дар? – скажут ревностнейшие к дружбе, нежели к делу благочестия. Когда это будет, и какой дам на это ответ вам, преименитые? В таком деле и глубокая старость – не долговременная отсрочка. Ибо седина с благоразумием – лучше неопытной юности, рассудительная медлительность – неосмотрительной поспешности, кратковременное царствование – продолжительного мучительства, подобно как малая доля драгоценности предпочтительнее обладания многим, не имеющим цены и прочности, небольшое количество золота – многих талантов свинца, малый свет – великой тьмы. А что касается поспешности, поползновенности и излишней ревности, – опасно, чтобы они не уподобились или тем семенам, который пали на камни и, будучи неглубоко в земле, тотчас взошли, но не могли вынести первого

солнечного зноя, или тому основанию, положенному на песке, которое не устояло при небольшом дожде и ветре. «Горе тебе, земля, в нем же царь твой отрок», – говорит Соломон ([Еккл.10:16](#)). «Не будь скор в словах» ([Притч.29:30](#)), – слова того же Соломона, который говорит о скорости в словах, то есть о чем-то меньшем, нежели опрометчивость в делах. Кто же вопреки этому потребует поспешности предпочтительно безопасности и пользе? Кто возьмется, как глиняное какое-нибудь изделие, изготовляемое в один день, образовать защитника истины, который должен стоять с ангелами, славословить с архангелами, возносить жертвы на горный жертвенник, священнодействовать со Христом, воссоздать создание, восстанавливать образ Божий, творить для горнего мира, и скажу более – быть богом и творить богами? Знаю, чьи мы служители, где сами поставлены, и куда готовим других. Знаю величие Божие, и человеческую немощь, а вместе и силу. «Небо высоко, земля же глубока» ([Притч.25:3](#)). И кто из низложенных грехом взойдет на небо? Кто, обложенный еще дольным мраком и грубой плотью, может целым умом ясно созерцать всецелый Ум, находясь среди непостоянного и видимого, вступить в общение с постоянным и невидимым? Даже из самых очищенных едва ли кто может видеть здесь хотя такой образ доброты, каково изображение солнца в водах. «Кто исчерпал горстью воду, и пядью измерил небо, и вместил в меру прах земли и взвесил на весах горы, и на чашах весовых холмы» ([Ис.40:12](#))? «Где место покоя Его» ([Ис.66:1](#)), и чему из всего Он уподобится? Кто – сотворивший все словом, устроивший человека премудростью, соединивши разлученное, сочетавши плоть с духом, сложивший живое существо – видимое и невидимое, временное и вечное, земное и небесное, касающееся Бога, но не постигающее, приближающееся и далеко отстоящее? «Я сказал: «буду я мудрым», – говорит Соломон, – «но она», то есть, мудрость «далека от меня. Далеко то, что было» ([Еккл.7:24–25](#)). И действительно, «кто умножает познания, умножает скорбь» ([Еккл.1:18](#)). Он не столько радуется найденному, сколько скорбит о непостигнутом, как обыкновенно (представляю себе) случается с людьми, которых отвлекают от воды, прежде нежели они утолили жажду, или которые, надеясь что получить, не могут схватить того руками, или от которых мгновенно скрывается озарившее их блистание света.

Это удержало меня долу, сделало смиренным и убедило в том, что лучше слышать глас похвалы, нежели быть истолкователем того, что превышает силы. Величие, высота, достоинство, чистые существа, с трудом вмещающие сияние Бога, Которого покрывает бездна, Которого,

как чистейший и для большей части тварей неприступный свет, утаивает тьма, Который во всем и вне всего, Который есть всякая доброта и выше всякой доброты, Который просвещает ум и убегает от быстроты и выпренности ума, настолько всегда удаляясь, насколько постигается, и возлюбленного своего возводя горе тем, что убегает и как бы вырывается из рук: таков и так важен предмет наших желаний и исканий! Таков должен быть невестоводитель, уневещивающий души. И боюсь, чтобы, связав мне руки и ноги, не извергли меня из брачного чертога, как не имеющего на себе брачного одеяния и нагло вторгшегося в круг возлежащих там; хотя и призван я от юности, даже (скажу неизвестное еще многим) к «Нему привержен я от утробы» ([Пс.21:11](#)), Ему принесет в дар по материнскому обету, а потом и сам, когда опасности укрепили, любовь возросла, и помог рассудок, Восприявшему и Спасшему меня добровольно отдал все: и имение и знатность, и здоровье, и самый дар слова. Из всего этого извлек я ту одну пользу, что презрел это, и нашлось у меня, чему предпочесть Христа. Слова Божии сделались для меня сладки, как соты меда, я «призвал» разум и «дал глас свой» мудрости ([Притч.2:3](#)), учился умерять гнев, обуздывать язык, уцеломудривать око, укрощать чрево, попирать земную славу, и в этом (безрассудно говорить, однако же, пусть будет сказано) стал я не хуже, может быть, многих. Вести же такую любомудрую жизнь лучше, нежели принять на себя власть и управление душами, и когда еще сам не научился быть хорошим пасомым, не очистил, как должно, душу свою, обзаться должностью – править паствой; притом, в такие времена, когда, смотря на людское крушение и мятежи, всего вожделеннее – бегом бежать из общества, удалиться в надежный приют, укрыться от бури и тьмы лукавого; когда члены одного тела взаимно враждуют, когда исчезает последний остаток любви, а с другой стороны, слово: «иерей», потому что по Писанию, «изливает бесчестие на князей» ([Пс.16:40](#)), признается одним пустым именем, – и лучше, если бы оно было одно пустое имя. Ныне же (да обратится хула на главы нечестивых!) изгнан из сердца всеми страх, и его место заступило бесстыдство; кто бы ни пожелал, для всякого открыты и знание, и глубины Духа. Все мы благочестивы единственно потому, что осуждаем нечестие других; а суд предоставляем людям безбожным, повергаем святое псам, мечем бисер перед свиньями, разглашая божественное тем, у кого не освящены и слух, и сердце. Мы сами (о жалкие!) тщательно выполняем желания врагов и не стыдимся любодействовать «в начинаниях» ([Пс.109:5](#)) своих. Моавитяне и аммонитяне, которым не дозволено входить в Церковь Господню, у нас свободно ходят в самом святилище. Для всех открыли мы не врата правды,

но двери злословия и наглости друг против друга. У нас не тот совершеннее, кто из страха Божия не произносит праздного слова, но тот, кто как можно больше злословит о ближнем, или прямо, или намеками, «нося» под языком своим «мучение и пагубу» ([Пс.9:28](#)), или, говоря точнее, «яд аспидов» ([Пс.139:4](#)). Мы ловим грехи друг друга не для того, чтобы оплакивать их, но чтобы осудить, не для того, чтобы излечить, но чтобы еще уязвить, и раны ближнего иметь оправданием собственных своих недостатков. У нас признаком добрых и злых – не жизнь, но дружба и несогласие с нами. Что ныне хвалим, то завтра осуждаем; что другие порицают тому дивимся; охотно потворствуем во всем нечестию, – столь мы великодушны к пороку! Все стало, как в самом начале, когда еще не было ни мира, ни теперешнего благоустройства и благообразия, а напротив, вот вещи, будучи слиты в беспорядок, имели еще нужду в образующей руке и силе. А если угодно другое сравнение, то, как во время ночной битвы, при тусклом свете луны, не различая лица врагов и своих, или, как на морском сражении и во время бури, оглушаемые порывами ветров, кипением моря, напором волн, столкновением кораблей, ударами весел, криками начальников, стонами пораженных, в недоумении, не имея времени собраться с мужеством, мы (к довершению бедствия) нападаем друг на друга и друг от друга гибнем. И не мирянин только поступает так, священник же иначе. Напротив, мне кажется, что ныне явно исполняется изреченное издревле в проклятии: «и что будет с народом, то и со священником» ([Ос.4:9](#)). Не один простой народ таков, а сильные, как говорится, в народе и начальники – иные. Напротив, они-то и ведут открытую войну со священниками, в предлог к убеждению обращая благочестие.

С кем бывает это потому, что он стоит за веру, за самые высокие и первые истины, того не порицаю, и если сказать правду, того хвалю и радуюсь с ним. Я желал бы и сам быть в числе подвижающихся и ненавидимых за истину, даже похваюсь, что действительно принадлежу к их числу. Ибо похвальная брань лучше мира, разлучающего с Богом. Поэтому и Дух вооружает кроткого воина ([Иоил.3:11](#)), как способного хорошо вести войну. Но ныне есть люди, которые с крайним невежеством и с наглостью сами стоят за малости и вовсе не полезные вещи и всякого, кого только могут, принимают в сообщники зла; а все это прикрывают верой, и это уважаемое имя безрассудно употребляют в своих состязаниях. За это, естественно, нас ненавидят язычники, и (что всего несноснее) мы не можем даже сказать, что ненавидят несправедливо. И из своих порицают нас самые благонамеренные; нимало же не удивительно,

что осуждает народ, который редко одобряет что-либо и доброе. «На хребтах наших орут оратаи» ([Пс.128:8](#)), и что замышляем друг против друга, то обращают против всех. Мы сделались новым позором, но не для ангелов и людей, как мужественнейший из подвижников Павел, ратоборствовавший против начал и властей, но почти для всех ведущих худую жизнь, и во всякое время, и на всяком месте, – на торжищах, на нетрезвых пиршествах, среди веселостей, среди сетований. Мы выведены даже и на зрелища народные (едва не со слезами говорю это), нас осмеивают наряду с самыми развратными людьми, и ничто так не усладительно для слуха и зрения, как христианин, поруганный на зрелище. До этого довели нас наши междоусобия, до этого довели нас те, которые чрезмерно подвизаются за Благого и Кроткого, которые любят Бога больше, нежели сколько требуется. В борьбе или в другом чем не позволено состязаться неустановленным порядком, и тот подвергается осмеянию и бесчестию, даже лишается прав победы, кто борется не по правилам, или в другом чем состязается не в порядке и отступает от положенных для этого уставов, хотя бы он был самый мужественный и искусный. Ужели же подвизающийся за Христа не по Христе угодит тем «Миру» ([Еф.2:14](#)), ратоборствуя за Него недозволенным образом? И доньше еще трепещут демоны при имени Христовом; сила этого Имени не ослаблена и нашими пороками. И мы не стыдимся оскорблять и достопоклоняемое имя Христово, и самого Христа, не стыдимся слышать, как Он почти вслух и ежедневно вопиет: «имя Мое бесславится вас ради» ([Ис.52:5](#)). Не боюсь я внешней брани и восстающего ныне на Церкви зверя – этой полноты лукавого¹¹, хотя бы грозил он огнем, мечом, зверями, стремнинами, пропастями, хотя бы превзошел бесчеловечностью всех когда-либо неистовствовавших, изобрел мучительнейшие казни. На все есть у меня одно лечение, один путь к победе, это (похваюсь во Христе!) – смерть за Христа. Но что касается предстоящей мне брани, не знаю, что мне делать, какой искать помощи, какого слова мудрости, какого дара благодати, в какое облечься всеоружие против козней лукавого. Кто победит этого врага? Моисей ли, распростирающий и руки на горе, чтобы превозмог прообразуемый и прознаменуемый крест? Или после него Иисус, на брань ополчающийся с Архистратигом небесных воинств? Или Давид, то псалмопевствующий, то сражающийся пращами и от Бога перепоясанный силой на брань, или имеющий персты, Богом обученные на брань? Или Самуил, то приносящий свои молитвы и жертвы за народ, то помазующий на царство того, кто может побеждать? Кто оплачет это, как должно? Иеремия ли, написавший плач об Израиле? Кто воззовет:

«пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы» ([Иоиш.2:17](#))? Кто будет молиться о нас – Ной ли, Иов и Даниил, вместе молящиеся и вместе упоминаемые ([Иез.14:14](#)), да утишится у нас хотя несколько брань, да придем сами в себя, станем, наконец, узнавать друг друга, да не будем, вместо одного Израиля, и Иудой, и Израилем, Ровоамом, и Иеровоамом, Иерусалимом и Самариєю, – этими городами, то предаваемыми за грехи, то оплакиваемыми?

Признаюсь, что я немог для такой брани; а потому и повернулся спиной, скрыл лице в бегстве. От полноты огорчения возжелал я сидеть в уединении и молчать, зная, что время лукаво, что отвергнуты возлюбленные, и сделались мы сынами отступными – виноград благоветвистый, виноград истинный, плодоносный, прекрасный, возвращенный орошением свыше, и что для меня обратились в бесчестие диадема доброты моей, печать славы и венец похваления. Но если кто при этом смел и мужествен, то ублажаю его за смелость и мужество. Не говорю еще о борьбе внутренней, которая – в нас самих, в наших страстях и которую воздвигают на нас день и ночь, то явно, то тайно, это тело смирения и рассеянность жизни, мятущая и волнующая нас посредством чувственности и временных удовольствий, и грязь плоти, с которой мы смешаны, и закон греховный, воюющий против закона духовного и стремящийся растлить в нас Царский образ и все, что с ним вложено в нас божественного по происхождению. Почему едва ли кто в состоянии преодолеть влекущее долу естество, разве уже обучил себя долговременным любомудрием и постепенно отторгал от низкого и сопряженного с тьмой, что есть в душе благородного и световидного, или удостоился милости Божией, или сверх того и другого прилагал всевозможное старание вознести взор свой горе. Но пока не побеждена мной, по возможности, плоть, пока не очищен ум, пока далеко не превосхожу других близостью к Богу; не безопасным признаю принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и людьми, что составляет также долг иерея.

И чем же приведен я в такой страх? Не сочтите меня боязливым сверх меры; напротив, похвалите даже мою предусмотрительность. О самом Моисее слышу, что когда беседовал с ним Бог, хотя многие призваны на гору, и в числе их Аарон с двумя сынами священниками, и семьдесят старейшин – народоправителей, однако же, повелено было, чтобы прочие поклонились издавеча, а к Богу приступил один Моисей; народу же не дозволено и восходить на гору ([Исх.24:1–2](#)); потому что не всякий может

приближаться к Богу, но только кто, подобно Моисею, способен вместить славу Божию. Да еще и прежде, при самом начале законодательства, трубы, молнии, грозы, мрак, гора вся дымящаяся, страшные угрозы, что если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями ([Исх.19:13](#)), также другие подобные грозные явления удерживали других у подножия горы, и для них много было, после надлежащего очищения, слышать один глас Божий; между тем Моисей и на гору восходит, и вступает внутрь облака, и получает закон, и приемлет скрижали, для народа скрижали с письменами, а для тех, которые выше народа, скрижали духа. Слышу также о Надаве и Авиуде, что они, воскурив фимиам чуждым огнем, наказаны тем самым, в чем оказали нечестие, нашли для себя погибель в самое время и на самом месте нечестования, и хотя отец их Аарон был перед Богом вторым после Моисея, однако же не мог спасти их ([Лев.10:1–2](#)). Знаю, что было со священником Илием и, несколько после него, с Озой. Один понес наказание за беззаконие сыновей, когда они при жертвоприношениях осмеливались прежде времени вынимать мяса из котлов, хотя отец и не одобрял такого их нечестия, а напротив, многократно делал им строгие выговоры ([1Цар.2:13–14](#)). Другой наказан единственно за то, что коснулся киота, увлекаемого тельцом; и хотя поддержал киот, однако же сам погиб ([2Цар.6:6–7](#)); так Бог охранял досточтимое киота. Знаю еще, что телесные пороки и в священниках и в жертвенных животных подвергались строгому исследованию, и было узаконено, чтобы совершенные приносили совершенное; а это, как думаю, служило символом душевной непорочности. Не позволялось также ни всякому касаться священнической одежды или какого-либо священного сосуда; ни вкушать самих жертв, кому не надлежало, или на неприличном месте и в неприличное время; ни подделывать елей помазания и фимиам служения, ни входить в святилище, если кто хотя мало был нечист душой и телом. Тем более не дерзали часто входить в святая святых, куда доступ дозволялся только одному и единожды в год. Тем более не смел всякий простираť взор или прикасаться к завесе, или к очистилищу, или к киоту, или к херувимам. Итак, зная это, а вместе и то, что всякий недостоин Великого Бога, Архиерея и Жертвы, если не представил он прежде себя самого Богу в жертву живую и святую, не показал опытов благоугодного словесного служения, не принес Богу жертвы хвалы – духа сокрушенного – жертвы, какой только и требует от нас Даровавший нам все, – зная это, мог ли я отважиться на то, чтобы приносить ему жертву внешнюю, разнообразную *свитулов* великим таинствам? Мог ли я облечься в образ и сан иерея, пока не освятил рук преподобными делами, пока не обучил ока взирать здраво

на тварь, и единственно удивляться Творцу, а не уничивать Создателя, «пока наказание Господне не открыло уши» мои, не приложено «мое ухо, чтобы» не тяжко «слышать» ([Ис.50:5](#)); не дана «золотая серьга» с многоценным «сардийским камнем», то есть, «слово» мудрого «в ухо внимательное» ([Притч.25:12](#)); пока уста, губы, язык, не раскрылись и не «привлекли Духа» ([Пс.118:131](#)), не «открылись» и не «наполнились» ([Пс.80:11](#)) духом изрекаемых таинств и догматов, пока уста, по слову мудрости, не стали «связаны» божественным «чувством» ([Притч.15:7](#)), чтобы им (прибавлю к этому) и открываться благовременно, а язык не исполнился радостью, не стал органом божественного сладкопения, возбуждаемый славой, «встав рано» ([Пс.56:9](#)) и трудясь, доколе не прилипнет к гортани; пока ноги мои не поставлены «на камни» ([Пс.39:3](#)), не стали как ноги оленей ([Пс.17:34](#)), и «стопы мои не направлены» по Богу ([Пс.118:133](#)), ни «вмале, ни» вовсе не «проливаясь», пока всякий член не сделался «орудием правды» ([Пс.6:13](#)), не отложил всякую мертвенность, «поглощенную жизнью» ([2Кор.5:4](#)) и уступившую место Духу? У кого не воспламеняют сердца чистые, огнем искушенные слова Божии, когда открываются ему Писания; кто не написал их «трижды на широте сердца» ([Притч.22:21](#)), чтобы иметь «ум Христов» ([1Кор.2:16](#)); кто не входил в сокровенные от многих, невидимые и темные сокровищницы ([Ис.45:3](#)), чтобы видеть их богатство и прийти в состояние обогащать других, «духовное духовным соображая» ([1Кор.2:13](#)); кто «не видел» еще, как должно, «красоту Господню» и не «посещал храм Его», лучше же сказать, кто сам не сделался храмом Бога Живого, живым жилищем Христовым в духе; кто не познал сродства и различия между образами и действительностью, не отступил от первых и не приложился к последней, чтобы, избежав «ветхости буквы, работать в обновлении духа» ([Рим.7:6](#)) и перейти совершенно к благодати от закона, исполненного духовно в измождении тела; кто опытно и умозрительно не исследовал всех наименований и сил Христовых, как высочайших и первых, так и низших и последних, принадлежащих Христу по человечеству, именно же, что Он – Бог, Сын, Образ, Слово, Премудрость, Истина, Свет, Жизнь, Сила, «Пара, Излияние» ([Прем.7:25](#)), Сияние, Творец, Царь, Глава, Закон, Путь, Дверь, Основание, Камень, Бисер, Мир, Правда, Освящение, Избавление, Человек, Раб, Пастырь, Агнец, Архиерей, Жертва, «Рожденный прежде всякой твари» ([Кол.1:15](#)), «Первенец» по воскресению «из мертвых» ([Кол.1:18](#)); кто без пользы слышит эти наименования и вещи, не входит в общение со Словом и не постигает, в каком отношении, каждым из них Оно есть и именуется, кто не прилагал старания, и не учился постигать «премудрость

Божию, тайную, сокровенную» ([1Кор.2:7](#)); кто – еще младенец, питается молоком, не сопричтен к Израилю, не вписан в воинство Божие, не способен, как следует, взять на себя крест Христов; кто не стал, может быть, никаким еще почетным членом «тела Христова» – тот ужели охотно и с радостью примет, чтобы поставили его во главу полноты Христовой? По крайней мере я не даю на это решения и совета. Напротив, вижу здесь причины к самому сильному страху и самую крайнюю опасность для создающего, и важность преуспевания, и пагубные последствия погрешения в деле. Пусть другой, рассуждал я, кто многоопытен в мореходстве и торговле, плывет за товарами, переходит обширные моря, борется всегда с ветрами и волнами, многое, если удастся, приобретая и много бедствуя. А для меня, который держится суши, ведет неглубокую и легкую борозду жизни, с выгодами и морем раскланивается издали, приятнее жить так, как могу, с небольшим и скудным куском хлеба, и влачить дни в безопасности и безмятежности, нежели для больших выгод подвергаться долговременной и большой опасности. Для человека, поставленного высоко, и то уже потеря, если он не предпринимает большего, не распространяет доблестей своих на многих, но останавливается на малом числе людей и как бы большим светом освещает малый дом или юношеским всеоружием покрывает детское тело. А для человека малозначительного всего безопаснее нести малое бремя, не возбуждать смеха и не увеличивать опасности возложением на себя чего-либо не по силам. Ибо, как слышим, и башню строить прилично тому только, у кого есть, чем ее завершить ([Лк.14:28](#)).

Итак, перед вами – оправдание моего бегства, и оправдание, может быть, не недостаточное. Это-то и удалило меня от вас, друзья и братья, правда, к прискорбию моему, а может быть, и вашему, однако же по необходимости, по крайней мере, как мне тогда представлялось. Возвратили же меня, во-первых, приверженность моя к вам и чувство вашей взаимной ко мне приверженности (ибо взаимное расположение всего более укрепляет любовь); а во-вторых, собственная моя забота, собственное мое дело – седины и немощь священных родителей, болезнующих более обо мне, нежели о летах своих, – этого Авраама Патриарха, драгоценной и равноангельной для меня главы, и Сарры, духовно рождающей нас учением веры. Для них быть жезлом в старости и опорой в немощи – составляло первый данный мной обет, который и исполнял я по возможности, так что презирал и самолюбование – это стяжание и имя всего для меня драгоценнейшее, или справедливее сказать, в том и оказал я свое любование, чтобы не казаться любованием.

Почему нестерпимо для меня стало – по одному поводу потерять весь труд и лишиться благословения, которое, как сказано об одном из ветхозаветных праведников, даже восхитил он, введя отца в обман снедью и накладными волосами, уловив доброе недобрым средством – через ухищрение. Итак, две причины моей уступчивости и кротости; и, может быть, ни малой нет несообразности в том, что против этих двух причин не устояли и поколебались прежние мои рассуждения. Ибо думаю, что иногда также благовременно – уступить над собой победу, как бывает время и для всякого другого дела; и лучше быть честно побежденным, нежели одержать победу со вредом и незаконно. В-третьих же (вот самая важная причина моего возвращения! сказав о ней, умолчу уже о прочих), я вспомнил о временах давних, и встретив одно древнее сказание, извлек из него наставление для себя в настоящем обстоятельстве.

Ибо полагаю, что заключающееся в Писании не без цели написано, и не одна куча слов и предметов, собранная для развлечения слушающих, не какая-нибудь приманка для слуха, служащая только к забаве. Такова цель баснословия и тех эллинов, которые, не слишком заботясь об истине, очаровывают слух и сердце изяществом вымыслов и роскошью выражений. Но мы, тщательно извлекающие духовный смысл из каждой черты и буквы, нимало не согласны думать (это было бы и несправедливо), чтобы и самые малозначительные деяния без какой-либо цели были и писателями подробно описаны и до этого времени сохранены на память. Напротив, цель их – служить памятниками и уроками, как судить в подобных, если встретятся, обстоятельствах, чтобы мы, следуя этим примерам, как некоторым правилам и предначертанным образцам, могли одного избегать, а другое избирать.

Какое же сказание, и в чем состоит наставление? Может быть, не худо будет рассказать это для утверждения многих. Бежал и Иона от лица Божия или, вернее сказать, думал убежать, но удержан был морем, бурей, жребием, чревом кита и трехдневным погребением, которое послужило образом высшего таинства. Но Иона бежал, чтоб не идти к ниневитянам с печальной и необыкновенной вестью и чтобы впоследствии не оказаться лжецом, если город спасется через покаяние. Ибо не спасение злочестивых огорчало его, но он стыдился быть служителем лжи и как бы ревновал о достоверности пророчества, которая в нем могла подвергнуться сомнению, потому что многие не способны проникать в глубину Божия домостроительства об этом. А как слышал я об этом от одного мудрого мужа, который не неприлично объяснял видимую несообразность сказания и способен был понять глубокий смысл пророка, – не такая

причина сделала блаженного Иону беглецом, и укрывшегося на море привела в Иоппию, а из Иоппии вела в Фарсис. Невероятно, чтобы он, будучи пророком, не знал Божия намерения, то есть, что Бог, по Своей великой премудрости, по неиспытываемым судьбам, неисследным и непостижным путям Своим, самой угрозой производил то, чтобы ниневитяне не потерпели предсказанного в угрозе. А если пророк знал это, то невероятно также, чтобы он не покорился Богу, благоугодным Ему образом устроившему спасение ниневитян. Думать же, что Иона надеялся укрыться в море и спастись бегством от великого ока Божия, было бы совершенно нелепо и невежественно; такая мысль была бы несправедлива не только о пророке, но и обо всяком другом человеке, имеющем разум и сколько-нибудь познавшем Бога и Его всепревосходящее могущество. Напротив, Иона, как говорит рассуждавший об этом муж, в чем и я убежден, лучше всякого другого знал и то, что будет следствием проповеди ниневитянам, и то, что он сам, замысливши бегство, хотя переменит место, но не убежит от Бога; как не избег бы и всякий другой, хотя бы укрылся в недрах земли, в глубинах моря, изобрел средство подняться на крыльях и летать по воздуху, снизошел в преисподнюю ада, или облекся густотой облака, или придумал другой возможный способ к утаиванию побега. Напротив, ежели Бог захочет кого остановить и удержать в руке Своей, то это всего неизбежнее, всего неодолимее. Он предускоряет быстрых, перехитряет хитрых, низлагает сильных, смиряет высоких, укрощает дерзновенных, подавляет всякую силу. Поэтому, конечно, знал крепкую руку Божию Иона, который угрожал ей другим, и он не думал, что вовсе убежит от Бога. Это нимало не вероятно. Но поскольку Иона предвидел падение Израиля и предчувствовал, что пророческая благодать переходит к язычникам, то он уклоняется от проповеди, медлит в исполнении повеления, и, оставив сторожевую башню радости, что на еврейском значит Иоппия, – то есть древнюю высоту и достоинство, ввергает сам себя в море скорби. Потому и обуревается, и спит, и терпит кораблекрушение, и пробуждается от сна, и подпадает жребию, и сознается в бегстве, и погружается в море, и поглощается китом, но не истребляется, а призывает там Бога, и (какое чудо!) подобно Христу, по прошествии трех дней возвращается оттуда.

Но оставим об этом слово, в надежде, если даст Бог, обстоятельнее поговорить впоследствии. А теперь, чтобы речь возвратилась к своему предмету, остановлюсь на той мысли и на том рассуждении, что для Ионы, может быть, и извинительно было, по изложенной выше причине, отречься от пророческого служения. Но осталось ли бы какое извинение

и место к оправданию для меня, если бы стал я долее упорствовать и отказываться от возлагаемого на меня (не знаю как назвать), легкого или тяжелого, но все же ига служения. Ибо ежели бы иной не спорил бы со мной о том (что одно и можно в настоящем случае сказать как нечто твердое), что я весьма недостойн священнослужения перед Богом и что прежде надобно сделаться достойным церкви, а потом уже алтаря, и прежде достойным алтаря, а потом уже – председательства; то другой, может быть, не освободил бы меня от обвинения в неповиновении. Но страшны угрозы, ужасны наказания за неповиновение, равно как и за противное этому, если кто нимало не смущается, не отказывается и не скрывается, как Саул, в отцовском «обозе» ([1Цар.10:22](#)), как скоро слегка призывают его к принятию начальства, но с готовностью, как за самое легкое и удобное дело, берется за то, в чем небезопасно переменить намерение и принятое поправлять новым.

Поэтому-то я долго боролся с мыслями, придумывая, как поступить, и находясь между двумя страхами, из которых один принуждал меня оставаться внизу, а другой – идти вверх. И после многих недоумений, склоняясь на ту и другую сторону, или, подобно струе, гонимой противоположными ветрами, текущей то туда, то сюда, наконец, уступил я сильнейшему; меня победил и увлек страх оказаться непокорным. И смотрите, как прямо и верно держусь я среди этих страхов, не домогаясь начальства неданного и не отвергая данного. Ибо первое означало бы дерзость, последнее же – непокорность, а то и другое вместе – невежество. Но я соблюдаю середину между слишком дерзновенными и между слишком боязливыми; я боязливее тех, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннее тех, которые всякого избегают. Так я понимаю это дело, и выражусь еще яснее: против страха быть начальником подаст, может быть, помощь закон благопокорности; потому что Бог по благодати Своей вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто на Него уповает и в Нем полагает все надежды. Но не знаю, кто будет помощником и какое слово внушит упование в случае непокорности. Ибо опасно, чтобы нам о вверяемых нашему попечению не услышать следующего: «души их «от рук ваших взыщу» ([Иез.3:18](#)). Как вы отказали Мне и не захотели быть вождями и начальниками народа Моего, так и Я откажу вам и не буду вашим царем. Как вы не послушали гласа Моего, но презрительно повернулись ко Мне спиной и не повиновались, так будет и вам; когда призовете Меня, не обращу внимания на молитву вашу и не услышу ее». Да не придет на нас такой приговор Праведного Судии, Которому «воспеваем милость», но вместе воспеваем, конечно, и «суд»

[\(Пс.100:1\)](#)!

А я обращаюсь опять к истории, и рассматривая самых благоискусных мужей в древности, нахожу, что из тех, кого благодать избирала когда-либо в звание начальника или пророка, одни с готовностью следовали избранию, а другие медлили принимать дар; но ни те, ни другие не подвергались осуждению, как отрекавшиеся – за боязнь, так и изъявившие согласие – за ревность. Ибо одни устрашались важности служения, а другие повиновались по вере в Призывающего. Аарон изъявил готовность, а Моисей прекословил. С готовностью повиновался Исаия, а Иеремия страшился юности и не прежде отважился на звание пророка, как получив от Бога обещание и силу, превышающую возраст. Этими размышлениями успокаиваю я сам себя, и душа моя понемногу уступает и смягчается, как железо; а в помощники к этим размышлениям беру я время, и в советники – Божии оправдания, которым верил я всю жизнь свою. Поэтому не «воспротивлюся, не отступлю назад» ([Ис.50:5](#)) (слова моего Владыки, не к начальствованию призываемого, но «как овца ни заклание» ([Ис.53:7](#)) ведомого), даже склоняюсь и смиряюсь под крепкую руку Божию и прошу извинить прежнюю мою леность и непокорность, если сколько-нибудь виновен я в этом. Я умолкал, но не всегда буду молчать; удалился не надолго, насколько было нужно, чтобы рассмотреть себя и доставить себе утешение в скорби, но теперь готов «возносить Его в собрании народном и славить в сонме старейшин» ([Пс.106:32](#)). Если за одно должно осуждать, то за другое можно извинить.

Но к чему мне продолжать слово? Я с вами, пастыри и сопастыри! С тобой, святая паства, достойная Архипастыря Христа! И ты, отец мой, совершенно победил и подчинил меня более по Христовым, нежели по мирским законам. Видишь благопокорность; возврати благословение. И сам руководствуй молитвами, путеводствуй словом, утверждай духом. «Благословение отца утверждает дома детей» ([Сир.3:9](#)). О, если бы утвердиться мне и этому духовному дому, который избрал я и о котором молюсь, чтобы он и для меня был упокоением во веки веков, когда из здешней церкви препослан буду к церкви тамошней – к торжеству первородных, написанных на небесах! Таково и столь справедливо мое моление!

Бог же мира, сотворивший обоих едино и возвративший нас друг другу, возводящий царей на престолы и воздвигающий с земли убогого, из низкого состояния возвышающий нищего, избравший Давида, раба Своего и взявший от стад овечьих того, кто был младшим и юнейшим из сынов Иессеевых, дающий слово благовествующим силой многой во исполнение

Евангелия, Сам, пася пастырей и вода вождей, да поддерживает правую руку нашу, да путеводствует по воле Своей, и да примет со славой, чтобы и нам упasti паству Его благоразумно, а не «со снарядами глупого пастуха» ([Зах.11:15](#)), – одно поставлено у древних в числе благословений, а другое в числе проклятий; Сам «да даст силу и крепость народу Своему» ([Пс.67:36](#)), Сам да представит Себе паству славной и нескверной, достойной горнего двора, в обители веселящихся, во светлости святых, чтобы во храме Его все мы, и паства и пастыри, вместе могли вещать славу, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому всякая слава во веки веков, аминь!

Слово 4

Первое обличительное на царя Юлиана

«Слушайте это, все народы; внимайте все, живущие во Вселенной» ([Пс.48:2](#)). Как бы с некоторого возвышения, далеко кругом видимого, всех призываю, ко всем обращая сильную и высокую проповедь. Внимайте народы, племена, языки, люди всякого рода, всякого возраста, – все, сколько есть теперь, и сколько будет на земле! И да прострется далее моя проповедь! Внимайте мне все небесные Силы, все Ангелы, которыми совершенно истребление мучителя, низложен – не Сион, царь Амморрейский, не Ог, царь Васанский (небольшие владетели, делавшие зло небольшой части Вселенной – Израилю), – но «змий» ([Иез.29:3](#)), отступник, «великий ум» ([Ис.10:12](#)), Ассирианин, общий всем враг и противник, и на земле, делавший много неистовств и угроз, и «в высоту» ([Пс.72:8](#)) говоривший и замышлявший много неправды! «Слушайте небеса, и внимай земля» ([Ис.1:2](#))! И мне теперь прилично возгласить одно с велеречивейшим из Пророков Исаиею! В одном у нас отличие: Пророк призывает небо и землю в свидетели против отказавшегося от Бога Израиля; а я призываю против мучителя, и отказавшегося, и падшего – падением достойным нечестия. Внимай, если слышишь нас, и ты, душа великого Констанция! Внимайте христоролюбивые души до него бывших царей! Особенно же да внимлет душа Констанция, который сам возрастал с наследием Христовым и, постепенно утверждая его, взрастил в такую силу, что стал через это именитее всех прежних царей. Но (какое посрамление!) он впал в грех неведения, весьма недостойный его благочестия; сам не зная, воспитал христианам врага Христова; из всех дел своего человеколюбия оказал одну худую услугу тем, что спас и воцарил ко вреду спасенного и царствовавшего. А потому, о если бы Констанция особенно обрадовало, как разрушение нечестия и восстановление прежнего благосостояния христиан, так и это слово!

А я принесу слово в дар Богу священнейший и чистейший всякой бессловесной жертвы, принеся не по подражанию мерзким речам и суесловию, а еще более мерзким жертвам богоотступника, которых обилие и богатство состояли в силе нечестия и в немудрой, скажу так, мудрости; так как и вся сила и ученость века этого во тьме ходит и далека от света истины. Но если такова эта мудрость, в таких бывает людях, такие приносит плоды, – как трава, скоро засыхает, как «зеленеющий злак» ([Пс.36:2](#)) скоро опадет и преходит вместе с породившими ее, которые

погибают с шумом и привлекают внимание более падением, нежели нечестием своим; то мне приносящему ныне жертву хвалы и сжигающему бескровный дар слова, кто составит такое зрелище, которое бы равнялось благодарности! Какой язык будет так громозвучен, как я того желаю? Чей слух не уступит в ревности слову?

Благодарение же, воздаваемое посредством слова, не только более всего свойственно Слову, Которое из всех других наименований преимущественно благоугождается этим наименованием и нашей способностью именовать Его, но и тому (Юлиану – «ред».) послужит приличным возмездием, когда за преступление против дара слова будет он наказан словом. Тогда как дар слова есть общее достояние всех словесных тварей, Юлиан, присваивая его себе, ненавидел в христианах, и хотя почитался даровитейшим в слове, однако же о даре слова судил крайне неразумно. Во-первых, неразумно тем, что злонамеренно, по произволу, толковал наименование, будто бы эллинская словесность принадлежит язычеству, а не языку. Почему и запрещал нам образовываться в слове, как будто такое наше образование было похищением чужого добра. Но это значило то же, как если бы не разрешать нам и всех искусств, какие изобретены у греков, а присвоить их себе по тому же сходству наименования. Потом, неразумно он надеялся, будто бы скроется от нас, что не нас, которые очень презирают такую словесность, лишает он одного из первых благ, но сам страшится обличений в нечестии, предполагая, может быть, что сила обличения зависит от красоты слога, а не от разумения истины, и не от доказательств, от которых удержать нас также невозможно, как и сделать, чтобы мы, пока имеем язык, не исповедовали Бога. Ибо мы вместе с прочим и это, то есть слово, посвящаем Богу, как посвящаем тела, когда нужно и телесно бороться за истину. Поэтому, дав такое повеление, хотя запретил он и говорить красноречиво, однако же не воспрепятствовал говорить истину. А таким образом и бессилие свое обличил, и не избег обличений в нечестии, если не подвергся еще большим за свою ошибку. Ибо само его запрещение пользоваться нам даром слова показывало, что он не полагался и на правоту своей веры, и на сам дар слова. Он походил на человека, который почитает себя сильнейшим из борцов и требует, чтобы все провозгласили его сильнейшим, а между тем отдал приказ, чтобы ни один сильный борец не смел бороться и не являлся на поприще. Но это – доказательство робости, а не мужества! Венцы даются тем, которые боролись, а не тем, которые сидели вверху; тем, которые напрягали все силы, а не тем, которые лишены употребления большей части сил. Если же действительно боялся ты

сойтись и вступить в битву; то этим самым признал над собой победу и без борьбы уступил верх тому, с кем из-за того и препирался, чтобы не вступать в борьбу. Так поступил наш мудрый царь и законодатель! И как будто для того, чтобы все испытало его мучительство и провозглашало его неразумие, в самом начале своего царствования он прежде всего употребил насилие против дара слова. Но нам прилично воздать благодарение Богу и за то, что сам этот дар получил свободу. Нам особенно должно, как почтить Бога другими приношениями, не щадя ничего – ни денег, ни имущества, которые временны, и человеколюбием Божиим соблюденны от насилия, так преимущественно почтить словом – плодоношением праведным и общим для всех, получивших милость. Но довольно говорить о даре слова; иначе, распространившись чрезмерно, преступим пределы времени и подадим мысль, что заботимся о чем-то ином, а не о том, для чего собрались.

И уже порывается и течет к торжестванию мое слово; оно облачается в веселье, как и все видимое; оно всех призывает к духовному ликованию – всех, кто постоянно пребывал в посте, в сетовании и в молитве, и днем и ночью просил избавления от окружающей скорби и надежное врачевание от зол находил в «непосрамляющем уповании» ([Рим.5:5](#)), – всех, кто перенес великие борения и подвиги, кто выдержал многие и тяжкие удары этого времени, кто, по выражению апостола, был «позорищем миру и Ангелам и человекам» ([1Кор.4:9](#)), кто, хотя изнемогал телом, однако же остался непобедимым по Духу, и все возмог о «укрепляющем его Христе» ([Фил.4:13](#)); всех, кто отложил все, что в мире служит греху, и мирскую власть; кто «расхищение имения с радостью принял» ([Евр.10:34](#)); кто несправедно был изгнан из собственного, как говорится владения; кто некоторое время терпел разлуку или с мужем, или с женой, или с родителями, или с детьми, или какие есть еще наименования не столь близкого свойства, привязывающие нас к людям, и кто в дар Христовой крови приносил страдания за Христа, так что ныне справедливо может о себе сказать и воспеть: «посадила человека на главу нашу; мы вошли в огонь и воду, и ты вывел нас на свободу» ([Пс.65:12](#)).

Призываю к торжеству и другую часть людей, которые исповедуют Бога всяческих и держатся в том здравых понятий, но не постигают распоряжений Промысла, часто из горестных событий устраивающего лучшее и благостно призывающего к исправлению. Они по нищете души и по легкомыслию возгораются и воспаляются помыслами, «по гордости преследуются нечестивым» ([Пс.9:23](#)), не могут сносить «мира грешников» ([Пс.72:3](#)), как говорит Псалом, не ждут исполнения «совета» Божия

([Пс.105:13](#)), и не соблюдают равнодушия до конца; однако же, будучи рабами одного настоящего и видимого, утверждаются в истине чудесами, подобными совершившимся ныне. Призываю и тех, кого приводит в изумление лицедейство и великое позорище мира этого, призываю словами Исаии: «жены, грядущие с позорища, придите» ([Ис.27:11](#)), отведя душевное око от внешних предметов, по которым оно блуждало, «остановитесь и познайте, что Я – Бог, буду превознесен в народах, превознесен на земле» ([Пс.45:11](#)), как всегда, во всех творимых Им знамениях и чудесах, так еще очевиднее в чудесах настоящих.

О, если бы составил часть нашего лика и тот собор¹², который прежде с нами вместе воспевал Богу неподдельную и чистую песнь, даже удостоивался некогда стоять по правую сторону и, как надеюсь, вскоре опять удостоится! Но не знаю, по какому побуждению, он вдруг изменяется, отделяется и (чему особенно дивлюсь) не приступает к общему веселью, но составляет (как, может быть, и сами дозволят мне выразиться) какой-то свой нестройный и несогласный лик. Сказать, каков и чей это лик, хотя и побуждает меня ревность, однако же останавливает вера. Удерживаемый надеждой, не произнесу ничего неприятного; ибо до сих пор щажу их, как собственные члены, и внимаю больше прежней любви, нежели настоящему отвращению. Для того поступаю великодушнее, чтобы чувствительнее укорить впоследствии.

Одну только часть, один род людей отлучаю от торжества. Хотя сам сокрушаюсь и скорблю, хотя проливаю слезы, когда, может быть, они и не внимают мне, хотя сетую о нечувствующих собственной гибели, что и делает раны их достойнейшими большего сожаления; однако же отлучаю. Посеянные не на твердом и непоколебимом, но на сухом и бесплодном камне (таковы приступающие к слову легкомысленно и маловерные), «потому что земля была неглубока» ([Мф.13:5](#)), скоро прозябшие и готовые на все в угождение ближним, они впоследствии при слабой попытке лукавого искушить, при малом искушении и дуновении знойного ветра увяли и умерли. Но еще хуже этих последних, еще более достойны отлучения от торжества все те, которые несколько не противились ни силе времени, ни увлекающим нас в пагубный плен от Восшедшего на высоту и Пленившего во спасение. Они оказались даже произвольно злыми и низкими, не сделав и малейшего сопротивления, соблаздившись, когда не было им никакой скорби и никакого искушения ради слова, и (подлинно жалкие люди!) продали собственное свое спасение за временную корысть, за ненужную услугу или власть.

Поскольку же сказано, кто может и кто не может составлять наш лик,

то очистим, по возможности, и тела и души, настроим все один голос, соединимся единым духом и воспоем ту победную песнь, которую некогда, ударяя в тимпан, предначала Мариам, а за нею воспел Израиль, о потоплении египтян в Черном море: «Поем Господу, ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его ввергнул в море» ([Исх.15:21](#)) – но не в море; меняю это в песне; а куда ему было угодно, и как определил Сам Он – «творит все и претворяет», как сказал в одном месте своего пророчества богодухновенно любомудрствующий Амос, «и превращает в ясное утро тень смертную, а день в ночь темную» ([Ам.5:8](#)). Тот, кто, как бы некоторым кругом располагает и ведет весь мир. И все, что нас касается, – и зыблющееся и незыблемое, попеременно и поступающее вперед и обращаемое назад, бывающее в разные времена и так и иначе, – в порядке Промысла, твердо и непоколебимо; хотя и идет противоположными путями, известными Слову, и неведомыми для нас. Господь низлагает «сильных с престолов» ([Лк.1:52](#)) и «того, о ком не думали», украшает «венцом» ([Сир.11:5](#)); заимствую и это из Божественного Писания. Он немощные колена облачает мужеством и сокрушает «мышцы нечестивых и неправедных» ([Пс.36:17](#)); и это беру из другого Писания, как приходит мне на память, которое-либо из многих мест, восполняющих мою песнь и слагающихся в одно благодарение. Он дает нам видеть и возношение нечестивого выше кедров, и обращение его в ничтожество; если только смогли мы скорой и непреткновенной ногой пройти мимо его нечестия. Кто же из поведающих дела Божии воспоет, как должно и поведает это? «Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» ([Пс.105:9](#))? Какой голос, какой дар слова будет соразмерен этому чуду? «Кто сокрушил оружие и меч и брань» ([Пс.75,11](#))? Кто «сокрушал головы змиев в воде»? Кто «дал того в пищу людям» ([Пс.73:13–14](#)), которым и предал его? Кто превратил бурю в прохладный ветер? Кто сказал морю: «умолкни, перестань» ([Мк.4:39](#)), «здесь предел надменным волнам твоим» ([Иов.38:11](#)), и потом быстро усмирил воздымавшиеся и кипевшие воды? Кто даровал власть «наступать на змей и на скорпионов» ([Лк.10:19](#)), которые не тайно уже блюдут пяту, как изречено в осуждении, но явно восстают и поднимают главу, осужденную на поправление? Кто сотворил «суд и правду» ([Ам.5:7](#)), сотворил так неожиданно? Кто не оставил навсегда «жезла нечестивых» (могу ли смело сказать «над жребием праведных» ([Пс.124:3](#))? – или выразиться скромнее?), над жребием ведающих Его? Ибо мы были не как праведные преданы (немногим, и притом редко, дается, чтобы они, как мужественные подвижники, посрамили искусителя), но как грешные осуждены, и потом милосердо и отечески помилованы;

осуждены, чтобы пораженные уцеломудрились, и вразумленные к нему обратились. Он обличил нас, но не «яростью»; наказал, но «не гневом» ([Пс.6:12](#)); тем и другим, и напоминанием, и снисхождением явил Свое человеколюбие. Кто сотворил «мщение над народами, наказание над племенами» ([Пс.149:7](#))? «Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани» ([Пс.23:8](#)). Одно нахожу место, один стих в некотором отношении сообразный настоящему торжеству. Его прежде нас возгласил Исаия, и он весьма приличен нынешнему времени, соответствует величию благодеяния. «Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают правду» ([Ис.45:8](#)); «веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости» ([Ис.49:13](#))! Ибо и все твари и небесные Силы разделяют наши чувствования (присовокупляю это от себя) даже при событиях, подобных настоящему. Тварь, подлежащая тлению, то есть, которые долу рождаются и умирают, не только совоздыхает и соболезнует, в ожидании конца их и откровения, чтобы тогда и ей получить чаемую свободу, подобно, как ныне, силой Творца, неволью предана тленным, но также сопрославляется и сорадуется, когда веселятся чада Божии. Итак, «возвеселится пустыня и расцветет как нарцисс» ([Ис.35:1](#)) (не могу не употреблять Божественных изречений, возвышая Божию силу); да веселится Церковь, которая вчера и за день, по-видимому, сиротствовала и вдовствовала! Да веселится всякий, кто до сих пор был угнетаем нестерпимой и жестокой бурей нечестия! «Ибо» помиловал Господь «людей Своих, и наследуя Своего не оставил» ([Пс.93:14](#)); сотворил «чудные дела, совет древний истинный» ([Ис.25:1](#)), – совет о том, чтобы благоволить к «боящимся Его» и к «уповающим на милость Его» ([Пс.146:11](#)). «Ибо сокрушил Он врата медные и веревки железные сломил» ([Пс.106:16](#)). Мы за беззакония наши смиренны были; но воззваны и избавлены из «сети ловящих» ([Пс.123:7](#)) благодатью призвавшего нас и смиренных сердцем утешающего Бога.

Видите, как слагаю песнь, в которой и слова и мысли божественны! Сам не знаю, почему горжусь и украшаюсь чужим, от удовольствия делаюсь, как вдохновенный; а презираю все низкое и человеческое, когда одно с другим сличаю и согласую, и что единого Духа, то привожу в единство.

И прежде являли нам чудеса Божии: Енох, вознесенный Богом; Илия, взятый на небо; Ной, спасаемый и спасающий «малым деревом» ([Прем.10:4](#)) мир – семена родов, спасшихся от всемирного потопа, чтобы земля снова украсилась обитателями более благочестивыми; Авраам призываемый; когда уже не обещал возраст, награждаемый сыном, во уверение о другом обетованном Семени; приносящий едиnorodного –

добровольную жертву, и вместо сына приемлющий неожиданную жертву. То же явили чудная погибель нечестивых, потопленных огнем и серой, и еще более чудесное исхождение благочестивых; столп соляной – памятник обращения ко злу.

То же явил Иосиф продаваемый, соблазняемый, целомудренный, умудряемый Богом, освобождаемый, поставленный властелином и раздателем хлеба для высшего домостроительства; Моисей, удостоенный богоявления, приемлющий законы, законодательствующий, данный как бог фараону, указавший Израилю путь в землю обетованную. То же явили: известное число египетских казней и среди египтян спасение обремененных трудами; море, бегущее от жезла и соединяющееся по слову, одним дающее путь, как посуху, и потопляющее, согласно с естеством, других; а также все, чем это сопровождалось: столп облачный, осеняющий днем; столп огненный, озаряющий ночью; а оба путеводствующие; хлеб, поливаемый дождем в пустыне, снедь, посылаемая с неба, – первый соразмерно нужде, а вторая даже и сверх нужды; вода из камня, то истекающая, то услаждаемая; Амалик, преодолеваемый молитвой и еще неизъяснимым и таинственным воздеянием рук; солнце останавливаемое, луна удерживаемая, Иордан разделяемый, стены, разрушаемые обхождением священников, также звуком труб и самим числом, силу имеющим; земля и руно попеременно орошаемые и остающиеся невлажными; сила, заключенная в волосах и равняющаяся силам целого воинства; несколько избранных, пивших из горсти воду, обнадеженных в победе и побеждающих, благодаря надежде, малым числом многие тысячи. Нужно ли мне перечислять все чудеса, какие совершены самим Христом, при спасительном Его пришествии и воплощении, и какие после Него и через Него же сотворены святыми Его Апостолами и служителями слова? Сколько книг и памятей, в которых запечатлены они? Какие же чудеса явлены ныне? – «Придите, послушайте, все боящиеся Бога, и я возведу вам» ([Пс.65:16](#)), «чтобы знал грядущий род» ([Пс.77:6](#)), да познают преемства родов – чудеса могущества Божия!

Но невозможно объяснить этого, не изобразив величины бедствия; и это опять невозможно, пока не будет обличено злонравие отступника, не будет показано, какие были начала, какая смена, от которых дошел он до такого неистовства, постепенно возвращая в себе нечестие, подобно тому, как самые злые из пресмыкающихся и зверей собирают свой яд. И хотя подробное описание злодеяний его предоставляем книгам и историям (мы не имеем и времени пересказывать все, не имеющее близкой связи с настоящим предметом); однако же, из многого коснувшись немногого,

оставим потомству как бы некоторую надпись на памятнике, вместив в слово главнейшие и известнейшие из его деяний.

Вот одно и первое из его дел! Спасенный великим Констанцием, недавно от отца наследовавшим державу, когда при Дворе стали править делами новые чиновники, и войско, опасаясь нововведений, само сделалось нововведением, вооружилось против начальствующих, тогда, говорю, невероятным и необычайным образом спасенный вместе с братом¹³, не воздал он благодарения ни Богу за свое спасение, ни Царю, его спасшему, но оказался перед ними злонравным, готовя в себе Богу отступника, а Царю – мятежника. Но прежде всего нужно сказать, что человеколюбивейший Царь в одном из царских дворцов удостоил их царского содержания и царской прислуги, сохраняя их, как последних в роде, для царского престола. Сам Государь, во-первых, думал оправдать себя в том, что беспорядки, открывшиеся в начале его царствования, произведены не по его согласию; во-вторых, хотел показать свое великодушие, приобщив их к царскому сану; а в-третьих, таким приращением надеялся более упрочить власть. Но в его рассуждениях было больше доброты сердца, нежели благоразумия.

На них же¹⁴ не лежало тогда никаких должностей; царская власть была еще впереди и в одном предположении, а возраст и надежда не вели к чинам второстепенным. Поэтому они имели при себе наставников и в прочих науках (все первоначальное учение преподавал им сам дядя и Царь), а еще больше – в нашем любомудрии, не только в том, которое имеет предметом догматы, но и в том, которое назидает благочестие нравов. Для этого пользовались обращением с людьми особенно испытанными и были приучаемы к делам самым похвальным, показывающим опыты добродетели. Они, по своей охоте, вступили в клир, читали народу божественные книги, нимало не считая это ущербом для своей славы, но еще признавая благочестие лучшим из всех украшений. Также многоценными памятниками в честь Мучеников, щедрыми приношениями и всем, что показывает в человеке страх Божий, свидетельствовали о своем любомудрии и усердии ко Христу.

Один из них действительно благочестив, и хотя по природе вспыльчивее, однако же в благочестии искренен. А другой только выжидал время и под личиной скромности таил злонравие. И вот доказательство! Ибо не могу обойти молчанием бывшего чуда, которое весьма достопамятно и может послужить уроком для многих нечестивцев. Оба они, как сказал я, усердствовали для Мучеников, не уступали друг другу в

щедрости, богатой рукой и не щадя издержек, созидали храм¹⁵. Но поскольку трудились они с разной целью, то и конец трудов был различен. Дело одного, имею в виду старшего брата¹⁶, шло успешно и в порядке, потому что Бог охотно принимал дар, как Авелеву жертву, «право и принесенную и разделенную» ([Быт.4:7](#)) и сам дар был как бы некоторым освящением первородного, а дар другого (какое еще здесь на земле посрамление для нечестивых, свидетельствующее о будущем и малозначительными указаниями предвещающее о чем-то великом) дар другого отверг Бог Мучеников, как жертву Каинову. Он прилагал труд, а земля отвергала совершенное трудом. Он употреблял еще большие усилия, а земля отказывалась принимать в себя основания, полагаемые человеком, колеблющимся в благочестии. Земля как бы вещала, какое будет произведено им потрясение, и вместе воздавали честь Мученикам бесчестием нечестивейшего. Такое событие было некоторым пророчеством об открывшихся со временем в этом человеке высокомерии и высокоумии, о непочтении его к Мученикам, о поругании им святых храмов, – пророчеством, для других невразумительным, но заранее преследовавшим гонителя и предзнаменовавшим, какое будет возмездие нечестию. О человек «мудрый, чтобы творить зло» ([Иер.4:22](#)), но не избегающий собственного мучения! Благодарение Богу, возвещающему будущее, чтобы пресечь нечестие и показать Свое предвидение! Какое необычайное, но более истинное, нежели необычайное, чудо! Какое братолюбие в Мучениках. Они не приняли чествования от того, кто обесчестит многих Мучеников; отвергли дары человека, который многих изведет в подвиг страдания, даже позавидует им и в этом подвиге. Или, вернее сказать, они не потерпели, чтоб им одним из Мучеников быть в поругании, когда храмы других устраиваются и украшаются руками преподобными. Они не пустили, чтобы преухищренный во зле мог похвалиться нанесенными им оскорблениями, чтобы одна рука и созидала, и разрушала мученические храмы, чтобы одни из Мучеников были чествуемы, а другие подвергались бесчестию, чтобы притворным чествованием предначиналось действительное бесчестие. Они не хотели, чтобы оскорбитель при великости оскорбления почитал еще себя мудрым и умевшим под видимой наружностью утаиться как от людей, так и от Бога, который всех прозорливее, всех премудрее и «уловляет мудрых в лукавстве их» ([1Кор.3:19](#)). Напротив, дали знать ругателю; что он понят, чтобы уловленный не превозносился. Бог Мучеников по распоряжениям, Ему одному ведомым, по неизреченной Своей премудрости, по законам

мироправления, по которым некогда ожидал исполнения беззаконий амморрейских, – и теперь не пресек, не иссушил вдруг, подобно нечистому потоку, замышляемой и скрываемой злобы. Но для других нужно было сделать злонравие ненавистным, отвергнуть чествование и показать, что Бог, в рассуждении всего Ему приносимого, нелюбезен и чист. Он сказал нечестовавшему Израилю: «не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня» ([Ис.1:13](#)). Он не потерпел «новомесячий» их и «суббот» и «праздников»; ибо, как Самодовольный не нуждается ни в чем человеческом и маловажном; тем менее увеселяется недостойными приношениями; напротив, жертвой нечестивого, хотя бы это был телец, гнушается, как псом, и хотя бы это был ладан, оскорбляется, как богохульством ([Ис.66:3](#)), и «плату блудницы» ([Втор.23:18](#)) измечает из святилища и отвергает; ценит же ту одну жертву, которую Чистейшему приносят чистые руки, высокий и очищенный ум. Итак, что удивительного, если Он, который видит, не как человек, смотрит не на внешнее, но на потаенного человека, прозирает во внутренний источник пороков или добродетелей; что, говорю, удивительного, если Бог и теперь не принял чествования, воздаваемого лукаво и с лукавой мыслью? Но так было действительно. Кто не верит, для тех приводим свидетельства очевидцев; еще многие из них живы; они и вам пересказали об этом чуде и будут пересказывать потомкам нашим.

Когда же, с наступлением зрелого возраста, они коснулись (лучше бы никогда не касаться!) философских учений, а приобрели силу в слове – для благонравных щит добродетели, а для злонравных жало греха; тогда он¹⁷ не мог уже скрывать в себе всего недуга и коварный замысел нечестия обдумывать единственно с самим собой. Огонь, кроющийся в веществе, еще не обратился в светлый пламень, но обнаруживается вылетающими искрами и идущим изнутри дымом. А если угодно другое подобие, источники, с силой текущие в подземных пещерах, когда не находят себе простора и свободного выхода, во многих местах земли устремляются к поверхности и производят под нею шум; потому что сила стремления гонит их, а верхние преграды удерживают и пресекают. Так и он, удерживаемый обстоятельствами и уроками Государя, пока не безопасно было оказать себя явным нечестивцем, скрывал большую часть своего нечестия. И бывали случаи, при которых обнаруживал тайные мысли, особенно перед людьми, более расположенными к нечестию, нежели к благоразумию; в разговорах же с братом, даже сверх приличия, защищал язычников, конечно под предлогом упражнения в слове посредством споров; а действительно это было упражнением в противоборстве истине.

Вообще, он рад был всему, чем отличается нечестивое сердце. А когда человеколюбие Самодержца провозглашает брата его Цезарем и делает обладателем над немалой частью Вселенной; тогда и ему открылась возможность с большей свободой и безопасностью предаться самым вредным наукам и наставникам. Азия стала для него училищем нечестия – всех бредней о звездочетстве, о днях рождения, о разных способах гадания, а также и о соединенной с ними неразрывно магии.

Одного еще недоставало, чтобы к нечестию присовокупить и могущество. Через несколько времени и то дают ему над нами умножившиеся беззакония многих, а иной, может быть, скажет: благополучие христиан, достигшее высшей степени и потому требовавшее перемены, – свобода, честь и довольство, от которых мы возгордились. Ибо, действительно, труднее сберечь приобретенные блага, нежели приобретать новые, и удобнее тщанием возратить прошедшее благоденствие, нежели сохранить настоящее. «Погибели предшествует гордость» ([Притч.16:18](#)); прекрасно сказано в Притчах; а славе предшествует уничижение, или скажу яснее, за гордостью следует низложение, а за низложением прославление. «Господь гордым противится, смиренным, же дает благодать» ([Иак.4:6](#)) и все соразмеряя праведно, воздает за противное противным. Это знал и божественный Давид; потому быть смиряемым полагает в числе благ, приносит благодарение Смирившему, как приобретший через это видение Божиих оправданий; и говорит: «прежде страдания моего я заблуждался; а ныне слово Твое храню» ([Пс.118:67](#)). Таким образом, ставит он смирение в середине между прегрешением и исправлением, так как оно произведено прегрешением, и произвело исправление. Ибо грех рождает смирение, а смирение рождает обращение. Так и мы, когда были добронравны и скромны, тогда возвышены и постепенно возрастали, так что под руководством Божиим сделали и славны и многочисленны. А когда мы «отолстели», тогда стали своевольны; и когда «разжирели» ([Втор.32:16](#)), тогда доведены до тесноты. Ту славу и силу, какую приобрели во время гонений и скорбей, утратили мы во время благоденствия, как покажет продолжение слова.

Царствованию и жизни Цезаря полагается предел. Умолчу о предшествовавшем, щадя и действовавшего и страдавшего¹⁸; но при всем уважении к благочестию обоих не хвалю дерзости. Если им, как людям не свойственно было согрешить в чем другом, то за это, вероятно, не похвалят ни того, ни другого. Разве и здесь поставленное в вину одному обратим в назидание другому Тогда Юлиан делается наследником царства, но не

благочестия, наследником сперва после брата, а через некоторое время и после воцарившего его. И первое дает ему Констанций добровольно, а последнее поневоле, принужденный общим для всех концом, пораженный ударом бедственным и пагубным для целого мира.

Что ты сделал, боголюбезнейший и христоролюбивейший из царей! – к тебе, как бы к предстоящему и внимающему нам, обращаю укоризну; хотя знаю, что ты гораздо выше наших укоризн, вчинен с Богом, наследовал небесную славу и для того оставил нас, чтобы временное царство пренести на вечное? Для чего совещал такой совет ты, который благоразумием и быстротой ума во многом превосходит не только современных тебе, но и прежних царей. Ты очистил пределы царства от варваров и усмирил внутренних мятежников; на одних действовал убеждениями, на других оружием, а в том и другом случае распоряжался, как будто бы никто тебе не противодействовал. Важны твои победы, добытые оружием и сражениями; но еще важнее и знаменитее приобретенные без крови. К тебе отовсюду являлись посольства и просьбы; одни покорялись, другие готовы были к покорности. А если где была надежда на покорность, – это равнялось самой покорности. Рука Божия направляла тебя во всяком намерении и действии. Благоразумие было в тебе удивительнее могущества, и могущество удивительнее благоразумия; благочестие же еще удивительнее самой славы за благоразумие и могущество. Как же в этом одном оказался ты неопытным и неосмотрительным? Отчего такая опрометчивость в твоём бесчеловечном человеколюбии? Какой демон внушил тебе такую мысль? Как великое наследие, то, чем украшался родитель твой, имею в виду христиан, народ, просиявший в целой Вселенной, «царственное священство» ([1Пет.2:3](#)), возвращенный многими усилиями и трудами, в столь короткое время, в одно мгновение, своими руками предал ты всеобщему кровопийце?

Может быть, вам кажется, братия, что поступаю неблагочестно и неблагодарно, когда говорю это, и к обличительной речи не присоединяю тотчас вещаний истины; хотя достаточно уже оправдал я Констанция тем самым, в чем обвинял его, если вы вникли в мое обвинение. Здесь только обвинение заключает в себе извинение; ибо упомянув о доброте, я представил и оправдание. Кому из знавших сколько-нибудь Констанция неизвестно, что он для благочестия, из любви к нам, из желания нам всякого блага, не только готов был презреть его¹⁹, или честь всего рода, или приращение царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасение отдал бы даже саму державу, целый мир и свою душу, которая

всякому всего дороже? Никто никогда и ни к чему не пылал такой пламенной любовью, с какой он заботился об умножении христиан и о том, чтобы возвести их на высокую степень славы и силы. Ни покорение народов, ни благоустройство общества, ни титул и сан царя царей, ни все прочее, по чему познается счастье человеческое, – ничто не радовало его столько, как одно то, чтобы мы через него, и он через нас, прославлялись перед Богом и перед людьми, и чтобы наше господство навсегда пребывало неразрушимым. Ибо кроме прочего, рассуждая истинно царски и выше многих других, он ясно усматривал, что с успехами христиан возрастало могущество римлян, что с пришествием Христовым явилось у них самодержавие, никогда ранее не достигавшее совершенного единоначалия. За это, думаю, и любил он особенно нам благодетельствовать. Если же и оскорбил несколько, то оскорбил не из презрения, не с намерением обидеть, не из предпочтения нам других, но желая, чтобы все были одно, хранили единомыслие, не отсекались и не разделялись расколами. Но, как заметил я, простота неосторожна; человеколюбие не без слабостей; и кто далек от зла, тот всего менее подозревает зло. Поэтому он не предвидел будущего, не почувствовал притворства (нечестие же вкрадывалось постепенно), и в одном Государе могли совмещаться и благость к благочестивому роду, и благость к нечестивейшему и безбожнейшему из людей.

И этот нечестивец в чем укорил христиан, что нашел у нас непохвального, а также что в языческих учениях признал чрезвычайным и неопровержимым? Какому следуя образцу составил он себе имя своим нечестием, совершенно новым образом вступил в состязание с воцарившим его? Поскольку не мог превзойти его добродетелями и совершенствами, то постарался отличиться противным, тем, что преступил всякую меру в нечестии и ревновал о худшем. Таково наше оправдание Констанция в рассуждении христиан и для христиан, вполне справедливее для имеющих ум.

Но найдутся люди, которые, простив нам одну вину, не отпустят другой. Они станут обвинять в скудоумии за то, что Констанций вручил власть неприязненному и непримиримому противнику и что сперва сделал его врагом, а потом могущественным, положив основание вражде умерщвлением брата и придав силу избранием на царство. Поэтому нужно кратко сказать и об этом; нужно показать, что человеколюбие было не вовсе неразумно и не выступило из пределов царского великодушия и царской предусмотрительности. Даже мне было бы стыдно, если бы мы, удостоившиеся от Констанция такой чести и столько уверенные в его

отличном благочестии, в его защиту не сказали правды, что, как служители слова и истины, обязаны мы делать для людей и нимало нас не облагодетельствовавших. Особенно стыдно было бы не сказать правды о Констанции после ухода его из здешнего мира, когда нет и места мысли, что мы льстим, когда слово наше свободно от всякого худого подозрения. Кто не надеялся, если не другого чего, по крайней мере того, что Констанций почестями соделает его²⁰ более кротким? Кто не полагал, что после доверенности, какая ему сделана даже вопреки справедливости, и он будет правдивее? Особенно, когда над обоими произнесен правдивый и прямо царский суд, – один удостоен чести, и другой низложен? Ибо почтивший второго, как никто не ожидал, даже ни сам получивший почести, ясно тем показал, что и первого наказал он не без праведного гнева. Казнь одного была следствием продерзости наказанного; а почести другого были делом человеколюбия в возведшем его к почестям. Но если нужно сказать еще нечто: то Констанций мог полагаться не столько на его верность, сколько на собственное могущество. По такой, думаю, надежде и славный Александр побежденному Пору²¹, который мужественно стоял за свою державу, даровал не только жизнь, но вскоре и царство Индов. Этим, а не другим чем, хотел он доказать свое великодушие; а не превзойти кого в великодушии, для него – Александра, было постыднее, нежели уступить в силе оружия; притом, Пора, если бы замыслил зло, ему легко было покорить и в другой раз. Так и в Констанции человеколюбие произошло от избытка надежды на свою силу. Но для чего усиливаюсь там, где и побежденному весьма удобно одержать верх? Если доверивший поступил худо, то насколько хуже поступил тот, кому оказано доверие? Когда ставить в вину, что не предусмотрен злой нрав, тогда во что должно поставить само злонравие?

Но порок, действительно, есть нечто неподводимое под правила, и у человека нет средств делать злых добрыми. Так и Юлиан, от чего бы следовало ему почувствовать в себе благорасположение, и погасить, если и было какое, воспламенение злобы, оттого самого воспылал большей ненавистью; и стал высматривать, чем отмстить благодетелю. Тому научили его Платоны, Хризиппы, почтенные перипатетики, стоики и краснословы. К тому привели его и геометрическое равенство, и уроки о справедливости, и правило: предпочитай лучше терпеть, нежели наносить обиду. Это преподали ему благородные наставники; сподвижники царской власти и законодатели, которых набрал себе на перекрестках и в пещерах²², в которых не нравы одобрял, но дивился сладкоречию, а, может

быть, и не тому, но единственно нечестию, – достаточному советнику и наставнику – что делать и чего не делать. И подлинно, не достойны ни удивления те, которые на словах строят города, каких на деле быть не может? которые едва не кланяются, как Богу, величавым тиранам, и при своей надменности ставят овал выше богов? Одни из них учат, что вовсе нет Бога; другие, что Бог не промышляет о земном, но что все здесь влечется без цели и случайно; иные говорят, что всем управляют звезды и роковые созвездия, не знаю кем и откуда управляемые; другие же полагают, что все стремится к удовольствию и что наслаждение составляет конец человеческой жизни. А добродетель для них одно громкое имя; по словам тех, ничего нет за настоящей жизнью, никакого после истязания за дела здешней жизни, в пресечение неправды. Иной из их мудрецов вовсе не разумел этого, но был покрыт глубокой, так сказать, тиной и непроницаемым мраком заблуждения и неведения; его разум и столько не был очищен, чтобы мог взирать на свет истины, но, пресмыкаясь в дольном и чувственном, не способен был представить что-либо выше демонов и рассуждать о Творце достойным Его образом. А если кто и прозревал несколько, то, имея руководителем разум, а не Бога, увлекался более вероятным и тем, что как ближайшее скорее обращает на себя внимание черни. Что же удивительного, если вышедший из такого училища, управляемый такими кормчими, когда вверили ему власть и почтили его саном, оказался только злым против вверившего и почтившего? А если можно защищать одного, обвиняя другого, то настроила его против установленного порядка и побудила искать свободы высокоумию не столько, думаю, скорбь о брате, в котором видел он противника себе по вере, сколько то, что не терпел усиливающегося христианства и злобствовал на благочестие. Надобно, как они учат, чтобы философия и царская власть сходились вместе; но не для прекращения, а для умножения общественных зол. И первым делом его высокомерия и высокоумия было то, что он на себя возложил венец, сам себя почтил высоким титулом, которое, не как случайную добычу, но как награду за добродетель, дает или время, или приговор царя, или, что бывало в прежние времена, определение сената. Но он не признает господина в царстве господином раздаваемых почестей. А во-вторых, увидев, что первая дерзость доводит до необходимости поддержать свое высокоумие, что еще замышляет? До чего простирается в несчастии и наглости? Какое неистовство! Он вооружается против самого Констанция и ведет с Запада войско под предлогом оправдать себя в принятии царского венца, потому что внешне скрывал еще свое высокоумие. Но в действительности замышляет

захватить в свои руки державу и удивить свет неблагодарностью. И не обманулся в надежде.

Да не дивятся этому не постигающие недомыслимой глубины Божиих распоряжений, по которым все совершается. Да не дивятся предоставляющие мироправление Художнику, Который, конечно, мудрее нас, и творение свое ведет, к чему и как Ему угодно, без всякого же сомнения – к совершенству и исцелению, хотя врачуемые и огорчаются! По таким распоряжениям и он²³ не возбужден на зло (Божество, по естеству благое, нимало не виновно во зле, и злые дела принадлежат произвольно избирающему зле), но не удержан в стремлении. С быстротой прошел он свои владения и часть варварских пределов, захватывая проходы, не с намерением овладеть ими, но чтобы скрыть себя; уже приближается к царскому дворцу, осмелившись на такой поход, как говорили его единомышленники, по предсказанию и по внушению демонов, которые предрекали ему будущее и готовили перемену обстоятельств. Но, по словам не скрывающих истины, он явился в срок, назначенный для тайного и скрытого во мраке злодеяния; поспешил ко дню смерти, виновником которой был сам, тайно, потому здесь было не предвидение, но обыкновенное знание, – простое злодейство, а не злодеяние бесов. Насколько же бесы проницательны в таких делах, ясно показала Персия. И пусть умолкнут те, которые поспешность его приписывают бесам: разве их делом назовем и то, что он был злобен! Если бы кончина царя не предшествовала нашествию мучителя и тайная брань не производилась сильнее открытой, то злодей узнал бы, может быть, что поспешал на собственную погибель, и прежде, нежели вразумлен поражением у персов, понес бы наказание за свое высокоумие в римских пределах, в которые злонамеренно дерзнул вторгнуться. И вот доказательство! Когда еще он был в пути и думал, что намерения его неизвестны, воинство могущественнейшего царя окружает его и отрезает ему даже возможность к побегу. (Так оказалось впоследствии; ибо и после получения державы ему стоило немало труда одолеть это войско.) И в это самое время, пылая гневом на высокоумие и нечестие, имея в сетях хитрейшего из людей, на пути к месту действия (подлинно велики грехи наши!), Государь, после многих прошений к Богу и людям – извинить его человеколюбие, оставляет жизнь, своим походом доказав христианам ревность о благочестии.

И здесь, приступая к продолжению слова, проливаю слезы, смешанные с радостью. Подобно тому, как река и море между собой борются и сливаются, и во мне происходит борьба – и слияние, и волнение

чувств. Последние события наполняют меня удовольствием, а предшествовавшие извлекают у меня слезы, слезы не только о христианах и о напастях, какие их постигли, или навлеченные лукавым, или допущенные Богом, по причинам Ему ведомым, и, может быть, за наше превозношение, требовавшее очищения; но также – слезы и о его²⁴ душе, и обо всех увлекшихся с ним в ту же погибель. Иные оплакивают одни последние их поражения и здешние страдания; потому что имеют в виду одну настоящую жизнь и не простираются мыслью в будущее, не думают, что будет расчет и воздаяние за дела земной жизни, но живут, подобно бессловесным, заботятся о сегодняшнем только дне, об одном настоящем, одними здешними удобствами измеряют благополучие и всякую встречающуюся неприятность называют несчастьем. Но для меня достоплачевнее будущие их мучения и казнь, ожидающая грешников. Не говорю еще о величайшем наказании, то есть о том, сколько для них будет мучительно отвержение их Богом. Как не пролить мне слез об этом несчастном? Как не оплакивать бежавших к нему больше, нежели тех, которые были им гонимы? И не больше ли еще должен я плакать об увлекшем в беззаконие, нежели о перешедших на сторону зла? Даже гонимым – страдать за Христа было вовсе не зло, а самое блаженное дело, не только по причине будущих воздаяний, но и по причине настоящей славы и свободы, какую они приобрели себе своими бедствиями. А для тех, что претерпели они здесь, – есть только начало уготованного и угрожающего им в будущем. Для них гораздо было бы лучше, если бы дольше страдали здесь, но не были соблюдаемы для тамошних истязаний. Так говорю по закону, который повелевает не радоваться падению врага и от того, кто устоял, требует сострадания.

Но мне опять должно к нему обратить слово. Что за ревность превзойти всех во зле? Что за страсть к нечестию? Что за стремление к гибели? Отчего сделался таким христоненавистником ученик Христов, который столько занимался словом истины и сам говорил о предметах душевспасительных, и у других поучался? Не успел он наследовать царства и уже с дерзостью обнаруживает нечестие, как бы стыдясь и того, что был некогда христианином, или мстя христианам за то, что носил с ними одно имя. И таков первый из смелых его подвигов, как называют гордящиеся его тайнами (какие слова принужден я произнести!): он воду крещения смывает скверной кровью, наше таинственное совершение заменяя своим мерзким и уподобляясь, по пословице, свинье, валяющейся в тине, творит очищение над своими руками, чтобы очистить их от бескровной Жертвы, через которую делаемся мы участниками со Христом в страданиях и

Божестве; руководимый злыми советниками зловредного правления, начинает свое Царствование рассматриванием внутренностей и жертвоприношениями.

Но упомянув о рассмотрении внутренностей и о суеверии или, точнее сказать, зловерии его в таких делах, не знаю, описывать ли мне чудо, разглашаемое молвой, или не верить слухам? Колеблюсь мыслью и недоумеваю, на что преклониться; потому что достойное вероятия смешано здесь с невероятным. Нет ничего невероятного, что при таком новом явлении зла и нечестия было какое-нибудь знамение; да и неоднократно случались знамения при великих переворотах. Но чтобы так было, как рассказывают, – это весьма удивительно для меня, а конечно – и для всякого, кто желает и считает справедливым, чтобы чистое объяснялось чисто. Рассказывают же, что, принося жертву, во внутренностях животного, увидел он Крест в венце. В других возбудило это ужас, смятение и сознание нашей силы, а наставнику нечестия придало только дерзости; он истолковал: Крест и круг значат, что христиане отовсюду окружены и заперты. Это-то для меня чудно, и ежели это неправда, пусть развеется ветром; если же правда, то здесь опять Валаам пророчествует, Самуил, или призрак его, вызывается волшебницей; опять бесы невольно исповедуют Иисуса, и истина обнаруживается через противное истине, дабы тем более ей поверили. А может быть, это делалось и для того, чтобы его удержать от нечестия: потому что Бог, по Своему человеколюбию, может открывать многие и необыкновенные пути к спасению. Но вот о чем рассказывают весьма многие, и что не чуждо вероятия: сходил он в одну из недоступных для народа и страшных пещер (о если бы тем же путем сошел он и в ад, прежде нежели успел столько во зло!); его сопровождал человек, знающий такие дела, или, лучше сказать, обманщик, достойный многих пропастей. Между прочими видами волхования употребляется у них и тот, чтобы с подземными демонами совещаться о будущем где-нибудь во мраке, потому ли, что демоны более любят тьму, ибо сами суть тьма и виновники тьмы, то есть зла; или потому, что они избегают благочестивых на земле, ибо от встречи с ними приходят в бессилие. Но когда храбрец наш идет вперед; его объемлет ужас, с каждым шагом становится ему страшнее; рассказывают еще о необыкновенных звуках, о зловонии, об огненных явлениях, и не знаю о каких-то призраках и мечтаниях. Пораженный нечаянностью, как неопытный в таком деле, он прибегает ко Кресту, этому древнему пособию, и знаменуется им против ужасов, призывает на помощь Гонимого. Последовавшее за этим было еще страшнее. Знамение

подействовало, демоны побеждены, страхи рассеялись. Что же потом? Зло оживает, отступник снова становится дерзким, порывается идти далее: и опять те же ужасы. Он еще раз крестится, – и демоны утихают. Ученик в недоумении; но с ним наставник, перетолковывающий истину. Он говорит: «Не устрашились они нас, но возгнушались нами». И зло взяло верх. Едва сказал наставник, ученик верит, а убедивший ведет его к бездне погибели. И не удивительно: порочный человек скорее готов следовать злу, нежели удерживаться добром. Что потом говорил или делал он, или как его обманывали и с чем отпустили, пусть знают те, которые посвящают в эти таинства и сами посвящены. Только по выходе оттуда и в душевных расположениях и в делах его видно было беснование и неистовство взоров показывало, кому совершал он служение. Если не с того самого дня, в который решился он на такое нечестие, то теперь, самым явным образом, вселилось в него множество демонов; иначе бы, напрасно сходил он во мрак и сообщался с демонами, что называют они вдохновением, благовидно превращая смысл слов. Таковы были первые его дела!

Но когда болезнь усилилась и гонение готово было открыться, увидел он (или как человек мудрый на злое и преуспевший в нечестии, или по совету поощрявших его на это), что вести с нами войну открыто и объявить себя предводителем нечестия – не только слишком дерзко и безрассудно, но и совершенно против цели. Ибо принуждение сделало бы нас более непоколебимыми и готовыми противопоставить насилию ревность по благочестию; ибо души мужественные, когда хотят принудить их к чему силой, обыкновенно бывают непреклонны и подобны пламени, раздуваемому ветром, которое тем более разгорается, чем более его раздувают. Это не только находил он по своим умозаключениям, но мог знать и по предшествовавшим гонениям, которыми христианство более прославлено, нежели ослаблено, потому что гонения укрепляют душу в благочестии, и в опасностях душа закаливается, как раскаленное железо в воде. Если же действовать оружием лукавства (рассуждал он) и принуждению дать вид убеждения, прикрыв насилие лаской, как уду приманкой, то в такой борьбе будет и мудрость, и сила. Кроме того, он завидовал чести мученической, какой удостаиваются подвижники. Потому замышляет действовать принуждением, не показывая вида принуждения; а нас – заставить страдать и не иметь той чести, что страждем за Христа. Какая глупость! Во-первых, он думал утаить, за что мы подвергаемся опасности, и прикрыть истину лжеумствованиями, но не рассудил, что чем более умышляет он против почестей мученичества, тем они сделаются выше и славнее; во-вторых, полагал, что мы предаемся опасностям не по

любви к истине, а по желанию славы. Но этим пусть забавляются их Емпедоклы, Аристеи, Емпедотимы, Трофонии и множество подобных мелких людей. Первый из них думал сделаться богом и достигнуть блаженной участи, ринувшись в жерло горы сицилийской; но любимый башмак его, изверженный огнем, обнаружил, что не сделался Емпедокл из человека богом, а оказался только по смерти человеком тщеславным, нелюбомудрым, не имеющим даже здравого смысла. А прочие по той же болезни и самолюбию скрылись в мрачных пещерах, но когда были открыты, – не столько приобрели себе чести тем, что скрывались от людей, сколько обесчестили себя тем, что не остались в безызвестности. Но для христиан приятнее – страдать за благочестие, оставаясь даже у всех в неизвестности, нежели для других прославляться и быть нечестивыми. Потому что мы мало заботимся об угождении людям; а все наше желание – получить честь от Бога; истинно же любомудрые и боголюбивые – выше и этого: они любят общение с добром ради самого добра, не ради почестей, уготованных за гробом. Ибо это уже вторая степень похвальной жизни – делать что-либо из награды и воздаяния; и третья – избегать зла из-за страха наказания. Так мы рассуждаем, и для желающих нетрудно привести на то многие доказательства. А наш противник, думая лишить христиан чести, как чего-то великого (ибо многие судят о других по собственным страстям), прежде всего воздвигает гонение против нашей славы. Он не так смело, как прочие гонители вводит нечестие, и хочет поступить с нами не только не как царь, но даже и не как мучитель, который бы мог похвалиться, что принудил Вселенную принять его нечестивый закон и – подавил учение, одержавшее верх над всеми учениями. Но, как раб, робко строит козни против благочестия и к гонению присоединяет хитрые двусмысленные умствования.

Всякая власть действует убеждением или принуждением; и он последнее, как менее человеколюбивое, то есть насилие предоставил народу и городам, которые в дерзости особенно неудержимы по нерассудительности и неосмотрительному стремлению ко всему; впрочем и на это дал не всенародное повеление, но как бы неписанный закон, обнаружив свою волю тем, что не останавливал народных волнений. А первое, как более кроткое и достойное царя, то есть убеждение, предоставил он себе. Однако же и это не совершенно выполнил. Как несвойственно оставить леопарду пестроту, эфиопу – черноту, огню – силу жечь, лукавому – этому человекоубийце искони – человеконенавидение, так и он не мог оставить злобы, с какой устремился против нас. Но, как говорят о хамелеоне, что он легко изменяет свой вид, принимая на себя все

цвета, кроме белого (умалчиваю о Протее, баснословном хитреце египетском); так и он для христиан был и являлся всем, кроме кротости. И человеколюбие его было весьма бесчеловечно, его убеждение – насильственно, благосклонность служила извинением жестокости, дабы видели, что он по праву употребляет насилие, не успев подействовать убеждением. Это видно из того, что убеждения его продолжались малое время; и по большей части вскоре следовало принуждение, чтобы мы были пойманы, как на звериной ловле, или сетями, или преследованием, чтобы тем или другим способом непременно попали в его руки.

Таким образом, обдумав и распределив свои действия, употребляет он другую хитрость – единственно верную, хотя слишком нечестивую: начинает злое свое дело с приближенных и с окружающих его людей, как это в обычае у всех гонителей. В самом деле, не имея на своей стороне близких, нельзя действовать на посторонних; подобно как нельзя вести на врагов войско, которое восстает против своего вождя. Он меняет царедворцев, одних наперед предав тайно смерти, других удалив не столько за то, что они были расположены к великому Царю (Констанцию – «ред»), сколько за то, что еще преданнее были Царю царей, а для него бесполезны по тому и другому. Между тем, само собой или через начальников склоняет на свою сторону войско, которое почитал особенно удобопреклонным; потому что военные люди то обольщаются почестями, то увлекаются по простоте, и не знают другого закона, кроме царской воли; правильнее же сказать, он привлек только часть войска, часть не малую, – тех, кого нашел испорченными и больными, кто и в это время и прежде раболепствовал обстоятельствам; и из этой части одних поработил он действительно, других только надеялся поработить. Не всех же увлек, потому что не дал ему столько силы над ними Тот, Кто наказывает нас через него, и еще осталось более семи тысяч мужей, которые не преклонили колен перед Ваалом ([3Цар.19:18](#)), не поклонились златому образу ([Дан.3:18](#)), не были уязвлены змеями, потому что взирали на повешенного змея и низложенного страданиями Христовыми. Между начальниками и высшими, которых особенно легко побелить угрозами или обещаниями, и между простыми воинами, известными только по числу, нашлось много отразивших его нападение, как твердая стена отражает неудачное действие орудия. Впрочем, он не столько сокрушался о том, что избегало рук его, сколько приходил в дерзость, подобно бешеному, от того, что ловил. Он желал, – и ожидаемое представлял уже достигнутым. Потом восстает он и против того великого знамени с изображением Креста, которое, будучи поднято вверх, предводило воинство, почиталось у римлян

и, действительно, было облегчением в трудах, можно сказать, царствовало над прочими знаменами, из которых одни украшены изображениями царей и распростертыми тканями с различными цветами и письменами; а другие, принимая в себя ветер через страшные пасти драконов, укрепленные на верху копий, раздуваются по изгибам, испещренным тканой чешуей, и представляют взорам приятное и вместе ужасное зрелище.

Когда же все, что было около него, он устроил по своим мыслям и уже думал восторжествовать над близкой опасностью, тогда покушается и на прочее. О несмысленный, нечестивый и ничего не сведущий в делах великих! Ты восстаешь против многочисленного достояния, против всемирного плодоношения, совершаемого на всех концах Вселенной низостью слова и буйством, как вы бы сказали, проповеди, той проповеди, которая победила мудрых, прогнала демонов, превозмогла время, которая есть нечто ветхое и вместе новое (подобно тому, как и вы представляете одного из богов своих), – ветхое для немногих, новое для многих, первое в иносказании, последнее в совершении тайны, сокровенной до своего времени! Ты – против великого наследия Христова, забыв, кто ты, какие у тебя силы и откуда ты, – против великого и нескончаемого наследия, которое, если бы кто и с большим, нежели ты, неистовством восстал против него, только более бы возрастало и возвышалось (ибо верю пророчествам и видимому); против наследия, которое сам Он, как Бог, сотворил, и как человек наследовал, которое закон провидел, благодать исполнила, Христос обновил, которое Пророки водрузили, Апостолы связали, Евангелисты довершили! Ты – против жертвы Христовой со своими сквернами! Ты – против крови, очистившей мир, с своей кровью! Ты воздвигаешь брань против мира! Ты возносишь руку против руки, за тебя и для тебя пригвожденной! Ты – против желчи – со своим приобщением жертве! против Креста – со своим трофеем! против смерти – с разрушением! против восстания из гроба – со своим мятежническим восстанием! Ты – против Свидетеля, отвергший даже свидетельство мучеников²⁵! После Ирода – гонитель! После Иуды – предатель, только не обнаруживший, подобно ему, раскаяния удивлением! После Пилата – христоубийца! После Иудеев – богоненавистник! Ты не устыдился жертв, закланых за Христа! Не убоился великих подвижников – Иоанна, Петра, Павла, Иакова, Стефана, Луки, Андрея, Феклы и прочих, после и прежде них, пострадавших за истину! Они охотно боролись с огнем, железом, со зверями и мучителями, шли на бедствия настоящие и угрожающие, как бы в чужих телах или как бесплотные. И для чего все это? Чтобы и словом не

изменить благочестию. Они прославляются великими почестями и празднествами, они прогоняют демонов, врачуют болезни, являются, прорекуют; сами тела их, когда к ним прикасаются и чтут их, столько же действуют, как святые души их; даже капли крови и все, что носит на себе, следы их страданий, так же действительны, как их тела. Но ты не чтишь этого, а бесчестишь; дивишься же Геркулесу, который от несчастий и женских оскорблений бросается на костер; дивишься тому, как по страннوليбию, или в угождение богам, предложен в снедь Пелоп, отчего Пелопиды отличаются плечами из слоновой кости; дивишься искажению фригийцев, услаждаемых свирелью и потом подвергаемых поруганию, или заслуженным истязаниям и испытаниям через огонь при посвящении в таинство Митры; дивишься умерщвлению чужестранцев у тавров, принесению на жертву царской дочери в Трое, крови Менекея, пролитой за фивян, и наконец, смерти дочерей Скедаза в Левктрах; ты хвалишь лакедемонских юношей, секущихся мечами и окропляющих жертвенник кровью, приятной богине чистой и деве; хвалишь чашу с ядом Сократа, голень Эпиктета, мех Анаксарха²⁶, у которых любомудрие было более вынужденно, нежели добровольно; хвалишь прыжок Клеомврата Амвракийского – плод любомудрого учения о душе; хвалишь состязания пифагорейцев о бобах и презрение смерти Феаной или, не помню, кем-то другим, из посвященных в тайны и учения Пифагора.

Но подивись, если не прежним, то настоящим подвигам христиан, ты, любомудрейший и мужественнейший из умерших, который в терпении хочет подражать Эпаминондам и Сципионам, ходит наряду со своим войском, довольствуется скудной пищей и хвалит личное предводительство. Человек благородный и любомудрый не унижает доблести и во врагах; он выше ценит мужество неприятелей, нежели пороки и изнеженность самых близких ему. Видишь ли этих людей, которые не имеют у себя ни пропитания, ни пристанища, не имеют почти ни плоти, ни крови и тем приближаются к Богу, у которых ноги не мыты, и ложем – земля, как говорит твой Гомер, думая таким вымыслом почтить одного из демонов? Они живут долу, но выше всего дольного; среди людей, но выше всего человеческого; связаны, но свободны; стесняемы, но ничем неудержимы; ничего не имеют в мире, но обладают всем мирным; живут двойной жизнью, и одну презирают, о другой же заботятся; через умерщвление бессмертны, через отрешение от твари соединены с Богом; не знают любви страстной, но горят любовью божественной, бесстрастной; их наследие – Источник света, и еще здесь – Его озарения, ангельские псалмопения, всенощное стояние, переселение к Богу ума,

предвосхищаемого; чистота и непрестанное очищение, как незнающих меры в восхождении и обоготворении; их утесы и небеса, низложения и престолы; нагота и риза нетления; пустыня и торжество на небесах; поправление сластей и наслаждение нескончаемое, неизреченное. Их слезы потопляют грех, очищают мир; их воздеяние рук погашает пламя, укрощает зверей, притупляет мечи, обращает в бегство полки; и (будь уверен!) заградит уста и твоему нечестию, хотя превознесешь на время и со своими демонами будешь еще лицедействовать в позорище нечестия. Как и это не страшно, не достойно уважения для тебя, чрезмерно дерзновенный и безрассуднее всякого устремляющийся на смерть? А это, конечно, во многом уважительнее, нежели ненасытность мудреца и законодателя Солона, которую Крез обличил лидийским золотом, нежели любовь Сократа к красоте (стыжусь сказать – к отрокам, хотя она прикрывается честным наименованием), нежели Платоново лакомство в Сицилии, за которое философ продан и не выкуплен ни одним из учеников, даже никем из греков; прожорливость Ксенократа, шутливость жившего в бочке Диогена, с какой он, предпочитая лакомый кусок простому хлебу, говаривал словами стихотворца: пришлецы, дайте место господам, и философия Эпикура, не признающая никакого блага выше удовольствия. Велик у вас Кратес; отдать свои земли на пастбище для овец, конечно, любомудрое дело и похоже на дела наших любомудров; но он провозглашает свою свободу не столько как любитель мудрости, сколько как честолюбец. Велик и тот, кто на корабле, борвшемся с волнами, когда все кидали в море, благодарил судьбу, доводящую его до рубища (Зенон – «ред»). Велик Антисфен, который, когда один наглый оскорбитель ударил его по лицу, пишет у себя на лбу, как на статуе, имя ударившего, может быть, для того, чтобы язвительнее укорить его. Ты хвалишь также одного из живших незадолго до нас за то, что целый день молился, стоя на солнце: но, может быть, он воспользовался временем, когда солнце бывает ближе к земле, дабы сократить молитву, окончив ее с закатом солнечным; хвалишь и Потидейского труженика (Сократа – «ред»), который зимой целую ночь стоял, погружаясь в созерцание, и в исступлении не чувствовал холода; хвалишь любознательность Гомера, трудившегося над Аркадским вопросом; любование и неутомимость Аристотеля, доискивавшегося причины перемен в Европе, – над чем они и умерли; хвалишь и Клеантов колодец, и Анаксагоров ременный повод²⁷, и Гераклитовы слезы. Но сколько же у вас таких, и долго ли они подвизались? Как же не дивиться нашим подвижникам, которых тысячи, десятки тысяч, которые посвящают себя на такое же и еще более чудное любомудрие, любомудрствуют целую

жизнь и, можно сказать, в целой Вселенной, как мужи, так равно и жены, спорящие с мужами в мужестве, и тогда только забывающие свою природу, когда нужно приближаться к Богу чистотой и терпением? И не только люди незнатного рода и всегдашней скудостью приученные к трудам, но даже некогда высокие и знатные своим богатством, родом и властью решаются на непривычные для них злострадания в подражание Христу. Хотя бы они не обладали даром слова, потому что не в слове поставляют благочестие, и не надолго годен плод мудрости, которая только на языке, как признано и одним из наших стихотворцев; однако же в них больше правды; они учат делами.

Но он, пренебрегши всем этим, и одно имея в виду, чтобы угодить демонам, которые неоднократно низлагали его, чего и заслуживал, прежде других распоряжений по делам общественным устремляется против христиан. Два только предмета его озабочивали: галилеяне, как называл он нас в укоризну, и персы, упорно продолжавшие войну. Но наше дело было для него важнее, требовало больших забот, так что войну с персами почитал он делом пустым и детской игрой. Хотя он этого не обнародовал, однако же и не скрывал; до того даже доходило его неистовство, что не переставал твердить о том всегда и всем. И такой благоразумнейший и наилучший правитель государства не сообразил, что во время прежних гонений смятения и потрясения были незначительны, потому что наше учение коснулось еще немногих; истина принята была небольшим числом людей и не открылась еще всем. Но теперь, когда спасительное слово разлилось всюду, особенно у нас²⁸, сделалось господствующим, покуситься на то, чтобы изменить и поколебать христианство, значило то же, что потрясти Римскую державу, подвергнуть опасности целое государство, и чего хуже не пожелали бы нам враги наши, то потерпеть от самих себя, от этого нового и чудного любомудрия и царствования, под которым мы благоденствовали и возвратились к древнему золотому веку и к жизни, ничем не возмущаемой и спокойной. Или удобство сообщений, уменьшение налогов, выбор начальников, наказание за воровство, и другие постановления, служащие временному благополучию и мгновенному блеску, могли доставить государству великую пользу и стоили того, чтобы оглушать наш слух похвалами таким учреждениям? А народные смятения и возмущения в городах, разрыв семейств, раздоры в домах, расторжение супружеств (чему надлежало последовать за тем злом и что действительно последовало), могли ли служить к его славе или к безопасности государства? Кто же будет настолько склонен к нечестию или настолько лишен общего смысла, чтобы согласиться на это? В теле, если нездоровы

один только или два члена, без труда прочие переносят болезнь, и здоровье сохраняется большинством членов; даже от здоровых и больным членам может сделаться лучше. Но ежели расстроена или поражена болезнью большая часть членов; то не может не страдать все тело, и опасность для него очевидна. Так в подначальных, недуги одного члена общества могут иногда прикрываться благосостоянием целого, но если повреждена большая часть членов, опасность угрожает целому обществу. Думаю, что другой, даже и злой ненавистник наш, мог бы видеть это в нынешнее время при таком умножении христиан. Но в этом человеке злоба помрачила рассудок, и потому равно простирает он гонение и на малое, и на великое.

Особенно детской, неосновательной и недостойной не только царя, но и сколько-нибудь рассудительного человека, была его мысль, будто бы за переменной имени последует перемена в нашем расположении, или будто бы нам от этой перемены будет стыдно, как обвиненным в чем-то гнусном. И он дает нам новое наименование, сам называет нас, и узаконивает нам именоваться вместо христиан галилеянами. Подлинно имя, от Христа заимствованное, славно и достоечно; и он умыслил лишить нас этого наименования, или по этой причине, или потому, что страшился силы имени, подобно демонам, и заменил его другим, неупотребительным и неизвестным. Но мы не будем переменять у них имен; потому что и нет имен смешнее, чтобы заменить ими прежние, каковы их Фаллы и Ифифаллы, Мелампиги, Трагопод и почтенный Пан, один бог, произошедший от всех женихов и получивший по достоинству своему имя от посрамления. Ибо им нужно, чтобы или один обесчестил многих, и притом могущественнейший, или один происходил от многих, и притом гнуснейший. Итак, не позавидуем им ни в делах, ни в именах. Пусть улаждаются своей простотой и хвалятся мерзостями. Если угодно, предоставим им Вуфина; готовы сделать и больший подарок, уступив и Триеспера, столь величественно рождаемого и рождающего, совершившего тринадцатый подвиг в одну ночь (имею в виду пятьдесят дочерей Фестия), чтобы получить за это наименование бога. Ежели бы христиане захотели выдумывать подобные вещи, то могли бы из собственных дел Юлиана найти для него многие, более постыдные и вместе с тем более приличные наименования. Ибо что воспрепятствовало бы и нам, воздавая равным за равное, царя римского, или, как он, обманутый демонами, мечтал о себе, царя Вселенной, назвать Идолианом, Пизеем, Адонеем и Кавситавром, как некоторые из наших острословов уже прозвали его, так как это дело весьма легкое. Что препятствовало бы

применить к нему и составить для него и другие названия, какие представляет действительная история? Но сам Спаситель и Владыка всяческих, Создатель и Правитель мира, Сын и Слово Великого Отца, Примиритель, Архиерей и сопрестольный Отцу, для нас, обесчестивших образ Его, низведенных в прах и не уразумевших великой тайны сочетания²⁹, не только нисшедший до образа раба, но и восшедший на крест и совозведший с Собой мой грех, чтобы умертвить его, когда называли Его самарянином и (еще хуже) имеющим в Себе беса, не стыдился этого и не укорял оскорбителей. Тот, кому легко было наказать нечестивых через ангельские силы и единым словом, со всей кротостью и снисходительностью отсылает от Себя оскорбителей, и проливает слезы о распинавших Его. Насколько же нелепо думать, что мы, именуемые галилеянами, будем сокрушаться об этом или стыдиться этого, или перестанем от того ревновать о благе и больше уважим эти оскорбления, нежели душу и тело, тогда как и их умеем презирать ради истины ([Мф.10:28](#); [Лк.9:24](#))? Напротив, более смешно, нежели прискорбно то, о чем я говорю; и мы предоставляем такую забаву зрелищам, ибо, конечно, никогда не превзойдем тех, которые на погибель свою забавляются там и других забавляют подобными вещами.

Но весьма уже лукаво и злонамеренно то, что, не имея сил убедить нас открыто и стыдясь принуждать мучительно, но под львиной шкурой скрывая лисью, или, если угодно, под личиной Миноса тая величайшее неправосудие (не знаю, как выразить это точнее), употребил он снисходительное насилие. Впрочем, поспешая словом, иное предоставлю желающим писать историю, и думаю, что многие, почитая даже делом благочестия поражать словом столь пагубного человека, позаботятся составить трагедию (если так должно назвать) или комедию тогдашнего времени, дабы и потомству было передано такое важное дело, стоящее того, чтобы не скрывать. Сам же вместо всего расскажу для примера одно или два из его деяний, расскажу для удивляющихся ему чрезмерно, пусть знают, что они удостаивают похвалы такого человека, для которого нельзя найти даже и порицания, какое он заслужил.

Не знаю, у всех ли народов, живущих под властью царей, по крайней мере у римлян, строго соблюдается одно царское постановление: в честь царствующих ставить всенародно их изображения. К утверждению их царской власти недостаточно венцов, диадем, багряницы, многочисленных законов, податей и множества подданных; чтобы внушить больше уважения к власти, они требуют еще поклонения, и поклонения не только своей особе, но и своим изваянным и живописным изображениям, чтобы

воздаваемое им почтение было полнее и совершеннее. К таковым изображениям каждый император обыкновенно присовокупляет что-нибудь свое. Один изображает, как наместнейшие города приносят ему дары; другой – как победа венчает его главу; иной – как преклоняются перед ним сановники, украшенные отличиями власти; другие представляют или зверей, пораженных меткими ударами, или варваров, побежденных и поверженных к ногам. Цари услаждаются не только делами, в которых являют свою славу, но и их изображениями.

Что же он замышляет? Какие строит козни для христиан, наиболее твердых? Подобно тем, которые подмешивают в пищу яд, к обыкновенным царским почестям примешивает он нечестие и с римскими установлениями соединяет поклонение идолам. Поэтому на изображениях своих, вместе с другими обыкновенными начертаниями, написав демонов, предлагает такие изображения народу и городам, и особенно начальникам областей, чтобы зло было неизбежным, чтобы или воздающий честь императору воздавал ее и идолам, или уклоняющийся от чествования идолов казался оскорбителем чести императора, потому что поклонение воздавалось совокупно. Такого обмана и сетей нечестия, столь хитро расставленных, избегли немногие, которые были богобоязненнее и проницательнее других; но они и наказаны за свою проницательность под предлогом, что оскорбили честь императора; в действительности же пострадали за истинного Царя и за благочестие. А люди простые и нерассудительные по большей части были пойманы, и им, может быть, само неведение послужит извинением, как вовлеченным в нечестие хитростью. Одного такого поступка достаточно, чтобы опозорить намерение царя. Ибо, думаю, что не одно и то же прилично царю и простолюдину, так как достоинство их неодинаково. В простолюдине извинили бы мы какой-нибудь и хитрый поступок, ибо кому невозможно действовать явной силой, тому извинительно прибегать и к хитрости, но царю очень стыдно уступить силе, а еще стыднее и неприличнее, как думаю, прикрывать свои дела и намерения хитростью.

Другое ухищрение его по мысли и намерению одинаково с первым, но по обширности действия гораздо хуже и нечестивее; потому что зло распростиралось на большее число людей. И я присовокуплю это к сказанному: наступил день раздачи царских даров, или годичный, или тогда нарочно назначенный царем со злым умыслом. Надлежало собраться войску, чтобы каждый получил награду по достоинству и чину. Здесь открылось новое явление низости, новое зрелище нечестия! Бесчеловечность прикрашена каким-то человеколюбием, неразумие и

жадность, по большей части неразлучные с воинами, уловлены деньгами. Блистательно торжествуя над благочестием и гордясь своими ухищрениями, во всем блеске председательствовал царь; подобно какому-нибудь Мелампу или Протею, и был и показывался всем, без труда преображаясь в новые виды. Что же происходило вокруг него, и каких достойно это рыданий для благомыслящих, не только тогда присутствовавших, но и теперь слышавших о таком зрелище! Предложено было золото, предложен и ладан; поблизости был огонь, недалеко – распорядители. И какой благовидный предлог! Казалось, что таков устав царской раздачи даров, освященной древностью и высоко ценимой! Что же за это? Надлежало возложить на огонь фимиам и получить от царя цену своей гибели, цену малую за дело великое – за целую душу, за нечестие против Бога. Гибельная купля! Горькое возмездие! Целое воинство продавалось одним злоухищрением; покорители Вселенной падали от малого огня, от куска золота, от небольшого курения, и большая часть не чувствовала своего поражения, что было всего горестнее. Каждый приступал с надеждой приобретения, но, приобретая, терял самого себя; поклонялся руке царя и не думал, что поклоняется своему убийце. И понявшим это было не легче, потому что однажды увлекшись злом, первый нерассудительный поступок почитали они для себя ненарушимым законом. Какие тысячи персов, стрелков и пращников, какие закованные в железо и ниоткуда не уязвляемые воины, какие стенобитные орудия успели бы в том, что совершено одной рукой в одно время гнусным умыслом.

Присовокуплю одно сказание, вызывающее больше жалости, нежели описанное раньше. Говорят, что некоторые из обманутых по неведению, когда, подвергшись обольщению, возвратились домой разделить с товарищами трапезу, и когда пришло время, по обычаю, прохладиться питьем, как будто с ними не случилось ничего худого, приняв прохладительную чашу, стали возводить очи горе и с крестным знамением призывать имя Христово; тогда один из товарищей удивился и сказал: «Что же это? После отречения вы призываете Христа!» Они полумертвые спрашивали: «Когда же мы отрекались? Что это за новость?» Товарищ объяснил: «Вы возлагали фимиам на огонь, а это значит то же, что отречение». Немедленно оставив пиршество, как исступленные и помешавшиеся в уме, пылая ревностью и гневом, бегут они по торжищу и кричат: «Мы – христиане, мы – христиане в душе! Да слышит это всякий человек, а прежде всех да внимлет Бог, для Которого мы живем и готовы умереть. Мы не солгали Тебе, Спасителю Христе! Не отрекались от

блаженного исповедания. Если и погрешила в чем рука, то сердце не участвовало. Мы обмануты царем, но не уязвлены золотом. Совлекая нечестие, готовы омыться кровью». Потом прибегают они к царю, повергают перед ним золото и со всем мужеством восклицают: «Не дары получили мы от тебя, царь, но осуждены на смерть. Не для почестей были призваны, но приговорены к бесчестию. Окажи милость своим воинам: отдай нас на заклятие для Христа. Его одного признаем мы царем. Воздай огнем за огонь и за пепел нас обрати в пепел; отсеки руки, которые простирали мы на зло, – ноги, которыми шли к злу. Отдай золото другим, которые не будут раскаиваться в том, что взяли: для нас довольно одного Христа; Он заменяет нам все». Так говорили они и в то же время увещевали других познать обман, отрезвиться от упоения и оправдать себя перед Христом кровью. Царь вознегодовал на них, но удержался умертвить явно, чтобы не сделать мучениками тех, которые были уже мучениками, насколько было это в их власти; царь осудил их на изгнание и таким мщением оказал величайшее благодеяние, потому что удалил от своих происков и козней.

Хотя таковы были его желания, и во многих случаях употреблял он коварство, однако же поскольку не имел в сердце твердости и следовал более внушению злого духа, нежели собственному рассудку, то не выдержал своего намерения до конца и не сохранил злобы втайне. Рассказывают об огне Этны, что, накапливаясь внизу и удерживаемый силой, до времени кроется на дне горы и сперва издает страшные звуки (вздохи ли то мучимого исполина или что другое), также из вершины горы извергает дым – предвестие бедствия; но когда накопится и сделается неудержимым, тогда, выбрасываемый из недр горы, несется вверх, льется через края жерла и страшным до неимоверности потоком опустошает ниже лежащую землю. То же видеть можно и в нем. До времени владел он собой, держался своего злоухищренного правила и вредил нам обольщением; когда же неудержимый гнев переступил меру, тогда не в состоянии он был скрывать своей злонамеренности и восстал открытым гонением на божественный и благочестивый наш сонм. Умолчу об указах его против святых храмов, которые и всенародно были объявляемы и тайно исполняемы, – о разграблении церковных вкладов и денег, столько же из-за стремления к корысти, сколько и из-за нечестия, о расхищении священных сосудов и их поругании скверными руками, о священноначальниках и их подчиненных, которые за них были влачимаы и истязуемы, – о покрытых кровью столпах, которые обвивали и опоясывали они руками во время своего бичевания, о стрелках, которые, превосходя свирепостью и

ревностью давшего им повеление, бегали по селениям и городам, чтобы покорить нас, как будто персов, скифов и других варваров. Не буду говорить обо всем этом; но кто не знает о бесчеловечии александрийцев? Они и прежде много издевались над нами и теперь, без меры воспользовавшись временем, как народ по природе мятежный и исступленный к нечестивым делам своим, как сказывают, присовокупили еще то, что святой храм наш наполнили двойной кровью, кровью жертвенной и кровью человеческой, и это сделали под предводительством одного из царских философов³⁰, который через это только составил себе имя. Кому неизвестно буйство жителей Илиополя и сумасбродство жителей Газы, которым он удивлялся и отдавал честь за то, что хорошо понимали, в чем являет он свое величие? – и неистовство жителей Арефузы, которые раньше были неизвестны, а с этого времени стали очень известными? Ибо людям доставляют громкое имя не одни благодетельные, но и злые дела, когда они не находят себе одобрения даже у порочных.

О жителях Газы (из многих их злодеяний должно рассказать хоть об одном, которое могло привести в ужас и безбожников) говорят, что они непорочных дев, проводивших мирную жизнь, и которых едва ли когда касался мужской взор, вывели на улицу и обнажили, чтобы прежде надругаться над ними таким образом, потом рассекли и раздробили на части, и (как мне постигнуть долготерпение Твое, Христе, в то время!) одни злобно терзали собственными зубами, как достойные почитатели бесов, пожирали сырую печень и после такой снеди принимались за обыкновенную пищу; другие трепещущие еще внутренности дев посыпав свиным кормом и выпустив самых свирепых свиней, как бы для того открыли такое зрелище, чтобы видеть, как будет пожираема и терзаема плоть с ячменем – эта смешанная снедь, дотоле невиданная и неслыханная. И виновник этих дел стоил того, чтобы такой снедью кормить только своих демонов; как и хорошо напирал их своей кровью из раны, полученной близ сердца; хотя не понимают этого люди жалкие, по крайнему нечестию неспособные даже рассуждать.

Кто же так удален от обитаемых нами стран, чтобы не знал и не предупредил рассказом вспоминающего о чудном Марке и жителях Арефузы? При славном Констанции, по данной тогда христианам власти, он разрушил одно демонское жилище и многих от языческого заблуждения обратил на путь спасения, своей не менее светоносной жизнью, как и силой слова. За это жители Арефузы, особенно те из них, которые были привержены к почитанию демонов, давно уже негодовали на него. А как скоро дела христиан поколебались, язычество же начало подниматься,

Марк не избежал господствующей силы времени. Народ хотя на время и удерживает свое негодование, однако же как огонь, кроющийся в горючем веществе, или как поток, удерживаемый силой, если только представится случай, обыкновенно воспламеняется и уничтожает преграды. Марк, видя против себя движение народа, который не знает меры ни в замыслах, ни в угрозах, сначала решается бежать, не столько по малодушию, сколько следуя заповеди, которая повелевает бегать из города в город ([Мф.10:23](#)) и уклоняться от гонителей; потому что христиане, при всем своем мужестве и готовности к терпению, должны не только иметь в виду свою пользу, но и щадить гонителей, чтобы, насколько возможно, не увеличить чем-либо опасности, в какой находятся враги их. Когда же Марк узнал, что многих за него влекут и гонят, а многие из-за люто́сти гонителей подвергаются опасности, не захотел для своего спасения равнодушно смотреть на бедствия других. Поэтому принимает другое решение, самое лучшее и любомудрое: возвращается и добровольно выдает себя народу – делать с ним что хотят, и с твердостью выступает против трудных обстоятельств. Каких здесь не было ужасов? Каких не придумано жестокостей? Каждый прибавлял что-нибудь свое к довершению зла; не постыдились (не говоря о чем другом) любомудрия мужа; оно еще более раздражало их; потому что возвращение Марка почитали более презрением к себе, нежели его мужеством в перенесении опасностей. Веден был посреди города старец – священник, добровольный страдалец, и по летам, а еще более по жизни, почтенный для всех, кроме гонителей и мучителей. Веден был людьми всякого возраста и состояния; тут были все без исключения, мужи и жены, юноши и старцы, люди, занимавшие городские должности и украшенные почестями; все силились превзойти друг друга наглостью против старца; все считали делом благочестия – нанести ему как можно более зла и победить престарелого подвижника, боровшегося с целым городом. Тащили его по улицам, сталкивали в нечистые ямы, волочили за волосы; не осталось ни одной части тела, над которой бы не надругались, которой бы не терзали нечестивцы, достойно терпящие терзания в таинствах Митры³¹; дети поднимали вверх тело доблестного страдальца на железных остриях и передавали его одни другим, превращая в забаву это плачевное зрелище; голени старца тисками сдавливали до костей, уши резали тонкими и крепкими нитками, подняв самого на воздух в коробе. Облитого медом и отваром среди дня жалили его осы и пчелы, между тем солнце жгучим зноем палило и пекло плоть его, готовя из этого блаженного (не могу сказать, несчастного) тела для них самую горячую снедь. При этом, говорят (и это стоит, чтобы записать), старец, юный для подвигов (так как

и среди лютых страданий не переставал он являть светлое лицо и услаждался самими муками), произнес достопамятное и достославное изречение: «Это – прекрасное предзнаменование, что я вижу себя на высоте, а их внизу, на земле». Так он намного возвышался духом над теми, которые его держали! Так далек был от скорби, что как будто присутствовал при страданиях другого, и не бедствием, а торжеством считал происходившее с ним. И кого бы не тронуло все это, кто имел хотя несколько милосердия и человеколюбия? Но этому препятствовали обстоятельства и неистовство царя, который требовал бесчеловечности и от черни, и от городов, и от начальников, хотя для многих, не знавших глубины его злобной хитрости, и представлялось это в ином виде. Вот какие мучения вытерпел мужественный старец! И за что? За то, что не хотел одной золотой монеты бросить истязателям, чем и доказал, что подвизался за благочестие. Ибо, пока арефузийцы, положив за разрушенный им храм слишком высокую цену, требовали; чтобы он или заплатил все деньги сполна, или вновь выстроил храм, до тех пор можно было еще думать, что он противится им более по невозможности исполнить требуемое, чем по искреннему благочестию. Но когда мало-помалу побуждая их своей твердостью и каждый раз убавляя что-нибудь из цены, наконец, довел он их до того, что просили с него самое малое количество, которое весьма легко было уплатить, и после этого, с равной неуступчивостью одни домогались взять хоть что-нибудь, и тем доказать свою победу, а другой не хотел ничего дать, чтобы только не остаться побежденным, хотя многие, не только из-за побуждения благочестия, но и из-за уважения к непобедимой твердости старца, усердно вызывались заплатить более, чем требовалось: тогда уже ясно можно было видеть, что он не денег жалеет, а подвизается за благочестие. Что означали такие поступки с Марком: снисходительность ли и кротость, или наглость и бесчеловечность, – пусть скажут нам удивляющиеся царю-философу; я думаю, что никто не затруднится дать справедливый и истинный ответ. Надобно еще прибавить, что Марк был один из тех, которые тайно увели и тем спасли этого нечестивца, тогда как весь род его подвергался опасности погибнуть, может быть, претерпел он достойно все эти муки, да еще и больших страданий был достоин за то одно, что, сам того не зная, сохранил такое зло для всей Вселенной. Говорят, что бывший тогда епарх³² (по религии язычник, а по нравам возвышавшийся над язычниками и уподоблявшийся лучшим мужам, славным в древности и ныне), который не мог равнодушно смотреть на муки и терпение этого мужа, смело сказал царю: не стыдно ли нам, царь, что все христиане побеждают нас, так что и

одного старика, претерпевшего все мучения, мы не могли одолеть? И одолеть его – дело не великое, но быть им побежденными – не крайнее ли бедствие? Так, чего низшие начальники, по долгу, стыдились, тем гордился царь! Может ли быть что-нибудь бедственнее этого не столько для страдавших, сколько для действовавших? Таковы дела арефузийцев! Бесчеловечность Эхета и Фаларида³³ маловажна в сравнении с их жестокостью, или лучше – с жестокостью того, по чьему побуждению и распоряжению это делалось; так как от семени происходят отпрыски, и от ветра – кораблекрушение.

Каковы же и как нестерпимы и другие дела его? Кто мне даст мастерство и язык Геродота и Фукидида, чтобы я мог передать будущим временам изображение всей злости этого человека и как бы на столпе начертать для потомства историю этого времени? Я умолчу об Оронте и о мертвецах, которых в ночное время, скрывая злодеяния царя, река эта, переполненная трупами, тайно губила. Это слова поэта³⁴, которые приличнее можно отнести к Оронту. Не буду говорить и о тех тайных отдаленных частях дворца его, и о тех прудах, колодцах и рвах, которые наполнены были недобрыми сокровищами, то есть не только трупами отроков и дев, рассеченными при таинствах для вызывания душ, для гаданий и незаконных жертвоприношений, но и телами пострадавших за благочестие. Не станем, если угодно, обвинять его в этом, так как и сам он стыдился этого и тем показывал хотя некоторую умеренность. Это видно из того, что он старался скрыть эти беззакония, как мерзость, которой не должно обнаружить. А что наших кесарийцев, этих великодушных и пламенных ревнителей благочестия, он так гнал и позорил, – за это может быть нет нужды и порицать его: ибо он доведен был до этого мщеница справедливым, как ему казалось, негодованием на них за храм богини счастья, потерпевшей несчастье во время счастливого³⁵. Надобно же сколько-нибудь уступить и неправде, когда она уже взяла над ним такую силу! Но кто не знает следующего события? Когда в одной области чернь неистовствовала против христиан и, умертвивши многих из них, грозила сделать еще более, областной начальник, желая держаться середины между требованиями законов и духом времени (так как и духу времени служить считал себя обязанным и имел некоторое уважение к законам), многих из язычников подверг наказанию. Что ж вышло? На него донесли; вдруг, с великим бесчестием, схватили его и представили царю, и он предан был суду за то, что наказал язычников, хотя ссылался на законы, по которым судить было ему поручено; едва не приговорен был к смерти; наконец,

царь явил ему свое человеколюбие, то есть осудил его на изгнание. И при этом какое услышали удивительное и человеколюбивое изречение! «Что за важное дело, – сказал правосудный, не преследующий христиан судья (Юлиан – «ред»), – если одна рука языческая умертвила десять галилеян?» Не явная ли это жестокость? Не указ ли это о гонении, более ясный и ужасный, чем те, которые изданы всенародно? В самом деле, какое различие в том, объявить ли указом гонение христианам, или изъявлять свое удовольствие гонителям их и некоторую справедливость относительно христиан вменить в тяжкое преступление. Воля царя есть неписанный закон, огражденный силой власти и более сильный, чем написанные указы, не подкрепляемые властью.

Нет, говорят почитатели дел его, выдумывающие нам нового бога, кроткого и человеколюбивого, он не предписывал всенародно указами гнать христиан и заставлять их терпеть все, что гонителям будет угодно, и тем думают доказать, что он не был гонителем. Но никто еще не называл гидру кроткой за то, что она вместо одной головы, если верить басне, имеет девять, или Патарской химеру – за то, что у нее три головы, не похожие одна на другую, отчего она кажется еще страшнее; или адского цербера – кротким за то, что у него три же головы, похожие одна на другую; или морское чудовище Сциллу за то, что вокруг нее шесть отвратительных голов, и хотя, как говорят, верхняя половина ее показывала нечто благообразное, кроткое и не неприятное для глаз (ибо Сцилла была девица, имевшая нечто сродное с нами); но ниже были головы собачьи, звериные, не имевшие ничего благовидного, губившие множество кораблей и столь же опасные, как и головы противоположащей Харибды. И ужели ты будешь винить стрелы стрелка и камни пращника, а не самого стрелка и пращника; или винить собак охотничьих, яды составителей ядов, рога бодающихся быков, когти хищных зверей, а действующих ими будешь оставлять в стороне и считать невинными в том, на что они отваживаются? Подлинно, это было бы крайнее безумие, дело, достойное настоящего софиста, защищающего свои пороки и силой слова закрывающего истину. Впрочем ему не скрыть себя, хотя бы вертелся он на все стороны, хотя бы по своей хитрости принимал всевозможные виды, и надев, как говорят, шлем Аида³⁶ или владея перстнем Гигеса и поворачивая его к себе печатью, мог делаться невидимым. Напротив, чем более старается он бежать и скрыться, тем более оказывается перед судом истины и перед сведущими судьями таковых дел как виновный в таких поступках и делах, которых и сам не захочет защищать и называть справедливыми. Так легко обнаруживается лукавство! Так оно само себя поражает со всех сторон.

Но не подумайте, чтобы только уже сделанное им было столь низко и несообразно с благородством и достоинством царским, а что замышлял сделать, то было более человеколюбиво, более достойно царя. Нет! Хорошо бы еще было, если бы готовящиеся им дела не были гораздо бесчеловечнее тех, о которых сказано. Как при движении дракона, одни сгибы чешуи его уже поднялись, другие поднимаются, иные готовы к тому же, а некоторые, хотя до времени еще спокойны, но не могут не прийти в движение; или, если угодно, другое сравнение, как при ударе молнии одни части уже горят, а другие сначала чернеют, пока огонь, усилившись, и их не охватит; так и у него – одни злодеяния уже совершались, а другие были предначертаны в его надеждах и в угрозах против нас, и эти предначертания были так нелепы и необыкновенны, что только ему могло прийти на ум – иметь такие намерения и захотеть привести их в действие, хотя и до него много было гонителей и врагов христиан. Ибо о чем не помышляли ни Диоклитиан, первый из лютейших гонителей христианства, ни преемник его Максимиан, превзошедший его в жестокости, ни последовавший за ними и злейший их гонитель Максимин, потерпевший за это ужасную казнь, гнусную язву телесную³⁷, знаки которой изображены, как на позорных столбах, на его статуях, стоящих и сейчас в публичных местах, – то замышлял он, как пересказывают сообщники и свидетели тайных его дел, но удержан был Божиим человеколюбием и слезами христиан, которые обильно проливались многими как единственная защита против гонителя. Замыслы же его состояли в том, чтобы лишить христиан всех прав и запретить для них все собрания, все площади, все общественные празднества и даже сами судилища; ибо, по мнению, не должно пользоваться всем этим тому, кто не захочет возжигать фимиама на стоящих там жертвенниках и не заплатит так дорого за права столь общие. О законы, законодатели и цари! Как Творец, с одинаковым человеколюбием, для всех общим и нескучным, дает всем наслаждаться и красотой неба, и светом солнечным, и свежестью воздуха, так и вы всем свободным людям одинаковое и равное предоставляете право пользоваться покровительством законов. А он замышлял отнять у христиан это право, так чтобы они, претерпевая и насильственные притеснения и отнятие имущества, и всякую другую, важную или неважную, обиду, возбраненную законами, не могли получать законного удовлетворения в суде. Пусть гонят их с родной земли, пусть умерщвляют, пусть, если возможно, не дают им и свободнодохнуть! Страдавших все это, конечно, утверждало больше в ревности и дерзновении перед Богом, а действовавших – еще более приводило к

беззакониям и бесчестию. И какое же, по-видимому, премудрое основание для этого приводил этот убийца и отступник, нарушитель законов и законодатель, или, скажу точнее – словами наших книг Священных, этот враг и мститель ([Пс.8:3](#))? То, что в нашем законе предписано: не мстить, не судиться ([Рим.12:19](#); [1Кор.6:1](#)), не иметь вовсе стяжаний, не считать ничего собственностью ([Мф.10:9](#); [Деян.4:32](#)), но жить в другом мире и настоящее презирать как ничтожное ([Флп.3:20](#); [2Кор.4:18](#)), не воздавать злом за зло ([Рим.12:17](#)), когда кто ударит нас по щеке, не жалеть ее, а подставить ударившему и другую, отдавать с себя не только верхнюю одежду, но и рубашку. Может быть, к этому присоединит он и то, что нам предписано молиться за обижающих, и желать всякого блага гонителям нашим ([Мф.5:39–40, 44](#)). Как не знать в точности тому, кто некогда был чтецом слова Божия, удостоен был чести служения великому алтарю и начинал строить храмы в честь Мучеников? Но вот чему, во-первых, я удивляюсь в нем: как он столь тщательно занимался Св. Писанием, а не прочел, или намеренно не заметил, того изречения, что зло погибнет злой смертью ([Мф.21:41](#)), злой, то есть всякий, кто отверг Бога, и, что еще хуже, кто гонит твердо хранящих исповедание веры и отягчает их такими бедствиями, каких сам достоин. Если он может доказать, что как нам должно быть совершенными (что он предписывает законом) и неуклонно держаться данных нам правил, так ему назначено, или, по воле богов его, за лучшее признано – быть самым злым человеком, и что из двух противоположных навыков, которые суть добродетель и порок, нам присуждена лучшая часть, а ему и подобным ему брошен худший жребий; то пусть он сознается в этом, и тогда за нами останется победа, что засвидетельствуют и сами враги и гонители наши. Если же и они присвоят себе несколько честности и кротости, по крайней мере на словах, хотя не на деле; если и они, при всем том, что слишком худы и довольны злыми богами своими, не дошли еще до того бесстыдства, чтобы признавать порок за жребий, им собственно принадлежавший, то пусть скажут, как это может быть справедливо и где это предписано, чтобы нам среди всех страданий только терпеть, а им не щадить нас, хотя мы и щадили их? В самом деле, посмотрите на прошедшее. Были времена и нашего могущества и вашего, и оно переходило попеременно то в те, то в другие руки: какие же напасти терпели вы от христиан, подобные тем, которые так часто терпят от вас христиане? Лишали ли мы вас каких-либо прав? Возбуждали ли против кого неистовую чернь? Вооружали ли против кого начальников, которые бы поступали строже, нежели чем им предписано? Подвергли ли кого опасности жизни? Отняли ли у кого власть и почести,

принадлежавшие мужам отличным? Словом, нанесли ли кому такие обиды, на которые вы так часто отваживались или которыми угрожали нам? Без сомнения, сами вы того не скажете, вы, которые ставите нам в вину нашу кротость и человеколюбие.

Кроме того, ты, мудрейший и разумнейший из всех, ты, который принуждает христиан держаться на самой высокой добродетели, как не рассудишь того, что в нашем законе иное предписывается, как необходимое, так что не соблюдающие того подвергаются опасности, другое же требуется не необходимо, а предоставлено свободному желанию, так что соблюдающие его получают честь и награду, а не соблюдающие не навлекают на себя никакой опасности? Конечно, если бы все могли быть наилучшими людьми и достигнуть высочайшей степени добродетели – это было бы всего превосходнее и совершеннее. Но поскольку Божественное должно отличать от человеческого, и для одного – нет добра, которого бы оно не было причастно, а для другого – велико и то, если оно достигает средних степеней, то почему же ты хочешь предписывать законом то, что не всем свойственно, и считаешь достойными осуждения не соблюдающих этого? Как не всякий, не заслуживающий наказания, достоин уже и похвалы; так не всякий, не достойный похвалы, посему уже заслуживает и наказание. Надобно требовать должного совершенства, но не выступая за пределы свойственного нам любомудрия и сил человеческих.

Но я должен опять обратить мое слово к словесным наукам, я не могу не возвращаться часто к ним, надобно постараться защитить их по возможности. Много сделал богоотступник тяжких несправедливостей, за которые он достоин ненависти; но ежели в чем, то особенно, кажется, в этом он нарушал законы. Да разделят со мной мое негодование все любители словесности, занимающиеся ею, как своим делом, люди, к числу которых и я не откажусь принадлежать. Ибо все прочее оставил я другим, желающим того, оставил богатство, знатность, славу, власть – словом, все, что кружится на земле и услаждает людей не более, чем сновидение. Одно только удерживаю за собой – искусство слова, и не порицаю себя за труды на суше и на море, которые доставили мне это богатство. О, когда бы я и всякий мой друг могли владеть силой слова! Вот первое, что возлюбил я и люблю после первейшего, то есть Божественного, и тех надежд, которые выше всего видимого. Если же всякого гнетет своя ноша, как сказал Пиндар, то и я не могу не говорить о любимом предмете, и не знаю, может ли что быть справедливее, как словом воздать благодарность за искусство слова словесным наукам. Итак, скажи нам, легкомысленнейший и ненасытнейший из всех, откуда пришла тебе мысль запретить христианам

учиться словесности? Это была не простая угроза, но уже закон. Откуда же вышло это и по какой причине? Какой красноречивый Гермес (как ты мог бы выразиться) вложил тебе это в мысли? Какие злохитрые Телхины³⁸ и завистливые демоны? Если угодно, скажем и причину этого, именно после столь многих противозаконных и злых дел надлежало тебе, наконец, прийти и до этого, и тем явно напасть на самого себя, так что, где ты особенно думал действовать умно, там-то наиболее, сам того не замечая, опозорил себя и доказал свое безумие. Если же не так, то объясни, что значит это твое определение и какая причина побудила тебя ввести это новое постановление, касающееся словесных наук? И ежели ты скажешь что-нибудь справедливое, мы не будем обвинять тебя, а будем только жалеть о себе. Ибо мы научились как побеждать убеждениями разума, так и уступать над собой законную победу.

Словесные науки и греческая образованность (το ελληνίζειν), говорит он, – наши; так как нам же принадлежит и чествование богов; а ваш удел – необразованность и грубость; так как у вас вся мудрость состоит в одном: веруй. Но и у вас, я думаю, не посмеются над этим пифагорейские философы, для которых «сам сказал» есть первый и высший догмат, более уважаемый, чем самые золотые, или, вернее, свинцовые стихи³⁹. Ибо у последователей Пифагора после первой, так много прославляемой посвященными в таинства учения его, философии молчания, направленной к тому, чтобы ученики посредством молчания приучились измерять все слова свои, принято была за правило, о каких бы предметах учения ни спрашивали, дать ответ, и потом, когда будут требовать доказательства, не отвечать ничего, кроме следующего: так думал Пифагор; и это слово, так полагал он, служило доказательством, не подлежащим никакой проверке и исследованию. Но это выражение: «сам сказал», не то же ли выражает, хотя и в других буквах и словах, что и наше «веруй», над которым вы не перестаете издеваться и ругаться? Ибо наше изречение означает, что не позволительно не верить словам мужей богоносных, и то же самое, что они достойны вероятия, служит таким доказательством сказанного ими, которое крепче всякого логического довода и опровержения. Но допустим на время, что этот ответ неопровержим. Как же ты докажешь, что словесные науки тебе принадлежат? А если они и твои, то почему же мы не можем в них участвовать, как того требуют твои законы и твое бессмыслие? Какая это греческая образованность, к которой относятся словесные науки, и как можно употреблять и понимать это слово? Я готов вместе с тобой,

любитель выражений обоюдных, разобрать его силу и значение, зная, что нередко одним и тем же словом означаются разные понятия, а иногда разными словами – одно и то же, и наконец, различными наименованиями – и различные предметы. Ты можешь сказать, что греческая образованность относится или к языческому верованию, или к народу и к первым изобретателям силы языка греческого. Если это относится к языческому верованию, то укажи, где и у каких жрецов предписана греческая образованность, подобно, как предписано, что и каким демонам приносить в жертву? Ибо не всем велено приносить одно и то же, и не все – одному, равно – и не единственным образом, как это угодно было определить вашим гиерофантам и учредителям жертвоприношений. Вот, например, у лидийцев благочестивым делом почитается проклинать Вуфина⁴⁰ и, ругая его, тем воздавать честь божеству; у жителей Тавриды – убивать чужестранцев, у лакедемонян – бичевать себя перед жертвенником; у фригийцев – оскотлять себя под сладкие звуки свирелей и после утомительной пляски; у иных – мужеложествовать; у других – блудодействовать; и мало ли еще есть других непотребств, совершаемых при ваших таинствах, о чем я не считаю нужным говорить отдельно! Но кому же из богов или демонов посвящена образованность греческая? Да если б это было и так: однако из этого не видно, что она должна принадлежать только язычникам или что общее достояние есть исключительная собственность какого-нибудь из ваших богов или демонов; подобно, как и другие многие вещи не перестают быть общими оттого, что у вас установлено приносить их в жертву богам. Если же ты этого не скажешь, а назовешь вашей собственностью греческий язык и потому будешь нас лишать его как отеческого наследства, нимало нам не принадлежащего, то, во-первых, не вижу, какое может быть тому основание, или как можешь ты связывать это с почитанием демонов. Ибо из того, что у одних и тех же людей и язык и верование – греческие, еще не следует, чтобы язык принадлежал к верованию и чтобы поэтому справедливо было лишать нас употребления этого языка. Такое умозаключение найдут неправильным и ваши учителя логики. Ибо, если два сказуемых соответствуют одному и тому же подлежащему, то из этого еще не следует, что они и сами – одно и то же. Иначе, если предположим, что один и тот же человек – и золотых дел мастер и живописец, то надобно будет искусство живописи считать за одно с искусством ювелира, и наоборот, искусство ювелира признать за одно с искусством живописца, что совершенно нелепо. Потом я спрошу тебя, любитель греческой образованности и словесности: вовсе ли ты запретишь нам говорить по-

гречески, даже обыкновенными, простонародными, общеупотребительными словами, или не дозволишь только употреблять слова отборные и высокопарные, которые доступны для одних отлично образованных? Если эти последние, то какой это странный раздел! Будто слова: σμεράλεον, κοαβίζειν, μων, δήλεθεν, αττα, αμωσυέλως⁴¹ принадлежат к одному наречию, а прочие надобно бросить в киносарг, как прежде бросали туда незаконнорожденных⁴²? Если же и простые, неизящные выражения равно принадлежат греческому языку почему не лишаете нас и их, и вообще всякого греческого слова, каково бы оно ни было? Это было бы, как нельзя более, человеколюбиво и вполне достойно вашего невежества.

Но я хочу открыть тебе относительно этого предмета высшее и более совершенное умозрение. Не мое дело рассуждать, есть ли особенные какие-то слова богов (не говорю о словах μωλυ, ξάνθον, χαλκис⁴³; над ними я смеюсь), слова, которые превосходнее и знаменательнее наших и однако же образуются посредством органов голоса, и через воздух доходят до слуха, между тем, как богам сроднее было бы беседовать между собой только посредством мыслей и образов. А наше рассуждение таково: и язык и всякое искусство, или полезное учреждение, какое бы ты себе ни представил, принадлежат не одним изобретателям, а всем, ими пользующимся; и как в искусной музыкальной гармонии одна струна издает тот звук, другая – другой, высокий или низкий, но все подчиняется одному искусному руководителю хора и составляет одну прекрасную гармонию; так и здесь – высочайший Художник и Зиждитель – Слово, хотя избрал различных изобретателей разных полезных учреждений и искусств, но все предложил всем, кто хочет, дабы соединить нас узами взаимного общения и человеколюбия и украсить жизнь нашу кротостью.

Как же ты говоришь, что греческая образованность – твоя? Не финикийцам ли принадлежат письмены или, как думают другие, не египтянам ли, или еще не евреям ли, которые и их превосходят мудростью и которые веруют, что самим Богом начертан закон на богописанных скрижалях? Тебе ли принадлежит аттическое красноречие? А игра в шашки, наука чисел, искусство считать по пальцам, меры, весы, искусство строить полки и воевать – чье это? Не эвбеян ли? Потому что в Эвбее родился Паламид, который изобрел многое и, тем возбуждив зависть, потерпел наказание за свою мудрость, то есть приговорен был к смерти воевавшими против Илиона. Итак, что же? Если египтяне и финикийцы, если евреи, у которых и мы заимствуем многое для своего обучения, если,

наконец, жители острова Эвбеи будут по-твоему присваивать себе все это, как собственность, что нам тогда делать? Чем будем защищаться против них, попав под собственные законы⁴⁴? Не придется ли нам лишиться всего того, и, подобно вороне в чужих перьях, что у нас оборвут их, и мы останемся голыми и безобразными? Или твоя собственность – стихи? Но что, если право на них оспорит та старуха, которая, когда толкнул ее в плечо быстро бежавший навстречу ей юноша, стала бранить его и в жару гнева, как рассказывают, выразила брань свою стихом, который очень понравился тому юноше и был приведен им в правильный размер, послужив началом стихотворства, столь тобой уважаемого? Что сказать о прочем? Если ты гордишься оружием, то от кого, храбрейший воин, у тебя оружие? Не от циклопов ли, от которых ведет свое начало искусство ковать? Если представляется тебе важной, и даже важнее всего, багряница, которая сделала тебя и мудрецом, и установителем таких законов, то не должен ли ты отдать ее тирянам, у которых пастушья собака, съев улитку и испачкав свои губы багряным ее соком, показала пастуху пурпуровую краску и передала вам, царям, через тирян это пышное рубище, плачевное для злых? Что еще сказать о земледелии и кораблестроении, которых могут лишить нас афиняне, рассказывающие о Деметрах⁴⁵, Триптолемах, драконах, Келеях и Икариях и передающие вам об этом множество басен, на которых основываются ваши бесстыдные таинства, поистине достойные ночной тьмы? Угодно ли тебе, чтоб я, оставив прочее, обратился к главному предмету твоего безумия, или, лучше, злочестия? То самое, чтоб посвящаться и посвящать в таинства и служить богам, откуда перешло к тебе? Не от фракийцев ли? В этом само слово $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$ (служить богам) может тебя убедить. А жертвоприношения – не от халдеев ли или от киприотов? Астрономия не вавилонянам ли принадлежит? Геометрия не египтянам ли? Магия не персам ли? Гадание по снам – от кого, как не от телмисян⁴⁶? Птицегадание от кого, как не от фригийцев, которые прежде других стали замечать полет и движения птиц? Но чтобы не многословить, откуда у тебя все частные принадлежности богопочтения? Не каждая ли от одного какого-либо отдельного народа? А из соединения всех их вместе составилось одно таинство суеверия! Итак, что же? После того как все отойдет к первым изобретателям, не должно ли будет допустить, что у тебя не останется ничего своего, кроме злобы и твоего богоотступничества, поистине нового? В самом деле, ты первый из христиан вздумал восстать против Господа, как некогда у скифов рабы против господ. Правда, что для тебя было бы весьма важно, если бы, по

твоим определениям и законам, разрушилось это злое скопище⁴⁷, чтобы можно было освободиться от беспокойств и опять увидеть Римскую державу в древнем благосостоянии, свободной от всякого внутреннего междоусобия, которое гораздо нестерпимее и страшнее войны с внешними врагами, подобно как ужаснее терзать свою собственную плоть, нежели чужую.

Но ежели в этих его действиях вы видите хитрое злодейство, прикрытое личиной кротости и нимало не сообразное с величием царским: то вот я представлю вам опыты еще большего коварства. Он видел, что наше учение величественно и по своим догматам, и по свидетельствам данным свыше; что оно есть и древнее и новое, – древнее по проречениям и по просвечивающимся в нем мыслям Божества, новое – по последнему Богоявлению и по чудесам, какие вследствие его и при нем были; видел, что это учение еще более величественно и славно по переданным и до сих пор сохраняемым правилам церковного благоустройства. Итак, чтобы и это не избежало его злоухищрений, что замышляет он, что делает? Подражает Рабсаку ассирийцу, военачальнику ассирийского царя Сеннахирима. Рабсак, перенеся войну в пределы Иудеи, с великой силой и многочисленным войском осадил Иерусалим и близ самого города расположил свой стан, но когда не смог ни силой взять город, ни дожидаться перебежчиков, которые бы сообщили ему что-нибудь о происходившем в городе, то вздумал склонить жителей к покорности кроткими убеждениями, предлагая те на их языке. Однако же осажденные, как это известно из истории, заметив его умысел и опасаясь, чтобы приятностью речей его не быть пойманными в сети рабства, прежде всего потребовали, чтобы он говорил с ними не по-еврейски, а по-ассирийски. Подобное замыслил и он. Ибо готовился во всех городах завести училища, кафедры, высшие и низшие места для сидящих, чтения и толкования языческих учений, относящихся к образованию нравов и к таинствам, также образцы молитв, попеременно произносимых то теми, то другими, епитимьи согрешающим, сообразные преступлению, чин приготовлений к посвящению, и самого посвящения – словом, все, что очевидно принадлежит к нашему благочинию; сверх этого думал устроить гостиницы и приюты, убежища для любителей целомудрия, для дев, и обители для посвятивших себя размышлению; хотел подражать и нашему человеколюбию к нуждающимся, чтобы оказывать им всякое пособие и напутствовать их одобрительными письмами, с какими мы препровожаем бедных от одного народа к другому, чему он особенно удивлялся в наших установлениях. Вот что замышлял этот новый догматовводитель и софист.

А что предприятие его не совершилось и не введено в действие, не знаю, считать ли это выгодой для нас, которые скоро освободились от него и от его замыслов, или более выгодой для него самого, потому что он должен был остановиться на одних мечтаниях. В противном случае, открылось бы, как далеки от движений человеческих подражания обезьян. Рассказывают, что и обезьяны подражают таким движениям, которые перед их глазами делает человек, чтобы обмануть их; но этим самым их и ловят, так как подражание их не может дойти до нашей смьшлености. По свидетельству оракула, конь фессалийский, жена лакедемонская и мужи, пьющие воду Арефузы, то есть сицилийцы, превосходнее всех однородных с ними, но гораздо справедливее то, что христианские обычаи и законы одним только христианам и свойственны, так что никому другому, кто только захотел бы подражать нам, невозможно перенять их, и это оттого, что они утвердились не человеческими соображениями, но силой Божиею и длительным постоянством.

Теперь всего приличнее рассмотреть, как бы на вид, это дивное, или лучше, нелепое построение, и узнать, какой бы мог быть у них образ учения и какая цель собраний, чтобы, как говорит Платон о своем городе, построенном на словах, увидеть мысль их в движении. Все любомудрие разделяется на две части, на умозрительную и деятельную, из которых первая выше, но труднее к пониманию, а другая ниже, но полезнее. У нас обе они одна другой способствуют. Умозрение служит нам спутником к горнему, а деятельность – восхождением к умозрению, ибо невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро. А у них, которые не черпают в Божественном вдохновении силы связующей, обе эти части подобны корням, не утвержденным в почве и носящимся по воде; и я не знаю, которая из них смешнее и слабее. Посмотрим же на их блаженство и позволим себе, как это бывает во многих зрелищных представлениях, немного позабавиться с забавляющимися рассказчиками басен и к сказанному: «радоваться с радующимися и плакать с плачущими» ([Рим.12:15](#)) присовокупить и это: «поговорить о пустом с пустословами». При слезах бывает и смех, как это заметили стихотворцы⁴⁸. Итак, представим себе великолепное зрелище или, не знаю, как иначе велят они назвать дом свой. Пусть глашатаи сзывают слушателей, пусть сходится народ, пусть первые места займут или те, которые отличаются сединой старости и отменным образом жизни, или люди знаменитые по роду, по славе и по хитросплетенной мудрости земной, в которой более прелести, чем истинного благочестия. Мы отдадим им это преимущество; что же будут они делать после этого? Пусть сами запишут своих председателей.

Пусть украшают их пурпуровая одежда, ленты и разноцветные прекрасные венки. Так как я часто замечал, что они заботливо пекутся о величавой наружности, о том, как бы стать выше простолудинов; как будто все общеупотребительное и обыкновенное достойно презрения, а что показывает надменность и не может принадлежать многим, то и должно внушать доверие. Или и в этом снизойдут они до нас и будут, подобно нам, думать, что приличнее им быть выше других нравами, а не наружным видом? Так как мы мало заботимся о видимости и о живописной наружности, а больше о внутреннем мире человека и о том, чтобы обращать внимание зрителя на созерцаемое умом, чем и учим больше народ. Итак, пусть это будет, как сказано.

Что ж далее? Конечно, ты представишь им толкователей предвестий, которые вы называете божественными раскроешь книги богословские и нравственные. Какие же и чьи, скажи, пожалуйста! Хорошо им пропеть «Теогонию Гесиода» и разглагольствовать об описанных там битвах и заговорах, о титанах и гигантах, страшных по имени и по делам. Котт, Бриарей, Гиг, Энкелад, представляемые у вас с драконовыми ногами, молниеносные боги и наброшенные на гигантов острова, стрелы и вместе гробы мятежникам; отвратительные исчадия и преждевременные порождения гигантов, гидры, химеры, Церберы, Горгоны – словом, множество всякого зла, – вот красоты, которые можно предложить слушателям из Гесиода! Теперь пусть предстанет со своей цитрой и всеувлекающей песнью Орфей; пусть прозвучат в честь Зевса те великие и чудные слова и мысли, в коих выражается его богословие.

«О, Зевс, славнейший, величайший из богов, скрывающийся под пометом овец, коней и лошаков!» Верно, хотел он этим изобразить животворную и живоносную силу бога; и можно ли было иначе это выразить? Но он не скуп и на другие столь же высокие речи. Например: «Сказавши это, богиня $\delta\omicron\iota\epsilon\varsigma \alpha\nu\epsilon\sigma\acute{\upsilon}\rho\alpha\tau\omicron \mu\upsilon\rho\epsilon\varsigma$ », чтобы ввести своих любимцев в непотребные свои тайны, что еще и ныне изображается наружными телодвижениями. Пусть присоединятся ко всему этому еще Фанес, Ерикапей, и тот, который пожрал всех прочих богов, а потом их изверг из себя и таким образом стал отцом людей и богов. Пусть все это предложат чудным слушателям богословия, потом пусть придумают на это аллегории и чудовищные толкования, и поучение, удаляясь от своего предмета, понесется в пучины или на стремнины умозрения, не имеющего никакой опоры. Но где поместишь ты Гомера, этого великого трагикомического певца богов? В удивительных его поэмах найдешь и то и другое, то есть и горе и смех. В самом деле, можно ли без большой заботы

смотреть и ожидать, помирится ли, при посредстве Геры, нарядившейся, подобно блуднице, Океан с Тефидой? Иначе, беда всей Вселенной, если они еще некоторое время проведут целомудренно! Не знаю, будешь ли ты объяснять это так, что сухость и влажность должны быть примирены, дабы избытком какой-нибудь из них не приведено было все в беспорядок; или придумаешь что-нибудь еще более нелепое. Потом, какое чудное совокупление тучесобирателя и почтенной Геры, когда она убеждает его бесстыдством среди дня! А стихотворцы в своих мерных речах льстят ему, подстилая лотос росистый и возвращая из земли шафран и гиацинт. Это на чем основано и как может быть объяснено? Как сообразить и то, что одна и та же ваша Гера, сестра и супруга великого Зевса, белотелая и розоперстная, то представляется повешенной в эфире и в облаках с железными наковальнями, влекущими ее вниз, и с золотыми (конечно, из уважения к ней) оковами на руках, так что и для богов, хотевших заступиться за нее, не безбедно было их сострадание; то надевает на себя пояс любви и, пышно нарядившись, так пленяет Зевса, что все прежние вожделения его, как он сам признается, были гораздо слабее любви, тогда в нем возбуждившейся? Или, как страшно, что за лакедемонскую блудницу приходят в движение боги, гремит небо, и оттого расторгнутся основания земли, сдвинется с места своего море, откроется царство ада, и явится то, что так долго оставалось скрытым? Или, как грозно это мановение черных бровей и колебание бессмертных волос, от которого весь Олимп потрясся? Потом, не чудно ли видеть, как ранен Арес, или как этот уродливый любовник золотой Афродиты, неосмотрительный прелюбодей, заключен в медную тюрьму и связанный хромым на обе ноги Гефестом собирает вокруг себя на зрелище богов, смотрящих на его непотребство, а потом отпускается за небольшие деньги?

Все эти и многие другие мифы, так умно и так разнообразно сложенные и из ряда вон выходящие, может ли кто-нибудь, насколько бы он ни был у вас возвышен и велик и даже равен самому Зевсу по мудрости, ввести в рамки приличия, какие бы ни придумывал он выводы, самые заоблачные и превышающие меру нашего понимания? И если все это истинно, то пусть же не краснея смотрят на то, пусть величаются тем или пусть докажут, что все это не постыдно. Для чего им прибегать к мифам, к этому прикрытию стыда? Миф – защита отступающих, а не тех, которые смело наступают. Если же это – ложь, то, во-первых, пусть укажут непрячущихся богословов, и мы поговорим с ними; потом пусть скажут, не глупо ли, как чем-то твердым, величаться тем, чего сами стыдятся, как баснословного? Не странно ли выставлять напоказ в изображениях и

разных видах то, что могло бы оставаться неизвестным для народа (потому что не все учатся); а что того хуже, выставлять с такой тратой денег, жертвуемых на храмы, жертвенники, идолов, приношения, дорогие жертвы, и вместо того чтобы без всякой траты творить дела благочестия, с такими убытками служить нечестию? А если скажут, что это пустые вымыслы поэтов, которые двумя этими способами, мерной речью и баснями, хотели сделать свои творения приятными и тем услаждать слух, и что впрочем здесь есть сокровенный, глубокий смысл, постижимый только для немногих из мудрых; то смотрите, как просто и вместе с тем, как справедливо я рассужу об этом. Во-первых, за что они хвалят этих оскорбителей ими чтимых богов и едва не удостаивают божеских почестей? Для таких людей великим приобретением было бы – не потерпеть наказания за свое нечестие. Ибо если законами определена смертная казнь и тем людям, которые даже не всенародно, даже немного похулили бы одного из их богов, то какую казнь надлежало бы потерпеть тем, которые опозорили в своих стихотворениях всех богов, всенародно приписав им дела самые бесстыдные, и на долгое время предали их осмеянию? Потом достойно рассмотрения и следующее: есть и у нас некоторые слова откровенные; от этого не откажусь я; но какова их двусмысленность, и какая сила? В них и видимое не оскорбляет приличия, и сокровенное достойно удивления и весьма ясно для вводимых в глубину и, подобно прекрасному и неприкосновенному телу, не худой облекается и одеждой. И подлинно надобно, как мне кажется, чтобы и внешние знаки Божественного, и выражения о нем не были неприличны и недостойны означаемого, не были таковы, что и люди огорчились бы, слыша о себе что-нибудь подобное; напротив, они должны быть или в высочайшей степени прекрасны, или по крайней мере не гнусны, дабы могли и доставлять удовольствие мудрым, и не причинить вреда народу. А у вас и то, что нужно понимать умом, невероятно, и то, что предлагается взорам, пагубно. Что это за благоразумие – вести по грязи в город или по скалам и подводным камням – к пристани? Что из того выйдет? Какие будут следствия такого учения? Ты будешь пустословить и иносказаниями прикрывать свои бедствия или другие вымыслы, но никто не будет тебе верить. Скорее убеждаются тем, что видят. Итак, ты слушателю не принесешь пользы, а зрителя, останавливающегося на видимом, введешь в погибель. Такова умозрительная часть их любомудрия! Так далека она от предполагаемых ими целей, что скорее все прочее можно связать между собой, скорее можно соединить разделенное самым большим пространством, чем сочетать и привести в согласие их вымыслы, или

подумать, чтобы и смысл басен и оболочка их были делом одного и того же учителя.

Что же сказать о нравственной части их любомудрия? Откуда и с чего начать им, и какие употребить побуждения, чтобы научить слушателей добродетели и посредством своих увещаний сделать их лучшими? Прекрасное дело – единомыслие, чтобы и города, и народы, и семейства, и все люди жили во взаимном согласии, следуя закону и порядку природы, которая все разделила и совокупила и эту совокупность разнообразных вещей сделала единым миром. Но какими примерами научат они единомыслию? Ужели тем, что станут повествовать о битвах богов, об их междоусобиях, мятежах и множестве бед, которые они и сами терпят, и друг другу причиняют, и каждый порознь, и все вместе, и которыми наполнена почти вся их история и вся поэзия? Но указывая на такие примеры, скорее сделаешь людей из мирных браннолюбивыми, из мудрых – исступленными, чем из дерзких и глупых – умирненными и здравомыслящими. Ежели и тогда, как нет приманки к злу, трудно бывает отвращать людей от порока и из худого состояния переводить в доброе, то кто убедит их быть кроткими и воздержными, когда у них боги – путеводители и покровители страстей, и быть порочным есть дело даже похвальное, награждаемое жертвенниками и жертвами и пользующееся законной свободой (так как всякий порок находится под покровительством какого-нибудь бога, которому он приписывается)? Подлинно, это величайшая нелепость, когда то самое, за что в законах положено наказание, люди чтят как нечто божественное. Такое у вас изобилие неправды. Во-вторых, пусть учителя язычников предложат им благоговейно уважать родителей и чтить в них первую вину бытия своего после Первоначальной Вины. Пусть приведут на это доказательства и представят убеждения из богословия. Как не убедит к тому Крон, который оскотил Урана, чтобы он не мог рождать богов, и дал бы волнам случай довершить рождение богини из пены? Как не убедит Зевс, – этот сладкий камень⁴⁹ и горький убийца тирана, который, подражая отцу своему Крону, восстал против него? Не указываю на другие подобные побуждения к почитанию родителей, содержащиеся в их книгах. В-третьих, пусть наставники язычников попытаются научить их презирать деньги, не стараться из всего извлекать прибыль и недомогаться неправедных стяжаний – этого залога бедствий. Но как же тогда выставлять перед ними Кердою⁵⁰? Как показывать мешок его? Как чтить проворство этого бога в воровстве? Куда годятся тогда и изречения: «Феб без меди не прорицает»

или: «ничего нет почтеннее оболы?» А все это у них – в великом уважении. Что еще? Не захотят ли они учить целомудрию, призывать к воздержанию? Убедительные образцы недалеко: вот сам Зевс, принимавший все виды для обольщения женщин, превращавшийся в орла по неистовой любви к фригийским отрокам, чтобы как можно веселее пировали боги, смотря, как подносят им вино бесчестные любимцы Зевса; вот еще Триеспер Геракл, в продолжение одной ночи в доме Фестия совершивший тринадцатый свой подвиг, который, не знаю почему, не включен в число прочих его подвигов. Нужны ли еще образцы обуздания страстей? Пусть гнев укрощает Арес, пьянство – Дионис, ненависть к чужестранцам – Артемида, страсть к обманам – лукавый их прорицатель (Аполлон), неумеренный смех – тот бог, прихрамывающий в собрании жалеющих о нем богов, который едва держится на тонких голеньях, обжорство – Зевс, бегущий с прочими демонами на тучный пир к непорочным эфиопам, и еще Вуин, так названный оттого, что обидел земледельца и съел у него вола, тянущего плуг, так же как и прочие боги, которые все так спешно бегут на запах тука и возлияний!

Близко ли это к нашему учению, по которому каждый должен измерять любовь к другим любовью к себе и желать ближним того же, чего самому себе, по которому ставится в вину не только делать зло, но и замышлять, и наказывается пожелание, как и само дело, по которому должно так заботиться о целомудрии, чтобы воздерживать и око, и не только руки не допускать до убийства, но и сам гнев усмирять, по которому – нарушить клятву или ложно клясться – так страшно и нестерпимо, что и сама клятва нам одним воспрещена? Денег же у многих из нас вовсе не было, а другие хотя и имели их много, но только для того, чтобы многим пренебречь, возлюбив нестяжательность вместо всякого богатства. Служить чреву, этому несносному и отвращения достойному господину и источнику всех зол, предоставляют у нас черни; не много будет, если скажу, что подвижники христианские стараются быть как бы бесплотными, изнурая смертное бессмертным; для них один закон добродетели – не быть побежденными даже и малым, даже тем, что все оставляют без внимания. Между тем как другие наказывают по законам своим за совершение дела, мы пресекаем сами истоки греха, заблаговременно останавливая его, как некий злой и неудержимый поток. Что ж может быть превосходнее? Или, скажи мне, где и у каких людей найдешь ты, чтоб они, когда злословят о них – благословляли, когда хулят – утешались (ибо не обвинение причиняет вред, а истина), когда гонят – уступали ([1Кор.4:12–13](#)), когда отнимают у них одну одежду – отдавали и

другую, когда клянут – молились за клянущих ([Мф.5:40–44](#)), – одним словом, чтобы побеждали благосердием наглость и, терпеливо перенося обиды, самих обижающих делали лучшими? Пусть и они обуздывают порок увещаниями, по наружности благовидными; уступим им это, но где же им достигнуть нашей добродетели и нашего ученья, когда у нас и то считается уже злом, если не преуспеваем в добре, не делаемся беспрестанно из ветхих новыми, а остаемся в одном положении, подобно кубарям, которые только кружатся, а не катятся вперед, и хоть двигаются от ударов бича, но все на одном месте? Нам так много предстоит добрых подвигов, что один должны мы довершать, к другому приступать, третьего пламенно желать, пока не достигнем конца и Божьей благодати, для этого мы и получили бытие, и к этому неукоснительно стремимся, если только восходим умом горе и надеемся благ, достойных величия Божия.

Слово 5

Второе обличительное на царя Юлиана

Итак, словом моим совершен и окончен первый подвиг. Ибо довольно показал я злонравие человека, изобразив, что он нам сделал и что мог еще сделать, непрестанно выдумывая что-нибудь более тягостное, нежели настоящее. Теперь предназначу уже другую цель слову, которую едва ли и предназначал кто себе, цель священнейшую перед Богом, приятнейшую для нас, полезнейшую для потомков, – присовокупить к сказанному и то, как правдивы весы Божии и какие воздаяния находит для себя нечестие, то немедленно, то в скором времени, как это угодно бывает (полагаю я) Художнику – Слову и Распорядителю дел наших, который знает, когда загладить бедствия милостью и когда вразумить дерзость посрамлением и казнями, употребив известные Ему меры исправления. Но кто вполне изобразит болезни, по суду Божию постигающие нечестивых, терзания, не остающиеся втайне, другие различные поражения и казни, соразмерные преступлениям, необыкновенные случаи смерти, сознание вины среди самих страданий, бесполезное раскаяние, вразумления в сновидениях и свыше посылаемые видения? Или те ясные и очевидные доказательства гнева Божия, которые видели на себе дерзкие, осквернившие Божии храмы или надругавшиеся над священными трапезами, или оказавшие свое неистовство на таинственных сосудах, ненаказанно пожиравшие нашу плоть и отважившиеся на все прочее? Но я с намерением умолчу об этом, не потому, что не верил увиденному и рассказываемому, или приписывал события одному стечению обстоятельств или случаю, как представляют себе некоторые безрассудно, но дабы не подумали, что останавливаюсь на маловажном, опустив более важное и особенно замечательное. Начну же речь с известного всем чуда, которому верят даже безбожники.

Как волны воздвигая на волны, с каждым днем больше неистовствовал против нас вознеистовствовавший сперва на самого себя⁵¹, поправший святыню и «Духа благодати оскорблявший» ([Евр.10:29](#)), этот (приличнее сказать) Иеровоам, или израильтянин Ахаав (беззаконнейшие из людей), или египтянин фараон, или ассириец Навуходоносор, или, все эти имена соединив вместе, назовем его одного. Ибо кажется, что он совместил в себе пороки всех: отступничество Иеровоамова, непотребное убийство Ахаавово, ожесточение фараоново, святотатство Навуходоносорова и нечестие всех вообще. Испытав над нами все прочее и пренебрегши другими родами мучительства как малыми и незначительными (ибо не

было существа способнее его изобретать и выдумывать зло) он, наконец, возбудил на нас иудейский народ, сделав орудием своего коварства давнее легкомыслие его и издавна в нем таящуюся ненависть к нам. Скрывая свои замыслы под видом благоволения к иудеям, он доказывал из их книг и таинств, что теперь настало предопределенное время вступить им в свою землю, воссоздать храм и восстановить силу отеческих обычаев. Когда же выдумал это и их убедил в этом (ибо все приятное легко увлекает в обман), иудеи, как бы воспрянув, замыслили о храме, деятельно и ревностно стали трудиться над делом. Некоторые с удивлением рассказывают, что и жены их не только, снявши с себя все украшения, охотно жертвовали ими в пользу дела и трудящихся, но и сами на руках своих носили землю, не щадя ни дорогой одежды, ни нежных членов, признавали труды свои делом благочестия, а все прочее ставили ниже своего занятия. Когда же, уstraшенные внезапно сильным вихрем и землетрясением, устремились к одному из ближних храмов, одни для молитвы, другие, как обыкновенно бывает в подобных случаях, ища спасения, где пришлось, иные же увлечены были общим смятением, вмешавшись в толпу бегущих, тогда, по словам некоторых, храм их не принял. Идя к отворенным вратам, нашли, что они затворены какой-то невидимой силой, которая чудодействует подобным образом, чтобы привести нечестивых в ужас, а благочестивых в безопасность. Но все уже говорят и уверены, что когда силились войти, из храма вышел огонь и одних пожег и истребил (так что с ними случилось нечто подобное постигнутому содомлян, или чуду, совершившемуся с Надавом и Авиудом, которые воскурили чуждый огонь и погибли необычайно), а других, изувечив, оставил живым памятником Божия гнева и мщениия на грешников. Так это было, и всякий должен верить этому, равно как и другим Божиим чудесам. Еще же удивительнее и очевиднее для всех был свет на небе, изображавший крест. Это начертание и имя, которое прежде презираемо было на земле безбожными, делается ныне для всех равно видимым на небе и служит знаменем Божией победы над нечестивыми, предпочтительно перед всяким другим победным знаменем.

Что скажут на это мудрецы века нашего, которые у нас хвалят свое, носят длинные бороды и влачат по земле нарядные плащи свои? Рассказывай вместо этого свое и ты, пишущий длинные речи, составляющий невероятные истории, устремляющий взор к горнему, перетолковывающий небесные знамения и по движению звезд заключающий о рождениях и других происшествиях! Говори мне о своих звездах, о Венце Ариадны, о Волосах Вероники, о похотливом Лебеде, о

наглom Тельце и, если хочешь, о твоem Змиедержце⁵², о Козероге, о Льве и о всех других, которых ты, зная по злодеяниям, сделал или богами, или звездами. Где найдешь такой круг в своей математике? Где найдешь звезду, которая бы шла впереди с востока к Вифлеему путеводительницей и покровительницей твоих волхвов? Я могу сказать нечто о небесных знамениях: та звезда открыла пришествие Христово, а эта⁵³ была венцом Христовой победы.

Вот что скажу о небесном и горнем, которое, по великому согласию и сродству всего, участвует в наших делах; прочее же восполнит у меня псалом: «и города ты разрушил» ([Пс.9:7](#)). Подобно тем древним городам, разоренным за подобное нечестие, они в само время беззаконных действий с нами или поглощены морем, или разрушены землетрясением, так что могу почти досказать и остальное: «погибе память их с шумом», погибла громко. Таково было их падение и разрушение, что много нужно времени на восстановление их, если бы кто и отважился на это из соседей, даже наиболее утешающихся благочестием. Таковы были явления на земле и на небе! Но и в самом воздухе не положено ли было в то время знамений, и он не освятился ли тогда знамениями страдания (Христового)? Зрители и свидетели его чуда да покажут и ныне одежды, запечатленные тогда знамениями Креста. Как скоро кто из наших или из посторонних рассказывал о том или слушал рассказывающих, тотчас видел чудо или на себе или на ближнем: сам был в звездах, или видел звезды на одеждах другого, испещренных лучше всякой мастерской ткани или искусной живописи. Что ж произошло из этого? Зрителей так это поразило, что все почти, как бы по одному мановению и в один голос, начали призывать Христианского Бога и умиловать Его славословиями и молитвами. Многие, нимало не отлагая, в то же время, как случилось это, пришли к нашим священникам и после усиленной просьбы сделались членами Церкви, наставлены в таинствах Веры, очищены Божественным Крещением и, таким образом, через страх избавились от страха. Но об этом довольно.

Юлиан, более и более подстрекаемый и движимый бешенством, наконец восходит на самый верх своих бедствий. Поскольку он думал, что дела христиан идут по его желанию, поскольку сделанное им уже обнадеживало его, что все покорится ему, если он только захочет; к тому же, восхитил он победу над западными варварами, то и предпринимает это намерение, весьма благоразумное и человеколюбивое. Взяв отсюда два войска, и воинов и демонов, им управлявших (на которых больше

надеялся), выступает он в поход против персов, полагаясь более на свою безрассудную дерзость, нежели на крепость сил. И этот мудрец не мог понять и того, что смелость (θάρσος) и дерзость (θρασος) хотя близки по имени, однако же больше всего различны между собой по действиям; я подразумеваю мужество и трусость. Быть смелым в делах, требующих отважности, есть знак мужества; тогда как ослабевать есть знак боязливости. Но идти и бросаться туда, где больше опасности, а не удерживаться, есть знак дерзости; тогда как уклоняться есть знак осторожности. Нельзя полагать, чтобы одно и то же значило сохранять, что имеешь, и приобретать, чего не было. Первое особенно и преимущественно достойно уважения людей благоразумных, за последнее, если оно удобно, надобно приниматься; в противном же случае, оно достойно презрения. Кто в надежде приобрести что-нибудь подвергает себя опасности лишиться всего, что имеет, тот весьма неблагоразумен. Такой человек кажется мне подобным плохому бойцу, который начинает бороться раньше, нежели станет в твердое положение, или тому кормчему, который топит и старается потопить неприятельский корабль, когда свой корабль без снастей и не способен к плаванию.

Юлиан, кажется, нимало не думал об этом; он без осмотрительности приступает к исполнению своего предприятия; думает о приобретении чужой области, когда дела римлян были им расстроены и находились в худом положении, особенно вследствие гонения. Будучи Салмонеем, который производил гром кожей, он простирает взоры к тем Траянам и Адрианам, в которых осторожность была удивлена не менее мужества, и не помыслил ни о Каре, ни о Валериане, которые за безрассудную стремительность (говорю не в укоризну злой судьбе, как выражается трагик⁵⁴ понесли наказание, в пределах Персии претерпев поражение, когда находились на вершине счастья. Но он решился на это и предался своей стремительности, собрав воедино все, что выходило из меры в прорицаниях и волшебствах, слыханных и неслыханных жертвах, дабы все вдруг рушилось. И какой великий, чрезвычайный обет изрек он, Христе мой и Слове! И страдания Бесстрастного, и таинство целого мира, – весь род христианский предать демонам, если преуспеет в предпринятом.

Начало же похода, столь отважного и восхваляемого многими из его единомышленников, было таково: захватив и опустошив ту часть Ассирии, которую пересекает Евфрат и по которой протекает мимо Персии до соединения своего с Тигром, Юлиан разорил некоторые крепости, в чем почти никто ему не препятствовал, потому ли что он обманул персов быстротой нападения, или потому, что сам был обманываем персами и

завлекаем понемногу вперед (говорят то и другое). Так шел он дальше, между тем как подвигалось войско, а рекой на кораблях везли хлеб и снаряды; и в скором времени останавливается станом у Ктезифона, приближение к которому из-за желания овладеть этим городом казалось уже ему частью победы. С этого времени дела его пошли назад, как будто песок подсыпали под ноги или буря встретила корабль. Ктезифон – твердая крепость, которую трудно взять; она ограждена кирпичной стеной, глубоким рвом и болотистой рекой. Еще более укрепленной делает ее другая крепость, называемая Кохе и огражденная природой и искусством. Обе крепости так соединены, что представляются одним городом и разделены только рекой. Поскольку нельзя было ни взять их приступом, ни покорить осадой, ни пройти между ними, особенно на кораблях (была опасность, что сверху с обеих сторон забросают стрелами и преградят путь), то Юлиан обходит крепости и поступает таким образом: отведя немалую часть Евфрата, величайшей из рек, и в один ров, которого древний след, как говорят, был виден, пустив столько воды, сколько нужно было для плавания кораблей, повыше Ктезифона соединяет его с Тигром; а благодаря этому спасает корабли, безопасно переведенные из одной реки в другую, и избегает опасности, угрожавшей из крепости.

Между тем как Юлиан идет вперед, появляется персидское войско и непрестанно возрастает в числе, но не считает нужным стать лицом к лицу и подвергаться опасности без крайней необходимости, имея возможность одолеть с малым усилием, напротив, с высоких мест и из теснин, где представится случай, поражает копьями и стрелами, занимает наперед удобные проходы и тем преграждает путь Юлиану. Тогда приходит уже он в большое затруднение и, не зная куда обратиться, находит худой конец своего замысла. Один перс, не низкого происхождения, подражая Зопиру, бывшему у Кира при осаде Вавилона, под видом, что важным проступком навлек на себя великий гнев персидского царя и сделался весьма нерасположенным к нему, питает же расположение к римлянам, притворством своим приобретает доверие Юлиана и говорит ему: «Что это значит, государь? Почему такие легкие меры в таком деле? Для чего у тебя этот хлеб на кораблях – это излишнее бремя, внушающее только малодушие. Ничто так не побуждает противиться начальству и упорствовать, как сытое чрево и мысль, что под руками спасение. Но ежели послушаешь меня; то бросишь корабли и тем освободишь от малодушия свое храброе войско. Сам же ты другим удобнейшим и безопаснейшим путем, по которому я твой проводник (и могу сказать, что едва ли кто другой лучше меня знает Персию), вторгнешься в

неприятельскую землю и возвратишься с желаемым успехом. Тогда окажешь благодеяние и мне, когда изведешь на деле мое благорасположение и мой совет». Как скоро он сказал это, и Юлиан поверил словам его (ибо легкомыслие легковерно, особенно при Божиим попущении); вдруг настали все бедствия. Корабли взял огонь; хлеба не стало; последовал смех; ибо это было почти вольное самоубийство; все надежды исчезли; проводник скрылся со своими обещаниями. Кругом враги; война разгоралась; удобного прохода не было; пища добывалась с трудом; войско пришло в уныние и негодовало на царя; нисколько не оставалось благой надежды. Одно средство представлялось к спасению в настоящих обстоятельствах – избавиться от худого царствования и военачальства.

Так все происходило до сих пор, а что последовало затем, рассказывают неодинаково; бывшие, равно, как и не бывшие на войне, соглашаются, один на то, другой на другое. Одни говорят, что Юлиана застрелили персы, когда он, в одно из беспорядочных нападений, вне себя бросался туда и сюда, и что с ним случилось нечто, подобное участи Кира, сына Парисатова, который с десятью тысячами войска напал на брата своего Артаксеркса и, сражаясь отважно, утратил победу по своей запальчивости. Другие рассказывают о нем следующее: Юлиан взошел на один высокий холм, чтобы с него, как с башни, обозреть все войско и узнать, сколько осталось в сражении. Когда же войско, сверх чаяния, показалось ему весьма многочисленным, как человек, завидующий спасению своих воинов, сказал он: «Как будет досадно, если всех их поведем в римскую землю!» Один из воинов, раздраженный этими словами, не удержал досады и поразил его в чрево, не заботясь о сохранении своей жизни. А некоторые говорят, что на это отважился один из тех иноземных шутов, которые следуют за войском для веселья и для потехи на пирах. Иные же отдают эту честь одному сарацину. Как бы то ни было, Юлиан получает действительно благовременный удар и спасительный для целого мира; одним ударом меча наказывается он за сечение многих утроб, которым нечестиво веровал. И дивлюсь, как этот суетный человек, думавший, что может все знать посредством рассекаемых утроб, не предугадал этого одного, то есть удара в собственную утробу. Неприлично умалчивать и о поступке его, который, кроме многого другого, неоспоримо доказывает его неистовство. Юлиан лежал на берегу реки и страдал от раны. Поскольку же знал, что многие из прославившихся прежде него, чтобы почли их чем-то выше человека, посредством некоторых хитростей исчезали из среды людей и за то были

признаны богами, то и он, плененный желанием подобной славы, притом стыдясь самого рода смерти, бесславно постигающей его за собственное безрассудство, что замышляет? что делает? Его нечестие не прекращается и с жизнью! Он покушается броситься в реку и для этого пользуется помощью людей, верных ему и участников его тайн. И если бы один из царских евнухов, догадавшийся, в чем дело, и объяснивший другим, из отвращения к злодеянию, не воспрепятствовал намерению, то, может быть, из бедствующего Юлиана явился бы еще новый бог для людей неразумных. Но он так царствовал, так предводительствовал войском, так оканчивает и жизнь!

Вскоре после него принявший царский сан и провозглашенный царем среди воинского стана, в самом пылу опасностей, необходимо требовавших предводителя, был муж знаменитый и по другим достоинствам, и по благочестию, и по наружности, истинно достойной властителя. И хотя не имел он недостатка ни в мужестве, ни в ревности; однако же не мог ни сразиться с персами, ни идти вперед, потому что войско ослабело в силах и надеждах. Сделавшись наследником не царства, а поражения, он заботится о возвращении в отечество и ищет средств, как совершить это безопасно. Если бы персы по своей умеренности в победе (ибо у них был закон – в счастье соблюдать умеренность) или по опасению каких-либо слухов не обратились к мирным предложениям, сколько неожиданным, столько же и человеколюбивым, то не было бы средств, как говорят, и огненосцу остаться в войске⁵⁵. Так римлян теснили персы, сражавшиеся на своей земле и воодушевленные предшествовавшими событиями, ибо довольно приобрести сколько-нибудь успеха, чтобы иметь надежду на будущее.

Но преемник Юлиана, как сказал я, теперь заботился об одном – спасти войско, сохранить силу римлян. Ибо эти воины действительно составляли силу римлян и если действовали неудачно, то более по безрассудству военачальника, нежели по недостатку собственного мужества. С персами заключен был договор (скажу кратко) постыдный и недостойный воинства римского. Но если бы кто, оставив в стороне Юлиана, стал порицать за него преемника, то, по моему мнению, он был бы плохим судьей тогдашних происшествий. Ибо колос принадлежит не жнецу, а сеятелю; в пожаре виновен не тот, кто не мог погасить, но кто зажег. Здесь кстати привести сказанное Геродотом о Самосских тиранах: эту обувь сшил Истией, а носил Аристагор, продолжавший начатое предшественником.

После этого что оставалось делать, как не вернуть римлянам тело

нечестивца, хотя как он окончил жизнь? Но как и у нас есть усопший, прежде него оставивший жизнь⁵⁶, то посмотрим, какое и здесь различие между обоими царями (если и это сколько-нибудь служит к счастью или злосчастью отшедших). Один сопровождается всенародными благословениями, торжествами, шествиями и нашими священными обрядами, всенощными песнопениями, возношением светильников, чем мы христиане чтим благочестивое преставление; и вынос тела его становится радостным торжеством, растворяемым печалью. Если верить молве, которая достигла слуха многих, то, когда тело Констанция несли через Тавр в его родной город, ему соименный и знаменитый, – на вершине гор некоторыми слышан был голос как бы поющих и сопровождающих, и думаю, что это был голос Сил Ангельских, – награда ему за благочестие и надгробное воздаяние. Если он, по-видимому, и поколебал правое учение; то в этом виновны невежество и зловерие его вельмож, которые, уловив душу простую, неутвердившуюся в благочестии и не предвидевшую бездны, влекли ее, куда хотели, и, под видом попечительности, возбуждали ревность к злу. Но мы, помышляя о том, что более касается всех, то есть об отце его, который положил основание царской власти в христианстве и Вере, и о наследии учения, перешедшем от отца к нему, почтили должным образом земную храмину того, кто жил достойно царя, окончил жизнь смертью праведника и оставил нам могущество. Нужно ли говорить о сопровождении целого воинства, когда тело приблизилось в великому царствующему граду, и о рядах вооруженного войска, представших царю, как живому, или о том, как весь город потек на встречу, которая блистательнее всех, когда-либо бывших и будущих? Да и этот дерзкий и отважный, облеченный в новую порфиру и потому, вероятно, высоко о себе думающий, сам составляет часть торжественного шествия, воздает и приемлет почесть; одно, как говорят, несколько принужденно, другое охотно. Ибо все войско, хотя покорилося настоящей власти, однако оказывало больше уважения умершему; и (как обыкновенно бываем благорасположеннее, когда потеря еще свежа в памяти) скорбя и сожалея о любимом царе, воины не потерпели, чтобы он был лишен царских почестей, но убеждают и отступника принять в них участие, даже принуждают встретить умершего в приличном виде, то есть, сняв с головы диадему и воздав царю должное поклонение, идти вместе с несущими в гробницу – в знаменитый храм Апостолов, которые приняли в себе и сохраняют этот священный род, удостоившийся почти равной чести. Так погребен наш Император!

Напротив, и поход Юлиана был бесславен (народы и города его

преследовали кликами черни и шутов, о чем и ныне еще многие помнят); а возвращение его было еще бесславнее. Какое же это бесславление? Его несли скоморохи, шествие сопровождалось неприличными игрищами; пили, плясали, поносили его за отступничество, за поражение и смерть. И какого оскорбления не понес он? Чего не выслушал от людей дерзких, которые в оскорблении других ставят свое искусство? Наконец, принимает его город Тарс, не знаю, как и за что осужденный на такое посрамление. Здесь и место погребения назначено ему бесчестно, и гроб нечистый, презренный, отвратительный для благочестивого взора.

Я описал только самые главные и важные вины Юлиана; но знаю и то, что двум или трем придворным ласкателям, равным ему в нечестии (о других охотно умалчиваю), дана была за нечестие такая награда, что они в короткое время беспрепятственно опустошили бы все владения римлян на суше и на море, если бы этим делам вскоре не был положен благоприятный конец. Настолько превосходили они грабительством и жадностью древних сторуких гигантов! Управление областями поручалось людям не самым правдивым, но самым бесчеловечным. Одно было право на получение начальства – отступничество; и те только получали дары от Юлиана, которые замыслили наибольшее зло против себя и других. Что сказать о переменах и переименованиях в судебных определениях, которые в одну ночь менялись и поворачивались туда и сюда, подобно приливу и отливу в море? Ибо этот неутомимый муж хотел сам производить суд, все присваивая себе из честолюбия. Может быть, подумают, что я слишком виню за малые преступления и малыми уменьшаю большие. Впрочем, всякий согласится, что такие дела не Елисейских достойны полей и не славы, какую имеет там Радомант⁵⁷, и какой удостаивают Юлиана люди одного с ним собратства и разряда. Одному удивляюсь в Юлиане: многих своих сверстников и знакомых, особенно по Азийским училищам, настоятельно приглашал он к себе, как бы намереваясь произвести дела дивные, и окрылял надеждами, припоминая свои обещания. Когда же они являлись, оказывалось, что это одна хитрая уловка и обольщение глаз. Одних проводил он тем, других иным. Некоторых дружески даже приглашал к столу; вместо всякой другой приманки, величал товарищами, подавал им чашу, шутил с ними, но отпускал от себя ни с чем; так что они не знали, кого более винить, его ли в обмане, или самих себя в легковерии. Не сочту нужным упоминать о том, сколь недостойно похвалы в правилах этого философа, что, имея перед собой примеры государей твердых и непоколебимых, которые, что бы ни случилось, не изменялись в лице и не показывали никаких следов смущения, он столько был негневлив и умел

владеть страстями, что, производя суд, шумом и криками наполнял весь дворец, как будто сам терпел насилие и ущерб, а не других защищал от этого. Но кому неизвестно, что многих из поселян, всенародно приходивших к нему за тем, о чем обыкновенно просят царей, он при всех бивал кулаками и топтал ногами, и обходился так жестоко, что они радовались, если не подвергались чему-либо тягчайшему? В какой же части Слова упомянуть о тех дуновениях и отдуваниях, которые этот дивный муж, в осмеяние наших обрядов⁵⁸, производил на показ старухам, зажигая огонь на жертвеннике? Как хорошо было видеть римского царя с обезображенными щеками, возбуждающими большой смех не только у посторонних, но и у тех, которым он думал доставить этим удовольствие! Верно он не слышал, что богиня его, Афина, прокляла свирели, когда, посмотревшись вместо зеркала в воду, увидела, что свирель обезобразила ее лицо. Ужели не заслуживают удивления те круговые чаши, которые Юлиан всенародно подавал непотребным женщинам и сам от них принимал, прикрывая свое распутство видом таинства? Другие узнали на собственном опыте, когда власть доставила Юлиану полную свободу; но я некоторым образом провидел это издавна, с тех пор, как был с ним вместе в Афинах, куда он прибыл вскоре по возвращении брата своего, испросив на то позволения у Императора. Были две причины для этого путешествия: одна благовиднейшая – обозреть Грецию и ее училища; другая отдаленнейшая и не многим известная – посоветоваться с тамошними жрецами; потому что нечестие не имело еще явной дерзости. И тогда я неплохо разгадал этого человека, хотя и не принадлежу к числу искусных в таком деле. Меня сделали прорицателем непостоянство его нрава и неумеренная восторженность; если только наилучший прорицатель – тот, кто умеет хорошо угадать. По мне, не предвещали ничего доброго: шея нетвердая, плечи движущиеся и выравнивающиеся, глаза бегающие, наглые и свирепые, ноги – не стоящие твердо, но сгибающиеся, нос, выражающий дерзость и презрительность, черты лица смешные и то же выражающие смех громкий и неумеренный, наклонение и откидывание назад головы без всякой причины, речь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочные и несвязные, ответы ничем не лучше, смешиваемые один с другим, нетвердые, не подчиненные правилам.

Но для чего описывать подробно? Таким же видел я его прежде, каким узнал и по делам. Если бы здесь находились некоторые из бывших со мной тогда и слышавших мои слова, они без труда засвидетельствовали бы это. Ибо тогда же, как увидел, сказал я им: «Какое зло воспитывает Римская Империя!» и предрекши, желал быть ложным прорицателем. Ибо лучше

бы мне быть лжепророком, нежели испытать Вселенной столько зол, и явиться на свет такому чудовищу, какого не бывало прежде; хотя и повествуют о многих наводнениях, о многих воспламенениях, извержениях и провалах земли, о людях бесчеловечных, о зверях чудовищных и многосложных, не в обыкновенном порядке производимых природой. И потому имел он конец достойный своего безумия. Здесь только Бог не явил Своего обычного долготерпения, потому что Его человеколюбие было бы бедственно для многих. В людях добродетельных оно произвело бы уныние, а в грешных – высокомерие и мысль, что никто не назирает над нашими делами, нет ни управления, ни воздаяния, но все движется и управляется случайно, – мысль, показывающая лукавый ум, весьма пагубно рассуждающий о самых важных предметах!

Вот что вещаем мы – галилеяне, люди презренные, поклоняющиеся Распятому, ученики рыбарей и, как сами говорят, невежд; мы, которые заседаем и поем псалмы вместе со старухами; мы, которые изнурены продолжительными постами и полумертвые напрасно бодрствуем и пустословим во время всеобщих бдений, и – однако же низлагаем вас! «Где делавший перепись? Где весивший дань?» ([Ис.33:18](#)). Я заимствую эту победную песнь у одного из наших немудрых, как вам представляется. Где жертвы, обряды и таинства? Где заклятия явные и тайные? Где искусство гадать по рассеченным внутренностям? Где чудеса предвидения и знамения чревовещателей? Где славный Вавилон, о котором столько было толков, и вся Вселенная, которую мечтал ты покорить себе, пролив немного нечистой крови? Где персы и мидяне, которых считал у себя в руках? Где боги, тобой сопровождаемые, тебя направляющие и сопровождающие, твои защитники, соратники? Где прорицания и угрозы на христиан или совершенное истребление нас и имени нашего в определенный срок? Все исчезло, обмануло, рассеялось; все велеречивые похвалы нечестивых оказались сновидением.

Когда один иноплеменный царь с многочисленным войском напал на Езекию, царя иудейского, обложил Иерусалим и злобно изрыгал нечестивые и богохульные слова на царя и самого Бога, как будто уже не оставалось средств спасти город от его владычества: тогда Езекия приходит в храм, раздирает одежды, проливает потоки слез, воздев руки к небу, призывает Бога в свидетели богохульства Сеннахирима и молит Его быть мстителем за высокомерные угрозы. «Видишь, Господи, – говорит он, – как этот иноплеменник поносит Тебя – Бога Израилева; «Ты видел, Господи, да не умолчи» ([Пс.34:22](#))». И молитва царя не осталась тщетной, ибо восстающий против Бога познал на деле свое безумие и ушел, не

исполнив угроз своих: поражаемый вдруг некоей невидимой силой, он потерял большую часть войска и был прогнан неприятным известием, сверх чаяния положившим конец осаде и его надеждам. Так поступил Езекия, окруженный многочисленным войском, царь великого Иерусалима, который, может быть, и сам собой отразил бы враждебные полчища. А мы, для которых оставалось одно оружие, одна стена, одна защита – надежда на Бога (потому что совершенно лишены были отовсюду всякой человеческой помощи), мы от кого иного могли ожидать, что услышит наши молитвы и отразит угрозы, как не от Бога, Который с клятвой отверг высокомерие Иакова⁵⁹? О какие невероятные повествования! Какие дерзкие надежды! Мы демонам обещаны были в жертву; мы – великое наследие Божие, «народ святой, царственное священство» ([1Пет.2:9](#)), предназначались в награду за исполнение одной надежды, за победу в одной брани. Таков дар от тебя христианам за то, что к общему вреду спасен ими!⁶⁰ Так воздал ты Господу Богу своему! До сих пор Бог удерживал еще и откладывал Свой гнев за нас, не возжег еще всей Своей ревности, а только высоко занес руку на нечестивых и хотя натянул и приготовил лук, однако же удерживал его силой и ожидал, пока выйдет наружу вся злоба Юлиана, подобно какому-нибудь злокачественному и гнойному нарыву; ибо таков закон Божия суда: или спасти покаянием, или наказать по справедливости. И тогда, с трудом перенося настоящее и сокрушаясь о будущем (потому что сама благодать Божия к Своим, от нас скрываемая, была для нас нестерпима), возносили мы глас свой к Богу; то призывая Его, как Владыку, то умоляя, как благого Отца, то как бы жалуясь и вступая с Ним в суд, что свойственно людям сетующим, зывали: «Для чего, Боже, отринул нас навсегда, возгорелся гнев Твой на овец пажити Твоей? Вспомни сонм Твой, который Ты стяжал издревле» ([Пс.73:1–2](#)), который приобрел Ты страданиями Единородного Слова Своего, удостоил великого Твоего завета, привлек на небо новым таинством и залогом Духа. «Подвигни стопы Твои к вековым развалинам!» Ты терпел, «а все разрушил враг в святилище, и торжествовал» на празднике Твоем ([Пс.73:3](#)). Мы призывали меч и египетские казни, просили Бога «судить распрю свою»; умоляли восстать наконец на нечестивых, говорили: ««доколе нечестивые, Господи, доколе нечестивые торжествовать будут» ([Пс.93:3](#))? Доколе будут «попирать народ Твой и угнетать наследие Твое?» ([Пс.93:5](#)) доколе не перестанут и говорить и делать беззаконие?» Мы повторяли эти и подобные им плачевные слова: «Положил нас в пререкание и поношение соседям нашим, в притчу во языцех, в поругание» всем людям ([Пс.79:7](#),

[43:14–15](#)). Мы вспоминали о винограднике, который перенесен из Египта – из мрака безбожия, возрос в красоту и величие Веры, а потом лишился своей ограды – смотрения Божия стерегущего нас, стал открыт для всех проходящих, для злых властелинов, и опустошен диким вопрем этим, лукавым человеком, усвоившим себе зло, преисполненным тиной зла.

Так размышлял и взывал я прежде к Богу. Что же теперь изменяю в звуках песни? Оплакиваю уже погибель нечестивых; делаюсь человеколюбив к ненавистникам, и говорю так: «Как нечаянно пришли они в разорение, исчезли, погибли от ужасов» ([Пс.72:19](#)), как прах, возметаемый вихрем, как пух, развеваемый ветром, как утренняя роса, как свист пущенной стрелы, как удар грома, как быстролетная молния?» Если бы они, хотя теперь, переменились в мыслях, перестали предаваться множеству заблуждений, и потекли во след истины, то, может быть, и само падение обратилось бы им в пользу. Ибо и наказание часто служит ко благу наказываемых. Но что, если они останутся при том же мнении, еще будут держаться идолов и не уцеломудрятся бедствием, которое вразумляет и неразумных? Иеремия так оплакивает Иерусалим, что бездушные вещи призывает к плачу и у стен требует слез ([Плач.2:18](#)); какой же найдется плач, достойный этих столь упорных людей? Кто оплачет одно настоящее, не проливая еще слез о будущем наказании за то, что они безумствовали, удалились от Бога, «и служили твари вместе Творца» ([Рим.1:25](#)), и не только послужили, но восстали на служителей Божиих и вознесли на них нечестивую руку, достойную таких зол? Но как Богу угодно, так и да будет! Кто знает, что Бог, Который «разрешает узников» ([Пс.145:7](#)), возводит от врат смерти обремененного и долу поверженного, не хочет смерти грешника, но ждет обращения его, – Который и нас, сидевших во тьме и сени смертной, просветил и умудрил, – этот Бог и их воспримет некогда, и, отложив тяжелый и железный жезл, упасет их жезлом пастырским?

Но слово мое опять возвращаю к той же победной песне: «пал Вил, низвергся Дагон» ([Ис.46:1](#)), «похож на пустыню Сарон, посрамлен Ливан» ([Ис.33:9](#)); теперь уже не скажут глупой, недвижимой и бесчувственной толпе идолов: начальствуй! – не станут искать мухи, бога Аккаронского, или чего-либо еще более смешного; не будут помышлять о рощах и высотах, и о всякой лесистой и тенистой горе, не «принесут сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам» ([Пс.105:37](#)), за что издревле Израиль укоряем был пророками. Но что мне до этого? Обращусь к настоящему – к тому, что нас собственно касается. Не будут уже лукаво смотреть на священные наши храмы, нечистой кровью осквернять жертвенники,

получившие имя от пречистой и бескровной Жертвы; не будут безбожными алтарями бесчестить священных мест, расхищать и осквернять приношений, к нечестию присоединяя корыстолюбие; не будут оскорблять седину иереев, честность диаконов, целомудрие дев; не будут уже к рассеченным утробам Святых пускать нечистых свиней, чтобы вместе с пищей пожирали и эти утробы; не будут истреблять огнем и рассеивать на ветер останки Святых, предавая их бесчестию с самыми бесчестными костями, чтобы лишить подобающей им чести; не будут уже ставить «седалищ губителей», и забавляться хулой епископов и пресвитеров, также Пророков и Апостолов, и даже самого Христа; не будут уже торжествовать над нами, запрещая нам законом лжеименное⁶¹ образование, чтобы вместе с тем закрыть нам уста. Подай сюда свои царские и софистические речи, свои неотразимые силлогизмы и энтимемы; посмотрим, как и у нас говорят неученые рыбаки. «Удали от меня шум песней твоих, и звуки гуслей твоих», повелевает тебе Пророк мой ([Амос 5:23](#)). Да воспоеет опять с дерзновением Давид, который таинственными камнями низложил надменного Голиафа, победил многих кротостью и духовным сладкозвучием исцелял Саула, мучимого злым духом. Пусть священосец твой погасит огонь; а мудрые и священные дивы возжгут для Жениха свои светильники. Пусть твой иерофант сложит с себя одежду блудницы; а «священники облекутся правдой» ([Пс.131:9](#)) и украшением «славы вместо духа уныния» ([Пс.61:4](#)), облекутся в великий и нескверный хитон, во Христа – наше украшение. Пусть умолкнет твой проповедник и не говорит бесславного; да вещает же мой проповедник богодухновенное. Оставь свои волшебные и чародейские книги, и пусть перечитываются одни пророческие и апостольские. Прекрати свои гнусные и тьмы исполненные ночные сборища; и я восстановлю священные и светлые всенощные бдения. Загради свои тайники и пути, низводящие в ад; я покажу тебе пути открытые и ведущие на небо. Какие запасы оружия, какие изобретения снарядов, какие тьмы и полчища людей произвели бы то, что сделали наши молитвы и Божья воля? Бог словом рассеял тьму, словом произвел свет, основал землю, округлил небо, распределил звезды, разлил воздух, положил пределы морю, протянул реки, одушевил животных, сотворил человека по образу Своему, дал всему красоту. Словом и ныне рассеял Он ночной мрак и все привел во свет, порядок и прежнюю стройность. Теперь не владычествуют уже алчные и лживые демоны; не оскорбляется тварь поклонением, воздаваемым ей вместо Бога. Отбрось своих Триптолемов, и Келеев, и таинственных драконов; устыдись, наконец, книг своего богослова – Орфея;

воспользуйся даром времени, покрывающего твое бесстыдство. Если же это – одни басни и вымыслы, то обнаружу твои ночные таинства. Теперь не говорит уже дуб, не прорицает треножник, и Пифия не наполняется, не знаю чем, но не более, как баснями и бредом. Источник Кастальский опять умолк и молчит; его вода возбуждает не дар пророчества, но смех. Аполлон опять стал безгласным истуканом, Дафна – деревом, оплакиваемым в басне! Дионис опять андрогин и водит с собой толпу пьяных; великое твое таинство – бог Фалл страдает любовью к прекрасному Просимну. Семела опять поражена молнией. Опять хромает на обе ноги, но проворен в отыскивании прелюбодеев Гефест, этот бог, замаранный сажей, хотя он славный художник и Олимпийский Ферсит. Арес опять за любодеяние скован вместе со Страхом, Ужасом и Смятением и ранен за дерзость. Афродита опять любодейца, срамно рожденная, служительница срамных браков. Афина опять дева и рождает дракона. Геракл опять беснуется, или, лучше сказать, перестает бесноваться. Опять из похотливости и сладострастия превращается во все виды Зевс, советник и властитель богов, который один поднимает всех их со всем существующим, а сам не может быть сдвинут с места всеми. Гроб Диев опять показывается в Крите. Как только вижу твоего Кердоя, Логия и Эпагония, закрываю глаза и бегу прочь от твоего бога, потому что стыжусь смотреть. Не препятствую тебе поклоняться силе красноречия и суме. Одно у тебя стоит уважения: чествование, воздаваемое андрогинами у египтян Нилу, Исиды, Мендезийские боги, Аписы и все прочие чудовищные и из многих составленные звери, которых ты рисуешь или лепишь. Смеюсь твоему Пану, Приапу, Гермафродиту и прочим богам, которые в неистовстве или изуродованы, или растерзаны. Предоставляю все это зрелищу и стихотворцам, украшающим ваших богов; а я заключу слово увещанием.

Мужи и жены, юноши и старцы, все служащие в этом святилище и занимающие низшие степени, все, которых Господь избавил некогда от заблуждения и безбожия, а ныне от восстания язычников и от бедствий настоящих и ожидаемых! Выслушайте слово мужа, который научился этому не слегка, но из ежедневных событий, из древних историй, книг и деяний! Великое дело – не испытать никакой скорби; а может быть, и не великое, если истинно слово, что «его же любит Господь, наказывает, бьет же всякого сына, которого принимает» ([Евр.12:6](#)) и о котором особенно печется. Напротив, великое дело – вовсе не грешить, или по крайней мере не согрешить тяжко; потому что быть совершенно безгрешным – Бог поставил выше человеческой природы. А вторым после этого делом

полагаю, чтобы падшие и наказанные, а потом прощенные всегда чувствовали наказание и избегали новой казни за новое преступление. Поэтому и мы самим делом восчувствуем Божие наказание. Покажем самих себя достойными не того, что прежде потерпели, но того, что напоследок получили. Будем оправдываться в постигшем нас бедствии тем, что мы, не как злодеи, были преданы язычникам, но вразумлены, как дети. Не станем забывать о буре во время тишины, о болезни – во время здравия, о плене – по благополучном возвращении в Иерусалим, о Египте – после Египта. Время злострадания да не будет у нас лучшим временем успокоения; но оно будет таким, если окажется, что мы тогда были смиренны и умеренны и во всех надеждах простирались к небу, а теперь превозносимся, надмеваемся и опять обратились к тем же грехам, которыми были доведены до постигших нас бедствий. «Нет, дети мои» ([1Цар.2:24](#)), говорит священник Илий, увещевая детей своих, согрешивших против Бога. Напротив, зная, что легче вернуть потерянное благоденствие, нежели сохранить дарованное от Бога (ибо потерянное возвращается целомудрием, а дарованное утрачивается беспечностью), зная, что больное тело восстанавливается лекарствами и воздержанием, а восстановленное, при малом нерадении и пресыщении, опять приходит в расслабление и впадает в прежние недуги, зная все это и внушая друг другу, придем в самих себя и будем целомудренно располагать временем. И во-первых, братия, будем праздновать не плотским весельем, не пиршествами, не пьянством; вы знаете их плод – нечистые ложи и распутство. Не будем устилать улиц цветами, умащать трапез срамом благовоний, украшать преддверий; да не освещаются дома чувственным светом, да не обращаются в дома бесчиния звуками свирелей и рукоплесканиями! Так установлено язычниками праздновать новомесечия. А мы не этим почтим Бога, не тем превознесем настоящее время, что нас недостойно, но чистотой души, светлостью ума, светильниками, озаряющими все тело Церкви, то есть божественными созерцаниями и размышлениями, возносимыми на священный подсвечник и освещающими всю Вселенную. В сравнении с этим светом ничтожны, по моему мнению, все огни, возжигаемые у людей при частных или общественных торжествах. Есть у меня и миро, но такое, которым помазуются только священники и цари, как многосоставным и многоценным и за нас истощенным, – миро, составленное искусством великого Мироварца. О, если бы и я сподобился принести благовоние этого мира! Есть у меня и духовная и божественная трапеза, которую мне «приготовил Господь в виду врагов моих» ([Пс.22:5](#)); за нею успокаиваюсь и веселюсь и по

насыщении не предаюсь постыдным помыслам, но усыплю в себе всякое восстание страстей. Есть у меня и цветы, которые прекраснее и долговременнее всякого весеннего цветка, цветы «поля [полного], которое благословил Господь» ([Быт.27:27](#)), то есть священники, благоухающие пастыри и учителя, и из народа все, что есть чистого и избранного. Ими-то я желаю увенчаться и украситься, когда, по примеру святого апостола, «подвигом добрым подвизаясь, течение совершу, веру сохраню» ([2Тим.4:7](#)). Заменим тимпаны духовными песнями, бесчинные крики и песни – псалмопением, зрелищное рукоплескание – рукоплесканием благодарственным и стройным движением рук, смех – размышлением, пьянство – мудрой беседой, шутливость – степенностью. Если же тебе, как любителю торжественных собраний и празднеств, нужно плясать – скачи, но не пляской бесстыдной Иродиады, делом которой была смерть Крестителя, а скаканием Давида, при установлении на место Киота, которое, как думаю, было таинственным знаменованием быстрого и свободного шествования перед Богом.

Вот первая и важнейшая часть моего увещания! Вторая же часть, насколько знаю, будет для многих тяжела и неприятна. Ибо человек, получивший возможность воздать злом за зло, особенно, если то, что потерпел, дает справедливую причину к гневу, – не любит повиноваться слову, которое обуздывает его раздражительность. Однако же слово мое достойно того, чтобы его выслушали и приняли. Не будем неумеренно пользоваться обстоятельствами времени, не допустим излишества в употреблении своей власти, не будем жестокосерды к тем, которые нас обижали, не будем делать того, что сами осуждали. Из настоящей перемены воспользовавшись тем, что избегаем зла, возненавидим всякое отмщение. Люди умеренные почитают для своих оскорбителей достаточным наказанием их страх, ожидание того, чего они достойны, и мучения собственной их совести. Ибо, кто боится будущего наказания, тот уже страдает, хотя и не терпит еще наказания; он сам себя наказывает, может быть, более, нежели, как наказали бы его исполнители казни. Итак, не пожелаем умерять (Божия) гнева, да не явимся наказывающими слабее надлежащего, но поскольку не можем за все наказывать, то простим во всем и через то сделаемся лучше наших обидчиков и станем их выше. Покажем, чему их учат демоны и чему нас научает Христос, Который страданиями приобрел славу и восторжествовал не менее тем, что не сделал того, что мог сделать. Воздадим Богу одно благодарение, распространим таинство⁶² благостью и на этот только случай воспользуемся обстоятельствами. Победим мучителей правдолюбием. Особенно в прощении покажем

человеколюбие и силу заповеди, которая воздает и нам равным человеколюбием, как скоро имеем в том нужду; ибо знаем, что «какою мерою» меряем, «такою отмерена будет» нам ([Мк.4:24](#)). Если же кто и очень огорчен, предоставим огорчивших нас Богу и будущему суду. Не будем уменьшать будущего гнева тем, что возложим на них собственную свою руку. Не будем помышлять об отнятии у них имущества, не повлечем их на суд, не станем изгонять из отечества, наказывать бичами; кратко скажу: не сделаем им ничего такого, что сами потерпели. А если возможно, собственным примером своим сделаем и их кроткими. Пострадали ли у кого сын или отец, или жена, сродник, друг, или другой кто из ценимых им дорого: вознаградим каждого за страдание, убедив его с твердостью перенести все, что ни потерпел. Выше этого дара, что иное можем воздать им? Сказать ли и о величайшем благоденствии, какое мы получили? Наши гонители преследуются упреками народов и городов на зрелищах, на торжищах, на собраниях. Везде ублажают старое, выставляют новое на позор, и к большому удивлению, даже соучастниками наших гонителей с укоризнами ниспровергаются сами боги, как обманывавшие их долгое время, и уже позже уличенные в обмане. Кто вчера был поклонником, тот ныне стал ругателем. Чего еще более требовать?

Это воздается ныне несчастным, и может быть, это еще малая часть воздаяния. Будет время, когда оскорбителей моих и великого их вождя увижу оплакивающими свое нечестие, когда всякое беззаконие будет судимо и подвергнуто истязанию. Умалчиваю о наших Божественных изречениях и о тех казнях, которые, по нашему учению, уготованы в будущем. Обратись к своему учению и к ужасам, о которых любят рассуждать не одни стихотворцы, но и философы; обратись к своим Пирифлегетонтам, Коцитам и Ахеронтам, в которых мучатся за неправду Тантал, Титий, Иксион. К ним причислится Юлиан, царь этого собратства, и даже предварит их, по нашему слову и определению. Не жаждой будет он томиться, стоя по горло в озере; не будет приводим в ужас камнем, по изображению трагика, висящим над головой и непрестанно то поднимающимся, то опускающимся; его не будут вертеть на быстро кружащемся колесе; и птицы не будут терзать его печень, никогда не истощающуюся, но всегда восполняемую, – пусть все это будет истина или одна басня, скрывающая истину в вымысле. Но тогда увидим, как и чем он будет наказан, увидим, что мучение его будет тяжелее описанных, потому что взыскания и воздаяния всегда соразмерны преступлениям.

Таков от нас дар тебе, превосходный и мудрый муж (скажу твоими же

словами), за удар ногой! Это воздаем тебе мы, которым по великому и удивительному твоему уложению запрещено было учиться красноречию. Видишь, что не до конца должны мы были молчать, что твои уставы не могли осудить нас на всегдашнее безмолвие; но что и нам дана свобода возвысить голос и облегчить твое неразумие. Как невозможно никаким искусством удержать Нильские водопады, низвергающиеся из Эфиопии в Египет, или остановить солнечный луч, хотя на малое время и затмевается он облаком; так нельзя связать и языка христиан, обличающего ваши дела. Это приносят тебе Василий и Григорий, противники и противоборники твоего замысла, как сам ты думал, других уверял, своими угрозами прославляя и поощряя нас к большому благочестию. Зная нас еще в Греции как людей, приобретших себе имя и известность жизни красноречием и взаимным единодушием, ты почтил нас честью Циклопа, то есть последних оставлял на погибель и, может быть, замышлял принести в победный дар демонам как нечто великое и достойное твоего величия, если бы встретили мы тебя, возвращающегося из Персии; или даже, плохо рассчитывая, питал надежду и нас ввергнуть в одну с собой бездну. Ибо мы не малодушнее тех юношей, которые были орошены в огне, победили зверей верой, охотно подверглись опасности вместе с мужественной матерью и еще мужественнейшим священником, показали, что одна только вера непобедима; не малодушнее, конечно, и тех, которые при тебе явили свою неустрашимость и из которых один⁶³, посрамив мать богов твоих и разрушив жертвенник, веден был к тебе как осужденник, вошел как победитель и, немало посмеявшись твоей багрянице и твоим речам как преиспещренным и смешным, вышел от тебя с большим дерзновением, нежели с каким возвращается иной с вечери и со светлого пиршества; а другой (Св. Евсевий Самосатский – «ред»), когда все тело глубоко просечено было ремнями, едва дыша от ран, не только не ослабел в пытках и не счел претерпеваемых мучений тяжкими, но даже заметив, что некоторые части тела не подвергались еще ударам, начал обвинять мучителей в нанесении ему оскорблений, потому что не все его тело почтили, но оставили нечто неистерзанным и неосвященным, а с этим вместе указывал на голень, которая одна избежала железных ногтей, и требовал, чтобы и ее не щадили.

Итак, это тебе слово, ценимое христианами не ниже лжи и нелепостей Порфириевых, которыми вы восхищаетесь как божественными словами, и не ниже твоего Мисопогона или Антиохика⁶⁴; ибо тем и другим именем надписываешь ты свое сочинение. Его делали тогда

важным твоя порфира и льстецы, всему в тебе удивлявшиеся, а теперь стало оно бородой, которую все таскают, рвут и осмеивают, равно как и трудившихся над ней. В нем, как будто рассуждая о чем-то важном, ты весьма надмеваешься тем, что не имеешь излишней заботливости о теле и никогда не чувствовал несварения пищи от переедания; а с намерением умалчиваешь о том, что так жестоко гнал христиан и истреблял этот многочисленный священный народ. Но какой вред для общества, когда один человек страдает несварением пищи или имеет естественную отрыжку? Когда же начато было такое гонение и произведено столько беспорядков; тогда не должна ли была вся Римская держава прийти в трудное положение, как и действительно оказалось на опыте? Воздвигаем тебе памятник, который выше и славнее столпов Геракловых. Те были водружены на одном месте и видимы только приходившими туда; а этот памятник, переходя от одного к другому, не может не быть везде и всем известен. И твердо знаю, что поздние времена увидят его обличающим тебя и твои дела, а также научающим и всех прочих не отваживаться на подобное восстание против Бога, чтобы, поступая подобно тебе, не получить одинакового с тобой воздаяния.

Слово 6

О мире, произнесенное в присутствии отца после предшествовавшего молчания по случаю воссоединения монашествующих

Ревность разрешает язык мой, и я оставляю без исполнения закон человеческий для закона духовного: дарю миру слово, хотя прежде ни за что не соглашался приступить к слову. Ибо как скоро возмутились против нас члены, великое и честное тело Христово начало разделяться и рассекаться, так что едва не «сыплются кости» наши «в челюсти преисподней» ([Пс.140:7](#)), подобно тому, как глубина земли раздирается плугом и рассыпается по поверхности; как скоро лукавый, разодравши нераздираемый, неразделимый и весь тканый «хитон» ([Ин.19:23](#)), присвоил его весь себе, успев через нас сделать то, чего не мог сделать через распинателей Христовых; тогда я решил, что «буду обуздывать уста мои» ([Пс.38:2](#)) и в других случаях несловоохотные, рассуждая, что духовный порядок требует сперва очистить себя самого деятельным любомудрием, потом «открыть уста» разума, «привлечь дух» ([Пс.118:131](#)), а после уже «излить слово благое» ([Пс.44:2](#)) «и проповедовать премудрость Божию», совершенную «между совершенными» ([1Кор.2:6](#)). Притом, как есть «время всякой вещи», малой и великой, по справедливому и весьма разумному изречению Соломона ([Еккл.3:1](#)), так и я, не менее всякого другого, знал время говорить и молчать. Поэтому «был нем и безгласен» ([Пс.38:3](#)), когда, вблизи меня не стало ничего доброго, как будто облако набежало на сердце моей сокрыло луч слова, а «болезнь моя обновлялась» днем и ночью, все возжигало ее во мне, все напоминало о разъединении братии: бдения, пощения, молитвы, слезы, мозоли на коленях, биение в груди, вздыхания из глубины сердца, всенощное стояние, переселение умом к Богу, тихий плач среди молений, приводящий в умиление слушающих, также поющие, славословящие, поучающиеся день и ночь в законе Господнем, носящие «в устах своих славословия Богу» ([Пс.149:6](#)). О том же напоминали мне и эти прекрасные черты и признаки жизни по Богу, эти безмолвные проповедники – волосы сухие и нечистые, ноги босые и, подобно апостольским, ничего не носящие на себе мертвого, стрижение волос тому же соответствующее; одежда, смиряющая гордость, пояс прекрасный своей неукрашенностью, подбирающий несколько, но нимало не приподнимающий одежду, походка

твердая, взор неблуждающий, улыбка приятная или, лучше сказать, только вид улыбки, целомудренно удерживающий от неумеренного смеха, слово с разумом, молчание драгоценнейшее самого слова, хвала, приправленная солью, но не для ласкательства, а в руководство к лучшему, порицание – более самой похвалы возжеленное, умеренность в печали и в веселости, и растворение одной другой, мягкость, соединенная с мужеством, и суровость со скромностью, так что одно другому не вредит, но одно через другое делается похвальным; умеренность в общении с другими и в уклонении от общения, – общении для назидания другим, и уклонения для собственного поучения тайнам Духа, – общении, сохраняющем уединение среди самого общества, и уклонении, соблюдающем братолюбие и человеколюбие среди самого уединения, а что и этого еще важнее и выше, богатство, состоящее в бедности, обладание – в пришествии, слава – в бесчестии, сила – в немощи, прекрасное чадородие – в безбрачии, так как рождаемое по Богу лучше порождений по плоти. Наконец, люди, почитающие для себя наслаждением не иметь никаких наслаждений, смиряющиеся ради небесного царства, не имеющие ничего в мире и стоящие выше мира, живущие во плоти как бы вне плоти, которых «часть – Господь» ([Числ.18:20](#)), «нищие ради царствия» ([Мф.5:3](#)), и нищетой царствующие. Вот кто своим присутствием веселил меня, составлял мое богатство, мое лучшее утешение, и своим отсутствием приводил меня в уныние! Вот что стесняло и возмущало мою душу; вот отчего «ходил я, плача и сетуя»! Вот почему отринул я с другими удовольствиями и само слово! Ибо «возлюбленные отвратились» от меня и «обратили ко Мне спину, а не лицо» ([Втор.32:15](#); [Иер.2:27](#)); паства стала свободнее (чтобы не сказать отважнее) пастыря; «виноград истинный», прекрасно очищенный добрым виноградарем и приносивший добрые плоды в божественные точила, «превратился» для меня «в горечь» ([Иер.2:21](#)), «друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали» ([Пс.37:12](#)). Из сильной любви к Богу и ко Христу мы разделили Христа, из-за «Истины» ([Ин.14:6](#)) стали лгать друг на друга, ради «Любви» ([Ин.4:8](#)) поучались ненависти, из-за «Камня» ([1Кор.10:4](#)) поколебались, из-за «краеугольного камня» ([Еф.2:20](#)) рассыпались, сверх нужды ратовали из-за Мира, были низлагаемы из-за Вознесенного на древо, подвергались смерти из-за Погребенного и Воскресшего.

Так было прежде! И для чего среди радости возобновлять неудовольствие, останавливаясь на событиях печальных, которых не желал бы не только испытать, но и привести на память, о которых лучше не говорить, а молчать, скрыв в глубине забвения постигшее нас несчастье?

Разве кто для того только напомним о скорбном, чтобы вразумиться нам этим примером и, как в болезни, избегать причин, которые довели до такого состояния.

Но теперь, когда ушли от нас болезнь, печаль и вздыхание, когда мы, чтящие Единого, стали едины; мы, чтящие Троицу, так сказать, срослись между собой, стали единокорны и равночестны; мы, чтящие Слово, оставили бессловесность; мы, чтящие Духа, горим ревностно не друг против друга, но заодно друг с другом; мы, чтящие «Истину», одно мудрствуем и одно говорим; мы, чтящие «Мудрость», стали благоразумны; чтящие Того, Кто – «Свет, Путь, Дверь, как во дни благообразные ходим», все идем прямым путем, все внутри двора; чтящие «Агнца и Пастыря» сделались кроткими и принадлежим уже к тому же стаду и единому пастырю, который пасет стадо не «со снарядам глупого пастуха» ([Зах.11:16](#)), погубляющего овец своего пастбища и предающего их волкам и стремнинам, но пастыря весьма испытанного и опытного теперь, когда мы, чтящие Пострадавшего за нас, стали сострадательны и готовы облегчать тяготы друг другу, чтящие «Главу» образуем стройное тело и скрепленное всяким духовным союзом ([Еф.4:16](#)), когда Бог «творит все и претворяет» в полезнейшее ([Амос 5:8](#)), «обратил плач» наш «в радость» и вместо «вретища» дал нам «веселие» ([Пс.29:12](#)); тогда и я, вместе с прошедшими скорбями, отлагаю молчание и приношу настоящему времени и вам, или паче Богу, слово, самую приличную благодарственную жертву, дар, который чище злата, дороже многоценных камней, ценнее тканей, святее жертвы подзаконной, святее начатка первородных, угоден Богу больше тельца юного, еще несовершенного по рогам и раздвоенным копытам ([Пс.68:32](#)) и несмышленного, угоден больше курения, больше всеожжения, больше многих тысяч тучных овнов, больше всего, чем Закон, заключающий в себе только начальные основания, держал во власти еще младенчествующего Израиля, преднаписуя в кровавых жертвах будущее жертвоприношение. Это приношу Богу, это посвящаю Ему, что одно и оставил я у себя, чем одним и богат я, потому что от прочего отказался из повиновения заповеди и Духу; все, что я ни имел, променял на драгоценную «жемчужину», сделался (или лучше сказать, желаю сделаться тем счастливым «купцом», который за малое, несомненно тленное, купил великое и нетленное ([Мф.13:45–46](#)); но удерживаю за собой одно слово, как служитель слова, и добровольно никогда не пренебрегу этого стяжанием, но ценю, люблю его, веселюсь о нем более, нежели о всем том, в совокупности, что радует большую часть людей; делаю его сообщником всей жизни, добрым советником, собеседником и

вождем на пути к горному и усердным сподвижником. И так как презираю все дальнее, то вся моя любовь после Бога обращена к слову или, лучше сказать, к Богу, потому что и слово ведет к Богу, когда оно соединяется с разумением, которым одним Бог истинно приемлется и сохраняется и возрастает в нас. «Я назвал мудрость сестрой моей» ([Притч.7:4](#)), «почтил и объял» ее, сколько мне дозволено было, и домогаюсь «венка благодати и прекрасного венца» ([Притч.4:8–9](#)), то есть даров премудрости и слова, озаряющего ум наш и освещающего наши шествия к Богу. Через слово я обуздываю порывы гнева, им усыпляю иссушающую зависть, им успокаиваю печаль, оковывающую сердце, им уцеломудриваю сластолюбие, им полагаю меру ненависти, но не дружбе (ибо ненависть должно умирать, а дружбе не должно знать пределов). Слово в изобилии делает меня скромным и в бедности великодушным, оно побуждает меня идти с идущим твердо, простирать руку помощи падающему, сострадать немощному и сорадоваться возмогающему. С ним равны для меня и отечество, и чуждая страна, и переселение для меня – не более, как переход с одного чужого места на другое, не мое. Слово для меня разделяет миры, и от одного удаляет, к другому приводит. Оно учит меня не возноситься «с оружием правды» ([2Кор.6:7](#)) и в несчастных и прискорбных обстоятельствах со мной любомудрствует, подавая «непостыжающую надежду» ([Рим.5:5](#)) и облегчая настоящее будущим. Словом и ныне встречаю друзей своих и братьев и предлагаю трапезу словесную и чашу духовную и всегдашнюю, а не такие, какими земная трапеза льстит чреву, которое не может быть исправлено, но «уничтожится» ([1Кор.6:13](#)). «Долго молчал я, терпел» ([Ис.42:14](#)), «удерживался»; ужели и всегда буду терпеть? Молчание Захарии разрешил родившийся Иоанн (ибо неприлично было молчать отцу «гласа», когда глас уже произошел; но как неверие гласу связало язык, так явление гласа должно было разрешить отца, которому и благовестован и родился этот «глас и светильник», предтеча Слова и Света), а мне разрешает язык и возвышает глас, как глас трубы, это благодетельное событие, это прекрасное зрелище, какое представляют чада Божии, прежде расточенные, а ныне собранные воедино, покоящиеся под одними и теми же крылами, «в единомыслии» идущие «в дом Божий» и соединенные между собой единым союзом добродетели и Духа. Я не могу молчать, когда уже не восстаем друг на друга (до того наш ум уловлен был лукавым, или терпел от него насилие, или «застрелен» был им «во тьме» ([Пс.10:2](#)), им же наведенной, или как иначе это выразить, что мы радовались несчастьям друг друга, не думая о том, что взаимное несогласие

причиняет вред всему телу). Не могу молчать, когда Иуда и Израиль «поставляют себе одну главу» ([Ос.1:11](#)), Иерусалим и Самария собираются к единому горнему Иерусалиму, и мы стали уже не «Павловы, Аполлосовы и Кифины» (из-за чего и против чего и происходили горделивые прения), новее – «Христовы» ([1Кор.1:12](#)).

Но поскольку вы овладели теперь и мной и словом не без насилия, но не поневоле, а по любви, то буду вещать (хотя едва могу), потому что вы так повелеваете, и произнесу слова благодарения и вразумления.

Благодарение мое таково: «Кто изречет могущество Господа?» Кто во услышание всех возвестит «все хвалы» ([Пс.105:2](#))? Теперь «оба едина, и средостение ограды разорено» ([Еф.2:14](#)). Ты сделал, что мы перестали быть «притчею во языцех», предметом «покивания головы между иноплеменниками» ([Пс.43:15](#)). Ты дал нам столько потерпеть зла, сколько нужно было, чтобы во время разделения познали мы благо мира, и, поразив скорбью, опять восстановил нас. Чудное врачевание! Ты враждой научил миру скоро возненавидевших вражду; противным устроил противное, и столько разлучил вас, что мы тем с большей охотой устремились друг к другу: подобно как ветви растений, насильно разведенные и потом оставленные на свободе, опять стремятся одна к другой, принимая прежнее естественное положение, и показывают в себе то свойство, что насилием можно их нагнуть, а не исправить. «Рука» уже не презирает «ока», и «око – руки; глава» не восстает против «ног», и «ноги» не чуждаются главы ([1Кор.12:21](#)) и не вредят или, лучше сказать, не терпят вреда от беспорядка и безначалия, от которого и во всем происходит замешательство и разрушение, но все члены, по естественному чину и закону, которым все между собой соединено и сохраняется, равно заботятся друг о друге, – и мы составляем теперь «одно тело и один дух, как и призваны к одной надежде вашего звания» ([Еф.4:4](#)). «Посему будут прославлять Тебя народы сильные» ([Ис.25:3](#)), став богатыми из убогих. «Ты явил нам милость Свою» ([Пс.30:22](#)), и к древним сказаниям присоединяется нечто новое. «А когда же умножился грех, стала преизобиловать благодать» ([Рим.5:20](#)). Бросив зерно, получил я колос; оплакивая потерю овец, приобрел пастырей и верно знаю, что приобрету еще наилучшего из пастырей⁶⁵, хотя он, по некоторым духовным причинам и медлит принять паству. Этому пастырю уже вверены и благодать Духа, и таланты для употребления, и попечение о стаде; он помазан помазанием святости и совершения, но мудрость еще удерживает его от начальства, и он до времени держит «свечу под сосудом», но вскоре «поставит ее на подсвечник, светить» всякой душе в Церкви ([Мф.5:15](#)) и

быть «светом стезям нашим» ([Пс.118:104](#)). Он теперь обзрывает еще дебри, горы и потоки и приготовляет сети волкам – хищникам душ, дабы во время благопотребно принять жезл и пасти словесное стадо, вместе с Истинным Пастырем, вселяясь «на злачные места», среди вечно зеленеющих словес Божиих, и «питая водами тихими», то есть Духом ([Пс.22:2](#)). На это мы надеемся и об этом молимся.

Но мне уже время присовокупить к благодарению и увещание, которое предложу также, сколько можно, короче, потому что вы большей частью вразумлены уже самими событиями, и для наученных опытом не нужны продолжительные поучения.

Во-первых, не надлежало нам, братия, разделяться и тем губить свое древнее достоинство и украшение, по которому наше малое стадо, хотя и нельзя ставить его наряду с многочисленными паствами, однако же равнял я с самыми великими и обширными, даже предпочитал некоторым по силе Духа. Так было прежде: каждая паства имела свое меньшее или большее украшение; отличительным свойством нашей паствы была непоколебимость и безмятежие, а поэтому часто называли ее ковчегом Ноевым за то, что одна спасалась от всемирного потопа и хранит в себе семена благочестия. Даже когда обличилось, что и мы люди, когда мы не избегли совершенно зависти лукавого, не устояли против болезни, все заражающей, но понесли свою долю в общем несчастье и не соблюли до конца прекрасного и отеческого наследия, то есть блага единомыслия: и в этом случае имели мы немалое преимущество перед другими (если только, уповая на Христа, можно нам похвалиться чем-нибудь и при самой вражде нашей), – то преимущество, что последние подверглись злу и первые исправились. Впасть в болезнь есть удел общей природы и немощи человеческой, которая на всех простирается, и на самых крепких по телу и духу, но восстать от болезни и возвратиться друг к другу есть дело рассуждения и благодати, которая прекрасно и справедливо вознаградила вас, даже лучше, нежели как мы желали и другие надеялись. Ибо тех, которые были поставлены главами⁶⁶ отделившихся, как поставленных ради благочестия и в пособие страждущему Православию, мы приняли с любовью и обходились не как с врагами, но как с братьями, обнялись с теми, которые возмутились против нас не надолго за отеческое наследие, впрочем, возмутились братски, а не злонамеренно. Вражду их мы не похвалили, но ревность одобрили, ибо несогласие за благочестие гораздо лучше согласия по какой-нибудь страсти. Таким образом, саму потерю обратили мы себе в приобретение, покрыв любовью умышленное ими против нас, и в том одном изменив порядок, что не благодать последовала

за избранием, но избание за благодатью и что для сообщения ее воспользовались мы чуждым рукоположением, будучи несколько упреждены Духом. А вы, оставив подозрение против письмени⁶⁷, обратились к духу и хотя не одобрили простоты при ясности речений, однако же не подозревали нечестия; зная, что у нас так же тверда и непоколебима Троица, как в естестве Своем, и что отсесть или отчуждать что-нибудь от Трех для нас значит то же, что отсесть все, и нагло восстать против всего Божества. В этом мы, даже во время самого разделения, иногда и перед известными людьми защищали друг друга. А это служит самым сильным доказательством, что истина не побуждается и временем и что вражда не погасила в нас совершенно искры любви. При самом раздоре сохранялось в нас важнейшее, то есть единомыслие и уверенность, что мы не колеблемся в истине и не противоречим ей, но запечатлены тем же характером веры и первого упования нашего. Ибо людей, искренно чтущих Бога, ничто не может так сильно побудить к единомыслию, как согласие в учении о Боге, и ничто так не располагает к раздору, как несогласие в этом учении. Человек самый скромный в других случаях становится самым пламенным, «кроткий – храбрым» ([Иоил.3:11](#)), когда видит, что через свое равнодушие он лишается Бога, или, лучше сказать, своим падением причиняет ущерб Богу, Который нас почитает Своим богатством и обогащает.

Таким образом, в самом разлучении, как сказал я, мы были столько умеренны, что наше единомыслие стало виднее разъединения и благоприятными расположениями той и другой стороны почти закрыто произошедшее. Поскольку же для прочности мира недостаточно одной поспешности в примирении, если оно не будет подкреплено разумом, и разуму не будет поборником сам Бог, от Которого всякое добро получает начало и приходит в совершенство, то молитвой и размышлением постараемся утвердить в силе наше примирение. Помыслим, во-первых, о превосходнейшем и высочайшем из всего сущего Боге (если только не найдет кто приличнейшим поставить Его и выше сущности (εσία), или в Нем заключить все бытие, так как от Него сообщается бытие и прочему); помыслим, во-вторых, и о существах первых от Бога и окрест Бога, то есть об ангельских и небесных Силах, которые первые пьют от Первого Света и просветляемые словом истины сами суть свет и отблески Совершенного Света. Этим существам ничто так не свойственно, как мир и безмятежие. Ибо в Божестве нет несогласия, потому что нет и разъединения (так как разъединение есть следствие несогласия), но в Нем столько согласия и с самим Собой и со вторичными существами, что наряду с другими и

предпочтительно перед другими именами, какими угодно называться Богу, это преимущественно стало Его именованием. Он называется «миром» ([Еф.2:14](#)), «любовью» ([1Ин.4:16](#)) и подобными именами, внушая нам самими наименованиями стремиться к стяжанию этих совершенств. А из ангелов тот, который дерзнул произвести возмущение и выше своего достоинства вознес выю против Господа Вседержителя или, по пророческому слову, замыслил о «престоле выше облаков» ([Ис.14:13–14](#)), – понес наказание, достойное высокоумия, осужден быть вместо света тьмой или, справедливее сказать, сам стал тьмой. Между тем прочие пребывают в своем достоинстве, в котором главное составляет мир и безмятежность, потому что от Всехвальной и Святой Троицы, от Которой имеют они светозарность, получили и то, чтоб быть едиными. Потому что и Троица есть и исповедуется Бог Единый не менее по согласию, как по тождеству сущности. Поэтому все те, которые любят благо мира и, напротив, ненавидят раздор и отвращают его, близки к Богу и Божественным духам; а те, которые браннолюбивы нравом, ищут славы в нововведениях и тщеславятся тем, чего бы надлежало стыдиться, принадлежат к противоположной стороне. Ибо и дьявол не только сам с собой в раздоре, по своей многовидности и по своим страстям, но то же производит и в других, как человекоубийца искони и ненавистник добра, прикрывая себя тьмой возмущения (дабы «сострелять во тьме» общее тело Церкви); с каковым ухищрением и лукавством, думаю, приступает он по большей части и к каждому из нас и тайно высматривает в нас место, где бы совершенно ворваться, как храбрый воин вторгается в проломленную стену или в прорванный строй.

Итак, необходимость доброжелательства и согласия достаточно уже доказывается этим одним, то есть подражанием Богу и существам Божественным, ибо на них только взирать и безопасно душе, созданной по образу Божию, дабы стремлением к Божественному и посильным уподоблением в наибольшей мере сохранить ей свое благородство. Кроме того, внимая гласу Божию, «взглянем» еще «вверх и посмотрим на землю» ([Ис.8:22](#)), и вникнем в законы твари. Небо, земля, море – словом, весь мир, эта великая и преславная книга Божия, в которой открывается самим безмолвием проповедуемый Бог, этот мир, пока стоит твердо и в мире с самим собой, не выступает из пределов своей природы, пока в нем ни одно существо не восстает против другого и не разрывает тех уз любви, которыми все связал Художник – Творческое Слово, до тех пор соответствует своему названию, и подлинно есть мир и красота несравненная; До тех пор ничего нельзя представить себе славнее и

величественнее его. Но с прекращением мира и мир перестанет быть миром. В самом деле, не замечаешь ли, что закон любви управляет небом, когда оно в стройном порядке сообщает воздуху свет и земле дожди? А земля и воздух не родительской ли любви подражают, когда дают всем животным – одна пищу, другой возможность дышать, и тем поддерживают жизнь их? Не миром ли управляются времена года, которые, кротко между собой растворяясь, постепенно заступают одно место другого и средними временами смягчают суровость крайних, служа тем вместе к удовольствию и к пользе? Что сказать о дне и ночи, которые уравниваются друг с другом, равномерно возрастая и убывая, из которых один призывает нас к делам, а другая к покою? Что сказать о солнце и луне, о красоте и множестве звезд, которые стройно появляются и заходят? Что сказать о море и суше, которые, мирно между собой соединяясь, благосклонно и человеколюбиво передают друг другу человека и богато и щедро расточают ему свои сокровища? Что сказать о реках, которые текут через горы и поля и не выступают из своих пределов, разве только для пользы, «и не возвратятся покрыть землю» ([Пс.103:9](#))? Что сказать о смятении и растворении стихий? Что сказать о соразмерности и согласии членов, о пище, о рождении и обитании, определенных каждому животному, из которых одни господствуют, другие подчиняются, одни покорны нам, другие свободны? Если все это бывает так и распоряжается, и управляется по первоначальным законам гармонии, так как бы все вместе текло, одно имело дыхание, то можно ли сделать из этого другое заключение, кроме того, что все проповедует нам о дружестве и единомыслии, что все предписывает нам закон единодушия? Но когда в мире вещество возмутится само против себя и, своим смятением готова разрушение, сделается неукротимым, или когда Бог, в страх и наказание грешникам, нарушит несколько стройный порядок или наводнением, или землетрясением, или необыкновенными дождями, или затмением солнца, или продолжительностью какого-нибудь времени года, или извержением огня, тогда беспорядок и страх разливаются всюду, и среди смятения открывается, как благодетелен мир.

Не буду говорить о том, что миром поддерживаются, а от несогласия приходят в расстройство города, царства, лики поющих, войска, дома, общества плывущих на одном корабле, супружества и дружеские союзы; остановлюсь на Израиле, и напомнив вам об его бедствиях, рассеянии и скитании, в каком находится он ныне и долго еще будет находиться (в чем верю пророчествам); спрошу потом вас о достоверно вам известной причине этих несчастий, чтобы бедствия других научили нас

единомыслию.

Не правда ли, что пока израильтяне сохраняли мир между собой и с Богом, мучимые в Египте, как в железной печи, и соединяемые общим притеснением (иногда и притеснение служит спасительным врачеванием); до тех пор назывались они «народом святым, частью Господнею и царством священников» ([Исх.19:6](#); [Втор.32:9](#))? И не именем только были они таковы, а на деле иные. Ими управляли вожди, водимые Богом; днем и ночью путеводствовал их столп огненный и облачный; во время бегства для них расступилось море; когда голодали, – небо подавало им пищу; когда жаждали, – камень источал им воду; когда сражались, – воздеяние рук заменяло им тысячи воинов, при помощи молитвы воздвигало победные памятники и пролагало путь вперед; перед ними отступали реки, подражая однородному морю, останавливались стихии и стены падали от звука труб. Что сказать о язвах египетских и о гласах Божиих, услышанных с горы, о двояком законодательстве, – одном письменном, а другом в духе, и обо всем том, чем некогда почтены были израильтяне выше своего достоинства? Но когда впали они в болезнь, с яростью восстали друг на друга, разделились на многие части, будучи доведены до последней крайности крестом и своим упорством, с каким восстали против Бога и Спасителя нашего, не познав Бога в человеке, когда навлекли на себя тот «жест железный» ([Пс.2:9](#)), которым Бог угрожал им издалека (имею в виду господствующую ныне Державу и преобладающее царство), тогда что стало? Чего не потерпели они? Иеремия плачет о прежних их бедствиях и сетует о пленении вавилонском: подлинно, и то было достойно плача и сетования. Как не пролить было горьких слез, когда стены раскопаны, город сровняли с землей, святилище разрушили, приношения разграбили, нечистые ноги вступают в недоступное, скверные руки на службу сластолюбию берут неприкосновенное, пророки умолкли, священники отводятся в плен, к старейшинам нет милости, девы предаются поруганию, юноши падают, огонь чужой и огонь брани, также реки крови занимают место священного огня и крови, назореев волокут по улицам, песни заменены плачем, и, скажу собственными словами Плача Иеремии, «сыны Сиона драгоценные» ([Плач.4:2](#)) и равноценные злату, жившие в довольстве и не испытавшие бедствий, идут необыкновенным путем, а «пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник» ([Плач.1:4](#))? А немного раньше: «руки женщин мягкосердых» ([Плач.4:10](#)) при усиливающейся осаде не детям подают пищу, но детей терзают себе на пищу и утоляют голод свой тем, что для них всего любезнее. Не ужасно ли это, не верх ли ужаса не только для терпевших тогда, но и для слышащих

об этом ныне? Всякий раз, как беру в руки эту книгу и читаю Плач (а читаю его всякий раз, когда хочу чтением уцеломудрить благоденствие), – голос у меня прерывается, слезы льются сами собой, бедствие как бы совершается перед моими глазами, и я плачу с плакавшим пророком. Но кто из умеющих слагать плачевные песни и вполне изобразить скорбь словом, достойно оплачет последний удар, – переселение израильтян, ныне тяготеющее над ними иго рабства, всем известное под римским владычеством унижение, главнейшей виной которого было возмущение? Какие книги вместят это? Для них один памятник бедствия, – целая Вселенная, по которой они рассеяны, прекратившееся Богослужение, едва узнаваемое ныне место самого Иерусалима, который в той только мере для них доступен и тем только их услаждает за прежнюю славу что они, явившись там на один день, могут оплакать запустение.

Если же возмущение действительно так страшно и губительно по своим последствиям, как видно из сказанного и как показывают многие другие примеры, то гораздо страшнее людям, которые освободились уже от мелочной привязчивости и вкусили благ мира, снова подвергнуться той же болезни и, как говорится, возвратиться на свою блевотину, не вразумившись самим опытом, который поучителен и для несмышленных. Ибо, как вижу, легкомысленными и неразумными считают не тех, которые преданы какому-либо пороку, но тех, которые, подобно переменчивым ветрам, или переменам и приливам воды в Еврипах⁶⁸, или непостоянным волнам моря, легко увлекаются и переходят то на ту, то на другую сторону. Примечаю и то, что остающихся в раздоре делает более доступными, по крайней мере, надежда на согласие, которая облегчает большую часть их несчастья; потому что для несчастного великое утешение – надеяться на перемену и иметь в виду нечто лучшее; но те, которые часто приступали к единомыслию и всегда снова устремлялись к раздору, сверх всего другого, лишаются и надежды на лучшее, боятся согласия не менее, чем раздора, и по причине удобопреклонности к тому и другому и непостоянства ни тому, ни другому не доверяют.

Да не подумают, однако же, будто бы я утверждаю, что всяким миром надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласие и самое пагубное единомыслие; но должно любить добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом. И если нужно о том выразиться кратко, то скажу свою мысль: не хорошо быть и слишком вялым и чрезмерно горячим, так чтобы или, по мягкости нрава, со всеми соглашаться, или, из упорства, со всеми разногласить. Как вялость недеятельна, так удобопреклонность на все необщительна. Но когда идет дело о явном

нечестии, тогда должно скорее идти на огонь и меч, не смотреть на требования времени и властителей и вообще на все, нежели приобщаться к закваске лукавства и прикасаться к зараженным. Всего страшнее – бояться чего-либо более, нежели Бога, и из-за этой боязни служителю истины стать предателем учения веры и истины. Но когда огорчаемся по подозрению и боимся, не исследовавши дела, тогда терпение предпочтительнее поспешности и снисходительность лучше настойчивости. Гораздо лучше и полезнее, не отделяясь от общего тела, как членам его, исправлять друг друга и самим исправляться, нежели, преждевременно осудив своим отлучением и тем разрушив доверенность, потом повелительно требовать исправления, как свойственно властелинам, а не братьям.

Познав это, братия, обнимем и облобызаем друг друга, будем искренно едины, будем подражать «Разорившему средостение ограды» и кровью Своей все собравшему и примирившему. Скажем этому общему отцу, досточтимому старцу, кроткому и тихому Пастырю: видишь ли, какая награда за смирение? «Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе» ([Ис.60:4](#)). Они собраны, как ты того желал, и чего единого просил день и ночь, дабы закончить свое странствование в старости доброй. Вот, они все пришли к тебе, упокаиваются под крылами твоими и окружают свой алтарь; со слезами они удалились, с радостью возвращаются. Радуйся и увеселяйся, наилучший и чадолюбивейший из отцов, потому что ты как невеста убранством одет и облечен всеми ими. Скажи и ты нам: «Вот я и дети, которых мне дал Господь» ([Ис.8:18](#))! Приложи и другое слово Господне, особенно ныне приличное: «тех, которых ты дал мне, я сохранил» ([Ин.17:12](#)) и из них ни единого не погубил. И о если бы никто не погиб, но все мы пребыли в едином духе, единодушно подвизались за Евангельскую веру, едино мудрствовали; вооружаясь щитом веры, перепоясав чресла истиной, знали одну только брань, – брань против лукавого и против воинствующих под его начальством; не боялись тех, которые могут убить тело, но не могут похитить души; боялись же Господа души и тела; сохраняли драгоценный залог, полученный нами от отцов, то есть поклонялись Отцу, и Сыну, и Святому Духу, в Которых мы крестились, в Которых уверовали, с Которыми сочетались; познавали Отца в Сыне и Сына в Духе, прежде соединения разделяли, прежде разделения соединяли; не почитали Трех за единого (потому что они не безыпостасны и не одну составляют ипостась, так что богатство наше не в одних именах, но в самой вещи), и верили, что Три суть единое, – единое же не ипостасью, но Божеством – Единица в

Троице поклоняемая и Троица в Единице возглавляемая, вся достопоклоняемая, вся царственная, единопрестольная, равнославная, премирная и превышая времени, несозданная, невидимая, неприкосновенная, непостижимая, «сама только ведающая о Себе, какой порядок имеет сама в Себе», а для нас равно досточтимая, достойная равного служения. Едина входящая во Святая Святых, всякую же тварь оставляющая вне и отделяющая иных первой, а других второй завесой; так первой отделены от Божества существа небесные и Ангельские, второй же отделено наше естество от существ небесных.

Так, братия, будем поступать и так вести себя, и разномыслящих, пока можно, будем принимать и врачевать как язву истины; страждущих же неисцельно станем отвращать, чтобы самим не заразиться их болезнью, прежде нежели сообщим им свое здоровье. И Бог мира, всяк ум превосходящего, будет с нами, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

Слово 7*

Надгробное брату Кесарию, произнесенное еще при жизни родителей

Может быть, думаете вы, друзья, братья и отцы, любезные делом и именем, что я охотно приступаю к слову, желая слезами и сетованием сопроводить ушедших от нас или предложить длинную и витиеватую речь, каковыми многие услаждаются. И одни готовятся скорбеть и проливать со мной слезы, чтобы вместе с моим горем оплакать свое, какое у кого есть, и научиться скорби в страданиях друга; другие же надеются насытить слух и получить удовольствие, предполагая, что и само несчастье обращу в случай показать себя, как бывало со мной прежде, когда, кроме прочего, довольно избыточествовал я предметами слова и щедр был на сами слова, пока не воззрел к истинному и высочайшему Слову, не предал всего Богу, от Которого все, и взамен всего не приял Бога. Нет, не так обо мне разумеите, если хотите разуметь справедливо. Не буду более надлежащего плакать об умершем я, который не одобряю этого в других. Не стану и хвалить сверх меры и приличия; хотя слово для обладавшего даром слова и хвала для любившего особенно мои слова есть такой дар, который ему приятен и приличнее всякого дара, и не только дар, но долг, который справедливее всякого долга. Однако же пролью слезы и почту удивлением, насколько это оправдывает данный на то закон, ибо и это не чуждо нашему любомудрию, так как «память праведника пребудет благословенна» ([Притч.10:7](#)). «Над умершим пролей слезы и, как бы подвергшийся жестокому несчастью, начни плач» ([Сир.38:16](#)), говорит некто, равно предотвращая нас и от нечувствительности и от неумеренности в скорби. Потом покажу немощь человеческого естества, упомяну и о достоинстве души. Как сетующим подам должное утешение, так скорбь от телесного и временного возведу к духовному и вечному.

Начну с чего для меня всего приличнее начать. Всем вам известны родители Кесаря; и видимы и слышимы вами их добродетели; вы подражаете и удивляетесь им, а незнающим, ежели есть таковые, рассказываете о них, избирая для этого – один то, другой другое. Да и невозможно было бы одному пересказать все; такое дело, сколько бы кто ни был неутомим и ревностен, требует не одного языка. Из многих же и великих качеств, похвальных в них (да не подумают, что престопаю меру, хваля своих!), одно всех важнее и не уступает прочим в знаменитости; это – благочестие. Скажу и то, что эти почтенные люди украшены сединами,

равно заслуживают уважения и за добродетель и за престарелость. Тела их истощены летами, но души юнеют Богом.

Отец, бывший дикой маслиной, искусно привит к маслине доброй и до того напоен ее соками, что ему поручено прививать других, вверено врачевание душ. Сподобившись высокого сана и почтенный высоким председательством у людей этих, как второй Аарон или Моисей, приближается он к Богу, и другим, стоящим издали, преподает Божии глаголы. Он кроток, не гневлив, спокоен по наружности, горяч духом, обилен дарами видимыми, но еще более обогащен сокровенными. Но для чего описывать, кого вы сами знаете? Если и надолго простру слово, – не скажу, сколько бы надлежало и сколько каждый из вас знает и желает слышать. Лучше предоставить всякому думать по-своему, нежели, изображая чудо словом, убавить большую часть его.

А мать издревле и в предках посвящена Богу, не только сама обладает благочестием, как неотъемлемым наследием, но передает его и детям. Действительно, от святого начатка и примешение свято ([Рим.11:16](#)). И она до того возрастила и приумножила это наследие, что некоторые (скажу и это смелое слово) уверены и уверяют, будто бы совершенства, видимые в муже, были единственно ее делом, и (что чудно) в награду за благочестие жены дано мужу большее и совершеннейшее благочестие.

Всего же удивительнее то, что оба они и чадолюбивы, и христоролюбивы; вернее же сказать, больше христоролюбцы, нежели чадолюбцы. Для них и в детях одно было утешение, чтобы прославлялись и именовались по Христе; под благочадием разумели они добродетель и приближение детей к совершенству. Они милосерды, сострадательны, многое спасают от тли, от разбойников и от миродержителя; сами из временного жилища переселяются в постоянное, и детям собирают драгоценнейшее наследие – будущую славу. Так достигли они маститой старости, равно уважаемые и за добродетель и за возраст, исполненные дней как преходящих, так и пребывающих. В том только не имеют они первенства между земнородными, в чем каждый из них препятствует другому стоять первым. Для них во всем исполнилась мера благополучия; разве иной исключит последнее событие, которое не знаю как назвать – испытанием ли, или Божиим смотрением. Но я назвал бы смотрением, потому что, предпослав одного из детей, который по возрасту мог скорее поколебаться, тем свободнее могут они сами отрешаться от жизни и со всем домом возноситься к горнему.

Все это говорено мной не с намерением восхвалить родителей, ибо знаю, что едва ли бы кто успел в этом, хотя бы на похвалы им посвятил и

целое слово. Я хотел только из свойства родителей показать, какова должна быть добродетель Кесаря. Не удивляйтесь же и не почитайте невероятным, что при таких родителях явил он себя достойным таких похвал. Напротив, удивительно было бы, если бы, презрев домашние и близкие примеры, подражал он другим. И действительно, начало было таково, какое и приличествовало человеку, который имел благородное происхождение и обещал впоследствии жизнь превосходную. А середину сокращу: красота, величественность роста, во всем приятность и, как бы в звуках, стройность, – такие были преимущества в Кесарии, которым удивляться не наше дело, хотя для других и кажутся они немаловажными. Перейду же к последующему, о чем трудно и умолчать, хотя бы захотел.

В таких правилах воспитанные и наставленные по достаточном упражнении здесь (в Назианзе – «ред».) в науках, в которых, по быстроте и высоте дарований (трудно и сказать, сколько) превзошел он многих (могу ли без слез вспомнить об этом и от горести против обещания не изобличить себя в нелюбомудрии?), когда наступило время оставить нам родительский дом, – мы в первый еще раз разлучились друг с другом. Я, по любви к красноречию, остался в процветавших тогда палестинских училищах, а он отправился в Александрию, в этот город, который и тогда, и доныне был и почитался, неточным местом всякого образования.

Какое же из совершенств его наименую первым, или важнейшим, о чем умолчу без величайшего ущерба слову? Кто доверчивее его был к наставникам? Кто дружелюбнее со сверстниками? Кто больше его избегал сообществ и бесед с неблагонравными? Кто вступил в теснейшее общение с людьми отличнейшими, как с чужеземцами, так и из соотечественников наиболее одобряемыми и известными? Он знал, что короткое обращение с людьми немало способствует к навыку и в добродетели и в пороке. А за такие качества, кто более его отличаем был начальством, уважаем в целом городе? И хотя, по обширности города, все оставались в безвестности, однако же, кто был известнее его целомудрием, славнее умом? Какого рода наук не проходил он? Или, лучше сказать, в какой науке не успел более, нежели как успевал другой, занимаясь ею одной? Кто, не только из сверстников по учению и летам, но из старших возрастом и начавших учиться прежде него, мог с ним, хотя несколько, сравниться?

Он изучал все науки как одну, и одну как все. Быстрых по дарованиям сверстников побеждал трудолюбием, и неутомимых в занятиях – остротой ума; вернее же сказать, скорых превозмогал скоростью, трудолюбивых – прилежанием, а преимуществовавших в том и другом – и тем и другим. Из геометрии, из астрономии и из науки, для других опасной⁶⁹, избирал он

полезное, сколько нужно, чтобы, познав стройное течение и порядок небесных тел, благоговеть перед Творцом; а что в этой науке есть вредное, того избегал, и движению звезд не подчинял ни существ, ни явлений, как делают иные, сослужебную себе тварь поставляющие наряду с Творцом; напротив, само движение звезд, как и все прочее, приписывал он, сколько должно, Богу. Что же касается науки чисел и их отношений, также чудного врачебного знания, которое углубляется в свойство естеств и темпераментов и в начала болезней, чтобы, исторгая корни, отсекал и ветви, то найдется ли человек столько невежественный, что дал бы Кесарию второе место, а не предпочел лучше стать первым после него и иметь совершенство между вторыми? И все это не осталось незасвидетельствованным; напротив, Восток, Запад и все страны, где только впоследствии бывал Кесарии, служат знаменитыми памятниками его учености.

Когда же в единую душу свою, как в большой корабль, нагруженный всякими товарами, собрав все добродетели и сведения, отправился он в свой родной город, чтобы и других наделить сокровищами своей учености; тогда случилось нечто удивительное. И как воспоминание об этом меня особенно восхищает, а может быть и вам доставит удовольствие, то не излишним будет пересказать о том кратко. Мать в материнских и чадолюбивых молитвах своих просила Бога, чтобы ей обоим нас, как отпустила вместе, так и возвратившимися увидеть вкупе. Ибо мы, когда бывали вместе, казались какой-то четой, если не для других, то для матери, достойной благожеланий и лицезрения, хотя теперь и разлучены по злобной зависти⁷⁰. А тогда Бог, Который внемлет праведной молитве и награждает любовь родителей к благонравным детям, подвиг нас, без всякого с нашей стороны соумышления и соглашения, одного из Александрии, а другого из Греции, одного сушей, а другого морем, прибыть в одно время и в один город. Это была Византия, город первопрестольный ныне в Европе, в котором Кесарий через некоторое время приобрел такую славу, что ему предложены были отличия в обществе, знатное супружество и место в Сенате. Даже по общему приговору отправлено к великому Царю⁷¹ посольство с прошением – первый из городов, если Царь желает сделать его действительно первым и достойным этого наименования, почтить и украсить первым из ученых мужей, а благодаря этому заставить, кроме прочего, говорить о Византии, что она, при иных преимуществах, изобилуя многими мужами, отличными в знании философии и других наук, имеет еще у себя врачом и

гражданином Кесария. Но об этом довольно. А что с нами тогда встретилось, хотя казалось иным одной случайностью, не имевшей ни основания, ни причины, как и многое в нашей жизни приписывается случаю; однако же для боголюбивых ясно показывало не дело случая, но исполнение молитвы благочестивых родителей, по которой собираются к ним дети и с суши, и с моря.

Не умолчу и том прекрасном качестве Кесария, которое иным представляется, может быть, маловажным и не стоящим упоминания, но мне и тогда казалось и теперь кажется весьма важным, если только похвально братолюбие. И когда ни буду говорить о делах Кесария, не перестану причислять этого к первым совершенствам. В Византии, как сказал я, удерживали его почестями, и ни под каким предлогом не соглашались отпустить. Однако же превозмог я, во всем уважаемый и высоко ценимый Кесарием; я убедил его исполнить моление родителей, свой долг к отечеству, а также и мое желание; убедил продолжить путь, и притом вместе со мной, предпочесть меня не только городам и народам, почестям и выгодам, которые отовсюду обильно или уже лились к нему, или льстили надеждой, но едва и не самому Государю и его приказаниям. Что до меня, то с этого времени, отбросив всякое честолюбие, как тяжкое иго властелина или мучительную болезнь, решился я посвятить себя любомудрию и стремиться к горней жизни; или лучше сказать, такое желание началось во мне раньше, но образ жизни принят после. Кесарий же первые плоды учености посвятил своей родине, и своими трудами заслужив должное уважение, потом увлечен был желанием славы и, как меня уверял, желанием сделаться полезным для города. Он отправился к царскому двору, что мне не совсем нравилось и не по моему было расположению, ибо (извинюсь перед вами) для меня лучше и выше быть последним у Бога, нежели занимать первое место у земного царя. Однако же поступок Кесария не заслуживал и укоризны; ибо жизнь любомудренная как всего выше, так и всего труднее; она и возможна не для многих, а только для тех, которые призваны к этому высоким Божиим Умом, благопоспешествующим в благом предприятии. Но немаловажно и то, ежели кто, избрав второй род жизни, сохраняет непорочность и больше помышляет о Боге и о своем спасении, нежели о своей славе; кто, действуя на позорище этого мира, хотя принимает почести, как сень или личину разнообразного и временного, однако же сам живет для Бога и блюдет в себе образ, о котором знает, что получил его от Бога и за который обязан дать отчет Даровавшему. А я знаю, что таков точно был образ мыслей Кесария. Ему дается первое место между врачами; для чего не

потребовалось и больших усилий, а стоило только показать ему свои сведения, или даже одну предварительную часть своих сведений. Вскоре включен он в число приближенных к Государю и получает самые высокие почести. Между тем предлагает высшим чиновникам пособия своего искусства безмездно, зная, что к возвышению всего вернее ведет добродетель и известность, приобретенная честными средствами. А благодаря этому далеко превзошел он славой тех, ниже которых был чином. Все любили его за целомудрие и поверяли ему свое драгоценнейшее (здоровье – «ред»), не требуя с него Гиппократовой клятвы; даже простодушие Кратесово в сравнении с Кесариевым было ничто. Всеми он уважаем был более и того, чего стоил; и хотя ежедневно достаивался важных отличий, однако же и сами Государя, и все первые после них люди в государстве, почитали его достойным впредь еще больших почестей. Всего же важнее то, что ни слава, ни окружающая роскошь не могли повредить благородства души его. Напротив, при многих и важных отличиях, одно только достоинство считал он первым, – и быть и именоваться христианином; а все прочее, в сравнении с этим, казалось ему игрушкой и суетой. Другим предоставлял он забавляться тем, как бы в театре, который наскоро строят и потом разбирают, или скорее ломают, нежели устанавливают; что и действительно видим в многочисленных переворотах жизни и в переменчивости счастья, так что подлинное и несомненно постоянное благо одно, именно благочестие. Таковы были плоды Кесариева любомудрия и под хламидой (сенаторской одеждой – «ред».)! В таких мыслях он жил и умер, явив и доказав, по внутреннему человеку, перед Богом еще большее благочестие, нежели какое было видимо людьми.

Но если должно мне обойти молчанием другие его дела, покровительство сродникам, впадшим в несчастье, презрение к надменным, уважение к друзьям, свободу перед начальниками, подвиги за истину, весьма часто и за многих сочиняемые слова, не только сильные доводами, но отличающиеся благочестием и одушевлением, то вместо всего этого нужно сказать об одном знаменитейшем из всех его дел.

Рассвирепел на нас царь (Юлиан Отступник – «ред») злоименный, он вознеистовствовал прежде на себя, отвергшись веры во Христа, а потом стал уже нестерпим и для других. Не смело, не по примеру других христоненавистников, передался он в нечестие, но прикрывал гонение личиной кротости, и подобно тому пресмыкающемуся змию, который владел его душой, всякими ухищрениями завлекал несчастных в одну с собой бездну. Первой же из его хитростей и козней было – страждущих за

христианство наказывать, как злодеев, чтобы нам не иметь и чести Мучеников, ибо и в этом завидовал христианам этот великий муж. А вторая лесть состояла в том, что делу своему придавал имя убеждения, а не насилия; чтобы произвольно уклоняющимся в нечестие тем больше было стыда, чем меньше предлежало им опасности. И он привлекал кого деньгами, кого чинами, кого обещаниями, кого разного рода почестями, предлагая их в глазах всех не по-царски, но совершенно раболепно. На всех же старался действовать очаровательностью речей и собственным примером. Кроме многих других, делает он покушение и на Кесария. Какое тупоумие и даже безумие – надеяться, что уловит Кесария, моего брата и сына таких родителей!

Да позволено будет продлить слово и насладиться повествованием, как услаждались присутствовавшие при этом чудном деле! Доблестный муж, оградившись знаменем Христовым и вместо щита прикрывшись великим словом, предстает перед сильным по оружию и великим по дару слова, не теряет твердости, слыша льстивые речи, а является, как борец, готовый подвизаться словом и делом против сильного в том и другом. Итак, поприще открыто, вот и подвижник благочестия! С одной его стороны Подвигоположник Христос, вооружающий борца Своими страданиями, с другой – жестокий властелин, то обольщающий приветливыми речами, то устрашающий обширностью власти. И зрителей также два рода: одни остаются еще в благочестии, другие увлечены уже властелином; но те и другие внимательно наблюдают, какой оборот примет дело; и мысль, кто победит, приводит их в большее смущение, нежели самих ратоборцев. Не убоился ли ты за Кесария, не подумал ли, что успех не будет соответствовать его стремлению? Но не сомневайтесь: победа со Христом, победившим мир. Всего более желал бы я пересказать теперь, что было тогда говорено и предлагаемо; потому что в этом споре немало расточено тонких оборотов и красот, которые не неприятно было бы для меня возобновить в памяти. Но это вовсе не приличествовало бы времени и предмету слова. Кесарий решил все словоухищрения его, отверг скрытные и явные обольщения, как детские игрушки, и громко возвестил, что он христианин и будет христианином: однако же Царь не удалил его от себя совершенно. Ему сильно хотелось пользоваться и хвалиться ученостью Кесария; и тогда произнес он следующие, часто повторяемые всеми слова: «Благополучный отец! злополучные дети!» Ибо этим поруганием он благоволил почтить вместе и меня, известного ему по афинскому образованию и благочестию.

Между тем Кесарий, сберегаемый до второго представления к Царю,

которого гнев Божий благовременно вооружил против персов, возвратился к нам, как блаженный изгнанник, как победоносец, не обагренный кровью и прославленный бесчестием более, нежели блистательными отличиями. Такая победа, по моему суждению, гораздо выше и почтеннее могущества Юлиана, высокой багряницы и драгоценной диадемы. И повествованием об этом превозношусь я более, нежели как стал бы превозноситься, если бы Кесарий разделял с ним целое царство. Если он уступает злым временам, то делает по нашему закону, который повелевает бедствовать за истину, когда потребуют обстоятельства, и не изменять благочестию из робости, но также и не вызываться, пока можно, на опасность, как страшась за свою душу, так щадя и тех, которые повергают нас в опасность.

Когда же мрак рассеялся, далекая страна прекрасно решила дело, «оружие очищенное» ([Пс.7:13](#)) низложило нечестивца, а христиане снова восторжествовали; нужно ли говорить, с какой тогда славой и честью, при каких и скольких засвидетельствованиях, принят опять к царскому двору Кесарий, как будто он через это оказывал, а не сам получал, милость? Новая почесть заняла место прежней. И хотя государи менялись по времени однако же доброе мнение о Кесарии и его первенство при дворе было непоколебимо. Даже государи препирались между собой в том, кто из них более ласкал Кесария и кто имел больше права назвать его искреннейшим другом и приближенным. Таково было благочестие Кесария, и таково воздаяние за благочестие! Пусть слышат об этом и юноши, и мужи, и пусть той же добродетелью снискивают подобную знаменитость все, которые домогаются ее и почитают ее частью благополучия! Только «плод добрых трудов славен» ([Прем.3:15](#)).

Но вот еще чудное событие в жизни Кесария, которое служит сильным доказательством богобоязненности, вместе и его собственной, и родителей его. Кесарий проживал в Вифинии и был начальником по такой части, которая близка к самому государю. Он был хранителем царской казны и имел под своим смотрением сокровища. А этим государь пролагал для него путь к высшим чинам. Но во время недавнего в Никее землетрясения, которое, как сказывают, было ужаснее прежних и почти всех застигло и истребило вместе с великолепием города, из знатных жителей едва ли не один, или весьма с немногими, спасается от гибели Кесарий. И спасение совершилось невероятным для него самого образом: он был покрыт развалинами и понес на себе только малые признаки опасности, насколько нужно было для него, чтобы принять страх наставником высшего спасения, и оставив служение непостоянному, из одного царского двора

поступив в другой, совершенно перейти в горнее воинство. Он сам встретился с такой мыслью и ревностно возжелал ее исполнения, как уверял меня в письмах своих; а я воспользовался случаем присоветовать то, к чему и прежде не переставал увещевать, сожалея, что великие его дарования обращены на худшее, что душа столь любомудрая погружена в дела общественные и уподобляется солнцу, закрытому облаком.

Но спасшись от землетрясения, Кесарий не спасся от болезни, потому что был человек: и первое принадлежало ему собственно, а последнее было ему общим со всеми; первым одолжен он благочестию, а в последнем действовала природа. Так утешение предшествовало горести, чтобы мы, пораженные его смертью, могли похвалиться чудным его спасением в то время. И теперь сохранен для нас великий Кесарий; перед нами драгоценный прах, восхваляемый мертвец, переходящий от песнопений к песнопениям, сопровождаемый к алтарям мученическим, чествуемый и святыми руками родителей, и белой одеждой матери, заменяющей в себе горечь благочестием и слезами, которые препобеждаются любомудрием и псалмопениями, которыми укрощается плач; перед нами приемлющий почести, достойные души новосозданной, которую Дух преобразовал водой.

Таково тебе, Кесарий, погребальное от меня приношение! Прими начатки моих речей, ты часто жаловался, что скрываю дар слова, и вот, на тебе надлежало ему открыться! Вот от меня тебе украшение, и знаю, что оно для тебя приятнее всякого другого украшения! Не принес я тебе шелковых волнующихся и мягких тканей, которыми ты не увеселялся и прежде, потому что украшал себя одной добродетелью. Не принес и тканей из чистого льна, не возлил многоценных благовоний, которые ты и при жизни отсылал в женские чертоги и которые благоухают не долее одного дня; не принес чего-либо другого, столь же ничтожного и уважаемого людьми ничтожными; так как все это, вместе с прекрасным телом твоим, покрыл бы ныне этот холодный камень. Прочь от меня с теми языческими игрищами и представлениями, которые совершались в честь несчастных юношей и при которых за маловажные подвиги предлагались маловажные награды! Прочь с теми обрядами, в которых насыпями, приношением начатков, венцами и свежими цветами упокоивали усопших людей, покоряясь более отечественному закону и неразумию горести, нежели разуму! Мой дар – слово, оно, переходя далее и далее, достигнет, может быть, и будущих времен и не попустит, чтобы переселившийся отсюда совершенно нас оставил, но сохранит его навсегда для слуха и сердца, явственнее картины представляя изображение возлюбленного.

Таково мое приношение! Если оно маловажно и не соответствует твоим достоинствам, то по крайней мере благоугодно Богу, как соразмерное силам. Притом, мы воздали часть, а другую, кто останется из нас в живых, воздаст при годовичном чествовании и поминовении.

А ты, божественная и священная глава, войди на небеса, упокойся в недрах Авраамовых (что ни знаменовали бы они), узри лик Ангелов, славу и великолепие Блаженных, или лучше, составь с ними один лик и возвеселись, посмеиваясь с высоты всему здешнему, так называемому, богатству, ничтожным достоинствам, обманчивым почестям, заблуждению чувств, превратностям этой жизни, беспорядку и недоразумениям как бы среди ночного сражения! И да предстоишь Великому Царю, исполняясь горнего света, от которого и мы, приняв малую струю, сколько может изобразиться в зеркале и гаданиях, да взойдем наконец к Источнику блага, чистым умом созерцать чистую истину и за здешнее ревнование о добре обрести ту награду, чтобы насладиться совершеннейшим обладанием и созерцанием добра в будущем! Ибо это составляет цель нашего тайноводства, как прорицают и Писание и богословы.

Что остается еще? Предложить исцеляющие слова скорбящим. Для плачущих действительнейшее пособие то, которое подано сетующим с ними. Кто сам чувствует равную горесть, тому удобнее утешать страждущих. Притом, слово мое обращается особенно к тем, за которых было бы мне стыдно, если бы они не превосходили так же всех в терпении, как превосходят во всякой другой добродетели. Ибо они хотя больше всех чадолюбивы однако же больше всех и любомудры, и христолюбивы. Как сами всего более помышляют о переселении отсюда, так и детей научили тому же, или, лучше сказать, целая жизнь определена у них на помышление о смерти. Если же горесть омрачает мысли и, подобно гноетечению из глаз, не позволяет чисто рассмотреть, что должно, то да примут утешение старцы от юного, родители от сына, подававшие многим советы и приобретшие долговременную опытность – от того, кто сам имеет нужду в их советах. Не удивляйтесь же, если будучи юным, даю уроки старцам; и то ваше, если умею видеть иное лучше седовласых.

Сколько еще времени проживем мы, почтенные и приближающиеся к Богу старцы? Долго ли еще продлятся здешние злострадания? Непродолжительна и целая человеческая жизнь, если сравнить ее с Божественным и нескончаемым естеством. Еще более краток остаток жизни и, так сказать, прекращение человеческого дыхания, окончание временной жизни. Чем предварил нас Кесарий? Долго ли нам оплакивать его, как отшедшего от нас? Не поспешаем ли и сами к той же обители? Не

покроет ли и нас вскоре тот же камень? Не сделаемся ли в скором времени таким же прахом? В эти же краткие дни не столько приобретем доброго, сколько увидим, испытаем, а может быть, сами сделаем худого; и потом принесем общую и неперемнную дань закону природы. Одних сопроводим, другим будем предшествовать; одних оплачем, для других послужим предметом плача, и от иных воспримем слезный дар, который сами приносили умершим. Такова временная жизнь наша, братия! Таково забавное наше появление на земле – возникнуть из ничего и, возникнув, разрушиться! Мы то же, что беглый сон, неуловимый призрак, полет птицы, корабль на море, следа не имеющий, прах, духовение, весенняя роса, цвет, временем рождающийся и временем облетающий. «Дни человека, как трава, как цвет полевой, так он цветет» ([Пс.102:15](#)); прекрасно рассуждал о нашей немощи божественный Давид. Он то же говорит в следующих словах: «изнурил силы мои, сократил дни мои» ([Пс.101:24](#)), и меру дней человеческих определяет «пядями» ([Пс.38:6](#)). Что же сказать вопреки Иеремии, который и к матери обращается с упреком, сетуя на то, что родился и притом по причине чужих грехопадений ([Иер.15:10](#))? «Видел всяческое», говорит Екклесиаст; обозрел я мыслью все человеческое, богатство, роскошь, могущество, непостоянную славу, мудрость, чаще убегающую, нежели приобретаемую; неоднократно возвращаясь к одному и тому же, рассмотрел опять роскошь и опять мудрость, потом сластолюбие, сады, многочисленность рабов, множество имения, виночерпцев и виночерпиц, певцов и певиц, оружие, оруженосцев, коленопреклонения народов, собираемые дани, царское величие и все излишества и необходимости жизни, все, чем превзошел я всех до меня бывших царей; и что же во всем этом? «Все суета сует, всяческая суета и томление духа» ([Еккл.1:2, 14](#)), то есть какое-то неразумное стремление души и развлечение человека, осужденного на это, может быть, за древнее падение. Но «сущность всего, – говорит он, – Бога бойся» ([Еккл.12:13](#)), здесь предел твоему недоумению. И вот единственная польза от здешней жизни – самим смятением видимого и обуреваемого руководствоваться к постоянному и незыблемому. Итак, будем оплакивать не Кесария, о котором знаем – от каких зол он освободился, но себя самих; ибо знаем, для каких бедствий оставлены мы и какие еще соберем для себя, если не предадимся искренно Богу, если, обходя преходящее, не поспешим к горней жизни, если, живя на земле, не оставим землю и не будем искренно последовать Духу, возводящему в горнее. Это прискорбно для малодушных, но легко для мужественных духом.

Рассмотрим еще и то: Кесарий не будет начальствовать, но и у других

не будет под начальством; не станет вселять в иных страха, но и сам не убоится жестокого властелина, иногда недостойного, чтобы ему начальствовать; не станет собирать богатства, но не устрашится и зависти, или не повредит души несправедливым стяжанием и усилием присовокупить еще столько же, сколько приобрел. Ибо таков недуг богатлюбия, что не имеет предела в потребности большего и врачует себя от жажды тем, что непрестанно пьет. Кесарий не сложит новых речей, но за речи же будет в удивлении, не будет рассуждать об учении Гиппократы, Галена и их противников, но не станет и страдать от болезней, из чужих бед собирая себе скорби; не будет доказывать положений Евклида и Птолемея и Герона, но не станет и сетовать о надменных сверх меры невеждах; не станет показывать своих сведений в учении Платона, Аристотеля, Пиррона, Демокритов, Гераклитов, Анаксагоров, Клеанфов, Эпикуров, и еще не знаю кого из почтенных стоиков или академиков, но не будет и заботиться о том, как решить их правдоподобия. Нужно ли мне упоминать о чем-либо другом? Но что, конечно, всякому дорого и возжеленно, у него не будет ни жены, ни детей. За то ни сам не станет их оплакивать, ни ими не будет оплакиваем; не останется после других и для других памятником несчастья. Он не наследует имения, за то будет иметь наследников, каких иметь всегда полезнее и каких сам желал, чтобы переселиться отсюда обогащенным и взять с собой все свое. И какая щедрость! Какое новое утешение! Какое великодушие в исполнителях! Услышана весть, достойная общего слышания, и горесть матери истощается прекрасным и святым обетом – все, что было у сына, все его богатство, отдать за него в погребальный дар, и ничего не оставлять ожидавшим наследства.

Ужели и этого недостаточно к утешению? Предложу сильнейший способ лечения. Для меня убедительны слова мудрых, что всякая добрая и боголюбивая душа, как скоро, по разрешении от сопряженного с нею тела, освободится, приходит в состояние чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищении или по отложении (или еще, не знаю, как выразить) того, что ее омрачало, услаждается чудным каким-то услаждением, веселится и радостно шествует к своему Владыке; потому что избегла здешней жизни, как несносной тюрьмы, и свергла с себя лежавшие на ней оковы, которыми крылья ума влеклись долу. Тогда она в видении как бы пожинает уготованное ей блаженство. А потом и сопророжденную себе плоть, с которой упражнялась здесь в любомудрии, от земли, ее давшей и потом сохранившей, восприняв непонятным для нас образом и известным только Богу, их соединившему и разлучившему, – вместе с ней вступает в

наследие грядущей славы. И как, по естественному союзу с плотью, сама разделяла ее тяготы, так сообщает ей свои утешения, всецело поглотив ее в себя⁷² и сделавшись с ней единым духом, и умом, и богом, после того как смертное и преходящее поглощено жизнью. Послушай же, как любомудрствует божественный Иезекииль о соединении костей и жил ([Иез.37](#)), а за ним и божественный Павел о скинии земной и о храмине нерукотворенной, из которых одна «разрушится», а другая уготована на «небесах» ([2Кор.5:1](#)). Он говорит, что «выйти из тела» значит «войти к Господу»; и жизнь в теле оплакивает как отхождение от Господа, и потому желает и поспешает отрешиться от тела. Для чего же мне малодушествовать в надежде? Для чего прилепиться к временному? Дождусь архангельского гласа, последней трубы, преобразования неба, претворения земли, освобождения стихий, обновления целого мира. Тогда увижу и самого Кесария не отходящим, не износимым, не оплакиваемым, не сожалениями сопровождаемым, но святым, прославленным, превознесенным, каким ты, возлюбленнейший из братьев и братолюбивейший, неоднократно являлся мне во сне, потому ли, что так изображало тебя мое желание, или потому, что это была сама истина.

А теперь, оставив слезы, обращусь к себе, чтобы самому против воли не сделаться достойным слез, и рассмотрю свое положение. «Сыны человеческие» (ибо к вам простирается слово), «доколе будете» и тяжелы мыслью, «доколе будете любить суету и искать лжи» ([Пс.4:3](#)), почитая здешнюю жизнь чем-то великим и немногие эти многочисленными, а этого вожделенного и приятного разлучения отвращаясь, как чего-то тяжкого и ужасного? Еще ли не познаем самих себя? не отвергнем видимого? не обратим взоров к мысленному? Ежели скорбеть о чем-нибудь должно, то не поболезнуем ли о «продолжении пришествия» ([Пс.109:5](#)), вместе с божественным Давидом, который называет все земное селениями тьмы⁷³, «местом озлобления» ([Пс.43:20](#)), «глубоким болотом» ([Пс.68:3](#)), «тенью смертной» ([Пс.106:10](#))? Поболезнуем; потому что медлим в гробах, которые носим с собой; потому что мы, бывшие богами, умираем, как люди, греховной смертью. Этот-то страх объемлет меня; об этом помышляю день и ночь; не позволяют мне успокоиться и будущая слава, и будущий суд. Одной настолько желаю, что могу сказать: «истаевает душа моя о спасении Твоем» ([Пс.118:81](#)); а другого ужасаюсь и отвращаюсь. И страшит меня не то, что это тело мое, удобоуничтожаемое и тленное, совершенно погибнет, но то, что славное творение Божие (славное, когда преуспевает в добре, а равно и бесчестное, когда грешит), творение, в

котором есть ум, закон и надежда, осуждено будет на одинаковое бесславие с неразумными, и по разлучении с телом станет ничем его не лучше, чего и желали бы люди порочные и достойные будущего огня. О если бы мне «умертвить земные члены» ([Кол.3:5](#))! О если бы мне, идя путем узким, для немногих проходимым, а не широким и легким, все принести в жертву духу! Ибо славно и велико то, что последует за этим; уповаемое – более того, чего мы достойны. «Что есть человек, что Ты помнишь его» ([Пс.8:5](#))? Какая это новая обо мне тайна! Мал я и велик, унижен и превознесен, смертен и бессмертен, я вместе земной и небесный! Одно у меня общее с дольным миром, а другое – с Богом; одно – с плотью, а другое – с духом! Со Христом должно мне спогребстись, со Христом воскреснуть, Христу сонаследовать, стать сыном Божиим, даже Богом!

Видите, куда, наконец, возвело нас слово. Я готов почти благодарить постигшую нас горечь, которая расположила меня к такому любомудрию и даже сделала пламенно желающим переселиться отсюда. Это предназначает нам великая тайна, предназначает Бог, за нас очеловечившийся и обнищавший, чтобы восставить плоть, спасти образ и воссоздать человека, да будем «все одно во Христе», Который во всех нас сделался совершенно всем тем, что сам Он есть; да не будет в нас более «ни мужского пола, ни женского», ни варвара, ни скифа, «ни раба, ни свободного» ([Гал.3:28.29](#)), так как это плотские признаки; но да имеем единый Божий Образ, Которым и по Которому мы созданы; да изобразится и запечатлется в нас Он настолько, чтобы по Нему только могли узнавать нас. И в этом надеемся успеть по великому человеколюбию великодаровитого Бога, Который, требуя малого, искренно любящим Его и в настоящем, и в будущем дарует великое, будем все переносить, все терпеть ради любви к Нему и по упованию, за все благодарить, как за «правое», так и за «левое», то есть, за приятное и за скорбное, потому что Божие слово часто и последнее обращаем в оружие спасения ([2Кор.6:7](#)). Вверим Богу и наши души, и души тех, которые предварили нас в месте успокоения, потому что были на общем пути как бы готовее нас.

И сам, шествуя тем же путем, прекращу здесь слово. Но прекратите слезы и вы, поспешающие ко гробу своему, ко гробу, который приемлет от вас Кесарий в дар скорбный и всегдашний; ко гробу, который готовился родителям и благовременен был для старости, но Распорядителем дел наших дарован сыну и юности, хотя и не в обыкновенном порядке, однако же не вне порядка.

Ты же, Владыка и Творец всяческих, а по преимуществу, этого

создания⁷⁴! Боже людей Твоих, Отец и Правитель, Господь жизни и смерти! Хранитель и Благодетель душ наших, все благовременно творящий и предуготовляющий художническим Словом, как Сам ведаешь, во глубине премудрости и мироправления! Прими ныне Кесария в начаток нашего отшествия. Хотя он последний из нас; однако же, первым предаем его судьбам Твоим, которыми все держится. А напоследок и нас, сохранив в теле, пока полезно, прими во время благопотребное; прими уготованных, не смущенных, не предающихся бегству в последний день, не насильно отсюда увлекаемых, что бывает с душами миролюбивыми и плотолюбивыми, но благодушно отходящих к тамошней жизни долговечной и блаженной, к жизни во Христе. Аминь.

Слово 8

Надгробное Горгони, сестре Св. Григория Назианзина

Хваля сестру, буду превозносить свое собственное. Впрочем, нельзя признать этого ложным потому единственно, что оно свое. Напротив, поскольку оно истинно, потому и похвально; а истинно не потому только, что справедливо, но и потому, что известно. Мне нельзя говорить и по пристрастию, хотя бы и захотел; моим судьей будет слушатель, который умеет сличить слово с истиной, и если справедлив, то как не одобрит похвал незаслуженных, так потребует заслуженных. Поэтому не того боюсь, что скажу сверх истины, а напротив того, что не выскажу истины и, далеко не достигнув достоинства предмета, своими похвалами уменьшу славу сестры, ибо при ее доблестях трудно сделать, чтобы слово равнялось делам. Как не надобно и хвалить всего чужого, если оно несправедливо, так не должно и унижать своего, если оно достойно уважения; дабы первому не послужило в пользу то, что оно чужое, а последнему – во вред то, что оно свое. Ибо закон справедливости нарушается в обоих случаях – и когда хвалят только чужое, и когда умалчивают о своем. Но приняв для себя целью и правилом одну истину и ее только имея в виду, и не заботясь о всем прочем, что важно для людей простых и низких, буду хвалить или обходить молчанием, что достойно хвалы или молчания. Если отнять что у своего, злословить, обвинять его или нанести ему другую большую или меньшую обиду, не почитаем делом честным, а напротив, всякое преступление против родственника признаем самым тяжким, то всего несообразнее будет думать, что поступим справедливо, кого-либо из своих лишив слова, которым особенно обязаны мы служить людям добрым и через которое можем доставить им бессмертную память. Неуместно также обращать большее внимание на мнение людей злонамеренных, которые могут обвинить в пристрастии, а не на мнение благонамеренных, которые требуют должного. Если хвалить чужих не препятствует нам то, что дела их неизвестны и не засвидетельствованы (хотя бы это могло быть справедливейшим препятствием), то ужели наша любовь и зависть других воспрепятствуют хвалить знаемых, особенно тех, которые уже переселились от нас, которым и льстить уже поздно; потому что они оставили, как все прочее, так и хвалителей и порицателей.

Но поскольку я достаточно защитил себя и доказал, что настоящее слово для меня самого необходимо, то приступлю теперь к самим

похвалям и не буду заботиться об украшении и изяществе слога (ибо и та, которую хочу хвалить, не любила украшений, а поставляла красоту в том, чтобы не иметь прикрас), но воздам усопшей приличную честь, как самый необходимый долг, и вместе постараюсь научить других соревнованию и подражанию ее добродетелям. Ибо у нас цель всякого слова и дела – вести к совершенству тех, которые нам вверены. Итак, пусть другой, соблюдая правила похвальных слов, хвалит отечество и род почившей, и действительно ему можно будет сказать много прекрасного, ежели захочет украшать ее и извне, как дорогую прекрасную картину убирают золотом, камнями и такими украшениями искусства и искусной руки, которые плохую картину своим прибавлением еще больше обнаруживают, а прекрасной, будучи ее ниже, не придают красоты. А я выполню закон похвального слова в том единственно, что упомяну о наших общих родителях (ибо, говоря о таком сокровище, несправедливо будет умолчать о родителях и учителях). Потом немедленно обращу слово к ней самой и не утомлю ожиданием желающих слышать о делах ее.

Кто не знает нового нашего Авраама и наших времен Сарру? Так именуя Григория и Нонну, супругу его (ибо полезно – не оставлять в забвении те имена, которые возбуждают к добродетели). Один из них оправдался верой, другая жила в супружестве с верным? Один сверх надежды стал отцом многих народов, другая духовно рождает; один избег служения отечественным богам, другая была дочерью и матерью свободных; один переселился из своего рода и дома для земли обетованной, другая была причиной переселения, и в этом уже одном (осмелюсь так сказать) стала выше самой Сарры; один прекрасно странствовал, другая охотно ему сопутствовала; один прилепился ко Господу, другая почитает и именует мужа своим господином, и частью за то самое оправдана. Им даны обеты, у них, насколько от них самих это зависит, есть свой Исаак и дар. После молитв и под руководством жены своей образовался он – добрый пастырь, и она показала на себе пример доброй пасомой. Он искренно убежал от идолов, и потом сам обращает в бегство демонов; она никогда не вкушала даже и соли вместе с идолослужителями. Супружество их равночестно, согласно и единомушно, и не столько – плотский союз, сколько союз добродетели и единения с Богом; как летами и сединами, так и благоразумием и славой дел, они усердствуют друг перед другом и превышают всякого другого. Они мало связаны плотью, и духом, еще прежде разлучения с телом, переселены отсюда; не их – этот мир, презираемый; но их – тот мир, предпочитаемый; их обнищание и их обогащение доброй куплей, как презирающих здешнее

и искупающих тамошнее. Краток остаток их жизни настоящей, и немногое остается довершить их благочестие; но велика и продолжительна жизнь, в которой они подвизались. Одно еще присовокуплю к сказанному о них: хорошо и справедливо, что они не принадлежали к одному полу; ибо один был украшением мужей, другая жен, и не только украшением, но и образцом добродетели.

От них Горгония получила бытие и славу; отсюда в ней семена благочестия; от них и добрая жизнь ее и мирное отшествие со спасительными надеждами. Конечно, и это уже прекрасно и не всегда бывает уделом тех, которые много хвалятся благородством и гордятся предками. Но если о Горгонии должно рассуждать с большим любомудрием и возвышеннее, то ее отечество – горный Иерусалим, не зримый, но умосозерцаемый град, где и нам предоставлено гражданство, куда и мы спешаем, где гражданин – Христос, а сограждане – весь торжествующий сонм и Церковь первородных, окрест этого великого Градоизждителя празднующих в созерцании славы и ликующих непрестанным ликованием. А благородство ее – соблюдение образа Божия, уподобление Первообразу, совершаемое умом и добродетелью, и чистое желание, которое непрестанно более и более преобразует нас по Богу в истинных тайнозрителей горнего, знающих – откуда мы, какими и для чего сотворены. Так понимаю я; а потому знаю и говорю, что душа Горгонии одна из благороднейших под солнцем; и мое мерило, мой уровень благородства и худородства лучше, нежели у черни; я различаю это не по крови, но по нравам сужу; о хвалимых или осуждаемых не по родам, но по свойствам каждого.

Теперь слово о ее доблестях; пусть же каждый принесет нечто свое и вспомоществует слову, потому что невозможно объять всего одному, сколько бы ни были обширны его ум и собранные им сведения. Она отличалась целомудрием и превзошла им всех современных ей жен, не говорю уже о тех, которые были уважаемы за целомудрие в древности. И как в жизни возможны два состояния – супружество и непорочность, и одно выше и богоподобнее, но труднее и опаснее, а другое ниже, но безопаснее; она, устранившись невыгод того и другого, избрала и совокупила воедино все, что в обоих лучшего, то есть и высоту непорочности, и безопасность супружества. Она была целомудренной без гордыни, с супружеством совместивши добродетели непорочности и тем показав, что ни непорочность, ни супружество не соединяют и не разделяют нас всецело с Богом или с миром, так, чтобы одно само по себе, напротив, ум должен быть хорошим правителем, и было достойно

отвращения, а другое – безусловной похвалы: в супружестве и в непорочности, и из них, как из некоторого вещества, искусно обрабатывать и созидать добродетель. Ибо она не отлучилась от Духа оттого, что сочеталась с плотью, и не забыла о первой Главе оттого, что признала главой мужа, но послужив миру и природе в немногом, и сколько требовал закон плоти или, лучше сказать, Тот, Кто дал такой закон плоти, она всецело посвятила себя Богу. Но что особенно хорошо и достойно в ней уважения, – она и мужа своего склонила на свою сторону, и имела в нем не строптивного господина, но благого сослужителя. Мало этого, сами плод тела, то есть детей и внуков своих, она сделала плодом духа; ибо весь род и все семейство, как единую душу, очистила и приобрела Богу, а благоугодливостью в супружеской жизни и прекрасными последствиями такого поведения само супружество сделала похвальным, в продолжение жизни она служила для детей образцом всего доброго, а когда отозвана отсюда, – оставила после себя домашним волю свою, как безмолвное наставление. Божественный Соломон в книге детоводственной мудрости, то есть в Притчах ([Притч.31](#)), похваляет в жене то, что она сидит дома и любит мужа; и жене, которая блуждает вне дома, невоздержна, бесчестна, наружностью и языком блудницы «уловляет честных» ([Притч.6:26](#)), противопоставляет жену, которая усердно занимается домашним, неумоима в делах женских, «руки свои протягивает к прялке, двойные одежды» приготовляет мужу, благовременно покупает «поле», хорошо кормит слуг, угощает друзей обильным столом и исполняет все прочее, что Соломон восхвалил в жене целомудренной и трудолюбивой.

Но если бы я стал хвалить за такие качества сестру; то это значило бы хвалить стагую по тени, или льва по когтям, оставив без внимания важнейшее и совершеннейшее. Какая из женщин больше ее стоила быть видимой и, однако же, реже показывалась и была недоступнее для мужских взоров? Какая из женщин лучше ее знала меру строгости и веселости в обращении? В ней строгость не казалась угрюмостью и обходительность -вольностью, но в одном было видно благоразумие, в другой – кротость. И это, в соединении ласковости с величавостью, составляло правило благоприличия.

Да внемлют этому те из женщин, которые преданы суетности, рассеянности и не любят покрывала стыда! Какая из женщин так целомудрила очи? до того осмеяла смех, что и склонность к улыбке почитала для себя важным делом? Какая из женщин затворяла крепче слух свой и охотнее отверзала его для слова Божия? Еще более: какая из женщин подчинила так язык владычеству ума, чтобы вещать оправдания

Божии, и установила такой строгий порядок устам? Скажу, если угодно, и об этом ее совершенстве, которого она не считала важным, подобно всем истинно целомудренным и благонравным женщинам; хотя и заставили считать это важным женщины слишком пристрастные к украшениям и нарядам и не вразумляемые словом тех, которые учат подобным добродетелям. Ее украшали не золото, отделанное искусной рукой до переизбытка красоты, не златовидные волосы, блестящие и светящиеся, не кудри, вьющиеся кольцами, не бесчестные ухищрения тех, которые из честной головы делают род шатра, не многоценность пышной и прозрачной одежды, не блеск и приятность драгоценных камней, которые окрашивают собой ближний воздух и озаряют лица, не хитрости и обаяния живописцев, не покупная красота, не рука земного художника, которая действует вопреки Зиждигителю и Божие создание покрывает обманчивыми красками и позорит свою честь, вместо образа Божия выставляет напоказ похотливым очам кумир блудницы, чтобы поддельной красотой закрыть естественный лик, хранимый для Бога и будущего века. Напротив, она хотя знала много всякого рода наружных женских украшений, однако же ничего не находила драгоценнее своих нравов и внутри сокровенного велелепия. Один румянец ей нравился – румянец стыдливости, и одна белизна – происходящая от воздержания; а притирания и подкрашивания, искусство делать из себя живую картину, удобно смываемое благообразие она предоставила женщинам, определившим себя для зрелищ и распутий, для которых стыдно и позорно краснеть от стыда.

Так она вела себя в этом отношении! Но нет слова, которое бы могло изобразить ее благоразумие и благочестие, и немного найдется подобных примеров, кроме родителей ее и по телу, и по духу. Их одних имея для себя образцом и нимало не уступая им в добродетели, в том только одном, и притом совершенно охотно, уступала, что от них заимствовала это благо, и их внутренне и перед всеми признавала началом своего просвещения. Что проникательнее было ее разума? К ее советам прибегали не только родственники, единокровные и соседи, но и все, знавшие ее в окрестности; и ее увещания и наставления почитали для себя ненарушимым законом. Что было замысловатее ее речей, что благоразумнее ее молчания? Но поскольку упомянул я о молчании, то присовокуплю, что ней всего свойственнее, и женщинам приличнее, и настоящему времени полезнее. Какая из женщин лучше ее знала, что можно знать о Боге, как из Св. Писания, так и по собственному разуму пребывая в собственных пределах благочестия, меньше ее говорила? А что касается того, к чему обязана познавшая истинное благочестие, и в чем одном прекрасно, не знать

насыщения, то какая из женщин украшала так храмы приношениями? И другие храмы и этот самый храм, не знаю, требуют ли еще украшений после нее? Особенно же, какая из женщин так созидала себя в живой храм Богу? Какая из женщин столь уважала священников, и особенно своего сподвижника и учителя в благочестии, который имеет добрые семена, – двоих детей, посвященных Богу? Какая из женщин усерднее предлагала собственный дом живущим по Богу и делала им такой прекрасный и богатый прием и, что важнее этого, принимала их с таким почтением и благоговением? Кроме того, какая из женщин обнаружила столь бесстрастный ум во время злостраданий и столь сострадательное сердце к бедствующим? Чья рука была щедрее для нуждающихся? И я смело обращаю в похвалу ей слова Иова: «дверь ее всякому прохожему была открыта, и странник не ночевал на улице» ([Иов.31:32](#)); она была «глазами слепому, ногами хромоте» ([Иов.29:15](#)) и матерью сиротам. О милосердии же ее к вдовам нужно ли говорить, разве сказать то, что плодом этого было – не именоваться вдовой? Дом ее был общим пристанищем для бедных родственников, а имуществом ее пользовались все нуждавшиеся, как своей собственностью. «Расточи, раздай нищим» ([Пс.111:9](#)). И по непреложному и нелживому обетованию, она многое вложила в небесные житницы, много раз и в лице многих, получивших от нее благодеяния, принимала Христа. Но всего лучше то, что она не старалась заставить о себе думать выше надлежащего, а прекрасно возделывала благочестие втайне, перед Видящим тайное. И все похитила у миродержца, все перенесла в безопасные хранилища, ничего не оставила земле, кроме тела. Все променяла на надежды в будущем; одно богатство оставила детям – подражание и ревность к тем же добродетелям.

Таково и столь невероятно было ее великодушие! Однако же в уповании на свою благотворительность она не предала тела своего роскоши и необузданному сластолюбию, этому злему и терзающему псу; как случается со многими, которые милосердием к бедным думают купить себе право на роскошную жизнь и не врачуют зла добром, но вместо добра приобретают худое. О ней нельзя сказать, что, хотя поработала в себе плотское постами, однако же другому предоставляла лечение, простираясь на земле; или, хотя находила в этом пособие для души, однако же менее кого-либо другого ограничивала меру сна; или, хотя и в этом дала себе закон, как бесплотная, однако же восклонялась на землю, когда другие проводили всю ночь в прямом положении (какой подвиг приличен преимущественно любомудрым мужам); или, хотя и в сем оказалась мужественнее не только жен, но и самых доблестных мужей; однако же

что касается мудрого возглашения псалмопений, чтения и изъяснения Божия слова, благовременного припамятования, преклонения изможденных и как бы приросших к земле колен, слезного очищения душевной скверны в сердце сокрушенном и духе смиренном, молитвы горе возносимой, нерассеянности и парения ума, то мог бы кто-либо из мужей или жен похвалиться превосходством перед ней во всем этом или в чем-либо одном. Напротив, как ни высоко это, однако же справедливо может быть сказано о ней, что в ином совершенстве она соревновалась, а в другом сама была предметом соревнования, одно изобрела, а другое восхитила силой, и если имела подражателей в каком-либо одном, то всех превзошла тем, что в одной себе совместила все совершенства. Она столько преуспела во всех, сколько никто другой не успел и в одном, даже посредственно. Она довела каждое совершенство до такой высоты, что вместо всех достаточно было бы и одного. Какое пренебрежение к телу и одежде, цветущим единой добродетелью! Какая сила души, почти без пищи поддерживающей тело, как невещественное! Или лучше сказать, сколько терпения в теле, еще до разлучения с душой уже умерщвленном, чтобы душа получила свободу и не стеснялась чувствами! Сколько ночей, проведенных без сна, псалмопений и стояний, продолжавшихся от одного дня до другого! Твои песни, Давид, непродолжительны только для душ верующих! Где нежность членов, распростираемых по земле и вопреки природе огрубевших? Какие источники слез, посеваемых в скорби, чтобы пожать радость! Ночной вопль, проникающий облака и достигающий неба! Горячность духа, который в вожделии молитвы не страшится ни ночных псов, ни морозов, ни дождей, ни громов, ни града, ни мрака! Естество жены, победившее в общем подвиге спасения естество мужей и показавшее, что жена отлична от мужа не по душе, а только по телу! Чистота, как вскоре по крещении, и душа уневещенная Христу в чистом брачном чертоге – теле! И горькое вкушение, и Ева – мать человеческого рода и греха, и змий-соблазнитель, и смерть – побеждены ее воздержанием! И истощение Христово, и образ раба, и страдание – почтены ее самоумерщвлением! Как мне, или исчислить все ее добродетели, или, умолчав о большем их числе, лишить пользы их, кому они неизвестны.

Но время уже продолжить слово и о наградах за благочестие. Ибо кажется мне, что вы, хорошо знающие о ее добродетелях, давно желаете и надеетесь услышать в слове моем не о настоящих только наградах, не о тех, какими увеселяется она теперь там и которые выше человеческого разума, недоступны ни слуху, ни зрению, но и о тех, которыми

Праведный Мздовоздаятель награждал еще здесь: ибо Он и это нередко творит в назидание неверным, уверяя через малое в великом, и через видимое в невидимом. Буду же говорить и о том, что всем известно, и о том, что для многих тайна; ибо она, по своему любомудрию, не хвалилась благодатными дарами.

Вам известно, как однажды взбесились мулы и понеслись с колесницей, как ужасно была она опрокинута, жалким образом влачима и разбита, как вследствие этого неверующие соблазнились тем, что и праведники предаются таким несчастьям, и как скоро вразумлено было неверие. У Горгонии были сокрушены и повреждены все кости и члены, и сокрытые и открытые; но она не захотела иметь другого врача, кроме Предавшего ее бедствию, как потому, что стыдилась взора и прикосновения мужчин (ибо и в страданиях сохраняла благопристойность), так и потому, что искала защиты единственно у Того, Кто попустил ей претерпеть такое страдание. И действительно от Него, а не от другого кого получила она спасение. Поэтому некоторые не столько поражены были ее болезнью, насколько изумлены чудесным выздоровлением и заключали из этого, что такое печальное происшествие для того и случилось, чтобы ей прославиться в страданиях. Хотя она страдала как человек, однако же исцелена силой высшей, а не человеческой, и для потомства оставила сказание, которым доказываются, как ее мера в страданиях и терпение в бедствиях, так еще более Божие человеколюбие к подобным ей. Ибо к сказанному о праведнике: «когда падет, не разобьется» ([Пс.36:24](#)), как бы присовокуплено теперь еще и это, хотя разобьется, однако же вскоре будет восстановлен и прославлен. Если страдание ее было выше вероятия, то выше также вероятия и возвращение к здравью; так что болезнь почти совершенно закрыта выздоровлением, и исцеление стало очевиднее нанесенного ей удара. Такое бедствие вполне достойно хвалы и удивления! Такая болезнь выше здравия! И слова: «уязвит, и уврачует, и исцелит», и после трех дней воскресит ([Ос.6:2.3](#)), указывающие, как и событие показало, на нечто высшее и таинственнейшее, не менее приличны и ее страданиям!

Но это чудо известно всем, даже и дальним, слух о нем распространился повсюду; везде рассказывают и слышат об этом, равно как и о других Божиих чудесах и силах. О том же, что до сих пор еще неизвестно многим и что, как сказал я, скрыто ее любомудрием и благочестием, чуждым тщеславию и превозношению, повелишь ли мне сказать ты, превосходнейший и совершеннейший из Пастырей, пастырь этой священной овцы⁷⁵? Дашь ли и на это свое соизволение (ибо одним

нам вверена тайна, и только мы с тобой свидетели чуда)? Или будешь еще сохранять слово, данное усопшей? Но по моему мнению, как тогда было время молчать, так теперь время поведать, не только во славу Божию, но и в утешение скорбящим.

Горгония одержима была телесным недугом и тяжело страдала; болезнь была необыкновенная и странная: делалось внезапное воспаление во всем теле, и как будто волнение и кипение в крови; потом кровь стыла и цепенела, в теле появлялась невероятная бледность, ум и члены ослабевали, и все это повторялось не через продолжительное время, но иногда почти непрерывно. Болезнь казалась не человеческой; не помогали ни искусство врачей, как ни внимательно вникали они в свойство припадков, каждый отдельно, и все в совокупных совещаниях, – ни слезы родителей, как ни сильны бывали они часто во многом, – ни общественные молитвы, прошения, совершаемые целым народом с таким усердием, как будто бы каждый молился о собственном своем спасении; и действительно, ее спасение было спасением для всех, равно как ее злострадания в болезни – общим страданием. Что же предпринимает эта великая и высоких наград достойная душа? Какое изобретает лечение болезни? Ибо в этом заключается уже тайна. Отвергнув все другие способы, она прибегает ко Врачу всех, и воспользовавшись темнотою ночи, когда болезнь ее несколько облегчилась, припадает с верой к жертвеннику, громогласно взывая к Чествуемому на нем, нарицая Его всеми именами и вспоминая обо всех когда-либо бывших чудесах Его (как знавшая и ветхозаветные и новозаветные сказания). Наконец отваживается на некоторое благочестивое и прекрасное дерзновение, подражает жене, иссушившей ток крови прикосновением к краю риз Христовых; и что делает. Приложивши к жертвеннику главу свою с таким же воплем и столь же обильными слезами, как издревле омывшая ноги Христовы, дает обет не отойти, пока не получит здоровья; потом, помазавши все тело этим лекарством своего изобретения, что могла рука собрать со всего образа честного Тела и Крови, смешавши то со своими слезами, (какое чудо!) немедленно отходит, ощутив в себе исцеление, получив облегчение в теле, сердце и уме, приняв в награду за упование исполнение упования, и крепостью духа приобретши крепость телесную. Велико это подлинно, однако же не ложно; да верит этому всякий, и здоровый и болящий, один для сохранения, другой для получения здоровья! А что мое повествование – не хвастовство, это видно из того, что я, молчавший при жизни ее, открыл теперь; и будьте уверены, даже и ныне не объявил бы, если бы не запрещал мне страх скрывать такое чудо от верных и неверных, от

современников и потомков.

Такова была жизнь ее! Но гораздо большую часть обошел я молчанием для соразмерности слова и из опасения показаться не знающим меры в похвалах ей. Но конечно, я не оказал бы должного уважения ее святой и славной кончине, если бы не упомянул о прекрасных обстоятельствах ее, тем более, что Горгония с таким желанием и нетерпением ожидала себе смерти. Упомяну же об этом, как можно короче. Она сильно желала разрешиться (ибо много имела дерзновения к Зовущему) и быть с Христом предпочитала всему на земле. И никто, при всей страсти и необузданности, не любит так своей плоти, как она, свергнув с себя все узы и став выше этого брэнного, в котором проводим жизнь, желала вполне соединиться с Вожделенным и всецело воспринять Возлюбленного (присовокуплю еще) и Возлюбившего ее, Который ныне озаряет нас немногими лучами Своего света, чтобы только могли мы понимать, с Кем разлучены. Не тщетным остается ее желание, столь божественное и высокое, но что еще более, она предвкушает желаемое благо в предведении после продолжительного бдения, вознагражденного одним из самых приятных снов и видением, в котором, по устройению Божию, предназначен ей срок и даже открыт сам день отшествия, чтобы она «уготовилась и не смутилась» ([Пс.118:60](#)). Итак, для нее готова была благодать очищения и освящения, которую все мы получили от Бога, как общий дар и основание новой жизни; или лучше сказать, вся жизнь была для нее очищением и освящением. И хотя дар возрождения прияла она от Духа, но безопасное соблюдение этого дара было приуготовано прежней жизнью. Дерзну даже сказать, что само Таинство было для нее не новым дарованием, а только печатью. Ко всему этому старалась она присовокупить еще освящение своего мужа. (Хотите ли, чтобы я изобразил его вам кратко? Это был муж Горгонии, и не знаю, нужно ли что говорить о нем кроме этого.) Она заботилась, чтобы целое тело посвящено было Богу, и чтобы не переселиться ей отсюда, когда совершенна одна только половина ее самой, а некоторая часть остается еще несовершенной. И это моление ее не оставлено без исполнения Творящим волю боящихся Его и Приводящим к концу прошения их. А когда же все устроилось по ее намерению, ни одно из желаний не оставалось без исполнения, и назначенный день приближался; тогда она начинает готовиться к смерти и отшествию и в исполнение общего для этого устава возлегает на одр. Потом, передавши последнюю волю свою мужу, детям и друзьям, как прилично было жене, приверженной к мужу, чадолюбивой и братолюбивой, после любомудренной беседы о будущей жизни, и день

своей кончины сделавши днем торжества, она засыпает, хотя не исполнив дней человеческого века, чего и не желала, зная, что продолжительная жизнь бесполезна для нее самой, и большей частью бывает предана праху и заблуждению, но столько преисполненная дней по Богу, сколько, не знаю, бывает ли кто исполнен из умирающих в глубокой старости и совершивших на земли многие годы. Так она разрешается, или, лучше сказать, вземлетя, отлетает, переселяется и немногим предваряет тело.

Но какое важное едва не ускользнуло от меня обстоятельство! Разве не допустил бы до этого ты, духовный отец ее, который внимательно наблюдал и нам поведал чудо, так много и ее прославляющее, и для нас служащее напоминанием ее добродетели и побуждением желать такой же кончины. И меня при воспоминании об этом чуде объемлет какой-то ужас и заставляет проливать слезы. Она уже кончилась и была при последнем дыхании; стояли вокруг нее домашние и посторонние, пришедшие воздать последнее целование; престарелая мать вздыхала и терзалась душой (ибо желала бы предварить ее отшествием), общая любовь смешивалась со скорбью, одни желали бы что-нибудь услышать на память о ней, другие – сами сказать; но никто не смел произнести слова; безмолвны были слезы, и скорбь неутешна; непозволительным казалось – сопровождать рыданиями отходящую с миром; глубокая соблюдалась тишина, и смерть имела вид какого-то священного торжества. А она, по-видимому, была бездыханна, недвижима, безгласна, ее молчание заставляло думать, что тело оцепенело, и органы гласа уже омертвели, по причине удаления того, что приводило их в движение. Но Пастырь, тщательно наблюдавший в ней все перемены, потому что все с нею происходившее было чудесно, заметив легкое движение губ, приложил ухо к устам, на что давали ему право близость и единомыслие. Но лучше бы тебе самому поведать тайну безмолвия, в чем она состояла. Никто не отрекся бы верить сказанному тобой. Ею были произносимы псалмопения, именно слова исходного псалма, и (если нужно выговорить истину) свидетельствовали о дерзновении, с каковым кончалась Горгония. Блажен, кто упокоивается с этими словами: «в мире спокойно усну и почию» ([Пс.4:9](#)). Это и воспевала ты, это и исполнилось на тебе, совершеннейшая из жен; это было и псалмопение и надгробие по отшествии тебе, прекрасно умирная по мятеже страстей, и в общую череду успения вкусившая сон, даруемый возлюбленным Божиим, как прилично было той, которая и жила и отошла со словами благочестия.

Поэтому я уверен, что гораздо лучше и превосходнее видимого твое настоящего состояние – глас празднующих, веселье Ангелов, небесный чин,

видение славы, а больше всего, чистейшее и совершеннейшее сияние Всевышней Троицы, уже не скрывающейся от ума, как связанного и рассеиваемого чувствами, но всецело целым умом созерцаемой и приемлемой, и озаряющей наши души полным светом Божества. Ты наслаждаешься всеми теми благами, которых потоки достигали тебя еще и на земле, за искреннее твое к ним стремление. Если же для тебя сколько-нибудь спасительно и наше прославление, если святым душам дается от Бога в награду и то, чтобы чувствовать подобные прославления, то прими и мое слово, вместо многих и больше многих погребальных почестей, слово, какое прежде тебя воздал я Кесарию, а после него воздаю и тебе, ибо для того и соблюден я на земле, чтобы надгробными речами сопровождать братьев. Почтит ли кто после вас и меня подобной честью, – не могу того сказать, но желал бы сподобиться единой чести – чести в Боге и пришествуя и вселяясь во Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава, и Отцу со Святым Духом вовеки. Аминь.

Слово 9

Защитительное, говоренное им отцу своему Григорию в присутствии Василия Великого после рукоположения Св. Григория Богослова в епископа Сасимского

Снова на мне помазание и Дух, и опять хожу «плача и сетуя» ([Пс.34:14](#)). Вы, может быть, дивитесь этому, но и Исаия, пока не видит славы Господней и престола высокого и превознесенного и серафимов вокруг него, не говорит ничего подобного, не показывает ни огорчения, ни страха; и хотя обвиняет Израиля, но себя щадит и отделяет как ни в чем невинного. Когда же увидел это и услышал святой и таинственный глас, – как бы начиная лучше сознавать себя, говорит: «о горе мне, ибо я человек с нечистыми устами» ([Ис.6:5](#)), и присовокупляет последующие за этим слова, которых не скажу, чтобы не произнести чего оскорбительного. Нахожу также о Маное, древнем Судии, а потом и о Петре, столпе Церкви, что один, когда узнал, насколько бывшее ему видение превышает его природу и силы, говорит жене: мы погибли, ибо видели Бога; другой же не выносит Спасителя присутствия и чудодействия, которое явил Господь плывшим с Ним при ловле рыбы, и потому, хотя приходит в удивление, однако же отсылает с корабля, присовокупляя и причину ту, что сам он недостоин Божия явления и собеседования. И когда слышу в Евангелии о сотнике, который просит Христа показать силу, но отрекается видеть Его у себя, потому что кров его не может вместить Божия достоинства и величия; тогда не могу порицать себя за страх и сетование. Ибо как солнце обличает слабость глаза, так Бог пришествием Своим – немощь души; и Для одних Он – свет, а для других – огонь, смотря по тому, какое вещество и какого качества встречает в каждом. Как думать и о Сауле? И он был помазан, принял Духа, сам стал духовен (не могу и сказать о нем иначе), даже пророчествовал, притом так неожиданно и необыкновенно, что чудо это обратилось в поговорку и доньше повторяемую: «неужели и Саул во пророках» ([1Цар.10:11](#)). Поскольку же он не всецело предал себя Духу и не совершенно обратился «в человека иного», как было предсказано ([1Цар.10:6](#)), но оставалась в нем некоторая искра прежнего зла, и несколько худого семени, еще продолжалась борьба плоти и духа... но к чему выставлять на позор все его недостатки? Вам известен этот сопротивный дух, и певец, который отгоняет его. Разве можем из этого

познать еще то, что, как благодать не касается людей недостойных и органа худого и ненастроенного (ведь прекрасно сказано, в чем я уверен, «как в лукавую душу не войдет премудрость» ([Прем.1:4](#)), так (присовокуплю это от себя), по причине непостоянства и переменчивости устройства и природы человека, не менее трудное для него дело сохранить в себе достоинство и стройность, как и вначале благоустроить себя и сделаться достойным). Но нередко сама благодать (наименую такое зло, которое в нас всего бедственнее и непонятнее), приводя в кипение и надмевая, удаляла от Бога приближавшихся к Нему неправо; и мы в самом уже возношении бываем низлагаемы, «грех оказывается грехом, потому что посредством доброго причиняет мне смерть» ([Рим.7:13](#)). Этого-то убоявшись, исполнился я горести, потупил взоры и испытал нечто подобное тому, что бывает при блеске молнии с детьми, в которых зрелище это производит удовольствие, смешанное с ужасом. Я вместе возлюбил и устрасился Духа; нужно стало некоторое время, чтобы мне, собравшись с самим собой, отрезвиться и избрать лучшее и безопаснейшее и чтобы, когда не будет скорби, как плевел в семени, и худые мысли уступят место лучшим, – совершенно победил Дух и употребил меня на Свое служение и делание, к совершению людей этих, к управлению душами, к обучению словом, делом и примером, «с оружием правды в правой и левой руке» ([2Кор.6:7](#)), к благоискусному прохождению пастырства, которое отвлекает от мира, приходит к Богу, истощает тело, соединяет с Духом, избегает тьмы, радуется о свете, отгоняет зверей, собирает стадо в ограду, остерегается стремнин и пустынь и гонит на горы и высоты, о которых, по моему мнению, говорит и чудный Михей, возводя нас от земли на приличную нам высоту: «приблизьтесь к горам вечным – встаньте и уходите, ибо страна сия не есть место покоя» ([Мих.2:10](#)), хотя некоторые и думают найти себе покой в земном и дольном.

Такому пастырству научите меня, друзья, а теперь уже Пастыри и сопастыри мои; такого пастырства дайте мне уставы, – и ты, общий отец, в продолжение времени поставивший и переживший многих Пастырей, и ты, испытатель и судья моего любомудрия! Но застигнутые и оглушаемые бурей, можем ли мы искусно пасти и питать стадо? Равнодушно выслушай меня, ты, который, будучи в числе овец, когда мы с тобой (не оскорбись моим словом) принадлежали еще к бессловесному стаду, поступал гораздо человеколюбивее, нежели как поступаешь, став пастырем, когда мы удостоены духовной пажити. В твоей стал я власти, как тебе хотелось, и ты победил непобедимого. Вот тебе сверх прочего и слово, которого ты, зная, домогался и которое хваля осыпал меня, коснеющего в безмолвии,

частыми и густыми снегами слов твоих. Но есть нечто, за что могу укорить тебя в дружбе. Кто из общих друзей рассудит меня, кто будет неподкупным судьей и произнесет правдивый приговор, не станет, как поступают многие, уважать лица на суде? Прикажешь ли сказать, в чем укоряю, и не обратишь ли опять против меня слова своего? И у тебя, дивный муж, произошло со мной нечто неизъяснимое, подлинно неизъяснимое и невероятное, чего до сих пор у нас не слыхано. Я уступил не убеждению, но принуждению. И не чудно ли! как все переменялось, какое положено между нами расстояние! Чем? (Как угодно тебе, так и скажу) – престолом или величием благодати?

Впрочем веди, «поспеш и царствуй» ([Пс.44:5](#)), и паси меня, пастыря, потому что я готов следовать за тобой и быть водим твоей пастырской, высокой и божественной душой. (Ибо надобно сказать истину, хотя из любви дерзнул я на твое и сверх закона.) Научи меня своей любви к пастве, своей заботливости и вместе благоразумию, внимательности, неусыпности, покорности плоти твоей, с какой она уступила духу, этому цвету лица, свидетельствующему о пастырских трудах, при кротости – строгому обращению, при производстве дел – веселости и спокойствию (чего не во многих найдешь, и чему немного бывало примеров), своим ратованиям за паству и победам, которые одержал ты во Христе. Скажи, на какие пажити водить стадо, к каким ходить источникам или каких избегать пажитей и воды, кого пасти палицей и кого пасти свирелью; когда выводить на пастбища и когда сзывать с пастбищ; как вести брань с волками и как не вести брани с пастырями, особенно в нынешнее время, когда (выражу скорбь словами святейших пророков) «пастыри сделались бессмысленными» ([Иер.10:21](#)), «и разгоняют овец паствы» ([Иер.23:1](#)); как изнемогшее поднять, падшее восставить, заблуждающее обратить, погибшее взыскать и крепкое сохранить; как мне научиться этому и соблюсти это согласно с истинным и вашим учением о долге Пастыря, а не стать худым пастырем, который «молоко ест, волною одевается, тучное закапает или продает», а прочее оставляет зверям и стремнинам, и самого себя пасет, а не овец, в чем укоряемы были древние предстоятели Израиля ([Иез.34:3–4](#)). Этому научите, этими правилами подкрепите меня, по этим заповедям будьте Пастырями и сопастырями и спасите как учением, так и молитвами меня и мою священную паству, чтобы и мне устоять, и вам похвалиться в день явления и откровения великого Бога и Пастыреначальника нашего, Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу Вседержителю со Святым и Животворящим Духом и ныне, и во веки веков. Аминь.

Слово 10

Защитительное, говоренное им отцу своему и Василию Великому по возвращении Св. Григория Богослова из уединения

Нет ничего сильнее старости и достоуважаемое дружества. Ими приведен к вам я – узник во Христе, связанный не железными веригами, но неразрешимыми узами Духа. До сих пор почитал я себя крепким и непреодолимым и (какое неразумие!) не уделял слов моих даже этим друзьям моим и братьям, но все предоставив, кому это угодно, желал жить в покое, любомудрствовать в безмолвии, беседа с самим собой и с Духом. Представлял в уме Кармил Илиин, пустыню Иоаннову и премирную жизнь любомудрствующих, как Илия и Иоанн; настоящее уподоблял буре и искал себе какой-нибудь скалы, или утеса, или стены, где бы укрыться. Рассуждал сам с собой: пусть для других будут почести и труды, для других брани и отличия за победы, а для меня, избегающего браней и углубляющегося в самого себя, довольно жить, как могу, как бы на легком судне переплыть небольшое море, и скудостью здешней жизни приобрести себе малую обитель в жизни будущей. Может быть, больше низости, но зато и больше осторожности, показывает мысль – равно избегать и высоты и падения. Так размышлял я, пока можно еще было писать тени и сновидения и питать ум пустыми вымыслами. Что же теперь? Превозмогло меня дружество, покорила седина отца – старость мудрости, предел жизни, безопаснейшее пристанище, и дружба того, который сам богатеет для Бога, и других обогащает. Отлагаю уже гнев, «да услышат кроткие и возвеселятся» ([Пс.33:3](#))! Спокойно смотрю на руку, сделавшую мне насилие, с радостным взором обращаюсь к Духу, сердце мое не мятется, рассудок возвращается; дружба, подобно потушенному и угасшему пламени, опять оживает и возгорается от малой искры.

«Отказывается от утешения душа моя» ([Пс.76:3](#)), «и уныл во мне дух мой» ([Пс.142:4](#)). Я говорил: впредь не буду верить дружеству, и для чего мне надеяться на человека? Ибо «всякий» человек «льстивно» ходит, и «всякий брат ставит преткновение» ближнему своему ([Иер.9:4](#)). Все мы из одной персти, из одного смешения, вкусили от одного и того же дерева зла, но один ту, другой другую носим благообразнейшую личину. И какая мне польза, рассуждал я, от этой ревностной и прославляемой дружбы, которая началась с мира и перешла в дух? Какая польза из того, что у нас были

один кров и одна трапеза, общие наставники и уроки? Что пользы из этого, более нежели братского, слияния сердец, и впоследствии – искреннего единодушия? Ужели мне не позволят и того, чтобы остаться внизу, во время владычества и возвышения друга, когда многие домогаются и достигают противного, то есть того, чтобы вместе с друзьями владычествовать и участвовать в их благоденствии? Но для чего мне пересказывать все, что придумывали печаль и уныние, которое называю омрачением ума? Но таковы действительно, и даже еще хуже, были мои рассуждения. Обвиню сам себя за свое высокоумие или безумие.

Но теперь изменяю свои мысли, и сам изменяюсь, что гораздо справедливее прежнего, а для меня приличнее. Искренность же моей перемены можешь видеть, дивный муж, не только из того, что разрешено тобой мое молчание, на которое ты жаловался и в котором много укорял меня, но также из того, что сами слова мои служат тебе защитниками. Это явный знак нашей дружбы и живущего в нас духа. Но в чем же состоит оправдание твое? (Если погрешу в чем-либо, – сам поправь меня, как имеешь обычай делать в других случаях.) Ты не потерпел, чтобы дружество предпочтено было Духу; и если я для тебя дороже, может быть, всякого другого, то Дух несравненно для тебя предпочтительнее, нежели я. Ты не потерпел, чтобы талант оставался скрытым и закопанным в землю; не потерпел, чтобы долго скрывался под спудом светильник, ибо так ты думаешь о моем свете и моем делании; ты домогался чтобы к тебе – Павлу присоединен был Варнава, домогался, чтобы к Силуану и Тимофею присовокуплен был и Тит, и чтобы тебе через тех, которые искренно о тебе заботятся, распространять благодать Божию: «от Иерусалима и окрестности до Илирика распространять благовествование» ([Рим.15:19](#)). Для этого-то и меня изводишь в среду, и когда желал бы я уклониться, – берешь и сажаешь подле себя (в этом-то, может быть, скажешь ты, состоит мое оскорбление), и делаешь сообщником забот и венцов; для этого помазуешь меня в первосвященника, облакаешь в подир, возлагаешь на меня кидарь, приводишь к жертвеннику духовного всеожжения, приносишь в жертву тельца освящения, освящаешь руки Духу, вводишь меня для тайнозрения во святая святых и делаешь служителем «скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек» ([Евр.8:2](#)). Но достоин ли я и помазующих, и Того, для Которого и перед Которым совершается помазание, – об этом знает Отец истинного и подлинного Помазанника, Которого помазал Он «елеем радости более соучастников Его» ([Пс.44:8](#)), помазав человечество Божеством, да сотворит обоих едино; знает и сам Бог и Господь наш Иисус Христос, через Которого получили мы

примирение; знает и Дух Святой, поставивший нас на это служение, в котором «стоим и хвалимся надеждою славы» ([Рим.5:2](#)) Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Слово 11

Говоренное брату Василия Великого, Святому Григорию, епископу Нисскому, когда он пришел к Св. Григорию Богослову по рукоположении его в сан епископа

Друга верного нельзя ничем заменить, «и нет меры доброте его. Верный друг – крепкая защита» (Сир.би 15) и огражденное царство ([Прит.18:19](#)); друг верный – сокровище одушевленное. Друг верный дороже золота и множества драгоценных камней. Друг верный – «запертый сад, запечатанный источник» ([Песн.4:12](#)), которые временно открывают и которыми временно пользуются. Друг верный – пристанище для упокоения. А ежели он отличается благоразумием, то это еще драгоценнее! Ежели он высок ученостью, ученостью всеобъемлющей, какой должна быть и была некогда наша ученость, то это еще преимущественнее? А ежели он и «сын света» ([Ин.12:36](#)), или «человек Божий» ([1Тим.6:11](#)), или «приближающийся к Богу» ([Исх.19:22](#)), или «муж» лучших «желаний» ([Дан.9:22](#)), или достойный одного из подобных наименований, какими Писание отличает мужей божественных, высоких и принадлежащих горнему, то это уже дар Божий и, очевидно, выше нашего достоинства. А ежели и приходит он к нам от друга, и притом равночестного и добродетелью, и дружеством с нами, то это еще приятнее и сладостнее, и благоуханнее мира, украшающего «бороду» иерея и «края одежды» ([Пс.132:2](#)).

Довольно ли этого? И точно ли изобразило вам слово мужа этого? Или надобно, подражая прилежным живописцам, не один раз набросать краски, чтобы представить вам в слове совершенное его изображение? Итак, опишем его вам полнее и явственнее. Кто всех знаменитее из законодателей? – Моисей. Кто всех святее из священников? – Аарон. Оба братья не менее по благочестию, как и по плоти. Или лучше сказать, один – «бог фараону» ([Исх.7:1](#)), ходатай и законодатель Израиля, входящий внутрь облака, созерцатель Божественных тайн и тайноводитель, строитель истинной скинии, «которую возвел Господь, а не человек» ([Евр.8:2](#)); оба же равно иереи, как сказано: «Моисей и Аарон между священниками Его» ([Пс.98:6](#)). Один – князь князей, иерей иереев, употребляет Аарона, где только нужен язык, и сам служит ему «вместо Бога» ([Исх.4:16](#)). А другой немного ниже первого, но много превосходит

других достоинством и близостью к Богу. Оба поражают казнями Египет, пересекают море, переводят через него Израиля, потопляют врагов, низводят хлеб свыше, то дают, то услаждают, сверх упования, воду в пустыне. Оба низлагают Амалика святым воздеянием рук и преобразованием высшего таинства. Оба ведут и поспешают в землю обетованную. Не знакомое ли что для вас в этом образе? Живописующее слово не ясно ли изобразило вам со мной одноименного и единогодушного мужа? Один из них меня помазал и укрывавшегося извел на среду. Не знаю, что его побудило и чем он увлекся, поступив недостойно живущего в нем Духа. (Как ни жестоко слово это, однако же скажу, потому что дружество переносит все, что ни терпит и ни слышит). Другой приходит утешить меня и примирить с Духом. И теперь для меня дорого его пришествие (да и как не дорожить им тому, кто предпочитал вас всей своей жизни?), однако же укоряю его за то, что пришел позже, чем требовала нужда.

К чему помощь после нашествия и поражения, наилучший из друзей и помощников? К чему кормчий после бури и лекарство по заживлении раны? Устыдился ли ты причиняемого нам насилия, как братолюбивый или и сам, как имеющий власть, вознегодовал на непослушание? Которого из братьев обвиняешь и которого освобождаешь от укоризны? Скажу тебе словами Иова (и он сетовал на друга, хотя не на такого и не в таких страданиях): «как ты помог бессильному, поддержал мышцу немощного? Какой совет подал ты немудрому и как во всей полноте объяснил дело» ([Иов.26:2](#))? А это, как вижу, бывает ныне со многими судьями, которые легче простят самую важную вину людям значительным, нежели малость – незначительным. Хотя же ты и сам, может быть, видишь это (мне, который ставит тебя в образец и правило совершенства, и вместе имеет повеление не быть скорым на суд ([Мф.7:1](#)), непозволительно и произнести о тебе что-либо недоброе), однако же и тебе, и всякому желающему готов я по дружбе дать отчет в моей или непокорности, как назовут, может быть, некоторые, или предусмотрительности и осторожности, как сам себя уверяю; дабы ты видел, что имеешь друга, который – не вовсе безрассуден и невежда, но может иное рассмотреть лучше многих, – смел в том, что достойно смелости, и боязлив, где есть место страху, и где не бояться – всего страшнее для имеющего ум. Как же рассудите и что признаете лучшим? Прикажете ли теперь дать вам отчет или найдете это неприличным времени, ибо собрались мы праздновать, а не судиться; или велите отложить дело до другого времени и собрания, ибо потребно слово продолжительнее того, какое позволяет настоящий день.

Что же изреку вам достойное этого торжества, чтобы и мне самому не отпустить вас голодными, тогда как я распорядитель пира? Очистим себя, братия, ради мучеников, вернее же сказать, ради Того, для Которого и они очистили себя кровью и истиной; освободим себя «от всякой скверны плоти и духа» ([2Кор.7:1](#)), омоемся, «очистимся» ([Ис.1:16](#)) и сами представим «тела наши» и души в «жертву живую, святую, благоугодную Богу», это наше «словесное служение» и молитву ([Рим.12:1](#)). Ибо для чистого ничто так не драгоценно, как чистота и очищение. Будем подвизаться ради подвижников, побеждать ради победивших, свидетельствовать истину ради свидетелей. Принесем это в дар их подвигам, дабы и нам самим сделаться увенчанными и наследниками той же славы, как нами им воздаваемой, так и соблюдаемой на небесах, о которой напоминает и которую в малых чертах изображает видимое здесь. Будем подвизаться против начал и властей, против невидимых гонителей и мучителей, против миродержителей тьмы века этого, против духов злобы поднебесных и близнебесных, против внутренней борьбы в нас самих, в наших страстях, против тварей ежедневно извне искушающих. Вооружимся терпением против раздражительности, как зверя, против языка, как острого меча, и погасим сластолюбие, как огонь. Приставим к слуху двери, которые бы благовременно отворялись и затворялись, и уцеломудрим око, не дадим осязанию приводить нас в бешенство, вкусу – терзать, «да не войдет смерть в окна наши» ([Иер.9:27](#)) (как, по моему рассуждению, названы чувства), и осмеем неумеренность смеха, не преклоним колен перед Ваалом по причине скудости, не поклонимся золотому образу из страха, будем страшиться, чтобы не убоиться чего-либо более, нежели Бога, и чтобы не поругать образа Его грехом. Во всем воспримем щит веры и избежим всех стрел лукавого.

Страшна эта брань, велико ополчение, и победа велика! Если для этого мы собрались или сходимся, то подлинно угодно Христу наше празднество, действительно почтили или почтим Мучеников, истинно победные составляем лики. Если же имеем в виду угодить прихотям чрева, предаться временным забавам, внести сюда удобоистоцимое, думаем найти здесь место для пьянства, а не для целомудрия, и время для купли и дел житейских, а не для восхождения и (осмелюсь так сказать) обожения, к которому служат нам посредниками Мученики, то, во-первых, не знаю, благовременно ли это. Ибо какое сравнение соломы с пшеницею, плотских забав с подвигами Мучеников? Первые приличны зрелищам, а последние – моим собраниям. Первые свойственны развратным, а последние целомудренным; первые – плотоугодникам, последние – отрешившимся от

тела. А потом хотел бы я сказать нечто более смелое, но удерживаюсь от злоречия из уважения ко дню; по крайней мере скажу (это будет гораздо скромнее), что не этого требуют от нас Мученики.

Итак, братия, не будем святого совершать нечисто, высокого – низко, честного – бесчестно, и, кратко сказать, духовного – по-земному. Торжествует и иудей, но по букве; празднует и эллин, но в угождение демонам, а у нас, как все духовно: действие, движение, желание, слова, даже походка и одеяние, даже мановение, потому что ум на все простирается и во всем образует человека по Богу; так духовно и торжествование и веселье.

Не запрещаю давать себе и прохладу, но пресекаю всякую неумеренность. Если же мы духовно собираемся и празднуем память Мучеников, то желая много сказать, чтобы мы сами получили за это одинаковые с ними награды и наследовали ту же славу (ибо, как думаю, для очищенных кровью и подражающих жертве Христовой святых мучеников соблюдается то, чего око не видало, ухо не слыхало, и не воображал ум человеческий, свободно созидающий в себе представление о блаженстве), по крайней мере (что, как я утверждаю, также не маловажно), увидим светлость святых мучеников, внидем в радость того же Господа и, насколько знаю, яснее и чище просветимся светом блаженной, начальной Троицы, в Которую мы уверовали, Которой служим и Которую исповедуем перед Богом и людьми, нимало не страшась и не стыдясь ни внешних врагов, ни встречающихся между нами лжехристиан и противников Духа. И, о если бы нам до последнего издыхания с великим дерзновением соблюсти этот прекрасный залог святых Отцов, живших ближе к Христу и к первоначальной вере, – это исповедание, в котором с детства мы воспитаны, которое прежде всего научились произносить, и с ним, наконец, переселиться из этой жизни, взяв с собой отсюда не другое что, как одно благочестие! Бог же мира, Крестом примиривший с Собой нас, сделавшихся Его врагами через грех, благовествовавший «мир и близким, и дальним» ([Еф.2:17](#)), находящимся под законом и вне закона, Отец любви и Любовь (ибо этими преимущественно именами угодно Ему называться, чтобы самими именами предписывать нам братолюбие), давши «новую заповедь» – настолько любить друг друга, насколько мы сами Им возлюблены ([Ин.13:34](#)), позволяющий делать доброе насилие и терпеть его по страху, благоразумно уступать и иметь также дерзновение с разумом, усовершенствующий великие паствы и малые увеличивающий благодатью, – Он сам, по множеству благости Своей, да утешит нас утешением многим и да ведет нас вперед, пася с нами и спасая стадо; а вас да совершит на всякое

дело благое, да наставит духовно торжествовать в честь Мучеников, да удостоит насладиться там, где обитель всех веселящихся, и когда явитесь в правде, да насытит вас велением Своей славы, созерцаемой во Христе Иисусе, Господе нашем. Ему слава и держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Слово 12

Говоренное отцу, поручившему ему попечение о Назианзской церкви

Уста «мои открываю и вздыхаю» ([Пс.118:131](#)). Духу предаю все свое и себя самого, и дело и слово, и бездействие и молчание, только да обладает Он мной, да водит меня, да направляет руку, ум и язык к чему должно и к чему хочет; а также и да отводит, от чего удаляться и должно и для меня лучше. Я орган Божий, орган словесный, который настроил и в который ударяет добрый Художник – Дух. Вчера располагал Он к молчанию, и моим любомудрием было – не говорить. Ныне ударяет в ум, и я изглашу слово, моим любомудрием будет – говорить. Я не так многоречив, чтобы пожелал говорить, когда заставляют молчать, и не так молчалив и малоучен, чтобы во время, приличное для слова, полагать хранение устам, напротив, и заключаю, и открываю дверь мою ([Пс.140:5](#)) Уму, Слову и Духу, единому естеству и Божеству. Итак, буду говорить, потому что имею на это повеление. Говорить же буду этому доброму Пастырю и вам, священная паства, что, по моему рассуждению, лучше и мне ныне сказать, и вам услышать.

Для чего стал нужен сопастырь тебе? Ибо с тебя начнется слово, любезная и почтенная для меня глава, равночестная голове Аарона, с которой стекает духовное и священное миро даже на бороду и одежду ([Пс.132:2](#)). Для чего ты, когда сам еще в состоянии поддерживать и руководствовать многих, и действительно руководишь силой Духа, – в духовных делах требуешь для себя жезла и опоры? Потому ли, что и с великим Аароном, как знаем и слышим, помазаны были Елеазар и Ифамар, сыны Аароновы? Ибо о Надаве и Авиуде охотно умолчу, чтобы не произнести неприязненного слова. Потому ли, что и Моисей еще при жизни назначает Иисуса вместо себя законодателем и вождем поспешающих в землю обетованную? Об Аароне же и Оре, которые поддерживали руки Моисеевы на горе, чтобы Амалик побежден был Крестом, издалика преднаписуемым и прообразуемым, считаю для себя удобным и не говорить, как о примере для меня весьма несвойственном и неприличном; потому что Моисей избрал их не участниками в законодательстве, но помощниками в молитве и опорой для утомленных рук. Но у тебя что страждет, что утомлено? Тело ли? Я готов поддерживать, даже поддерживал; и сам поддержан, как Иаков, отеческими благословениями. Или Дух? Но в ком он крепче и пламеннее,

особенно теперь, когда более и более подчиняется и уступает ему плотское, как вещество, противопоставленное свету, преграждающее его и препятствующее сиянию? Ибо плоть и дух всего чаще враждуют между собой и противоборствуют друг другу? И как тело бывает в добром состоянии, когда болезнует душа, так душа цветет и простирает взоры горе, когда желание удовольствий утихает и увядает вместе с телом. Но в тебе удивился я еще простоте и смелости; как не убоялся ты (чего весьма должно опасаться в настоящие времена), чтобы твоей духовной ревности не почли одним предлогом, и не показалось многим, будто бы звание это принимаем для плотских целей, хотя и представляем на вид духовную пользу. Ибо многие сделали то, что оно почитается великим, самовластным и доставляющим какую-то чудную приятность, хотя бы надлежало быть предстоятелем и правителем паствы, которая еще менее обширна, нежели наша, и приносит более досады, нежели удовольствия. Этого довольно о твоей простоте или твоём чадолюбии, благодаря которым ты и сам не предпринимаяешь ничего вредного и других редко в том подозреваешь, ибо кто с трудом преклоняется на зло, тот медлителен и в подозрении худого. А я должен еще предложить краткую беседу этому твоему или и моему народу.

Мне сделано принуждение, друзья и братья, – к вам буду взывать теперь, если не взывал тогда, – сделано старостью отца и (выражусь скромно) благосклонностью друга⁷⁶; помогите мне, кто сколько может, и подайте руку угнетаемому и увлекаемому то собственным желанием, то Духом! Одно предлагает мне бегство, горы и пустыни, безмолвие душевное и телесное, советует удалиться умом в самого себя и отвратиться от чувств, чтобы неоскверненному беседовать с Богом и чистому озаряться лучами Духа, без всякой примеси дольного и омраченного, без всяких преградений божественному свету, пока не приду к Источнику здешних озарений и не буду остановлен в желании и стремлении тем, что изображения сменяются действительностью. А дух требует, чтобы я выступил на среду, принес плод обществу, искал для себя пользы в пользе других, распространял просвещение, приводил к Богу «народ особенный» ([Тит.2:14](#)), «царственное священство, народ святой» ([1Пет.2:9](#)), и сделал, чтобы в большем числе людей очищался образ. Ибо как в сравнении с одним растением лучше и больше сад, в сравнении с одной звездой – целое небо и все его украшения, и в сравнении с членом – тело; так и перед Богом целая и благоустроенная Церковь предпочтительнее одного человека. И надобно иметь в виду не себя только, но и других, потому что и Христос, Которому можно было пребывать в Своей чести и Божестве, не

только истощил себя «до образа раба» ([Фил.2:7](#)), но и «крест претерпел, пренебрегши посрамление» ([Евр.12:2](#)), чтобы Своими страданиями истребить грех и смертью умертвить смерть. Таковы предначертания моего желания, и таковы веления Духа! Стоя между желанием и Духом и недоумеваю, чему в большей мере предаться, – вот что нашел я, как рассуждаю, лучшего и безопаснейшего; сообщу и вам, чтобы вы вместе со мной исследовали и утвердили мое намерение. Я рассудил, что всего лучше и безопаснее соблюсти середину между желанием и страхом, и в одном уступить желанию, в другом – Духу. А это нашел я возможным, если не вовсе будут убегать служения, чтобы не отринуть благодати, что было бы опасно; и не возьму на себя бремени выше сил своих, что было бы тягостно. Для первого нужна другая голова, для последнего – другие силы; вернее же сказать, то и другое высокоумно. Напротив, благочестиво и вместе безопасно соразмерять служение с силами и, как поступаем при употреблении пищи, что по силам, принимать, а что выше сил, оставлять. Ибо так умеренностью в том и другом приобретается и телесное здоровье и душевное спокойствие. Поэтому-то соглашаюсь теперь разделять попечение с добрым отцом, как с большим и высокопарным орлом летающий близ него не вовсе неопытный птенец. А потом предам крылья свои Духу – нести, куда угодно и как угодно; и под Его руководством никто не принудит и не поведет меня в иное место. Ибо, хотя приятно наследовать отцовы труды, и привычная паства приятнее незнакомой и чужой (присовокупил бы еще, и многоценнее перед Богом, если только не обманывает любовь и настоящих чувствований не закрывает привычка); однако же полезнее и безопаснее начальствовать желающим и над желающими. Да и по закону нашему должно водить не насильно и «не принужденно, но охотно» ([1Пет.5:2](#)). И другое начальство не может утвердиться принуждением, управляемое с насилием при всяком удобном случае старается освободиться, тем паче наше, не столько начальство, сколько детовождение, всего более соблюдает свободу. Ибо тайна спасения – для желающих, а не для принуждаемых.

Таково мое вам, братия, слово, сказанное просто, со всяким благорасположением, такова тайна моего сердца! Да превозможет то, что для вас и для меня будет полезно, и делами нашими да управит Дух, ибо опять возвращается слово мое к Духу, Которому предал я самого себя и главу, помазанную елеем совершения во Вседержителе Отце, в Единородном Сыне и во Святом Духе и Боге. Ибо до каких пор нам скрывать светильник под спудом и как бы лишать других совершенного Божества? Время поставить истину эту⁷⁷ на подсвечник, да светит она

всем Церквам и душам, и всей полноте Вселенной не догадочно предлагаемая, не мысленно только преднаписуемая, но изрекаемая явно, как совершеннейшее обнаружение богословия в сподобившихся этой благодати через самого Иисуса Христа, Господа нашего, Которому слава, честь и держава вовеки. Аминь.

Слово 13

Произнесенное при рукоположении Евлалия в сан Епископа Доарского

Примите, братья, слово мое, хотя оно весьма кратко и далеко от совершенства. Но Владыка Бог знает, как праведным судом взвешивать милость, ибо приемлет и Павлово насаждение, как Павлово, и Аполлосово напоение ([1Кор.3:6](#)), и две лепты вдовы ([Лк.21:3](#)), и смирение мытаря (18:14) и исповедание Манассии ([2Цар.33:13](#)). Примите и вы новосоставленное слово о новопоставленном Пастыре. Примите глас благодарения за видимые нами чудеса. Хотя мы малы и последние в сынах Израилевых: но благодарить богато ничто не препятствует и малым. Конечно, совершеннейшие воздадут Богу и хвалу совершеннейшую, а мы принесем Ему ныне, какую можем.

Итак, «воспойте Господу песнь новую, ибо Он сотворил чудеса» ([Пс.97:1](#))! Мы обуревались волнами, повергались, изгонялись; одни бедствия уже угнетали нас, а другие угрожали нам. Кто же переменял бурю в тихий ветер? Кто сокрушил оружие, меч и брань? Кто принял нас изгнанных и отверженных? Не ты ли, Боже, сотворил это? «Господь крепок и силен, Господь силен в брани» ([Пс.24:8](#)), – Он рассек море, Он питал в пустыне народ бедствующий, послав ему чудный дождь⁷⁸, Он источил воду из камня, Он победил Амалика неизъяснимым и таинственным воздеянием рук (ибо руки священника, воздвигаемые на горе и принимающие молитвенное положение, совершили то, чего не могли сделать многие тысячи); Он разрушил стены без стенобитных орудий и битвы; скажу, наконец, Он низложил Голиафа, гордого и надменного потомка исполинов, дерзнувшего выйти против великого Давида. Поэтому скажем единодушно: «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их. Избавилась душа наша, как птица избавилась от сети ловящих» ([Пс.123:4.6.7](#)); присовокупим и прочее, что вещает душа, обрадованная великим даром Божиим.

Я шел, чтобы принести не меч, но мир. Я шел не к посрамлению великого Пастыря⁷⁹, который председательствует в славном городе⁸⁰. Знаю, что он достопочтен, признаю его главой, именую святым, хотя и потерпел обиду; пусть он только будет чадолюбив и печется о своей Церкви. Я старался увеличить, а не сократить число иереев; низложить еретиков, а не уменьшить число православных.

Что говоришь ты, сын Дафана и Авирона⁸¹, не вразумляющийся вождь, осмелившийся восстать против Моисея и поднять на нас руки, как те отверзали уста на великого раба Божия? И ты не пришел в ужас? ты не устыдился? не рассыпалась плоть твоя по земле, когда злоумышлял это? И после этого будешь простирать те же руки к Богу? станешь приносить Ему дары, молиться о народе? Боюсь, чтобы меч Божий и до того не остался в бездействии и покое. Ты Пастырю своему не сделал ничего важного, а себе причинил весьма много вреда, отчуждив себя от благодати Божией.

Теперь приступи лучший и совершеннейший из Пастырей⁸² и вместе с нами или еще прежде нас прими народ свой, который поручил тебе Дух Святой, который приводят к тебе Ангелы, который приобрели тебе твоя жизнь и добрые нравы! Не удивляйся же, что наследуешь престол при различных искушениях и препятствиях. Ничто великое не бывает без искушения и испытания, ибо по естественному порядку маловажное сопровождается удобством, а высокое – трудностью. Ты слышал сказавшего, «что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» ([Деян.14:22](#)), – скажи и сам: «прошли огонь и воду, и Ты вывел нас на свободу» ([Пс.65:12](#)). О чудо! «вечером водворяется плач, а на утро радость» ([Пс.29:6](#)). Пусть кричат враги и расширяют уста, как псы, которые лают по-пустому, а мы не будем нести брани. Учи поклоняться Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу Святому, в трех ипостасях, в единой же славе и светлости. «Погибшее взыщи, немощное укрепи, крепкое снабди» ([Иез.34:16](#)). Мы ожидаем от тебя такого же благоискусства в делах духовных, какое ты, как известно нам, имеешь в мирских. Итак, прими от высших вождей совершеннейшее вооружение, посредством которого сможешь «стрелы лукавого раскаленные угасить» ([Еф.6:16](#)) и представить Господу «народ особенный» ([Тит.2:14](#)), «народ святой, царственное священство» ([1Петр.2:9](#)), во Христе Иисусе Господе, Которому слава вовеки. Аминь.

Слово 14

О любви к бедным⁸³

Братия и соучастники бедности (ибо все мы бедны и имеем нужду в благодати Божией, хотя и кажется один превосходнее другого, когда измеряем людей малыми мерами)! Примите слово о любви к бедным, не с бедным, но со щедролюбивым расположением духа, да наследуете богатство царствия. А вместе помолитесь, чтобы и я мог предложить вам богатое слово, мог напитать им ваши души и «разделить голодным хлеб» ([Ис.58:7](#)) духовный или, подобно древнему Моисею, низводя, как дождь, пищу с неба ([Исх.16:4](#)) и подавая «хлеб ангельский» ([Пс.77:25](#)), или насыщая немногими хлебами в пустыне многие тысячи, как после Иисус – «истинный хлеб» ([Ин.6:32](#)) и истинной жизни виновник.

Нелегко найти превосходнейшую из добродетелей и отдать ей первенство и преимущество, подобно как и на лугу многоцветном и благовонном не вдруг можно выбрать прекраснейший и душистый из цветов, когда то тот, то другой привлекает к себе обоняние и взор и заставляет сорвать себя раньше всех. По моему разумению, различные добродетели можно сравнивать и рассматривать так. Прекрасны «вера, надежда и любовь, три сии» ([1Кор.13:13](#)). Веры свидетель – Авраам, оправданный верой; надежды – Енос, который прежде всех «начал призывать Господа» ([Быт.4:26](#)), и все праведники, которые, одушевляясь надеждой, претерпевали бедствия. Любви свидетель божественный Апостол, осмелившийся и на самого себя произнести приговор для спасения Израиля ([Рим.9:4](#)), и сам Бог, Который называется любовью ([1Ин.4:16](#)). Прекрасно страннолюбие. Свидетель этого – между праведниками – Лот содомлянин, но не содомлянин по своим нравам ([2Пет.2:8](#)); а между грешными – Раав блудница, но не блудница по расположениям сердца, за страннолюбие удостоившаяся похвалы и спасения ([Евр.11:31](#)). Прекрасно братолюбие: свидетель – Иисус, не постыдившийся не только назваться братом нашим ([Евр.2:11](#)), но и пострадать за нас. Прекрасно человеколюбие: свидетель – Он же, Иисус, Который не только сотворил человека на «добрые дела» ([Еф.2:10](#)) и сочетал с плотью Свой образ, показывающий путь ко всему наилучшему и возводящий нас – странников – к горним благам, но и Сам сделался ради нас человеком. Прекрасно долготерпение: свидетель этого опять сам Иисус, Который не только не хотел призвать легионы ангелов против восставших на Него мучителей, не только укорил Петра, извлекшего нож,

но исцелил ухо уязвленному ([Мф.26:52-53](#); [Лк.22:51](#)). Это же после показал и Стефан, ученик Христов, молившийся за побивавших его камнями. Прекрасна кротость: свидетели – Моисей и Давид, за это больше всех похваляемые ([Числ.12:3](#); [2Цар.16:11-12](#); [Пс.131:1](#)), и сам Учитель их, не прекословящий, не вопиющий, не испускающий гласа на распутьях ([Мф.12:19](#)) и не противящийся ведущим Его. Прекрасна ревность: свидетели этого – Финеес, одним ударом копья пронзивший мадианитянку вместе с израильтянином, дабы избавить от поношения сынов израилевых, и за свою ревность получивший себе славное имя; а после него – те, которые говорили: «возревновал я о Господе» ([3Цар.19:10](#)); «ревную о вас ревностью Божию» ([2Кор.11:2](#)); «ревность по доме Твоем сдает меня» ([Пс.68:10](#)), и не только говорили это, но и сильно чувствовали. Прекрасно воздержание: в том убедит тебя Давид, который не перестает держать себя в строгости ([1Кор.9:27](#)) и примером израильтян устрашает людей, надеющихся на себя и дающих волю своему телу ([1Кор.10:5-8](#)), и сам Иисус, Который, будучи искушаемым, постится и побеждает искусителя ([Лк.4:2-13](#)). Прекрасны молитва и бдение: в том убедит тебя сам Бог, Который перед страданием проводит ночь без сна в молитве ([Мф.26:39, 42-44](#)). Прекрасны чистота и девственность: в этом убедят тебя Павел, который предписывал на это законы и справедливую назначает цену брачной и безбрачной жизни ([1Кор.7:1-11, 25-40](#)), и сам Иисус, родившийся от Девы, дабы и рождение почтить, и отдать предпочтение девству. Прекрасно воздержание: в том убедит тебя Давид, который, овладев кладезем вифлеемским, не стал пить воды, но только излил ее в честь Господа, не желая утолить жажды своей кровью других ([1Пар.11:18-19](#)). Прекрасно пустынножителство и безмолвие: это показывают мне Кармил Илии, пустыня Иоаннова, гора Иисусова, на которую часто отходил Господь, дабы в безмолвии беседовать с самим Собой ([Мф.14:23](#); [Лк.6:12, 9:28, 22:39](#)). Прекрасна умеренность: этому научают меня Илия, живущий у вдовицы, Иоанн, покрывающийся одеждой из верблюжьего волоса, и Петр, питающийся овощами, стоящими не более асса⁸⁴. Прекрасно смирение: примеры его многочисленны; но лучший из всех примеров представляет Спаситель и Владыка всех, Который не только смирял Себя до «образа раба» ([Флп.2:7](#)), не только подверг лицо Свое «стыду оплеваний» ([Ис.50:6](#)), «и к злодеям причтен был» ([Ис.53:12](#)). Очищающий весь мир от греха, но и умыл ноги ученикам в образе раба. Прекрасна нестяжательность и презрение богатства: об этом свидетельствуют Закхей и сам Христос; Закхей, – когда, приняв к себе

Христа, принес в дар почти все свое имущество; Христос, – когда указал богатому юноше на эту добродетель, как на предел совершенства ([Мф.19:21](#)). Короче сказать: прекрасно созерцание, прекрасна и деятельность; первое потому, что возносится превыше земного, входит во Святая Святых и возводит ум наш к тому, что сродно с ним; другая – потому, что, приемля к себе Христа и служа Ему, доказывает любовь свою делами. Каждая из этих добродетелей есть особенно путь к спасению и несомненно приводит к одной какой-либо из вечных и блаженных обителей. Ибо как различны роды жизни, так и обителей у Бога много ([Ин.14:2](#)), и они разделяются и назначаются каждому по его достоинству. Поэтому пусть один исполняет эту добродетель, другой – другую, иной – многие, а кто-нибудь, если возможно, и все; только да шествует каждый безостановочно, да стремится вперед и следует неуклонно по стопам того доброго путевода, который прямо направляет стезю его, и тесным путем, сквозь узкие врата ([Мф.7:14](#)), выводит на широту блаженства небесного.

Но если, по учению Павла и самого Христа, первой и важнейшей заповедью должно почитать любовь, как сокращение закона и Пророков ([Мф.22:37–40](#); [1Кор.13:13](#)), то превосходнейшую часть ее должна составлять, как я нахожу, любовь к бедным, жалость и сострадательность к тем, которые одного с нами рода. Ибо никакое служение так не угодно Богу, как милосердное (потому что оно всего более сродно Богу, Которому предходят «милость и истина» ([Пс.88:15](#)), и Которому должно приносить в дар милость ([Иак.2:13](#)) прежде суда), и праведный Мздовоздаятель, положивший «на мерилах» и весах «милость» ([Ис.28:17](#)), ни за что так не награждает Своим человеколюбием, как за человеколюбие. Итак, сообразно заповеди, которая повелевает «радоваться с радующимися и плакать с плачущими» ([Рим.12:15](#)), мы должны отверзать утробу милосердия всем бедным и, по какой бы то ни было причине, страждущим; должны как люди приносить людям дань благотворительности, какая бы ни заставляла их нужда искать помощи, – вдовство ли, или сиротство, или изгнание из отечества, или жестокость властителей, или наглость начальствующих, или бесчеловечие собирателей подати, или убийственная рука разбойников, или алчность воров, или опись имения, или кораблекрушение. Ибо все они одинаковое имеют право на сожаление, и так же смотрят на руки наши, как мы на Руки Божии, когда чего просим. Впрочем и, из этих самых более достойны жалости те, которые, будучи в лучшем состоянии, впадают в несчастья, нежели те, которые уже свыклись с бедственной участью.

А особенно должны мы быть сострадательны к зараженным проказой, которые, по грозному приговору, изреченному на некоторых людей в Св. Писании, изъедены даже до плоти, костей и мозгов ([Иов.33:21](#)) и которым изменило это многобедственное, уничиженное и вероломное тело. Не понимаю, как я соединился с ним, и как, будучи образом Божиим, я смешался с грязью! Это тело, когда хорошо ему, поднимает войну; а когда воюю против него, ввергает в скорбь. Его я и люблю, как сослужителя; от него же и отвращаюсь, как от врага; бегу от него, как от уз, и почитаю его, как наследника. Решусь ли истомить его? Но тогда некого мне будет употребить в сотрудники в добрых делах; а я знаю, для чего приведен я в бытие, знаю, что мне должно восходить к Богу посредством дел. Стану ли щадить его, как сотрудника? Но тогда не знаю, как избежать его мятежнических нападений, и боюсь, как бы не отпасть от Бога, отягчившись оковами, кои влекут меня к земле или удерживают на ней. Это ласковый враг и коварный друг! Чудное соединение и раздвоение! Чего боюсь, того держусь, и что люблю, того страшусь. Не успею еще вступить в сражение, как заключаю мир; и не успею помириться, как опять начинаю брань. Что это за премудрость открывается на мне, и что за великая тайна! Не для того ли Бог ввел нас в эту борьбу и брань с телом, чтобы мы, будучи частью Божества⁸⁵ и проистекши свыше, не стали надмеваться и превозноситься своим достоинством и не пренебрегли Создателем, но всегда обращали к Нему взоры, и чтобы сопряженная с нами немощь держала в пределах наше достоинство? Чтобы мы знали, что мы вместе и весьма велики и весьма низки, земны и небесны, временны и бессмертны, наследники света и наследники огня или тьмы, смотря по тому, на какую сторону преклоним себя? Так устроен состав наш, и это, сколько могу я видеть, для того чтобы персть земная смиряла нас, если бы мы вздумали превозноситься образом Божиим.

Но об этом пусть любомудро рассуждает, кто хочет. Не откажусь и я с ним вместе размыслить о том при более удобном случае. А теперь я должен говорить о том, к чему побуждает меня соблезнование о собственной моей плоти и о собственной немощи при взоре на страдания других; должен сказать вам, братия, что мы обязаны заботиться о теле, этом сроднике и сослужителе души (ибо хотя я и винил его, как врага, за то, что терплю от него; но я же и люблю его, как друга, ради Того, Кто соединил меня с ним), и притом – заботиться о теле наших ближних не меньше, как и каждый о собственном, остаемся ли мы сами здоровыми, или изнуряемся таким же недугом. Ибо есть мы «одно» в Господе ([Гал.3:28](#)), богат ли кто, или беден, раб ли кто, или свободен, здоров ли или

болен телом; у всех одна «глава – Христос, из Него же все» ([Еф.4:15–16](#)), и что члены один для другого, то же и каждый из нас друг для друга, и все для всех ([1Кор.12:12–27](#)). А потому не надобно пренебрегать и оставлять без попечения тех, кто прежде подпал под общую для всех немощь; напротив, мы должны не столько радоваться благополучному состоянию нашего тела, сколько плакать о телесных страданиях братьев наших; должны человеколюбие к ним считать единственным залогом нашей безопасности телесной и душевной.

На них надобно смотреть так: другие жалки только по своей бедности, от которой, быть может, освободит их или время, или труд, или друг, или родственник, или перемена обстоятельств; а этих несчастных и бедность угнетает нисколько не меньше, чем тех, или еще больше; так как они, лишась телесных членов, лишаются вместе и способов трудиться и помогать себе в своих нуждах, и, притом, всегда больше страшатся усугубления болезни, нежели надеются на выздоровление, так что и надежда, это единственное лечение для несчастных, почти оставляет их без помощи. Но к бедности у них присоединяется и другое зло – болезнь, зло ужаснейшее и тягостнейшее, которое у людей необразованных скорее всего попадает на язык, когда они кого клянут. С этим связано еще третье зло: многие не хотят к ним подойти, не хотят посмотреть на них, бегут от них, гнушаются ими, как чем-то омерзительным; и это зло, чтобы видеть себя ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастью, для них тяжелее самой болезни. Я не могу без слез смотреть на их страдания и при одном воспоминании о иных возмущаюсь духом. Имейте и вы такие же чувствования, чтобы слезами избавиться от слез. И я не сомневаюсь, что действительно так чувствуют те из предстоящих здесь, кто любит Христа и любит бедных, и имеет Богу свойственное и от Бога дарованное им милосердие.

Вы сами свидетели их страдания. Перед вашими глазами поразительное и плачевное зрелище, которому едва ли кто поверит, кроме очевидцев: люди – живые мертвецы, у которых конечности большей части телесных членов отгнили; люди, которых нельзя почти узнать, кто они были прежде, и откуда, или лучше, несчастные останки живших некогда людей, которые, чтобы дать знать о себе, рассказывают о своих отцах, матерях, братьях и местах жительства: «Я сын такого-то отца, мать у меня такая-то, имя мое такое-то, да и ты некогда был мне друг и знакомый». Это говорят они потому, что не имеют уже прежнего вида, по которому бы можно было узнать их. Это люди обделенные, у которых нет ни имущества, ни родства, ни друзей, ни даже тела; люди, которые одни из

всех и жалеют о себе и вместе ненавидят себя; которые не знают, о чем больше плакать, – о тех ли частях тела, которых уже нет или оставшихся, о тех ли, которые преждевременно истребила болезнь, или о тех, которые еще сберегаются на жертву болезни; ибо те несчастно погибли, а эти уцелели для большего несчастья; те истлели прежде гроба, а этих некому и в гроб положить. Потому что и самый добрый и мягкосердечный человек бывает крайне нечувствителен к бедствиям этих страдальцев. Здесь только мы забываем, что мы сами плоть и облечены уничиженным телом ([Флп.3:21](#)); и так мало в нас раденья об этих сродниках наших, что мы почитаем даже необходимым для безопасности нашего тела – удаляться от них. Иной подходит к залежавшемуся и, может быть, уже смердящему трупу, носит вонючие тела бессловесных животных, и, валяясь в тине, не гнушается этим, а от этих несчастных, сколько есть сил, бежим прочь и – какое бесчеловечие! – негодуем почти и на то, что дышим одним с ними воздухом.

Кто нежнее отца? Кто сердобольнее матери? Но для этих отверженных заперто и родительское сердце. И отец своего собственного сына, которого родил, которого воспитал, в котором одном чаял иметь око своей жизни, за которого так много и так часто молился Богу, этого самого сына, хотя оплакивает, но гонит от себя, – оплакивает от сердца, гонит поневоле. А мать, вспоминая муки рождения, с разрывающимся сердцем испускает жалостнейшие вопли и вслух всех рыдает над живым, как над мертвым, говоря: «Несчастное чадо злополучной матери, отнимаемое у меня лютой болезнью, чадо жалости достойное, чадо мое милое, которого и узнать не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесов, гор и пустынь! Со зверями будет жизнь твоя, горный камень – кров твой, и только благочестивейшие из людей обратят на тебя взоры. Зачем, – вопиет она, подобно Иову ([Иов.3:1–12](#)), этим болезненным гласом, – зачем ты образовался в утробе матери? Зачем, вышедши из чрева, не погиб в то же мгновение, так чтоб смерть сочеталась с рождением? Зачем ты не умер преждевременно, пока не вкусил еще зол жизни? Зачем тебя приняли на колени, и на что было тебе сосать грудь, когда ожидала тебя жизнь горькая, жизнь ужаснее смерти?» Выговаривая это, проливает она источники слез, и хотела бы, несчастная, заключить в объятия свое детище, но боится плоти его как неприятеля!

А в народе поднимаются повсюду ропот и гонение – не против злодеев, но против несчастных. Иной живет вместе с убийцей, с прелюбодеем делит не только жилище, но и трапезу, святотатца принимает к себе в сожители, с недоброжелателями своими ведет дружбу; а от

страдальцев, ничем его не огорчивших, отвращается, как от преступников. Так пороку отдается преимущество перед болезнью! Бесчеловечие мы уважаем, как дело благородное, а сострадание презираем, как нечто постыдное. Их гонят из городов, гонят из домов, с площади, с дорог, из бесед, из народных собраний, пиров, и – о горькая участь! – их отгоняют и от самой воды. Для них не текут источники, поющие всех других, невероятным почитают даже то, чтобы и реки не могли от них заразиться. А что всего страннее, тех, – которых как нечистых, отгоняем от себя, тех самых, как не причиняющих нам никакого убытка, заставляем опять возвращаться к нам, потому что не даем им ни жилища, ни нужной пищи, ни лекарства для ран, ни одежды, которой могли бы мы прикрыть, по нашим силам, их недуг. Потому-то они и скитаются день и ночь, – обнищавшие, нагие, бесприютные, показывая пораженное недугом тело, пересказывая старую жизнь свою, призывая с воплем Создателя, помогая друг другу употреблением членов, которых у другого нет, слагая жалобные песни, чтобы выпросить кусочек хлеба, или малейшую часть чего-нибудь вареного, или какое-нибудь разодранное рубище для прикрытия себя от стыда, или для облегчения боли от ран. И не тот уже в глазах их человеколюбив, кто достаточно подает им нужное, но всякий, кто не с суровостью отсылает их прочь. Многие же из них, преодолевая и стыд, не бегут от торжественных собраний; гонимые крайней нуждой вторгаются сюда, в эти всенародные и священные собрания, которые мы учредили для уврачевания душ и на которые собираемся или для воспоминания какого-нибудь таинства, или для прославления свидетелей истины, дабы, чувствуя их подвиги, научиться подражать и их благочестию. А они, хотя и стыдятся, как несчастливцы и как люди, лица человеческого, и лучше хотели бы скрываться в горах, утесах, лесах или, наконец, в ночи и мраке; однако втискиваются в середину народа – жалкое бремя и слез достойное! – которое, впрочем, может быть послано к нам и не без цели, и именно с той целью, чтобы напомнить нам о нашей немощи и убедить нас не прилепляться ни к чему настоящему и видимому, как к постоянному. Приходят же одни из них, желая услышать голос человеческий; другие, чтобы взглянуть на людей; иные, чтобы у роскошных богачей собрать хотя скудное подавание для поддержания жизни; все – чтобы обнаружить свою Скорбь и тем хотя несколько облегчить себя.

Кто не сокрушится, внимая их столам, сливающимся в одну жалобную песнь? Какое ухо может переносить эти звуки? Какое око может спокойно смотреть на это зрелище? Вот некоторые из них лежат одни подле других, – не на радость совокупленные недугом в одно сообщество, где каждый

носит на себе следы какого-нибудь особенного бедствия, и все эти бедствия слагаются в одно общее горе, так что каждый своими стараниями усугубляет страдания других, и все жалки по своим болезням, а еще жалче по состраданию друг к другу. Их окружает толпа зрителей, даже и соболезнующих, но – на краткое время. А там – другие влачатся у ног человеческих; их преследуют и солнечный зной, и пыль, а иногда жестокие морозы, дожди и бури, их стали бы и попирать ногами, если бы одно прикосновение к ним не почитали гнусным. На священные песнопения внутри храма, они отвечают стонами и воплями прошений, и таинственным молитвословиям служат отголоском горькие рыдания. Но для чего описывать мне все их бедствия перед людьми, собравшимися для торжества? Если бы с точностью изобразил я всю эту печальную картину, то, может быть, возбудил бы плач и рыдания, и празднество превратилось бы в сетование. Потому только я и говорю об этом, что до сих пор еще не могу убедить вас, что иногда бывает и печаль предпочтительнее радости, и сетование полезнее празднования, и достохвальные слезы лучше недоброго смеха.

Таково-то и еще гораздо горестнее, нежели как я представил, положение братьев наших в Боге (хотя бы вы и не желали слышать это), братьев, которые одинаковое с нами получили естество, из того же составлены брения, из какого и мы первоначально созданы; связаны, как и мы, жилами и костями и, подобно всем, облечены кожей и плотью (как говорит в одном месте божественный Иов ([Иов.33:6, 10–11](#)), любомудрствуя среди страданий и посмеиваясь над видимой частью существа нашего), или лучше, если должно упомянуть о важнейшем, – которые так же, как и мы, одарены образом Божиим и хранят его, может быть, лучше нас, хотя и истлели телом, – в единого облечены Христа ([Гал.3:27](#)) по внутреннему человеку; одинаковый с нами приняли в сохранение залог Духа ([Гал.3:22](#)); участвуют в одних с нами законах, глаголах Божиих, заветах, собраниях, таинствах, надеждах; за которых равно умер Христос ([Рим.14:15](#)), взявший на Себя грех всего мира ([Ин.1:29](#)); которые суть наследники небесной жизни, хотя весьма много отчуждены от земной; которые погребаются с Христом и совосстают с Ним ([Кол.2:12](#)), страдают с Ним, дабы с Ним и прославиться ([Рим.8:17](#)). Что же мы? Мы, наследовавшие это великое и новое имя, чтобы называться по Христу народом святым, царственным священным, людьми усвоенными Богу и избранными ([1Пет.2:9](#)), ревнителями добрых и спасительных дел ([Тит.2:14](#)), учениками кроткого и человеколюбивого Христа, понесшего наши немощи, унизившего Себя до нашей бренности, нас ради

обнищавшего ([2Кор.8: 9](#)), нисшедшего в эту плоть и земную храмину и претерпевшего за нас скорби и болезни, дабы мы обогатились наследием Божества? Что ж мы, имеющие столь высокий Образец благоутробия и сострадания? Как будем думать о них и что сделаем? Презрим ли их? Пробежим мимо? Оставим их, как мертвецов, как гнусные страшилища, как самых злых зверей и пресмыкающихся? Нет, братия! Не тому учит нас – овец Своих – добрый Пастырь ([Ин.10:11](#)), Христос, Который обращает заблудшее, взыскует погибшее и укрепляет немощное ([Иез.34:16](#)); не то внушает и природа человеческая, которая вложила в нас закон сострадания, и чувством немощи, общей нам со всеми, учится благочестию и человеколюбию. Ужели они будут томиться под открытым небом; а мы станем жить в великолепных домах, расцвеченных всякого рода камнями, блестящих золотом и серебром, где узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщают и приманивают взоры? Да еще в одних будем жить, а другие строить? И для кого? Быть может, не для наследников наших, а для людей посторонних и чужих, и притом, может быть, для таких людей, которые не только не любят вас, но еще, что всего хуже, исполнены вражды к нам и зависти. Они будут трястись от стужи в ветхих и разодранных рубищах, а может быть, еще и тех иметь не будут, а мы будем нежить себя, покрываясь мягкой и пышной одеждой, воздушными тканями из тонкого льна и шелка, и между тем как одними уборами будем не столько украшать себя, сколько обезображивать (ибо все излишнее и щегольское я почитаю безобразием), другие наряды – бесполезная и безумная забота, добыча моли и всепоедающего времени, – будут лежать у нас в кладовых. Они будут нуждаться – о пагубная моя роскошь! о бедственное их томление! – будут нуждаться и в необходимой пище; будут в изнеможении, голодные валяться у ворот наших, не имея даже столько сил в теле своем, чтобы просить; не имея голоса, чтобы рыдать; рук, чтобы простирать их для приведения нас в жалость; ног, чтобы подойти к богатым; не имея столько дыхания, чтобы с большим напряжением простонать жалобную песнь, считая лишение зрения, это самое тяжкое зло, очень легким, и еще благодаря за то, что не видит своих язв. Таково их состояние! А мы, роскошно одетые, будем с важностью возлежать на высоких и пышных ложах, покрытых дорогими коврами, до которых другие не смей и дотронуться, – оскорбляясь и тем, если только услышим умоляющий голос их? Нам нужно, чтобы пол у нас усыпался был часто, и даже безвременно, благоухающими цветами, а стол орошен был самым дорогим и благовонным миром, для большего раздражения нашей неги; нужно, чтобы юные слуги предстояли перед нами – одни в красивом

порядке и строе, с распущенными, как у женщин, волосами, искусно подстриженными, так чтобы на лице не видно было ни одного волоска, – в таком убранстве, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза; другие – со стаканами в руках, едва дотрагиваясь до них концами пальцев и поднося их, как можно ловчее и осторожнее; иные, держа опахала над головами нашими, производили бы искусственный ветерок, и этим, руками навеваемым, зефиром прохлаждали бы жар утучненного нашего тела. Нужно кроме того, чтобы все стихии – и воздух, и земля, и вода – в обилии доставляли нам дары эти, и стол наш весь был уставлен и обременен мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваров и пекарей; чтобы все они наперебой старались о том, как бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву – этому тяжкому бремени, виновнику зол, этому никогда ненасытному и самому неверному зверю, которому вместе с потребляемыми им яствами вскоре надобно будет истлеть ([1Кор.6:13](#)). Для них много значит утолить жажду и водой; а у нас пенится в чашах вино: пей до упоения, даже до бесчувствия, если кто невоздержан! Да еще одно из вин отошлем назад, другое похвалим за его запах и цвет, о третьем начнем с важностью рассуждать, и беда, если кроме своего отечественного не будет у нас какого-нибудь иностранного вина, как иноземного завоевателя! Ибо нам непременно должно вести жизнь роскошную и превышающую нужды, или, по крайней мере, славиться такой жизнью; как будто стыдно нам, если не будут почитать нас порочными людьми и рабами чрева и того, что еще хуже чрева.

Что это такое, друзья и братья? Для чего и мы носим в себе болезнь, – болезнь душевную, которая гораздо тягостнее телесной? Ибо та, как известно, приходит не по воле нашей, а эта приходит от нашего произволения; та оканчивается с настоящей жизнью, а эта переходит с нами и в другую жизнь, в которую мы отсюда представляемся; о той жалеют, по крайней мере, здравомыслящие, а эту ненавидят. Для чего не спешим, пока еще есть время, помогать сродникам нашим по естеству? Для чего, будучи сами плоть, не покрываем безобразия плоти? Для чего предаемся неге, видя бедствия наших братьев? Не дай мне Бог ни жить богато, когда они нуждаются, ни наслаждаться здоровьем, когда не окажу помощи к уврачеванию их ран, ни иметь достаточной пищи, ни одежды, ни покойного крова, когда не разделю с ними хлеба, не снабжу их, по возможности, одеждой, и не упокой под моим кровом! Ибо нам должно – или все оставить для Христа, дабы, взяв крест, истинно следовать за Ним ([Мф.16:24](#)), и сделавшись легкими, развязанными и ничем не увлекаемыми вниз, как на крыльях, лететь к горнему миру, и

возвысившись смирением, обогатившись убожеством, в замену всего приобрести Христа ([Флп.3:8](#)); – или разделять свое имущество с Христом, дабы и само обладание имуществом освятилось через то, что мы будем обладать им, как должно, и соучастниками в нем будут неимущие. Если же я буду сеять для одного себя; то скажу опять словами Иова: «пусть я сею, а другие едят; вместо пшеницы пусть вырастет волчец, а вместо ячменя куколь» ([Иов.31:8, 40](#)); пусть жгучий ветер убьет и вихрь развеет посев мой, так чтобы все труды мои остались напрасными. Если я стану строить житницы, собирая сокровища от маммоны и для маммоны, то пусть в эту же ночь возьмут душу мою ([Лк.12:18–20](#)) для истребования отчета в злом стяжании богатства.

Ужели, наконец, мы не очувствуемся, не отвергнем жестокосердия, или – о чем желал бы и не говорить – низкой скупости, не подумаем об участии человеческой? Ужели не обратим себе во благо несчастья других? Ибо в делах человеческих, по естественному порядку, нет ничего твердого, ровного, держащегося своими силами и пребывающего в одинаковом положении; участь наша вращается, подобно колесу, в различные времена, и часто в один день, а иногда и в один час подвергаясь различным переменам, так что скорее можно положиться на постоянство ветров, никогда не останавливающихся, или следов плывущего по морю корабля, или на обманчивые ночные сновидения, доставляющие минутное удовольствие, или на твердость тех начертаний, какие дети, играя делают на песке, нежели на благоденствие человеческое. Итак, благоразумны те, которые, не веря благам настоящим, собирают себе сокровища в будущем и, видя непостоянство и переменчивость благополучия человеческого, любят благотворительность, которая никогда не изменит ([1Кор.13:8](#)). Зато, без сомнения, получают они, по крайней мере, одно из трех возмездий: или то, что никогда не подвергаются бедствиям, потому что Бог часто и земными благами утешает благочестивых, призывая их Своею благостью к состраданию; или то, что и среди бедствий они имеют в себе дерзновение к Богу ([1Ин.3:21](#)), ибо страдают не за порочную жизнь, а по особенному устройству Промысла; или, наконец, то, что они по праву могут требовать от людей благоденствующих такой же сострадательности, какую сами оказали нуждающимся во время своего счастья.

Да «не хвалится», сказано, «мудрый мудростью своею, ни богатый богатством своим, ни сильный силою своею» ([Иер.9:23](#)), если бы и достиг кто самой высокой степени – или мудрости, или богатства, или силы. А я к этим словам Писания прибавлю еще и то, что с ними согласно: да не хвалится ни славный своей славой, ни здоровый здоровьем своим, ни

красивый красотой своей, ни юный юностью, кратко сказать – ничем таким, что прославляют здесь, да не хвалится надмевающийся тем. Одним только да «хвалится хвалящийся» – именно тем, чтобы разуместь и усердно искать Бога ([Иер.9:24](#)), сострадать страждущим и уготовлять себе что-нибудь доброе для будущего века. Ибо здешние блага быстро протекают, даются на час, и, подобно как камешки в игре, перекидываются с места на место и переходят то к тем, то к другим; ничего здесь нельзя назвать своим, все или время отнимет, или зависть переведет в чужие руки. Напротив, блага душевные постоянны и прочны, никогда не отойдут и не отпадут от нас, никогда не обманут надежд того, кто им поверил. Но и это самое, что ни одно из здешних благ не верно людям и непрочно, мне кажется прекрасно, как и все прочее, устроено предусмотрительным Художником – Словом и Премудростью, превосходящею всякий ум ([1Кор.1:24](#); [Флп.4:7](#)); это самое, что видимые блага подвергаются и подвергают нас то тем, то другим превратностям, то возносятся вверх, то падают вниз и кружатся как в вихре, и прежде, нежели овладеем ими, убегают и удаляются от нас, и таким образом играют нами, обманывают нас, – не направлено ли к тому, чтобы мы, усмотрев их непостоянство и переменчивость, скорее устремились к пристанищу будущей жизни? В самом деле, что было бы с нами, если б земное наше счастье было постоянно, когда и при непостоянстве его мы настолько к нему привязаны? Когда обманчивая приятность и прелесть его держит нас, как рабов, в таких узах, что мы ничего и представить себе не можем лучше и выше настоящего, и это тогда, как мы слышим и верим, что мы сотворены по образу Божию, Который, Пребывая на небесах, и нас влечет к Себе ([Кол.1:15](#); [Ин.3:13, 12:32](#))?

«Кто мудр, чтобы познать это» ([Ос.14:10](#))? Кто решится убежать от вещей убегающих? Кто прилепится к вечно пребывающему? Кто научится размышлять о настоящем, как о преходящем, а об уповаемом, как о постоянно присутщем? Кто хочет отделять истинно сущее от кажущегося, и к первому стремиться, а последнее презирать? Кто желает отличить список от истины, дальнюю хижину от горнего града ([2Пет.1:13](#); [Евр.13:14](#)), ночлег от постоянного жилища, тьму от света, глубокое благо ([Пс.68:3](#)) от земли святой, плоть от духа, Бога от миродержателя, тень смертную от жизни вечной? Кто желает купить настоящим будущее, тленным богатством нетленное, видимым невидимое? Поистине, блажен, кто, различая это и рассекая мечом слова, отделяющим лучшее от худшего, полагает, как сказал в одном месте божественный Давид, «восхождения в сердце своем» ([Пс.83:6](#)), и убегая, сколько сил есть, из этой юдоли плача,

вышних ищет ([Кол.3:1](#)), и распинаясь миру со Христом, со Христом и воскресает ([Гал.6:14](#); [Кол.3:1](#)), со Христом и восходит к наследию жизни уже не изменяющейся, не обманчивой, где нет более змия, угрызающего на пути, уязвляющего в пяту и уязвляемого в голову ([Быт.49:17, 3:15](#)). А нас тот же Давид, как некий громогласный проповедник, прекрасно оглашает высокой и всенародной проповедью, в которой называет нас тяжкосердыми и любящими ложь и учит не слишком прилепляться к видимому, и не полагать всего земного благополучия единственно в обилии пшеницы и вина ([Пс.4:3, 8](#)) – этих скороистлевающих стяжаний. И блаженный Амос⁸⁶, может быть, то же самое имел в мыслях, и так же против земных и мнимых благ вооружался, когда говорил: «Приблизьтесь к горам вечным: встаньте и уходите, ибо страна сия не есть место покоя» ([Мих.2:9](#)). И это, даже в самих выражениях, почти совершенно сходно с повелением Господа и Спасителя нашего, каким же именно? – «Встаньте, пойдём отсюда» ([Ин.4:31](#)), сказал Он, не тогдашних только учеников побуждая перейти с известного места на другое, как может подумать кто-нибудь, но и всех учеников Своих, во все времена, этим воззванием привлекая от земли к небесам, и от земных благ к небесным.

Итак, последуем Слову, взыщем небесного покоя, отвергнем обилие земное; воспользуемся только тем, что есть в нем доброго; искупим души свои милостынями ([Дан.4:24](#)), дадим от имений своих бедным, дабы стяжать богатство небесное. Дай часть и души, не все одной плоти; дай часть и Богу, не все одному миру. Отними хоть что-нибудь у чрева и посвяти духу. Похить что-нибудь из огня и положи вдали от пожирающего пламени. Исторгни что-нибудь у жестокого мучителя и вверь Господу. «Давай часть семи», то есть этой жизни, и «восьми» ([Еккл.11:2](#)), то есть той жизни, в которую мы перейдем из здешней. Дай немногое Тому, от Кого получил несравненно больше. Отдай и все Даровавшему тебе все. Ты никогда не будешь щедрее Бога, хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя, ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человек получает от Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, – все еще больше того будет оставаться на тебе, и ничего не дашь ты своего, поскольку все от Бога. И как нельзя опередить своей тени, которая постольку подвигается вперед и поскольку мы идем вперед, всегда в равном расстоянии нам предшествует; как нельзя телу вырасти выше головы, всегда над ним возвышающейся, так и нам невозможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даем такого, что не принадлежало бы Ему, или что было бы вне круга Его щедрости. Помысли, откуда в тебе бытие, дыхание и само разумение? Откуда то величайшее преимущество,

что ты знаешь Бога и надеешься царствия небесного, достоинства равноангельского, созерцания славы, которое теперь – в зеркалах только и гаданиях ([1Кор.13:12](#)), а тогда будет совершеннейшим и чистейшим, – надеешься сделаться сыном Божиим ([Мф.5:9](#)), наследником Христу ([Рим.8:17](#)), и, скажу смелое слово, даже самим богом ([Ин.10:34–35](#))? Откуда имеешь ты все это и от кого? Или, – если обратиться к менее важным и видимым дарам, – кто дал тебе зреть красоту неба, течение солнца, круг луны, множество звезд, и во всем этом, как в звуках лиры, всегда одинаковую стройность и порядок; преемственность частей года, изменение времен, круговращение лет, соразмерность дня и ночи, произведения земли, разливание воздуха, широту волнующегося и потом спокойно стоящего моря, глубину рек, стремления ветров? Кто даровал тебе дожди, земледелие, пищу, художества, жилища, законы, гражданское устройство, безмятежную жизнь и тесные связи с родными? Откуда то, что некоторые животные сделались ручными и покорными тебе, а другие отданы тебе в пищу? Кто поставил тебя господином и царем над всеми тварями на земли? Кто, – скажу кратко, не исчисляя всего подробно, – даровал тебе все то, чем превосходит их человек? Не Тот ли, Кто больше всего и вместо всего ныне требует от тебя человеколюбия? Не стыдно ли нам будет, если столь много благ получив от Бога и столь много надеясь получить, не принесем Ему и этого одного дара – человеколюбия? Он отличил нас от зверей, и только одних нас на земле почтил даром разума; а мы ужели сами будем превращать себя в зверей? Ужели роскошь до того развратила нас, до того лишила ума, или... (но я уже не знаю, как это и выразить), что мы, имея лишний кусок и еще что-нибудь, столь же неважное, да и то может быть наживши неправдой, будем думать, что мы и по самой природе лучше этих несчастных? Ужели возмечтаем, что мы слишком высоки в сравнении с ними, что мы выше людей, как древние гиганты, которые, по сказанию баснословия, составляли особый род, отличный от прочих смертных, или как Неврод и сыны Енаковы ([Числ.13:34](#)), угнетавшие некогда Израиля, или как те исполины, которых злодеяниями низведен потоп для очищения земли? Ежели Бог и Владыка не стыдится называться отцом нашим; то мы ли отречемся от сродства с подобными нам?

Нет, друзья и братья! Не будем неправедными распорядителями вверенного нам, чтобы не услышать нам грозных слов Петра: «Постыдитесь вы, удерживающие у себя чужое, подражайте равной для всех благодати Божией, и тогда не будет ни одного бедного»⁸⁷. Не будем томить себя, собирая и сберегая сокровища, тогда как другие томятся от

нищеты, да не поразит нас жестокими укоризнами и угрозами божественный Амос, который вопиет: «слышите» ныне, «которые говорят: когда пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы» ([Амос 8:5](#))? и потом, в следующих далее словах, угрожает гневом Божиим людям, имеющим меру малую и меру великую. Да не обличит нас и блаженный Михей, который, укоряя иудеев за то, что они нежатся на одрах из слоновой кости, умащаются самыми дорогими ароматами, утучняют тело свое, питаясь нежным мясом тельцов от стад и козлиц от паств, сопровождают рукоплесканиями звуки органов, и потом еще сильнее порицая то, что они считают эти удовольствия постоянными и прочными, – осуждает роскошь (так как от пресыщений рождается обида) и присовокупляет к этому осуждению неумеренных удовольствий новое, вменяя может быть еще в большую вину то, что сластолюбцы, предаваясь удовольствиям, нисколько не состраждут «о бедствии Иосифа» ([Амос 6:4–6](#)). Да не постигнет и нас это осуждение! Не попустим себе до того забываться в наслаждениях, чтобы пренебрегать человеколюбием Бога, Который раздражается этим, хотя и не вдруг, не тотчас после преступления наводит гнев Свой на грешников.

Последуем высочайшему и первому закону самого Бога, Который посылает дождь на праведных и грешных и велит солнцу восходить одинаково над всеми ([Мф.5:45](#)), Который без всякого стеснения, предоставил всем, обитающим на суше, и землю, и источники, и реки, и леса, пернатым – воздух, живущим в водах – воду, Который всем людям даровал в изобилии первые потребности жизни, которые ни власти не подлежат, ни законом не ограничиваются, ни пределами государств не преграждаются, но предложены всем и каждому в богатой мере и между тем нисколько оттого не оскудевают. Так щедро всех людей наделил Бог, конечно, для того, чтобы равным разданием даров Своих показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благости Своей. А люди, зарыв в землю золото, серебро, дорогие и лишние одежды, камни-самоцветы и другие подобные драгоценности, – эти свидетельства брани, междоусобиц и древнего насилия захватчиков верховной власти, – после того, безумные, поднимают еще брови и бедствующим сродникам своим по естеству отказывают в милосердии, не желая даже излишками своими помочь им в нуждах их. Какое невежество! Какая глупость! Не говорю уже о другом, по крайней мере, то представили бы они, что бедность и богатство, свободное, в обыкновенном смысле понимаемое, состояние и рабство, и другие, подобные этим имена уже впоследствии появились в роде человеческом и как некоторые недуги вторглись вместе с неправдой,

которая и изобрела их. Сначала же, как сказано в Писании, не было так ([Мф.19:8](#)). Но Сотворивший человека вначале сделал его свободным, ограничив его только одним законом заповеди; сделал и богатым среди сладостей рая, а вместе с этим благоволил даровать эти преимущества и всему роду человеческому в одном первом семени. Тогда свобода и богатство заключались единственно в соблюдении заповеди; а истинная бедность и рабство – в преступлении ее. Но с того времени, как появились зависть и раздоры, как началось коварное владычество змия, непрестанно и неприметно привлекающего нас к злу лакомой приманкой удовольствия и вооружающего дерзких людей против слабых, – с того времени расторглось родство между людьми, отчуждение их друг от друга выразилось в различных наименованиях званий, и любостяжание, призвав и закон на помощь своей власти, заставило позабыть о благородстве естества человеческого. Ты же смотри на первоначальное равенство прав, а не на последовавшее разделение, не на закон властителя, а на закон Создателя. Помоги, сколько можешь, природе, почти первобытную свободу, уважь самого себя, покрой бесчестие, нанесенное роду твоему: окажи пособие в болезни, подкрепи в нужде. Ты здоров и богат? Так утешь болящего и бедного. Ты не испытал падения? Так подними упавшего и разбившегося. Ты весел? Так ободрь унывающего. Ты счастлив? Так облегчи участь удрученного несчастьем.

Воздай что-нибудь Богу в благодарность за то, что ты принадлежишь не к числу имеющих нужду в благодеяниях, а к числу тех, которые могут оказывать благодеяния, что не ты смотришь в чужие руки, а другие – в твои. Обогати себя не только имуществом, но и благочестием, не только золотом, но и добродетелью, или, лучше, только ею одной. Заслужи предпочтение перед ближним своим тем, что ты его благотворительное. Будь для несчастного богом, подражая милосердию Божию. Ибо ничто столько не уподобляет человека Богу, как благотворение, хотя Бог несравненно больше благодетельствует, а человек меньше и сообразно со своими силами. Бог сотворил человека и снова воссоставляет его из тления; а ты, по крайней мере, не презри падшего. Бог явил человеку величайшее милосердие, когда дал ему, кроме всего прочего, закон, пророков, и еще прежде того естественный закон – неписанный, этого испытателя дел наших, когда обличал, вразумлял, руководствовал людей и, наконец, предал самого Себя в жертву для искупления «многих, за жизнь мира» ([Мф.20:28](#); [Ин.6:51](#)); когда даровал нам апостолов, евангелистов, учителей, пастырей, исцеления, чудеса, возвращение к жизни, разрушение смерти, знамение победы над победившим нас, завет сени и завет истины, различные дары

Духа Святого и таинство нового спасения. А ты, если можешь оказывать высшие благодеяния, приносящие пользу душе (поскольку Бог наделит тебя и этим богатством, ежели только пожелаешь того), – не откажись и этим послужить нуждающемуся или лучше таковые-то благодеяния прежде всего и больше всего и оказывай просящему тебя, даже не ожидая его прошения; «всякий день милуя и займы давая» ([Пс.36:26](#)) слово и неопустительно взыскивая долг с лихвой, то есть с умножением назидания в пользовавшемся им, – лихвой, которую всегда прилагает к принятому слову тот, кто мало-помалу приумножает в себе семена благочестия. Если же ты этим не можешь служить ближнему, то оказывай ему хоть меньшие благодеяния, занимающие второе место и не превышающие силы твоей. Помоги ему, доставь пищу, подай рубище, принеси лекарство, перевяжи раны, расспроси о бедственном его положении, поговори о терпении; осмелся, подойди. Ты не унизишь себя этим; болезнь не пристанет к тебе, хотя и думают так люди слишком изнеженные, обольщенные пустыми предубеждениями; или, лучше сказать, хотя и стараются этим предлогом оправдать свою либо трусость, либо отвращение от благочестия, прибегая к боязливости, как будто к чему важному и мудрому. Относительно этого могут успокоить тебя и здравые рассуждения, и врачи, живущие в одном с больными доме их прислужники, из которых ни один еще, обращаясь с ними, не подвергался опасности. Но если бы и возбуждало такое сообщение страх и сомнения, – ты, раб Христов, боголюбивый и человеколюбивый, не будь побежден низким малодушием! Дерзай верой, победи боязнь состраданием, изнеженность – страхом Божиим, плотские расчеты – благочестием. Не презри брата твоего, не пробеги мимо него, не гнушайся им как нечистотой, как заразой, как чем-то отвратительным и отверженным. Это твой член, хотя и покривило его несчастье. «Тебе предает себя нищий» ([Пс.9:35](#)), как самому Богу, хотя ты и слишком надменно (может быть, хоть этими словами приведу тебя в стыд) проходишь мимо него. Тебе предлагается случай доказать свое человеколюбие, хотя и отвращает тебя враг от собственного твоего счастья.

Всякий мореплаватель близок к кораблекрушению; тем ближе, чем с большей отважностью плывет. Так и всякий обложенный телом близок к бедам телесным, и тем ближе, чем бесстрашнее ходит с поднятым челом, не смотря на лежащих перед ним. Пока плывешь при благоприятном ветре – подавай руку потерпевшему кораблекрушению; пока наслаждаешься здоровьем и богатством – помоги страждущему. Не дожидайся того, чтобы узнать из собственного опыта, какое великое зло есть бесчеловечие и какое великое благо есть сердце, открытое терпящим нужду. Не желай дожить до

того, чтобы Бог вознес руку Свою ([Пс.73:3](#)) на возносящих шею свою и пренебрегающих убогими. Вразумись чужими бедами. Дай хоть самую малость бедному: и то не будет малостью для того, кто во всем нуждается, и для самого Бога, если подаяние будет по силе. Вместо великого дара принеси усердие. Ничего не имеешь? Утешь слезой. Великое лекарство злополучному, когда кто от души пожалеет о нем; несчастье много облегчается искренним соболезнованием. Ты, человек, не должен считать человека хуже животного, которое закон велит тебе поднять, когда оно упадет в ров, или привести к хозяину, когда заблудится ([Исх.23:4.5](#); [Втор.22:4](#)). Не скрывается ли в этом повелении и другой, таинственный и глубочайший смысл, подобно как и во многих изречениях закона, отличающихся глубиной и двусмысленностью, – не мне проникать в это, а все испытующему и все знающему Духу. Я же, – насколько понимаю это, и насколько относится то к моему слову, – скажу, что здесь закон имеет целью – от милосердия к тварям малозначащим возвести нас к милосердию совершеннейшему и важнейшему. В самом деле, если мы обязаны и к бессловесным быть милостивы, то сколь же велика должна быть любовь наша к тем, кто одного с нами рода и достоинства? Так учат нас и разум, и закон, и справедливейшие из людей, которые полагают, что лучше благодетельствовать, нежели принимать благодеяния, и что милость дороже корысти.

Что ж сказать о наших мудрецах? Я не говорю о язычниках, которые, выдумывая богов – защитников страстей, и Кердою⁸⁸ воздают величайшие почести, и, что еще хуже того, поставляют законом (как это видим у некоторых народов) приносить людей в жертву некоторым из демонов, так что бесчеловечие входит у них в состав богопочитания, и такими жертвами как сами услаждаются, так и богам своим думают доставить удовольствие – злые жрецы и тайнослужители злых! Но вот что особенно достойно оплакивания: есть и между нашими братьями люди, которые так далеки от соболезнования и вспомоществования страждущим, что даже не стыдятся жестоко укорять их, нападают на них, придумывают пустые и ничтожные умствования, «как гласящие с земли» ([Ис.29:4](#)), говорят на ветер, а не для слуха водимого благим смыслом и привыкшего к истинам божественным. Они осмеливаются так судить: «Бог послал им несчастья, а нам счастье. И кто я, чтобы смел нарушать определение Божие и показывать себя милостивее Бога? Пусть их томятся, бедствуют, страдают! Богу так угодно». В этом только случае и показывают они себя богочтителем, где нужно им сберегать свои деньги и храбриться над несчастными! Но в самом деле они и не думают, что их благополучие

происходит от Бога, как это ясно видно из слов их. Ибо станет ли рассуждать подобно им о бедных тот, кто признает Бога подателем всего, чем он владеет? Кто действительно имеет что-нибудь от Бога, тот употребляет, что имеет, согласно с волей Божьей. С другой стороны, еще неизвестно и то, чтобы на бедных всегда насылал страдания сам Бог, потому что и телесное вещество, находящееся беспрестанно в каком-то течении, может само по себе быть причиной расстройств. И почему кто знает, что один наказывается за порочную жизнь, а другой возвышается, как достойный похвалы? А может быть и наоборот – этот возвышается именно потому, что он худ; а тот подвергается искушению за свою добродетель; этот выше возносится, чтобы и упасть сильнее, ему попускается наперед обнаружить, как некую болезнь, всю свою порочность, дабы тем справедливее было наказание, которое постигает его; а тот и сверх ожидания угнетается, дабы, искусившись «как золото в горниле» ([Прем.3:6](#)), очиститься и от малейшей, какая еще оставалась в нем, примеси зла (ибо никто, по естественному рождению, не бывает совершенно чист от скверны, как это слышим мы из Писания. ([Иов.14:4](#))) и явиться еще более достойным, так как и эту тайну нахожу я в Божественном Писании ([Прем.3:5](#)). Продолжительно было бы перечислять все глаголы Духа, сюда относящиеся. И кто сочтет песок морской, и капли дождя, и глубину бездны ([Сир.1:2.3](#))? Равным образом, кто может во всем исследовать глубину премудрости Бога, которой Он и сотворил все, и управляет всем так, как хочет и как знает? Довольно для нас, по примеру божественного апостола, удивляться только ей и почитать молчанием непостижимую и неудобозримую глубину ее. «О глубина богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» ([Рим.11:33](#)). «И кто уразумел дух Господа» ([Ис.40:13](#))? «Или в последней» премудрости Его «кто постигнет», как говорит Иов ([Иов.11:7](#))? «Кто мудр, чтобы разуметь это» ([Ос.14:10](#)), и кто отважится то, что выше всякой меры, измерять соображениями удобопостижимыми? Итак, пусть кто-нибудь будет на это смел и отважен, а лучше, если бы никто. Я же ни наказаний в здешней жизни не осмелюсь относить во всяком случае к пороку, ни спокойного состояния – к добродетели. Правда, бывает и здесь такое мздовоздаяние, и конечно, для некоторых полезных целей, дабы, с одной стороны, бедствия злых людей останавливали стремление порока, а с другой, благоденствие добрых облегчало путь добродетели, но это бывает не всегда и не вполне. Полное мздовоздаяние принадлежит единственно будущей жизни, где одни получают награды за добродетель, а другие – наказания за порок. Восстанут,

ибо сказано, «эти в воскресение жизни», эти «же в воскресение осуждения» ([Ин.5:29](#)). А для настоящей жизни – другой закон, другое ведение.

Впрочем, и в настоящей жизни все направлено к будущей. И что кажется нам неровным, – без сомнения, выравнивается у Бога. Подобно этому в теле есть части выдавшиеся и впалые, великие и малые, также на земле есть места возвышенные и низкие; но все это, во взаимном соотношении, образует и представляет нашим взорам прекрасное целое. Равно и у художника, сначала нестройное и неровное вещество, потом является весьма искусно обделанным, когда из него устроится какое-нибудь произведение; после чего и мы, увидев это произведение в совершенной красоте его, понимаем и признаем искусство художника. Так не будем же почитать Бога таким несовершенным художником, каковы мы; не будем находить неустройства в управлении миром потому единственно, что нам неизвестен образ управления. Но мы, – если нужно представить в подобии состояние нашего духа, – мы немного отличаемся от людей, страждущих на корабле тошнотой и головокружением, которые, кружась сами, думают, что и все кружится. Точно таковы те, о которых мы говорим. Они не хотят, чтобы Бог был мудрее их, когда у них кружится голова от недоумения о каком-нибудь происшествии. Вместо того, чтобы или самим потрудиться в изыскании причины его, в той надежде, что, может быть, трудолюбивому исканию откроется истина, или посоветоваться об этом с людьми, которые мудрее и духовнее их, так как и мудрость есть (одно из дарований, «и не у всех такое знание» ([1Кор.8:7](#)), или чистотой жизни уловить ведение и поискать премудрости у истинной Премудрости; они – какое невежество! – хватаются за то, что ближе к рукам, клеветуют, будто все в мире делается без причины, потому только, что сами ее не видят и, таким образом, от своего невежества делают мудрецами или от излишней, так сказать, мудрости, становятся лишенными мудрости и бессмысленными. Оттого некоторые ввели счастье и самослучайность⁸⁹, – такой вымысел, который подлинно только наудачу и как случилось слеплен. Другие придумали какое-то неразумное и неотклонимое владычество звезд⁹⁰, которые по своему произволу сплетают или, лучше сказать, невольно принуждены сплестать судьбу нашу; придумали соединения и противостояния каких-то блуждающих и неблуждающих тел небесных, и владычествующее над всем миром движение. Иные, поскольку не могли постигнуть и познать самого Промысла, внесли в бедный род человеческий свои мечты, какие кому воображались⁹¹, и

раздробили это на различные мнения и наименования. Были и такие, которые Промысл представляли слишком бедным⁹², и распространив управление Его только на то, что выше нас, не осмелились низвести Его до нас, более всего имеющих в Нем нужду, как будто боясь того, чтобы Благодетеля не показать слишком благим, когда будет слишком много существ, пользующихся Его благодеяниями, или чтобы не утомить Бога множеством благотворений. Но оставим этих безумцев, – как я уже и сказал, – самим себе; поскольку еще прежде нас хорошо отразило их слово Божие этим приговором: осуетилось «несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели и изменили славу нетленного Бога» ([Рим.1:21–23](#)), исказив какими-то баснями и тенями всеобъемлющий Промысл. Мы же, если только, как существа разумные и служители Слова, внимаем разуму, – не должны ни сами придумывать подобных чудовищных мнений, ни принимать людей, которые так думают, сколько бы ни был оборотлив язык их в составлении нелепых умствований и учений и сколько бы ни была обольстительна новость их вымыслов. Напротив, мы должны верить, что есть Бог Творец и Создатель всех существ; ибо как могла бы и существовать Вселенная, если бы кто не осуществил ее и не привел в стройный состав? Должны верить, что есть Промысл, все содержащий и все связывающий в мире; ибо для тех существ, для которых необходим Творец, необходим вместе и Промыслитель, иначе, Мир, носимый случаем, как вихрем корабль, должен бы был, по причине беспорядочных движений вещества, мгновенно разрушиться, рассыпаться и возвратиться в первоначальный хаос и неустройство. Мы должны также верить, что наш Творец, или Зиждитель (все равно тем ли, или другим именем назовешь Его) особенным образом печется о нашей участи, хотя жизнь наша и проводится среди различных противностей, причины которых для того, может быть, и остаются неизвестными, чтобы мы, все постигая их, тем более удивлялись над всем возвышенному Уму. Ибо все, что мы легко понимаем, легко и пренебрегаем; а, напротив, что выше нас, то, чем неудобопостижимее, тем больше возбуждает в нас удивление; и все, что убегает от нашего желания, тем самым воспаляет к себе сильнейшую любовь.

Поэтому не будем ни слишком высоко ценить во всяком случае здоровье, ни слишком осуждать болезни, не будем прилепляться к скороотекающему богатству ([Пс.61:11](#)), и более надлежащего прилагать к этому потоку свое сердце, тратя на это, так оказать, нечто из существа души нашей. Не будем восставать и против бедности, как против доли, заслуживающей презрение, проклятие и ненависть. Научимся лучше и

презирать безумно употребляемое здоровье, которого плод – грех, и уважать благочестиво переносимую болезнь, почитая тех, которые страданием приобрели победу, почем знать, не кроется ли между болящими какой-нибудь Иов, который несравненно больше достоин чести, чем здоровые, хотя и соскребают с себя гной, и томится день и ночь под открытым небом, страдая и от язв, и от жены, и от друзей. Научимся отметать и неправедное богатство за которое праведно «мучается в пламени» ([Лк.16:24](#)) богач, прося для прохлаждения малую каплю воды; и вместе, ублажать благодарную и любомудрую бедность, с которой Лазарь спасается и богато награждается упокоением в недрах Авраама.

Таким образом, человеколюбие и благосердие к бедным, кажется, нужно нам и для того, чтобы заградить уста неправомыслящих о нем и не уступать суетным их мудрованиям, которые мы теперь рассматривали, то есть не обращать жестокости в закон во вред самим себе. Но больше всего почтим здесь заповедь и увещания слова Божия. Какая же это заповедь? Посмотрите, как постоянно внушают ее мужи боговдохновенные, и как она близка их сердцу. Не так они возвещают ее, чтобы раз или два поговорили что-нибудь о бедных, и потом отступились; не так, чтобы одни упоминали о милосердии, а другие нет, или некоторые говорили о нем больше, а другие меньше, как будто бы оно не было важным и крайне нужным предметом. Нет, они все, и каждый в особенности, почитая эту заповедь главной, или одной из главных, с ревностью побуждают нас к исполнению ее то увещаниями, то угрозами, иногда упреками, а иногда и похвалами милосердным, и все это для того, чтобы непрестанными напоминаниями об этой заповеди усилить ее действие в сердцах наших. Сказано: «страсти ради страдания нищих и воздыхания бедных, ныне восстану, говорит Господь» ([Пс.11:6](#)). Кто же не убоится восстающего Господа? И в другом месте: «восстань, Господи, Боже мой, вознеси руку Твою, не забудь угнетенных» ([Пс.9:33](#)). Отклоним молитвой такое возвышение руки Божией и не пожелаем видеть ее возносимой на непокорных или, что еще тягостнее, наводимой на жестокосердых. И еще: «не забывает вопля угнетенных; не навсегда забыт будет нищий» ([Пс.9:13, 19](#)); «очи Его на нищего зрят» ([Пс.10:4](#)); а такое призрение лучше и превосходнее, нежели принижение веждей. «Вежды же Его испытывают сынов человеческих», что есть уже как бы низшее и второстепенное назирание. Но может быть, скажет кто-нибудь, что здесь говорится о нищих и убогих, неправедно притесняемых. Не спорю; но и это самое должно побудить тебя к человеколюбию. Если так много печется Господь о бедных, когда их обижают; то конечно еще больше наградит

тебя за них, когда они получают от тебя благодеяния. Кто «ругается над нищим, тот хулит Сотворившего его» ([Притч.17:5](#)); то пекущийся о творении чтит Творца. Опять, когда ты слышишь слова: «богатый и бедный встречаются друг с другом: того и другого Господь создал» ([Притч.22:2](#)), то не думай, будто Господь создал одного нищим, а другого богатым для того, чтобы ты еще больше мог нападать на нищего, ибо неизвестно, от Бога ли произошло такое разделение. В этих словах Писания показывается только то, что и нищий, и богатый равно созданы Богом, хотя и неодинакова внешняя их участь. Пусть это подвигнет тебя к состраданию и братолюбию, и если бы когда при взоре на свое богатство ты возгордился, то пусть мысль об общем Создателе смирит тебя и введет в пределы скромности. Что ж еще? «Благотворящий бедному дает займы Господу» ([Притч.19:17](#)). Кто не пожелает иметь такого должника, который отдаст долг во время свое с лихвой? И опять «милосердием и правдою очищается грех» ([Притч.15:27](#)). Итак, очистим себя милосердием, отрем этим прекрасным знаком нечистоты и скверны душевные и убедимся, одни – как волна, другие – как снег ([Ис.1:18](#)), по мере благосердия нашего!

Скажу нечто еще более поразительное. Если у тебя нет ни сокрушенных членов, ни струпа, ни язвы, ни раны воспаленной ([Ис.1:6](#)), нет никакой проказы душевной, или осязаемого знамения, или блеска ([Лев.13:2](#)), что только отчасти очищает закон, и что может исцелить один Христос, то тем не менее почти Того, Кто претерпел за нас язвы и болезни. Почтешь же Его тогда, когда явишься милостивым и человеколюбивым к члену Христову. Если же разбойник и мучитель душ наших или на пути твоём из Иерусалима в Иерихон, или в другом каком-либо месте, напав на тебя безоружного и неготового к обороне, до того, может быть, изранил тебя, что ты должен сказать: «смердят и гноятся раны мои, от безумия моего» ([Пс.37:6](#)); если ты в таком состоянии находишься, что ни врачевания не ищешь, ни средства к исцелению твоему не знаешь – ах! это уже подлинно великая язва и крайнее бедствие. Но когда ты еще не вовсе предался отчаянию и не сделался совершенно неисцелимым, прибеги ко Врачу, умоляй Его, лечи язвы язвами, привлеки подобное подобным или, лучше сказать, меньшими средствами уврачуй большие болезни. И он «скажет душе твоей: «Я – Спасение твое"»" ([Пс.34:3](#)); «вера твоя спасет тебя» ([Лк.7:50](#)); «ты выздоровел» ([Ин.5:14](#)) и утешит тебя всей сладостью слов человеколюбия, если только увидит, что и ты человеколюбив к болезнующим.

«Блаженны», говорит Он, «милостивые, ибо они помилованы будут» ([Мф.5:7](#)); видишь, что между блаженствами не последнее место занимает

милость. Также: «блажен, кто помышляет о нищем и бедном» ([Пс.40:1](#)); «блажен муж милует и займы дает» ([Пс.111:5](#)); «всякий день милует и займы дает» ([Пс.36:26](#)). Восхитим же блаженство, сослужим наименование разумевающих, сделаемся благими; сама ночь да не прервет дел милосердия. «Не говори: пойдя и придя опять, и завтра я дам» ([Притч.3:28](#)). Не допускай ни малейшего промежутка между благим намерением и благотворением. Вот одно, что не терпит отсрочки, – человеколюбие. «Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом твой» ([Ис.58:7](#)); и все это делай радушно. «Благотвори», сказано, «с радушием» ([Рим.12:8](#)); таким образом готовность твоя усугубит цену доброго твоего дела. Ибо что делается с печалью или по нужде, то не может быть приятным и изящным; оказывая благодеяния, должно радоваться, а не сетовать. «Когда удалишь от себя ярмо и рукобиение», то есть мелкую расчетливость, разведывания и сомнения, и «глагол роптания»: что будет тогда? Какое чудное и великое воздаяние! Какая и сколь богатая награда! «Тогда взойдет свет твой во тьме, и исцеление твое скоро воссияет» ([Ис.58:9.8](#)). Кто же не пожелает себе света и исцеления?

Но с таким же благоговением взираю и я на ковчежец Христов ([Ин.12:6](#)), побуждающий нас к питанию нищих; и на согласие Павла и Петра в том, что они, разделив между собой проповедь Евангелия, общими силами пеклись о бедных; и на указанный юноше предел и закон совершенства; «имение твое раздай нищим» ([Мф.19:21](#)). Не думаешь ли ты, что человеколюбие есть для тебя не необходимость, а дело произвола, не закон, а совет? Я и сам весьма желал бы так думать; но меня устрашают: левая сторона и козлища, и укоризны, которые услышат они от Поставившего их влево. Они осуждены будут не за грабительство, не за святотатство, не за прелюбодеяние или другие грехи, запрещенные законом, а за то, что не послужили Христу в лице бедных.

Итак, ежели вы, рабы и братия, и сонаследники Христа, сколько-нибудь имеете ко мне послушания, то пока еще есть время посетим Христа, послужим Христу, напитаем Христа, оденем Христа, примем Христа, почтим Христа – не только трапезой, как некоторые; не маслами благовонными, как Мария; не гробом только, как Иосиф Аримафейский; не веществами нужными при погребении, как Никодим, в половину только показавший любовь свою ко Христу; не золотом, ладаном и смирной; как еще прежде – волхвы, но поскольку Владыка всяческих «милостей хочет, а не жертвы» ([Мф.9:13](#)), и милосердие дороже «тысяч тучных агнцев» ([Дан.3:40](#)), то это-то милосердие и принесем Ему в лице бедных и долу

влачащихся ныне, чтобы тогда, как мы отойдем отсюда, они приняли нас «в вечные обители» ([Лк.16:9](#)), в самом Христе, Господе нашем, Которому слава вовеки, аминь.

Слово 15

Произнесенное в присутствии отца, который безмолвствовал от скорби, после того как град опустошил поля

Для чего расстраиваете достохвальный порядок⁹³? для чего принуждаете говорить язык, покорный закону? Для чего вызываете слово, непротивоборствующее духу? Для чего, оставив главу, обращаетесь к ногам? Для чего, миновав Аарона, приходите к Елеазару? Я не согласен, чтобы источник был загражден, а ручей тек, чтобы солнце скрылось, а звезда сияла, чтобы седина уступила, а юность давала законы, чтобы мудрость умолкла, а неопытность величалась. Без сомнения, большой дождь не полезнее малого; один силен, смывает землю и во всем вредит земледельцу, а другой идет тихо, проникает в глубину, утучняет ниву, приносит пользу оратаю, питает колос во время созревания плода. Так и обильное слово не полезнее мудрого: доставив, может быть, несколько удовольствия, оно улетает и исчезает вместе с колебанием воздуха, не производя ничего больше, и только очаровывает красноречием пленяющийся им слух; а мудрое слово проникает в ум, расширив уста, исполняет их духом, переживает свое рождение и немногими слогами возделывает многое. Не говорю еще об истинной и первой мудрости, в которой преимуществует дивный этот делатель и пастырь⁹⁴.

Первая мудрость есть жизнь похвальная, очищенная или очищаемая для пречистого и пресветлого Бога, Который требует и от нас одной жертвы – очищения, – жертвы, обыкновенно называемой в Писании «сердцем сокрушенным» ([Пс.50:19](#)), «жертвой хвалы» ([Пс.49:14, 23](#)), «новой во Христе тварью» ([Гал.6:15](#)), «новым человеком» ([Еф.4:24](#)), и тому подобно. Первая мудрость – презирать ту мудрость, которая состоит в одних словах и оборотах речи, в обманчивых и излишних противоположениях. Лучше мне пять слов сказать в Церкви с разумом, нежели тысячи одним языком ([1Кор.14:13](#)) и невразумительным звуком трубы, который не возбуждает моего воина к духовной брани. Я хвалю и лобызаю ту мудрость, которой прославились незнатные, для которой предпочтены уничиженные, с которой рыбаки уловили в сети Евангелия всю Вселенную, победив упраздняемую мудрость словом совершенным и сокращенным ([Рим.9:28](#)). Не тот для меня мудрец, кто мудр на словах, у кого оборотлив язык, а душа не обучена, кто подобен гробам, которые

снаружи благообразны и красивы, а внутри полны мертвых костей и скрывают в себе великое зловоние, – но тот, кто хотя мало говорит о добродетели, однако же многое показывает на деле и жизнью удостоверяет в слове. Для меня лучше красота видимая, нежели изображаемая словом, лучше богатство, которое уже в руках, нежели воображаемое во сне, лучше мудрость не словом блистающая, но свидетельствуемая делами. Ибо сказано: «разум верный у всех исполняющих заповеди» ([Пс.110:10](#)), а не у проповедующих. Самое верное испытание этой мудрости – время, а истинный «венец славы – седина» ([Притч.16:31](#)). Ибо хотя не должно ублажать человека «прежде смерти» ([Сир.11:28](#)), как думаю с Соломоном, – не известно, что «родит завтрашний день» ([Притч.27:1](#)), потому что земная жизнь наша подвержена многим переворотам, и тело смирения туда и сюда порывается и изменяется: впрочем, кто провел большую часть жизни неукоризненно и близок уже к пристани этого общего моря жизни, тот не безопаснее ли и не счастливее ли других, которым предстоит далекое плавание?

Итак, не закрывай уста, которые вещали так много доброго, от которых так много плодов и порождений правды. Сколько от них чад, какие от них сокровища, – возведи окрест очи твои и виждь! Весь народ этот родил ты благовествованием во Христе! Не лишай нас более своих полезных, хотя и немногих слов, не полагай начала близкой уже потери. Изреки слово, хотя краткое, но для меня любезное и весьма приятное, хотя неощущаемое слухом, но познаваемое по тому духовному воплю который Бог слышит от безмолвствующего Моисея и беседующему умно говорит: «что вопиешь ко Мне» ([Исх.14:15](#))? Собери народ этот для меня, твоего питомца, потом пастыря, а ныне первопастыря. Научи меня пастырству, народ этот – благопокорности. Полюбомудрствуй о настоящем бедствии, о судах Божиих праведных, постигаем ли мы их, или не знаем великой бездны; о том, как у Господа, по слову святого Исаии, и «суд поставлен мерилom» ([Ис.28:17](#)), потому что благодать Его не безрасчетна (хотя казалась такой начавшим ранее трудиться в винограднике и не приметившим неравенства в самом равенстве). Полюбомудрствуй о том, как гнев Божий, называемый «чашею в руке Господа» ([Пс.74:9](#)) и «чашею падения испиваемой» ([Ис.51:17](#)), соразмеряется с грехами, потому что Господь, хотя у всех убавляет нечто из заслуженного ими наказания и нерастворенное вино гнева растворяет человеколюбием ([Пс.74:9](#)); впрочем от строгости преклоняется на милость только для тех, которые вразумляются страхом, и от малой скорби «приемлют во чреве» обращение, и «болят» им, и «рождают» совершенный «дух спасения»

([Пс.74:9](#)); а блюдет и без остатка изливает дрожи, то есть конечный гнев на тех, которые не исцеляются Его благостью, но еще ожесточаются, подобно тяжкосердому фараону, обременяющему горькими работами и соблюденному в показание силы Божией над нечестивыми ([Ис.9:16](#)). Скажи: отчего такие удары и бичи? Где их основание? Следствие ли это беспорядочного и неправильного движения Вселенной, неуправляемого и неразумного течения вещей, как будто нет над ними Правителя, и дело ли это случая, как думают немудрые мудрецы, слепо увлекаемые беспорядочным и темным духом? Или все с разумом и в порядке, как сначала произведено, прекрасно растворено, совокуплено и приведено в движение по законам, известным единому Приведшему все в движение, так и после движется и изменяется, управляемое браздами Промысла? Отчего неурожаи, тлетворные ветры, град, настоящее наше поражение и вразумление? Отчего порча в воздухе, болезни, землетрясения, волнения морей и небесные явления? Как тварь, созданная в наслаждение людям, этот общий и равный для всех источник удовольствий, обращается в наказание нечестивых, чтобы мы тем же самым, чем были почтены и за что оказались неблагодарными, теперь вразумились и познали силу Божию в злостраданиях, когда не познали ее в благотворных действиях? Как одним воздаются «от руки Господней грехи двойные» ([Ис.40:2](#)), и мера беззакония восполняется этим усугублением (чем и Израиль уцеломудривается); а для других грехи исчерпываются «семикратным воздаянием в недро их» ([Ис.78:12](#))? И что значит мера амореев еще не исполнившаяся ([Быт.15:16](#))? Как грешник или оставляется без наказания, может быть, потому, что блюдетя для будущего, или наказывается опять для того, чтобы ему излечиться здесь? И как праведник или злостраждет, а через это, может быть, испытывается, или благоденствует и тем охраняется, если он беден умом, и не очень возвысился над видимым, чему каждого из нас учит совесть; это домашнее и неложное судилище! Что значит постигший нас удар, и отчего он? Испытание ли это добродетели или истязание за грехи? Но хотя бы и не было это наказанием, – лучше принять за наказание и смириться под крепкую руку Божию, нежели превозноситься этим, как испытанием. Научи же этому и вразуми нас, чтобы и не слишком болезнен был для нас настоящий удар и чтобы нам не презреть его, впад в глубину зол (ибо и таким недугом страждут многие), но чтобы благоразумно принять вразумление, и бесчувственностью к нему не навлечь на себя чего-либо большего.

Ужасно видеть бесплодие земли и погибель плодов и притом в какое время? Когда уже плоды радовали надеждой и близки были к собиранию.

Ужасно видеть безвременную жатву, видеть как земледельцы скорбят о трудах, и будто над мертвецами, сидят над стеблями, которые тихий дождь взрастил, а сильный пожал, с которых «жнец не наполнит руки своей, и вяжущий снопы горсти своей», над которыми не слышно было благословения, каким приветствуют земледельцев «проходящие мимо» ([Пс.128:7–8](#)). Жалкое зрелище – земля поруганная, остриженная, лишенная украшения своего! Это оплакивает и блаженный Иоиль, трогательнее других изобразивши опустошение земли и мучительность голода; оплакивает и другой пророк, противопоставляющий прежней красоте земли последовавшее безобразия. Рассуждая о гневе Господа, опустошающего землю, Пророк говорит: «перед ним земля как сад, а позади опустошенная степь» ([Иоил.2:3](#)). Тягостно, чрезмерно тягостно это, пока печалит одно настоящее и не беспокоит ощущение другого тягчайшего удара, как и в болезнях настоящее страдание всегда болезненнее ненаступившего. Но и этого тягостнее то, что заключают в себе сокровищницы Божия гнева. Да не испытаете вы этого! И конечно, не испытаете, если прибегнете в милосердию Божию, слезами преклоните к себе Того, Кто «милости хочет», и остаток гнева отворотите от себя обращением. Это – еще кротость и человеколюбие, снисходительное вразумление, первые удары пестуна, образующего младенчество, это еще «дым гнева», то есть начаток истязания, а не «огонь воспламенившийся», то есть не самый верх гнева, не «угли горячие», то есть не последние удары бича ([Пс.17:9](#)). Бог отчасти угрозил нам, отчасти простер на нас бич, от иного удержался силой, иному подверг нас, равно вразумляя и наказанием, и угрозой, и пролагая путь гневу Своему, Он, по преизбытку благодати, начинает с меньшего, чтобы не иметь нужды в большем. Но Он наказывает и большим, если бывает к тому вынужден.

Знаю это «оружие очищенное» ([Пс.7:13](#)), этот «упивающийся меч на небесах» ([Пс.34:5](#)), которому повелено сечь, «изничтожать», обесчадить ([Иез.21:10](#)), не миловать ни тел, ни мозгов, ни костей. Знаю, что Бесстрастный, как «медведица, лишенная детей», и «как рысь», встречающая «на пути ассириев» ([Ос.13:7–8](#)), не древних только, но и всякого, кто ныне ассириянин беззаконием; и что нельзя убежать от крепости и скорости гнева Его, когда Он бодрствует над нашими нечестиями, и когда врагов Его преследует ревность, готовая «пожрать противников» ([Евр.10:27](#)). Знаю это «разграбление, и опустошение, и разорение, и сердца сокрушение, и расслабление колен» ([Наум.2:10](#)), и другие подобные наказания, постигающие нечестивых. Не говорю уже о тамошних судилищах, которым предаются пощаженные здесь, почему

лучше здесь подвергнуться вразумлению и очищению, нежели претерпеть истязание там, когда настанет время наказания, а не очищения. Ибо как выше смерти «поминали» здесь «Бога» (о чем прекрасно любомудрствует Давид), так для отшедших отсюда нет «исповедания» и исправления «во аде» ([Пс.6:6](#)); потому что Бог ограничил время деятельной жизни здешним пребыванием, а тамошней жизни предоставил исследование сделанного.

Что мы сотворим в «день посещения», которым устрашает один из пророков ([Ис.10:3](#); [Сир.2:2](#)), или в день состязания Божия с нами (на горах ли и холмах оно будет, как мы слышали ([Мих.6:2](#)), или в другом каком-либо месте, и каким ни есть образом), когда Бог будет обличать нас, Сам противостоянет нам, поставит перед лицами нашими грехи наши, – этих тяжких обвинителей, – когда полученные нами благодеяния противоположит нашим беззакониям, будет одно помышление поражать другим помышлением, и одно дело осуждать другим делом, когда взыщет с нас за то, что достоинство образа Его поругали и омрачили мы грехом, и, наконец, предаст нас казни, после того как обличим и осудим сами себя, и нельзя уже будет сказать нам, что страждем несправедливо? Для страждущих здесь это служит иногда утешением в осуждении, но там кто будет заступником? Какой вымышленный предлог, какое ложное извинение, какая хитро придуманная вероятность, какая клевета на истину обманет судилище и превратит суд правый, где у всякого кладется на весы все; – и дело, и слово, и мысль, где взвешивается худое с добрым, чтобы тому, что перевесит и возьмет верх, и с тем чего больше, соображаться приговору, после которого нельзя ни перенести дела в другое судилище, ни найти высшего судии, ни оправдаться новыми делами, ни взять елея для угасших светильников у мудрых дев или у продающих, после которого не помогает раскаяние богатого, страждущего в пламени и заботящегося об исправлении родных, и не дается срока к перемене жизни? Напротив, суд этот будет единственный, окончательный и страшный, а еще более праведный, нежели страшный, или, лучше сказать, потому и страшный, что он праведен. Тогда поставятся престолы, Ветхий днями сядет, раскроются книги, потечет река огненная, предстанут перед взорами свет и тьма уготованная, «и изыдут творившие добро в воскресение жизни», который ныне сокровен во Христе напоследок же с Ним явится, а «творившие зло в воскресение осуждения» ([Ин.5:29](#)), которым осудило уже неверовавших судящее им слово ([Ин.12:48](#)). И первые наследуют неизреченный свет и созерцание Святой и царственной Троицы, Которая будет тогда озарять яснее и чище и всецело соединится со всецелым умом (в чем едином и поставляю особенно царствие небесное); а уделом

вторых, кроме прочего, будет мучение, или, вернее сказать, прежде всего прочего, – отвержение от Бога и стыд в совести, которому не будет конца.

Все это будет после. Что же теперь сотворим, братья, сокрушенные, уничиженные и упоенные не секирой и не вином, которое расслабляет и омрачает ненадолго, но бедствием, которое навел на нас Господь, сказавший: «и ты, сердце, поколебись и сотрясись» ([Авв.2:16](#)), и напаивающий духом скорби и сокрушения, презрителей, которым говорит: «посмотрите и внимательно взгляните, и вы сильно изумитесь и исчезнете» (1:5)? Как стерпим Его обличение? Или какой дадим ответ, когда сверх множества благодеяний, за которые мы не возблагодарили, с укоризной укажет нам и на эти наказания, исчислит лекарства, от которых мы не исцелились, назовет нас хотя чадами, но порочными, хотя сынами, но чуждыми и хромающими по причине непроходимости и кривизны путей своих, и скажет: «Как и чем надлежало вразумить вас, и Я не вразумлял? Нужны ли были способы лечения легчайшие? Они употреблены Мною. Миновал Я первую казнь египетскую – кровь, которую египтяне пили из источников и рек всякого собрания вод; миновал также и следующие казни – жаб и скнипов и песиих мух, начал же с пятой казни – с поражения скотов, и волов, и овец, нанес удар бессловесным, потому что щадил еще словесных. Но на вас не подействовало это бедствие, напротив, вы были предо Мною неразумнее и бессмысленнее пораженных. «Удерживал дождь от вас. Один участок напоаем был дождем, а другой, не окропленный дождем, засыхал» ([Амос 4:7](#)), но вы сказали: «укрепимся» ([Иер.18:12](#)). Я навел на вас град, вразумляя противоположной казнью; пожал у вас виноградники, рощи и плоды, но и тем не сокрушил вашей злобы. «Но лоб твой медный, и в шее твоей жилы железные»» ([Ис.48:4](#)), – так, может быть, скажет Он и мне, которого не исправляют сии удары. – «Грабитель грабит, опустошитель опустошает» ([Ис.21:3](#)), ничего не произвели и вразумление свыше и небесные кары. «Раздувальный мех обгорел, истлел свинец от огня», – в чем и прежде упрекал вас через Иеремию, – «плавильщик плавил напрасно, ибо злые не отделились» ([Иер.6:29](#)). «Ужели стерпите гнев Мой? – говорит Господь. – Или рука Моя не сильна нанести новые удары? У Меня есть еще и гнойные струпья, «воспаление от пепла печного» ([Исх.9:9](#)), который бросил к небу Моисей или другой подобный ему служитель гнева Божия, и наказывает Египет болезнью. У Меня есть и саранча, и тьма осязаемая, и казнь последняя по счету, но первая по тяжести и силе, – поражение и гибель первородных».

Во избежание ее и в отвращении всегубителя, лучше помазать нам пороги ума, то есть созерцание и деятельность, этой великой и

спасительной печатью – кровью Нового Завета, вместе со Христом распявшись и с Ним умерши, чтобы с Ним и совоссат и прославиться ныне и в последнее Его явление, а не изнемогать, не сокрушаться и не плакать, когда безвременно и еще в этом темном житии поразит нас лукавый губитель первородных и посвященных Богу порождений и движений жизни нашей. О если бы мне от Благого, Который идет «в ярости против меня» ([Лев.26:24](#)), потому что и я ходил против него, кроме других ударов, не получить и этого упрека: «Я поражал вас ржою и блеклостью хлеба», и все это ни во что; «отвне обесчуди вас меч, и при всем том вы не обратились ко Мне, говорит Господь» ([Плач.1:20](#); [Амос.4:9–10](#))! О, если бы мне не стать тем виноградником Возлюбленного ([Ис.5:1](#)), который был насажден и окопан, обнесен оградой, защищен башней и всем, чем только можно, но запустел и «принес дикие ягоды», а за это оставлен, так что и башня разрушена в нем, и ограждение отнято, и он не обрезывается и не вскапывается, а предается всем на разграбление, всякое поругание и попрание! Этого я боюсь, об этом у меня слово, об этом я болезную при настоящем поражении и такую возношу молитву (которую и присовокупляю к сказанному): «Согрешили мы, поступали незаконно, действовали нечестиво» ([Дан.9:5](#)), потому что забыли заповеди Твои и ходили вслед лукавого сердца своего, потому что жили недостойно звания и благовествования Христа Твоего, и святых Его за нас страданий и истощения, потому что сделались поношением для Возлюбленного Твоего. И священник, и народ погрешили в одном: «все уклонились, сделались равно непотребными. Нет творящего» суд и правду, – «нет ни одного» ([Пс.52:4](#)). Щедроты Твои и человеколюбие Твое и милостивую утробу Бога нашего заключили мы для себя своими пороками, лукавством начинаний своих. Ты благодатен, а мы поступали незаконно; Ты долготерпелив, а мы достойны наказания. Признаем благодать Твою, при всем своем неразумии. Еще за немногие грехи свои понесли мы наказание. «Ты страшен, и кто устоит пред лицом твоим» ([Пс.75:8](#))? От Тебя вострепещут горы, и величию мышцы Твоей кто воспротивится? Если заключишь небо, – кто откроет? И если растворишь водохранилища Твои, – кто удержит? Легко перед очами Твоими «делать нищими и обогащать, оживлять и умерщвлять» ([1Цар.2:6.7](#)), поражать и исцелять. Твое изволение есть уже совершенное действие. Ты разгневался, «и мы согрешили» ([Ис.64:5](#)), – исповедуется некто из древних; а мне теперь должно сказать наоборот: мы согрешили, и Ты разгневался. От этого «мы сделались посмешищем у соседей наших» ([Пс.78:4](#)). Ты отвратил от нас лицо Свое, и мы исполнились бесчестия. Но «останови, Господи»

([Амос.7:5](#)), «отступи, Господи» ([Пс.38:14](#)), «очисти, Господи» ([Дан.9:19](#)), не предай нас до конца за беззакония наши, и не нас поражая, вразумляй других, когда сами можем уцеломудриться, видя наказанными других! Кого же увидим наказанными? Язычников, не знающих Тебя, – и царства, не покорившиеся державе Твоей. А мы – народ Твой, Господи, и жезл наследия Твоего, поэтому «накажи нас, Господи, но по правде, а не в гнев Твоем, чтобы, не умалить нас» ([Иер.19:24](#)) и да не уничижить перед всеми живущими на земле».

Такими словами привлекаю милость. А если бы всеожжениями и жертвами можно было утолить гнев, то не пожалел бы и этого. Но вы и сами подражаете уstraшенному священнику. Ей, чада возлюбленные, ей, участвующие со мной и в наказании и в человеколюбии Божиим! Спасите души свои слезами, остановите гнев, исправив начинания свои, «назначьте пост, объявите собрание», как повелевает вам с нами блаженный Иоиль, «соберите старцев, и грудных младенцев» – этот жалкий возраст, особенно достойный Божьего человеколюбия ([Иоил.2:15–16](#)). Знаю, что то же заповедано и мне, служителю Господню, и вам, удостоенным этой же чести: «войти во вретницах, биться день и ночь между притворам и жертвенником» ([Иоил.1:13, 2:17](#)) и в жалком виде еще более жалостным голосом неотступно вопиять о себе и о народе, не щадя ни труда, ни слова, ни всего, чем только умиливается Бог, взывать: «пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание» ([Иоил.2:17](#)), и так далее; тем большей предаться скорби, чем выше наше достоинство, чтобы своим примером научить народ сокрушению и исправлению порочной жизни, за которыми следует Божие долготерпение и прекращение наказания. Итак, «придите все, братия, поклонимся и припадем, и восплачем перед Господом, сотворившим нас» ([Пс.94:6](#)); составим общий плач, разделившись по возрастам и полам. Возвысим глас моления во уши Господа Саваофа вместо ненавистного Ему вопля ([Быт.19:13](#)). Предварим гнев его исповеданием, и как видели Его разгневанного, так пожелаем видеть умиливленным.

Но скажешь, кто знает, что Он «обратится и раскается» ([1Цар.15:29](#)) и оставит благословение? Достоверно знаю это я – споручник Божия человеколюбия, – знаю, что, оставив гнев, который Ему противоестествен, даст Он место милости, которая Ему естественна. К гневу принуждаем Его мы, а к милости и сам Он стремится. И если бьет принужденно, то ужели не помилует, следуя Своему естеству? Помилуем только сами себя, открыв путь праведному благоупотреблению Отца. Посеем слезами да с радостью пожнем ([Пс.125:5](#)). Будем ниневитянами, а не содомлянами. Уврачуем

грех, чтобы со грехом не погибнуть, послушаем Иониной проповеди, чтобы не потопил нас огонь и жупел. И если вышли мы из Содома, то пойдем на гору, убежим в Сигор, взойдем туда с восходящим солнцем; не будем останавливаться нигде «в окрестности сей», не будем «оглядываться» ([Быт.19:17](#)), чтобы не отвердеть в соляной столп, – столп подлинно бессмертный, обличающий душу, обращающуюся к злу.

Знаем, что вовсе не грешить – действительно выше человека, и принадлежит одному Богу (не стану говорить об ангелах, чтобы не дать повода страстям и не отворить двери злонамеренным противоречием); но как неисцельность свойственна злой и враждебной природе, а равно тем, которые действуют под ее влиянием, так, согрешив, обратиться – свойственно людям, впрочем благопокорным и принадлежащим к части спасаемых. Хотя плоть эта и влечет с собой некоторое зло, и «земная хранина подавляет ум» ([Прем.9:15](#)), стремящийся горе или сотворенный стремиться горе; однако же образ (Божий) да очищает тьму и да возводит на высоту сопряженную с ним плоть, поднимая ее на крыльях ума. Хотя лучше бы нам не иметь и нужды в таком очищении и не очищаться, сохраняя первобытное свое достоинство (к которому и поспешаем из темницы здешней жизни), лучше бы не лишать себя древа жизни горьким вкушением греха; однако же и обратиться, согрешив, лучше, нежели падшему оставаться без наказания. «Ибо Господь кого любит, того наказывает» ([Евр.12:6](#)), и подвергать наказанию есть отеческое дело; напротив, всякая душа, оставляемая без вразумления, делается неисцелимой. Поэтому не то тяжело, чтобы терпеть удары, но гораздо тяжелее не уцеломудриться под ударом. Один из пророков, рассуждая об ожесточенном и необрезанном в сердце Израиле, говорит: «Господи! Ты поражаешь их, а они не чувствуют боли, истребляешь, а они не хотят принять вразумение» ([Иер.5:3](#)); и еще: «народ не обращается к Бьющему его» ([Ис.9:13](#)); и еще: «отвратился народ Мой отвращением лукавым» (8:5), которое, наконец, сокрушит их и погубит. И так «страшно», братия, «впасть в руки Бога живого» ([Евр.10:31](#))! «Страшно лице Господне против творящих зло», которое решительно истребляет память о них ([Пс.33:17](#)). Страшен слух Божий, который ощущает глас Авелев, даже в безмолвной крови ([Быт.4:10](#)). Страшны ноги, наступающие беззаконие. Страшно исполнение Вселенной, так что нигде нельзя избежать гнева Божия, – ни воспарив на небо, ни удалившись в ад, ни переселившись на восток, ни скрывшись в глубинах или пределах моря ([Пс.138:7–10](#); [Иер.23:24](#)). Еще прежде меня Наум, сын Елкесеев, изрекая пророчество о Ниневии, страшится «Бога ревнителя и Господа, мстящего с яростью врагам своим»

([Наум 1:2](#)), до того простирающего Свою строгость, что не остается и места по второму отлучению нечестивым ([Наум 1:9](#)). А когда слышу, как Исаия угрожает и говорит людям содомским и князьям гоморрским: «Во что еще вас бить, продолжающие свое упорство» ([Ис.1:5](#)); тогда весь исполняюсь ужаса, заливаюсь слезами. Он говорит: невозможно уже найти новых наказаний за умножающиеся вновь грехи, так преступили вы всякую меру, истощили все роды наказаний, непрестанно своими пороками призывая в себя новую и новую казнь. Нет уже «ни струпа, ни язвы, ни раны гноящейся», все тело стало язвой, и язвой неисцельной; «ибо нет пластыря приложить, ни елея, раны необвязанные» ([Ис.1:6](#)). Умалчиваю о продолжении угрозы, чтобы не быть для вас тягостнее настоящего наказания. По крайней мере, узнаем причину бедствия. Отчего посохли возделанные поля, истощились житницы, оскудели пастбища, умалились земные плоды, равнины наполнились не туком, но сетованием, долины не хлебом наполнены, но огласились воплем, не вином капали горы, как впоследствии праведным ([Иои.3:18](#)), но обезображены, обещены и несут на себе (в противном только смысле)⁹⁵ проклятие гор гелвуйских? Вся земля стала, как вначале, пока не облечена была своими украшениями. «Посетил землю и утолил жажду ее» ([Пс.64:10](#)), но посещением бедственным и утолнением пагубным. Печальное зрелище! Все плодородие у нас в соломе, посев заметен по малым остаткам, и жатва наша, узнаваемая более по времени года, нежели по числу снопов, едва плод приносит начатки Господу. Таково богатство нечестивых, такова жатва сеющих худо, во исполнение древнего проклятия: «ожидать многого», а получать мало ([Агг.10](#)), «посеять и не пожать» ([Мих.6:15](#)), насадить и не выжать соки, «где вспашут десять пар волов, будет корчаг один» ([Ис.6:10](#)), слышать о плодородии у других, а самим быть под гнетом бедности! Отчего же все это, и какая причина бедствия? Не станем ожидать обличения от других, но испытаем сами себя. Великое врачевание против зла – исповедание греха и удаление от него. Как прежде возвестил я первый народу моему и исполнил должность стража (ибо, чтобы приобрести свою душу и души слушающих, не скрывал о грядущем мече); так возвещу и теперь о непокорности народа моего, признавая грехи его своими, и через это, может быть, получу некоторую милость и отраду. Один из нас притеснил бедного, отнял часть земли, со злым умыслом, или не приметно, или насильственно переступил за межу, притяжал дом к дому и поле к полю, только бы отнять что-нибудь у ближнего, употребил все усилия никого не иметь соседом, как будто намереваясь один жить на земле. Другой осквернил землю лихоимством и корыстолюбием, собирая,

где не сеял, и пожиная, где не расточал, возделывая не землю, но нужды бедных. Иной от гумна и точила не воздал начатков Богу, все даровавшему, и оказался вместе неблагодарным и безрассудным, потому что и за полученное не возблагодарил и не постарался исходатайствовать себе благопризнательностью, если не другое что-нибудь, по крайней мере будущее изобилие. Другой не оказал милости вдове и сироте, не дал хлеба и малого пропитания просящему, или, лучше сказать, самому Христу, питаемому в лице скудно питаемых, тогда как сам имеет, может быть, много и сверх всякого ожидания, тогда как (что уже верх несправедливости!) многие житницы делаются для него тесными, тогда как одну он наполняет, а другие разоряет, чтобы построить обширнейшие для будущих плодов, не зная, что до исполнения надежд своих похищен будет смертью, и как негодный домостроитель чужих благ, даст отчет в том, чем здесь изобиловал и величался. Иной «путь кротких» совращал ([Ам.2:7](#)) и «совратил в неправдах праведного» ([Ис.29:21](#)). Иной возненавидел «во вратах обличающего и гнушался тем, кто говорит правду» ([Амос.5:16](#)). Иной приносил жертвы сети своей ([Авв.1:16](#)), собирающей много, и имея «награбленное у бедного в своих домах» ([Ис.3:14](#)), не вспомнил о Боге или вспомнил худо, говоря «благословен Господь! Я разбогател» ([Зах.11:5](#)), и замыслил беззаконие как бы от Него имея то, за что будет наказан. «Ибо за это грядет гнев Божий на сынов противления» ([Еф.5:6](#)). За это заключается небо или отверзается, но к нашему же бедствию, и еще к большему, когда и поражаемые не обращаемся и к сущему вблизи естеством не приближаемся ([Иер.23:23](#)).

Что скажем на это мы, которые покупают и продают хлеб и выжидают тяжелых времен, чтобы обогатиться, насладиться чужими бедствиями и незаконно присвоить себе не собственность египтян (как сделал Иосиф для высшего домостроительства, ибо он умел хорошо собирать и раздавать хлеб), но собственность единоплеменников? Что скажем мы, говорящие: «когда пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы» ([Амос.8:5](#)), мы, двоякими мерами и весами нарушающие справедливость ([Втор.25:14](#); [Амос.8:5](#)), мы, склоняющие к себе свинцовую меру беззакония ([Зах.5:8](#))? Что скажем на это мы, которые не знают предела в стяжании, поклоняются золоту и серебру, как древние Ваалу, Астарте и мерзкому Хамосу, ставят в великое драгоценные и блестящие камни, мягкие и пышные одежды – эту пищу моли и добычу разбойников, мучителей и татей, гордятся множеством рабов и скотов, расширяются по равнинам и горам, одним уже владеют, другое приобщают, а иное намереваются приобщить к своему владению,

уподобляясь упоминаемой Соломоном «пиявице» ([Притч.30:15](#)), которая ничем не может насытиться, как ад и земля, огонь и вода, – желают другой Вселенной для удовлетворения своей любостыжательности и не довольствуются пределами, какие положены Богом, потому что они тесны для наших пожеланий и алчности? Что скажут возведенные на высокие степени чести, высоко взгромоздившие свой начальнический стул, а брови поднимающие еще выше места своего лицедействия, между тем не помышляющие о Боге, Который выше всего, и о недоступной высоте истинного царства, не рассуждающие, что и сами они, имея нужду в таковой же милости, должны начальствовать над подчиненными, как над сослужителями? Посмотри на этих, которые, как превосходно осмеивает их божественный Амос, – «нежатся на ложах из слоновой кости и мажутся наилучшими мастями, поют под звуки гуслей», прилеплены к скоропреходящему, как к постоянному, а не соболезнают и не состраждут о «бедствии Иосифа» ([Амос.6:4–6](#)). Надлежало оказать милость тем, которые прежде впали в несчастье, надлежало милостью приобрести себе милость, надлежало «рыдать кипарису, ибо упал кедр» ([Зах.11:2](#)), надлежало вразумляться поражением ближних, чужими бедствиями врачевать свое зло и воспользоваться тем преимуществом перед предшественниками, чтобы самим через других получить спасение, а не других уцеломудривать своим примером.

Об этом полюбомуудрствуй с нами, божественная и священная глава, приобретающая долговременностью многую опытность, от которой происходит мудрость, – в этом наставь народ твой, научи разделять алчущим хлеб и нищих бескровных собирать в дом, прикрывать наготу и не презирать единокровных, особенно теперь, чтобы наше благотворение было от скудости, а не от избытка, каковое плодоношение приятнее Богу, нежели множество приносимого и великость подаяния. А сверх этого и больше всего будь ныне Моисеем и Финеесом. Восстань за нас и умилостиви, да остановится язва ([Пс.105:30](#)), или духовной жертвой или молитвой и умным ходатайством удержи гнев Господень, своим посредничеством останови последующие удары. Господь не презирает седин отца, молящегося о чадах. Помолись о прошедших согрешениях, поручись за будущее. Представь Богу народ, очищенный ударами и страхом, испроси ему телесную пищу, а особенно испроси ангельскую, сходящую с неба. Если сделаешь это, то примиришь с нами Бога, смягчишь небо, низведешь дождь ранний и поздний. «Господь даст благо, и земля наша даст плод свой» ([Пс.84:13](#)), – эта попираемая нами – временный, а плоть наша – вечный, который и вложим в божественные точила через

тебя, приносящего нас и дары наши, во Христе Иисусе, Господе нашем,
Которому слава вовеки. Аминь.

Слово 16

В память святых мучеников маккавеев

Что скажем о Маккавеях? Настоящее собрание – для них. И хотя немногие их чествуют, потому что подвизались не после Христа; однако же они достойны, чтобы все их чествовали, потому что терпели за отеческие законы. Сделавшись мучениками прежде Христовых страданий, чего не совершили бы они, подвергшись гонению после Христа и став подражателями Его за нас смерти? И без такого образца показав столько доблести, не оказались ли бы они еще более мужественными, если бы страдали, взирая на пример Христов? Но есть также таинственное и сокровенное учение (весьма вероятное для меня и для всякой боголюбивой души), по которому из достигавших совершенства прежде пришествия Христова никто не достигал этого без веры во Христа. Ибо Слово, хотя ясно открылось уже впоследствии, в определенное время, однако же умам чистым было ведомо и прежде, как показывают многие прославленные до Христа. Почему и Маккавеев нельзя унижать за то, что страдали прежде Креста. Но поскольку пострадали по закону крестному, то и достойны похвал и должны быть почтены словом, почтены не для того, чтобы получила приращение собственная их слава (слово прибавит ли славы тем, чьи дела славны?), но чтобы прославились восхваляющие и поревновали доблестям их слышащие, в воспоминании о них находя для себя побуждение к равным подвигам.

Кто и откуда были Маккавеи, чьим руководством и наставлением пользуясь вначале, достигли такой доблести и славы, что почтены этими ежегодными торжествами и собраниями, и что для них в душе каждого соблюдается слава, которая выше видимого прославления, – все это для людей любопытных и трудолюбивых покажет сочиненная о Маккавеях книга⁹⁶, которая, любомудрствуя о том, что разум есть самовластитель над страстями и господин наклонностей к тому и другому, то есть к добродетели и пороку, в доказательство этого, между немалочисленными другими свидетельствами, приводит и подвиги Маккавеев. А для меня достаточно будет сказать следующее.

Здесь Елеазар – первый из пострадавших до Христа (как Стефан – первый из страдавших после Христа), иерей и старец, седой власами, седой и мудростью, приносивший прежде жертвы и молитвы за народ, а теперь приносящий самого себя Богу в жертву совершеннейшую, в очищение всего народа. Благознаменательное предначинание подвига!

вместе и велегласное и безмолвное назидание! Но он приводит и семерых юношей – плод собственных его наставлений, «жертву живую, святую, благоугодную Богу» ([Рим.12:1](#)), жертву, которая славнее и чище всякого подзаконного священнодействия. Ибо доблести сынов вменять отцу – всего законнее и справедливее.

Там сыны, мужественные и великие духом, благородные отрасли благородной матери, ревностные подвижники за истину, достойные времен не Антиоховых, истинные ученики Моисеева закона, точные блюстители отечественных нравов, составляющие одно из чисел, уважаемых евреями, – число, отличное таинством семидневного покоя, одним дышат, одно имеют в виду, один знают путь жизни – умереть за Бога! Они столько же братья по душе, как и по плоти, ревнуют друг другу в желании смерти (дивное зрелище!); как сокровища, предвосхищают один у другого мучения, твердо стоят за пестуна, то есть за закон, не столько боятся уготованных им мук, сколько желают тех, которых еще не видят; одного только страшатся, чтобы мучитель не прекратил истязаний, чтобы кому-либо из них не остаться неувенчанным, не разлучиться поневоле с братьями и не стать худым победителем, избежав, к несчастью, страданий.

Там мать бодрая и мужественная, вместе чадолюбивая и боголюбивая, терпит в материнском сердце терзания, невероятные по природе. Она не о страждущих сынах жалеет, но мучится опасением, что сыновья не будут страдать; не столько скорбит об отошедших, сколько желает, чтобы присоединились к ним оставшиеся; у нее больше заботы о последних, нежели о преставившихся; потому что одним предстоит еще сомнительная борьба, а других кончина сделала безопасными; одних она вручила уже Богу, о других еще беспокоится, как примет их Бог. Какая мужественная душа в женском теле! Какое чудное и великодушное усердие! Подлинно – Авраамова жертва, и, если не дерзко будет сказать, Даже больше Авраамовой! Авраам охотно приносит единого сына, правда, – едиnorodного, рожденного по обетованию, – сына, для которого дано было обетование и (что важнее) который назначен быть начатком и корнем не только рода, но и подобных жертв, она же осветила Богу целый народ сынов; она и матерей и жрецов превзошла числом жертв, готовых на заклятие всесожжений умных священноприношений, спешающих к алтарю. Она указывала на грудь, напоминала о питании, свидетельствовалась сединой, употребляла старость в ходатайство за свои прошения, не для того, чтобы спасти детей от смерти, но чтобы побудить их к страданиям; потому что почитала для них опасностью не смерть, но замедление смерти. Ничто ее не колебало, ничто не приводило в

расслабление, не лишало радости: ни приготовленные деревянные дыбы, ни поставленные колеса, ни блоки, ни подмости, ни острота железных когтей, ни изошренные мечи, ни кипящие котлы, ни разведенный огонь, ни грозный мучитель, ни стечение народа, ни окружающая воинская стража, ни предстоящие соплеменники, ни расторжение членов, ни терзание плоти, ни потоки текущей крови, ни погубляемая юность, ни настоящие ужасы, ни ожидаемые страдания. И что для других бывает всего тяжелее в подобных случаях, то есть продолжительность бедствия, то для нее было всего легче. Она услаждалась зрелищем, как ни длились страдания, не только от разнообразия употребляемых истязаний (которые все действовали на нее менее, нежели на другого подействовало бы одно какое-нибудь истязание), но и оттого, что гонитель испытал все роды речи, – то ругал, то грозил, то ласкал. Ибо к каким средствам ни прибегал он, чтобы достигнуть желаемого?

Но ответы юношей мучителю, по моему мнению, столько показывают мудрости и мужества, что как доблести других, взятые вместе, малы в сравнении с их терпением, так и само терпение мало в сравнении с благоразумными их речами. И им только одним свойственно было так страдать и с таким любознанием отвечать на угрозы мучителя, на все, чем их устрашали, и что нимало не преодолело ни мужественных сынов, ни еще более мужественной матери. Она, став выше всех и с материнской любовью соединив силу духа, приносит себя в прекрасный погребальный дар детям; и сама последует за отошедшими прежде нее. И притом как? Добровольно идет на страдания, не допустив даже, чтобы нечистое тело прикоснулось к ее чистой и мужественной плоти. И какие произносит она надгробные слова! Прекрасны, даже прекраснейшие из прекрасных были ответы сынов мучителю. Ибо не прекрасны ли те речи, вооружась которыми, низлагали они мучителя? Но еще прекраснее речи матери, сперва увещательные, а потом надгробные.

Итак, что же произнесено было сынами? Теперь весьма благовременно возобновить это в вашей памяти, чтобы иметь вам из этих времен образец как подвижничества, так и мученических речей. Каждый из братьев говорил что-нибудь свое, как ополчали его слово гонителя, очередь страдания и душевная ревность. Но если все речи их привести в одну, то говорили они так: «Антиох, и вы все предстоящие здесь! У нас один царь – Бог, от Которого получили мы бытие и к Которому возвратимся; один законодатель – Моисей, которому (клянемся в том бедствиями, какие претерпел он за добродетель, и многими его чудесами) мы не изменим и не нанесем бесславия, хотя бы угрожал другой Антиох,

который и тебя свирепее. Для нас одно безопасное прибежище – соблюдать заповеди и не нарушать закона, которым ограждаемся как истиной. У нас одна слава – для славы нашего закона презирать всякую славу; одно богатство – те блага, которых надеемся. А страшного для нас нет, кроме одного – убоиться чего-либо больше Бога. С такими мыслями и с таким оружием выступаем мы на брань; с такими юношами имеешь ты дело. Хотя вождельны для нас и мир этот, и родная земля, и друзья, и сродники, и сверстники, и этот великий и славный храм, и отеческие праздники, и таинства, и все, в чем поставляем свое преимущество перед другими народами, однако же не вождельнее Бога и страданий за доброе дело. Нет, и не думай этого! Ибо для нас есть другой мир, который выше и постоянное видимого. Наше отечество – горный Иерусалим, которого никакой Антиох не отважится держать в осаде и не понадеется взять; так он крепок и неодолим! Наше родство – Божие вдохновение и все доблестно рожденные. Наши друзья – пророки и патриархи, служащие для нас образцом благочестия. Наши сверстники – все ныне бедствующие и современные нам в терпении. А храмом у нас великолепное небо; и празднество наше – ликостояния Ангелов. У нас одно великое, даже величайшее и для многих сокровенное таинство – Бог, Который есть цель и здешних таинств. Итак, не обольщай больше нас обещаниями вещей маловажных и ничего не стоящих. Не придаст нам чести бесчестное; не обогатит нас вредное; мы не решимся на такую жалкую куплю. Прекрати свои угрозы; иначе, мы сами станем грозить тебе, чтобы обличить твою бессилие и показать, какие у нас готовы тебе казни. Ибо есть у нас и огонь, которым мучим гонителей. Не думаешь ли, что борешься с народами, городами и самыми изнеженными царями, из которых одни одержат верх, а другие, может быть, останутся и побежденными, потому что для них не такого рода опасность? Ты восстаешь против Божия закона, против благоначертанных скрижалей, против наших отеческих постановлений, получивших важность и по своему высокому значению, и по давности, восстаешь против семи братьев, которые живут как бы одной душой и опозорят тебя семью победными памятниками. Не важное дело – победить их; но великий стыд – потерпеть от них поражение! Мы потомки и ученики тех, которых путеводил столп огненный и облачный, для которых расступилось море, стала река, остановилось солнце, дождем был хлеб, воздеяние рук обращало в бегство тысячи врагов, низлагая их молитвой, перед которыми укрощались звери, к которым не прикасался огонь, которых мужеству дивились и уступали цари. Скажем нечто и тебе самому известное: мы ученики Елеазара, мужество которого тобой

изведано. Сперва совершил свой подвиг отец, теперь вступают в борьбу дети; жрец уже отошел, вслед за ним пойдут и жертвы. Ты устрашаешь многих, но мы готовы еще на большее. Да и что сделаешь нам своими угрозами, горделивец? Какое причинишь нам зло? Никто не превзойдет крепостью готового на все страдания. Что ж медлит народ? Почему не приступают к делу? Для чего ожидать милостивого повеления? Где мечи? Где оковы? Пусть разводят больше огня, выпускают самых сильных зверей, готовят самые отличные орудия мучений, чтобы все было по-царски и стоило дорого! – Я первородный; меня принеси прежде в жертву. – Я последний из братьев, лучше изменить порядок. – Нет, пусть кто-нибудь из средних делается первой жертвой, чтобы все мы были почтены равно. Но ты щадишь и ждешь, что переменим мысли. Еще, и не раз повторяем тебе то же слово: мы не вкусим нечистого, не изъявим своего согласия; скорее ты уважишь наши постановления, нежели мы покоримся твоим; короче сказать: или изобрети новые казни, или убедись, что мы презираем те, которые ты нам приготовил».

Так говорили братья мучителю; а как убеждали они друг друга! и какое представляли собой зрелище – подлинно прекрасное и священное! Для душ боголюбивых оно приятнее всего, что только можно видеть и слышать. Я сам, при одном воспоминании, исполняюсь удовольствием, созерцаю перед собой мысленно подвижников и услаждаюсь повествованием о них. Они обнимали и лобызали друг друга; для них наступил праздник, как бы по совершении уже подвигов. «Пойдем, братья, – взывали они, – пойдем, поспешим на мучения, пока мучитель пылает еще на нас гневом, чтобы нам не утратить спасения, если он смягчится. Пир готов; не лишим себя его. Прекрасно видеть братьев, которые живут «вместе» ([Пс.132:1](#)), вместе веселятся и служат друг другу щитом, но еще прекраснее, если они вместе бедствуют за добродетель. Если бы за отеческие постановления можно было бороться с оружием в руках – и в таком случае смерть была бы похвальна. Но поскольку не этого требуют обстоятельства, то принесем в жертву сами тела. Да почему же и не пожертвовать ими? Если не умрем теперь, то разве никогда не умрем? Разве никогда не воздадим должного природе? Лучше обратим в дар, что надобно уступать по необходимости: перехитрим смерть; всем общее обратим в свою собственность и ценой смерти купим жизнь. Ни один из нас да не будет животолюбив и робок. Пусть мучитель, преткнувшись о нас, отчаётся и в других. Пусть сам он назначает порядок, кому за кем страдать; если кто и заключит собой ряд гонимым, – это не сделает различия в горячности нашего усердия. Первый из пострадавших да будет

для других путем, а последний – печатью подвига. Все с равной твердостью положим на сердце, чтобы целым домом приобрести нам венцы, чтобы гонитель не имел в нас ни единой доли и не мог, в кипении злобы, похвалиться победой над всеми, победив одного. Докажем, что мы друг другу братья не только по рождению, но и в самой смерти; постраждем все, как один и каждый из нас да постраждет равно всем. Прими нас, Елеазар, последуй за нами, мать; погребви великолепно мертвецов своих Иерусалим, если только останется что для гроба; рассказывай о нас последующим родам и читателям твоим показывай священное место погребения единоутробных».

Так говорили и действовали они, так по старшинству лет поощряли друг друга, подобно тому, как вепрь острит один зуб другими. Все они сохраняли одинаковую ревность, к удовольствию и удивлению единоплеменников, на страх и ужас врагам. И враги хотя смело ополчились против целого народа, но единодушием семи братьев, подвигающихся за благочестие, столь были посрамлены, что теряли уже приятную надежду одолеть и прочих.

А мужественная и подлинно достойная таких доблестных сынов мать, эта великая и высокая духом питомица закона, порываемая двумя сильными движениями сердца, ощущала в себе смешение и радости, и страха – радости, по причине мужества сынов и всего ею видимого, – страха, по неизвестности будущего и по причине чрезмерных мучений. И как птица, которая видит, что змея ползет к птенцам или другой кто злоумышляет против них, она летала вокруг, била крылами, умоляла, разделяла страдания детей. И чего ни говорила, чего ни делала, чтобы воодушевить их к победе! То похищала капли крови, то поднимала отторженные части членов, то благоговейно припадала к останкам; собирала члены одного сына, а другого отдавала мучителям, и третьего приготавливала к подвигу. Всем возглашала: «Прекрасно, дети! Прекрасно, доблестные мои подвижники, почти бесплотные во плоти, защитники закона моей седины и святого града, который вас воспитал и возвел на такую высоту доблестей! Еще немного; и мы победили! Мучители утомились – этого одного боюсь. Еще немного; и я – блаженная из матерей, а вы – блаженные из юношей! Но вам жалко разлучиться с матерью? Не оставляю вас; обещаю вам это. Я не ненавистница детей своих».

Когда же она увидела, что все скончали жизнь и своей смертью избавили ее от беспокойств, тогда со светлым взором поднимает голову и подобно олимпийскому победителю, с бодрым духом раздавши руки,

громко и торжественно говорит: «Благодарю Тебя, Отче Святыи! Благодарю Тебя, наставник наш – закон! Благодарю тебя, наш отец и поборник чад твоих Елеазар! Благодарю, что принят плод болезней моих, и я сделалась матерью, священнейшей из матерей! Ничего не осталось у меня для мира; все отдано Богу, – все мое сокровище, все надежды моей старости. Какая великая для меня почестъ! Как прекрасно обеспечена старость моя! Теперь я вознаграждена за воспитание ваше, дети, – видела, как подвизались вы за добродетель, сподобилась увидеть всех вас увенчанными; даже на истязателей ваших смотрю как на благодетелей; готова свидетельствовать благодарность мучителю за это распоряжение, по которому соблюдена я для страданий последняя, чтобы, изведя прежде на позорище рожденных мной и в каждом из них совершив мученический подвиг, по принесении всех жертв, перейти мне отсюда в полной безопасности. И я не буду рвать на себе волос, раздирать одежды, терзать ногтями плоти, не стану возбуждать к слезам, созывать плачущих, заключаться в темное уединение, чтобы сам воздух сетовал со мной, не буду ожидать утешителей и предлагать хлеба скорби. Все это прилично матерям малодушным, которые бывают матерями только по плоти, у которых дети умирают, не оставив по себе доброго слова. А вы у меня, любезнейшие дети, не умерли, но принесены в дар Богу; не навсегда разлучились со мной, но только переселились на время; не расточены, но собраны вкупе; не зверь похитил вас, не волна поглотила, не разбойник погубил, не болезнь сокрушила, не война истребила, и не другое какое-либо постигло вас бедствие, более или менее важное из обычных людям. Я стала бы плакать, даже горько, плакать, если бы случилось с вами что-либо подобное. Тогда бы слезами доказала я свое чадолюбие, как доказываю ныне тем, что не проливаю слез. Мало этого. Тогда бы я действительно стала оплакивать вас, когда бы вы к вреду своему спаслись от мучения, когда бы мучители восторжествовали над вами и одержали верх хотя над одним из вас, как теперь побеждены вами сами гонители. А что совершилось ныне – это похвала, радость, слава, ликование и веселье для оставшихся. Но и я приношусь в жертву вслед за вами. И я буду сравнена с Финеесом, прославлена с Анной. Даже еще больше, потому что Финеес ревновал один, а вы явились многочисленными карателями блудников, поразив блудодеяние не плотское, но духовное; и Анна посвятила Богу одного, Богом же данного, притом недавно рожденного сына; а я освятила семерых возмужавших, и притом пожертвовавших собой добровольно. Да восполнит мое надгробное слово Иеремия, не оплакивающий, но восхваляющий преподобную кончину! Вы «были чище снега», белее

«молока», и лучше «коралла» стал сонм ваш – рожденные и принесенные в дар Богу ([Плач.4:7](#))! Что же еще? Присоедини и меня к детям, мучитель, если и от врагов можно ждать милости. Присоедини и меня, – такая борьба будет для тебя славнее. О как бы желала я претерпеть все те муки, какие терпели они, чтобы кровь моя смешалась с их кровью и старческая плоть – с их плотью! Для детей люблю сами орудия их страданий. Но если не будет этого: по крайней мере прах мой да соединится с их прахом, и один гроб да примет нас! Не позавидуй равночестной кончине тех, которые равночестны по доблестям. Прощайте, матери, прощайте, дети! И матери так воспитывайте рожденных вами, и дети так воспитывайтесь! Прекрасный пример подали мы вам, как подвизаться подвигом добрым». Так сказала она и приложилась к сынам своим. Но как? – спросите. – Как на брачное ложе, востекши на костер, на который была осуждена. Не стала ждать, чтобы кто-нибудь возвел ее, не попустила, чтобы нечистое тело коснулось ее чистой и мужественной плоти.

Так Елеазар наслаждался священством; так сам был посвящен и других посвятил в небесные таинства: не внешними кроплениями, но собственной кровью, освятил Израиля и последний день жизни сделал совершительным таинством! Так сыны насладились юностью; не сластолюбиво раболепствуя, но возобладав над страстями, очистили тело и представились к бесстрастной жизни! Так мать насладилась многочадием, так украшалась детьми при жизни их и опочила вместе с отошедшими! Рожденных для мира представила она Богу, по числу их подвигов вновь исчислила свои болезни рождения, и старшинство детей узнала из порядка, в каком они умирали; потому что подвизались все, от первого до последнего, и как волна следует за волной, так они – один за другим оказали доблесть, и один готовее другого шел на страдания, уже укрепленный примером перед ним пострадавших. А поэтому мучитель был рад, что она не была матерью большего числа детей; иначе остался бы еще более посрамленным и побежденным. И тогда только в первый раз узнал он, что не все можно преодолеть орудием, когда встретил безоружных юношей, которые, ополчившись одним только благочестием, с большею ревностью готовы были все претерпеть, нежели с какой готовился сам он подвергнуть их страданиям.

Такая жертва была благоразумнее и величественнее жертвы Иеффая; потому что здесь ни пламенность обета, ни желание нечаемой победы не делали приношения, как там, необходимым; напротив, совершенно добровольное жертвоприношение, и наградой за него служили одни уповаемые блага. Такой подвиг ничем не ниже подвигов Даниила, который

предан был на съедение львам и победил зверей воздеянием рук; он не уступает мужеству отроков в Ассирии, которых ангел оросил в пламени, когда не согласились они нарушить отеческого закона и не прикасались к скверным и неосвященным снедам. А по усердию не менее важно и тех жертв, какие впоследствии принесены за Христа. Ибо страдавшие за Христа, как сказал я в начале слова, имели перед очами кровь Христову, и вождем их в подвигах был сам Бог, принесший за нас столь великий и чудный дар; а Маккавеи не имели перед собой ни многих, ни подобных примеров доблести. Их терпению дивилась вся Иудея; она радовалась и торжествовала, как будто бы сама была тогда увенчана; потому что и ей предлежал при этом подвиг, даже величайший из подвигов, когда-либо предстоявших Иерусалиму, – или видеть в этот день попрание отеческого закона, или прославиться. Участь всего еврейского рода зависела от подвига Маккавеев и находилась как бы на острие меча. Сам Антиох изумлялся; так угрозы его превратились в удивление; потому что великим подвигам умеют дивиться и враги, когда пройдет гнев, и дело оправдывает само себя. Поэтому он удалился, не получив успеха, и каясь много, хвалил отца своего Селевка за уважение к иудейскому народу и за щедрость к храму, так сильно укорял Симона, побудившего к войне, признавая его виновником бесчеловечия и бесславия.

Будем подражать Маккавеям, и священники, и матери, и дети; священники – в честь Елеазара, духовного отца, показавшего превосходнейший пример и словом и делом; матери, в честь мужественной матери, да окажутся истинно чадолюбивыми, и да представят чад своих Христу, чтобы сам брак освятился таковой жертвой; дети да почтят святых юношей и да посвящают время юности не постыдным страстям, но борьбе со страстями, мужественному ратоборству с ежедневным нашим Антиохом, который воюет посредством всех членов наших и многообразно гонит нас. Ибо желаю, чтоб были подвижники для всякого времени и случая, из всякого рода и возраста, подверженного и явным нападениям и тайным наветам врагов. Желаю, чтобы пользовались древними указаниями, но пользовались также и новыми, и подобно пчелам, отовсюду собирали полезнейшее в состав единого сладкого сота, дабы и через Ветхий и через Новый Завет прославлялся в нас Бог, славимый в Сыне и в Духе, знающий Своих и знаемый своими, исповедуемый и исповедующий, прославляемый и прославляющий в самом Христе, Которому слава вовеки. Аминь.

Слово 17

Произнесенное встревоженным жителям Назианза и прогневанному градоначальнику

«Утроба моя, утроба моя! Скорблю во глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое» ([Иер.4:9](#)), – говорит в одной из своих речей Иеремия, сострадательнейший из пророков, оплакивая непокорного Израиля, который сам от себя отстраняет Божие человеколюбие. Утробой называет он иносказательно душу свою (что нахожу во многих местах Писания), потому ли, что она сокрыта и невидима (а сокровенность есть общая принадлежность души и чрева); или потому, что она приемлет и, так сказать, переваривает словесную пищу (ибо что пища для тела, то слово для души). А чувствами именуется, может быть, те душевные движения и помышления, особенно же – возбуждаемые чувственностью, которыми праведник терзается, воспаляется и увлекается, так что не может удержаться от горячности духа. Ибо это самое называется у пророка смущением, то есть каким-то рвением, смешанным с раздражительностью. Если же кто будет понимать под чувствами и внешние чувства, то не погрешит; потому что и глаза и уши не только оскорбляются худшими предметами зрения и слуха, но по сострадательности даже желают видеть и слышать лучшее. Впрочем, как ни разуметь это, праведник болезнует, смущается и неравнодушно переносит бедствия Израиля, какие ни представишь себе, телесные ли, когда смотришь на Израиля чувственно, или духовные, когда понимаешь его духовно. Ибо тот же Пророк просит себе «источника слез» ([Иер.7:1–2](#)), желает «пристанища последнего», лобызает «пустыню», дабы освободиться от большей части скорбей и получить некоторое облегчение от внутренней болезни, в безмолвии оплакав Израиля.

То же намного раньше выражает и божественный Давид, говоря: «кто дал бы мне крылья голубиные, я улетел бы и успокоился» ([Пс.54:7](#))? Он просит голубиных крыл, потому ли что они легки и быстры (каков и всякий праведник), или потому, что они изображают дух, которым одним избегаем бедствий, – просите, чтобы как можно далее быть от настоящих зол; потом показывает врачевание, в трудных обстоятельствах – надежду. «Надеюсь», говорит он, на «Бога, спасающего меня от малодушия и от бури» ([Пс.54:9](#)). То же, по-видимому, делает он и в другом месте, весьма скоро оказывая врачевание скорбящему и словом, и делом предлагая нам добрый урок великодушия в несчастьях. «Отказывается от утешения душа

моя» ([Пс.76:3](#)), говорит он. Ты видишь в этом беспечность и отчаяние. Не убоился ли даже, что Давид неисцелим? Что говоришь? Ты не приемлешь утешения? Не надеешься отрады? Никто не исцелит тебя – ни слово, ни друг, ни сродник, ни советник, ни состраждущий, ни рассказывающий о своих бедствиях, ни напоминающий древнее, ни представляющий нынешние примеры, сколь многие спасались и от гораздо тягостнейших несчастий. Но ужели все средства истощены, исчезли, пресечены? Ужели погибла всякая надежда? Ужели одно только остается – в бездействии ожидать конца? – Так говорит великий Давид, который «в скорбях распространяется» ([Пс.4:2](#)) и окруженный тенью смертной восстает с Богом ([Пс.22:4](#))! Что же делать мне, малому, слабому, земному, не имеющему такого духа? Давид колеблется, кто же спасется? Какую помощь найду в злостраданиях или какое утешение? К кому прибегну утешаемый? На это отвечает тебе Давид, великий врач и заклинающий злых духов духом, который в нем. К кому прибегнуть? От меня хочешь знать это, а сам не знаешь? К Тому, Кто укрепляет ослабевшие руки, утверждает дрожащие колени ([Ис.35:3](#)), проводит через огонь и спасает в воде ([Ис.43:2](#). [Пс.65:12](#)). Тебе не нужно, говорит он, ни войск, ни оружия, ни стрельцов, ни конников, ни советников и друзей, ни внешней помощи. В себе самом имеешь подкрепление, какое имею и я, и всякий желающий. Надобно только пожелать, только устремиться. Утешение близко, в устах твоих, в сердце твоём. «Вспоминаю», говорит, Бога и «трепещу» ([Пс.76:4](#)). Что легче воспоминания? Вспомни и ты и возвеселишься. Какое удобное лечение! Какое скорое врачевание! Какое величие дара! Вспомни о Боге, и Он не только успокаивает малодушие и скорбь, но производит и радость.

Желаешь ли услышать и другие слова о человеколюбии (Божем)? Если, сказано, обратившись, воздохнешь ко Господу, то спасен будешь ([Иез.33:19](#)). Смотрите, как спасение соединено с воздыханием. Ты не успеешь еще выговорить слова, Он скажет: Я здесь! «и скажет душе твоей: «Я – спасение твое!»" ([Пс.34:4](#)). Между прощением и получением ничто не посредствует: ни золото, не серебро, ни блестящие и дорогие камни, ни все прочее, чем люди склоняются на милость. Когда Софония, как бы от лица Бога, разгневанного и огорченного, сказал: опустошил «улицы их, чтобы никто не ходил; разорил города их, нет ни единого человека, нет жителей» ([Соф.3:6](#)); когда поразил ужасом, сокрушил печалью, навел мрак своей угрозой, тотчас низводит и свет благой надежды и восстанавливает меня этими словами: «говорил: «бойтесь меня, принимайте наказание», и не будет истреблено жилище Его» ([Соф.3:7](#)). А несколько ниже говорит еще радостнее и человеколюбивее: «Во время оно скажет Господь: не

бойся, Сионе, да не ослабеют руки твои. Господь Бог твой в тебе, он силен спасти тебя; возвеселится о тебе радостью, будет милостив по любви Своей... и соберет рассеянных... и спасет утесненных, и отринутых примет» ([Соф.3:16–19](#)).

Этого требуют и святые, и сам разум, этого желает мое слово. Примите же слово мудрости, дабы вам, «пришедшим в глубину зол, не вознерадеть», как говорит божественный Соломон ([Прит.18:3](#)), и не погибнуть от собственного невежества, а не от обнимающей скорби. Есть, братия, некоторый круг в делах человеческих, и самими противоположностями научает нас Бог, все устраивающий и всем, а во всем и нашими делами управляющий по непостижимым и неисследимым Своим судьбам так же премудро, как премудро Он все составил и связал. Ибо все, так сказать, движется и зыблется около неподвижного, но движется не в основании, которое во всем твердо и неподвижно (хотя это и скрыто от нашей немощи), а в том, что ежедневно встречается и бывает. И таково древнее и постоянное определение Божие, чтобы тьма, разлитая перед глазами нашими, была «покровом Его» ([Пс.17:12](#)). И поэтому многое в мироправлении мы не иначе можем видеть, как в темных гаданиях и представлениях, потому ли, что Бог смиряет нашу кичливость, дабы мы сознавали себя ничтожными перед истинной и первой мудростью, стремились же к Нему Единому и всегда старались просвещаться тамошними озарениями, или потому, что через непостоянство видимого превратного Он приводит нас к постоянному и вечному. Впрочем, ничто, как сказал я, не неподвижно, не равно само себе, не самодовольно и не одинаково до конца – ни веселье, ни скорбь, ни богатство, ни бедность, ни сила и бессилие, ни униженность, ни власть, ни настоящее, ни будущее, ни наше, ни чужое, ни малое, ни великое, ни все, что еще наименуем. И в непостоянстве остается одно только постоянным – изменение во всем. Ибо все быстро кружится и переходит и само себе противоборствует, так что более можно доверять ветру и написанному на воде, нежели благоденствию человеческому, потому что зависть полагает преграду счастью, а милосердие несчастью. И это, по моему рассуждению, премудро и удивительно, потому что скорбь не остается без утешения, а счастье без вразумления. Те благоразумно поступают, которые (так как от смирения рождается познание оправданий) вразумляются несчастьями и, очищаясь, как золото огнем, говорят: «благо мне, что Я пострадал» ([Пс.118:17](#)), с которыми то же бывает, что и с Петром, призвавшим спасение, когда уже утопал, – и которые через болезнь больше приближаются к Богу и через скорбь приобретают благодетеля, потому что

болезнующая душа близка к Богу и скудостью обращается к могущему дать, тогда как могла бы и презреть Его при обилии даров.

Поэтому, братья, будем обращать взор свой горе во всякое время и при всяком случае, будем ограждать себя благой надеждой, дабы нам и в радости не потерять страха, и в скорбях – упования. Будем помнить при ясном небе и ненастье, и во время бури о кормчем; не будем унывать в скорбях, не будем злыми рабами, которые исповедуют Владыку, когда «Он благо сотворит им» ([Пс.48:9](#)), и не обращаются к Нему, когда наказывает, между тем как иногда болезнь бывает лучше здоровья, терпение – отрады, посещение – пренебрежения, наказание – прощения. Скажу кратко: не будем падать духом от бедствий, ни возноситься от довольства. Покоримся Богу и друг другу, и начальствующим на земле: Богу – по всем причинам; друг другу – для братолюбия; начальствующим – для благоустройства, и тем в большей мере, чем более они кротки и снисходительны. Опасно истощать милосердие начальников, надеясь на частое прощение, ибо, истощив, за их строгость подвергнемся ответственности мы сами, которые нарушают тишину ветром, наводят на свет мрак и к меду примешивают полынь. И между нашими законами есть один закон – закон похвальный и прекрасно поставленный Духом, Который дал Свои законы, сличив возможное и наилучшее. По этому закону как рабы должны быть послушны господам ([Еф.6:5](#)), жены – мужьям, Церковь – Господу, ученики – пастырям и учителям, так и все, обязанные давать дань, – повиноваться всем властям предержащим «не только из страха, но и по совести» ([Рим.13:5–6](#)), и не делать закона ненавистным, делая зло, не доводить себя до меча, но, очищаясь страхом, заслуживать похвалу от власти. Одно и то же правило; но оно щадит прямое и отсекает лишнее. Одно солнце, но оно светит здоровому зрению, а омрачает слабое. Хочешь ли, скажу с дерзновением нечто и из своего учения? Один Христос, но Он «лежит на падение и на восстание» ([Лк.2:34](#)), – на падение неверным, на восстание верующим. Для одних «Он камень преткновения и камень соблазна» ([1Пет.2:7](#)), именно для тех, которые не познали, даже не уразумели, но во тьме ходят, или служат идолам, или не презирают далее написанного, и не хотят и не могут просветиться чем-либо кроме написанного. Для других Он камень краеугольный и камень похвальный, именно для тех, которые обуздываются словом и утвердились на этом камне. Или, ежели хочешь, Он есть та жемчужина, которую добрый купец покупает на все свое имение ([Мф.13:45–46](#)). Но мы, братья, не исполняющие своих обязанностей, а негодующие на власть, почти так же поступаем, как и тот, кто, сам погрешая против законов борьбы, обвиняет раздающего награды в

несправедливости, или кто, сам страдая тяжелой болезнью и имея нужду во врачевании не менее болезненным, винит в невежестве и безрассудстве врача, который употребляет надрезывания и прижигания. Вот от меня и утешение, и вместе наставление для подчиненных! Этим убогий пастырь возвращает на истинный путь малое стадо, с которым в радости радоваться и в печали стенать повелевает мне закон моего пастырского служения!

Что же вы, властители и начальники? Слово уже обращается к вам для того, чтобы не почли нас совершенно несправедливыми, если, убеждая подчиненных к исполнению долга, уступим вашему могуществу, как бы стыдясь или страшаясь пользоваться нашей свободой, если будем больше заботиться о них, а не о вас; о которых тем более надобно позаботиться, чем полезнее это для той и другой стороны, чем важнее успех. А противного этому да не будет с нами и с нашим словом. Итак, что вы говорите? На чем нам помириться? Примете ли дерзновенное слово мое, и закон Христов подчиняет ли вас моей власти и моему престолу? И мы имеем власть большую и совершеннейшую; иначе дух должен уступить плоти и небесное земному.

Знаю, что и ты выслушаешь дерзновенное слово; потому что и ты священная овца моего священного стада, питомец великого пастыря⁹⁷, истинно свыше приведен Духом, и подобно нам просвещен светом святой и блаженной Троицы.

Поэтому слово мое к тебе будет непродолжительно и кратко. Ты со Христом начальствуешь, со Христом и правительствуешь. Он дал тебе меч – не действовать, но угрожать; и да соблюдется меч этот Даровавшему, как чистый дар. Ты сам образ Божий и руководишь образ, о котором здесь надобно заботиться и с которым должно перейти в другую жизнь; а в нее мы все перейдем, по кратковременной игре в здешней жизни, назовем ли ее темницею, или поприщем, или предначертанием, или тенью жизни истинной. Почти сродство, уважь первообраз, пребудь с Богом, а не с миродержителем, – со Христом Господом, а не с лютым мучителем. Он «человекоубийца от начала» ([Ин.8:44](#)). Он и первому человеку, доведя его до преслушания, нанес удар и причинил бедственную жизнь, он через грех ввел закон – наказывать и терпеть наказания. А ты, человек Божий, вспомни, чье ты творение и куда призываешься, что имеешь и чем ты должен, от кого у тебя закон, слово, Пророки, само боговедение и небезнадежность получить ожидаемое. Поэтому подражай Божию человеколюбью. В человеке всего более божественно то, что он может благотворить. Ты можешь стать богом, ничего не сделав, не пропускай случая к обожествлению. Для Духа одни истощают свое имя, другие

истощают плоть, умирают для Христа и совершенно удаляются от мира. Иные посвящают Богу то, что всего для них дороже. И ты, без сомнения, слышал о жертве Авраама, который единородного, рожденного по обету, когда в нем заключалось обетованное, отдал Богу охотнее, нежели вначале получил от Бога. Но мы от тебя ничего такого не требуем; одно вместо всего принеси, принеси человеколюбие, которым Бог благоугождается более, нежели всем прочим вместе, – принеси дар единственный, дар непорочный, дар, призывающий щедроты Божии. Присоедини к страху кротость, раствори угрозу надеждой. Знаю, как много может сделать благость, которая заставляет из стыда воздать должное, когда, имея возможность принудить, прощаем и своим благоволением приводим в стыд милуемого. Ничто да не убеждает тебя быть недостойным власти, ничто да не отклоняет тебя от милосердия и кротости, – ни обстоятельства, ни властитель, ни страх, ни спасение высших начальников, ни превозмогающая дерзость. Старайся приобрести в трудных обстоятельствах благоволение свыше. Дай взаймы Богу милосердие. Никто не раскаивался из принесших что-либо Богу. Он щедр на воздаяние, наиболее же тамошними благами. Он вознаграждает тех, которые здесь что-либо принесли и дали Ему взаймы; иногда же, чтобы уверить в будущих благах, Он награждает и здешними благами. Еще немного, и мир прейдет, и тень исчезнет. Воспользуемся временем, искушать непостоянным вечное. Каждый из нас – «под эпитимиями» ([Сир.8:6](#)), и земля много носит чужих долгов. Простим же, чтобы и нам простили; отпустим, чтобы самим испросить отпущение. Видишь в Евангелии: приводят задолжавшего много монет и прощают ему долг (потому что он приведен к благу владыке); но кому прощают, тот сам не прощает (ибо он раб и в своем желании), и какое человеколюбие оказано ему в большем, такого не оказывает он товарищу в меньшем, что должен был бы сделать, ежели не по чему другому, то подражая показанному примеру великодушия. И господин гневается, а о последующем умолчу. Скажу Только, что всякому лучше оказывать милость здесь, нежели давать отчет там.

Что ты скажешь? Убедили ли тебя эти слова, которые, по неоднократному твоему признанию, любишь ты, наилучший из начальников, и если бы можно было присоединить, человеколюбивейший, или надобно представить тебе вместо просьбы и эту седину⁹⁸, число лет и долговременное священство, священство непорочное, которое, может быть, и ангелы, служащие Чистейшему, уважают как достойное их собственного служения? Убеждает ли тебя это, или дерзну на большее? А дерзновенным

делает меня скорбь. Представляю тебе Христа и Христово истощение за нас и страсти Бесстрастного, и крест и гвозди, которыми я разрешен от греха, и кровь, и погребение, и воскресение, и вознесение и эту трапезу, к которой мы вместе приступаем, и образы моего спасения, совершаемые теми же устами, которыми ходатайствую перед тобой, – это священное и горе возносящее нас тайноводство. Ежели не за одно какое-либо из этих, то, по крайней мере, за все окажи милость и нам и себе, милость домашней твоей церкви, и этой прекрасной полноте Христовой, которая (так представляй себе) сама с нами ходатайствует (хотя и предоставляет ходатайство нам, как почтенным ради Почтившего), и вместе с этим подчиняется закону начальствования. В одном позволь победить себя, – победи нас человеколюбием! Вот привожу к тебе просителей моих перед Богом и ангелами, и царством небесным и тамошними возданиями. Уважь мою веру, какую я к тебе имел, и которой других уверил, дабы также уважили ее в большем и совершеннейшем. Скажу короче: ты сам имеешь Господа на небе, Который да будет таким же судьей для тебя, каким ты будешь для подвластных. Но да получим все мы и здешнюю милость, и тамошнее снисхождение во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, Которому честь и царство со Отцом и Святым Духом, как принадлежали в прежнее время и прежде самого времени, принадлежат и ныне и во веки веков. Аминь.

Слово 18

Сказанное в похвалу отцу и в утешение матери Нонне в присутствии Св. Василия, к которому обращено вступление к данному слову

«Человек Божий» ([Нав.14:6](#)), «верный раб» ([Чис.12:7](#)), «строитель тайн Божиих» ([1Кор.4:1](#)), «муж желаний» ([Дан.10:11](#)) и притом духовных! Так именует Писание преуспевших и высоких по жизни, ставших выше видимого. Но назову тебя еще «богом Фараону» ([Исх.7:1](#)), всей египетской и сопротивной силы, «столпом и утверждением» ([1Тим.3:15](#)) Церкви, Господней волей ([Ис.62:4](#)), «светилом в мире, содержащим слово жизни» ([Фил.2:15–16](#)), опорой веры, обители Духа. И могу ли перечислить все наименования, какие дала тебе добродетель, с каждым своим видом принося и усваивая новое имя? Скажи однако же, откуда приходишь и что «твое делание» ([Ин.1:8](#))? Что намерен ты совершить для нас? Ибо знаю, что все предпримешь ты с Богом, по Божию внушению и для блага встречающих тебя. Зачем приходишь? Нас ли посетить? Найти ли пастыря? Или обозреть паству?

Мы почти не существуем, а большей частью бытия с ним⁹⁹ переселились отсюда, тяготимся «землей озлобления» ([Пс.43:20](#)), особенно же ныне, когда сведущий кормчий, или светильник нашей жизни, свыше указывавший нам спасение, чтобы, взирая на него, направляли мы путь свой, этот пастырь со всеми доблестями, со всей пастырской опытностью, какую приобретал долгим временем, оставил нас, исполненный дней благоразумия и, если можно сказать словами Соломона, «увенчанный славой старости» ([Прит.16:31](#)). Паства в недоумении и смущении. И видишь, какого уныния, какой печали она исполнена, потому что не «покоится уже на злачных пажитях, не воспитывается ни воде тихой» ([Пс.22:2](#)), но ищет стремнин, пустынь и пропастей, где может рассеяться и погибнуть; не надеется получить когда-либо другого разумного пастыря, и вполне уверенная, что не получит равного почившему, желала бы, по крайней мере, иметь хотя и худшего, но не многим.

Поскольку же, как сказал я, три причины, и каждая в равной мере, делают присутствие твое необходимым, то есть мы, пастырь и паства, то всем подай приличное, по живущему в тебе духу служения, и «устрой слово на суде» ([Пс.111:5](#)), чтобы мы еще более дивились твоей мудрости.

Но как устроить тебе слово? Восхвали почившего, сколько требует его добродетель, не для того только, чтобы в надгробный дар чистому принести чистое слово, но и для того, чтобы другим представить жизнь его в образец и в урок благочестия. А нам кратко преподай любомудрое учение о жизни и смерти, о соединении и разлучении души с телом, о двух мирах, о мире настоящем и непостоянном и о мире умосозерцаемом и всегда пребывающем; убеди нас презирать в первом все обманчивое, нестройное, беспорядочное, подобно волнам, то вверх, то вниз влекущее и увлекаемое, прилепляться же к тому, что есть в последнем незыблемого, постоянного, боголепного, всегда одинакового, не подлежащего никаким тревогам и замешательствам. Ибо будем меньше скорбеть, и даже еще радоваться, обходящих от нас, когда слово твое, отвлекши нас от земного, возведет к горнему, настоящие огорчения закроет будущим и удостоверит, что и мы сами поспешаем к благому Владыке, что водворение лучше пришествия, что каково для пловцов тихое пристанище, таково для обуреваемых в здешней жизни преставление и преложение в жизнь будущую, или, сколько удобств и облегчения чувствуют совершившие дальний путь в сравнении с теми, которые испытывают еще трудности и неприятности путешествия, настолько участь постигших небесной гостиницы лучше и спокойнее участи идущих еще по негладкому и стремнистому пути этой жизни.

Так можешь утешать нас. Но чем утешить паству? Во-первых, обещай ей свое покровительство и руководство; ибо всем хорошо покоиться под твоими крылами, и мы гласа твоего жаждем больше, нежели томимые естественной жаждой – чистого источника. Во-вторых, уверь, что и теперь не оставил нас добрый пастырь, полагавший душу за овец, но до сих пор с нами и пасет, и путеводит нас, и знает своих, и свои его знают, хотя невидим телесно, но сопребываем духовно, воюет за паству с волками и никому не позволяет – разбойнически или коварно перескакивать через двор овчий, чуждым глазом отвлекать и похищать души, право наставления в истине. А я уверен, что теперь молитвами произведет он больше, нежели прежде учением; поскольку стал ближе к Богу, сложив с себя телесные оковы, освободившись от брэнного, омрачающего ум, непокровенным представ к непокровенному первому и чистейшему Уму, сподобившись (если могу так смело выразиться) ангельского чина и дерзновения.

Все это сам ты, по данной тебе силе слова и духа, и расположишь, и восполнишь любомудрием гораздо лучше, нежели как мог бы я предначертать. Но чтобы, по неведению доблестей пастыря, не слишком сократилось слово о достоинстве его, сделаю в малом виде некоторый

очерк похвалы усопшему, воспользовавшись тем, что мне известно о нем, и передам это тебе, как превосходному описателю таких предметов, дабы ты вполне изобразил красоту его добродетели и сообщил во услышание и назидание всем.

По правилам похвального слова надлежало бы говорить о роде, отечестве, телесных совершенствах, внешней знаменитости и о чем еще высоко думают люди. Но я, оставляя это, начну с того, что для нас первоначальнее и всего ближе, и скажу (не стыдясь прежнего, ибо надеюсь на последнее), что он¹⁰⁰ был отростком корня не весьма похвального, не принесшего плодов благочестия, не в дому Божиим насажденного, но весьма странного и чудовищного, который составил из двух противоположностей – из языческого заблуждения и подзаконного мудрования, допустив в себе некоторые части того и другого, а некоторые устранив. Последователи этого учения, отвергая идолов и жертвы, поклоняются огню и светильникам, а уважая субботу и до мелочи соблюдая постановления о животных, не принимают обрезания. Ипсистериями¹⁰¹ называются эти невысокие по верованию люди и чтут единого Вседержителя. Но что же является из человека, который возрос как бы в сугубом нечестии? Не знаю, что более восхвалить, благодать ли, его призвавшую, или собственное его произведение? По крайней мере, так он очистил умное око от покрывавшей его нечистоты и с такой скоростью устремился к истине, что для небесного Отца и для истинного наследия решился – до времени быть оставленным от матери и лишенным имущества, и бесчестие это принял охотнее, нежели иной самые высокие почести. Но сколь это ни удивительно, я менее дивлюсь этому. И почему? Потому что и многие другие приносили подобные пожертвования, и всем надлежит взойти в великий невод Божий ([Мф.13:47](#)), всех должно уловить слово рыбаей, хотя Евангелие берет в плен одних раньше, других позже.

Но считаю нужным сказать о том, что представляется мне в нем наиболее удивительным. Еще не одного с нами будучи двора, он был уже нашим; ибо к нам принадлежал по своим нравам. Как многие из наших бывают не от нас, потому что жизнь делает их чуждыми общему телу; так многие из не принадлежащих к нам бывают наши, поскольку добрыми нравами предваряют веру, и обладая самой вещью, не имеют только имени. Из числа последних был мой отец – ветвь еще чуждая, но по жизни преклоненная к нам. Он столько отличался целомудрием, что был вместе и весьма любезным и самым скромным, хотя трудно сойтись обоим этим качествам. А правдивость его имеет ли нужду в сильнейшем и

очевиднейшем доказательстве, когда знаем, что он, проходя первые должности в государстве, не приумножил своего имения и одной драхмой¹⁰², хотя видел, что другие на общественное достояние налагают Бриареевы руки¹⁰³ и пухнут от гнусных поборов; ибо так называю несправедливое обогащение? Но то же самое служит немалым доказательством и благоразумия; впрочем оно еще более обнаружится последующим словом. Саму веру, как рассуждаю, получил он в награду за эти добродетели. И я объясню, каким именно образом получил ее; потому что неприлично умалчивать о деле столь важном.

«Жену добродетельную кто найдет» ([Прит.31:10](#))? – говорит, как слышу, Божественное Писание. Это дар Божий, и Господь устраивает доброе супружество. Так рассуждают даже язычники; их изречение, что для человека прекраснейшее приобретение – добрая жена, и всего хуже – злая¹⁰⁴. И нельзя сказать, чтобы в этом отношении был кто-нибудь счастливее отца моего. Думаю, что если бы кто, ища для себя совершеннейшего супружества, обошел все концы земли и весь род человеческий, то не нашел бы лучшего и согласнейшего. В нем так соединились все превосходные, и мужские и женские, качества, что брак был не только плотским союзом, но не менее того и союзом добродетели. Супруги, превосходя других, не могли превзойти друг друга, потому что в обоих добродетель была одинаковой силы и цены. Жена, данная Адаму «помощником ему» ([Быт.2:18](#)), потому что добро человеку быть не единому, из сотрудницы сделалась врагом, стала не супругой, но противницей, обольстив мужа сластолюбием и древом познания лишив древа жизни. Но жена, данная Богом моему родителю, была для него не только сотрудницей, что еще не очень удивительно, но предводительницей. Она сама, и словом и делом, направляла его ко всему превосходному. И хотя почитала для себя первым долгом, по закону супружества, покоряться мужу во всем другом; однако же не устыдилась быть его наставницей в благочестии. Конечно, достойна она в этом удивления; но еще достоудивительнее покорствующий ей добровольно. Если другие жены тщеславятся и превозносятся красотой, как естественной, так и поддельной, то она знала одну красоту, красоту душевную, и старалась сохранять или уяснять в себе, по мере сил, образ Божий, а поддельные и искусственные украшения отвергала, предоставляя их определившим себя на зрелища. Она знала одно истинное благородство – быть благочестивой и знать, откуда мы произошли и куда пойдем; одно надежное и неотъемлемое богатство – жертвовать свое имущество для Бога и для

нищих, особенно же для обедневших родственников. Удовлетворить только их нуждам, по ее мнению, значило не прекратить бедствие, а напомнить о нем; благодетельствовать же со всей щедростью почитала она делом, которое могло доставить и ей прочную славу, и им совершенное утешение. Если одни из жен отличаются бережливостью, а другие благочестием, ибо трудно совмещать оба качества, то она превосходила всех тем и другим, и в каждом достигла верха совершенства, и оба умела соединить в одной себе. Попечительностью и неусыпностью, по предписаниям и правилам Соломоновым для жены добродетельной, так она умножила все в доме, как бы вовсе не знала благочестия. Но и столь была усердна к Богу и ко всему Божественному, как бы нимало не занималась домашними делами. Одно не терпело у нее ущерба от другого, но одно другим взаимно поддерживалось. Укрылось ли от нее какое время и место молитвы? Об этом у нее ежедневно была самая первая мысль. Лучше же сказать: кто, приступая к молитве, имел столько упования получить просимое? Кто оказывал такое уважение руке и лицу священников? Кто так высоко ценил всякий род любомудрой жизни? Кто больше, чем она, изнурял плоть постом и бдением? Кто благоговейнее ее стоял во время всенощных и дневных псалмопения? Кто чаще ее восхвалял девство, хотя сама несла брачные узы? Кто был лучшей заступницей вдов и сирот? Кто в такой мере облегчал бедственное состояние плачущих? Да и следующее, для иных может быть маловажное, даже не имеющее никакой цены, как не для многих доступное (ибо что не удоисполнимо, тому по зависти с трудом и верим), для меня весьма достойно уважения, как изобретение веры и порыв духовного жара. В священных собраниях и местах, кроме необходимых и таинственных возглашений, никогда не слышно было ее голоса. В древности то, что на жертвенник не восходила секира, и при вооружении его не было видно и слышно орудий каменотесов, имело важность по тому высшему знаменованию, что все посвящаемое Богу должно быть естественно и безыскусственно. Почему же и в ней не признать важным того, что чествовала святыню молчанием, никогда не поворачивалась спиной к досточтимой трапезе, не плевала на пол в Божиим храме; встретясь с язычницей, никогда не слагала руки с рукой, не прикасалась устами к устам, хотя бы встретившаяся отличалась скромностью и была из самых близких; со вкушавшими нечистой и скверной трапезы, не только добровольно, но и по принуждению, не разделяла соли, не могла, вопреки требованиям совести, пройти мимо, и даже видеть оскверненного дома; ни слуха, ни языка, которыми принимала и вещала Божественное, не оскверняла языческими

повествованиями и зрелищными песнями, потому что освященному неприлично все неосвященное? Но и этого удивительнее то, что она, хотя и сильно поражалась горестями, даже чужими, однако же никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный глас исторгся прежде благодарения, или слеза упала на вежди, таинственно запечатленные¹⁰⁵, или при наступлении светлого праздника оставалась на ней печальная одежда, хотя неоднократно и многие постигали ее скорби. Ибо душе боголюбивой свойственно подчинять Божественному все человеческое. Умолчу о делах еще более сокровенных, которым свидетель один Бог и о которых знали разве верные рабыни, бывшие в том ее поверенными. А о том, может быть, не должно и упоминать, что касалось меня; так как я не соответствую ее надеждам, хотя и великих ей стоило усилий, еще до рождения, не страшась будущего, обещать, а по рождении вскоре посвятить меня Богу. Впрочем, Богу так было угодно, что обет ее не вовсе не исполнен и приношение не отвергнуто. Таковые совершенства частью были уже в ней, а частью приумножались и возрастали постепенно. Как солнце и утренними лучами производит самое приятное действие, но полуденные лучи его теплее и светлее; так и она, показавши немалые успехи в благочестии с самого начала, воссияла напоследок обильнейшим светом.

Поэтому введший ее в дом свой, как издревле и от предков боголюбивую и христоролюбивую, от отцов получившую в наследство добродетель, а не от дикой маслины, подобно ему, привитую к маслине доброй, – и тогда уже имел немалое побуждение к благочестию. Она, по преизбытку веры, не потерпела быть в союзе с иноверным, и хотя была самая терпеливая и мужественная из жен, однако в том единственно не могла сохранить любомудрие, чтобы одной половиной быть в соединении с Богом, а другой частью самой себя оставаться в отчуждении от Бога. Напротив, она желала, чтобы к союзу плотскому присоединился и союз духовный. А потому день и ночь припадала к Богу, в посте и со многими слезами просила у Него даровать спасение главе ее и неутомимо действовала на мужа, старалась приобрести его различными способами: упреками, увещаниями, услугами, отлучением, а более всего своими нравами и пламенной ревностью о благочестии, чем всего сильнее преклоняется и умягчается сердце, добровольно давая себя нудить к добродетели. Ей надобно было, как воде, пробивать камень, непрестанно падая на него по капле, от времени ожидать успеха в том, о чем старалась, как и показало последствие. Об этом она просила, на это надеялась не столько с жаром юных лет, сколько с горячностью веры. Ибо и на

настоящее не полагался никто так смело, как она на уповаемое, по опыту зная щедродаровитость Божию.

Но в деле спасения содействовал ей рассудок, принимавший понемногу врачевание, содействовало и сновидение, каковые Бог нередко посылает в дар душе, достойной спасения. Какое же видение? – Здесь начинается для меня самая приятная часть повествования. Отцу моему представилось, будто бы (чего никогда прежде не делал, хотя и многократно просила и умоляла о том жена) поет он на следующий стих Давида: «возрадовался, когда сказали мне: «в дом Господень пойдем"» ([Пс.121:1](#)). И псалмопение необыкновенно, и вместе с песнью вселяется само желание! А как скоро услышала получившая исполнение желаемого, – пользуется временем, объясняет видение в самую добрую сторону, что было и справедливо; самой радостью своей обнаруживает величие благодеяния и ускоряет дело спасения, дабы не воспрепятствовало что-нибудь призванию и не разрушило того, о чем столько старалась. И как в то время собиралось в Никею большое число архиереев, противостоять Ариеву неистовству – этому злу, недавно появившемуся и вводившему раскол в Божестве, то родитель предает себя Богу и проповедникам истины, исповедует перед ними свое желание и ищет у них общего спасения; потому что один из них был знаменитый Леонтий, правивший тогда нашей митрополией.

И здесь по благодати совершилось чудо, умолчав о котором, я много бы погрешил против благодати. Немало людей было свидетелями его. Учителя точности впадают в некоторую духовную ошибку, а благодать прообразует будущее, и к оглашению примешивается образ священства. Подлинно невольное посвящение! Ему велят преклонить колено, и в этом положении совершается он словами оглашения; почему многие из присутствовавших, не только люди высокого ума, но и гораздо их низшие, прорекают будущее, не неясными знаменами будучи удостоверены в имеющем последовать.

В скором времени присоединяется к этому чуду другое. Предложу об этом во услышание одних верных, ибо душам нечистым все прекрасное кажется невероятным. Родитель приступает к возрождению водой и духом, через которое, как исповедуем перед Богом, образуется и совершается человек Христов, земное прелагается в Дух и воссозидается. Приступает же к омовению с пламенным желанием, со светлой надеждой, предпочистив себя сколько мог, став по душе и по телу гораздо чище готовившихся принять скрижали от Моисея. Ибо их очищение простиралось на одни одежды, состояло в кратковременном целомудрии и в том, чтобы обуздать

несколько чрево; а для него вся протекшая жизнь была приуготовлением к просвещению и очищением до очищения, ограждающим дар, дабы совершенство вверено было чистоте и даруемое благо не подвергалось опасности от навыков, противоборствующих благодати. При выходе из воды обнимает его сиянием свет и слава достойная того расположения, с каким приступил он к дарованию веры. Это явственно было и для других. Хотя они сохранили тогда чудо в молчании, не осмеливаясь разглашать, потому что каждый почитал себя одного видевшим, однако же вскоре сообщили о том друг другу. Но тому, кто крестил и совершил его таинством, видение было весьма ясно и вразумительно, и он не мог сохранить его втайне, но всенародно возвестил, что помазал Духом своего преемника.

И да не сомневается в этом никто из слышавших и знающих, что и Моисей был еще мал, а по людскому мнению и вовсе не заслуживал внимания, когда призывается купиною горящей, но не сгорающей, вернее же – Тем, Кто явился в купине, и этим первым чудом утверждается в вере, – тот, говорю, Моисей, у которого рассекается море, дождится хлеб, камень источает воду, столб огненный и облачный попеременно путеводствует, воздеяние рук служит победным знаменем и, назнаменуя крест, побеждает многие тысячи. И Исаия, зритель славы и Серафимов, а после него Иеремия, получивший великую силу над народами и царями, – один до пророчества слышит Божий глас и очищается углем ([Ис.6:7–8](#)), а другой познается до создания и освящается до рождения ([Иер.1:5](#)). А Павел, великий проповедник истины, наставник язычников в вере, будучи еще гонителем, обнимается сияющим светом, познает Гонимого, приемлет на себя великое служение и потом наполняет благовествованием всякий слух и разумение. Нужно ли перечислять всех, которые призваны и присвоены Богом через чудеса, подобные тем, какими утвержден в благочестии мой родитель?

И нельзя сказать, что одно начало было таково, так невероятно и необычайно, а последующие дела обеславили чем-нибудь предшествовавшее, как бывает с людьми, которые скоро начинают чувствовать пресыщение в добре и потом не заботятся уже о преуспевании, или и вовсе обращаются к прежним порокам. О нем, говорю, нельзя этого сказать; напротив, он весьма был внимателен к самому себе и к предначатому. В нем все имело взаимное согласие, и бывшее до священства – с преимуществами священства, и бывшее по принятии его – с прежними совершенствами. Не иначе прилично и начинать, как он окончил; не иным чем должно и оканчивать, как тем, с

чего он начал.

Он приемлет священство не с такой опрометчивостью, не с таким нарушением порядка, как делается это ныне, но когда ничего уже не было пренебрежено, чтобы, по очищении себя самого, приобрести опытность и силу очищать других, как требует этого закон духовного последования. И когда приемлет, тем больше прославляется в нем благодать как благодать истинно Божия, а не человеческая, и не как самозаконное стремление, или, по выражению Соломона, «томление духа» ([Еккл.1:14](#)). Ибо Церковь, ему вверяемая, уподоблялась пажити, заросшей лесом и одичавшей; она недавно поступила под епископское правление и прежде моего родителя украшалась единым только мужем, который был чудного и ангельского нрава, но очень прост в сравнении с нынешними предстоятелями народов. А как и тот вскоре преставился, то она снова оставалась долгое время в небрежении и от безначалия пришла в запустение. Но родитель мой сначала без большого труда умягчил нравы людей как благоразумными пастырскими наставлениями, так и тем, что себя самого, подобно прекрасно отделанному духовному изваянию, предлагал в образец всякого превосходного дела. Потом, со всем усердием занявшись Божиим словом, хотя и поздно начал учиться, в непродолжительное время приобрел столько мудрости, что нимало не уступал трудившемуся долго и получил от Бога ту особенную благодать, что сделался и учителем Православия, не колеблющимся в разные стороны, смотря по обстоятельствам, как нынешние мудрецы, не обоюднo и ухищренно защищающим наше учение, как поступают люди, не имеющие в себе твердого основания веры или торгующие истиной. Напротив, он был благочестивее сильных в слове и сильнее в слове отличающихся правомыслием; справедливее же сказать – занимая второе место по дару слова, превосходил всех благочестием. Ведая и единого Бога в Троице поклоняемого и три (Ипостаси) в едином Божестве, он не держался ни Савелиева учения об едином, ни Ариево о трех, то есть Божества, как не сокращал и не разлагал безбожно, так и не отсекал на особства, неравные или по величине, или по естеству. Ибо в ком все непостижимо и выше нашего разумения, в том может ли быть постигнуто или объяснено само высочайшее? И как измерять бесконечное, чтобы и Божество, находя в Нем степени приращения и уменьшения, подчинить тому же самому, что свойственно вещам ограниченным? Так рассуждая, этот великий Божий человек, истинный Богослов, не иначе как с Духом святым приступивший к таким предметам, сделал (о другом чем нужно ли и оговорить?), что Церковь эта могла наименоваться новым Иерусалимом и другим ковчегом, носимым по водам, как при великом Ное,

отце этого второго мира; особенно же – ковчегом, потому что явно спаслась от потопления душ и устремления еретиков. И в какой мере она уступала другим Церквам числом верующих, в такой же мере превзошла их славой, испытав на себе то же, что и священный Вифлеем, которому ничто не воспрепятствовало быть и малым городом и матерью городов во Вселенной, потому что в нем родился и воспитывался Христос и Творец и Победитель мира.

Доказательством же сказанному служит следующее. Когда мы, вовлеченные в худое общение ухищренным писанием и речением¹⁰⁶, увидели против нас возмутившимися ревностнейших членов Церкви; тогда в рассуждении его одного были уверены, что он не погрешил мыслью, и чернило не очернило его души, хотя и уловлен по простоте, и имея нековарное сердце, не уберется от коварства. Он один, или, вернее сказать, – он первый примирил с собой и с другими тех, которые по ревности к благочестию восстали против нас, и как последние ставили нас, так первые возвратились к нам из уважения к Пастырю и сознавая чистоту учения. Так прекращено великое смятение в Церквах и буря «превратилась в тишину» (Пс.106:29), удержанная его молитвами и увещаниями; причем (если должно сколько-нибудь похвалиться) и я участвовал в благочестии и деятельности, ибо помогал ему во всяком добром деле и как бы сопутствовал и следил за ним, почему и удостоился совершить большую часть дела. Но на этом да остановится слово, предупредившее несколько порядок событий.

Кто же или исчислит множество его доблестей, или, желая умолчать о некоторых, без труда найдет такие, о которых можно и не говорить? Ибо все, что ни представится вновь уму, оказывается лучшим предшествовавшего, и не могу остановиться на этом. Другие сочинители похвальных слов затрудняются тем, о чем им говорить, а я больше затрудняюсь тем, о чем мне не говорить. Само обилие обращается для меня некоторым образом во вред; и мысль, пытаюсь взвесить его дела, сама подвергается испытанию; потому что не в силах найти, которому из равноценных качеств отдать преимущество. Что видим на стоячих водах, когда упавший камень делается средоточием многих один за другим появляющихся кругов, причем каждый образующийся внутри круг непрерывно расторгает собой круги внешние; то же самое происходит теперь и со мной. Едва приходит что-либо на мысль, как уже следует за тем и еще и еще новое; и не успею сделать выбора, как представлявшееся прежде уступило уже место представившемуся вновь.

Кто был ревностнее его в делах общественных? Кто оказал больше

любомудрия в делах домашних? Ибо и дом и соразмерное имущество даровал ему Бог, все устрояющий премудро и разнообразно. А к нищим – этой самой презренной части равночестного с нами естества – у кого было сострадательнее сердце, щедрее рука? Действительно, как приставник чужого имущества рассуждал он о собственном, чем только мог облегчая нищету и жертвуя не одни избытки, но и самое необходимое, что, конечно, служит весьма ясным доказательством его нищелюбия. Не только, по закону Соломонову, давал «часть семи» ([Еккл.11:2](#)), но не рассчитывал, если приходит и восьмой; охотнее расточал, чем иные приобретают; отъял «от себе ярмо и рукобиение» (что, как думаю, означает скупость и разведывания – достоин или нет приемлющий милостыню) и «слова роптания» при подавании ([Ис.58:9](#)), чем страждут многие, подавая, но без усердия, которое важнее и совершеннее самого подавания. Ибо гораздо лучше для достойных простирать руку и недостойным, нежели из опасения – встретиться с недостойными, лишать благодеяния и достойных. Это, по моему мнению, и означает то, что надобно посылать хлеб свой даже по воде ([Еккл.11:1](#)); он не рассыплется и не пропадет перед праведным Судьей, но достигнет того места, где положено будет все ваше и где найдем его во время свое, хотя о том и не думаем.

Но всего превосходнее и выше в родителе было то, что он, при равнодушии к богатству, был равнодушен и к славе. И я хочу показать, в какой именно мере и каким образом. И имение и усердие подавать были у него общие с супругой; потому что оба соревновались друг с другом во всем прекрасном. Но большая часть подаваний лежала на ее руках; потому что она в подобных делах была лучшей и вернейшей распорядительницей. И подлинно жена щедролюбивая! Если бы позволили ей черпать из Атлантического, или другого обширного моря и того бы ей не достало: так велико и непомерно было в ней желание подавать милостыню! Она подражала Соломоновой «пиявице» ([Прит.30:15](#)), только в противном – в ненасыщаемости добрым, препобеждала же в себе алкание худшего и не знала сытости только в усердии делать добро. Все имущество, какое у них было и какое присовокупилось впоследствии, почитала она скудным для своего желанья; но если бы можно было, – в пользу нищих (как неоднократно слышал я от нее) отдала бы себя и детей. А потому родитель ей предоставил подавания в полную свободу, что, мне кажется, выше всякого примера. Ибо и в другом можно без труда найти равнодушие к богатству; его губят, чтобы заставить о себе говорить и чтобы приобрести значительность в обществе; его дают также в заем Богу через нищих, и в этом единственном случае расточающие сберегают его для себя. Но едва

ли скоро найдем человека, который бы уступил другому и саму славу, приобретаемую щедростью. Ибо честолюбие делает многих готовыми к расточительности; но где подаяние не видно, там и тратят неохотно. Так расточала рука моего родителя; а большая часть этих дел его пусть останется известной только знавшим его. Если и обо мне говорят что-либо подобное, оно выходит из того же источника и составляет часть одного потока.

О ком справедливее можно сказать, что он с Богом действовал, когда избирал людей для алтаря, или ревновал о поруганиях ему, или со страхом очищал священную трапезу от неосвященных? Кто с такой непоколебимостью воли, с такой строгой справедливостью судил дела, ненавидел порок, чтит добродетель, предпочитал добродетельных? Кто был настолько снисходителен к согрешающим и оказывал столько пособий благоуспевающим? Кто лучше знал время «жезла» и «палицы»¹⁰⁷ (Пс.22:4) и чаще действовал палицей? Чьи очи были больше «на верных земли» (Пс.100:6) и кроме других были на тех, которые в уединении вне брака живут для Бога, презрев землю и все земное? Кто больше обуздывал высокомерие и любил смиренномудрие? И любил не притворно и не напоказ, как многие ныне представляющие из себя мужей любомудрых, и по наружности столь же нарядные, как и те глупые жены, которые, по недостатку собственной красоты, прибегают к румянам и прекрасно (сказал бы я) позорят себя, делаясь безобразнейшими от самого благообразия и гнуснейшими по причине своей гнусности. Но он поставлял смирение не в одежде, а в благоустройстве души; и выражал его не согбением шеи, не понижением голоса, не наклоном вниз лица, не густотой усов, не обритием головы, не походкой; так как все это прикрывает человека не надолго и вскоре изобличается, потому что и все притворное непостоянно. Напротив, он был всех выше по жизни и всех смиреннее во мнении о себе. По добродетели недоступен¹⁰⁸, а в обращении весьма доступен. Он не отличал себя одеждой, в равной мере избегая и превозношения и уничижения; но внутренним достоинством был выше многих. И хотя не менее всякого другого укрощал недуг и ненасытность чрева, однако же не думал об этом высоко: одно делал для того, чтобы очистить себя; другое, чтобы не возгордиться, привлекая славу новостью. Ибо все делать и говорить с тем, чтобы за это прославляли посторонние, свойственно человеку мирскому, для которого нет иного блаженства, кроме настоящей жизни. А человек духовный и христианин должен иметь в виду одно спасение, и, что ведет к нему, высоко ценить, а

что не ведет, презирать, как ничего нестоящее; и потому ни во что ставить все видимое, заботиться же единственно о том, как достигнуть внутреннего совершенства и то почитать выше всего, что может самого сделать наиболее достойным, а через него и других привлечь к совершенству.

Но превосходнейшими качествами в моем родителе, ему преимущественно свойственными и для многих не безызвестными, были простота, нрав, чуждый всякого лукавства, и незлопамятность. И в Ветхом и в Новом Завете видим, что один преуспевал в одном, другой в другом, в какой мере каждый удаивался получить от Бога какую-либо благодать, например: Иов – твердость и непреодолимость в страданиях; Моисей и Давид – кротость; Самуил – дар пророчества и прозрения в будущее; Финеес – ревность, по которой дано ему и имя; Петр и Павел – неутомимость в проповедничестве; сыны Зеведеовы – велегласие, почему и названы сынами грома. Но для чего перечислять всех? – я говорю знающим. Стефан и отец мой ничем столько не отличались, как незлобием. Первый в опасности жизни не возненавидел убийц, но побиваемый камнями молился за убивающих, как Христов ученик, за Христа страждущий и плодоносящий Богу нечто высшее самой смерти – долготерпение. У последнего не бывало промежутка времени между выговором и прощением, так что скоростью помилования почти закрывалось огорчение, причиненное выговором. Слышим и веруем, что есть дрожжи гнева и в Боге – остаток негодования на достойных этого; ибо «Боже отмщений, Господи» ([Пс.93:1](#)). И хотя по человеколюбию Своему преклоняется Он от строгости к милосердию, однако же не совершенно прощает грешников, чтобы милость не сделала их худшими. Так и родитель мой нимало не питал негодования на огорчивших, хотя и не был вовсе неуязвим гневом, особенно же препобеждался ревностью в делах духовных; кроме тех случаев, когда бывал приготовлен и вооружен, и оскорбительное встречал как врага, усмотренного издали; тогда, как говорится, не поколебали бы его и тысячи. Но и гнев его был приятен, он был не «как яд змеи» ([Пс.57:5](#)), которая воспламеняется внутри, готова к мщению, с первого движения переходит в гнев и желание возмездия, но походил на жало пчелы, уязвляющее, а не умертвляющее. Человеколюбие же его было больше, нежели человеческое. В числе угроз бывали иногда колеса и бичи, являлись исполнители наказания; бывала опасность пожатия ушей, удара в щеку, поражения в челюсть; и тем прекращалась угроза. С преступника совлекали одежду и обувь, расprostирали его по земле, и потом гнев обращаем был не на обидчика, а на того, кто усердно

содействовал, как на служителя злу. Мог ли кто быть его милостивее и достойнее приносить дары Богу? Нередко едва приходил в раздражение, как уже прощал раздражившего, стыдясь его падений, как своих собственных. Роса дольше выдерживает солнечный луч, падающий на нее утром, чем в нем удерживался какой-либо остаток гнева. Напротив, едва начинал говорить, как со словами проходило и негодование, оставляя после себя одну доброту. Да и никогда не продолжалось его негодование по захождении солнца, не питало гнева, который губит и благоразумных, не оставляло худых следов в теле, но сохранялось спокойствие и среди самого возмущения. А потому он испытал на себе ту необычайность, что хотя не он один подвергал наказаниям, однако же его одного любили и уважали наказываемые; потому что он побеждал вспыльчивость милостью. И действительно, терпеть наказание от праведного лучше, нежели умащаться елеем нечестивого. Ибо сама суровость одного приятна по причине пользы, а милость другого подозрительна по причине его злонравия.

Но при таких душевных качествах, имея нрав простой и богоподобный, родитель мой был для оскорбителей несколько и страшен своим благочестием; вернее же сказать, всего более поражала их сама пренебрегаемая ими простота. Ибо не произносил он ни одного слова, молитвенного или клятвенного, за которым бы не последовало тотчас или долговременное благо, или временная скорбь. Но первое выходило из глубины души, а последнее являлось только на устах, и было одно отеческое вразумление. Так многих из огорчивших его постигло не позднее воздаяние и не сзади идущее правосудие, как сказано у стихотворца¹⁰⁹, но они были поражаемы при первом движении гнева, раскаивались, притекали к нему, падали на колени, получали прощение и отходили прекрасно побежденными, исправившимися, уцеломудренными и прощенными. Ибо и прощение нередко ведет к спасению, обуздывая обидчика стыдом, из состояния страха приводя его в чувство любви и самое твердое благорасположение. Вразумления же бывали различны; иных бросали вверх волы, сдавленные ярмом и нечаянно набежавшие, чего не случалось с ними прежде; других повергали на землю и топтали кони, дотоле самые покорные и смиренные; а некоторых постигла сильная горячка и мучили мечтания о собственных проступках. Для иных бывали вразумления и другого рода, и претерпеваемое ими научало их послушанию.

Такова и столь известна была в родителе моем кротость! Но кому же уступал он в искусстве вести дела и в деятельности? Конечно, никому.

Напротив, хотя он был кроток в большей мере, нежели кто-либо другой, однако же при кротости был и деятелен. Хотя простота и суровость суть два качества, больше всего одно другому противящиеся и противоположные, потому что первая при кротости не деятельна, а другая при деятельности не человеколюбива; впрочем в нем оба эти качества были соединены чудным образом. В ходатайствах, представительствах и во всех делах правления он действовал, как человек строгий, но с кротостью, и уступал, как человек недейтельный, но с искусством. Соединяя в себе мудрость змеи в рассуждении зла и незлобие голубя в рассуждении добра, он не попускал и благоразумию делаться злотворным, и простоте доходить до слабоумия, но из обоих совершенств, как можно было лучше, оставил одну добродетель. Что же удивительного, если при таких доблестях, так священноначальствуя и снискав у всех такую славу, удостоился он наконец и знамений, каковыми Бог утверждает благочестие?

Вот одно из совершившихся на нем чудес. Он страдал недугом и изнемог в телесных силах. Да и удивительно ли, что святые подвергаются страданиям? Это нужно или для очищения даже малой нечистоты, или для испытания в добродетели и для искуса в любомудрии, или для назидания более немощных, чтобы на их примере учились терпению и не унывали в страданиях. Итак, он был болен, а наступило время святой и преславной Пасхи, этого царя дней, этой пресветлой ночи, рассеявшей греховную тьму – ночи, в которую при обильном свете празднуем собственное свое спасение, и как умерли с умерщвленным за нас Светом, так и совоптаем с Восставшим. В такое время постигла его болезнь, и она была, скажу не распространяясь, сильная горячка с жаром; вся внутренность пылала, силы оскудели, а пищи не было, сон бежал, больной метался и чувствовал трепетание во всех членах. Во рту вся внутренность, небо и что далее неба, покрылось нарывами, столь болезненными и частыми, что трудно и опасно было проглотить даже воды. Не помогали ни искусство врачей, ни отступные молитвы домашних, ни все другие пособия. В таком положении находился родитель, дышал слабо и едва приметно, не узнавал предстоящих, но весь был занят своей кончиной, тем, чего давно желал и что было ему уготовано. А мы были тогда в храме, славили тайну и молились, ибо, отчаявшись в других способах, прибегли к великому Врачу, к силе настоящей ночи – к этой последней помощи. Но что готовил нам день? Празднество или плач, торжество или погребение не присутствовавшего с нами? Сколько слез пролито тогда всем народом! Сколько слышно было гласов, воплей и песней, соединенных псалмопениями! У святилища просили священника, у таинства –

таинника, у Бога – достойного защитника. И это совершилось с предначатия моей Мариамы, ударяющей в тимпан не победный, но молитвенный, и наученный скорбью в первый раз отложить стыд и вопиять к людям и к Богу, умоляя людей разделить горесть сетующей и пролить с нею слезы, а Бога прося услышать молящихся и вспоминая перед Ним все прежние чудеса Его (ибо скорбь изобретательна). Что же творит Бог этой ночи и болящего? С трепетом приступаю к продолжению повествования; со страхом внимайте и вы, слушатели, а не с сомнением, что и неприлично, когда говорю я о нем. Наступило время тайнодействия, началось благоговейное стояние и чин безмолвного внимания совершаемому; и Животворящим мертвых также силой священной ночи восстановлен болящий. В нем оказывается сперва слабое, потом более сильное движение, после этого, весьма тихим и невнятным голосом назвав по имени одного из предстоящих служителей, велит ему подойти, подать одежду и поддерживать руки. Слуга с изумлением подходит и охотно исполняет приказание. Больной, опираясь на его руки, как на жезл, подражает Моисею на горе, и изнемогшие руки устроив на молитву, вместе с народом своим усердно совершает таинство, или даже предначинает совершение краткими, сколько мог, словами, но наисовершеннейшим, как я думаю, умом. И какое чудо! Без алтаря предстоит алтарю, без жертвенника жрец, священнодействующий вдали от священнодействуемого! Но и оно предложено было ему Духом Святым, что и сознавал сам он, но не видели этого присутствующие. Потом, произнеся, как следует, слова Благодарения¹¹⁰ и благословив народ, возлегает он опять на одр и, приняв несколько пищи, также вкусив сна, обновляется в силах. Между тем, пока возрастало и укреплялось понемногу здоровье, – наступил новый день праздника, как именуем первый Господский день, следующий за днем Воскресения. Тогда приходит в храм, со всем церковным собором обновляет спасение и приносит в жертву святые Дары. И это, по моему мнению, чем меньше чуда, совершившегося на Езекии, которого в болезни, по молитве его, прославил Бог прибавлением лет жизни, и это самое, по прошению исцеленного, ознаменовал возвращением тени на несколько степеней, почтив таким образом царя вместе и благодатью и знамением, прибавлением долготы дня уверив в прибавлении дней жизни?

Через некоторое время совершилось подобное чудо и над моей матерью, также достойное того, чтобы не умалчивать о нем. Ибо, приобщив здесь повествование об этом, сколько почтим ее, достойную всякой чести, столько благоугодим и родителю. Мать моя всегда была

крепка и мужественна, всю жизнь не чувствовала недугов; но и ее постигает болезнь. Из многих страданий, чтобы не затягивать слова, назову самое тяжкое – отвращение от пищи, продолжавшееся многие дни и неизлечиваемое никаким способом. Как же питает ее Бог? Не манну ниспосылает, как издревле Израилю; не камень разверзает, чтобы источить воду жаждущим людям; не через вранов питает, как Илию; но через восхищаемого пророка насыщает, как некогда Даниила, томимого голодом во рву. Но каким же образом? Ей представилось, будто бы я, особенно ею любимый (она и во сне не предпочитала мне никого другого), являюсь к ней вдруг ночью с корзиной и самыми белыми хлебами, потом, произнеся над ними молитву и запечатлев их крестным знамением, по введенному у нас обыкновению, подаю ей вкусить и тем восстанавливаю и подкрепляю ее силы. И это ночное видение было для нее чем-то действительно существенным; ибо с этого времени пришла она в себя и стала не безнадежна. А случившееся с ней обнаружилось ясным и очевидным образом. Когда, при наступлении дня, вошел я к ней рано утром, – с первого раза увидел ее в лучшем прежнего положении; потом стал, по обыкновению, спрашивать, как провела ночь, и что ей нужно? Она нимало не медля и речисто сказала: «Сам ты, любезный сын, напитал меня и потом спрашиваешь о моем здоровье. Ты весьма добр и сострадателен!» В то же время служанки показывали мне знаками, чтобы я не противоречил, но принял слова ее равнодушно и открытием истины не приводил ее в уныние.

Еще присовокуплю одно происшествие, касающееся обоих. Плыл я Парфенским морем на корабле Егинском из Александрии в Грецию. Время было самое неудобное для плавания; но меня влекла страсть к наукам, особенно же ободряло то, что корабельщики были как бы свои. Но едва совершили мы часть пути, – поднялась страшная буря, какой, по словам пльвших со мной, и не бывало на их памяти. Все пришли в страх при виде общей смерти; но я, бедный, боялся больше всех за свою душу; ибо подвергался опасности умереть некрещеным и среди губительных вод желал воды духовной; поэтому вопиял, просил и молил себе хотя малой отсрочки. Соединяли вопль свой и пльвшие со мной, несмотря на общую опасность, усерднее иных родственников. Странные подлинно человеколюбцы, наученные состраданию бедствием! Так страдал я; но со мной страдали и родители, в ночном видении разделяя мое бедствие. Они с суши подавали помощь, своей молитвой как бы заговаривая волны: о чем узнал я, когда впоследствии, по возвращении домой высчитал время. То же самое открыл и нам спасительный сон, как скоро мы вкусили его, потому

что буря несколько утихла. Ночь явственно мне представила, что держу Эринию, которая страшно смотрит и грозит опасностью. А некто из пловших со мной, оказывавший ко мне особенное благорасположение и любовь и весьма беспокоившийся обо мне, видел, что во время опасности мать моя вошла в море, и взявши корабль, без большого труда извлекла его на сушу. И видение оправдалось; ибо море стало укрощаться, а мы вскоре, по непродолжительном бедствовании на море, пристали к Родосу. Во время этой-то опасности и я принес себя в дар, дав обет, если спасусь, посвятить себя Богу, и посвятив, спасся.

И это касается обоих, но думаю, что иные из близко знавших моего родителя, давно удивляются мне, который так долго останавливается на этих предметах, как будто это одно и могу ставить ему в похвалу, а до сих пор не упомянул о тягостных временах, с которыми он боролся, как будто этого или не знаю, или не считаю важным. Итак, присовокупим и это к сказанному.

Наше время произвело на свет первое и, думаю, последнее зло – царя отступника от Бога и от здравого смысла. Почитая для себя малым делом покорить персов, а великим – низложить христиан, при содействии побеждающих его к тому демонов, не оставил он без испытания ни одного вида нечестия: убеждал, угрожал, лжеумствовал, привлекал к себе не только ухищрениями, но и силой. Он не имел утаиться, как ни прикрывал гонение злоухищренными выдумками; но не употреблял своей власти и открытым образом, чтобы мы непременно были уловлены, как ни есть, или обманом, или насилием. Но найдется ли человек, который бы более моего родителя или презирал, или послужил к низложению этого царя? Доказательством пренебрежения, кроме многого другого, служит следующее. Когда стрелки, с предводителем своим, посланные царем отнимать у нас или разрушать священные наши храмы, после нападений на многие другие места с такой же дерзкой мыслью пришли сюда, и начальник их, по царскому указу, стал требовать храма, тогда не только не совершил он желаемого, но если бы по собственному благоразумию или по чьему-либо совету не согласился уступить моему отцу, то был бы растоптан ногами. Так иерей воспламенял всех гневом на него и ревностью о храме! Но кто же больше моего родителя способствовал низложению отступника? Он и открыто, несмотря на обстоятельства, всенародными молитвами и молениями поражал губителя, и наедине выводил на него свое ночное ополчение – простертие на земле, изнурение престарелой и маститой плоти своей, орошение пола слезами. В таковых подвигах провел он почти целый год, любомудрствуя перед единым

Тайноведец, от нас же стараясь укрыться; потому что, как сказал я, не любил хвалиться своей набожностью. И конечно, утаился бы, если бы не взошел я однажды нечаянно и, увидев следы его распростертая на земли, не выведал у одного из служителей, что это значило, и таким образом не узнал ночной тайны.

Вот и другое повествование о подобном опыте мужества и относящееся к тому же времени. Кесария была в волнении, по случаю избрания архиерея; потому что один скончался и искали другого. Споры были жаркие, и трудно было положить им конец. Город, по свойству жителей, а особенно, в настоящем случае, по горячности веры, склонен был к мятежам; а знаменитость кафедры еще более усиливала страсть к прениям. В таком положении находилось дело, когда прибыло несколько епископов, чтобы дать городу архиерея. Народ разделился на много групп, как обыкновенно бывает в таких случаях; один предлагал того, другой другого, руководствуясь кто дружескими связями, кто страхом Божиим. Наконец, все приходят к согласию, и одного из первостепенных граждан¹¹¹, отличного по жизни, но еще не запечатленного божественным Крещением, взяв против воли его, при содействии военной силы, вступившей тогда в город, возводят на престол, а потом представляют епископам, убеждая их и даже насильно требуя, чтобы избранного сподобили Таинства и нарекли архиереем. Поступок – не весьма законный, однако же показывающий сильную и пламенную веру! И нельзя сказать, чтобы здесь проявил себя кто-нибудь более праводушным и богобоязненным, нежели мой родитель. Ибо чем окончилось дело, и до чего простерся мятеж? Вынужденные епископы очистили избранного Крещением, нарекли и возвели на престол, действуя более руками, нежели произволением и расположением духа, как показало дальнейшее. Ибо они едва, с радостью, удалились из города и получили полную свободу располагать собой, как держат между собой совет (не знаю, духовный ли?) и определяют признавать как все совершенное ими не имеющим силы, так и постановление епископа незаконным, ставя ему в вину сделанное им принуждение (хотя и сам он потерпел не меньшее), и воспользовавшись некоторыми выражениями, какие он будто бы произнес тогда, показав в них больше опрометчивости, нежели мудрости. Но великий Архиерей и правдивый ценитель дел не последовал давшим такое определение и не одобрил их мнения, но пребыл непреклонным и непреодолимым, как бы он вовсе не потерпел никакого принуждения. Ибо рассуждал: поскольку принуждению подверглись обе стороны; то надобно, чтобы или обвиняющие были обвинены, или прощающие прощены или, что

справедливее, прощающие не прощены. Если поставившие достойны извинения, то необходимо достоин его и поставленный; а если последний недостоин, то ни под каким видом не достойны первые. Гораздо было лучше тогда претерпеть бедствие и упорствовать до конца, нежели входить в совещание после, и притом в такие времена, когда всего полезнее прекращать старую вражду, а не заводить новую. Так происходило дело. Между тем приближался царь, исполненный ярости на христиан, и, будучи раздражен рукоположением, угрожал новопоставленному; город был как бы на острие бритвы, и неизвестно было, не погибнет ли он через день, или найдет еще сколько-нибудь человеколюбия, и спасется. Препрежнее негодование на граждан за храм богини счастья, разрушенный ими во времена счастливые, усилено было последним избранием епископа, которое царь почитал наравне с разграблением народного достояния. Притом областной начальник, который и прежде не был дружен с новопоставленным по разномыслию в делах гражданских, старался сделать ему какое-нибудь зло, чтобы тем угодить времени. Поэтому писал он к рукополагавшим, чтобы обвинили новопоставленного, и писал не просто, но даже с угрозами, давая знать, что требует этого сам царь. Тогда пришло письмо и к моему родителю. Но он, нимало не устращаясь, немедленно отвечал со всей смелостью и полным присутствием духа, как видим из самого ответа. Ибо писал так: «Достопочтенный правитель! Мы во всех делах своих имеем единого Судью и Царя, против которого ныне восстают. Он и теперь будет судить нас за рукоположение, которое совершено нами законно и по Его изволению. Для вас весьма удобно, если захотите, сделать нам насилие в чем-либо другом; но никто не отнимет у нас права защищать такое дело, которое совершено нами законно и справедливо; разве издадите еще закон, запрещающий нам располагать и собственными нашими делами». Такому ответу удивился и сам получивший его, хотя некоторое время и негодовал на его, как сказывали многие, коротко знавшие этого начальника. Им остановлено и стремление царя; город спасен от опасности (а не худо присовокупить еще), и мы избавлены от стыда. Так действовал епископ малого города, занимавший второстепенную кафедру! Так первенствовать – не гораздо ли лучше, чем вещать с высших престолов? Не лучше ли начальствовать самим делом, а не по имени только?

Кто же так удален от обитаемой нами Вселенной, чтобы не знал его деяния, последнего по порядку, но первого и важнейшего по силе? В том же городе, и по такой же причине, произошло опять смятение, потому что потерпевший такое прекрасное принуждение¹¹² в скором времени

скончался и переселился к Богу, за Которого твердо и мужественно подвизался он во время гонения. Споры были тем безрассуднее, чем жарче. Ибо небызвестно было – кто преимуществует перед всеми, как солнце перед звездами. Каждый видел это ясно, особенно все почтеннейшие и беспристрастнейшие из граждан, все, принадлежавшие алтарю, и наши назореи¹¹³, на которых одних, по крайней мере большей частью, должны были бы лежать подобные избрания, в каком случае Церковь не терпела бы никакого зла; тогда как избрания эти зависят от людей богатых и сильных, а еще более от буйства и безрассудности черни, даже между чернью от людей самых последних. Почему можно теперь думать, что народные начальства благоустроеннее нашего¹¹⁴ начальства, которому приписывается божественная благодать, и что в подобных делах лучший правитель страх, а не разум. Ибо кто из благомыслящих стал бы искать другого, миновав тебя, священная и божественная глава¹¹⁵, – тебя, написанного на руках Господних (Ис.49:16), не связанного брачными узами, нестяжателя, бесплотного и почти бескровного, в знании словес первого по Слове, между любомудрыми мудрого, между мирскими премирного, друга моего и сотрудника (выражусь даже смелее), соучастника души моей, вместе со мной жившего и учившегося? Я желал бы, чтоб слову дана была свобода, чтоб оно изобразило тебя в другом месте, а не в твоём присутствии это описывало, где должно оставить большую часть, избегая подозрения в лести. Но на чем остановилась речь? Дух знал присного Ему (ибо может ли не знать Он?); однако же зависть противоборствовала. Стыжусь говорить об этом, не желал бы слышать и от других с таким усердием осмеивающих наши дела. Подобно рекам, обойдем камни, лежащие на течении, почтив молчанием достойное забвения, и обратимся к продолжению слова. Муж, исполненный Духа¹¹⁶ совершенно знал, что угодно Духу; он рассуждал, что не должно унижаться и в борьбе с крамолой и предубеждением уступать больше людской милости, нежели Богу; а напротив, надобно иметь в виду одно – пользу Церкви и общее спасение. Поэтому писал, увещевал, соглашал народ, священников и всех служащих алтарю, свидетельствовал подавал голос, рукополагал даже заочно и заставлял чужих, подобно своим, уважать седину. Наконец, поскольку требовала нужда, чтобы рукоположение его¹¹⁷ было согласно с правилами, а число нарекающих было не полно и недоставало одного, то сам, удрученный старостью и недугом, отрывается от болезненного одра, с бодростью юноши идет, или лучше сказать, с мертвым и едва дышащим телом приносится в город,

уверенный, что если постигнет его смерть, то попечительность эта поставит для него прекрасную погребальную ризу. И здесь совершается нечто чудное. Но не невероятное; он укрепляется трудом, юнеет усердием, распоряжает, препирается, возводит на престол, возвращается домой, и но силы его служат ему не гробом, но Божиим киотом. И если недавно восхвалял я его великодушие, то в этом случае оказалось оно еще в большей мере. Когда сослужители его не могли снести стыда, что они побеждены, а старец с властью располагает делами, и за это негодовали на него и злословили его, тогда он укрепился терпением и одержал над ними верх, взяв в пособие себе действительнейшее средство – кротость и то, чтобы на злословие не отвечать злословием. Ибо для победившего на самом деле какая опасность остаться побежденным на словах? А поэтому когда само время оправдало его мнение, – так пленил он великодушием своих противников, что, переменяв негодование на удивление, они извинялись перед ним, припадали к коленам, стыдились прежних поступков и, отложив ненависть, признали его своим патриархом, законодателем и судьей.

С такой же ревностью восставал он и против еретиков, когда ополчились на нас вместе с нечестивым царем и, поработив почти уже всех, думали и нас совратить и приобщить к другим. И здесь оказал он нам немалую помощь, как сам, так, может быть, и через меня которого он, как молодого пса нехудой породы, для упражнения в благочестии выводил против этих лютых зверей.

За одно жалуясь на обоих¹¹⁸. Не огорчитесь моим дерзновением; ибо объявлю скорбь свою, хотя это и горестно! Жалуясь на обоих, что меня, огорченного бедствиями жизни этой, любящего пустыню, как едва ли любит кто другой из наших, употреблявшего все усилия как можно скорее уклониться от общей бури и праха и спастись в безопасное место, под благовидным именем священства (не знаю, каким образом), предали вы на это беспокойное и злокозненное торжище душ, отчего немало зла или уже потерпел я, или надеюсь еще потерпеть; ибо понесенные мной страдания обезнадеживают даже и в будущем, хотя разум, предполагая лучшее, и уверяет в противном.

Но не умолчу о следующем добром качестве в моем родителе. Он во всем был терпелив и выше нужд земной оболочки. Когда же страдал от последнего недуга, начавшегося вместе со старостью, весьма продолжительного и мучительного, тогда болезненное состояние было для него нечто общее со всеми людьми, но в перенесении болезни не имел он ничего общего с другими; а напротив, здесь видно было нечто ему одному

свойственное и подобное чудесам, совершившимся с ним прежде. Часто не проходило дня, даже часа, в который бы не чувствовал он болезненных припадков; но укреплял себя единой Литургией, и болезнь, как бы гонимая чьим повелением, оставляла его. Прожив почти до ста лет, сверх пределов, положенных Давидом пребыванию нашему на земле, и из них сорок пять лет, что составляет меру человеческой жизни, проведя в священстве, отрешается он, наконец, от жизни в старости доброй. И как отрешается? В молитвенном положении и с словом молитвы, не оставляя и следа злобы, но оставив множество памятников добродетели. А потому у каждого на языке и в сердце уважение к нему более, нежели человеческое. И нелегко найти человека, который бы, вспоминая о нем, не лобызал его в своем воображении, по слову Писания, «положив на уста руку» ([Иов.39:34](#)). Такова была жизнь его, таковы последние дни жизни, такова кончина!

Поскольку же нужно было, чтобы и для потомства остался памятник его щедрости, то можно ли желать лучшего, чем этот храм, воздвигнутый им Богу и для нас? Немногим воспользовавшись из народного подаяния, а большую часть пожертвовав от себя, совершил он дело, о котором нельзя умолчать, имею в виду храм, величиной превосходящий многие и красотой почти все другие храмы. Имея вид равностороннего восьмиугольника, над прекрасными столпами и крыльцами поднимает он вверх свои своды с изображениями на них, не уступающими самой природе, а сверху обнимается сиянием неба и озаряет взоры обильными источниками света, как истинная его обитель; со всех сторон окружен переходами, выдающимися под равными углами, сделанными из блестящего вещества и заключающими внутри себя большое пространство. Сия изяществом дверей и преддверий, приглашает он издали приходящих; не говорю уже о внешнем украшении, о красоте четырехугольных камней, неприметно между собой соединенных, из которых одни, в основаниях и надглавьях, украшающих углы, мраморные, а другие добыты здесь, но ничем не уступают чужеземным. Не говорю о различных, видом и цветом, выдавшихся и вдавшихся поясах от основания до вершины, которая, ограничивая взор, подавляет собой зрителя. Но как могло бы слово в столь короткое время изобразить произведение, которое требовало большого времени, многих трудов и искусства? Или довольно будет сказать одно то, что когда другие города украшаются многими, и частными, и общественными зданиями, – нам это здание приобретает славу у многих? Таков этот храм! А как для храма нужен стал иерей; то от себя же дает и иерея не могу сказать, соответствующего ли храму, однако же дает. Поскольку же требовались и жертвы; то предлагает в жертву страдания

сына и его терпение в страданиях, да будет от него Богу, вместо подзаконной жертвы всеплодие словесное, жертва духовная, прекрасно потребляемая.

Что скажешь, отец мой? Достаточно ли этого? И это мое похвальное слово, напутственное или надгробное, примешь ли в воздаяние за труды, какими ты обременял себя для моего образования? И дашь ли, по древнему обычаю, мир слову? Здесь ли положишь ему предел, не терпя того, чтобы оно вполне было соразмерно твоим заслугам? Или пожелаешь каких дополнений? Знаю, что и этим удовлетворишься. Но хотя и достаточно этого, – позволь еще присовокупить следующее. Поведай нам: какой сподобился ты славы, каким облечен светом, каким облечется вскоре супружница твоя, каким облечены чада, которых сам ты предал погребению; прими и меня в те же селения, или прежде новых злостраданий, или по кратком злострадании в жизни этой! А прежде горних селений, этим сладостным камнем, который приготовил ты для обоих, еще здесь почтив твоего и соименного тебе иерея, извини меня за это слово, с твоего позволения и предложенное, и предначатое, и безбедно веди, во-первых, всю твою паству и всех архиереев, именовавших тебя отцом своим, а преимущественно меня, потерпевшего от тебя принуждение и над которым ты властительствовал отечески и духовно; веди безбедно, чтобы мне не всегда жаловаться на твое принуждение.

Что же думаешь ты¹¹⁹, судья слов и движений моих. Если сказанного достаточно и ожидание твое удовлетворено, произнеси приговор; я приемлю его. Ибо суд твой поистине суд Божий. Если же слово мое ниже и его¹²⁰ славы, и твоего ожидания: помощник близко; как благовременный дождь, пошли глас твой, которого ожидают его доблести. И конечно немаловажны причины, по которым он обязывает тебя к этому, и как пастырь пастыря, и как отец сына по благодати. Что удивительного если тот, кто через тебя возгремел в слух Вселенной, сам насладится сколько-нибудь твоим гласом?

Что же остается еще? Вместе с духовной Саррой, супругой великого отца нашего Авраама, и ему равнолетней, полюбомудрствовать несколько о погребальном. Матерь моя! – не одинаково естество Божеское и человеческое или, говоря вообще, не одинаково естество божественного и земного. В божественном неизменяемо и бессмертно как само бытие, так и все, имеющее бытие; ибо в постоянном все постоянно. Что же бывает с нашим естеством? Оно течет, сотлевет и испытывает перемену за переменной. Поэтому жизнь и смерть, нами так называемые, как ни

различны, по-видимому, между собой, входят некоторым образом одна в другую и сменяют друг друга. Как жизнь, начинаясь тлением, – нашей матерью, и продолжаясь через тление – непрерывное изменение настоящего, оканчивается тлением – разрушением этой жизни; так смерть, избавляющая нас от здешних бедствий и многих приводящая в жизнь горнюю, не знаю, может ли быть названа в собственном смысле смертью. Она страшна только именем, а не самим делом; и едва ли не безрассудной предаемся мы страсти, когда боимся того, что не страшно, а гонимся, как за вожделенным, за тем, чего должно страшиться. Одна для нас жизнь – стремиться к жизни; и одна смерть – грех, потому что он губит душу. Все же прочее, о чем иные думают много, есть сновидение, играющее действительностью, и обманчивая мечта души. Если же так будем рассуждать, мать моя, то не будем и о жизни думать высоко, и смертью огорчаться чрезмерно. Что ужасного в том, что переселяемся мы отсюда в жизнь истинную, избавившись от превратностей, пучин, сетей, постыдного оброка, и вместе с постоянными и непреходящими существами будем ликовать как малые светлы окрест великого Света? Тебя печалит разлука, да возрадует же надежда. Для тебя страшно вдовство, но оно не страшно для него. И где же будет доброта любви, если будем для себя избирать легкое, а ближнему отделять труднейшее? Во всяком случае, что тяжкого для той, которая сама вскоре разрешится? Срок близок, скорбь не продолжительна. Не станем малодушными помыслами обращать легкое в тягостное. Великого лишились мы, зато и обладали великим. Потери несут все, а обладают немногие. Да не сокрушает первое, но да утешает последнее. Справедливость требует, чтобы лучшее одерживало верх. Ты с великим мужеством и любомудрием переносила потерю детей, которые были еще в цветущих летах и годны для жизни, перенеси же смерть престарелой плоти, утружденной уже жизнью, хотя душевная сила и сохраняла в ней чувства здоровыми. Но ты имеешь нужду в попечителе? Где же твой Исаак, которого оставил он тебе взамен всех? Требуй от него малого – руководства и услуг; и воздай ему вящее – материнское благословение, молитвы и будущую свободу. Но ты негодуешь за предложение советов, хвалю за это; потому что сама давала советы многим, всем, кто ни прибегал к твоему благоразумию во время продолжительной твоей жизни. Не к тебе и слово, любомудрейшая из жен, пусть будет оно общим средством утешения для плачущих, да понимают это люди, предпосылающие подобных себе людей!

Слово 19

Произнесенное Св. Григорием Богословом о словах своих Юлиану, производившему перепись народа и уравнение податей

Какая насильственная власть, которая постоянно мучит меня из любви! Какая моя мудрость и опытность, когда каждый праздник вызывают меня на борьбу! Я не нахожу в себе никакой мудрости, ни опытности, как ни разбираю и ни испытываю сам себя. Одно, правда, сознаю в себе, что может быть и немаловажно, хотя некоторые называют это скудоумием, – я бы желал каждую минуту умерщвлять в себе жизнь, а жить жизнью сокровенной во Христе, стать не мелочным купцом, но на все, что имею у себя, купить драгоценную жемчужину, все преходящее и тленное променяв на постоянное и небесное. Такое приобретение, конечно, всего важнее и надежнее для имеющего ум. Но если это для меня невозможно, то я желал бы устоять, по крайней мере, в другом, и престол уступить желающим, а самому всю жизнь быть ребенком и учеником, пока не измою всей горечи сладкими водами учения. Пусть было бы это одним и первым делом моего любомудрия или скудоумия; а вторым и важнейшим – следующее: поскольку я не в состоянии удерживать словом моим слово многих и овладевшее ныне всеми стремление и желание учить и говорить о духовном, не имея в себе Духа, то идти другим путем, сколько я уверен, и лучшим и менее трудным, став примером молчания, научить всех безмолвию; и кто высоко обо мне думает, того устыдить превосходством, а кто низко и меньше надлежащего, того довести до скромности равенством достоинств. Такова причина моего молчания, такова тайна нашего воздержания!

Но что со мной делается? Меня влекут и порывают туда и сюда; входят о трудах моих в тяжбу, без милосердия, требуя с меня слова, как некоего долга; любят меня больше, нежели сам я себя; и все стали мудрее меня, потому что лучше меня знают время, когда говорить и когда молчать. Они говорят, что не перестанут в меня, как в железо кремнем, бить укоризнами, пока от малой искры не воспламенится огонь слова. А некоторые из них обещают уже и выгоды от моих слов, поставляют мне на вид большие награды; во-первых, ту, что они сами себе сделают добро, предав себя Богу и мне в плодоношение слова; потом ту, что по случаю переписи окажется добро и всем присутствующим здесь, то есть моему

клиру, если клир отца моего – вместе и мой, и моему стаду, с которыми я поступил бы очень несправедливо если бы не имел усердия благодетельствовать им всеми мерами. А самая лучшая награда та, что они за мое слово сами предлагают то, чего бы посредством слова надлежало домогаться с большим усилием. Прекрасно соревнование, которым стараются победить меня! Похвально воздаяние! Видите, каково действие моего молчания; оно сделало сами слова мои для вас более возжеланными. Видите, каков плод нашего бесславия. О, если бы такова была польза слова, какова польза молчания!

Итак, поскольку вам это угодно, вы победили непобедимого, восторжествовали над моим любомудрием, произнесу вам нечто лучшее молчания. А следственно, произнесу не что-либо нежное, приятное и улаждительное для многих своим благозвучием (такой беседой худо воздал бы я любящим меня), но скажу что-нибудь весьма мужественное и сильное, от чего вы могли бы сделаться лучшими, как возведенные от плоти к духу и достаточно возвысившиеся умом.

«Сыны человеческие», начну вам словами велегласного Давида, «доколе слава моя будет в поругании, доколе будете любить суету и искать лжи» ([Пс.4:3](#)), почитая чем-то великим здешнюю жизнь, забавы, мелкую славу, ничтожную власть и ложное благоденствие, которые имеющим их принадлежат не больше, чем только надеющимся иметь, и надеющимся не больше, чем вовсе не чающим? Все это, как прах вихрем, восхищается и переносится от одного к другому, или, как дым, разливается, как сновидение, над нами издевается, как тень неудержимо; когда уходит, – не безнадежно для не приобретших; и когда приходит, – не верно для обладающих. Как не обратим взоров к нему, горе? Не истрезвимся? Не очистим гноя с глаз! Не познаем, в чем истинное богатство, в чем подлинная знаменитость, где неутрачиваемое достоинство, в чем бесконечное блаженство, где незыблемое, неперемняемое, не подвергающее нас наветам благо? Не их ли станем приобретать, если бы так случилось, со многими усилиями и трудами? Не такими ли будем наслаждаться надеждами, если должно здесь чем-нибудь наслаждаться? Не помыслим ли о святых мучениках и о прочих святых, которые, подобно каким-то общим узам, объяли собой всю Вселенную, и в честь которых совершается настоящее празднество? Для чего они и раны, и узы, и истязания, и запрещение огнем, и острие мечей, и лютость зверей, и тьму, и голод, и пропасти, и расхищение имений, и отторжение членов, а, наконец, и саму смерть – все терпели охотно, как бы подвизаясь в чужом теле? Чем желали они быть, что наследовать? Не всякому ли это известно,

хотя бы и не говорил я? Почему и нам с той же надеждой, перед тем же Раздателем наград и Подвигоположником не ополчиться против того же мучителя, столь же и ныне, как и в то время, жестокого гонителя душ, невидимого врага и противника? Почему не подвизаться с таким же мужеством на общем позорище, то есть на позорище мира (если не при крайней опасности, когда и освобождение скоро, то в ежедневных трудах и борениях), чтобы удостоиться тех же венцов, или чего-нибудь весьма к тому близкого? А я всякому мужу и жене, старцу и юноше, городскому жителю и поселянину, простолюдину и начальнику, богатому и бедному, так как всех призывает один подвиг, даю совет один – приготовиться к этому подвигу охотно, не расслабевать, не медлить, не терять времени, которого возвратить уже невозможно. Ибо настоящее время есть время делания, а будущее – время воздаяния.

Слышите, что говорит Спаситель: «встаньте, идем отсюда» ([Ин.14:31](#)), говорит не тогдашним только ученикам, которых уводит из Иудеи, но и всем последующим, чтобы всех переселить отсюда и привлечь к Себе вознесенному, по обету ([Ин.12:32](#)). Последуем за благим Владыкой, убежим от мирских похотей, убежим от обманчивого мира и миродержателя; всецело посвятим себя Творцу; почтим образ Божий, уважим звание, изменим жизнь. Для чего унижаем себя, будучи высокими? Для чего останавливаемся на видимом? Пусть всякий, во всякое время, при всяком образе жизни и обстоятельстве, по мере собственной своей силы, и по мере данной ему благодати, принесет Богу плод, какой может, чтобы добродетелями всякой меры наполнить нам все горние обители, пожав столько, сколько посеяли, или, лучше сказать, столько вложив в Божии житницы, сколько возделали. Пусть приносят в дар, – кто богатство, а кто нищету; кто усердие к ближнему, а кто охотное принятие предлагаемого усердием; кто похвальное дело, а кто глубокое наблюдение; кто благовременное слово, а кто благоразумное молчание; кто непреткновенное учение и жизнь, ему не противоречащую, а, кто благопослушный и благопокорный слух; кто чистое девство, совершенно отрешающее от мира, а кто честный брак не вовсе отлучающий от Бога; кто воздержание без надмения, а кто и употребление без похотливости; один ничем неразвлекаемое упражнение в молитвах и песнях духовных, другой тщательное защищение требующих помощи. Все же да приносят слезы, очищение от грехов, восхождение и усилие простираться вперед. Прекрасным будет плодоношением и простота, и уцеломудренный смех, и обузданный гнев, и глаз, удерживаемый от бесчиния, и ум, не допускаемый до рассеянности.

Как бы ни было маловажно приносимое Богу, и как бы ни далеко отстояло от совершенства, но оно не настолько мало, чтобы Бог не нашел этого угодным и вовсе не принял, хотя и праведным судом взвешивает милость. И Павлово насаждение приемлет Он как Павлово; приемлет и напоение Аполлосово, и две лепты вдовы, и мытарево смирение, и исповедь Манассии. Когда Моисей водружал на земле скинию во образ небесного, тогда все приносили, что было им велено. А доброхотные подаятели (мужи и жены) – одни золото, другие серебро и дорогие камни для верхней ризы, другие «виссон тканый» и «червленую шерсть»; одни «багряницу, кожи бараньи красные», другие самое худшее, «козью шерсть» ([Исх.25:35](#)); каждый и каждая, что имели у себя на тот раз, все приносили в дело скинии, и никто из самых бедных не остался без приношения. Так и мы в честную Божию скинию этой церкви, «которую воздвиг Господь, а не человек» ([Евр.8:2](#)), в скинию, создаваемую из различных украшений добродетели, хотя один меньше, а другой больше, но все будем вносить одинаково, при строительстве Духа слагаемые и сочетаемые в дело совершенно, в жилище Христово, в храм святой. Без сомнения же, не внесем столько, сколько получили, хотя и все внесем. Ибо и то от Бога, что мы существуем, знаем Бога и имеем, что внести. Но всего прекраснее и человеколюбивее то, что Бог измеряет подаяние не достоинством подаваемого, но силами и расположением плодоносящего.

Итак, не медли сделаться щедрым, но будь им теперь, и по недостатку достойного, не отказывай во всем. Напротив, одно внеси, другое пожелай внести, а об ином молись, чтобы Бог даровал прощение немощи. Он говорит: «пусть не являются передо Мною с пустыми руками» ([Исх.23:15](#)). Никто да не будет тощ и бесплоден; ни одна душа не окажется лишенной плодородия и чадородия. Всякий да плодоносит Богу, что у него есть и составляет его собственность: согрешающий – исправление, текущий подвигом добрым – неослабность; юный – воздержание; седина – благоразумие; богатый – щедрость; бедный – благодарность; начальствующий – некичливость; судья – кротость. «Священники облекитесь» (или, правильнее сказать, облечемся) «правдой» ([Пс.131:9](#)). Не будем расточать овец паствы, не погубим тех, за кого положил душу «Пастырь добрый», Который знает Своих и Своими знаем, «зовет по имени» ([Ин.10:3](#)), вводит овец и изводит их из неверия в веру, из настоящей жизни в будущее упокоение. Побоймся того, чтобы, во исполнение угрозы, с нас не «начался суд» ([1Пет.4:17](#)), нам не принять «от руки Господней вдвое за грехи» ([Ис.40:2](#)), потому что сами не входим и препятствуем тем, которые могут взойти.

Овцы, не пасите пастырей и не выступайте из своих пределов, для вас довольно, если вы на доброй пажити. Не судите судей, не предписывайте законов законодателям. «Бог не есть Бог неустройства» и беспорядка, «но мира» и порядка ([1Кор.14:33](#)). Поэтому да не замышляет стать головой, кто с трудом служит рукой или ногой, или другим еще менее важным членом тела, напротив, братья, «каждый оставайся в том звании, в котором призван» ([1Кор.7:20](#)), хотя бы и достоин был высшего. Довольствоваться настоящим – гораздо похвальнее, нежели домогаться звания, какого не получил. Кому можно без опасности следовать за другим, тот не желай начальствовать с опасностью для себя. Да не нарушается закон подчинения, которым держится и земное и небесное, чтобы через многоначалие не дойти до безначалия.

Образовавшие в себе дар слова не слишком полагайтесь на этот дар, не мудрствуйте до излишества и сверх разума, не желайте во всем, даже и со вредом, одерживать верх, но в некоторых случаях, только было бы полезно, уступайте над собой и победу. Принесите слово в дар Слову, обратите ученость в оружие оправдания, а не смерти.

Воины, «довольствуйтесь своим жалованьем» ([Лк.3:14](#)) и не требуйте сверх положенного. Так повелевает вам со мной Иоанн, великий проповедник истины, глас предтекий Слову. Что же понимает он под жалованьем? Очевидно – царское содержание и подарки, какие делают по закону за отличия. А от кого «лишнее»? Остерегаюсь произнести неприязненное слово, но вы сами поймете, хотя и воздержусь.

Градоправители, «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» ([Мф.22:21](#)). «Кому дань, а кому страх» ([Рим.13:7](#)). А когда говорю страх, – запрещаю любостяжание. Какую же получим себе выгоду, может быть, скажете вы. Великую, из всех величайшую, и если угодно, при посредстве моем, благие надежды и первенство в горнем граде, а не в этом малом и малейшем из городов, в котором (из уважения к месту моего воспитания скажу еще скромно) и начальствовать – нет большой чести и славы. Пожелаем там быть первыми, приобретем тамошнюю славу; взамен сострадательности, какой не видим к себе здесь, упокоимся в недрах Авраамовых.

Будем «судить праведным судом» ([Ин.7:24](#)), «избавим нищего и бедного» ([Пс.81:4](#)), помилуем вдовицу и сироту, «спасем обреченных на убиение» ([Прит.24:11](#)), или (выражусь гораздо легче) не будем сами убивать; не презрим просящего у нас даже крох со стола; не пройдем мимо покрытого струпьями и лежащего в наших воротах. Не будем предаваться забавам, когда другие злостраждут; не погнушаемся подобным себе рабом,

чтобы не разделить нам, друзья и братья, одной участи с богачом, не «мучаться в пламени», не отделяться «пропастью» от праведных, не просить нищего Лазаря «концом перста прохладить» палимый «язык» наш ([Лк.16:24–26](#)), и просить напрасно. Будем добродушны, милосерды, сострадательны, будем подражать Владыке, Который велит восходить солнцу для добрых и злых, всех одинаково питает дождем. Не дозволим себе обогащаться нищетой других, не отступим так далеко от Божией правдивости, не смешаем богатства своего с чужими слезами, от которых оно, как от ржавчины и моли, пропадет, или (скажу словом Писания) «изблужается» ([Иов.20:15](#)). Но ежели мы алчны более, чем должно, то есть и добрая любостыжательность. Дадим здесь нечто малое, чтобы там обогатиться.

Эти правила общие для всех, а не для одних только гражданских начальников, потому что для общего недуга и пути исцеления общие. А ты, составляющий у нас перепись, переписывай нас правдиво; веди не тщательную перепись моих слов, от которых нет или мало пользы, и только приятность и удовольствие для слуха, но святую и человеколюбивую перепись моего народа, уважив, если не что другое, то само время, потому что и Спаситель рождается во время переписи. Сказано: «вышло повеление от кесаря Августа сделать перепись во всей земле». Перепись началась. «Пошел также и Иосиф в Вифлеем, записаться с Мариєю обрученной ему женою, потому что он был из дома и рода Давидова» ([Лк.2:1–5](#)). И в это-то время рождается Спаситель, о чудо! Создатель и Владыка всего рождается в бедной и малой обители. Устрашимся тайны, почтим домостроительство, и сами принесем нечто в дар времени. Ныне ангелы радуются; ныне пастыри обнимаются сиянием; ныне звезда течет с востока к великому и неприступному Свету, ныне волхвы поклоняются, приносят дары, познают Царя всяческих и прекрасно по звезде угадывают Небесного. Ныне Ирод неистовствует, избивает детей и за Освободителя истребляет тех, которые должны были получить свободу. Но мы станем с поклоняющимися и Обнищавшему за нас до тела¹²¹ принесем не ладан, как Богу, не золото, как Царю, не смирну, как вкусившему за нас смерть, но дары таинственные, превышающие видимое, то есть ничего не возьмем, ни в чем не уступим богатству предпочтения перед бедностью, не обидим твари для твари. Ты с Христом ведешь перепись, с Христом взвешиваешь, с Главой назначаешь цену, со Словом вычисляешь. Ныне для тебя особенно рождается Христос, есть Бог, и соделывается человеком, и «обращается между людьми» ([Вар.3:8](#)).

Что показывает слово это? Оно, по моему рассуждению, вразумляет

тех, комуверяют подобные дела, что Бог всегда входит в важнейшие распоряжения Правительств. И с одной стороны, чтобы устыдить производящих перепись, во время переписи вступает в общение с плотью и с людьми, а с другой стороны, чтобы утешить нас в рабстве и научить искренности (чего также не должно выпускать из виду), Сам платит «дидрахму» за Себя и за Петра, досточестнейшего из учеников ([Мф.17:24–27](#)). Ибо для нас стал Он человеком и принял образ раба, за наши беззакония веден был на смерть. Так поступал Спаситель, Который, как Бог, мог спасти единым изволением. Но Он сделал то, что для нас важнее и наиболее нас пристыжает, стал нам подобострастным и равночестным. Ужели же мы, ученики кроткого, человеколюбивого и столько для нас послужившего Христа, не будем подражать милосердию Владыки? Ужели не будем милостивы к подобным нам рабам, чтобы и самим заслужить милость Господа, Который возмеряет, как сами будем мерить? Ужели не захотим через кротость приобрести души своей? Довольно для свободных рабства, довольно и того различия, что созданные из одной персти, кто властвует, а кто состоит под властью; кто налагает подати, а кто вносится в число дающих подать; кто может делать неправду и зло, а кто молится и употребляет все усилия, чтобы не претерпеть зла. Довольно различия между созданными по единому образу, в одном достоинстве, между наследниками одной и той же жизни, между теми, за которых Христос равно умер! Довольно этого для свободных! Не будем отягчать этого ига и наказания за первый наш грех. Да погибнет зло и первое основание зла – лукавый, «спящим нам посеявший плевелы» ([Мф.13:25](#)) (чем означает, что началом зла бывает нерадение о добре, равно как началом тьмы – удаление света)! Вот что произведено деревом и горьким вкушением, и завистливым змием и преслушанием, за которое осуждены мы проводить жизнь в поте лица. От этого я стал наг и безобразен, познал наготу, облекся в кожаную ризу, ниспал из рая, обратился в землю, из которой взят, и вместо наслаждения имею одно то, что узнал собственное свое бедствие, вместо кратковременного удовольствия осужден на непрестанную скорбь и неприязнь к тому, который ко вреду был много возлюблен и привлек меня к себе посредством вкушения. Такова мне награда за грех! Вследствие этого я должен родиться на труд, жить и разрушаться. Грех есть мать нужды, и нужда – любостыжательности, и любостыжательность – браней, а бранями произведены на свет подати – самое тягостное в нашем осуждении. Но по крайней мере мы, подлежащие тому же осуждению, не станем увеличивать наказания и не будем злы к другим. Бог требует от нас взаимного человеколюбия, хотя Сам и

наказывает нас.

Будет и другая перепись, другой составитель переписи, если ты слышал о «книге живых» ([Пс.68:29](#)) и о книге неспасаемых. Там все мы будем вписаны или, лучше сказать, уже вписаны каждый по достоинству проведенной им жизни. Там и богатство имеет не больше, и бедность не меньше, а также и милость, и вражда и все прочее, чем здесь закрывается справедливость. Все мы вписаны перстом Божиим, и в день откровения отверста нам будет книга. «Малый и великий там равны» ([Иов.3:19](#)), и «раб вместе с господином», скажу словами Соломона ([Прем.8:11](#)), и Царь с подвластным, и знатность подле вводимых в перепись. Умолчу о том, что и выговорить ужасно; однако же скажу, что, как сами пишем, так и будем написаны. Это-то написание сделай и ты для себя как можно более милостивым, оказавши нам милость и человеколюбие.

Что скажешь на это? Что напишешь, наилучший друг и сверстник, слушавший со мной одних учителей и одни уроки, хотя Бог и сопричислил меня ныне к лучшему (повременю говорить: к труднейшему) жребию – учить вас, облеченных властью? Что скажешь ты, плод благочестивого отечества и рода, священная отрасль священных родителей и корень еще более священннх чад? Как примешь слова мои? Убедительны ли они? Или потребуешь, чтобы я долее услаждал тебя? Правда, не гадать об этом нужно, но достоверно можно знать, что слова мои издавна имеют над тобой силу. И если не на другое что, то на сами слова положиться могу, что они всегда удобно ведут тебя к прекрасному, и ты или предшествуешь им, или последуешь. Ибо этим-то именно и отличаются мудрые от людей обыкновенных. Однако же присовокуплю нечто к сказанному.

Ты воздал уже награду словам моим, какова бы она ни была. Но и слова мои воздают тебе и приводят к тебе нищих, весь лик иереев, лик любомудрых, никакими узами не привязанных к дольному, обладающих только собственными телами, и телами несовершенно, ничего не имеющих для Кесаря, но все посвятивших Богу – песнопения, молитвы, бдения, слезы, стяжание, не легко приобретаемое, то есть чтобы умирать для мира, жить для Христа, изнурять плоть, отвлекать душу от тела. Их – служителей и свидетелей тайн Божиих, прозрителей в небесное, основателей нашего рода, опору и венцы Веры, драгоценные жемчужины, камни храма, для которого основание и краеугольный камень – Христос, то есть прекрасной полноты Церкви, их пощадив или всецело воздав Богу, совершишь ты превосходнейшее дело и для них, и для себя, и для всех нас. И я желаю, чтобы это богатство пришло тебе от нас, а не великие сокровища золота и серебра, которые теперь существуют, но вскоре

существовать не будут.

Таково вам плодоношение моего слова! Оно ниже вашей надежды, но соразмерно моим силам. Воздайте и вы мне нечто большее моего приношения – благопокорность, чтобы сверх всего прочего меньше иметь нужды в моих словах, «будьте внимательны друг к другу, поощряя к любви и добрым делам» ([Евр.10:24](#)), чтобы сподобившись милостивого и человеколюбивого написания на небесах и ликуя перед Царем всяческих, в чем и состоит все занятие написанных там, совершать Богу хвалу, созерцая и превознося единую славу и светлость Божества – Отца и Сына и Святого Духа. Ибо Ему слава, и честь, и поклонение во веки веков. Аминь.

Слово 20

О поставлении епископов и о догмате Святой Троицы

Когда смотрю на усиливающуюся ныне болезнь языка, на скороспелых мудрецов, на производимых вновь богословов, для которых довольно только захотеть, чтобы стать мудрыми, тогда ощущаю потребность высшего любомудрия, ищу с Иеремиею «пристанища последнего» ([Иер.9:2](#)), и желаю быть один с самим собой. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнув как бы чувства, отрешившись от плоти и мира, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседа с самим собой и с Богом, жить превыше видимого, всегда носить в себе божественные образы, чистые, не смешанные с дольными и обманчивыми впечатлениями, быть и непрестанно делаться как бы неомраченным зеркалом Бога и божественного, приобретать ко свету свет – к менее ясному лучезарнейший; пока не взойдем к Источнику тамошних озарений и не достигнем блаженного конца, когда действительность сделает ненужными зеркала. Поэтому едва ли кто в состоянии преодолеть влекущее долу вещество, разве уже обучил себя долговременным любомудрием, и постепенно отторгал от низкого и сопряженного с тьмой, что есть в душе благородного и световидного, или удостоился Божией милости, или, сверх того и другого, прилагал всевозможное старание вознести взор свой горе. А пока нет сил преодолеть вещественное, достаточно очистить слух и мысли; до тех пор не безопасно принимать на себя попечение о душах и вдаваться в богословствование.

И чем приведен я в такой страх? Не почтите меня боязливым сверх меры; напротив, похвалите даже мою предусмотрительность. От самого Моисея слышу, что, когда беседовал с ним Бог, хотя и многие призваны на гору, а в числе их и Аарон с двумя сынами, священниками, однако же повелено было, чтобы прочие поклонились издавеча, а к Богу приступил один Моисей, народу же не дозволено и восходить на гору ([Исх.24:1–2](#)). И не задолго до этого молнии, громы, трубы, вся гора дымящаяся, страшные угрозы и другие подобные грозные явления удерживали народ внизу горы, и для него много было, по надлежащем очищении, слышать один глас Божий. Между тем Моисей и на гору восходит, и вступает внутрь облака, и приближается к Богу, и приемлет закон, – для народа закон написанный, а для тех, которые выше народа, закон духа. Знаю также, что было со священником Илием и несколько после него с Озой. Первый понес

наказание за беззаконие детей, на которое они отваживались при жертвоприношениях, хотя не только не одобрял их нечестия, но многократно делал им строгие выговоры. Другой дерзнул только прикоснуться к Киоту, увлекаемому тельцом, и хотя поддержал Киот, но сам погиб; так Бог охранял неприкосновенность Киота! Знаю еще, что простому народу не безопасно было прикасаться к стенам храма, почему и нужны стали другие внешние стены ([3Цар.6:5](#)). И сами жертвы потреблять позволялось не всякому, не во всякое время и не на всяком месте, тем более не дерзали часто входить во Свята Святы, и не только прикасаться, но даже простирали взор к завесе, или к очитилищу, или к Киоту. Зная все это, а вместе и то, что не достоин великого Бога и Жертвы, и Архиерея, кто не представит себя самого в живую жертву Богу, или, лучше сказать, сам не сделается святым и живым храмом живого Бога, – зная все это, мог ли я как сам необдуманно приступить к преподаванию учения о Боге, так и одобрить приступающего к этому дерзновенно? И желание непохвально, и предприятие трудно!

Поэтому надобно очистить сперва самих себя, а потом уже беседовать с Чистым. Иначе испытаем на себе то же, что было с Маноем, и узрев явившегося Бога, должны будем сказать: погибли мы, жена, «ибо Бога видели» ([Суд.13:22](#))! Или, подобно Петру, станем высылать с корабля Иисуса, как недостойные такого посещения. Или, подобно сотнику, будем просить врачевания, но не примем Врача. Конечно, и из нас иной (пока он – сотник, над многими первенствует во зле, и служит еще кесарю – миродержителю влекомых долу) скажет о себе: «я не достоин, чтобы ты под покров мой вошел» ([Мф.8:8](#)). Но когда увижу Иисуса, хотя мал я ростом духовно, подобно Закхею, однако же взойду на смоковницу, «умертив земные члены» ([Кол.3:5](#)) и измождив «тело уничиженное» ([Флп.3:20](#)); тогда и Иисуса приму к себе и услышу: «ныне пришло спасение дому этому» ([Лк.19:9](#)); тогда действительно получу спасение, начну совершеннее любомудрствовать прекрасно, расточая собранное мной худо, то есть и деньги и учение.

Поскольку же определено мной в слове, каков должен быть богослов, то предложу краткое учение о Боге, уповая на помощь самого Отца и Сына и Святого Духа, о Которых у нас слово. Но молю Бога, чтобы мне о Нем, подобно Соломону, и не помыслить и не произнести чего-либо собственного. Ибо когда Соломон говорит: «я более невежда нежели кто-либо из людей, и разума человеческого нет у меня» ([Притч.30:2](#)), конечно, не с тем намерением говорит это, чтобы изобличить совершенное свое неразумие. Ибо возможно ли оно в том, кто больше всего просил себе у

Бога смьшлености и получил мудрость и дар созерцания, и широту сердца – обильнее и неисчерпнее песка морского ([3Цар.3:29](#))? И как бы тот, кто был столь мудр и сподобился такого дара, стал называть себя безумнейшим из людей, если не в том смысле, что в нем нет собственной своей мудрости, действует мудрость Божия и совершеннейшая? И Павел, когда говорит: «живу не я, но живет во мне Христос» ([Гал.2:20](#)), – понимает не то, что он совершенно мертв, но что живет жизнью совершеннейшей, чем многие другие, потому что он стал причастен истинной жизни, которой не полагает предела никакая смерть.

Итак, мы поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, разделяя личные свойства и соединяя Божество. Не смешиваем трех (ипостасей) в одно, чтоб не впасть в недуг Савеллиев, и единого не делим на три (сущности), разнородные и чуждые друг другу, чтобы не дойти до Ариева безумия. Ибо для чего, как растение, скривившееся на одну сторону, со всем усилием перегибать в противную сторону, исправляя кривизну кривизной, а не довольствоваться тем, чтобы, выпрямив только до середины, остановиться в пределах благочестия? Когда же говорю о середине, имею в виду истину, которую одну и должно иметь в виду, отвергая как неуместное смешение так и еще более нелепое разделение. Ибо в одном случае, из страха многобожия сократив понятие о Боге в одну ипостась, оставим у себя одни голые имена, признавая, что один и тот же есть и Отец, и Сын, и Святой Дух и, утверждая не столько то, что все Они одно, сколько то, что каждый из Них ничто, потому что, переходя и переменяясь друг в друга, перестают уже быть тем, что Они сами в Себе. А в другом случае, разделяя Божество на три сущности, или (по Ариеву, прекрасно так называемому, безумию), одна другой чуждые, неравные и отдельные, или безначальные, не соподчиненные и, так сказать, противобожные, то предадимся иудейской скудости, ограничив Божество одним нерожденным, то впадем в противоположное, но равное первому зло, предположив три начала и трех Богов, что еще нелепее предыдущего.

Не должно быть таким любителем Отца, чтобы отнимать у Него свойство быть Отцом. Ибо чьим будет Отцом, когда отстраним и отчуждим от Него вместе с тварью и естество Сына? Не должно быть и таким Христолюбцем, чтобы даже не сохранить у Него свойства – быть Сыном. Ибо чьим будет Сыном, если не относится к Отцу, как виновнику? Не должно в Отце умалять достоинства – быть началом, принадлежащего Ему, как Отцу и Родителю. Ибо будет началом чего-то низкого и недостойного, если он не виновник Божества, созерцаемого в Сыне и Духе. Не нужно все это, когда надобно и соблюсти веру в единого Бога, и исповедовать три

Ипостаси, или три Лица, притом – каждое с личным Его свойством. Соблюдается же, по моему рассуждению, вера в единого Бога, когда и Сына и Духа будем относить к единому Виновнику (но не слагать и не смешивать с Ним), – относить как по одному и тому же (назову так) движению и хотению Божества, так и по тождеству сущности. Соблюдается вера и в три Ипостаси, когда не будем вымышлять никакого смешения или слияния, вследствие которых у чествующих более, чем должно, одно, могло бы уничтожиться все. Соблюдутся и личные свойства, когда будем представлять и нарицать Отца безначальным и началом (началом, как Виновника, как источник, как присносущный Свет); а Сына – нимало не безначальным, однако же и началом всяческих.

Когда говорю – началом, ты не привноси времени, не ставь чего-либо среднего между Родившим и Рожденным, не разделяй естества худым вложением чего-то между совечными и сопребывающими. Ибо если время старше Сына, то, без сомнения, Отец стал виновником времени прежде, нежели – Сына. И как был бы Творцом времен Тот, Кто сам под временем? Как был бы Он Господом всего, если время Его упреждает и Им обладает? Итак, Отец безначален; потому что ни от кого иного, даже от Себя самого не заимствовал бытия¹²². А Сын, если представляешь Отца виновником, не безначален (потому что началом Сыну Отец, как виновник); если же представляешь себе начало относительно ко времени – безначален (потому что Владыка времен не имеет начала во времени).

А если из того, что тела существуют во времени, заключишь, что и Сын должен подлежать времени; то бестелесному припишешь и тело. И если на том основании, что рождающееся у нас прежде не существовало, а потом приходит в бытие, станешь утверждать, что и Сыну надлежало из небытия прийти в бытие, то уравниешь между собой несравнимое – Бога и человека, тело и бестелесное. В таком случае Сын должен и страдать, и разрушаться, подобно нашим телам. Ты из рождения тел во времени заключаешь, что и Бог так рождается; а я заключаю, что Он рождается не так, из того самого, что тела так рождаются. Ибо что не сходно по бытию, то не сходно и в рождении; разве допустишь, что Бог и в других отношениях подлечит законам вещества, например, страдает и скорбит, жаждет и алчет, и терпит все, свойственное как телу, так вместе и телу и бестелесному. Но этого не допускает твой ум; потому что у нас слово о Боге. Поэтому и рождение допускай не иное, как Божеское.

Но спросишь: если Сын рожден, то как рожден? Отвечай прежде мне, неотступный совопросник: если Он сотворен; то как сотворен? А потом и меня спрашивай: как Он рожден? Ты говоришь: «И в рождении страдание,

как страдание в сотворении. Ибо без страдания ли бывает составление в уме образа, напряжение ума и представленного совокупно разложение на части? И в рождении также время как творимое создается во времени. И здесь место, и там место. И в рождении возможна неудача, как в сотворении бывает неудача (у вас слышал я такое умствование); ибо часто, что предначертал ум, того не выполняли руки». Но и ты говоришь, что все составлено словом и хотением. «Ибо Он сказал, – и сделалось; Он повелел, – и явилось» ([Пс.32:9](#)). Когда же утверждаешь, что создано все Божиим словом; тогда вводишь уже не человеческое творение. Ибо никто из нас производимого им не совершает словом. Иначе, не было бы для нас ничего ни высокого, ни трудного, если бы стоило только сказать, и за словом следовало исполнение дела. Поэтому, если Бог создаваемое Им творит словом, то у Него не человеческий образ творения.

И ты, или укажи мне человека, который бы совершил что-нибудь словом, или согласишься, что Бог творит не как человек. Предначертай по воле свой город; и пусть явится у тебя город. Пожелай, чтобы родился у тебя сын; и пусть явится младенец. Пожелай, чтобы совершилось у тебя что-либо другое; и пусть желание обратится в само дело. Если же у тебя не следует ничего такого за хотением, между тем как в Боге хотение есть уже действие, то ясно, что иначе творит человек, и иначе – Творец всего – Бог. А если Бог творит не по-человечески: то как же требуешь, чтобы Он рождал по-человечески? Ты никогда не был, потом начал бытие, а после и сам рождаешь, и таким образом приводишь в бытие то, что не существовало, или (скажу тебе нечто более глубокомысленное) может быть, и сам ты производишь не то что не существовало. Ибо и Левий, как говорит Писание, был «еще в чреслах отца» ([Евр.7:10](#)), прежде нежели произошел на свет. И никто да не ловит меня на этом слове, я не говорю, что Сын так произошел от Отца, как существовавший прежде в Отце, и после уже приходящий в бытие; не говорю, что Он сперва был несовершен, а потом стал совершенным, каков закон нашего рождения. Делать такие привязки – свойственно людям неприязненным, готовым нападать на всякое произнесенное слово. Мы не так умствуем; напротив, исповедуя, что Отец имеет бытие нерожденно (а Он всегда был, и ум не может представить, чтобы когда-либо не было Отца), исповедуем вместе, что и Сын был рожден, так что совпадают между собой и бытие Отца и рождение Единородного, от Отца сущего, и не после Отца, разве допустим последовательность в одном только представлении о начале, и о начале, как о Виновнике (не раз уже возвращаю к тому же слову дебелость и чувственность твоего разума).

Но ежели без пытливости принимаешь рождение (когда так должно выразиться) Сына, или Его самостоятельность (υπόστασις), или пусть изобретет кто-нибудь для этого другое, более свойственное предмету речение (потому что умопредставляемое и изрекаемое превосходит способы моего выражения), то не будь пытлив и касательно исхождения Духа. Достаточно для меня слышать, что есть Сын, что Он от Отца, что иное Отец, иное Сын; не любопытствую об этом более, чтобы не подпасть тому же. Что бывает с голосом, который от чрезмерного напряжения прерывается, или со зрением, которое ловит солнечный луч. Чем кто больше и подробнее хочет видеть, тем больше повреждает чувство, и в какой мере рассматриваемый предмет превышает объем зрения, в такой человек теряет саму способность зрения, если захочет увидеть целый предмет, а не такую часть его, какую мог бы рассмотреть без вреда. Ты слышишь о рождении: не допытывайся знать, каков образ рождения. Слышишь, что Дух исходит от Отца: не любопытствуй знать, как исходит.

Но если любопытствуешь о рождении Сына и об исхождении Духа; то полюбопытствую и я у тебя о соединении души и тела: как ты – и персть, и образ Божий? Что в тебе движущее, или движимое? Как одно и то же и движет, и движется? Как чувство пребывает в том же человеке и привлекает внешнее? Как ум пребывает в тебе и рождает понятие в другом уме? Как мысль передается посредством слова? Не говорю о том, что еще труднее. Объясни вращение неба, движение звезд, их стройность, меры, соединение, расстояние, пределы моря, течение ветров, перемены времен года, излияние дождей. Ежели во всем этом ничего не понимаешь ты, человек (уразумеешь же, может быть, со временем, когда достигнешь совершенства, ибо сказано: «взираю па небеса, дело рук Твоих» ([Пс.8:4](#)), а из этого можно догадываться, что видимое теперь – не сама истина, но только образ истины; ежели и о себе самом не познал – кто ты, рассуждающий об этих предметах; ежели не постиг и того, о чем свидетельствует даже чувство, то как же предпримешь узнать в подробности, что такое и как велик Бог? Это показывает великое неразумие!

Если же поверишь несколько мне, не дерзновенному богослову, то скажу тебе, что одно ты уже постиг, а чтобы постигнуть другое, о том молись. Не пренебрегай тем, что в тебе; а прочее пусть остается в сокровищнице. Восходи посредством дел, чтобы через очищение приобретать чистое. Хочешь ли со временем стать богословом и достойным Божества? Соблюдай заповеди и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию. Трудись телом для души. И

может ли кто из людей стать настолько высоким, чтобы прийти в меру Павлову? Однако же и он говорит о себе, что видит только «сквозь тусклое стекло, гадательно», и что наступит время, когда узрит «лицом к лицу» ([1Кор.13:12](#)). Положим, что на словах и превосходим мы иного любомудрием, однако же, без всякого сомнения, ты ниже Бога. Может быть, что ты и благоразумнее другого; однако же перед истиной в такой же мере ты мал, в какой бытие твое отстоит от бытия Божия. Нам дано обещание, что познаем некогда, как сами познаны ([1Кор.13:12](#)). Если невозможно иметь мне совершенного познания здесь; то что еще остается? чего могу надеяться? Без сомнения, скажешь – небесного царства. Но думаю, что оно есть не что иное, как достижение чистейшего и совершеннейшего. А совершеннейшее из всего существующего есть ведение Бога. Это-то ведение частью да храним, частью да приобретаем, пока живем на земле, а частью да сберегаем для себя в тамошних сокровищницах, чтобы в награду за труды приять всецелое познание Святой Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будет выразиться так), в самом Христе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков, аминь.

Слово 21

Похвальное Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому

Хваля Афанасия, буду хвалить добродетель; ибо одно и то же – наименовать Афанасия и восхвалить добродетель; потому что все добродетели в совокупности он в себе имел или, справедливее сказать, имеет, так как перед Богом живы все, жившие по Богу, хотя и переселились они отсюда; почему Бог и называется Богом Авраама, Исаака и Иакова, как Бог «не мертвых, но живых» ([Мф.22:32](#)).

А хваля добродетель, буду хвалить самого Бога, от Которого в людях добродетель и дар возрождения или возвращения к Нему через сродное озарение. Ибо из многих и великих даров, которые мы получили и получим еще от Бога и которых числа и великости никто изречь не может, дар наибольший и наиболее свидетельствующий о Божием к нам человеколюбии есть наше к нему стремление и сродство с Ним. Что солнце для существ чувственных, то Бог для духовных: одно освещает мир видимый, Другой – невидимый; одно телесные взоры делает солнцевидными, Другой разумные естества – богоподобными. И как солнце, доставляя возможность видящему видеть, а видимому быть видимым, само гораздо превосходнее видимого, так Бог, устраивающий, чтобы существа мыслящие имели дар мышления, а мыслимые были предметом мышления, Сам выше всего мысленного, и всякое желание останавливается на Нем, далее же никуда не простирается. Ибо далее Его ничего высшего и даже вовсе ничего не находит ум самый любомудрый, превыспренний и любоиспытательный. Бог есть последнее из желаемых, успокоение всех бывших умозрений. Кто успел с помощью рассудка и умозрения расторгнуть вещество и плотское (если назвать так) облако, или покрывало, приблизиться к Богу, насколько доступно человеческой природе, и соединиться с чистейшим светом, тот блажен, по причине как восхождения отсюда, так и тамошнего обожествления, к которому приводит истинное любомудрие и возвышение над вещественной двойственностью ради единства, умопредставляемого в Троице. А кто от сопряжения с веществом стал хуже и настолько прилепился к бренному, что не может воззреть на сияние истины и возвыситься над дольным, тогда как сам произошел свыше и призывается к горнему, тот для меня жалок, по причине ослепления, хотя бы он и благоуспешен был в здешней жизни; даже тем более жалок, чем более обольщается своим счастьем и верит, что

есть другое благо, кроме блага истинного, пожиная тот вредный плод своего вредного мнения, что или осуждается во тьму, или как на огонь смотрит на того, Кого не признал за свет.

Такое любомудрие и из новых, и из древних достигнуто немногими (ибо немного Божиих, хотя и все – Божие создания): достигнуто законодателями, военачальниками, священниками, пророками, евангелистами, апостолами, пастырями, учителями, всей духовной полнотой, всем духовным собором, а между ними и восхваляемым ныне мужем. Кого же подразумеваю под достигшими? – Еноха, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, двенадцать Патриархов, Моисея, Аарона, Иисуса, Судей, Самуила, Давида, Соломона до известного времени, Илию, Елисея, пророков, живших прежде и после пленения, и тех, в порядке последних, но в действительности первых, которые близки ко времени Христова воплощения или восприятия Христом плоти, – этот светильник, претекший Свету, этот глас, предваривший Слово, этого ходатая, предшествовавшего Ходатаю, этого посредника между Ветхим и Новым Заветом, этого славного Иоанна и учеников Христовых, и тех, которые после Христа или председательствовали в народе, или прославились учением, или стали известны по чудесам, или запечатлелись кровью. И из этих-то мужей Афанасий одним ни в чем не уступал, другим уступал в немногом, а некоторых (если не дерзко будет сказать) даже превзошел, подражая кому в слове, кому в деле, кому в кротости, кому в ревности, кому в перенесении опасностей, кому во многом, кому во всем. Заимствуя у одного ту, у другого другую красоту, как делают живописцы, старающиеся довести изображаемый предмет до крайнего изящества, и совокупив все это в одну свою душу, он из всего составил единый облик добродетели, сильных в слове превзойдя деятельностью, а деятельных – словом, или, если угодно, превысив в слове – прославившихся словом, и в деятельности – самых деятельных, а посредственных в слове и деле – превосходством в том и другом, высоких же в одном из двух оставив ниже себя и словом и делом. И если к славе предшественников его служит, что они были для него образцом доблестей; то этому нашему украшению не в меньшую обращается похвалу, что он стал образцом для своих преемников.

Как на описание всех его доблестей и на изъявление им удивления потребовалось бы, может быть, больше времени, нежели сколько должно занять настоящее слово; притом все это было бы делом не похвального слова, а истории (и я в назидание и услаждение потомству желал бы изобразить его доблести особым писанием, как и он описал жизнь

божественного Антония, изложив в виде повествования правила монашеской жизни), то из многих его дел, большую часть предоставив знающим, коснусь немногих, какие на этот раз приходят мне на память как более известные, чтобы только удовлетворить собственному желанию и воздать должное празднику. Ибо не благочестно и не безопасно было бы чтить памятью жития нечестивых, а обходить молчанием мужей, прославившихся благочестием, и притом в городе¹²³, который едва ли спасут и многие примеры добродетелей, потому что он божественные предметы обращает в забаву так же, как скачки и зрелища.

Афанасий рано был напоен божественными правилами и уроками, употребив немного времени на изучение наук общеупотребительных, с тем только, чтобы и в этом не казаться совершенно неопытным и не знающим того, что почитал достойным презрения. Он не потерпел, чтобы благородные и обильные дарования души были упражняемы в предметах суетных; не захотел подвергнуться участи неопытных борцов, которые, поражая чаще воздух, нежели противников, не достигают наград. Изучив все книги Ветхого и Нового Завета, как другой не изучал и одной, он обогащает себя умозрительными сведениями, обогащает и светлостью жизни, и удивительным образом сплетает из того и другого эту подлинно золотую, для многих неудобосплетаемую цепь, употребив жизнь в руководство к умозрению, и умозрение, как печать жизни. Ибо правило, что «начало мудрости страх Господень» ([Пс.110:10](#); [Притч.1:7](#)), есть как бы первая только пелена; мудрость же, превозмогшая страх, перешедшая в любовь, делает нас Божиими друзьями и из рабов сынами.

Так воспитанный и обученный, как и надлежало бы и ныне готовящимся быть представителями народа и иметь попечение о великом теле Христовом, по великому Божию совету и предведению, которое задолго прежде полагает основание важных событий, он сопричисляется к этому великому алтарю, делается одним из приближенных «приближающихся» к Богу ([Лев.10:3](#)), удостоивается священного стояния и чина, и когда прошел весь ряд степеней, тогда (чтобы не говорить о средних) дается ему председательство в народе, или, что то же, вверяется попечение о целой Вселенной; и священство приемлет он (не умею сказать) как награду за добродетель, или как источник и жизнь Церкви. Ибо нужно было, чтобы Церковь, томимая жаждой истины и едва дышащая, была напоена, как Исмаил ([Быт.21:15–20](#)), или прохлаждена из источника, как Илия, в земле иссохшей от бездождия ([3Цар.17:2–6](#)), и оживотворилась, чтобы оставлено было «семя» Израилю ([Ис.1:9](#)), и мы не стали как Содом и Гоморра, эти города, потопленные «огнем» и «серой»

([Быт.19:24](#)) и известные своими пороками и еще более своей погибелью.

Поэтому нам, повергнутым уже долу, воздвигнут рог спасения, благовременно ниспослан краеугольный камень, связующий нас с самим собой и друг с другом, или огонь, очищающий гнилое и вредное вещество, или лопата земледельца, отделяющая в учении легкое от полновесного, или меч, отсекающий корни злобы. И Слово находит своего поборника, и Дух приобретает мужа, который за Него будет дышать ревностью. Так и для таких причин, по приговору всего народа, не в подражание худому образцу, превозмогшему впоследствии, не с помощью убийств и насилий, но апостольски и духовно, возводится он на престол Марка¹²⁴ преемником его должности, а не менее и благочестия; ибо хотя далек от него в первом, однако же близок в последнем. А в этом собственно и надобно поставлять преемственность; ибо единомыслие делает и единопредстольными, разномыслие же разнопредстольными. И одна преемственность бывает только по имени, а другая в самой вещи. Ибо тот истинный преемник, кто не употребил, а разве потерпел принуждение, кто возведен, не преступив закон, но по закону, кто не противного держится учения, но ту же содержит веру; если только называешь преемником не в том смысле, в каком болезнь преемствует здравую, мрак – свету, буря – тишине, исступление – здравомыслию.

Так он возводится, так и распоряжается властью. Не следует обычаю вступить на престол и тотчас предаться своеволию от пресыщения, подобно тем, которые сверх чаяния захватывают какую-либо власть или наследство. Это свойственно священникам чуждым, незаконным и недостойным сана, которые, приступая к священству, ничего не приносят с собой, нимало не потрудившись для добродетели, оказываются вместе и учениками и учителями благочестия, и когда сами еще не очистились, начинают очищать других. Вчера святотатцы, а ныне священники, вчера не смевшие приступать к святыне, а ныне тайноводители, устаревшие в пороках и новоявленные в благочестии, произведение человеческой милости, а не дело благодати Духа, – они весь путь свой ознаменовали насилием, и, наконец, гнетут само благочестие; не нравы дают им степень, а степень – нравы (так много превратился порядок!); им больше надобно приносить жертвы за себя, нежели «за грехи неведения народа» ([Евр.9:7](#)); они непременно грешат в одном из двух: или, имея нужду в снисхождении, чрезмерно снисходительны, так что не пресекают порок, а учат пороку; или строгостью власти прикрывают собственные дела свои.

Но Афанасий не имел ни одного из этих пороков, напротив, насколько высок был делами, настолько смирен сердцем; в добродетели никому

недоступен, а в обращении всякому весьма благоприступен, кроток, негневлив, сострадателен, приятен в беседе, еще приятнее по нраву, ангелоподобен наружностью, еще ангелоподобнее сердцем; когда делал выговор, – был он спокоен; когда хвалил, – назидателен. Он ни одного из этих добрых качеств не портил неумеренностью: у него выговоры были отеческие и похвалы, приличные начальнику; и мягкость не составляла слабости, и строгость – жестокости; напротив, первая представлялась снисходительностью, последняя – благоразумием, а та и другая – любомудрием. Ему немного было нужно слов, потому что для наставления других достаточно было его жизни; ему редко нужен был жезл, потому что достаточно было слова, и еще реже нужно было употреблять сечение, потому что достаточно было жезла, поражающего слегка.

Но для чего мне описывать вам этого мужа? Его описал уже Павел, частью, когда восхваляет ([Евр.4:14](#)) «Первосвященника великого, прошедшего небеса» (да дерзнет и на это мое слово, потому что Писание называет Христами живущих по Христе!), – частью когда в послании к Тимофею дает ему закон. Изображая словом, каков должен был предназначаемый для епископства ([1Тим.3:1–7](#)). Ибо если закон этот как правило приложишь к похваляемому в этом именно отношении, то ясно увидишь его прямизну.

Приступите же со мной к православию Афанасия и подайте помощь мне, который затрудняется в слове, и желая большую часть обойти молчанием, останавливается на каждом его деянии, не умея отыскать превосходнейшего, как трудно бывает это находить в теле, со всех сторон одинаково и прекрасно отделанном, ибо что ни представится, все то оказывается прекрасным, всем тем увлекается слово. Итак, пусть разделит со мной его доблести всякий, кто хочет быть вещателем ему похвал и свидетелем; пусть все вступят в прекрасное друг с другом состязание – мужи и жены, юноши и девы, старцы с юными, священники и народ, отшельники и подвизающиеся в общежитии, любители простоты и строгой точности, ведущие жизнь созерцательную и деятельную! Пусть восхваляют – кто как бы бесплотность и невещественность его в пощениях и молитвах, а кто бодрость и неутомимость во бдениях и псалмопениях, один предстательство за нуждающихся, другой противоборство превозносящимся, или снисходительность к смиренным; девы – невестоводителя, супруги – наставника целомудрию, пустынножители – окрыляющего, пребывающего в общежитии – законодателя, любители простоты – руководителя, ведущие жизнь созерцательную – богослова, живущие в веселье – узду, бедствующие –

утешителя, седина – жезл, юность – детовождение, нищета – снабдителя, обилие – домостроителя! Думаю, что и вдовы восхвалят покровителя, сироты – отца, нищие – нищелюбца, странники – страннлюбца, братья – братолубца, больные – врача, оказывающего помощь при всякой болезни, здоровые – охранителя здоровья, и все – «для всех сделавшегося всем» ([1Кор.9:22](#)), да всех, или как можно большее число людей, приобретет.

Итак, все это, как сказал я, пусть почтут удивлением и похвалами другие, у кого столько досуга, чтобы дивиться малым его совершенствам! А когда называю малыми, – говорю это, сравнивая его с ним же самим и сличая доблести его с его же собственными. Ибо «не оказывается славным», как сказано, «прославленное», сколь оно ни славно, «по причине преимущественной славы последующего» ([2Кор.3:10](#)). Между тем и немногих из его доблестей достаточно было бы другим для прославления. Но мне, которому непозволительно, оставив слово, заняться чем-либо маловажным, и в его совершенствах надобно обратиться к главнейшему. Впрочем сказать что-нибудь достойное его красноречия и душевных качеств есть дело Божие, а для Бога и это слово.

Процветали и прекрасно шли некогда наши дела; тогда во Дворы Божии не имело доступа это излишнее, сладкоречивое и ухищренное богословствование. Напротив, сказать или услышать о Боге что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству, значило то же, что играть в камни и скоростью их перекидывания обманывать зрение, или забавлять зрителей разнообразными и женоподобными движениями тела. Простота же и благородство слова почитались благочестием. Но после того как Сексты и Пирроны и охота к словопрениям, подобно какой-то тяжкой и злокачественной болезни, вторглись в наши церкви, пустословие стали почитать ученостью, и, как в книге Деяний говорится об афинянах ([Деян.17:21](#)), мы «ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать новое»; с этого времени какой Иеремия, один умеющий составить плач, равномерный страданиям, оплачет наш позор и омрачение! Начало этому бешенству положил Арий¹²⁵, соименный умоисступлению, который и понес наказание за необузданность языка, по действию молитвы, а не по болезни, приняв конец жизни в нечистом месте и рассевшись, как Иуда, за равное с ним предательство Слова. А другие, наследовав этот недуг, составили из нечестия науку; они, ограничив Божество Нерожденным, изгнали из Божества не только Рожденного, но и Исходящего, чувствуя Троицу одним общением имени, или даже и того не соблюдая. Но не так учил этот блаженный, поистине Божий человек и великая труба истины. Зная, что Трех сокращать в одно число безбожно и

есть нововведение Савеллия, который первый выдумал такое сокращение Божества, а также Трех разделять по естеству значит вводить в Божество странное сечение, – он и прекрасно соблюдал единое относительно к Божеству, и благочестно научил признавать Трех, относительно к личным свойствам, не слив Их воедино и не разделив на трех, но пребывая в пределах благочестия через избежание как излишней преклонности к тому или другому, так и излишнего сопротивления тому и другому. И этим, во-первых, на святом Соборе в Никее, среди этого числа избранных мужей, которых Дух Святой собрал воедино, он, насколько зависело от него, прекратил недуг. И хотя не был еще возведен в сан епископа, однако же удостоен первенства между собравшимися; ибо добродетель уважалась не меньше степеней.

Потом, когда зло было вновь оживлено дуновением лукавого и объяло большую часть Вселенной (с этого времени открываются передо мной действия, наполнившие собой почти всю сушу и море), тогда на Афанасия, как мужественного поборника Слова, воздвигается сильная брань (ибо на того более и нападают, кто более противится), и отовсюду новые и новые устремляются на него беды; потому что нечестие изобретательно на зло и нападает с крайней дерзостью. Да и могли ли щадить людей не пощадившие Божества? Особенно одно из нападений было очень жестоко. И я в этом деле имею свою часть¹²⁶. Но да извинят в этом любезную страну – отечество! В злом деле виновны не страна, нас произведшая, но сами избравшие зло; она священна и всякому известна своим благочестием, а эти недостойны Церкви, их породившей. Вы слышали, что и в винограднике родится терн, что Иуда, один из учеников, стал предателем. Иные прощают вину соименному мне¹²⁷, который из любви к наукам проживая тогда в Александрии, и благосклонно принятый Афанасием, как один из самых любимых детей пользуясь весьма великим у него доверием, замыслил, как говорят, восстать против отца и покровителя. И хотя действовали другие, однако же с ними была, что называется, «рука Авессалома» (2Цар.18:18). Если кто из нас знает эту руку, за которую оклеветали Святого, и этого живого мертвеца¹²⁸, и это несправедливое изгнание; то поймет, о чем говорю. Впрочем, охотно предаю это забвению. По моему рассуждению, в делах, подлежащих сомнению, надобно преклоняться к человеколюбию, и более извинять, нежели обвинять подвергаемых обвинению; потому что злему очень легко обвинить и доброго, а доброму трудно обвинить и злого. Кто нерасположен к злу, тот неспособен и к подозрению.

Но вот уже не слово, а дело; не подозрение, оставшееся без исследования, но достоверное и оглашенное происшествие. Одно каппадокийское чудовище, явившееся с дольных пределов нашей страны, худое родом, еще худшее сердцем, по происхождению не вполне свободное; но нечто смешанное, подобно тому, что знаем о мулах, – человек, который сначала прислуживал за чужим столом, продавши себя за кусок хлеба, привык все делать и говорить для чрева, потом, к несчастью, домогся общественной службы и получил в ней самое последнее место – приемщика свиных туш, какими питается войско, но и здесь употребил доверенность во зло и служил только чреву, – когда у него было все отнято, замышляет бегство и, переходя из страны в страну, из города в город, как свойственно беглецам, наконец, к общему вреду Церкви, подобно одной из египетских язв, достигает Александрии. Здесь прекращается его скитание и начинается злокозненность. Хотя в других отношениях не заслуживал он никакого внимания, не знал свободных наук, не имел ни приятности в беседе, ни даже вида и пустой личины благочестия, однако же всех был искуснее строить козни и приводить дела в замешательство. Все вы знаете и сами можете рассказать, сколько дерзостей учинил он против Святого¹²⁹. Ибо нередко и праведники предаются в руки нечестивых, – не к славе нечестивых, но для испытания праведных. И хотя, по Писанию, «виновные смертью лютой погибнут, но» в настоящей жизни «посмеваются» благочестивым ([Иов.9:23](#)), пока сокрыты и милость Божия, и великие сокровищницы уготованного тем и другим впоследствии, когда и слово и дело и помышление будут взвешены на праведных весах Божиих; когда Бог восстанет судить землю, соберет намерения и дела и обнаружит все, что у Него запечатлено и соблюдено.

В этом да убедит тебя Иов и словом, и страданиями своими. Он был «человек справедлив, непорочен, праведен, богобоязнен» ([Иов.1:1](#)) и прочее, как свидетельствует о нем Писание; однако же испросивший его¹³⁰ поражает столь многими, непрерывными и щедрыми ударами, что из великого множества во все времена злострадавших и, как вероятно, несших тяжелые бедствия никто не сравнит несчастий своих с его. Ибо у Иова не только деньги, имущество, благочадие и многочадие, – что для всякого человека весьма дорого, не только, говорю, отъемлетя все это, и при непрерывности бедствий нет времени слезам, но напоследок само тело поражено неисцельной и отвратительной для взора язвой, а в дополнение несчастья есть жена, дающая советы на худшее, старающаяся вместе с телом поразить и душу; есть искреннейшие друзья, «жалкие

утешители», как сам он говорит ([Иов.16:2](#)), а не врачеватели, которые видят страдания, но, не зная тайны страданий, признают бедствие его не испытанием добродетели, но наказанием за грехи, и не только содержат это в мыслях, но не стыдятся даже укорять его самим несчастьем, тогда как надлежало бы облегчить скорбь словами утешения, если бы Иов страдал и за грехи. Так было с Иовом; таково начало дела его; это была борьба добродетели и зависти; зависть силилась победить добро, а добродетель, чтобы остаться непобедимой, все переносила; одна подвизалась из того, чтобы проложить путь пороку наказанием благоуспевших, а другая из того, чтобы поддержать добрых, имеющих преимущество и в самих несчастьях. Что же Вещающий к нему «сквозь бурю и облака» ([Иов.38:1](#)), Медленный в наказании и Скорый на помощь, «не оставляющий» вовсе «жезла нечестивых над жребием праведных» ([Пс.124:3](#)), дабы не научились праведные беззаконию? При конце подвигов громким провозглашением вызывает подвижника и открывает тайну поразившего его удара, говоря: «Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя» ([Иов.40:3](#))? Таково врачевание от ран! Таков венец за подвиги! Такова награда за терпение! А последовавшее за этим, может быть, и маловажно, хотя для некоторых кажется великим, да и совершенно Промыслом ради людей малодушных, хотя и с усугублением получает Иов потерянное.

Поэтому и здесь неудивительно, что Георгий превозмог Афанасия; напротив, удивительнее было бы, если бы праведник не вынес испытания в огне клеветы. Даже и это не очень удивительно, а удивительнее то, что пламени этого достаточно было к производству большего. Афанасий удаляется оттуда и самим бегством пользуется как можно лучше. Ибо поселяется в священных и божественных обителях египетских отшельников, которые, разлучившись с миром и возлюбив пустыню, живут для Бога, посвятив Ему себя более всех пребывающих во плоти. Одни из них ведут совершенно уединенную жизнь без сообщения с людьми, беседуют единственно с самими собой и с Богом, и то одно почитают миром, что знают о нем в пустыне. Другие, своей общительностью выполняя закон любви, вместе пустынники и общежительные; для прочих людей и вещей, для всего, что кружится перед нами, то увлекая, то увлекаясь и обольщая нас быстрыми переменами, – они умерли, а друг для друга составляют целый мир, взаимным примером поощряя друг друга к добродетели. С ними беседуя великий Афанасий, как и для всех других был он посредником и примирителем, подражая «Умиротворившему кровью Своею» то, что было разлучено ([Кол.1:20](#)), так примиряет и

пустынничество с общежитием, показав, что и священство совместно с любомудрием¹³¹, и любомудрие имеет нужду в тайноводстве; ибо в такой мере согласил между собой то и другое, и соединил в одно как безмолвное делание, так и деятельное безмолвие, что убедил поставлять монашество более в благонравии, нежели в телесном удалении от мира. Почему и великий Давид был насколько деятельнейший, настолько и самый уединенный человек, если в подтверждение нашего слова сильно и несомненно сказанное им: «а я перейду» ([Пс.140:10](#)). Таким образом, превосходящие других добродетелью были ниже Афанасия разумением в большей мере, нежели в какой превосходили других, и немногое привнося от себя к совершению священства, гораздо более сами заимствовали к усовершению любомудрия. То для них было законом, что он одобрял, и все то опять отвергалось ими, чего он не одобрял; его определения служили для них Моисеевыми скрижалями; к нему больше имели почитания, нежели сколько люди должны иметь к святым. И когда явились к ним преследовавшие Святого, как зверя, после того как всюду искали его и не находили; тогда они не удостоили посланных даже одним словом, но преклонили головы свои под мечи, как бы бедствуя за Христа; и претерпеть за Афанасия что-либо самое тяжкое почитали величайшим приобретением для любомудрия, ставили это гораздо богоугоднее и выше продолжительных постов, возлежаний на голой земле и других злостраданий, какими они всегда услаждаются. Такова была тогдашняя жизнь Афанасия; он оправдывал собой слова Соломона, который любомудрствовал, что есть «время всякой вещи» ([Еккл.3:1](#)). Поэтому и скрылся он не надолго, пока продолжалась брань, чтобы явиться с наступлением мира, что и исполняется в скором времени.

А Георгий, не видя уже ни от кого противодействия, обходит Египет, покоряет силе нечестия Сирию, захватывает, насколько мог, и Восток. Как ручьи принимают в себя все стоки, так и он собирает к себе все немощное, – нападая на людей более легкомысленных или робких; овладевает простотой царя¹³² (так назову его легковерие, уважив усердие к Вере, потому что, если говорить правду, он имел «ревность», но «не по разуму» ([Рим.10:2](#)); и как всюду пролагало ему путь достояние нищих, употребляемое на худые дела, – подкупает некоторых вельмож – более златолюбивых, нежели христоролюбивых, особенно же между ними людей женоподобных, мужей по имени, не имеющих в себе ничего мужского, сомнительных родом, но отъявленных нечестием¹³³, которым римские государи, поверяя дела женские, не знаю как и почему, вручают вместе и

дела мужские. Так усилился этот служитель лукавого, сеятель плевел, предтеча антихристов. Вместо языка употреблял он красноречивейшего из тогдашних епископа (если угодно назвать красноречивым этого не столько защитника нечестия, сколько нашего врага и состязателя; о имени его умолчу охотно); а сам служил своему скопищу вместо руки, и истину ниспровергал золотом, которое собиралось на дела благочестивые, но злонамеренными людьми обращено было в орудие нечестия. Следствием этого преобладания был собор, составленный прежде в Селевкии, во храме святой и доблестной Девы Феклы, а потом в этом великом городе¹³⁴; и городам, славившимся прежде доблестями, дал именитость делами позорными этот столп Халанский ([Быт.10:10.11,2–9](#)), благовременно разделивший языки (о если бы разделил и их языки, потому что согласие у них на зло!), – это Каиафино соборище, на котором осуждается Христос, – или как иначе должно назвать этот собор, все извративший и приведший в замешательство. Он разрушил древнее и благочестивое исповедание Троицы, подкопав и как бы стенобитными орудиями потрясши Единосущие, а вместе отверз дверь нечестию неопределенностью написанного, под предлогом уважения к Писанию и употреблению давно принятых наименований, в действительности же, чтобы вместо них ввести неписаное (ἀγραφοῦν) арианство. Ибо слова: подобен по писаниям¹³⁵, для простых служили приманкой, покрывавшей уду нечестия, – изображением, которое смотрит в глаза всякому мимоходящему, – обувью, сшитой на обе ноги, – веянием при всяком ветре ([Сир.5:11](#)). Он основывал права свои на новописаном злоухищрении¹³⁶«, а потому не вредит благочестию, если кто употребляет то или другое слово. Ариане воспользовались этим против истинного учения., на клевете против истины; ибо они были мудры на злые дела, но не умели делать добра. Отсюда то хитро придуманное осуждение еретиков, которых они отлучили на словах, чтобы замысел свой сделать привлекательным, а в самом деле выставляли только на вид, обвинив не за тяжкое несчастье, а за чрезмерную охоту писать¹³⁷. От этого непосвященные стали судьями преподобных, произошло новое смешение, – в собраниях народных рассматриваются предметы священно-таинственные; от этого незаконное исследование жизни¹³⁸, наемные доносчики и суд по договору; одни несправедливо свергаются с престолов, другие возводятся на их место, и у этих как чего-то необходимого требуют рукописания нечестия, и чернила готовы и доносчик подле. Этому подверглись весьма многие из нас, даже люди самые твердые; они не мыслью пали, но согласились на письме,

вступили в единение с лукавыми и в мыслях, и на письме, и сделались причастниками, если не огня, то по крайней мере – дыма.

Я нередко проливал слезы, представляя себе тогдашнее разлитие нечестия и ныне восставшее гонение на правое слово от представителей слова. Подлинно, обезумели пастыри, по-написанному: «множество пастухов испортили Мой виноградник», посрамили «любимый участок Мой» ([Иер.12:10](#)), то есть Церковь Божию, собранную многими трудами и жертвами, закланьными до Христа и после Христа, и великими страданиями за нас самого Бога. За исключением весьма немногих, которые или обойдены по своей малозначительности, или противопоставили своими доблестями и должны были остаться для Израиля семенем и корнем, чтобы снова возникнуть и оживотвориться потоками духа, все покорились обстоятельствам времени, с тем только различием, что одни подверглись этому прежде, другие после. Одни стали поборниками и покровителями нечестия, другие заняли второстепенные места и были или поражены страхом, или поработаны нуждой, или уловлены ласкательством, или вовлечены по неведению, что составляет меньшую вину если для кого достаточно и этого к извинению тех, которым вверено попечение о народе. Ибо как не одинаковы стремления у львов и у других животных, а равно у мужей и жен, у старых и юных, напротив, немало различия в каждом возрасте и поле, так есть разность между начальниками и подчиненными. Может быть, извинили бы мы и простолудинов, если бы с ними случилось это; их часто спасает невнимательность, но как простим это учителю, который, если только не лжеименный, должен помогать в неведении другим? Если всякому, насколько бы кто ни был груб и невежествен, непростительно не знать какого-либо римского закона, и если нет такого закона, который бы покрывал сделанное по неведению; то не странно ли – тайноводствующим ко спасению не знать начал спасения, хотя бы они во всем другом были и очень просты и неглубокого ума? Впрочем, пусть получают извинение те, которые последовали нечестию по неведению. Что же скажешь о прочих, которые сами себе приписывают проницательность и по сказанным выше причинам уступили превосходящей силе, которые долго представляли собой людей благочестивых, а как скоро встретилось нечто изобличающее, тотчас преткнулись.

Слышу сказанное в Писании, что «еще раз потрясутся небо и земля» ([Агг.2:7](#)), как будто бы с ними было уже это некогда прежде, и думаю, что этим означает славное обновление всех вещей. Должно верить и Павлу, который говорит, что последнее потрясение есть не что иное как второе

Христово пришествие, претворение и предложение настоящей Вселенной в состояние неподвижности и непоколебимости ([Евр.12:26–27](#)). Но и настоящее это потрясение, как рассуждаю, ничем не меньше прежде бывших, потому что им отторгнуты от нас все любомудрые, боголюбивые и заранее сожительствующие с горными мужи, которые, хотя во всем другом мирны и умеренны, однако же не могут пренести с кротостью, когда молчанием предается Бог, и даже делаются при этом весьма браннолюбивыми и неодолимыми (ибо таков жар ревности), и готовы скорее ниспровергнуть, чего не должно, нежели пренебречь должным. За ними устремляется немало число и народа, подобно стае птиц, улетаая за улетевшими вперед, и даже теперь Не перестают улетаать.

Вот что значит для нас Афанасий, пока он был броней Церкви, и вот что вышло, когда он уступил наветам лукавых! Намеревающиеся овладеть какой-нибудь твердой крепостью, когда видят, что она неприступна и не может быть взята обыкновенными средствами, прибегают к хитрости. И что же делают? Привлекают на свою сторону деньгами или обманом начальника крепости и тогда без всякого уже труда овладевают ею. Или, если угодно, злоумышлявшие против Самсона сперва обрезали у него волосы, в которых заключалась его сила, потому взяли уже Судию и надругались над ним, как хотели и столь же властительски, как он обходился прежде с ними. Так поступили и наши иноплеменники; сперва исторгли у нас нашу силу, остригли славу Церкви и потом уже насладились догматами и делами нечестия.

В это время подпора и покровитель¹³⁹ враждебного нам пастыря¹⁴⁰ переселяется из здешней жизни, положив худой конец нехудому царствованию, но принеся, как сказывают, бесполезное раскаяние при последнем издыхании, когда всякий бывает искренним судьей самому себе, по причине ожидающего там судилища. Ибо следующие три дела сознавал он худыми и недостойными своего царствования: умерщвление родственников¹⁴¹, возвышение Цезарем отступника¹⁴² и нововведения в Вере; и, как сказывают, со словами раскаяния окончил он жизнь. Тогда снова восприимлет права свои слово истины, утесненные получают полную свободу, между тем как ревность раздражает гнев, и народ александрийский узнает на опыте, каков он против оскорбителей. Жители Александрии не стерпели необузданности человека¹⁴³ и предали позору пороки его необычайной смертью, а смерть необычайными поруганиями. Вам известны и этот верблюд, и странная ноша, и новое возвышение, и первое, а думаю, и единственное шествие – грозные и донныне для

притеснителей¹⁴⁴. Когда же эта буря неправды, этот растлитель благочестия, предтеча лукавого приемлет наказание, по моему мнению, не заслуживающее одобрения (потому что надобно было смотреть не на то, что ему надлежало претерпеть, а на то, что нам следовало сделать), тогда подвижник¹⁴⁵ возвращается из прекрасного странствования (так назову бегство его за Троицу и вместе с Троицею). С такой радостью встречается он жителями города¹⁴⁶ и едва не всем Египтом, везде и отовсюду, даже с крайних пределов стражающимся, что одни желают насладиться единым голосом, а другие лицезнением Афанасия, иные же, как известно об Апостолах ([Деян.5:15](#)), освятиться одной тенью его этим новым образом тела. И потому, хотя много многим неоднократно во все времена воздано уже почестей и сделано встреч, не только народным правителям и иереям, но и частным лицам чем-нибудь прославившимся; однако же не запомнят ни об одной встрече, которая была бы многолюднее и блистательнее настоящей. Одно только можно применить к этой встрече – самого Афанасия и ему же оказанную прежде почесть, при прежнем его вступлении в Александрию, когда возвращался из такого же, по тем же причинам случившегося бегства.

Носится и следующая молва об этой почести (хотя бы и излишним было пересказывать ее, но присовокуплю к слову как бы некоторую сладость и лишний цвет). После вшествия Афанасия в город, въезжал один ипарх, вторично вступавший в эту должность. Он был наш, то есть каппадокиянин, и человек знаменитый (конечно вы догадываетесь, что говорю о Филагрии; его любили, как редко любят, и как не любили никого другого, почесть ему воздана соответственно любви и (чтобы выразить это короче) со всеми знаками уважения, начальство ему вверялось в другой раз по просьбе города и по определению царскому. При этом случае некто из народа, видя несчетное множество людей, подобное морю, необъятному для взора, как говорят, спрашивал (что и часто бывает в подобных обстоятельствах) одного своего знакомого и друга: «Скажи, почтеннейший, видал ли ты когда-нибудь, чтобы столько народа и с таким воодушевлением стекалось для оказания почести одному человеку?» Никогда, отвечал юноша, – напротив, мне кажется, что и сам Констанций не удостоился бы такой почести. А именем царя хотел он означить самую высшую почесть. Но первый, с особенной приятностью и удовольствием рассмеявшись, возразил: «Что ты мне говоришь, как будто рассказывая о чем-то великом и удивительном? Думаю, что и [Афанасий Великий](#) едва ли входил с таким торжеством». И в подтверждение слов своих присовокупил

одну из употребительных клятв. А этим (что, думаю, и вам понятно) хотел он выразить, что похваляемого ныне Афанасия почитает выше и самого царя. Таково было общее уважение к этому мужу, таково и доньше удивление к воспоминаемому его вшествию. Ибо жители города, разделившись по полам, возрастам и занятиям (в таком обыкновенно располагаются порядке, особенно александрийцы, когда воздают кому всенародную почесть), составляли из себя (как изобразить словом великое это зрелище?) одну реку. А поэт сказал бы, что это подлинно златострунный и доброкласный Нил, текущий обратно из города в Херею на расстояние, как думаю, однодневного пути и далее.

Позвольте мне еще несколько насладиться повествованием. Там присутствую мысленно, и нелегко отвлечь слово от этого торжества. Он въезжал на жеребенке и почти так же (не укорите меня в безумии), как мой Иисус – «на молодом осле» ([Ин.12:15](#)), другое ли что хочет назнаменовать этим Слово, или народ языческий, на котором благотворно восседает Иисус, разрешив его от уз неведения. Но Иисуса приемлют на себя древесные ветви, также повергаемые на землю, и постилаемые многоцветные и испещренные одежды. И этим только не был почтен, в этом одном не сравнен высокий и многоценный муж; между тем как вшествие его изображало собой вшествие Христово. И перед ним были взывающие и предходящие; кроме того, что не одно множество детей восхваляло его, но всякий согласный и несогласный язык старавшихся превзойти друг друга в похвалах. Не буду уже говорить о всенародных рукоплесканиях, об излиянии благовоний, о всеобщих бодрствованиях, об освещении целого города, об общественных и частных пиршествах и обо всем прочем, чем только города изъявляют свою радость. Все это было тогда принесено в дар ему в преизбытке и свыше всякой меры. Так и с таким торжеством чудный Афанасий вступает в свой город!

Ужели же он жил, как прилично было предстоятелю многочисленного народа, но учил, не как жил? Или подвизался, не как учил? Или подвергался бедствиям менее кого-нибудь из подвизавшихся за слово? Или почтен меньше, нежели сколько заслуживали его подвиги? Или по вшествии помрачил чем-нибудь славу, приобретенную при вшествии? Нимало; напротив, в нем все одно другим поддерживалось, и как в одной лире, все одинаково было настроено – и жизнь, и учение, и подвиги, и бедствия, и что оказано ему при возвращении, и что совершено им по возвращении. Он вступает в управление Церковью, но вместе с тем не испытывал на себе того же, что бывает с людьми, которых ослепляет неумеренность гнева и которые, покорясь его владычеству, изгоняют и

ниспроверяют все, на первый раз им встретившееся хотя бы оно и стоило пощады. Напротив, рассуждая, что теперь всего благовременнее заслужить ему одобрение (потому что злострадающий всегда бывает умереннее, а получивший возможность воздать злом за зло меньше соблюдает умеренность), так кротко и снисходительно обходится с оскорбившими его, что даже и для них самих, можно сказать, не было неприятно возвращение Афанасия. Он очищает Святилище от торгующих святыней хриstopродавцев, чтобы и в этом стать подражателем Христовым; впрочем совершает это не свитым из веревок бичом ([Ин.2:15](#)), но убедительным словом. Он примиряет друг с другом и с собой беспокойных, не потребовав к тому посредников, освобождает от притеснений терпевших обиды, не разбирая, держался ли кто его или противной стороны, восстанавливает падшее учение. Снова свободно исповедуется Святая Троица, поставленная на подсвечнике и блистательным светом Единого Божества обнимающая сиянием души всех. Снова дает он законы Вселенной; обращает к себе умы всех, к одним пишет послания, других призывает к себе, а иные приходят непризванные и получают назидание. Всем же предлагает он один закон – свободное произволение; ибо это одно почитал достаточным руководством к совершенству Кратко сказать: он подражает свойствам двух похваляемых камней; для поражающих служит адамантом, а для мятежников – магнитом, который неизъяснимой силой естества привлекает железо и приспособливает к себе самое твердое из веществ.

Но зависть¹⁴⁷ не могла терпеливо видеть, что Церковь весьма скоро, подобно телу, заживила рассеченные члены и достигла прежней славы и древнего благосостояния; поэтому против Афанасия восставляет царя¹⁴⁸, подобно себе, отступника, равного злобой и уступающего только во времени. Он первый из христианских царей, восстав против Христа и вдруг изринув из себя василиска нечестия, которым давно мучился, как скоро настало благоприятное время, вместе провозглашается самодержцем и оказывается злым против царя, вверившего ему царскую власть, а еще злейшим против Бога, его спасшего. Он вымышляет гонение лютейшее из всех, когда-либо бывших, потому что, присоединив к мучительству убеждение (так как хотел лишить страждущих и чести, приобретаемой подвигами), приводит в колебание само ревностное мужество, те обороты и хитросплетения, какие употребительны в речи, внося в саму нравственность, или, справедливее сказать, делая совершенно безнравственными, даже заботясь об этом и подражая многокозненности

обитавшего в нем лукавого. Он почитал маловажным делом покорить своей воле весь род христианский, а великим – восторжествовать над Афанасием и над той силой, какую имел он в нашем учении. Ибо видел, что не успеть в своем замысле против нас, пока Афанасий – в полном вооружении и готов дать ему отпор; потому что оскудение христиан всегда восполнялось присоединяющимися из язычников и (что поистине удивительно) его благоразумием. Все это разумея и видя, этот страшный лжеумствователь и гонитель не остается долее под личиной и в хитром самопринуждении, но обнаружив свое лукавство, явно изгоняет Афанасия из города; потому что этому добродетельному победителю надлежало достигнуть полной славы после троекратной борьбы. По прошествии немногого времени, Правосудие Божие, предав злочестивого царя персам, там совершает над ним суд, и увлеченного туда любочестием возвращает мертвым, ни в ком не возбуждающим сожаления; даже, как слышал я от кого-то, его не приняла могила, но отвергла, и с пламенем изринула поколебавшаяся ради него земля, в чем вижу начало тамошнего мучения.

Но восстает другой царь¹⁴⁹, не «бессрамен лицом» ([Дан.8:23](#)), подобно предшествовавшему, и не угнетающий Израиля тяжкими делами и приставниками, а напротив, весьма благочестивый и кроткий. Он, желая положить прочнейшее основание своему царствованию и управление по добрым законам начать, с чего надлежало, с одной стороны, возвращает из заточения епископов, как всех вообще, так прежде других превосходившего всех добродетелью и за благочестие подвергшегося явному гонению, а с другой стороны, истину Веры нашей, которую многие разоряли, затмевали, раздробили на множество толков и частей, старается дознать, чтоб особенно весь мир, сколько можно, привести в согласие и единение, содействием Святого Духа; в противном же случае, чтобы по крайней мере ему самому держаться лучшего исповедания, сделать его господствующим и себе заимствовать от него силу, – так возвышенно и достолепно рассуждал он о наиважнейших предметах! Здесь-то наиболее и обнаружилась в Афанасии чистота и твердость веры во Христа. Ибо когда все прочие, исповедовавшие наше учение, разделились на три части, и многие в учении о Сыне, а большее число в учении о Духе Святом (где и придерживаться несколько нечестия почиталось благочестием) заражены были недугом, и только немногие о том и другом учили здраво, – он первый, и один, или с весьма немногими, дерзнул стать за истину ясно и открыто, на письме исповедав единое Божество и единую сущность трех (Лиц); и что прежде даровано было великому числу Отцов утвердить в догмате о Сыне, то он богодухновенно преподавал впоследствии о Духе

Святом, принеши царю подлинно царский и великолепный дар, то есть письменное исповедание благочестия¹⁵⁰ вопреки неписаному¹⁵¹ нововведению, чтобы преобладали Царем – царь, Словом – слова, написанным – написанное.

Устыдившись этого исповедания, как думаю, те, в ком на Западе и на Востоке оставались еще признаки жизни, одни, если верить собственным их словам, преклонились мыслью к благочестию, но не простерлись далее, как мертвое порождение, лишившееся жизни еще в материнской утробе; другие, подобно искре, воспламенились несколько, чтобы удовлетворить обстоятельствам времени, или ревностнейшим из православных и боголюбивым из народа; а некоторые осмелились стать за истину. К последней стороне присоединился бы и я (ибо не смею похвалиться чем-либо большим) не для того, чтобы пристроить свою робость (таково расположение ума в людях наиболее слабых; а мы довольно уже строили, не приобретая чужого и губя свое, как подлинно худые домостроители), но плод свой произвести на свет, с заботливостью воспитать и представить взорам всех непрестанно совершенствующимся.

Это еще один из его подвигов, меньше достойный удивления. Ибо что удивительного, если самим делом подвергавшийся бедствиям за истину исповедал ее письменно? Но что наиболее убеждает меня удивляться этому мужу, о чем и умолчать нельзя без вреда, особенно в такое время, когда возникает много разногласий, то присовокуплю к сказанному. Да послужит деяние это уроком и для наших современников, если только захотим подражать ему. Ибо как от почерпнутой воды отделяется не только оставшееся вне почерпнувшей руки, но и вытекающее сквозь пальцы из держимого рукой, так и от нас отсекаются не одни нечестивые, но даже и благочестивые, и не только ради догматов неважных, которые не стоили бы и спора (что было бы еще не так тяжело), но даже ради речений, заключающих в себе один и тот же смысл. Ибо когда благочестно употребляем выражения: одна сущность и три Ипостаси, из которых первое означает естество Божества, а последнее – личные свойства (ἰδιότης) Трех, и когда римляне, одинаково с нами понимая, из-за бедности своего языка и из-за недостатка наименований, не могут различать сущности от Ипостаси и потому заменяют слово «Ипостаси» словом «лиц», дабы не подать мысли, что они признают три сущности, тогда что из этого выходит? Нечто весьма достойное смеха и сожаления. Это маловажное состязание о звуках показалось разностью Веры. Потом вследствие споров об этом произошло то, что в выражении «три лица», открыт савеллианизм, и в выражении «три ипостаси» – арианизм. Что ж

далее? По мере того как с каждым днем прибавлялось что-нибудь хотя несколько огорчительное (так как спор всегда производит огорчения), настает опасность, что вместе со слогами расторгнутся и концы Вселенной. Все это видя и слыша, этот блаженный, как истинно Божий человек и великий строитель душ, не признал должным оставить без внимания столь неуместное и безрассудное сечение слова, но употребляет свое лечение против такого недуга. Как же он производит это? Со всей кротостью и человеколюбием пригласив обе стороны и строго исследовав смысл выражений, когда нашел их не отступающими от здравого учения и нимало не отличающимися в понятии, предоставляет им употребление разных именовании, связует же во едино самим именуемым. Это полезнее продолжительных трудов и речей, какие всякий уже предаст писанию, и к которым бывает несколько присоединено честолюбия, и от этого может быть вводится ими нечто и новое в самом учении. Это предпочтительнее многих бдений, возлежаний на голой земле, которые приносят пользу только упражняющимся в них. Это равняется достославным изгнаниям и неоднократному бегству самого Афанасия. Ибо за что решился он терпеть эти изгнания, то самое заботился исполнить по претерпению.

С таким постоянством действовал он и на других, кого похваляя, а кого умеренно наказывая; одних возбуждая в медлительности, в других обуздывая горячность, об иных заботясь, чтобы как-нибудь не пали, а иным подавая средства после падения исправиться. Нравом был прост, в управлении многообразен, мудр в слове, еще премудрее разумом, тихоществен со смиряющимися, возвышен с высокопарными; гостеприимен, заступник просящих, отвратитель зол, действительно в одном себе совмещающий все то, что язычники приписывали по частям которому-либо из своих богов. Присовокуплю еще, что он был покровителем супружества, другом девства, блюстителем и восстановителем мира, путеводителем для отходящих из этой жизни. О, сколько наименований представляют добродетели Афанасия мне, желающему унаименовать этого мужа за каждую его доблесть! Поскольку же провел он такую жизнь, так был научен и учил, что дела и нравы его служат правилом для епископов, а догматы его – законом для православия: то какую приемлет награду за благочестие? Ибо не должно ничего оставлять без внимания. «В доброй старости» ([1Цар.29:28](#)) оканчивает он жизнь, и прилагается отцам своим – Патриархам, Пророкам, Апостолам и Мученикам, подвизавшимся за истину. И скажу краткое надгробие: при исходе его воздается ему более почестей, нежели при вшествиих. Много пролито о нем слез; но в сердце каждого осталась о нем слава,

превышающая все видимое.

О любезная и священная глава! Ты, который сверх прочих своих совершенств, особенно уважал меру в слове и в молчании, положи здесь конец и моему слову; хотя оно скудно перед истиной дел Твоих, однако же не имеет недостатка в сравнении с моими силами. А сам милостиво призри свыше на нас, на этот народ, и его управь так, чтобы он был совершенным поклонником совершенной Троицы, умосозерцаемой и почитаемой во Отце и Сыне и Святом Духе, а нас, если времена будут мирны, сохрани, сопастырствуя с нами; а если настанут брани, – изведи отсюда или возьми и поставь с собой и с подобными тебе (хотя и слишком велико просимое мною) в самом Христе Господе нашем, Которому всякая слава, честь, держава вовеки, аминь.

Слово 22

О мире, произнесенное на общем собрании единовѣрных, бывшем после примирения

Ревность пламенна; дух кроток; любовь милосерда, или, лучше сказать, она есть само милосердие; надежда долготерпелива. Ревность воспламеняет; дух делает кротким; надежда ожидает; любовь связует и не дает рассеиваться тому, что есть в нас прекрасного, хотя по природе мы и рассеяны. С любовью бывает одно из трех: она или, пребывая в сердце, постоянна; или, поколебавшись, восстанавливается; или, удалившись, возвращается. Она подобна растениям, которые, если насильно согнуть их руками и потом оставить на свободе, опять разгибаются и приходят в прежнее положение, чем и обнаруживают в себе то свойство, что насильем можно их нагнуть, но не выпрямить. Правда, что порок по природе нам подручен и стремление к худому сильно: это поток, который падает со стремнины; это тростник, который при ветре легко загорается от искры, весь обращается в пламень и истребляется вместе со своим порождением, ибо огонь есть порождение вещества, истребляет его, как порок – порочных, но и сам исчезает вместе с тем, что его питало. Но если бы кто-либо снискал навык к чему-либо доброму и усвоил это, то для него труднее уже будет пасть, нежели как вначале было сделаться добрым; потому что всякое добро, утвержденное временем и рассудком, обращается в природу; как и эта любовь, которая в нас и с которой совершаем мы служение любви истинной, и возлюбленной и избранной нами в руководство для целой жизни.

Итак, где же наблюдающие тщательно за нашими делами (хорошо ли, или худо они идут), наблюдающие не для того, чтобы рассудить, но чтобы осудить, наблюдающие не потому, что принимают участие, но потому, что радуются злу, на доброе клеветают, а худое выставляют на позор и в ранах ближнего ищут извинения собственным порокам? Пусть судили бы они справедливо! По пословице, и желчь была бы иногда пригодна, если бы опасение от врагов могло сделать нас более осторожными. Но теперь судят они с неприязнью и злобой, омрачающей рассудок; а потому и порицание их не имеет никакого вероятия. Итак, где они, равно ненавидящие Божество и нас? Из всех наших злостраданий славнее те, которые терпим ради Бога. Где эти снисходительные судьи собственных дел и строгие истязатели чужих, чтобы и в этом солгать истине? Где вы, которые сами покрыты глубокими ранами, а нас укоряете за всякий багровый знак, сами

подвергаетесь падениям, а нас осмеиваете и за преткновение, сами утопаете в грязи, и радуетесь увидеть на нас пятно, сами слепотствуете от бревен в глазах, нас ставите в вину иметь спицу, которая не производит большой боли, пока она в глазу, и которую нетрудно вынуть из глаза, или сдунуть с него? Будьте теперь участниками наших тайн; вас призываем в сонм свой, и ненавидимые (какая самонадеянность или какое дерзновение!) предаем себя на суд врагам, чтобы вам остаться посрамленными или побежденными, когда сам недуг наш (что может быть страннее этого?) убедит вас в нашем здравии. Ибо не в учении о Божестве было у нас разномыслие, но подвизались мы за благочиние, и спорили не о том, которое из нечестивых учений предпочесть должно, – то ли, которым сокращается Божество, или то, которым отсекается от Божией сущности или один Дух, или с Духом и Сын, спорили, говорю, не о том, принять ли одну или двойную меру нечестия. Но таковы (кратко говоря) нынешние недуги, потому что ныне полагают «восхождения в сердце своем» ([Пс.83:6](#)), но не исповедания, а отречения, не богословия, но богохульства; ныне все один другого расточительнее в богатстве нечестия, как будто не нечестия боятся, но того, чтобы не стать умереннее и человеколюбивее других. А мы поступаем не так. Напротив, в учении о Божестве (если не много будет сказать это) мы столько же единомышленны и согласны, сколько и Божество Само с Собой. Мы стали «один язык и одно наречие» ([Быт.11:1](#)), но не для такой цели, для какой в древности создавшие столп; они были единомышленниками на зло, а мы пользуемся единомыслием для всего доброго, чтобы единодушно и едиными устами славить Отца и Сына и Святого Духа, чтобы о нас можно было сказать «истинно с нами Бог» ([1Кор.14:25](#)), соединяющий соединяющих и прославляющий прославляющих Его, и не только можно было сказать это, но и поверить этому.

Но есть нечто, в чем и мы соглашались. Не спорю, что и это худо; ибо не надлежало бы давать как лукавому доступа или повода, так и злым языкам свободы. Впрочем, не столько худо, как представляется нашим клеветникам. Поскольку нам, как людям, свойственно было и погрешить в чем-нибудь, то вот наш проступок – мы были весьма пастырелюбивы и не умели решить, которое из двух благ предпочтительнее, пока не согласились равно уважить то и другое. Такова наша вина, за это пусть укоряет, или прощает нас, кто хочет. На это одно могут опереться еретики. Кроме же этого ничего не найдете, хотя бы и очень желали. «Мухи мертвые» и загнившие «портят елей», говорит некто ([Еккл.10:1](#)), но зависть не может повредить добру, хотя и захочет, ибо «истина», как

рассуждаю с Ездрой, «сильнее всего» ([2Ездр.4:35](#)).

Таким образом, мы сами собой прекратили и будем прекращать собственные свои несогласия, ибо невозможно, чтобы отцы немилостиво судили детей, особенно при посредстве общеисповедуемой Троицы, за Которую воздвигают нас на брань и для Которой мы сами не будем вступать в брань. Поручителем же мира я – человек столь малый для такого дела, потому что «Господь смиренным дает благодать», а высоких смиряет «до земли» ([Иак.4:6](#). [Пс.146:6](#)). Но что из этого вам, общие наши примирители (ибо вы действительно наши примирители и невольно оказываете нам такую милость)? Если мы погрешаем в чем-нибудь большом или малом, то вы от этого не делаетесь благочестивыми. Напротив, как мы не стоим похвалы за худое, если когда падаем, так вы остаетесь не менее нечестивыми, хотя и мы согрешаем – даже еще более, потому что с нами падающими поступаете жестоко.

Но чтобы вы могли видеть наше во всем единомыслие а из этого заключить, что мы и всегда будем единомышленными; хотя в этом, как думаю, уверило и видимое – и праводушный отец и благопокорный сын, вместе восседающие, служащие друг другу украшением, и в вас воспламенившие ту искру благочестия и единокровия, какая только есть; однако же да убедит в том и слово. И как вы слышали уже одного¹⁵² (ваше удивление до сих пор оглашает слух мой, а сокровенное в сердцах, очень знаю, еще больше и того, что излилось в воздух); так услышьте опять и меня, если снова желаете слышать. И если кому-нибудь из вас недостаточными доказательствами кажутся и проповеданное неоднократно, и те искушения, те метания камнями, которые я уже претерпел и готов еще претерпеть, почитая для себя потерей не страдания, но лишение страданий, тем более когда вкусил уже бедствий за Христа и приобрел от них прекрасный плод – приумножение людей этих. Итак, чего хотите? Убедились ли вы этим? И мне не нужно прилагать новых трудов, не нужно в другой раз богословствовать? Вы пощадите мою немощь, по которой и это едва говорю вам? Или для вас, как для людей, имеющих тяжелый слух, надобно многократно повторять одно и то же слово, чтобы при постоянном напряжении голоса сказать наконец в уши слышащих? Мне кажется, что вы молчанием своим вызываете слово; ибо молчание, по пословице, есть знак согласия. Итак, примите слово обоих от единого сердца и из единых уст.

Скорблю о том, что не могу, взошедши на одну из высоких гор, голосом, соответствующим желанию, перед целой Вселенной, как среди общего позорища, возгласить во услышание всем неблагочестиво

мыслящим: «сыны мужей, доколе слава моя будет в поругании, доколе будете любить суету и искать лжи» (Пс.4:3)? Для чего вводите не одно простое Божие естество, но или три, между собой разъединенные и расторгенные, даже (не странно будет сказать) взаимно противоборствующие по причине то излишеств, то недостатков, или хотя и одно, но скудное, заключенное в тесные пределы, не имеющее свойства быть началом чего-либо великого, потому что Оно не может, или не хочет этого, и не хочет по двум причинам: или из зависти, или из страха; из зависти, чтобы не сопривзошло чего-либо равночестного, – из страха, чтобы не произошло враждебного и противоборствующего? А между тем насколько Бог досточестнее тварей, настолько приличнее первой Причине быть началом Божества, а не тварей, настолько приличнее при посредстве Божества нисходить Ей до тварей, а не напротив, ради тварей созидаться Божеству, как угодно думать умам чрезмерно пытливым и высокопарным¹⁵³. Ибо ежели, исповедуя достоинства Сына и Духа, станем или признавать Их безначальными, или возводить к иному началу¹⁵⁴, то поистине опасно, чтобы или не обесчестить тем Бога, или не допустить чего-либо богопротивного. Если же (сколько ни возвышаешь Сына и Духа), не ставишь Их выше Отца, то не устраняешь Их от Причины, а напротив, к Ней возводишь и благое рождение и чудное исхождение.

Спрошу у тебя, любитель нерождения и безначалия: кто более бесчестит Бога, тот ли, что почитает Его началом такого Сына и такого Духа какими ты признаешь Их или кто исповедует Его началом не такого Сына и не такого Духа, но подобных Ему по естеству и равных в славе, какими исповедует Их наше учение? Но для тебя много очень много чести, иметь у себя сына, даже тем больше чем совершеннее подражает он во всем отцу и служит точным образом родителя. И не так охотно согласился бы ты стать господином тысячи рабов, как родителем одного сына. Ужели же для Бога есть что-либо выше чести быть Отцом Сына, Который служит к усугублению, а не к уменьшению Его славы, равно как и быть Изводителем Духа? Разве не знаешь, что, признавая Начало (понимаю Начало Сына и Духа) началом тварей, не чтишь самого Начала и бесчестишь исходящих из Начала? Не чтишь Начала, потому что полагаешь Его Началом чего-то такого, что мало и не достойно Божества. Бесчестишь и Исходящих из Начала, потому что делаешь Их малыми и не только тварями, но даже чем-то таким, что малочестнее самих тварей, если Они для тварей только существуют, а некогда существовали, как и художнического орудия не бывает прежде художников, даже вовсе не

существовали бы, если бы Богу (как будто для Него не довольно только захотеть) не стало угодно сотворить что-нибудь через Них. Ибо все, что бывает для чего-нибудь другого, малочестнее того, для чего оно бывает. Но я, вводя начало Божества не временное, неотлучное и беспредельное, что и Начало, а равно и Исходящих из Начала, – первое, потому что Оно начало таковых исходящих, и последних, потому что Они так, такими и из такого исходят Начала, не отделены от Него ни временем, ни естеством, ни достоподобным Им поклонением, суть с Ним едино – но (хотя и необыкновенен такой образ выражения) отдельно, отдельно с Ним – но соединенно, не менее досточтимы – представляемые и познаваемые, как во взаимном между Собой соотношении, так и Каждый Сам по Себе, – совершенная Троица из Трех совершенных. Ибо Божество выступило из единичности по причине богатства, преступило двойственность, потому что Оно выше материи и формы, из которых состоят тела, и определилось тройственностью (первым, что превышает состав двойственности), по причине совершенства, чтобы и не быть скудным и не разлиться до бесконечности. Первое показывало бы нелюбообщительность, последнее – беспорядок; одно было бы совершенно в духе иудейства, другое – язычества и многобожия.

Беру в рассмотрение и то (а такое суждение мое, может быть, не совсем незрело и просто, но напротив очень основательно), что для тебя нет опасности признавать Сына рожденным, потому что Нерожденный, не будучи телом и рождая, не терпит чего-либо свойственного телесному и вещественному. Даже и общие понятия о Боге позволяют приписывать Ему рождение. Для чего же там бояться страха, где нет страха ([Пс.13:5](#)), и держаться нечестия, как говорится, из ничего? Напротив, я опасаясь, что исказим понятие о Божестве, если допустим в Божество тварь. Ибо сотворенный не Бог, и сослужебный нам не Владыка; хотя приписывают Ему первенство между рабами и тварями, и в этом одном оказывают снисходительность к Оскорбляемому. Но лишаящий должной чести не столько чествует тем, что воздаст, сколько бесчестит тем, что отъемлет, хотя воздаваемое и имеет вид почести.

И если воображаешь, что при рождении имеют место страсти, то думаю, что дни имеют место и при творении. Даже не знаю, как творимое может быть сотворено бесстрастно. Если же (Сын) и не рожден, и не сотворен, то договаривай уже и остальное¹⁵⁵ ты, дерзающий выговорить почти то же самое, когда именуешь Его тварью. Для твоей дерзости, злой ценитель и судья Божества, нет ничего недоступного и неприкосновенного. Тебе нечем более прославиться, разве тем, чтобы, как

можно дальше, отстранить Бога от владычества, что властолюбцы и лихоимцы, делают с людьми, их слабейшими.

А я буду повторять одно и то же, притом краткое, выражение: Троица воистину есть Троица, братия. Но слово «троица», означает не счет вещей неравных (иначе что препятствует, слагая с тем или другим числом вещей именовать десятком, сотней, десятком тысяч; так вещей, числом изображаемых, много, даже более показанного теперь), но совокупность равных и равночестных; причем наименование соединяет то, что соединено по естеству, и не позволяет, чтобы с распадением числа разрушилось неразрушимое.

Так мы рассуждаем и так содержим; о взаимном же отношении и порядке в Троице оставляем ведать Ей единой и тем из очищенных, которым сама Троица благоволит открыть это или ныне, или впоследствии. А сами знаем, что одно и то же естество Божества, познаваемое в Безначальном, в рождении и исхождении (как бы в уме, который в нас, в слове и духе, поскольку чувственному уподобляется духовное, и малому высочайшее, тогда как мнимый образ не достигает вполне до истины). Знаем, что Оно Само с Собой согласно, всегда тождественно, бесколичественно, невременно, несозданно, неопишимо, никогда не было и не будет Само для Себя недостаточным. Знаем, что Оно есть жизни жизнь, свет и свет, блага и благо, славы и слава, Истинное и Истина и Дух истины, святые и неточные святыни, каждая (умопредставляемая особо, поскольку ум разделяет и нераздельное) есть Бог и все три (умопредставляемые вместе) также Бог, по тождеству движения и естества. Знаем, что Оно ничего не оставило выше Себя и не превзошло что-либо иное, ибо и не было ничего такого; знаем, что Оно ничего после Себя не оставит и не превзойдет, ибо и не будет ничего такого; знаем, что Оно не допускает ничего равночестного с Собой, потому что ни одно из существ сотворенных, служебных, соучаственных и ограниченных не достигает до Естества, владычественного, делающего других Своими причастниками, и беспредельного. Ибо одни из тварей совершенно удалены от Него; другие же приближены к Нему несколько и будут приближаться, но не по своему естеству, а по причастию Его естества, и притом тогда только, когда доброе порабощение Троице сделается чем-то высшим рабства; если уже не составляет свободы и царства то самое, чтобы хорошо познавать владычество, впрочем, по низости ума, не смешивать того, что имеет между собой расстояние. А для кого так высоко рабство, для того чем будет владычество? Ежели и познание есть блаженство ([Ин.17:3](#)), то каково Познаваемое? К этому

ведет нас великая тайна! К этому ведет вера в Отца и Сына и Святого Духа и в общее имя! К этому ведут возрождение, отречение от безбожия и исповедание Божества – этого общего имени! Почему, бесчестить или отделять Единого из трех – значит бесчестить исповедание, то есть и возрождение, и Божество, и обожествление, и надежду. Видите, что дарует нам Дух, исповедуемый Богом, и чего лишает – отвергаемый. Умалчиваю уже о страхе и о гневе, какой угрожает не чтущим, но бесчестящим Духа ([Мф.12:32](#)).

Так, насколько можно короче, излагаю вам наше любомудрие – догматически, а не состязательно, по способу рыбаков, а не Аристотеля, духовно, а не хитросплетенно, по уставам Церкви, а не торжища, для пользы, а не из тщеславия, чтобы вы, против нас исповедующие на народных собраниях и в этом одном единомышленные, познали, что мы едино мыслим, единым духом воодушевлены и дышим, и чтобы уже не собирали, как голодные, и не рассеивали наших маловажных (не знаю как назвать) падений или детских проступков. Ибо верх бедствия – находить себе защиту не в собственной крепости, но в чужом бессилии. Вот перед вашими взорами мы подаем друг другу руки! Вот дела Троицы, согласно нами славимой и поклоняемой! И вас да сделает это более снисходительными и православными! О, если бы мы были услышаны! О, если бы день этот сделался нарочитым, святым, днем не пререкания, но умирения, не памятником искушения, но торжеством победным, чтобы наше взаимное единомыслие и единомыслие почти целой Вселенной, где одни до сих пор пребывали здоровыми, другие почти возвратились к здоровью, а иные начинают возвращаться, – и для вас послужило виной спасения и воссоздания!

Святая, достопоклоняемая и долготерпеливая Троица! Долготерпеливая, ибо столько времени являла Свое долготерпение к рассекающим Тебя! Троица, Которой служителем и нелицемерным проповедником и я сподобился быть уже с давнего времени! Троица, Которую все познают некогда – или просвещенные, или наказанные Тобой! Прими в число Своих поклонников и этих ныне оскорбляющих Тебя, да не утратим мы ни единого, даже из малых, хотя бы мне надлежало утратить нечто из благодати (не дерзаю сказать всего, что сказал Апостол ([Рим.9:3](#)))!

Но для вас неприятно это, болезнует язык и мучится возражением? Рассмотрю со временем и возражение ваше, или рассмотрят его те, у кого больше, нежели у меня, времени. Узнаем и прекрасные ваши порождения или исчадия; когда, жестоким и твердым словом разбив и сокрушив «яйца

змеиные» ([Ис.59:5](#)), покажем, что они пусты и надуты одним воздухом, и обнаружим, какой кроется в них «василиск» нечестия, – василиск, но уже мертвый, несовершенный, недвижущийся, умерший в муках рождения, и прежде, нежели родился, не существовавший (говорю вашими словами, чтобы сказать что-нибудь и вам угодное), насколько ненавистный в своем зачатии, настолько же жалкий и при извержении на свет. А это, насколько знаю, дарует нам Тот, Кто дал власть «наступать на аспида и василиска» ([Пс.90:13](#)) и попирать змей и скорпионов ([Лк.10:19](#)), Кто «сокрушит под ногами нашими вскоре» ([Рим.16:20](#)) и «сатану», или по причине прежней светозарности, «как молнию с неба спадшего» ([Лк.10:18](#)), или потому что впоследствии он сделался изогбенным и превратился в пресмыкающегося, подобно змею бегающего, – сокрушить, чтобы и нам успокоиться несколько от бед, как ныне, так и впоследствии, когда совершенно отбежит от нас и болезнь, и печаль, и воздыхание о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава и держава во веки веков, аминь.

Слово 23

О мире, произнесенное в Константинополе по случаю распри, произошедшей в народе, о некоторых несогласных между собой епископах

Любезный мир, вожделенный делом и именем, который подал я ныне людям, и получил взамен, не знаю, искренний ли от всех и достойный Духа глас, или народный только договор (к вящему нашему осуждению!), нарушаемый перед свидетелем Богом! Любезный мир – мой труд и моя похвала, о котором слышим, что он Божий, что Бог есть его Бог, и что сам Бог им именуется, как в следующих словах: «мир Божий» ([Флп.4:7](#)); «Бог мира» ([2Кор.13:11](#)); «Он есть мир наш» ([Еф.2:14](#)), – и которого мы при всем этом не уважаем! Любезный мир – благо весьма восхваляемое и не многими хранимое, – где ты скрывался от нас столько времени и когда возвратишься к нам? Весьма сильно и более всякого другого люблю и лобызая тебя, заботливо храню, когда ты с нами, и со многими слезами и рыданиями призываю, когда оставляешь нас. Не взывали так – ни патриарх Иаков к Иосифу, проданному братьями, а по мнению отца, похищенному зверем, – ни Давид, к другу своему Ионафану, падшему во брани, а впоследствии к сыну Авессалому. Один, истерзанный горестью в родительском сердце, вопиял: «зверь растерзал Иосифа» ([Быт.37:33](#)), зверь лютый и неукротимый, и положив перед собой окровавленную одежду сына, обнимал ее вместо сыновнего тела, в одном и том же находя и пищу, и облегчение скорби. Другой то проклинает горы, на которых происходила брань, взывая: «Горы Гельвуйския, да не падет на вас ни дождь, ни роса! как сокрушился лук Ионафанов и сила его!» – то оправдывает отцеубийцу, как бы ничем не оскорблял он отца, и примиряется с мертвым, может быть и потому сетуя о сыне, что он занес руку на отца. Таково родительское сердце! Кого на брани отражал как врага, того по смерти оплакивает как друга. Природа всего могущественнее; она препобеждает и вражду.

Достоин сожаления, что Киот задержан иноплемениками, что Иерусалим сравнен с землей и попирается язычниками, что сыны Сиона, драгоценные и ценимые на вес золота, отведены в плен, до сих пор в рассеянии, и составляют народ чуждый в мире и скитающийся. Горестно и то, что видим и слышим ныне: отеческие грады ниспровергнуты, тысячи людей падают, земля обременена пролитой кровью и множеством падших, наг род иноязычный¹⁵⁶ ходит по чужой области, как по своей. И не по

малодушию защитников (никто не обвинит их в этом; они те же самые, которые покорили едва не целую Вселенную!), но за наши пороки, за овладевшее нами нечестивое учение о Троице, постигли нас все эти бедствия и верх бедствий. Кто будет оспаривать это, если умеет определить тяжесть несчастья по тем страданиям, какие мы сами претерпели или разделяли с другими? Но все это мало в сравнении с тем, что изгнан мир, похищено благолепие Церкви, унижено древнее достоинство, до того превращен порядок, что мы, сделавшиеся прежде из ненарода народом, из неязыка языком, подвергаемся теперь опасности – из самого великого народа и языка опять стать не народом и не языком, чем были вначале, когда не начальствовал над нами ты, когда мы не собрались еще под единое имя и единый чин.

Действительно, теперь оказывается, что удобнее переносить злополучие, нежели сохранять благополучие, потому что и мы, когда восставали на нас брани, были укрепляемы и теснее соединяемы гонениями; а когда совокупились воедино, тогда ослабели. И кто из благомыслящих не стал оплакивать настоящего времени? Но кто найдет слово, равняющееся бедствию? В мире живут разбойники, которых связало злодеяние. В мире живут замышляющие о насильственной власти, сообщники воровства, заговорщики мятежа, соучастники прелюбодеяния. В мире живут и певцы одного хора, и воины одного отряда, и пловцы одного корабля. Не стану говорить о наследствах, разделяемых поровну, о противоположных мерах правления, о преемстве общественных служений, о постепенности и законном порядке начальств. Даже редко видим, чтобы и эта пресловутая софистика или грамматика (не касаюсь философии, из ревности к которой молодые люди бесятся и сходят с ума) предавалась крамолам, чаще же соблюдает она мир. Но у нас нет согласия и союза; никогда не можем сойтись в одном, не видим даже и способа излечить такую болезнь; но как будто бы и учим и учимся злонравию, а не добродетели; много трудимся над тем, чтобы поджигать раздор; о единомыслии же мало заботимся, или и вовсе не заботимся.

Когда другие не соблюдают согласия; тогда их раздор не ведет ни к чему важному. А некоторым лучше быть в раздоре, нежели в единомыслии. Ибо кто из здравомыслящих похвалит союз, заключенный на худое дело? Но если бы у нас кто спросил: что мы чествуем и чему поклоняемся? Ответ готов: мы чтим любовь. Ибо, по изречению Святого Духа, Бог наш «есть любовь» ([1Ин.4:8](#)), и наименование это благоугоднее Богу всякого другого имени. А что главное в Законе и Пророках? И на это не позволяет евангелист ([Мф.22:40](#)) дать иного ответа, кроме прежнего. Почему же мы –

читители любви так ненавидим и сами ненавидимы? Почему мы – читатели мира немилосердно и непримиримо враждуем? Почему мы – основанные на камне – зыблемся, утвержденные на краеугольном камне – распадаемся, призванные во свете – омрачаемся? Почему мы – служители Слова довели себя до такого молчания или бессловесия, или оцепенения, или... не знаю, как назвать еще.

И в пище, и во сне, и в позорных делах есть, как говорят, мера сытости; все, не одно скорбное, но и самое приятное возбуждает наконец отвращение, потому что все из одного переходит и превращается в другое. Но у нас нет конца взаимным поражениям друг друга, не только между разномыслящими и несогласными в учении о Вере (это было бы менее прискорбно, извинялось бы ревностью, одним из похвальных качеств, пока она в пределах), но и между единомышленными, у которых в одном и том же одни и те же противники. Это всего бедственнее и жалостнее. И что этому причиной? Может быть, любоначалие или корыстолюбие, или зависть, или ненависть, или высокомерие, или другая какая страсть, которых не видим и в самих безбожниках.

Весьма забавна переменчивость в мнениях. Когда нас хотят поймать, тогда мы благочестивы и православны, лживо прибегаем к истине, как будто стоим за веру, и в том одном (по сравнению с худшим) поступаем похвально (хотя это само по себе и гнусно), что, стыдясь порока, переходим на сторону того, что почтеннее, а именно – благочестия. Тебе (кто бы ты ни был, дошедший до такого состояния) можно сказать: безумный и непостоянный человек, тварь лукавого – изобретателя зла, или (справедливее сказать) несмышленнейший из людей! Вчера был он для тебя благочестив, как же ныне стал нечестив, хотя ничего не прибавил и не убавил ни словом, ни делом, но в том же стоит, как и тем же дышит воздухом, теми же глазами и на то же смотрит солнце; а если угодно тебе спросить его о числах и мерах; то и на это будет отвечать не новое, но то же, что и прежде? Однако же ныне у тебя блудник, кто вчера был Иосифом. Ибо и до этого доходит любовь к спорам, подобная пламени, пробегающему по соломе и обнимающему целую окружность. Ныне Иуда, или Каиафа, кто вчера Илия, или Иоанн, или другой кто из подвизающихся в рядах Христовых, обвязанный тем же поясом, облеченный в ту же темную или черную ризу, какой (и по моему уставу и рассуждению) требует строгость жизни. Вчера бледность лица – прекрасный цвет для мужей высоких, или скромность и спокойствие голоса, или степенность и тихость походки именовали мы любомудрием, а ныне называем это тщеславием. Ту же власть над духами и болезнями приписываем то

Иисусу, то Вельзевулу; и в этом случае не правдивыми пользуемся весами, но руководствуемся охотой спорить и раздражительностью. Как одна и та же земля, для здорового и нестрадающего никаким недугом, неподвижна, а у кого кружение в глазах, или кто сам вертится, для того движется, и как состояние видящего бывает переносимо на видимые предметы, или, если угодно, как одно и то же расстояние столпов представляется большим тому, кто смотрит вблизи, и меньшим тому, кто издали, потому что воздух скрадывает расстояние, и зрение сближает предметы большого объема, так и мы легко обманываемся по причине вражды и составляем неодинаковые понятия об одних и тех же лицах, когда они нам друзья, и когда нет. У нас время легко производит многих во святые, а многих, против всякой вероятности, – в безбожники. Или вернее сказать, оно всех делает жалкими, не только потому, что на нас смотрят, как на худой образец, тогда как порок подручен всякому, хотя бы и никто не привлекал, но и потому, что мы с готовностью прощаем всем и все, только бы сойтись в одном.

Прежде не безопасным почиталось сказать одно лишнее слово, а ныне злословим людей самых благочестивых. Прежде не позволялось «читать закон извне и призывать исповедание» ([Ам.4:5](#)), то есть, как я понимаю, народное одобрение, а ныне и о неизреченных тайнах допускают судить людей оскверненных, повергая «святыню псам» и бросая «жемчуг перед свиньями» ([Мф.7:6](#)). И этого недостаточно; мы насыщаем слух свой взаимными оскорблениями друг друга. Мы не можем рассудить даже того, что не безопасно доверять оружие врагу, и слово против христианина – ненавидящим христиан. Ибо в чем мы укоряли ныне, в том завтра будут укорять нас. Враг ласково выслушивает слова твои, не потому что хвалит, но потому что собирает со злым намерением, чтобы при случае изbleвать яд свой на оказавшего ему доверие.

Для чего же терпим это, братья, и долго ли будем терпеть? Когда отрезвимся от упоения, снимем с глаз чешую, воззрим на свет истины? Какая это тьма, какое сражение среди ночного мрака, какая буря, не позволяющая различить в лице друзей и противников? Для чего мы стали «посмешищем у соседей наших, посрамлением и поруганием у окружающих нас» ([Пс.78:4](#))? Что за ревнование о зле? Отчего такое нескончаемое изнурение самих себя? Или лучше сказать, мы не изнуряем себя, но, что бывает с беснующимися, в самом недуге черпаем для себя силы и радуемся своему истощению. Нигде нет у нас ни слова, ни друга, ни соратника, ни врача, умеющего исцелить или отсечь страдающий член, ни ангела заступника, ни Бога; и сверх всего сами себе заграждаем мы

Божие человеколюбие. «Для чего, Господи, стоишь вдали» ([Пс.9:22](#))? И будешь «скрываться непрестанно» ([Пс.88:47](#))? И когда «посещение сотворишь» нам ([Притч.29:13](#))? До чего дойдет это и где остановится?

Боюсь, не есть ли настоящее уже дым ожидаемого огня, не вскоре ли после этого настанет антихрист и воспользуется нашими падениями и немощами, чтобы утвердить свое владычество. Ибо, конечно, нападет он не на здоровых и не на объединенных любовью; а надобно, чтобы царство само в себе разделилось, чтобы крепкий в нас рассудок подвергся искушению и был связан, чтобы сосуды были расхищены, и мы потерпели то самое, что (как видим) терпит теперь враг от Христа ([Мф.12:26–29](#)).

Об этом «я плачу», говорит Иеремия в Плаче своем ([Плач.1:15](#)); ищу «глазам моим» источники «слез» ([Иер.9:1](#)), которые бы удовлетворили моей горести; призываю «плакальщиц» сотворить и разделить со мной плач ([Иер.9:17](#)). И «чрево мое болит», смущаются чувства ([Иер.4:19](#)), не знаю, как и какими словами облегчить скорбь свою. Отчего и древнее предается молчанию, и новое – осмеянию. Ибо врагам обращается в забаву и то, что извлекает у меня слезы. Через это не мало потеряли у нас церкви, а приобрели зрелища, приобрели в таком городе, который и божественное, наряду с прочим, старается обращать в забаву, который скорее осмеет достойное похвалы, нежели оставит без осмеяния смешное. Потому удивительно будет, если он не осмеет и меня, который говорит это ныне, меня – пришлого проповедника, который учит, что не над всем должно смеяться, но что есть предметы, требующие внимательного рассуждения. И что говорю: осмеет? Подивись, если не подвергнет меня даже наказанию за то, что хочу сделать добро.

Таково наше положение; и меня печалит не то, что церкви у нас отняты (человек с ограниченным умом поскорбел бы, может быть, и об этом); не то, что злые языки (они делают свое дело) говорят худо, потому что не научились говорить доброго. Не опасно то, чтобы Бога можно было описать местом или оседлать продажным, и чтобы Он стал достоянием одних богатых. Притом те, которые говорят обо мне хорошо или худо, не переменят меня (подобно тому, как примешивающие, или миро к грязи, или грязь к миру, через такое смешение сливают качества грязи и мира) так, чтобы я стал огорчаться хулами как внутренне изменившийся. Иначе, дорого заплатил бы я хвалителям, если бы своими похвалами сделали они меня лучшим. Не так выходит на деле; бранят меня, или удивляются мне, в обоих случаях остаюсь таким, каков был. «Пустой же человек мудрствует», говорит Иов ([Иов.11:12](#)). Как пена прибивается к камню, как ветры к сосне, или к другому густому и высокому дереву, так и ко мне – людские

речи, и я так почти любомудрствую сам в себе. Если обвинитель лжив, то обвинение падает не столько, на меня, сколько на его слова, хотя и хулит он мое имя. А если он справедлив, то обвиню лучше себя, не говорящего обо мне. Ибо я сам причина того, что он говорит; а не говорящий – причина того, что я таков. Поэтому речи его, как ничего не значащие, оставив без внимания, обращусь к себе и из злоречия его извлеку еще ту одну выгоду, что стану жить осторожнее. Но злоречие имеет и третью весьма важную и величественную пользу, именно ту, что нас хулят вместе с Богом. Ибо одни и те же и отрицают Божество, и оскорбляют Богослова.

Итак, не это страшно, хотя и почитают многие страшным, но то, что, сколько бы кто ни был тверд в душе и искренен в благочестии, не хотят даже и верить, что он верен, нелицемерно добродетелен и свободен от притворства. Напротив, один у нас явно худ; в другом правдивость – одна личина и прикраса, обманывающая наружностью. Хотя не все кажутся черными, потому что есть черные, не все неблагородными, неблагообразными, немужественными, невоздержанными, потому что много таких; а напротив, осуждаем ли, или хвалим кого, произносим о каждом особый, а не общий приговор: однако же обвинение в злонравии удобно распространяем на всех и делаем общим обвинением целого, не только потому что многие, но и потому что некоторые злонравны.

Но гораздо страшнее этого то, что обвинение не останавливается на нас одних, но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство¹⁵⁷. Ибо с нашими судьями бывает то же, что почти и со всеми охотниками судить о чужих делах; одни из них довольно снисходительны и человеколюбивы, а другие очень жестоки и немилосердны. И первые нас одних укоряют в пороках, оставляя без укоризны наше учение. Другие же, особенно когда встречают много худых людей между удостоенными должностей, обвиняют сам закон, будто бы он учит злонравию.

Итак, что же, братия, долго ли это будет? Ужели никогда не уцеломудримся, не отрезвимся, не устыдимся? Не говоря о другом, побережемся, по крайней мере, от вражеских языков, которые и ложью удобно вредят. Ужели не отстанем от сильной привычки спорить? До сих пор не пойдем, какие предметы и в какой мере доступны нашему исследованию, и какие выше сил наших? Ужели не различим, какие исследования возможны в настоящее время, при дольней слитности вещей, омрачающей мысль, и какие должно предоставить будущему веку, тамошней свободе, чтобы удовольствоваться пока некоторыми, а для других предпочиститься, поскольку надеемся со временем достигнуть совершенства и приобрести желаемое? Ужели не отделим сами для себя

того, о чем совсем не должно полагать вопросов, о чем надобно спрашивать умеренно, в чем, как не вредном для нашего учения, справедливо ли оно, или нет, можно уступать охотникам до споров, что должно предоставлять одной вере, а что разуму, и за что надобно сражаться со всею ревностью, впрочем словами, а не оружием! Ибо поднять на кого-нибудь и руку – совершенно вне обычаев нашего двора, и мы отвергаем это, предоставляя нашим ненавистникам.

Назначим себе не тот один предел благочестия, чтобы поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, единому в Трех Божеству и единой Силе, – поклоняться, не предпочитая Одного, и недопочитая Другого¹⁵⁸ (выражусь так, чтобы и мне подражать сколько-нибудь мудрствующим об этом); ибо одно невозможно, а другое нечестиво, – поклоняться, не рассекая единого величия новостью имен, ибо ничто не бывает больше или меньше себя самого, но, утвердившись на таком пределе, будем единомышленны и во всем прочем, как чтители единой Троицы, держащиеся единого почти догмата и единого тела; отсежем же и уничтожим, как общий недуг, лишние и бесполезные вопросы, пустившие ныне столько отпрысков и ветвей. Ибо, не говоря о чем-либо отдаленном, разве не удовлетворили еще меня лукавый дух Монтана против Духа Святого, дерзость Навата, или нечистая чистота, завлекающая многих благолепием выражений; доньше продолжающееся неистовство фригиян¹⁵⁹, и посвящающих и посвящаемых едва ли не с древними обрядами; безумие галатов¹⁶⁰, обилующих многими именами нечестия; Савеллиево сокращение; Ариево разделение, и произошедшее из него подразделение нынешних хитрословов, в той же мере имеющих преимущество, в какой говорливый язык лучше неповоротливого? Даже и мы имеем между собой подобные почти разности, – мы, которые мыслим здраво о главном, и стоим за одно и то же против одних и тех же. Я понимаю недавно начавшуюся у нас братскую распрю¹⁶¹, которой бесчестится Бог и человек, – Бог, будто бы вовсе для нас не родившийся и не пригвоздившийся ко кресту, а следовательно, не погребенный и не воскресший, как вообразилось некоторым худым христороубцам, но чествуемый в том единственно, в чем честь обращается в бесчестие, и через это рассекаемый на двух сынов; а также – и человек, будто бы не совершенно воспрятый и почтенный, но отвергнутый и устраненный важнейшей его частью, тогда как в естестве человеческом всего важнее образ Божий и сила ума. Но человечеству, поскольку соединилось с ним Божество, надлежало разделиться; людям, по всему прочему умным, надобно было впасть в ошибку относительно

ума и, к умалению Божией благодати и нашего спасения, утверждать, что я не весь спасен, хотя весь пал и осужден за послушание перевозданного и по ухищрению противника!

И не этим только нарушается наше единомыслие. Напротив, мы, спасенные Богом, ведем брань за людей, и столько в нас крамольного духа, что расточаем его в угождение любочестию других, заводим домашнюю вражду за чужие престолы, в одном деле допускаем две весьма важные погрешности – в честолюбцах разжигаем страсть к любоначалию, а сами находим в этом опору собственной своей страсти, подобно людям, которые, падая со стремнины, хватаются за ближайший камень или сколько-нибудь твердый куст. Между тем надлежало нам своим устранением от дела и их обессиливать, в каком случае оказали бы им больше благодеяния, нежели ныне, сражаясь за них. Теперь же весьма жалки и заступники, и пользующиеся их заступничеством; и мне кажется, что опять уже делится на две враждебные части мир, который едва только примирен, и то с трудом, не вдруг, не без пролития многой крови. А кто остается в мире и не склоняется ни на ту, ни на другую сторону, тот терпит зло от обеих сторон: или презирают его, или нападают на него. И как к числу последних принадлежу и я, который восстает против этого, для чего принял и эту кафедру – предмет состязания и зависти, то неудивительно, что и меня, после всех моих трудов и усилий, обе стороны желали бы вытеснить и устранить отсюда, чтобы, когда уже не будет между ними препятствия и преграды, ближе сойтись им и со всей яростью напасть друг на друга.

Все это прекратить и остановить преимущественно может Бог, все связующий; но могут также и люди, ревнующие о добре и знающие цену единомыслия, которое ведет начало от Троицы (так как Ей и по естеству всего свойственнее единство и внутренний мир), которое усвоено ангельскими и божественными Силами, пребывающими в мире с Богом и между собой, которое простирается на всю тварь (так как ей служит украшением безмятежие), которое удобно поселяется и в нас, как по душе, когда в ней добродетели одна другую сопровождают и одна с другой сообщаются, так и по телу, когда в нем и члены, и стихии имеют взаимную стройность, от чего в первом случае происходит то, что есть и именуется красота, а во втором – здоровье.

Но похвалю и слово Соломона, который узаконивает «время» как «для всякой вещи», так для «войны и мира» ([Еккл.3:1, 8](#)). Добавлю только следующее. Хотя должно наблюдать время войны и мира, а иногда, по закону и слову Соломона, хорошо вести и войну, однако же лучше, пока

только можно, склоняться к миру, потому что это и выше, и богоугоднее. И ни с чем несообразно – предполагать, будто бы в частном деле всего лучше единомыслие, а в деле общественном оно не самое полезнейшее; будто бы совершеннейшее управление – в том доме и городе, в котором как можно меньше внутренних раздоров, а если и случаются они, то всего скорее восстанавливается мир и исцеляется недуг, но для общего состава Церкви и лучше, и приличнее нечто другое; будто бы каждому человеку надлежит стараться – быть в мире с самим собой, потому что мир и владычество над страстями для каждого вожделенны, но не так должно вести себя с другими, а напротив, низложение ближнего надобно вменять себе в славу. И хотя Бог повелевает прощать согрешивших против нас не только семь раз, но и в несколько крат более ([Мф.18:22](#)), чтобы прощением других испросить и себе прощение, однако же мы можем делать зло и тем, которые нас не обижали, даже делать охотнее, нежели как принимаем от других благодеяния.

Хотя знаем, какое блаженство уготовано «миротворцам», которые одни в сонме спасаемых нарицаются «сынами Божиими» ([Мф.5:9](#)), однако же можем думать, что сами, даже враждуя, делаем угодное Богу, за нас пострадавшему, чтобы примирить нас с Собой и прекратить внутреннюю в нас борьбу.

Нет, друзья и братья, не будем так думать. Почтим дар Примирителя, то есть мир, – дар, который, отходя отсюда, оставил Он нам ([Ин.14:17](#)), как некий прощальный залог. Будем знать одну только брань – брань с неприятельской силой. Скажем: «братья, ненавидящим нас» ([Ис.66:5](#)), только бы приняли это. Уступим в иной малости, чтобы получить взамен важнейшее, то есть единомыслие. Предоставим над собой победу, чтобы и нам победить. Посмотрите на уставы состязаний и на подвиги борцов: у них часто лежащий внизу одерживает победу над теми, которые были вверху. И мы будем подражать им, а не жадным любителям пиршеств или купцам, из которых одни без меры обременяют себя предложенными снедями, а другие нагружают корабль, и надрывают себе чрево, или утопают прежде, нежели насладятся своею ненасытностью, терпя великие потери за малое приобретение.

Итак, вопию об этом и свидетельствую, и не перестану исполнять слово Писания: «Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь» ([Ис.62:1](#)). Исчезает душа моя, когда вижу гибель тех, которые не «умерщвлены мечом, не погублены голодом» ([Плач.4:9](#)), но уязвлены честолюбием и любоначалием, так что падение их возбуждает не столько жалость, сколько ненависть. Если вы примете слова мои, то для

вас и для меня будет лучше. Но если осмеете и отвергнете их, дав страсти победить рассудок; то мой долг достаточно будет исполнен и перед Богом и перед людьми, потому что, как думаю, никто из самых миролюбивых не потребует большого, вы же сами увидите последствия, а я не присовокуплю ничего жестокого, ибо щадить детей требует закон отеческой любви. Но да будет милосерд и мирен великий Судия, и ныне, и в день воздаяния, о самом Христе Господе нашем, Которому слава и держава вовеки, аминь!

Слово 24

В похвалу святому священномученику Киприану¹⁶², сказанное на другой день его памяти по возвращении Григория из села

Едва не забыт нами Киприан, и это (какая потеря!) допустили вы, которые больше всех уважают Святого, чтут его ежегодными чествованиями и празднествами. А Киприана должно почитать даже и забывающим иное, так как особенной памяти требуют мужи совершеннейшие, о которых воспоминание вместе благочестиво и полезно. Возвратим же долг с лихвой, если окажемся довольно благоразумными, и не вовсе скудными и нищими. Впрочем, как бы ни велика была наша нищета, я уверен, что этот во всем великодушный и любомудрый муж простит нам и задержку, и бедность. Возблагодарим только, что он не остался у нас в совершенном забвении, ибо это стоит благодарения. И благодарением должно начать, чтобы мое возвращение послужило вам во благое и по благим мерам Бога, Который все распределяет и располагает весом и мерой ([Прем.11:21](#)), сделалось возвращением от безмолвия к слову, от любительницы мучеников¹⁶³ – к мученикам, от телесного отдыха – к духовному пиру.

Я желал быть с вами, дети; и уверен, что и вы в равной мере желали моего присутствия. Видите отеческое мое добродушие; говорю о своем, свидетельствую и о вашем желании. Разлучившись друг с другом на столько времени, чтобы дознать взаимную любовь и, как живописцы поверяют картины, изведать ее издали, мы опять вместе. Даже кратковременное обращение с людьми, которые расположены к любви и подражают Божью человеколюбию, доставляет много пищи воспоминанию. Ужели же мы, ученики Христа, Который для нас истощил Себя до образа раба и сделавшихся чуждыми небесного собрал к Себе, не удержим в любви и не обнимем друг друга, не соблюдем «единство духа в союзе мира» ([Еф.4:3](#)), которое составляет тайну, или главизну Закона и Пророков? Конечно, и то уже для нас одно из первых благодеяний, что мы так скоро пришли в объятия друг к другу; потому что ревность не терпит отсрочки, и кто мучится желанием свидания, тому один день кажется целой жизнью. Но гораздо важнее для нас другое благодеяние, что мы пришли не после праздника, не остались без тайноводства мучеников и доставляемого тем услаждения и упокоения.

А я признаюсь, что на все иное медлительнее всякого, и свергнул с себя все пожелания, как скоро стал служить Христу. Меня не пленяет ничто приятное и вожделенное для других, – ни долънее и непостоянное богатство, ни сластолюбие и пресъщчение – мать вожделения, ни мягкая и пышная одежда, ни блеск и привлекательность драгоценных камней, ни очарование слуха, ни изнеженность обоняния, ни приводящие в неистовство рукоплескания народа и зрелищ, которые давно уступил я охотникам до них; не пленяет и все, что ведет начало от первого вкушения, нас погубившего. Напротив, виню в великом скудоумии тех, которые позволяют таким вещам одерживать над ними верх, губят благородство своей души привязанностью к мелочному и прилепляются к скоропреходящему, как к чему-то постоянному. Я люблю Христа, не знаю меры в этой любви и хвалюсь ею, увеселяюсь славой мучеников, восхищаюсь кровью подвижников, подвиги и победы других для меня венцы: столько предвосхищаю себе славы, так усваиваю себе заслуги!

Конечно, всех мучеников должно чествовать, для всех надобно с готовностью отверзать уста и слух и мысль, чтобы охотно что-нибудь сказать и услышать о них, а все прочее почитать ниже их подвига. Ибо хотя многое служит для нас руководством к лучшей жизни и многое назидает в добродетели – и разум, и Закон, и Пророки, и Апостолы, и сами страдания Христа, этого первого Мученика, Который восшел на крест и меня возвел с Собой, чтоб пригвоздить мой грех, восторжествовать над змием, освятить древо, победить сластолюбие, спасти Адама и восстановить падший образ; однако же, при столь многих и столь превосходных наставниках, не менее поучительны для нас мученики – эти словесные всеожжения, совершенные жертвы, приятные приношения, это проповедование истины, обличение лжи, исполнение духовно-разумеваемого Закона, разрушение заблуждения, гонение порока, потопление греха, очищение мира. Но преимущественно перед прочими мучениками (у мучеников, конечно, нет ревности к мученикам) и именем, и делом досточтим для меня ты, Киприан! Особенно поражаюсь твоей добродетелью, восхищаюсь воспоминанием о тебе, делаюсь от удовольствия как бы вдохновенным, некоторым образом соучаствую в твоём мученичестве, приобщаюсь к твоему подвигу и весь переношусь к тебе, привлекаемый, может быть, сродством по дару слова, которым настолько превосходишь ты других, насколько словесные существа превосходят естество бессловесных (а между соединенными, чем бы то ни было, любовь, не знаю почему, поселяется также, как и между связанными кровным родством). Но может быть, привлекаюсь и твоей внезапной и

необыкновенной переменной, которая поразительнее всякого слова и примера. Ибо приятно солнце после облака, которым оно закрыто было прежде; приятна весна после зимней угрюмости; приятны улыбающаяся тишина, гладкое море, играющее у берегов, после мятежа ветров и обуревания волн.

Этот Киприан (пусть знающие его с удовольствием припомнят, а незнающие услышат одно из прекраснейших наших сказаний, служащее к общей похвале христиан!) – этот Киприан, – славное имя некогда для карфагенян, а ныне для целой Вселенной, – был знатен по богатству, знаменит по могуществу, известен по роду (если только иметь место и председательствовать в Сенате служит убедительнейшим доказательством благородства). Это был цвет юношества, образцовое произведение природы, верх учености по сведениям в философии и по познаниям в других науках, притом по какой угодно части, так что в нем разнообразие сведений было удивительнее высоты каждого познания, и опытность в каждом сведении удивительнее общей любознательности; или (скажу яснее) одних превосходил он разнообразием, других – высотой познания, некоторых – тем и другим, а всех – всем. Об учености его свидетельствуют многочисленные и превосходные сочинения, какие написал он в нашу пользу¹⁶⁴, после того как по человеколюбию Бога, Который все творит и претворяет в лучшее, переменил он образ учения и неразумие подчинил Слову.

А поэтому не знаю, как мне распорядиться словом и найти способ – и не продлить его чрезмерно, совершенно вне пределов времени, если буду припоминать о Киприане все, и не сделать большого ущерба присутствующим здесь, если об ином будет умолчано. Потому, чтобы соблюсти середину и сберечь время и удовлетворить желание слушателей, надобно, по моему мнению, исполнить следующее: все прочее предоставить знающим, чтобы они передали это незнающим, ежели таковые найдутся, и чтобы таким образом те и другие, и поучающие и поучаемые, получили равную пользу (потому что одно воспоминание о Киприане освящает, и слово о нем всего сильнее побуждает к добродетели); самому же мне для краткости припомнить одно или два таких события из его жизни, о которых невозможно и умолчать, хотя бы захотел. Но упомяну и о прежней жизни Киприана, о том, каким путем достиг он спасения, как был призван и как совершилась в нем перемена к лучшему. Весьма не благородно и низко думать, что оскорбительно будет для подвижника напоминать о непохвальных делах его. В таком случае и великий Павел не заслуживал бы нашей похвалы, и мытарь Матвей

принадлежал бы к людям самым порочным, а равно и Киприан. Но Павел для того упоминает о прежних своих гонениях и о том, как изменился предмет его ревности, чтобы сравнением того и другого прославить больше Благодетеля. Матвей, перечисляя учеников, придает себе наименование мытаря, как некоторое титуло. И Киприан в длинном слове¹⁶⁵ выставляет на позор прежнюю свою порочную жизнь, чтобы и это, то есть исповедь свою, принести в дар Богу, и многим из обращающихся от порочной жизни указать путь благой надежды.

Итак, смотрите, какие были его пороки, как многочисленны и велики. Служителем демонов был этот впоследствии ученик Христов, жесточайшим гонителем – этот великий поборник истины. И словом, и делом, как сильный в том и другом, возмущал путь наш, оказавшийся после еще сильнее в слове и деле для пользы христиан. А каким злом было присоединенное к этому чародейство, которым особенно славился Киприан! И насколько еще ужаснее та ненасытимость плоти, которая и мудрых в ином может доводить до бешенства, которая, увлекая рассудок, как молодого необузданного коня, заставляет умудряться на худое! Но слово мое касается самого главного. И никто да не предастся сластолюбию, видя прежнюю жизнь Киприана, а всякий да уцеломудрится последними его делами!

Была девица¹⁶⁶, знатного рода и благонравная (да внимают и да радуются этому девы, или, лучше сказать, и живущие в супружестве, если они целомудренны и любят целомудрие; потому что сказание мое составит украшение для тех и других!), девица весьма прекрасной наружности; но к моему о ней слову да присовокупит и свою песнь божественный Давид, который говорит: «вся слава дщери Царя внутри» ([Пс.44:14](#)). Это была истинная Христова невеста, сокровенная красота, одушевленное изваяние, ничем не оскверненная святыня, никому не доступное святилище, «запретный сад, запечатанный источник» ([Песн.4:12](#) – да воспоеет нечто и Соломон!) – источник, соблюдаемый единому Христу. Этой девой, при всей ее осторожности и скромности, не знаю где и как, пленился великий Киприан; ибо похотливое око – это самое наглое и ненасытное из чувств, касается даже и неприкосновенного. Киприан не только пленился, но покушался и обольстить. Какое скудоумие, если такую деву надеялся лишить целомудрия! А тем более, какое бесстыдство и в отваживающемся на такой поступок, и в убеждающем отважиться! Но он вначале вползал в рай к первозданному, он предстоит среди ангелов, требуя себе Иова, он напоследок дерзает

приступить к Самому Владыке, от Которого должен быть поражен и убит, даже искушает Того, Который «не искушается» ([Иак.1:13](#)), как будто и Его надеялся перебороть, потому что явившееся Божество почел вторым Адамом и не знал, что, приступая к человечеству, пытается искушать Бога. Что же странного, если он и через Киприана искушает святую душу и чистую плоть? Таков был искуситель, и в помощники употребляется не одна из старых женщин, способных на подобные дела, но один из плотолюбивых и сластолюбивых бесов; потому что богоотступные и завистливые силы, стараясь иметь многих сообщников своего падения, весьма скоры на услуги подобного рода, и наградой за содействие в соблазне служат им жертвы и возлияния, также общение посредством крови и тука, ибо за такие одолжения таковы должны быть и награды.

Но что делает и что противопоставляет строителю зла девица, когда ощутила опасность и проникла в злой умысел? Чистые и богоподобные души весьма скоро распознают покушающегося против них, как он ни хитер, ни разнообразен в своих нападениях. Девица, отвергнув все другие способы, прибегает к Богу, и защитником от ненавистной страсти избирает Жениха своего, Который и Сусанну избавил от жестоких старейшин, и Феклу спас от немилосердного искателя ее любви и еще более немилосердного отца. Кто же этот жених? – Христос, Который и духам запрещает ([Мф.17:18](#)) и поддерживает утопающих ([Мф.14:31](#)), и ходит по морю ([Мф.14:26](#)), и легион духов предаёт глубине ([Лк.8:32](#)), похищает из рва праведника, отданного на съедение львам и воздеянием рук преодолевающего зверей ([Дан.14](#)), спасает беглеца Пророка, поглощенного китом и во чреве его сохранившего веру ([Ин.2](#)), сохраняет в пламени ассирийских отроков, остудив горящие дрова через ангела, и к трем юношам присовокупил четвертого ([Дан.3](#)). Все это и еще многое припоминая в молитвах, и моля Деву Марию помочь бедствующей деве, присоединяет она и другое средство – пост и сон на голой земле, чтобы увяла красота, привлекая на нее козни, а через это отнята была пища у пламени, истощилось служащее к возжжению страстей, и вместе, чтобы Бог умилосердился над ее смирением. Ибо никаким служением не благоугождается Бог, как злостраданием, и за слезы воздает Он милостью.

Знаю, что нетерпеливо ожидаете продолжения сказания; ибо беспокоитесь о деве, а не меньше и о воспламенившемся к ней любовью, опасаясь, чтобы страсть для обоих не имела худых последствий. Но смело надейтесь! Сама любовь пролагает путь вере; пламенеющий любовью, уневещивая себе деву, сам уневещивается Христу; огонь страсти угасает, возгорается же огонь истины. Но отчего и как? – Здесь начинается самая

приятная часть моего повествования.

Дева побеждает, а демон побежден. Искуситель приходит к одержимому страстью, извещает о своем поражении, подвергается за это осмеянию, огорчен презрением и мстит презрителю. И в чем состоит мщение? Демон, осмеянный недавним своим служителем, приступает к нему самому, чтобы одно зло было изгнано другим, и новое беснование послужило исцелением прежнего. Отражен он девой, как стенобитное орудие твердой и непоколебимой стеной, прогнан словом и молитвой; но борется еще с пославшим его к деве, обратившись (чудное дело!) на того, кем был послан, и давит его, как второго Саула ([1Цар.16:14](#)). Что же делает этот безумный во время страсти, и благоразумный, когда мучит его бес? Ищет освобождения от зла и находит; ибо нужда делает изобретательным. Откуда же освобождение? Как Саул к гуслим и бряцаниям Давида, так он прибегает к Богу девы, приступает к ее Пастырю, и как демонские удары очищают его от страсти, так вера во Христа – от злого духа, и он воспламеняется новой любовью. Пастырь долго не верил ему и отсылал его от себя; потому что казалось невероятным и странным, чтобы Киприан стал наконец принадлежать к христианам, даже хотя бы и все сделались христианами. Но Киприан обратился, и доказательство обращения его очевидно. Он приносит в собрание чародейские книги, исповедует свое неразумие, предает позору бесполезность этого нечистого сокровища, возжигает ими светлый пламень, и огнем истребляет долговременную прелесть, которая не могла содействовать плотскому пламени. Так отвергается он демонов и делается присным Богу!

О чудо благодати, по которой через нечистую любовь и лукавого духа Киприан находит Бога, делается священной овцой священного стада! И как сказывал мне некто, после многих молитв, чтоб в очищение прежней гордыни любомудренно научиться смирению, сперва был он придверником храма; а потом стал Пастырем, даже лучшим и опытнейшим из Пастырей. Он первенствует не только в церкви Карфагенской и в Африке, которая с этого времени и через него доньше знаменита, но на всем Западе, а почти и на самом Востоке, в странах южных и северных, куда только проникла слава о нем.

Так Киприан стал нашим. И это совершил Бог знамений и чудес, сотворил Тот, Кто Иосифа, проданного из-за ненависти братьев, посредством жены показал целомудренным, прославил в раздавании хлеба, умудрил в сновидениях, чтоб в чужой стране ему поверили, чтоб почтил его фараон, чтоб стал он отцом многих тысяч людей, за которых Египет терпит казни, для которого рассекается море, поливается дождем

хлеб, останавливается солнце, которому дается в наследие земля обетованная! Ибо премудрость еще заранее полагает основания великих дел и противоположным достигает противоположного, чтоб тем более дивились ей.

Для полноты похвального слова довольно было бы и этих Киприановых доблестей, но те, о которых остается еще мне говорить, так многочисленны и велики, что, если бы сказанное до сих пор и не служило похвалой, то одного последующего достаточно было бы для Киприана, чтобы стать выше всех. Впрочем, не говоря ни о его презрении к деньгам, ни о посприании им гордыни, ни об обуздании плоти и чистоте в противоположность прежней необузданности, ни о величавости и вместе снисходительности в обращении, причем он равно был далек и от низости, и от высокомерия, ни о сне на голой земле и о бдениях, чему поздно стал он учиться и в чем много превзошел привыкших к тому раньше его, ни о ревности в назидании словом, так что он преподавал всю нравственность, очистил невежественные понятия о догматах, украсил жизни мужей, и догмат о Божестве начальной и царственной Троицы, Которое иные рассекают, а иные сливают, возвел в первоначальную чистоту, пребывая в пределах благочестного единства и счисления, – умолчав обо всем этом, по причине обширности предмета, заключу слово свое кончиной жизни Киприана.

Вознеистовствовал против нас Декий, он замышлял всякие виды мучений, и разные жестокости частью уже совершил, а частью намеревался совершить. С одинаковым усилием старался он и преодолеть христиан и превзойти прежних гонителей; лучше сказать, ему хотелось преодолеть и покорить или всех христиан, или одного Киприана. Ибо чем известнее было ему отличное благочестие и слава этого мужа, тем более славной и блистательной казалась победа, если одержит над ним верх. И в одном случае он покорил бы только своей воле христиан, а в другом восторжествовал бы над самым любомудрием и даром слова. Почему, наилучшей почитал хитростью – сперва сделать безмолвным язык, потом безгласными и молчащими повлечь за собой тех, которые им держались. Несправедливо и нечестиво было такое рассуждение, однако же и не вовсе неосновательно, если брать в рассмотрение его желание и предприятие. Это показало и само дело. Ибо когда доблестный Киприан, как в море скала удары волн, твердо и мужественно отразил все искушения и покушения, и осужден, наконец, Декием на изгнание; тогда он не ограничился самим собой, не обрадовался своему спасению от смерти и не стал рассуждать, что лучше сохранить в безопасности жизнь, хотя бы

понести бесчестие, или лучше – подвергнуть опасности душу, но соблюсти безмолвие и равнодушно смотреть, как другие бедствуют от обстоятельств времени, не имея наставника, который бы поощрил на подвиги; потому что слово не мало может придать мужества вступающим на поприще добродетели. Поэтому Киприан, отсутствуя телом, присутствовал с подвижниками духом, разделял их подвиги; и когда не может он содействовать живым словом – помогает писаниями. А каким образом? Издали предводительствует Христовым воинством, пишет увещания, восхваляет благочестие, и своими посланиями один производит едва не больше мучеников, чем другие лично, находясь вместе с подвизающимися. Бедствующих за доброе дело убеждает он – ни отечества, ни рода, ни богатства, ни владычества, ни всего земного не предпочитать истине и наградам, какие уготованы добродетели на небеси. Внушает, что самая выгодная купля – каплями крови приобрести небесное царство и за временные блага получить вечность славы. Ибо для душ возвышенных одно отечество – Духовный Иерусалим, а не здешние города, которые заключены в тесные пределы и часто меняют своих обитателей; одна знаменитость рода – хранить в себе Божий образ и уподобляться Первообразу, насколько это возможно узникам плоти и способным принять в себя только некоторые струи добра; одно владычество – одерживать верх над лукавым, не отдавать в плен души и не уступать победы в подвигах за благочестие, когда порок борется с добродетелью, мир – с миром, мир разрушающийся – с миром постоянным, подвигоположник неумолимый – с подвижниками мужественными, и Велиар вооружается на Христа. А поэтому убеждал он не бояться мечей, огонь считать прохладой, самых лютых зверей представлять себе кроткими, голод признавать высшим наслаждением, отвращать взоры от слез, сетования и стенания родных, как от приманки лукавого, как от препятствия небесному шествию. Ибо так прилично вести себя душам мужественным и благородным и уму целомудренному. А всему этому служит близким примером и говоривший, и писавший это, и «все почитавший за сор, чтобы Христа приобрести» ([Флп.3:8](#)).

Так рассуждая и вооружая словом на подвиг, Киприан произвел многих подвижников. Какую же получает за то награду? Щедрую и высокую: после всех, предпосланных им ко Христу сам делается мучеником и, раненный в голову мечом, ко многим страданиям присовокупляет и этот венец. Так приводится, так представляется ко Христу этот муж, сильный в нечестии, но гораздо сильнейший благочестием – этот великий Киприан, и гонитель и венценосец, не менее

чудный своим обращением, как и добродетелью. Ибо не столько важно соблюсти образ добра, сколько – обновить в себе богобоязненность. Первое есть дело навыка, а последнее дело благого произволения; и первое находим во многих, а последнему немного видим примеров.

Но каково и это в числе чудес его? Скажем еще несколько слов в честь подвижника. Хотя такова была жизнь мужа этого и таков подвиг, однако же, когда оканчивает он жизнь (если позволительно так сказать, а не лучше наименовать кончину его переселением к Богу, или исполнением желания, или разрешением от уз, или сложением с себя бремени), совершается при этом нечто чудесное и соответствовавшее предшествовавшему. Велико было имя Киприана для всех, не только для христиан, но даже и для наших противников (ибо доблести всеми равно уважаются); впрочем, тело его оставалось в неизвестности, и такое сокровище было скрыто, притом на долгое время, у одной из жен, пламенеющих благочестием, не знаю, потому ли, что Бог почтил этим боголюбивую жену, дав ей сохранять у себя мученика, или потому, что Ему угодно было обнаружить нашу любовь, если мы, лишенные святых мощей, будем неравнодушны к такой утрате. Когда же Бог мучеников не потерпел, чтобы общее благо составляло собственность одной, и чтобы по милости к жене несли потерю все, тогда извещает о теле Киприана через откровение, и эту честь предоставляет опять одной достойной женщине, чтоб получили освящение и жены. Как прежде и рожден Христос и возвещен ученикам по воскресении Его из мертвых через жен, так и ныне одна жена указала Киприана, а другая передала на общую пользу эту последнюю его доброту. Так оказывается в центре внимания тот, кому и не надлежит быть скрытым; так не допущено, чтоб он оставался по своему любомудрию в неизвестности даже и после того, как стал выше и совершеннее почестей, какие воздаются телесному.

Вот все, что мог сказать я о Киприане, и не знаю, должен ли что присовокуплять к этому. Ибо, если бы и надолго простер еще слово, то сказанное мной не соответствовало бы и его доблестям и тому понятию, какое каждый имеет об этом муже. И до сих пор предложенное говорено было единственно для того, чтобы сколько-нибудь воздать подобающую ему честь. Но чтобы и от вас принесено было нечто в дар мученику, – вы сами должны восполнить все прочее, как-то: изгнание бесов, исцеление болезней, предвидение будущего. Все это, при помощи веры, может подавать даже прах Киприана, как знают изведавшие это опытом, от которых и нам передана память о чуде, и будет передаваться будущим временам. Лучше же сказать, принесите нечто и этого большее, более

приличное истинным его почитателям, а именно: изнурение тела, восхождение сердца, удаление от порока, возвращение добродетели. Девы, принесите истощение плоти, жены – благолепие добродетели больше, нежели тела, юноши – мужество в борьбе со страстями, старцы – благорассудительность, властелины – добрые законы, военачальники – кротость, отличающиеся даром слова – благое слово. Скажу нечто и для своих: священники, принесите тайноводственное учение, мирские – благопокорность, плачущие – утешение, благоденствующие – страх, богатые – милостыню, бедные – благодарность, а все – готовность противостоять лукавому и жестокому гонителю, чтоб он не мог ни явно низлагать, ни скрытно уязвлять, ни ратовать как тьма, ни обольщать и увлекать в бездну погибели как Ангел света. Опасно отдаваться в плен очам, терпеть уязвление от языка, позволять, чтобы обольщал нас слух, воспламенял кипящий гнев, низлагал вкус, разнеживало осязание; опасно обращать оружие спасения в оружие смерти. Мы должны, оградившись «щитом веры, стать против козней» дьявольских ([Еф.6:11, 16](#)), чтобы, одержав победу со Христом, совершив подвиг с мучениками, услышать его великий глас: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царство» ([Мф.25:34](#)), где обитель всех веселящихся, где глас празднующих, «глас радости» ([Пс.41:5](#)), совершеннейшее и чистейшее озарение Божества, приемлемое нами ныне только в гаданиях и тенях. Этим чествуемый Киприан увеселяется больше, нежели всеми в совокупности другими почестями. Этому любомудрию, будучи еще на земле, поучал он жизнью; это же любомудрие, по отшествии своем, предписывает всем через мое слово, которого нимало не оставляйте без уважения, если цените сколько-нибудь его терпение и подвиги за истину, а также и меня, исполняющего его поручение.

Таковы плоды слов моих тебе, божественная и священная глава! Такова тебе награда за твои слова и за подвиг – не масличная олимпийская ветвь, не эта детская забава – дельфийские яблоки, не истмийская сосна, не немейский селин¹⁶⁷ из семейства «зонтичных», которыми в древности воздавалась честь бедным юношам, но слово, которое всего приличнее слугителям Слова! И если оно достойно твоих подвигов и слов, то и это есть дар Слова. Ты же милостиво призри на меня с высоты, управляй моим словом и жизнью, паси свою священную паству или будь моим сопастырем, направляй ее, насколько возможно, к лучшему, гони от нее прочь беспокойных волков и всех гоняющихся за слогами и выражениями, подавай нам наиболее совершенное и светлое озарение Святой Троицы, Которой ты предстоишь ныне, Которой и мы поклоняемся, Которую

славим, перед Которой служим, поклоняясь Отцу в Сыне, Сыну в Духе Святом. Ей да будем напоследок предстоять с чистым сердцем и непреткновенно, и став совершенными, да приобщимся Ее совершенно в самом Христе Господе нашем, Которому всякая слава, честь и держава во веки веков, аминь.

Слово 25

В похвалу философу Герону¹⁶⁸, возвратившемуся из изгнания

Хотя болен я телом, но буду хвалить философа (ибо и это есть знак любомудрия); и поступлю весьма справедливо. Ибо он философ, а я служитель мудрости; почему мне и прилично хвалить его, чтобы доказать свое любомудрие, если не другим чем, по крайней мере, удивлением философу. А по моему рассуждению должно или самому любомудрствовать, или уважать любомудрие, если не хотим совершенно лишиться всякого добра и подпасть осуждению в неразумии; тогда как мы одарены разумом и посредством слова течем к Слову.

Покажи же нам и ты¹⁶⁹ свое известное во всем прочем любомудрие, дозволив похвалить себя, и терпеливо выслушай похвалу. Ибо стану хвалить не из лести (мне известно нелюбочестие любомудрого мужа; притом же, слово мое ничего не прибавит к делам, а разве уменьшит их достоинство своею скудостью), но чтобы для себя извлечь пользу. А этим не пренебрежет уже любомудрие, которое над тем трудится и о том заботится, чтоб облагодетельствовать чем-нибудь жизнь нашу. И первое из благодеяний – восхвалять доброе, потому что похвала пролагает путь соревнованию, соревнование – добродетели, а добродетель – блаженству, которое составляет верх желаний, цель всех стремлений любителя знаний.

Итак, приступи, наилучший и превосходнейший из философов (присовокуплю даже) и из свидетелей истины! Приступи, обличитель лжеименной мудрости, которая состоит в одних словах и очаровывает сладкоречием, а не может и не хочет взойти выше этого! Приступи, одинаково искусный в добродетели, как в созерцательной, так и в деятельной, ты, который, и в чуждой для нас одежде¹⁷⁰, философствуешь по-нашему. А может быть, и одежда твоя нам не чужда; так как и ангелам свойственно быть светоносными и сияющими, когда изображают их в телесном виде, что считаю символом естественной их чистоты. Приступи, мой философ и мудрец (ибо доколе любить мудрость, если нет мудрости?)! Приступи, пес¹⁷¹; назову так не за бесстыдство, но за дерзновение, не за ненасытность, не за то, что ограничиваешься насущным, не за даяние, но за сбережение доброго, за неусыпность в охранении душ, за то, что ласкаешься ко всем, которые тебе – свои в добродетели, а лаешь на всех чужих! Приступи и стань близ этой Жертвы,

у этой таинственной Трапезы, подле меня, который этой Жертвой тайноводствует к обожествлению! Тебя приводят к ней и учение, и жизнь, и очищение посредством страданий. Приступи; увенчаю тебя нашими венцами, и не среди Олимпии, не на малом позорище Эллады, не за отличие в борьбе, или в рукопашном бою или в беге, не за другие маловажные подвиги, совершаемые для маловажных наград и в честь кого-либо из героев или демонов, прославленных несчастьем и баснословием (ибо подобное этому уважается и чествуется ими¹⁷², после того как неразумие призвало себе в помощники время и обычай, ставший законом), но перед Богом, перед ангелами, перед всей полнотой Церкви, громогласно провозглашу о тебе, победившем ложь ереси, во славу Живого Бога, собственными страданиями учащего страдать, – победившем за такую награду, чтобы принять небесное царство, стать богом, не подлежащим страданию.

Что же это за провозглашение? Если хотите, чтоб оно было короче и определеннее, то скажу: вот самый нелживый подвижник истины, даже до крови поборник Троицы и гонитель гонителей, наносивший им зло своей готовностью злострадать; ибо ничто так не низлагает гонителя, как ревность страждущего! А если угодно, чтоб мое провозглашение было полнее и обширнее, то скажу: вот наилучший из лучших и благороднейший из благородных! Говорю же не о том благородстве, какое чернь понимает. Прочь от нас с ним! Не нам и не философам дивиться тому благородству, которое берет свое начало в баснословии, гробах и давно сгнившей уже кичливости, сообщается с кровью и с грамотами, и которое дает ночь или рука властелина, может быть и неблагорожжденного, также предписывающего быть благородным, как и делать то или другое. Напротив, имею в виду благородство, отличительный признак которого есть благочестие, добрая нравственность и восхождение к первому Благу, нашему началу. Такого благородства – одно доказательство. А наш доблестный муж не только сам подвижник, но и произошел от мучеников, имел у себя домашний образец добродетели. По мудрости он гражданин целой Вселенной; потому что киническая философия не позволяет ограничиваться тесными пределами. А по плоти – гражданин города Александрии, который стоит наряду с нами¹⁷³ или следует за нами, непосредственно, и во всем превосходя прочие города, преимущественно отличается горячностью, и что всего прекраснее, горячностью христианской и такой приверженностью к христианству, которая происходит от желания, но укоренена в самой природе. Ибо когда в

воспламенение приводит благочестие, тогда рождается ревность; а ревность есть ограждение веры.

Так он был воспитан, и получил образование, приличное своему происхождению и назначению. Когда же наступило время избрать род жизни (в чем полагаю основание и доброго и худого поведения), – усматривает он нечто великое, отважное, превышающее выбор людей обыкновенных. Роскошь, богатство и могущество презирает более, нежели избыточествующие в этом презирают других; осмеивает же и отвергает роскошь, как первое из злостраданий, богатство, как крайнюю бедность, и могущество, как верх бессилия; потому что не почитает того и благом, что приобретших делает не лучшими, а чаще всего худшими, и у обладающих не остается до конца. Философии вручает владычество над страстями, со всей бодростью стремится к добру, еще до разлучения с веществом отрешается от вещественного, борется с видимым, всем величием природных сил, всем благородством соизволения прилепившись к постоянному. А когда утвердился в таких мыслях, – не почел уже нужным рассуждать, какое лучше избрать любомудрие: внешнее ли, которое под видом и личиной любомудрия играет тенями истины, или наше, наружно смиренное, но возвышенное внутренне и ведущее к Богу. Напротив, от всего сердца избирает он наше любомудрие, даже не обратив и помысла на худшее и не увлекшись изяществом речи, о которой столько думают греческие философы. Первым же делом своей философии считает – узнать, какой из наших путей предпочтительнее и полезнее, как для него, так и для всякого христианина. Ибо признаком души наиболее совершенной и любомудрой считал он – при всяком деле обнимать в частном и общее; потому что каждый из нас получил бытие не для одного себя, но и для всех, которые имеют с ним одну природу, и произведены одним Творцом и для одних целей. Притом видел, что жизнь пустынная, отшельническая, удаляющаяся и чуждающаяся общения с людьми, хотя сама по себе важна и высока, даже выше сил человеческих, однако же ограничивается только преуспевающими в ней, отрицается же от общительности и снисходительности – свойств любви, которая, как известно ему было, есть одна из первых достохвальных добродетелей. Кроме того, такая жизнь, как не обнаруживающаяся в делах, не может быть поверяема и сравниваема с другими родами жизни. Напротив, жизнь общественная, проводимая в кругу других, кроме того, что служит испытанием добродетели, и распространяется на многих, и ближе подходит к Божию домостроительству, которое и сотворило все, и связало все узами любви, и наш род, после того как он утратил свою доброту через

прившедший грех, снова воззвало посредством соединения и обращения с нами. Когда же сообразил и исчерпал это умом, а вместе признал одним из добрых дел – смирить кичливость эллинских философов, которые думают придать себе важности плащом и бородой; тогда что он делает? И как приступает к философии? Наблюдает некоторую середину между их суетностью и нашей мудростью; у них заимствует наружность и одежду, у нас – истину и высоту. Поэтому перипатетиков, академиков, почтенных стоиков, и слепой случай Эпикура с атомами и удовольствием, увенчав волной, как некто из них – стихотворца¹⁷⁴, отсылает и гонит от себя, как можно дальше. В кинической же философии он осудил безбожие, а похвалил воздержание от излишнего, и стал, как видите теперь, псом против действительных псов, любомудрым против немудрых и христианином для всех. Он пристыжает высокомерие циников сходством наружности, а малосмысленность некоторых из наших – новостью одеяния, и доказывает собой, что благочестие состоит не в маловажных вещах, и любомудрие – не в угрюмости, но в твердости души, в чистоте ума и в искренней склонности к добру. А при этом можно иметь и наружность, какую угодно, и обращение, с кем угодно, и оставаться одному с самим собой, укрывая ум от чувств, и жить в кругу людей и знакомых, уединяясь в самом обществе, любомудрствуя среди нелюбомудрых, подобно Ноеву ковчегу, который носился поверх вод потопа, или подобно великому Моисееву видению – купине, которую пылающий огонь не сжигал, не терпеть вреда от обращения с народом, или терпеть не более, как алмаз под ударами, и даже по мере сил, примером своим исправлять и других.

Плодом такой философии были не построенные на словах города, не какие-нибудь, как сами они называют, скиндапсы¹⁷⁵ и трагелафы¹⁷⁶ – ничего не означающие сочетания букв, не категории, разложения и смеси, не симвамы и парасимвамы¹⁷⁷, а рана на хроной ноге – «парасимвама»«, и вся именованная мудрость, не какие-нибудь черты, нигде не имеющие места¹⁷⁸, не взаимные сочетания звезд и созвездия, выдуманное в оскорбление Божия Промысла. Ибо все это считал он предметами второстепенными и придаточными, которыми можно заняться для забавы, чтобы не стать посмешищем для людей, выдающих себя знатоками таких вещей. Первым же и важнейшим для него делом было – говорить правду перед князьями, иметь дерзновение перед царями, в подражание Божественному Давиду, который говорил перед «царями и не стыдился» ([Пс.118:46](#)) останавливать безрассудство волнующейся черни, власть

раздраженных господ, истощение несогласных семейств, грубость невежд, заносчивость ученых, превозношение богатого, надменность живущего в довольстве; нищету, доводящую до преступлений; гнев, стремительный и лишаящий рассудка; неумеренность в наслаждениях, невоздержанность смеха, чрезмерность скорби; прекращать беспорядки юности, малодушие старости, одиночество вдовства, отчаяние сиротства. Всего этого не предпочтет ли силлогизмам, линиям и рассматриванию звезд всякий здравомыслящий человек, рассудив, что если бы все занимались умозаключениями, стали геометрами и астрономами, то от этого не произошло бы никакой пользы для нашей жизни, а скорее бы все расстроилось; напротив, если не будет в обществе ни одной из добродетелей, мной перечисленных, – по необходимости придет все в беспорядок и замешательство? И нужно ли говорить, насколько добродетели эти лучше и выше гордости Антисфена, ненасытности Диогена и общеженства Кратета? Поощадем этих философов, по крайней мере, из уважения к названию¹⁷⁹, чтобы и им от этого мужа получить некоторую пользу. Но чтоб не распространяться о целомудрии, воздержанности, смирении, приветливости, общительности, человеколюбии и о прочих доблестях, которыми наш философ превосходит всех, обратимся к тому, что по порядку времени последнее, а по важности первое.

Было время, что после ересей настала тишина, и Симоны, Маркионы, Валентины, Василиды, Кердоны, Керинфы и Карпократы, долгое время рассекавшие Бога всяческих и за Благого воздвигавшие брань против Создателя¹⁸⁰, со всеми своими бреднями и нелепостями поглощены собственной их Глубиной, и по справедливости преданы Молчанию¹⁸¹; а также сошли со сцены и удалились – лукавый дух Монтана¹⁸², тьма Манеса¹⁸³, жестокость Навата¹⁸⁴, и злонамеренная защита Савеллием единоначалия¹⁸⁵; и Наватово учение отлучено наряду с другими противоборствующими истине, а Савеллиево, по причине неосновательности, совершенно отринуто и презрено. Между тем ничто другое не огорчало Церковь, ибо гонения делали ее еще более славной через сами страдания.

Но через некоторое время восстает на Церковь новая буря – эта пучина неправды, полнота нечестия, этот легион духов, язык антихристов, ум, говоривший «неправду в высоту» (Пс.72:8), усекавший Божество, тот, чье предприятие ужасно, а кончина еще ужаснее и достойна предательства Иуды, на какое дерзнул он против Спасителя нашего, этот Арий,

прилично получивший себе имя от неистовства¹⁸⁶. Он, начав с Александрии, где замыслил свое ужасное учение, после того как, подобно неудержимому пламени, возгоравшемуся от искры, прошел большую часть Вселенной, низлагается нашими Отцами и благочестивым сонмом, который собрался тогда в Никее и заключил Богословие в точные пределы и выражения.

Потом настает худое царствование¹⁸⁷, и снова оживает зло, как будто раскрываются и прорываются нагноившиеся раны; как будто свирепые волки, окружив нас со всех сторон, терзают Церковь. Священники вооружаются на священников, сословия восстают с неистовством против сословий, сам Царь придает дерзости нечестию, пишет законы против Православия, и при нем усиливаются люди¹⁸⁸, которых нельзя назвать ни мужами, ни женами. Но кто должным образом изобразит вполне тогдашние бедствия – изгнания, описания имуществ, бесчестия, переселения в пустыню многих тысяч и целых городов, бедствующих там под открытым небом, страждущих от дождей и стужи и принуждаемых бежать даже из самой пустыни, потому что и она не избавляет от опасности?

Кто изобразит бедствия и этих жесточайшие¹⁸⁹ – побои, смерти, изведение на позор епископов, ведущих любомудрую жизнь, мужей, жен, юношей, старцев? Кто изобразит, как народовластители изобретают лютые мучения, к изобретенным присовокупляют новые, услуживают нечестию, часто тем единственно заслуживают одобрение, что оказывают жестокости даже сверх воли державного? Недавно возымело конец это знаменитое гонение, и Персия прекрасно решила наше дело, истребив губителя, и в возмездие за кровь многих удовлетворив кровью одного.

А теперь начинается гонение позорное¹⁹⁰, под тем предлогом, чтоб оградить христиан от нечестия, оно нападает на истинных христиан; и тем оно ужаснее прежнего, что тогда подвиг был знаменит и славен, ныне же и страдать не похвально, по крайней мере в глазах людей, которые о страданиях судят неправильно. Хотите ли, чтоб у всех предстоящих, а может быть, и у самого твердого, не побеждаемого никакой страстью, извлек я слезы, напомнив об одном из тогдашних событий? Свидетели повествуемого мной многочисленны, до многих дошло плачевное сказание об этом страдании, а думаю, что история этого времени передастся и будущим временам.

Корабль, несущий на себе одного пресвитера¹⁹¹, бедствующего не за худой поступок, но за Веру, снаряжается в море, чтоб не спасти, но

погубить плывущего. И он, как муж благочестивый, охотно вступает на корабль, в спутники ему дается огонь; а гонитель увеселяется новым родом мучения. Какое зрелище! Какое злодеяние! Корабль среди моря, берега покрыты зрителями, и из них одни смотрят с удовольствием, другие терзаются. Можно ли в кратких чертах изобразить мне многое? – Огонь возгорается, поглощает корабль, а вместе с ним и плывущего; пламя мешается с водой, две противоборствующие стихии действуют заодно, чтоб мучить благочестивого; обе они делят между собой одно тело. Над морем стоит необычайный светильник; иной приближался может быть к нему, как к кроткому и приветливому; но, приблизившись, находил горестное и невероятное зрелище, – корабль без кормчего, кораблекрушение без бури, пресвитера, обратившегося в пепел, или даже и не в пепел, потому что и тот рассыпан был по водам. Священству не оказано и того уважения, чтоб иметь ему честную кончину, а если не кончину, то, по крайней мере, гроб, в котором не отказывают и нечестивым. Таков корабль, снаряженный нечестивцем, и таков конец благочестивого; и никогда огонь небесный и карательный не бывает светозарнее огня, озарявшего это событие!

Но что мне до постороннего? Время уже приступить к твоему¹⁹² собственному подвигу и к твоим страданиям за благочестие, которые, как прекрасная печать, приложены тобой ко всем прежним подвигам. Зло этой ереси имело полную силу в твоём городе, где оно получило и начало. Между тем святейшее око Вселенной, Архиепископа Иереев, твоего наставника в исповедании, поучавшего собственными подвигами за благочестие, этот великий глас, столп Веры, этого (если можно так сказать) второго светильника и предтечу Христова, почившего в старости доброй, исполненной дней благоугодных, после наветов, после подвигов, после многой молвы о руке, после живого мертвеца¹⁹³, к Себе переселяет Троица, для Которой он жил и за Которую терпел напасти (я уверен, что по этому описанию всякий узнает Афанасия). Тогда вторгается в Церковь новая египетская язва или казнь, – предатель истины, волчий пастырь, разбойник, перескакивающий через двор овечий, второй Арий, «питье с примесью злобы» ([Авв.2:15](#)) и странное, поток безбожия, который обильнее самого источника¹⁹⁴. Коснеет язык мой пересказывать тогдашние беззакония и скверные убийства, среди которых этот зверь занимает святой престол и которые предшествовали лукавому его вшествию. Однако же оплачу из многого немногое (что и вы оплакиваете и прежде оплакивали), взывая словами Давида: «Боже, язычники пришли в наследие

Твое, осквернили святы́й храм Твой», и еще следующими: «отдали трупы рабов Твоих на съедение птицам» ([Пс.78:1–2](#)) и зверям. Присовокуплю и эти слова из другой плачевной песни того же пророка: «все разрушил враг во святилище Твоем, и рыкают враги Твои среди собраний Твоих» ([Пс.73:3–4](#)). Ибо как не хвалились они! Как не оскверняли святого храма различными приключениями и злодеяниями всякого рода! Предводительствовал человек¹⁹⁵ безбожный и беззаконный, не имевший (что всего ужаснее в поругании) даже имени христианина, но пришедший в храм Божий прямо от идолов, от нечистых кровей еще к гнуснейшим и отвратительнейшим, и таким над нами поруганием совершавший, может быть, службу демонам. Снаряжалась сила, кипящая яростью, – воинство необычайное и свирепое против людей безоружных и невоителей. Изгоняем был преемник Святого иерей, помазанный Духом по закону и чину, украшенный сединой и благоразумием¹⁹⁶, а воцарялся Тавеил ([Ис.7:6](#)), наследник чуждой власти¹⁹⁷. На святых поднято оружие, на неприкосновенное занесены нечистые руки, и песнопения заглушены звуком труб. Смотри же, что за этим еще следовало: мужи падали мертвыми в святилищах; жены, даже с носимым ими естественным бременем, попираемы были ногами и оттого преждевременно рожали, или, точнее сказать, делались нерождающими; дев влекли немилосердно, подвергали позорным истязаниям (настолько же стыжусь мужей и жен это описывать и обнажать словом сокровенности позора, насколько стыжусь за них самих, тогда обнажаемых); одни, от неблагопристойности ими видимого, бросались в колодцы, находившиеся внутри храма, другие кидались стремглав из верхних притворов, иные кучами повергались на лежащие трупы. Убийства следовали за убийствами, поражения за поражениями; святыня потоптана нечистыми ногами, алтари поруганы бесчинными телодвижениями и песнями, даже (как слышу – чей дерзновенный язык выговорит это?) плясками и кривляньями; богохульные языки проповедовали со святительских престолов, таинства подвергались кощунству, песнопения умолкли, и вместо них раздавался вой; текли потоки крови, ручьи слез; священников уводили, отшельников терзали, – совершенное подобие нашествия ассириан, когда пришли во святой Иерусалим! Ни слово не может вполне изобразить, ни слух вместить этого, и чтоб оплакать это, как должно, нужны душа и глас Иеремии, который сам требует источников слез ([Иер.9:1](#)), призывает стены пролить их о подобных злостраданиях ([Плач.2:18](#)), налагает плач на пути Сионские, «потому что нет идущих на праздник» ([Плач.1:4](#)). Такие

события видел Восток, но оплакивал их и Запад, где изгнанный иерей¹⁹⁸ всенародно показывал знамения этого безумия. Каким же образом? Не мертвецов, но окровавленную одежду представил он Римской Церкви, и старался извлечь у всех слезы безмолвной жалобой, чтобы и страдание выразить, и получить в бедствиях помощь, которая, как известно нам, и была получена. Ибо сильный всего скорее склоняется к слабому и по добровольному благорасположению берет сторону униженного.

И никто из благочестивых не мог перенести этого равнодушно, но тем в большей мере возбуждает это тебя, чем совершеннее твой ум и пламеннее ревность. Поэтому ты ополчаешься за слово, а вместе и сам подвергаешься нападениям нечестия. После многих ратоборств, в которых делом и словом подвизался ты за правду, поучая, увещевая, возбуждая, обличая, укоряя, посрамляя простолюдинов и начальников, наедине и всенародно, во всякое время и на всяком месте, наконец, когда злочестивая власть предалась бешенству, ты схвачен и (как благородно твое бедствование! как священны твои раны!) добродетельную плоть свою отдаешь на бичевание, оставаясь как бы зрителем чужих страданий. Хотя изнемогает в тебе видимое, однако же не низлагается внутреннее. Взорам всех открывается мужество твое; и, когда язык отказался уже вещать, ты делаешься безмолвным учителем терпения. Что же потом? – Тебя для которого нигде нет ни своей, ни чужой стороны, изгоняют из отечества для того, думаю, чтоб и другие научились от тебя благочестию. Местом заточения твоего назначен Оазис, безлюдная пустыня, благодаря тебе уже сделавшаяся значительным селением.

Сообщи же нам благие плоды твоего изгнания, так как пользуемся плодами твоего возвращения. И пусть возвращение твое будет для нас общим зрелищем. Кого научил ты там любомудрствовать? Кого отвлек от нечестивых мнений? Кого привел к благочестию? Как будто вижу перед собой тамошнее училище, вижу и последнее собрание вокруг тебя. Скажи и это: имел ли ты сколько-нибудь утешения для останков плоти, или и нищета входила в твое любомудрие? Были ли у тебя сообщники твоего подвига, или в этом охотно терпел ты недостаток? Желал ли видеть при себе сестер, с которыми вместе обучился чистоте и терпению, или был ты выше и привязанности своей к ним? Беспокоило ли тебя одиночество престарелой твоей матери, или крепко был ты уверен, что оставил им самую твердую защиту – благочестие?

Но поскольку ты (что прекрасно сделано) возвратился к нам, поскольку Тот, Кто «прославляет прославляющих» Его ([1Цар.2:30](#)) и «раздражает раздражающих» ([Втор.32:21](#)), Кто «исполняет желание

боящихся Его» ([Пс.144:19](#)) и в мертвых вдыхает силу воскресения, Кто четырехдневного Лазаря и тебя четырехлетнего¹⁹⁹ оживотворяет сверх чаяния; Кто, по видению досточудного и возвышеннейшего из Пророков Иезекииля ([Иез.37:7](#)), соединять кости с костями и сустав с суставом, – и тебя, и исполненного к нам любви, отдал опять любящим тебя, то продолжай снова то же делание и с тем же дерзновением, дабы не подумали, что страдания расслабили тебя, и что ты из страха изменяешь любомудрию. Посрамляй, как и прежде, и суеверие эллинов, и их многобожное безбожие, древних и новых богов, и гнусные басни и еще гнуснейшие жертвы, как говорит некто, из них же самих²⁰⁰, очищающих грязь грязью, то есть плоть плотью, собственную плоть – плотью бессловесных. Посрамляй и благопристойные их изваяния, и срамных истуканов, которыми если ограничивают они Божество, то какое жалкое ослепление! А если изображают только, то какое невежество! Пусть объяснят, какая причина такого безобразия и какой таинственный в этом смысл! Ибо надобно, чтоб и сами выражения прекрасного не были безобразны, или скажут, что здесь заключается нечто кроме этого? Пусть удостоверят, что именно? Из каких взято книг и богословов? Посрамляй и восстания ересей, даже тем ревностнее, что ты искусился уже в страданиях, ибо любомудрие делается от страданий мужественнее, и твердость в бедствиях, как раскаленное железо в холодной воде.

Заклучи в пределы и наше благочестие, учи ведать, как Единого нерожденного Бога – Отца, так Единого рожденного Господа – Сына (именуемого Богом, когда говорится о Нем в отдельности (καθ' ἑαυτον), и Господом, когда именуется Он при Отце, Богом – по естеству, Господом – по единоначалию) и Единого Духа Святого, исшедшего или исходящего от Отца, Бога для «разумно разумевающих предлагаемое» ([Прит.23:1](#)), оспариваемого нечестивыми, но теми, которые выше их, признаваемого, и еще более духовными проповедуемого. Учи нас не делать Отца подначальным (дабы не ввести чего-то такого, что первоначальнее первоначального, и чем извратится бытие первоначального), а Сына или Духа Святого не делать безначальным (дабы у Отца не отнять Ему свойственного). Ибо они не безначальны, и вместе в некотором отношении (что и составляет трудность) безначальны. Они не безначальны в отношении к Виновнику, потому что, как свет из солнца, так они из Бога, хотя и не после Него. Но Они и безначальны в отношении ко времени, потому что не состоят под временем, а иначе, текучее было бы старше постоянного и несамостоятельное – самостоятельного. Учи не вводить

трех начал, чтоб не ввести чего-либо языческого или многобожного, да и вводя одно, не вводить какого-либо иудейского начала – скудного, завистливого, бессильного, или предполагая, что Божество поглощается само Собой (как угодно тем, которые Сына, хотя производят от Отца, но опять разрешают в Отца), или (что нравится нынешним мудрецам) унижая естество Сына и Духа и отчуждая от Божества, как будто бы Оно опасается противоборства и не имеет силы произвести что-либо выше тварей. Учи не признавать Сына нерожденным (потому что Отец один) и Духа Сыном (потому что Единородный один). Пусть и эти Божеские свойства принадлежат Им исключительным образом, а именно: Сыну – сыновство, Духу же – исхождение, а не сыновство. Учи – Отца именовать истинно Отцом и в смысле гораздо более истинном, нежели как именуется наши земные отцы; потому что Он – Отец в единственном смысле, то есть своеобразно, а не по подобию плотских отцов, – Отец Единственный, то есть не в сочетании с кем-либо, – Отец Единственного Сына, то есть Единородного, – Отец исключительно, то есть не бывший прежде Сыном, – Отец всецело и всецелого Сына (чего нельзя достоверно сказать о наших отцах), – Отец изначально, то есть не впоследствии сделавшийся Отцом. Учи – Сына именовать истинно Сыном, потому что Он Единственный Сын Единственного Отца, Сын в единственном смысле и исключительно, а не вместе и Отец, – Сын всецело и всецелого Отца, – Сын изначально, не начавший когда-либо быть Сыном; потому что не вследствие применения советов Его Божество, и не вследствие преуспеяния – Его обожествление, так чтобы Отец не был когда-либо Отцом и Сын – Сыном. Учи именовать Святого духа истинно Святым; потому что никто другой не свят так и в такой мере, и Святость Духа есть не что-либо придаточное, но самоисточное; Она не есть что-либо возрастающее или убывающее, что-либо во времени начинающееся и прекращающееся. И Отцу, и Сыну, и Святому Духу суть общи неначинаемость бытия и Божественность; но Сыну и Духу принадлежит иметь бытие от Отца. И отличительное свойство Отца есть нерожденность, а Сына рожденность, и Духа Святого – исходность (εκλεμφισ). Когда же домогаешься постигнуть образ (рождения и исхождения), тогда что оставляешь Им самим, Которые, по свидетельству Писания, одни только знают Друг Друга, и Друг Другом познаются ([1Кор.2:11](#)), или что оставишь и тем из нас, которые впоследствии будут просвещены тамошним²⁰¹ светом? Сделайся прежде чем-либо из сказанного или подобным тому, и тогда познаешь столько, сколько Они познаются Друг Другом. Теперь же учи единственно ведать это: Единицу в Троице и Троицу в Единице поклоняемую, в которой и

раздельность и единство непостижимы. Не бойся, что, исповедуя рождение, припишешь Божеству страдательность. Божество, хотя и рождает, однако же не страждет. И я в том тебе порукой, что Оно рождает божески, а не человечески, потому что и бытие Его не человеческое. Бойся же приписывать Богу время и тварность; ибо, если произошел во время, то не Бог. Бойся, чтоб, без нужды стоя за Бога, не отринуть Бога, сделав сослужебной тебе тварью Того, Кто равен Отцу по Божеству, кто и тебя освободит от рабства, если искренно исповедуешь Его владычество. Не бойся исповедовать исхождение; потому что Богу, во всем преизбыточествующему равно нет необходимости – или не изводить или изводить. Бойся же отчуждения и той угрозы, какая возвещена не богословствующим, но хулящим Духа Святого ([Мф.12:31,32](#)). Не воздавай худого чествования Единоначалию, сокращая или обсекая Божество. Не стыдись обвинения в троебожии, пока можно другого винить в двоебожии; с ним вместе и ты или опровергнешь обвинение, или придешь в затруднение, или, когда у него вместе с умствованиями его потерпишь крушение Божества, у тебя соблюдается Оно невредимым, хотя и изнеможет слово. Лучше изнеможь в умствованиях под водительством Духа, нежели, гонясь за легкостью, без труда согласиться на нечестивые мнения. Пренебрегай настоятельностью и возражениями – этим новым благочестием, этой мелочной мудростью, и презирай их больше, нежели ткани пауков, которые задерживают мух, но легко прорываются осами, не говорю уже, пальцем или другим чем-нибудь более тяжелым. Учи одного только бояться, а именно: своими лжеумствованиями подкапывать Веру Не беда, если победят кого словом; потому что не всем дан дар слова. Страшно отложиться от Божества; потому что упование всем необходимо.

Ты и сам собой рассудишь все это, даже, насколько знаю, и внимательнее, и совершеннее. В том ручаются мне твои раны и понесенные тобой труды ради благочестия. Но и я, по мере сил своих, полюбомудрствую с тобой. Когда же отправишься в добрый путь свой, – вспомни о Троице, обитающей в скиниях (если только Бог в рукотворных храмах живет), вспомни о малой жатве. Хотя немало на ней семян благочестия, однако же она мала и скудна, и собирается с нее понемногу. «Как по собрании летних плодов» (если кстати употребить здесь слово Пророка), «как по уборке винограда: ни одной ягоды для еды» ([Мих.7:1](#)). Видишь, каков у нас сбор плодов, поэтому постарайся сделать; чтоб и гумно обогатилось, и точило стало полнее. Расскажи и о моем призвании, о невероятном переселении, которое совершил я не для того, чтобы роскошествовать, но чтобы злопострадать, дабы через крушение бедствий

приобщиться и славы. Надейся, что помощником твоим в молитвах и спутником в странствовании будет этот народ, – эта скудная числом паства, но не скудная благочестием, стесненность которой уважаю я больше, нежели широту других паств. Это вещает Дух Святой. С Ним пройдешь через огонь, усыпишь зверей, укротишь властелинов. Так отправляйся в путь, так путешествуй, и опять возвратись к нам обогащенным, вторично увенчанным, воспевая с нами победную песнь, и ныне и впредь, во Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава вовеки, аминь!

Слово 26

Произнесенное Святым Григорием Богословом о себе самом, когда он после покушения Максима занять архиепископский престол в Константинополе возвратился из села

Я желал быть с вами, дети, и вы в равной мере желали быть со мной. Верю этому, и если слово требует подтверждения, – клянусь: «свидетельствуюсь в том похвалой вашей, братья, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем» ([1Кор.15:31](#))! Эту клятву дал Дух Святой, подвигший меня к вам, да уготовлю Господу «народ особенный» ([Тит.2:14](#)). Смотрите, какова вера: и за себя уверяю, и за вас ручаюсь. И это нимало не удивительно. Где общий дух, там и чувствования общие; а где равно чувствуют, там равно и верят. Кто сам не ощущал чего, тот не поверит и другому; а кто чувствовал, тот готов дать согласие; он – невидимый свидетель невидимого чувствования, он – собственное зеркало для чужого образа.

Поэтому-то у меня не достало терпения жить долее в разлуке с вами; хотя не мало огорчает и тяготит меня видимое здесь, – не одно то, что в городах обыкновенно: стечение народа, шум, торжища, зрелища, пресыщение, обиды, влекущие и влекомые, наносящие и претерпевающие вред, плачущие и оплакиваемые, рыдающие, радующиеся, женящиеся, погребаящие, хвалимые и хулимые, все поводы к пороку, брожение мира, внезапные перемены как в Еврипе и в направлении ветров, но даже и эти почтенные и достойные уважения люди, – говорю о предстоящих в этом алтаре и при святой трапезе. Так как имею, по-видимому, над ними власть, и сам нахожусь в числе приступающих к Богу, то боюсь, что мы худо приступаем, и, как солома, приближающаяся к огню, не стерпим огня. При всем том я возвратился к вам; и хотя удалился по принуждению, однако же прихожу назад без принуждения, даже с великой охотой, и как говорится, ноги сами шли; так Дух ведет меня, подобно потоку, который вверх поднимает с усилием, а вниз сам собой течет быстро. Подлинно, один день составляет целую человеческую жизнь для тех, которые страдают любовью. Ибо, мне кажется, не идет сюда в пример, что было с Иаковом, который, четырнадцать лет работая Лавану сириянину за двух дев, не утомлялся. Для него, как сказано, «потому что любил их», все дни были как день один ([Быт.29:20](#)), может быть, потому что предмет любви

находился перед глазами, или потому что легко страдать любовью, хотя замедление и огорчительно. Так, что легко поступает в обладание, то менее возбуждает пожелания, как сказал некто прежде нас. И я, когда был вместе с вами, – мало чувствовал силу любви, а когда разлучился, узнал любовь – этого услаждающего мучителя. В этом нет ничего необыкновенного. Пастух скорбит о тельце, который отстал от стада, об овце, которой не достает в десятке, и птичка горюет о гнезде, которое оставила ненадолго. Один, взяв свирель, взойдя на высокое место, наполняет унылыми звуками свирель свою, зовет заблудившихся, как разумных, и, если послушаются, радуется о них больше, нежели обо всем стаде, которое не сделало ему таких забот. А другая с криком летит к гнезду, припадает к щебечущим птенцам и обнимает их крыльями. Какая же привязанность должна быть у доброго пастыря к словесным овцам, за которых он подвергался уже опасностям, так как и это усугубляет любовь? Так и я боюсь, чтоб «лютые волки» ([Деян.20:29](#)), подметив окружающую нас тьму, не разогнали стада увлекательными и дерзкими учениями. Ибо, не имея сил действовать явно, они ожидают безвременья. Боюсь, чтоб «разбойники и воры», проходя через двор ([Ин.10:1](#)), или бесстыдно не похитили, или не поймали обманом, и потом не заклали, не убили, не погубили, «терзая добычу, души съедают», как сказал один из Пророков ([Иез.22:25](#)). Боюсь, чтобы кто-нибудь, вчера и третьего дня бывши нашим, найдя дверь не запертой и войдя в нее, как свой, не стал строить нам козней, как чужой. Ибо много различных ухищрений у того, кто действует таким образом, и никто не разнообразен настолько в изобретательности, насколько преухищренный на зло противник наш. Боюсь еще и псов²⁰², которые усиливаются стать пастырями, и, что особенно странно, ничего не приносят в пастырское звание кроме того, что остригают волосы, которые не на добро растили. Они и псами не остались и пастырями не сделались, а только расхищают, рассыпают и разрушают чужой труд. Потому что всегда легче – повредить, нежели сохранить; «и человек рождается», говорит Иов ([Иов.5:7](#)), и корабль строится, и дом создается с трудом; но одного убить, другой разрушить, третий сжечь может всякий, кто захочет. Итак, да не думают много о себе те, которые приставили к стаду псов; они не могут сказать, что приобрели или спасли, хотя одну овцу. Ибо упражнявшиеся в худом не научились делать добра. Если же они истребляют стадо; то это делает и небольшая буря, и легкая болезнь, и один внезапно напавший зверь. Итак, да перестанут они хвалиться своим бесславием, а если могут, да перестанут делать зло, «да поклонятся,

припадут и восплачут перед Господом, сотворившим их» ([Пс.94:6](#)), и да присоединятся к стаду те из них, которые еще не вовсе неисцелимы.

Это говорю вам я – пастырь робкий и осмотрительный, которого за осторожность укоряют в бездеятельности. Ибо я не из числа пастырей, которые «млеко едят, волной одеваются, тучное заколают, а стада не пасут» ([Иез.34:3–4](#)), или продают и говорят: «благословен Господь, я обогатился» ([Зах.11:5](#)), которые пасут самих себя, а не овец (если вам памятливы слова Пророков, которыми они поражают злых пастырей); напротив, я более принадлежу к числу пастырей, которые могут сказать о себе с Павлом: «Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется», и меня не воспаляет забота ([2Кор.11:29](#))? «Я ищу не вашего, а вас» ([2Кор.12:14](#)). «Я томился днем от жара, а ночью от стужи», по слову Патриарха, – пастыря ([Быт.31:40](#)), у которого овцы были «крепкие» и старались «зачинать» у тамошних «корыт» ([Быт.30:41–42](#))²⁰³.

Так и по таким причинам пришел я к вам, которые находятся в таком положении. А поскольку пришел, то дадим друг другу отчет, что успели мы сделать в продолжение разлуки. Ибо не худо помнить, что от нас потребуют отчета не только за слова и дела, но как за целое время, так и за самую малую и краткую часть времени. Вы «возвестите» мне «деяние свое» ([Ин.1:8](#)), а я предложу вам, о чем любознательствовал я в безмолвии, беседуя сам с собой. Какое из высоких умозрений, или заимствовав от меня, сохранили вы, или сами от себя присовокупили, относительно или Богословия, или других догматов, многие из которых и часто я предлагал вам? Требую от вас не только долга, но и роста, не только таланта, но и прибавки, дабы кто-нибудь, скрыв и закрыв вверенное, не стал еще клеветать на вверившего, что Он «жесток» и желает чужого ([Мф.25:24](#)). Итак, какое похвальное дело принесли вы в плод, так чтоб или «не узнала левая рука» ([Мф.6:3](#)), или просветился свет ваш перед людьми ([Мф.5:16](#)), чтоб по плодам было видно дерево, по ученикам мог быть признан учитель, и чтоб всякий из наблюдающих за нами (а это делают многие, – одни по благорасположению, другие из любопытства) мог сказать, «истинно с вами Бог» ([1Кор.14:25](#)), и вы не только здраво проповедуете Его, но и служите Ему? Ибо как дело без веры не приемлется, потому что многие делают добро ради славы и по естественному расположению, так и «вера без дел мертва» ([Иак.2:20](#)). И никто «да не обольщает вас пустыми словами» ([Еф.5:6](#)) кто-либо из людей, которые охотно дозволяют все под тем одним условием, чтоб вы приложились к нечестивым учениям, и предлагают за худое дело худую награду. Итак, покажите веру от дел, покажите плодородие земли вашей, точно ли не напрасно я сеял, есть ли у вас хотя

один «сноп хлеба, имеющий силу, чтобы сделать муку» ([Ос.8:7](#)), и стоящий житницы, чтоб нам впредь возделывать вас еще усерднее. Кто приносит плод во сто крат? кто в шестьдесят? кто наконец хотя в тридцать? Или наоборот, кто, от тридцатикратного восходя к шестидесятикратному (ибо и этот порядок видим в Евангелии)²⁰⁴ ([Мф.13:8](#)); а у Евангелиста Марка в обратном порядке: «и принесло иное на тридцать, иное шестьдесят, и иное сто» ([Мк.4:8](#)), окончил сторичным плодом, чтоб, «преуспевая», подобно Исааку ([Быт.26:13](#)), стать великим, идя «от силы в силу», воспевая песни степеней и полагая «восхождения в сердце» ([Пс.83:6,8](#))? «Ищу плода, умножающегося в пользу вашу» ([Фил.4:17](#)). Ибо прибыльок ваш, а не мой. Если же и мой, то потому, что он ваш; ибо польза от вас возвращается к нам, подобно отраженным лучам. Питали ли вы нищих? Принимали ли странных? Умыли ли «ноги святым» ([1Тим.5:10](#))? Или угождая чреву, которое «уничтожится» ([1Кор.6:13](#)), услаждались вы (положим то) и заповедями, так как нет услаждения, которое было бы лучше и прочнее этого для желающих услаждаться? Покоили ли по мере сил (позвольте сказать и об этом) кого-либо из служащих жертвеннику и прекрасно убожествующих, чтоб они, не развлекаясь, тем усерднее служили жертвеннику, и, заимствуя из вашего, приносили взамен и свое? Стыдно подлинно и нам просить об этом, и вам не удалять. Не для того заметил я «это, чтобы так было для меня, ибо для меня лучше умереть, нежели» чтоб уничтожилась похвала моя ([1Кор.9:15](#)) и благовествование мое осталось без награды, когда здесь соберу плоды, – ибо благовествовать есть дело необходимости, а благовествовать безвозмездно – дело усердия, но да научитесь вы благотворить Христу, благотворя кому-либо и из малых. Ибо Христос, как сделался для меня всем, что есть во мне, кроме греха, так приемлет на Себя и все сколько-нибудь меня касающееся, – доставишь ли ты мне кров или одежду, посетишь ли в темнице, придешь ли к больному, или, что всего маловажнее, язык томимого жаждой охладишь одной чашей студеной воды, о чем просил бедного Лазаря страждущий в пламени богач, которому за здешнюю роскошную жизнь, за презрение голодного и покрытого струпьями Лазаря, воздается тем, что просит у Лазаря и не получает просимого. Вот чего от вас требуем, и знаю, что вы не будете стыдиться, как давая отчет мне, так и в последний день, в который будут собраны все дела наши, по сказанному: «и Я приду мысли» и деяния ваши «собрать» ([Ис.66:18](#)); это человек, и дело его «и награда его с ним» ([Ис.40:10](#)).

Но вот и наше, что приносим вам из пустыни. Ибо и Илия охотно

любомудрствовал на Кармиле, и Иоанн в пустыне, и сам Иисус совершал дела перед народом, а молитвы большей частью на свободе и в пустынях. Какой же преподан этим урок? Тот, думаю, что для невозмущаемого собеседования с Богом нужно погрузиться в безмолвие и хотя несколько возвести ум свой от непостоянного. Ибо сам Он не имел нужды в уединении; да и не было места, где бы мог Он укрыться, будучи Богом и все исполняющим; уединялся же, чтобы мы знали время и для дел, и для высшего упражненья. Итак, какие же плоды моей пустыни? Как добрый купец, отовсюду собирающий прибыль, хочу и из нее доставить вам нечто для купли.

Однажды, когда день уже склонялся к вечеру, ходил я один, погрузившись сам в себя, и местом прогулки был морской берег. Всегда имею обычай облегчать труды такими отдыхами. Потому что и тетива, постоянно натянутая, не выдерживает напряжения, а надобно ее спускать со стрелы, чтобы можно было снова натянуть, и чтоб она была не бесполезной для стрелка, но годилась в случае употребления. Так я ходил; ноги переносили меня с одного места на другое, а взор покоился на море. Зрелище было неприятное, хотя оно бывает всего приятнее в другое время, когда при ясном небе море покрывается пурпуром, тихо и кротко играя, плещет в берега. Но что же происходило в это время? Охотно скажу, и даже словами Писания: «дул сильный ветер» ([Ин.6:18](#)), море волновалось и завывало, а волны, как обыкновенно бывает в таких бурях, одни восстав вдали и постепенно, то достигая наибольшей высоты, то понижаясь, сокрушались о берега; а другие, ударившись о ближние скалы и отраженные ими, превращались в пенистые и высоколетящие брызги. Тут выбрасывались небольшие камни, поросты, улитки и самые легкие раковины, и некоторые опять поглощались с отливом волны. Но твердо и неподвижно стояли скалы, как будто ничто их не тревожило, кроме того, что ударялись о них волны. Из этого умел я извлечь нечто полезное для любомудрия. И как все применяю к себе, особенно если что-нибудь случившееся приводит меня в кружение, как было и теперь, то не без внимания смотрел я на видимое, и это зрелище было для меня уроком.

Я сказал себе: не море ли – жизнь наша и дела человеческие? И в ней много соленого и непостоянного. А ветры – это не постигающие ли нас покушения и всякая неожиданность? Это-то, кажется мне, примечая, досточудный Давид говорит: «Спаси меня, Господи, ибо дошли воды до души моей»; избавь меня из глубин водных, «я вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня» ([Пс.68:2–3](#)). Что же касается искушаемых, то одни, рассуждал я, как самые легкие воздушные тела,

увлекаются и нимало не противостоят напастям, потому что не имеют в себе твердости и веса, доставляемых разумом целомудренным и готовым бороться с встретившимися обстоятельствами; а другие, как камень, – достойны того Камня, на Котором мы утверждены и Которому служим. Таковы все, которые, руководствуясь умом любомудрым и стоя выше низкой черни, все переносят твердо и непоколебимо, и посмеваются над колеблющимися или жалеют о них, – посмеваются по любомудрию, жалеют по человеколюбию. Сами же для себя вменяют в стыд – отдаленные бедствия презирать и даже не считать бедствиями, но уступать над собой победу настоящим, и притом кратковременным, как будто они постоянны, – оказывать любомудрие безвременно, а в случае нужды оказываться не любомудрыми; что подобно тому, как если бы стал почитать себя отличнейшим борцом, кто никогда не выходил на поприще, или – искусным кормчим, кто высоко думает о своем искусстве в тихую погоду, а в бурю бросает из рук кормило.

Но как уже один раз остановился я на этом рассуждении; то встретил и другое подобие, весьма приличное настоящему предмету. Может быть, почтете меня стариком и баснословом, когда сообщу вам его; однако же вы должны узнать это; потому что, как известно, и Писание неоднократно употребляет такие подобию для ясности изложения. По баснословию, есть дерево, которое зеленеет, когда его рубят, и противоборствует железу, – а если о необыкновенном должно и выражаться необыкновенно, – которое смертью живет, от сечения разрастается, истребляемое умножается. Конечно, это басня и произвол вымысла, но мне представляется, что таков же точно и человек любомудрый. Он прославляется в страданиях, скорби обращает в повод к добродетели, украшается несчастьями, не превозносится «оружием правды в правой руке», не изнемогает «перед оружием в левой руке» ([2Кор.6:7](#)), но в различных обстоятельствах всегда пребывает одинаков или делается еще светлее, как золото в горниле.

Посмотрим на него так: знатного ли он происхождения? Наравне с благородством крови покажет в себе благоденствие, так что заслужит уважение в двояком отношении; – станешь ли разбирать его родословие, или смотреть на него самого. Или он статуя низкой работы и из дешевой глины (если есть различие между глиной и глиной)? Заменяя это духовным благородством, которое каждый запечатлевает сам в себе, к худшему или лучшему; а всякое другое благородство, которое в нас всевается, или грамотами нам сообщается, отметить ничего не стоящим и подложным. Ибо благородство бывает тройкое. Одно – свыше, и по нему все мы равно благородны, потому что все созданы по образу Божию.

Второе зависит от плоти, и по нему, так как оно состоит в тлении, не знаю, благороден ли кто. Третье познается по порокам и по добродетелям, и в нем участвуем мы больше или меньше в той мере, как думаю, в какой сохраняем или растлеваем в себе образ Божий. Это-то последнее благородство возлюбит истинный мудрец и истинно любомудрый. Четвертый род благородства, которое зависит от грамот и указов, тогда удостоит слова, когда соглашусь признать красотой подрумяненную красоту, или уважать обезьяну, которой велено быть львом. Юноша ли он? – Мужественно восстанет против страстей и воспользуется юностью для того, чтобы не подвергнуться чему-либо свойственному юным, но в юном теле показать старческое благоразумие; и возрадуется о победе больше, нежели увенчанные в Олимпии. Ибо одержит победу на общем зрелище, – на зрелище Вселенной, и победу не продажную²⁰⁵. Преклоняется ли он к старости? – Но не состарится душой, встретит кончину, как предустановленный день необходимого освобождения, с радостью перейдет в жизнь грядущую, где нет ни не зрелого, ни старца, но все совершенны по духовному возрасту. Наделен ли он цветущей красотой? В одной красоте просияет у него другая, в телесной – душевная. Сохранился ли без повреждения цвет его красоты? Он углублен сам в себя, и не знает, смотрят ли на него другие. Безобразна ли его наружность? Зато благообразен сокровенный его человек, как цветистая и самая благовоющая роза, которая еще не раскрылась из своей оболочки, не имеющей ни цвета, ни запаха. Красный добротой больше сынов человеческих, он не даст и времени посмотреть на его внешность, обращая зрителя к иному. Крепок ли он по внешнему человеку? Употребит здоровье к лучшему: подаст совет, поразит словом, будет говорить смело, станет проводить время в бдении, спать на голой земле, поститься, истощать вещественное, созерцать земное и небесное, и со всем тщанием помышлять о смерти. Сделается ли он болен? Станет бороться с болезнью. А если будет побежден; то одержит верх, достигнув того, чтоб уже не бороться. Богат ли он? – Умудрится расточить богатство и из своего имущества, как распорядитель чужого, будет уделять нуждающимся, чтоб и приемлющему послужило это во благо, и ему самому сосредоточиться в Боге, ничего не имея кроме креста и тела. Беден ли он? – Обогатится в Боге, посмеаясь над имеющими у себя многое, потому что они, как непрестанно приобретают, так непрестанно нищенствуют, имея нужду еще в большем, и пьют для того, чтобы чувствовать больше жажды. Алчет ли он? – Пропитается с птицами, которые кормятся, не сея и не возделывая земли, проживет с Илиею у сарептянки. «Масло в кувшине не убудет, и мука в

кадке не истощится» ([3Цар.17:14](#)), первый непрестанно будет источать, другой приносить обильную жатву, чтоб страннолюбивая вдова сподобилась чести, и питатель имел пропитание. Жаждет ли он? – Источники и реки дадут ему питье не утоляющее и без меры подаваемое; а если и везде оскудеют воды от бездождия, то, может быть, он будет пить из потока ([3Цар.18:5](#)). Потерпит ли он холод? – Его терпел и Павел ([2Кор.11:27](#)). Притом, долго ли потерпит? – Есть одеяние и из камня, в чем да уверит тебя Иов, который говорит: «не имея убежища, жмутся скале» ([Иов.24:8](#)).

Рассмотри и большие еще совершенства. Будут ли над ним злословить? Он победит тем, что за злословие не воздаст злословием. Будут ли его гнать? – Перенесет. Будут ли хулить? – «Утешится» ([1Кор.4:13](#)). Будут ли клеветать? – Станет молиться. Ударят ли по правой щеке? – Обратит и другую; а если б у него была третья, – подставил бы и ту, чтоб ударившего скорее научить великодушию, вразумить его делом, когда не мог словом. Будут ли ругаться над ним? – Это терпел и Христос. И он почтен будет участием в Христовых страданиях. Назовут ли самарянином, скажут ли, что он имеет в себе беса? – Все примет с Богом. Сколь бы многочисленны ни были его страдания, все еще не достанет многого: уксуса, желчи, тернового венца, тростникового скипетра, багряницы, креста, гвоздей с распинаемых разбойников, мимоходящих и хулящих. Богу надлежало и в том преимуществовать, чтобы в самом посрамлении претерпеть большее! Нет ничего столь непреодолимого и непобедимого, как любомудрие! Все уступит скорее, нежели любомудрый. Это «осел дикий» в пустыне, как говорит Иов, ничем не связанный и свободный, «посмеивается городскому многолюдству стужания и не слышит криков погонщика» ([Иов.39:7](#)). Это «единорог» – животное самовольное. «Захочет ли служить тебе» и переночует ли «у яслей твоих» ([Иов.39:9](#)), подведешь ли его под ярмо? – Когда лишен он будет всего на земле, – у него готовы крылья, как у орла, он возвратится в дом настоятеля своего, воспарит к Богу. Скажу кратко: непреодолимы только Бог и Ангел, а в-третьих, – человек любомудрый, невещественный в веществе, неограниченный в теле, небесный на земле, бесстрастный в страданиях, всему уступающий победу, кроме самомнения, и тех, которые думают овладеть им, побеждающий своим низложением.

Поскольку же слово мое, начав с представленного мной подобия, изобразило любомудрого мужа, то по этому изображению рассмотрим сами себя. «Я думаю, и я Духа Божия имею» ([1Кор.7:40](#)), хотя нечто из сказанного может уязвлять и низлагать меня, чтоб мои ненавистники и

враги, если найдут меня побежденным, имели извинение, ежели не намерению, то, по крайней мере, поведению своему, а если окажусь совершеннее и выше нападающих на меня, – или оставили злобу свою, или изобрели новый путь неправды (так как настоящий мной презрен), и сверх злобы своей не могли быть обличены в неразумии, как «беззаконующие втуне» ([Пс.24:3](#)) и не имеющие сделать неправды, о чем стараются. Посмотрим же, чем оскорбят меня решающиеся на все, что только может сделать человек в обиду человеку? Назовут невеждой? – Я знаю одну мудрость – бояться Бога. Ибо «начало мудрости страх Господень» ([Прит.1:1](#)). И «выслушай сущность всего: бойся Бога» ([Еккл.12:13](#)). Так сказал премудрый Соломон. Поэтому пусть докажут, что во мне нет страха; и тогда победят. А что касается иной мудрости, то я частью сам оставил ее, а частью желаю и надеюсь приобрести, по упованию на Духа. Укорять в бедности? – Но она мое излишество. Охотно бы совлек я с себя и эти рубища, чтоб без них идти по терниям жизни! Охотно, как можно скорее, сложил бы с себя и этот тяжелый хитон²⁰⁶, чтобы получить более легкий. Назовут убежавшим из отечества? – Как низко думают о нас эти в подлинном смысле ругатели и ненавистники странных! Разве есть определенное место отечество у меня, для которого отечество везде и нигде? А ты разве не странник и не пришелец? Не хвалю твоей обители, если так думаешь; смотри, чтоб не лишиться тебе истинного отечества, в котором должно заготовлять себе жительство. А за старость и болезненность не укоряй нас. В этом виновны не только вещество и природа, но (узнай нечто из моих тайн!) не мало истощено и рассудком (похваляюсь тем несколько). Да и ты, тучнеющий и питающий плоть свою, не составляешь для меня приятного зрелища. Хорошо, если б и у тебя видно было несколько седин и бледности, чтобы можно было увериться, что ты человек разумный и любомудрый! Что же еще? Низложат с престолов? – С каких? Разве с удовольствием вступил я теперь на престол и прежде вступал? Разве почитаю блаженными тех, которые восходят на престолы? Разве сделаешь их для меня приятными ты, восходящий недостойно? Разве случившееся недавно не обнаружило перед вами моего образа мыслей? Или и это была одна забава и испытание любви, как могут частью подозревать, а частью разглашать люди, искусные на то, чтоб собственные свои пороки видеть в других? Что же значило сокрушение? Что же значили заключения, которые всенародно произносил я сам на себя? Что значили слезы, которые во мне, едва не возненавиденному за сопротивление, возбудили в вас жалость? Лишать председательства? – Но когда и кто из благомыслящих дорожил им? А ныне избегать его, по моему

мнению, есть верх благоразумия. Ибо за него все у нас приходит в замешательство и колеблется; за него пределы Вселенной²⁰⁷ мнутся подозрением и ведут какую-то невидимую и не имеющую наименования брань; за него мы, сотворенные Богом, подвергаемся опасности стать тварью людей и лишиться великого и нового имени. О, если бы не было ни председательства, ни предпочтения мест, ни мучительных преимуществ, и нас различали по одной добродетели! А нынешний порядок, – стать справа, слева, в середине, выше и ниже, идти впереди или рядом, – произвел у нас много напрасных замешательств, многих низринул в пропасть и поставил на стороне козлиц, многих не только из низших, но даже из пастырей, которые, будучи «учителями Израилевыми», этих не поняли ([Ин.3:10](#)). Не допустят к жертвенникам? – Но я знаю другой жертвенник, образом которого служат ныне видимые жертвенники, на который не восходили ни орудие, ни руки каменотеса, на котором не «слышно» железа ([3Цар.6:7](#)), которого не касались художники и хитрецы, но который весь – дело ума, и к которому восходят созерцанием. Ему буду предстоять я, на нем «пожертвую приятное» Богу ([Лев.1:5](#)), – и жертву, и приношение, и всесожжения, настолько же лучшие приносимых ныне, насколько истина лучше тени. О нем, как думаю, любомудрствует и великий Давид, говоря: «и подойду я к жертвеннику» Бога, «веселящего» духовную «юность мою» ([Пс.42:4](#)). От этого жертвенника не отвлечет меня никто, сколько бы ни желал. Изгонят из города? – Но не изгонят вместе и из того града, который горе. Если же это смогут сделать мои ненавистники, то действительно победят меня. А доколе не в силах сделать этого, дотоле брызжут только в меня водой и бьют ветром, или забавляются сновидениями. Так я смотрю на их нападения! – Отнимут имущество? – Какое? Если мое, то пусть подрезают крылья, которых я не подвязывал. А если церковное, то из-за него и вся брань, из-за него ревнует «о ковчежце вор» ([Ин.12:6](#)), и предаст Бога за тридцать сребреников, что всего ужаснее; ибо такой цены стоит не предаваемый, но предатель. Запретят вход в дом? Пресекут способы к роскоши? Отдалят от друзей? Но, как видишь, обременили мы весьма многих, хотя и были ими приглашаемы (не хочу быть неблагодарным). Если же и обременили, то разве тем больше, что щадили их, а не тем, что были ими принимаемы. Причиной этому то, что меня покоил один благочестивый и боголюбивый дом, бывший для меня тем же, чем дом суманитяныни для Елиссея, – родственник мне по плоти, родственник и по духу, на все щедрый, дом, в котором возрастал единокровным и этот народ, не без страха и не без опасности скрывая гонимое еще благочестие. Да воздаст Господь дому этому в день воздаяния! А если я гонюсь за

роскошью, то пусть забавляются надо мной ненавидящие меня. Нет зла, которого бы я в большей мере не желал себе. Что касается друзей, то хорошо знаю, что одни, и потерпев что-либо худое, не убегут от меня, ибо соблезнование производится только общим терпением обид. А если буду презираем другими, то я уже приобучился сносить презрение. Ибо одни из друзей и искренних, даже явным образом, «отступили от меня»; другие, наиболее человеколюбивые, «стоят вдали» ([Пс.37:12–13](#)), и в ночь²⁰⁸ эту все соблазнились. Едва и Петр не отрекся, а может быть, и не плачет горько, чтоб уврачевать грех. И видно, что я один смел и исполнен дерзновения, я один благонадежен среди страха, один терпелив, – и выставляемый напоказ народу, и презираемый наедине, известный Востоку и Западу тем, что против меня ведут брань. Какое высокоумие! «Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться» ([Пс.26:3](#)). Не только не почитаю страшным чего-либо из настоящих событий, но даже забываю о себе, плачу об оскорбивших меня, об этих некогда членах Христовых, членах для меня драгоценных, хотя они ныне и растлены, о членах этой паствы, которую вы едва не предали, даже прежде, нежели она собрана воедино. Как вы расторглись и других расторгли, подобно волам «взыгравшим» ([Мал.4:2](#))? Как воздвигли жертвенник против жертвенника? «Как нечаянно прийти они в разорение» ([Пс.72:19](#))? Как сечением своим и сами себе нанесли смерть, и нас заставили болезновать? Как простоту пастырей употребили в пагубу пастве? Ибо не пасомых стану порицать за неопытность, но вас винить за вашу злобу. «В погибели твоей, Израилю, кто поможет» ([Ос.13:9](#))? Какое найду заживляющее врачевание? Какую повязку? Как соединю разделенное? Какими слезами, какими словами, какими молитвами исцелю сокрушенное? Один остается способ. Троица Святая, поклоняемая, совершенная, истинно нами считаемая и почитаемая. Твое дело это, Тебе принадлежит слава совершения! Ты восстанови снова нам этих настолько удалившихся от нас, и пусть само отделение научит их единомыслию! Ты нам за здешние труды воздай небесным и безмятежным. А первое и величайшее из этих благ – озариться Тобой совершеннее и чище, и познать, что Тебя одну и ту же можно и представлять Единицею и находить Троицею, что Нерожденное и Рожденное и Исходящее – одно естество, три личности, «один Бог, который над всеми, и через всех, и во всех» ([Еф.4:6](#)), Бог, к Которому ничто не прилагается, и в Котором ничто не перелгается, не умаляется, не отсекается, Которого отчасти уже постигаем, отчасти стараемся постигнуть, и некогда постигнут, как те, которые хорошо Его искали здесь и в жизни, и в созерцании. Ему слава, честь,

держава вовеки. Аминь.

Слово 27

Против евномиан²⁰⁹ и о богословии первое, или предварительное

Слово к хитрым в слове и начну от Писания: «Я на тебя, гордыне» ([Иер.50:31](#)), то есть на ученость, и слух, и мысль! Ибо есть, действительно есть люди, у которых при наших речах чешутся и слух, и язык, и даже, как вижу, и руки, которым приятны «негодные пустословия и прекословия лжеименного знания» и ни к чему полезному не ведущие «словопрения» ([1Тим.6:4.20](#)). Ибо Павел проповедник и вводитель «слова сокращенного» ([Рим.9:28](#)), учитель и ученик рыбаков, называет так все излишнее и изысканное в слове. Хорошо, если бы те, о ком у нас речь, также были несколько искусны в деятельном любомудрии, как оборотлив у них язык и способен приискивать благородные и отборные слова. Тогда мало и, вероятно, меньше, чем ныне, стали бы они вдаваться в нелепые и странные мудрования и словами (о смешном деле и выражусь смешно) играть, как шашками. Но, оставив все пути благочестия, они имеют в виду одно – задать или решить какой-нибудь вопрос и походят на зрелищных борцов, представляющих не ту борьбу, которая ведет к победе по законам ратоборства, но ту, которая привлекает взоры не знающих дела и получает у них одобрение. И надобно же, чтоб всякая площадь оглашалась их речами, чтоб на всяком пиршестве наводили скуку пустословие и безвкусие, чтоб всякий праздник делался непраздничным и полным уныния, а при всяком сетовании искали утешения в большем зле – в предложении вопросов, чтоб во всяком женском тереме – этом убежище простодушия – нарушалось спокойствие и поспешностью в слове похищался цвет стыдливости! А если дошло уже до этого, если зло стало неудержимо и невыносимо, даже есть опасность, что и великое наше таинство²¹⁰ обратят в низкое ремесло, то пусть эти соглядатаи окажут столько терпения, чтоб, когда отеческое сердце наше приходит в волнение, и чувства наши «терзаются», как говорит божественный Иеремия ([Иер.4:19](#)), им без ожесточения принять это о них слово и хотя несколько, если только могут, удержав язык, преклонить к нам слух. И без сомнения, вы не потерпите ущерба. Или буду говорить в уши слышащих, и тогда слово принесет некоторый плод, именно тот, что вы воспользуетесь словом, потому что, хотя сеющий слово сеет в сердце каждого, однако же плодоносит одно доброе и плодотворное сердце. Или пойдите от меня,

смеясь и над этим словом, находя в нем новый предмет к возражениям и злословию на меня, что доставит вам еще большее удовольствие. Не подивитесь же, если скажу слово, и оно будет не по вашему закону и странно для вас, которые слишком отважно и мужественно (боюсь оскорбить, сказав: невежественно и дерзко) утверждают о себе, что знают все и всему в состоянии научить.

Любомудрствовать о Боге можно не всякому, – да! не всякому. – Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем; потому что способные к этому люди испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу. Когда же можно? – Когда бываем свободны от внешней тины²¹¹ и мятежа, когда владычественное в нас²¹² не сливается с негодными и блуждающими образами, как красота письмен, перемешанных письменами худыми, или как благовоние мира, смешанного с грязью. Ибо действительно нужно «остановиться», чтоб «познать Бога» ([Пс.45:11](#)), и «когда изберем время, судить о правоте» Богословия ([Пс.74:3](#)). Перед кем же можно? Перед теми, которые занимаются этим тщательно, а не наряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом после конских ристалищ, зрелищ и песен, после удовлетворения чрева и того, что хуже чрева; ибо для последних составляет часть забавы и то, чтоб поспорить о таких предметах и отличиться тонкостью возражений. О чем же должно любомудрствовать, и в какой мере? О том, что доступно для нас и в такой мере, до какой простираются состояние и способность понимания в слушателе. Иначе, как превышающие меру звуки или яства вредят одни слуху, другие телу, или, если угодно, как тяжести не по силам вредны поднимающим, и сильные дожди – земле; так и слушатели утратят прежние силы, если их, скажу так, обременить и подавить грузом трудных учений.

И я не то говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Боге (да не нападают на нас за это люди на все готовые и скорые!). Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать; и, если можно так выразиться, кроме этого не должно и делать ничего иного. И я один из одобряющих слово, которое повелевает «размышлять день и ночь» ([Пс.1:2](#)), «вечером и утром и в полдень поведать» ([Пс.54:18](#)), «и благословлять Господа во всякое время» ([Пс.33:2](#)). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеем, то «ложась,

и вставая, и идя дорогой» ([Втор.6:7](#)), и справляющий другие дела должен памятовать о Боге, и этой памятью возводить себя к чистоте. Таким образом, запрещаю не памятовать о Боге, но богословствовать непрестанно, даже запрещаю не богословствование, как бы оно было делом не благочестивым, но безвременность, и не преподавание учения, но несоблюдение меры. Мед, несмотря на то, что он мед, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту. И «время всякой вещи», как рассуждаю с Соломоном ([Еккл.3:1](#)). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка, как, например, совершенно неприличны цветы зимой, мужской наряд на женщине и женский – на мужчине, геометрия во время плача и слезы на пиру. Ужели же ни во что будем ставить время единственно там, где всего более надобно уважать благовременность? – Нет, друзья и братья (все еще называю вас братьями, хотя ведете себя и не по-братски)! Не так будем рассуждать, не побежим дальше цели, как горячие и неудержимые кони, сбросив с себя всадника – разум, и отринув добрую узду – благоговение, но станем любомудрствовать, не выступая из назначенных христианину пределов, не будем переселяться в Египет, не дадим увлекать себя к ассириянам, не воспоем «песнь Господню на земле чужой» ([Пс.136:4](#)), т.е. вслух всякому, и стороннему и нашему, и врагу и другу, и благонамеренному и злонамеренному, который чрезмерно тщательно наблюдает за нами, и желал бы, чтобы в нас каждая искра худого обратилась в пламя, сам тайно ее возжигает, раздувает, воздымает своим дыханием к небу, выше сжигающего все окрест себя Вавилонского пламени. Поскольку в собственных своих учениях не находят они для себя подкрепления, то ищут его в том, что слабо у нас. А потому, как мухи на раны, нападают на наши (как назвать это?) неудачи или погрешности.

Но не будем долее оставаться в неведении о себе самих и не уважать приличия в таких предметах. Напротив, если невозможно истребить вражду, по крайней мере, согласимся в том, чтоб о таинственном говорить таинственно, и о святом – свято. Перед имеющими оскверненный слух не станем повергать того, о чем не должно всем разглашать. Не попустим, чтоб, в сравнении с нами, оказались достойными большего почтения поклоняющиеся бесам, служители срамных басен и вещей, потому что и они скорее прольют кровь свою, нежели откроют учение свое непосвященным. Будем знать, что есть некоторое благоприличие как в одежде, пище, смехе и походке, так и в слове и молчании; тем более, что мы, кроме других наименований и сил, чтим в Боге и Слово.

Сами состязания да будут у нас подчинены законам. О рождении Бога,

о сотворении, о Боге из не сущих²¹³, о сечении, делении и разрешении для чего слушать тому, кто слушает это неприязненно? Для чего обвинителей делаем судьями? Даем меч в руки врагам? Как и с какими, думаешь ты, понятиями примет слово об этом тот, кто одобряет прелюбодеяние и детораствление, кто поклоняется страстям и не может ничего представить выше телесного, кто вчера и за день творил себе богов, богов, отличающихся делами самыми постыдными? Не с понятиями ли (к каким он привык) грубыми, срамными, невежественными? И богословие твое не сделает ли он поборником своих собственных богов и страстей? Если мы сами употребляем такие изречения во зло, то еще труднее убедить противников наших, чтоб любомудрствовали, как следовало бы нам. Если мы сами у себя «изобретательны на зло» ([Рим.1:30](#)), то как им не коснуться того, что действительно в нас есть? Вот следствия нашей междоусобной брани! Вот польза от подвизающихся за слово более, нежели угодно Слову, и от подвергающихся одной участи с лишенными ума, которые зажигают свой собственный дом, или терзают детей, или гонят от себя родителей, считая их чужими!

Но отлучив от слова чуждое и многочисленный легион, поступивший в глубину, послав в стадо свиней, обратимся к себе самим (что составляет второй предмет нашего слова) и как изваяние высечем богослова во всей красоте. Прежде же всего поразмыслим о том, что значит такое ревнование о слове и эта болезнь языка? Что за новый недуг? Что за ненасытность? Для чего, связав руки, вооружили мы язык? Не хвалим ни страннолюбия, ни братолюбия, ни любви супружеской, ни целомудрия; не дивимся ни питанию нищих, ни псалмопению, ни всеобщему стоянию, ни слезам; не изнуряем тела постами, не преселяемся к Богу молитвой, не подчиняем (как правильно рассуждающие о своем составе) худшего лучшему, то есть плоти духу; не обращаем жизни в помышление о смерти; помня о горнем благородстве, не удерживаем за собой владычества над страстями; не укрощаем в себе ни ярости, делающей надменными и зверскими, ни унижающего превозношения, ни безрассудной скорби, ни необузданного сладострастия, ни блудливого смеха, ни наглого взора, ни ненасытного слуха, ни неумеренной говорливости, ни превратного образа мыслей, ни всего, что против нас у нас же самих берет лукавый, вводящий, как говорит Писание, «смерть сквозе окно» ([Иер.9:21](#)), то есть через чувства. У нас все наоборот. Как цари даруют пощаду после победы, так мы даем свободу страстям других, если только потворствуют нам и дерзостнее или нечестивее устремляются против Бога, и за недоброе воздаем худой наградой, за нечестие – своевољством.

Но «я буду спрашивать тебя» мало, совопросник и вещей муж, «ты же Мне объясняй», говорит Иову Вещавший «сквозь бурю и облака» ([Иов.38:1–3](#)). Что слышишь, много у Бога обителей или одна? – Без сомнения согласишься, что много, а не одна? Все ли они должны наполниться? Или одни наполнятся, а другие нет, но останутся пустыми и приготовлены напрасно? – Конечно все, потому что у Бога ничего не бывает напрасно. – Но можешь ли сказать, что понимаешь под таковой обителью: тамошнее ли упокоение и славу, уготованную блаженным, или что другое? – Не другое что, а это. Но согласившись в этом, рассмотрим еще следующее. Есть ли что-нибудь такое, как я полагаю, что доставляло бы нам эти обители; или нет ничего такого? – Непременно есть нечто. Что же такое? – Есть разные роды жизни и избрания, и ведут к той или другой обители по мере веры, почему и называются у нас путями. – И всеми ли путями, или некоторыми из них должно идти? – Если возможно, пусть один идет всеми. А если нет, то, сколько может, большим числом путей. Если же и того нельзя, то некоторыми. Но если и это невозможно, то примется в уважение, как мне, по крайней мере, кажется, когда кто-нибудь и одним пойдет преимущественно. Правильно понимаешь это. Поэтому что же, по твоему мнению, означается словом, когда слышишь, что путь один и притом тесен? – Путь один относительно добродетели, потому что и она одна, хотя и делится на многие виды. Тесен же он по причине трудов и потому, что для многих непроходим, а именно для великого числа противников, для всех, которые идут путем порока. Так и я думаю. – Но если это справедливо, то почему же наилучший, как будто уличив наше учение в какой-то скудости, оставили вы все прочие пути, а стремитесь и спешите на этот один путь, на путь, как вам представляется, разума и умозрения, а как я скажу – пустословия и мечтательности? Да вразумит вас Павел, который, по исчислении дарований, сильно упрекает за это, говоря: «Все ли апостолы? Все ли пророки?» И так далее ([1Кор.12:29](#)).

Положим, что ты высок, выше самых высоких, а если угодно, выше и облаков; положим, что ты зритель незримого, слышатель неизреченного, восхищен, как Илия, удостоен богоявления, как Моисей, небесен как Павел. Для чего же и других, не больше как в один день, делаешь святыми, производишь в богословы и как бы вдыхаешь в них ученость, и составляешь многие сонмища неучившихся книжников? Для чего опутываешь паутиными тканями тех, которые наиболее немощны, как будто это дело мудрое и великое? Для чего против веры возбуждаешь шершней? Для чего плодишь против нас состязателей, как в древности мифология – гигантов? Для чего, сколько есть между мужами

легкомысленных и недостойных имени мужа, собрав всех, как сор в одну яму, и своим ласкательством сделал их еще женоподобнее, построил ты у себя новую рабочую, и не без разума извлекаешь для себя пользу из их неразумия?

Ты возражаешь и против этого? У тебя нет другого занятия? Языку твоему обязательно должно господствовать? Ты не можешь остановить болезней рождения и не разродиться словом? Но много есть для тебя других обильных предметов. На них обрати с пользой недуг этот. Рази Пифагорово молчание, Орфеевы бобы и эту надутую поговорку новых времен: «сам сказал!» Рази Платоновы идеи, переселения и круговороты наших душ, воспоминание и вовсе не прекрасную любовь к душе ради прекрасного тела; рази Эпикурово безбожие, его атомы и чуждое любомудрию удовольствие; рази Аристотелево немногообъемлющее провидение, в одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертные суждения о душе и человеческий взгляд на высшие учения; рази надменность стоиков, ненасытность и шутовство циников. Рази пустоту и полноту, и те бредни, какие есть о богах или жертвах, об идолах и демонах, благотворных и злотворных, какие разглашаются о местах прорицания, о вызывании богов и душ, о силе звезд.

А если ты не достаиваешь это и словом, как маловажное и многократно опровергнутое, хочешь заняться своим предметом и в нем ищешь пищи любочестию, то и здесь укажу тебе широкие пути. Любомудрствуй о мире или мирах, о веществе, о душе, о разумных – добрых и злых природах, о воскресении, суде, мздовоздаянии, Христовых страданиях. Относительно этого и успеть в своих исследованиях не бесполезно, и не получить успеха не опасно. О Боге же будем рассуждать теперь не много, но в скором времени, может быть, совершеннее, о самом Христе, Господе нашем, Которому слава вовеки, аминь.

Слово 28

О богословии второе

В предыдущем слове очистили мы понятие о Богослове, объяснив, каков он должен быть, перед кем, когда и сколько любомудрствовать. А именно ему должно быть, насколько можно, чистым, чтоб свет приемлем был светом, любомудрствовать перед людьми усердными, чтобы слово, падая на бесплодную землю, не оставалось бесплодным, – любомудрствовать, когда внутри нас тишина и не кружимся по внешним предметам, чтобы не прерывалось дыхание, как у всхлипывающих, – притом любомудрствовать, сколько сами постигаем и можем быть постигаемы. После же таких на это объяснений, когда мы «распахали себе новые поля» Божии, чтобы «не сеять между тернами» ([Иер.4:3](#)), и уравнили лицо земли, сами образовавшись и других образовав по образцу Писания, приступим уже к изложению Богословия. Управлять же словом предоставим Отцу и Сыну и Святому Духу, о Которых у нас слово, – Отцу, да благоволит о нем, Сыну, да содействует ему, Духу, да вдохнет его; лучше же сказать, да будет на нем единого Божества единое озарение, соединительно разделяемое и разделительно сочетаемое, что и выше понимания!

Но теперь, когда охотно восхожу на гору, или, справедливее сказать, желаю и вместе боюсь (желаю по надежде, боюсь по немощи) вступить внутрь облака и беседовать с Богом (ибо сие повелевает Бог), – теперь, кто из вас Аарон, тот взойди со мной и стань вблизи, но будь доволен тем, что надобно ему остаться вне облака; а кто Надав, или Авиуд, или один из старейшин, тот взойди также, но стань издалеча, по достоинству своего очищения: кто же принадлежит к народу и к числу недостойных такой высоты и созерцания, тот, если он не чист, вовсе не приступай (потому что сие не безопасно), а если очищен на время, останься внизу; и внимай единому гласу и трубе, то есть голым выражениям благочестия, на дымящуюся же и молниеносную гору взирай, как на угрозу и вместе на чудо для неспособных взойти; но кто злой и неукротимый зверь, вовсе не способен вместить в себе предлагаемого в умозрении и Богословии, тот не скрывайся в лесу, с тем злым умыслом, чтоб, напав нечаянно, поймать какой-нибудь догмат или какое-нибудь слово, и своими хулами растерзать здоровое учение, но стань еще дальше, отступи от горы, иначе он «будет камнями побит» и сокрушен ([Евр.12:20](#)), «злодей злой смертью» погибнет ([Мф.21:41](#)), потому что истинные и твердые учения для

зверонравных суть камни; погибнет, хотя он «рысь», которая умрет с пестротами своими ([Иер.13:23](#)); или «лев, алчущий добычи и рыкающий» ([Пс.21:14](#)), который ищет или наших душ, или наших выражений, чтобы обратить их себе в пищу; или «свинья», которая «попирает» прекрасный и блестящий «бисер» истины ([Мф.7:6](#)), или «аравийский» и другой породы «волк», даже волков «быстрее» в своих лжеумствованиях ([Авв.1:8](#)); или лисица, то есть хитрая и неверная душа, которая смотря по времени и нужде, принимает на себя разные виды, питается мертвыми и смердящими телами, также мелким виноградом (потому что не достать ей крупного); или другое животное, запрещенное Законом, нечистое для пищи и употребления! Ибо слово, устранившись от таковых, хочет быть начертанным на скрижалях твердых и каменных, и притом на обеих сторонах скрижалей, по причине открытого и сокровенного смысла в Законе, – открытого, который нужен для многих и пребывающих долу, и сокровенного, который внятен для немногих и простирающихся горе.

Но что со мной сделалось, друзья, свидетели тайны и подобные мне любители истины? Я шел с тем, чтобы постигнуть Бога; с этой мыслью, отрешившись от вещества и вещественного, погрузившись, насколько мог, сам в себя, восходил я на гору. Но когда простер взор, едва увидел сзади Бога ([Исх.33:22–23](#)) и то покрытого «Камнем» ([1Кор.10:4](#)), то есть воплотившимся ради нас Словом. И приникнув несколько, созерцаю не первое и чистое естество, познаваемое Им самим, то есть самой Троицею; созерцаю не то, что пребывает внутри первой завесы и закрывается херувимами, но одно крайнее и к нам простирающееся. А это, насколько знаю, есть то величие, или, как называет божественный Давид, то «великолепие» ([Пс.8:2](#)), которое видимо в тварях, Богом и созданных и управляемых. Ибо все то есть «Бог сзади», что после Бога доставляет нам познание о Нем подобно тому, как отражение и изображение солнца в водах показывает солнце слабым взорам, которые не могут смотреть на него, потому что живость света поражает чувство. Так богословствуй и ты, хотя будешь Моисеем и богом фараону, хотя с Павлом взойдешь до «третьего неба» и услышишь «неизреченные слова» ([2Кор.12:4](#)), хотя станешь и их выше, удостоившись ангельского или архангельского лика и чина! Ибо все небесное, а иное и пренебесное, хотя в сравнении с нами гораздо выше естеством и ближе к Богу, однако же дальше отстоит от Бога и от совершенного Его постижения, нежели насколько выше нашего сложного, низкого и долу тяготеющего состава.

Итак, опять должно обратиться к началу. «Уразуметь Бога трудно, а изречь невозможно», – так любомудрствовал один из Эллинских

богословов²¹⁴ и, думаю, не без хитрой мысли, чтоб почитали его постигшим, сказал он: «трудно», и чтоб избежать обличения, назвал это неизреченным. Но как я рассуждаю, изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно. Ибо что постигнуто разумом, то имеющему не вовсе поврежденный слух и тупой ум объяснит, может быть, и слово, если не вполне достаточно, то, по крайней мере, слабо. Но обнять мыслью столь великий предмет совершенно не имеют ни сил, ни средств не только люди оцепеневшие и преклоненные долу, но даже весьма возвышенные и боголюбивые, равно как и всякое рожденное естество, для которого этот мрак – эта грубая плоть, служит препятствием к пониманию истины. Не знаю, возможно ли это природам высшим и духовным, которые, будучи ближе к Богу и озаряясь всецелым светом, может быть видят Его, если не вполне, то совершеннее и определеннее нас, и притом, по мере своего чина, одни других больше и меньше. Но об этом не буду распространяться далее. Что же касается нас, то не только «мир Божий, который превыше всякого ума и разумения» ([Флп.4:7](#)), не только приготовленный, по обетованиям ([1Кор.2:9](#); [Ис.64:4](#)), для праведных, не могут ни очи видеть, ни уши слышать, ни мысль представить, но даже едва ли возможно нам и точное познание твари. Ибо и здесь у тебя одни тени, в чем уверяет сказавший: «взираю на небеса – дело рук Твоих, на луну и звезды» ([Пс.8:4](#)) и постоянный в них закон, ибо говорит не как видящий теперь, а как надеющийся некогда увидеть. Но в сравнении с тварями гораздо невместимее и непостижимее для ума то естество, которое выше их и от которого они произошли.

Непостижимым же называю не то, что Бог существует, но то, что Он такое. Ибо не тщетна проповедь наша, не суетна вера наша; и не о том преподаем мы учение. Не обращай нашей искренности в повод к безбожию и к клевете, не превозносись над нами, которые сознаются в неведении! Весьма большая разность – быть уверенным в бытии чего-нибудь, и знать, что оно такое. Есть Бог – творческая и содержательная причина всего; в этом наши учителя – и зрение²¹⁵, и естественный закон, – зрение, обращенное к видимому, которое прекрасно утверждено и совершает путь свой, или, скажу так, неподвижно движется и несется; естественный закон, от видимого и благоустроенного умозаключающий о Началовожде его. Ибо Вселенная как могла бы составиться и стоять, если бы не Бог все осуществлял и содержал? Кто видит красиво отделанные гусли, их превосходное устройство и расположение, или слышит саму игру на гусях, тот ничего иного не представляет, кроме сделавшего гусли или

играющего на них, и к нему восходит мыслью, хотя, может быть, и не знает его лично. Так и для нас явственна сила творческая, движущая и сохраняющая сотворенное, хотя и не постигается она мыслью. И тот крайне несмышлен, кто, следуя естественным указаниям, не восходит до этого познания сам собой.

Впрочем, не Бог еще то, что мы представили себе под понятием Бога, или чем мы Его изобразили, или чем описало Его слово. А если кто когда-нибудь и сколько-нибудь обнимал Его умом, то чем это докажет? Кто достигал последнего предела мудрости? Кто удостаивался когда-нибудь столь многого дарования? Кто до того «открыл уста» разумения и «привлек Дух» ([Пс.118:131](#)), что, при содействии этого Духа, «все проникающего» и знающего, даже «глубины Божии» ([1Кор.2:10](#)), постиг он Бога, и не нужно уже ему простираться далее, потому что обладает последним из желаемых, к чему стремятся и вся жизнь, и все мысли высокого ума? Но какое понятие о Боге составишь ты, который ставит себя выше всех философов и богословов и хвалится без меры, если ты вверишься всякому пути умозрения? К чему приведет тебя пытливый разум?

Назовешь ли Божество телом? Но как же назовешь бесконечным, не имеющим ни пределов, ни очертаний, неосязаемым, незримым? Ужели таковы тела? Какая произвольность! Естество тел не таково. Или Божество – тело, и вместе не бесконечно, не беспредельно и прочее, так что Оно ни в чем не имеет преимуществ перед нами? Какое грубое понятие! Как же Божество досточтимо, если Оно имеет очертание? Или как избежит Оно того, чтобы не слагаться из стихий, опять на них не разлагаться и вовсе не разрушаться? Ибо сложность есть начало борьбы, борьба – разделения; разделение – разрушения, а разрушение совершенно не свойственно Богу и первому естеству. Итак, в Нем нет разделения, иначе было бы разрушение; нет борьбы, иначе было бы разделение; нет сложности, иначе была бы борьба. Поэтому Божество не тело, иначе бы в Нем была сложность. На этом останавливается слово, восходя от последнего к первому. Притом, Божие свойство – все проникать и все наполнять, по сказанному: «небо и землю не Я ли наполняю», глаголет Господь ([Иер.23:24](#)), и еще: «Дух Господа исполняет вселенную» ([Прем.1:7](#)), – как сохранится, если Бог иное ограничивает Собой, а иным Сам ограничивается? Или будет Он проникать ничем не наполненный мир, и у нас все уничтожится к поруганию Бога, Который сделается телом и утратит все, Им сотворенное; или будет Он телом в числе прочих тел, что невозможно; или взойдет как в сопряжение, так и в противоположение с телами; или смешается с ними,

как жидкость, и иное будет делить, а иным делиться, что нелепее и бессмысленнее Эпикуровых атомов; а таким образом распадется у нас учение о телесности Бога и не будет иметь ни плотности, ни связности.

Если же скажем, что Бог есть тело невещественное, и притом, как думают некоторые, пятое и круговращающееся (пусть будет допущено и невещественное, и пятое, а если угодно, даже бестелесное тело; так как у них слова носятся и составляются произвольно, а у меня теперь спор не об этом), то к какому роду движимых и переносимых будет принадлежать это тело? Не говорю, как оскорбительно предположение, будто бы Сотворивший с сотворенным и Носящий с носимым движутся одинаково, если только они и это предполагают. Но что же опять Его движет? Чем движется все? Чем приводится в движение и то, от чего все движется? А потом, что движет и это самое? – и так далее до бесконечности. Притом, как же Ему не заключаться необходимо в месте, если только есть нечто переносимое?

Но если скажут, что Бог есть иное какое-нибудь тело, кроме пятого, хотя, например, ангельское, то откуда известно, что ангелы телесны, какие у них тела, и чем выше ангела будет Бог, Которому служебен ангел? А если тело выше ангельского, то опять введется неисчислимый рой тел и такая глубина пустословия, в которой нигде нельзя будет остановиться. Из этого видно, что Бог не есть тело. Да этого не говорил и не допускал никто из мужей богодухновенных, такое учение не нашего двора. А потому остается предположить, что Бог не телесен.

Но если не телесен, то это не изображает и не объемлет сущности, равно как не объемлют сущности слова: нерожден, безначален, неизменяем, нетленен, и что еще говорится о Боге и о принадлежащем Богу. Ибо в Нем – Сущем выражает ли естество и самостоятельность то, что Он не имеет начала, не изменяется, не ограничивается? Напротив, кто имеет истинно ум Божий и усовершенствовался в умозрении, тому остается еще продолжить свои умствования и исследования и постигнуть все бытие. К изображению и изъяснению того или другого из предметов твоего рассуждения недостаточно сказать: это тело или это рожденное; напротив, если хочешь совершенно и удовлетворительно определить мыслимое, то должен наименовать подлежащее этих сказуемых (ибо это телесное и рожденное и тленное есть или человек, или вол, или конь). Так и здесь, изведывающий естество Сущего не остановится, сказав, чем Он не есть, а напротив к тому, чем Он не есть, присовокупить и то, что Он есть (тем более, что легче обнять умом что-нибудь одно, нежели отрицать поодиночке все); присовокупить, чтоб через исключение того, чем не есть,

и через положение того, что есть, мыслимое сделалось удобопонятным. А кто, сказав, чем не есть, умалчивает о том, что есть, тот поступает почти также, как если бы на вопрос: сколько составит дважды пять? отвечать: не составит ни двух, ни трех, ни четырех, ни пяти, ни двадцати, ни тридцати, короче же сказать, ни одного из чисел, заключающихся в десятке или в десятках, а между тем не сказать: это составит десять, то есть не остановить мысли спрашивающего на самом искомом. Ибо, как всякий ясно видит, гораздо легче и скорее посредством того, что есть, объяснить о предмете и то, чем он не есть, нежели исключая то, чем он не есть, показать, что он есть.

Поскольку же Божество у нас не телесно, то продолжим несколько свое исследование. Нигде или где-либо Бог существует? Ежели нигде, то иной слишком пытливый спросит, как же может и существовать? Ибо как того, что не существует, нигде нет; так может быть и то, что нигде, вовсе не существует. А если Бог где-нибудь, то потому уже, что существует, без сомнения Он или в мире, или выше мира. Но если в мире, то или в чем-нибудь, или повсюду. И если в чем-нибудь, то будет ограничиваться малым чем-нибудь. Если же повсюду, то более, нежели чем-нибудь, а и иным многим, то есть как содержимое содержащим, так что весь Бог всем миром будет ограничиваться, и ни одно в Нем место не останется свободным от ограничения. Таковы затруднения, если Бог в мире! И еще вопрос: где Он был прежде, нежели произошел мир? А и это затруднит также немало. Если же Бог выше мира, то ужели нет ничего, что отделяло бы его от мира? Где это нечто высшее мира? Как представить себе превышающее и превышаемое, если нет предела, который бы разделял и разграничивал то и другое? Или обязательно должна быть среда, которой бы ограничивался мир и то, что выше мира? А это что же иное, как не место, которого мы избегали? Не говорю еще о том, что Божество необходимо будет ограничено, если Оно постигнется мыслью. Ибо и понятие есть вид ограничения.

Для чего же я рассуждал об этом, может быть, излишнее, нежели сколько нужно слышать народу, и держась ныне утвердившегося образа речи, в котором отринуто благородное и простое, а введено запутанное и загадочное, чтобы дерево можно было узнать по плодам, то есть по темноте выражений – ту тьму, которая внушает подобные учения? Не с намерением подать о себе мысль, будто бы говорю необычайное и «преизобилен» мудростью, связуя «узлы» и «изъясняя сокровенное», что составляло великое чудо в Данииле ([Дан.5:12](#)), но желая объяснить то самое, что сказать предполагалось словом моим в самом начале. Что же

именно? То, что Божество непостижимо для человеческой мысли, и мы не можем представить Его во всей полноте.

И Оно пребывает непостижимым не по зависти. Ибо зависть далека от Божия естества, бесстрастного, единого благого и господственного, особенно зависть к твари, которая для Бога драгоценнее других, потому что для Слова что предпочтительнее словесных тварей? Притом и само сотворение наше есть верх благодати. А также причина этому не собственная честь и слава Того, Кто «исполнен» ([Ис.1:11](#)), как будто бы непостижимость может придать Ему досточтимости и величия. Ибо пролагать себе путь к первенству тем, чтобы препятствовать другим до него достигнуть, свойственно одному софисту, чуждо же не только Богу, но и человеку сколько-нибудь благонравному. Но ежели есть на это другие причины, то, может быть, знают их наиболее приближенные к Богу, прозирающие и углубляющиеся умом в неисследимые судьбы Его, если только найдутся люди, до такой степени преуспевшие в добродетели и, по сказанному, «входящие в исследование бездны» ([Иов.38:16](#)). Сколько же можем постигать мы, которые не удобосозерцаемое измеряют малыми мерами, это нужно может быть для того, чтоб удобство приобретения не делало удобной и потерю приобретенного. Ибо обыкновенно, как с трудом приобретенное всего скорее презираем, по самой возможности приобрести снова. А потому имеющие ум почитают благодеянием саму трудность получить благодеяние. Может быть, нужно это и для того, чтобы не потерпеть нам одной участи с падшим ангелом, чтобы, прияв в себя всецелый свет, не «ожесточить выи перед Господом Вседержителем» ([Иов.15:25](#)) и не пасть от превозношения самым жалким падением. А может быть, нужно и для того, чтобы здесь очистившимся и терпеливо ожидавшим исполнения желаемого и там оставалось нечто в награду за трудолюбие и светлую жизнь. Поэтому-то между нами и Богом стоит эта телесная мгла, как издревле облако между египтянами и евреями. Ибо это-то значит, может быть, «мрак сделал покровом своим» ([Пс.17:19](#)), то есть нашу дебелость, через которую прозревают немногие и немного.

Но кто озабочен этим, то пусть и любомудрствует, пусть и восходит на верх размышления. А нам, «узникам земным», как говорит божественный Иеремия ([Плач.3:34](#)), нам, покрытым этой грубой плотью, известно то, что как невозможно обогнать свою тень, сколько бы ни спешил, потому что она настолько же подается вверх, насколько бывает захвачена, или как зрение не может сблизиться с видимыми предметами без посредства света и воздуха, или как породы плавающих в воде не могут жить вне воды, так и находящемуся в теле нет никакой возможности быть в общении с

умосозерцаемым без посредства чего-либо телесного. Ибо всегда привзойдет что-нибудь наше, сколько бы ни усиливался ум прилепиться к сродному и невидимому, как можно более отрешаясь от видимого и уединяясь сам в себя. И это увидим из следующего. Дух, огонь, свет, любовь, мудрость, ум, слово и подобное этому – не наименования ли первого естества? И что ж? представляешь ли ты себе или дух без движения и разливания, или огонь не в веществе, без движения вверх, без свойственного ему цвета и очертания, или свет не в смешении с воздухом, отдельно от того, что его как бы рождает, то есть что светит? А каким представляешь ум? не пребывающим ли в чем-то другом? И мысли, покоящиеся или обнаруживающиеся, по твоему мнению, не движение ли? Представляешь ли какое слово кроме безмолвствующего в нас или изливаемого (помедлю говорить, исчезающего)? Да и мудрость, в твоём понятии, что кроме навыка рассуждать о предметах Божественных или человеческих? А также правда и любовь – не похвальные ли расположения, которые противоборствуют – одно неправде, а другое ненависти, и как сами бывают напряженнее и слабее, возникают и прекращаются, так подобными и нас делают и изменяют, производя в нас то же, что краски в телах? Или надобно рассматривать Божество, сколько возможно, Само в Себе, отступившись от этих образов и собрав из них какое-то единственное представление? Но что ж это за построение ума, которое из этих образов собрано, и не то, что они? Или как единое, по естеству своему не сложное и неизобразимое, будет заключать в себе все эти образы, и каждый совершенно? Так трудно уму нашему выйти из круга телесности, доколе он, при немощи своей, рассматривает то, что превышает его силы!

Поскольку всякая разумная природа, хотя стремится к Богу и к первопричине, однако же не может постигнуть ее, по изъясненному мной; то, истаивая желанием, находясь как бы в предсмертных муках и не терпя этих мучений, пускается она в новое плавание, чтоб или обратить взор на видимое и из этого сделать что-нибудь богом (по художнику, впрочем, расчету, ибо что видимое выше и богоподобнее видящего, и притом в такой мере, чтоб видящий поклонялся, а видимое принимало поклонение?), или из красоты и благоустройства видимого познать Бога, употребить зрение руководителем к незримому, но в великолепии видимого не потерять из виду Бога.

От этого-то стали поклоняться, кто солнцу, кто луне, кто множеству звезд, кто самому небу вместе со светилами, которым дали править в мире и качеством, и количеством движения; а кто стихиям: земле, воде, воздуху,

огню, так как они для всего необходимы, и без них не может длиться жизнь человеческая; иные же – что кому встретилось в ряду видимых вещей, признавая богом все, представлявшееся для них прекрасным. Некоторые стали поклоняться даже живописным изображениям и изваяниям, сперва родных, – и это были люди, без меры предававшие горести и чувственности и желавшие памятниками почитать умерших, а потом и чужих, – и это сделали потомки первых, отдаленные от них временем, сделали потому, что они не знали первого естества, и чествование, дошедшее до них по преданию, стало как бы законным и необходимым, когда обычай, утвержденный временем, обратился в закон. Но думаю, что иные, желая угодить властителям, прославить силу, изъяснить удивление красоте, чтимого ими сделали со временем богом, а в содействии оболъщению присоединялась какая-нибудь басня. Те же из них, которые были более преданы страстям, признали богами страсти или как богов стали чествовать гнев, убийство, похотливость, пьянство, а не знаю, может быть, и еще что-нибудь к этому близкое; потому что в этом находили (конечно, недоброе и не справедливое) оправдание собственных грехов. И одних богов оставили на земле, других (что одно и благоразумно) скрыли под землей, а иных (смешной раздел!) возвели на небо. Потом, подчинившись своеволию и прихотям блуждающего воображения, нарекли каждому вымыслу имя какого-нибудь бога или демона и, воздвигнув кумиров, которые приманили к себе своей многоценностью, узаконили чествовать их кровью и туками, а иные даже самыми гнусными делами и сумасбродствами и человекоубийством. Ибо таким богам приличны были такие и почести! Даже позорили себя и тем, что воздавали Божью славу морским чудовищам, четвероногим пресмыкающимся, тому, что в этих породах наиболее гнусно и смешно, так что трудно определить, поклонявшиеся ли достойны большего презрения, или то, чему поклонялись. Но более вероятно, что презреннее служители таких богов, и еще тем в высшей степени, что, будучи по природе разумны и получив Божью благодать, лучшему предпочли они худшее. И это – одно из ухищрений лукавого, который само добро обратил во зло, как есть много и других примеров его злотворности. Он, чтобы привлечь людей под власть свою, воспользовался их неверно направленным стремлением найти Бога и, обманув в желаемом, водя как слепца, ищущего себе пути, рассеял их по разным стремнинам и низринул в одну бездну смерти и гибели.

Так было с ними, но наш руководитель разум. И поскольку мы, хотя также ищем Бога, впрочем не допускаем, чтобы могло что-либо быть без

вождя и правителя, то разум, рассмотрев видимое, обозрев все, что было от начала, не останавливается на этом. Ибо нет основания присваивать владычество тому, что по свидетельству чувств равночестно. А поэтому через видимое ведет он к тому, что выше видимого и что дает видимому бытие. Ибо чем приведены в устройство небесное и земное, заключающееся в воздухе и под водой, лучше же сказать, то, что и этого первоначальнее – небо, земля, воздух и водное естество? Кто смешал и разделил это? Кто содержит во взаимном общении, сродстве и согласии (хвалю сказавшего это, хотя он и не наш!)? Кто привел это в движение и ведет в непрерывном и беспрепятственном течении? Не художник ли всего, не тот ли, кто во все вложил закон, по которому все движется и управляется? Кто же художник этого? Не тот ли, кто сотворил и привел в бытие? Ибо не случаю должно приписывать такую силу. Положим, что бытие от случая; от кого же порядок? Если угодно, и то уступим случаю, кто же блюдет и сохраняет те законы, по которым произошло все первоначально? Другой ли кто, или случай? Конечно другой, а не случай. Кто же этот другой, кроме Бога? Так от видимого возвел нас к Богу благодарованный и всем врожденный разум – этот первоначальный в нас и всем данный закон!

Повторим же сказанное сначала. Бога, что Он по естеству и сущности, никто из людей никогда не находил и, конечно, не найдет. А если и найдет когда-нибудь, то пусть разыскивают и любомудрствуют об этом желающие. Найдет же, как я рассуждаю, когда это богоподобное и божественное, то есть наш ум и наше слово, соединится со сродным себе, когда образ взойдет к Первообразу, к Которому теперь стремится. И это, как думаю, выражается в том весьма любомудром учении, по которому познаем некогда, насколько сами познаны ([1Кор.13:12](#)). А что в нынешней жизни достигает до нас, есть тонкая струя и как бы малый отблеск великого света.

Поэтому, если кто познал Бога, и засвидетельствовано, что он познал, то познание это приписывается ему в том отношении, что, сравнительно с другим, не столько просвещенным, оказался он причастником большего света. И такое превосходство признано совершенным, не как действительно совершенное, но как измеряемое силами ближнего, поэтому «Енос начал призывать Господа» ([Быт.4:26](#)), и заслугу его составляло упование, и упование не относительно ведения, но призывания. Енос же «взят» ([Быт.5:24](#)), но постигли естество Божие, или еще постигнет, – это неизвестно. И в Ное, которому вверено было – целый мир, или семена мира спасти от вод малым деревом, избегающим

потопления, одно преимущество – богоугодность ([Быт.6:5](#)). И великий патриарх Авраам, хотя оправдался верой и принес необычайную жертву – образ великой Жертвы, однако же Бога видел не как Бога, но напитал как человека и похвален как почтивший, сколько постигал. Иаков видел во сне высокую лестницу и восхождение ангелов, он таинственно помазует столп (может быть, знаменуя помазанный на нас Камень), дает месту, в честь Явившегося на нем, наименование: «дом Божий» ([Быт.28:17](#)), борется с Богом как с человеком (действительная ли эта борьба у Бога с человеком, или ею означает, может быть, приравнение человеческой добродетели к Богу), носит на теле знаменья борьбы, показывающие, что сотворенное естество уступило победу, и в награду за благочестие получает изменение в имени, из Иакова переименован Израилем (подлинно великое и досточестное имя!); но ни он, ни другой кто из двенадцати колен, которым он был отцом, хотя бы стоял выше самого Иакова, до сих пор не похвалился, что всецело объявил естество Божие или образ Божий. И Илии не ветер сильный, не огонь, не землетрясение, как знаем из истории ([3Цар.19:12](#)), но небольшая прохлада была знамением Божия присутствия, и только присутствия, а не естества. Какому же Илии? Которого огненная колесница возносит к небу, означая этим в праведнике нечто сверхчеловеческое. Неудивительны ли для тебя – сперва судья Маное, а потом ученик Петр? Но один не выносит лицемерия явившегося ему Бога и говорит: погибли мы, жена, потому что видели Бога ([Суд.13:22](#)), чем показывает, что для человека невместимо Божие даже явление, не только естество, а Петр не пускал в корабль явившегося Христа и отсылал от себя ([Лк.5:3–8](#)), хотя был горячее других в познании Христа, за что наименован блаженным и удостоен важнейших поручений ([Мф.16:16–19](#)). Что скажем об Исаие, об Иезекииле, зрителе самых великих тайн, и о прочих Пророках? Один из них видел Господа Саваофа, сидящего на престоле славы, окруженного, славимого и закрываемого шестикрылыми серафимами, видел, как его самого очищали углем и подготавливали к пророчеству ([Ис.6:1–7](#)). Другой описывает колесницу Божию – херувимов, и над ними престол, и над престолом твердь, и на тверди Явившегося, а также какие-то гласы, движения и действия ([Иез.1:22–27](#)), и не умею сказать, было ли это дневное явление, удобосозерцаемое одними святыми, или ночное нелживое видение, или представление владычественного в нас, которым и будущее объемлется, как настоящее, или другой неизъяснимый вид пророчества – сие известно только Богу Пророков и участников подобных вдохновений. По крайней мере, ни те, о которых у нас слово, ни кто другой после них, не были, по Писанию, в «совете»²¹⁶ и сущности

«Господа» ([Иер.23:18](#)); никто не видел и не поведал естества Божия. Если бы Павел мог выразить, что заключало в себе третье небо и шествие к нему (или постепенное восхождение, или мгновенное восхищение), то, может быть, узнали бы мы о Боге несколько больше (если только этого касалась тайна Павлова восхищения). Но поскольку это было неизреченно, то и мы почтим молчанием, выслушав же самого Павла, который говорит: «отчасти познаем и отчасти пророчествуем» ([1Кор.13:9](#)). Так и подобно этому сознается тот, кто «не невежда в познании» ([2Кор.11:6](#)), кто угрожает представить доказательство, что говорит в нем Христос ([2Кор.13:3](#)), так сознается великий поборник и учитель истины. А потому все дальнейшее знание, как простирающееся не далее малых подобий истины, ставит он не выше зеркал и гаданий ([1Кор.13:12](#)). А если бы не опасался я подать иным о себе мысль, что до излишества и без нужды занимаюсь такими исследованиями, то сказал бы, что об этом же самом, а не о чем ином может быть сказано: не «можете вместить ныне» ([Ин.16:12](#)), чем само Слово давало понять, что со временем сможем вместить и уяснить себе это. И это же самое Иоанн, Предтеча Слова, великий глас истины, признал невозможным «самому миру вместить» ([Ин.21:25](#)).

Итак, всякая истина и всякое слово для нас недомыслимы и темны. Мы как бы строим огромные здания малым орудием, когда человеческой мудростью ловим видение сущего, когда к предметам мысленным приступаем со своими чувствами или не без чувств, которые заставляют нас кружиться и блуждать, и не можем, неприкосновенным умом касаясь неприкосновенных предметов, подойти насколько-нибудь ближе к истине и запечатлеть в уме чистые его представления. А слово о Боге, чем совершеннее, тем непостижимее, ведет к большему числу возражений и самых трудных решений. Ибо всякое препятствие, и самое маловажное, останавливает и затрудняет ход ума, и не дает ему стремиться вперед, подобно тому как браздами вдруг сдерживают несущихся коней и внезапным их потрясением сворачивают в сторону. Так Соломон, который до избыточности был умудрен более всех, и до него живших и ему современных, получил в дар от Бога «широту сердца» и полноту созерцания обильнее песка ([3Цар.4:29](#)), чем более погружается в глубины, тем более чувствует кружения и почти концом мудрости считает найти, насколько она удалилась от него ([Еккл.7:24](#)). А Павел покушается, правда, исследовать, не говорю естество Божие (он знает, что это совершенно невозможно), а только судьбы Божии, но поскольку не находит конца и отдохновения в восхождении, поскольку любование ума не достигает явно окончательного предела, а всегда остается для него нечто еще не

изведенное, то (чудное дело! о, если бы и со мной было то же!) заключает речь изумлением, именует все подобное «богатством» Божиим и «глубиной» ([Рим.11:33](#)) и исповедует непостижимость судеб Божиих, выражаясь почти так же, как и Давид, когда он то называет «судьбы» Божии «бездной великою» ([Пс.35:7](#)), в которой нельзя достать основания ни мерой, ни чувством, то говорит, что «дивно для него ведение» и от состава его, и «высоко», нежели насколько простираются его силы и его объем ([Пс.138:6](#)).

Оставив все прочее, рассуждает Давид, обращусь к себе самому, рассмотрю вообще человеческое естество и человеческий состав. Что это за смешение в нас? Что за движение? Как бессмертное соединено со смертным? Как проливаюсь я долу и возношусь горе? Как обращается во мне душа, дает жизнь и сама участвует в страданиях? Как мысль и заключена в пределы, и неопределима, и в нас пребывает, и все обходит в быстроте своего стремления и течения? Как сообщается и передается со словом, проникает сквозь воздух, входит с самими предметами? Как приобщена к чувству и отрешается от чувств? И еще прежде этого, как в художнической храмине природы производится и первоначальное наше созидание и составление, и окончательное образование и усовершение? Какое это пожелание и разделение в нас пищи? Кто нас, не принуждая, привел к первым источникам и средствам жизни? Как тело питается яствами, а душа словом? Что за влечение природы, что за взаимная наклонность у родителей и детей, связующая их любовью? Как виды (тварей) постоянны и не сходятся в отличительных признаках? Как, при таком их множестве, особенности неделимых неуловимы? Как одно и то же живое существо вместе смертно и бессмертно, – смертно, потому что прекращается собственная его жизнь, – и бессмертно, потому что оно рождает другие живые существа? Одно отходит, другое приходит, как в текущей реке, которая не стоит на месте и всегда полна.

Много еще можем любопытствовать о членах и частях тела, о взаимной их стройности, тогда как они, по закону и соразмерности природы, сообразно нуждам и для красоты, одни сближены, другие отдалены между собой, одни выдались, другие вдались, одни соединены, другие разделены, одни объемлют других, другие сами объемлются; много о звуках и слухе, о том, как звуки переносятся от звучных орудий, и слух приемлет их и входит с ними во взаимное общение вследствие ударений и впечатлений в посредствующем воздухе; много о зрении, которое неизъяснимым образом сообщается с видимыми предметами, приходит в движение по одному мановению воли и в то же с ним время, – в каком

отношении и уподобляется оно мысли, потому что с одинаковой быстротой и мысль сходится с предметом мышления, и взор с предметом зрения; много о прочих чувствах, которые служат какими-то, несозерцаемыми для ума, приемниками внешнего; много об успокоении во время сна, о сновидениях, о памяти и воспоминаниях, о рассудке, раздражительности и пожелании, короче говоря, обо всем, что населяет этот малый мир – человека.

Хочешь ли, перечислю тебе различие других животных в отношении к нам и друг к другу, то есть каждого природу, образ рождения и воспитания, местопребывание, нравы и как бы законы общежития. Отчего одни живут стадами, другие по одиночке; одни травоядны, другие плотоядны; одни свирепы, другие кротки; одни привязаны к человеку и около него кормятся, другие неукротимы и любят свободу; одни как бы близки к разумности и способны учиться, другие вовсе бессмысленны и не переимчивы; одни имеют большее число чувств, другие меньшее; одни неподвижны, другие переходят с одного места на другое, а иные весьма быстры; одни отличаются и величиной и красотой, или чем-нибудь одним, а другие или весьма малы, или очень безобразны, или то и другое; одни крепки, другие малосильны; одни мстительны, другие подозрительны и коварны, иные неосторожны; одни трудолюбивы и домостроительны, другие совершенно не деятельны и беспечны? И еще кроме этого, отчего одни пресмыкаются по земле, другие ходят в прямом положении; одни любят сушу, другие сушу и воду; одни чисто плотны, другие неопрятны; одни живут попарно, другие нет; одни целомудренны, другие похотливы; одни многоплодны, другие не плодовиты; одни долговечны, другие маловечны? Истоцилось бы у меня слово, если бы описывать все в подробности.

Рассмотри природу плавающих в воде, которые скользят и как бы летают по влажной стихии, дышат собственным воздухом, а в нашем воздухе подвергаются той же опасности, какой мы – в воде; рассмотри их нравы, страсти, рождения, величину, красоту, привязанность к месту, странствования, сходбища и разлучения, свойства, почти близкие к свойствам животных земных, а у иных даже общие, и свойства противоположные как в родах, так и в неделимых.

Рассмотри также стада птиц непевчих и певчих, разнообразие в их виде и цвете. Какая причина сладкопения у птиц певчих, и от кого это? Кто дал кузнечнику цевницу на груди? Кто дает птицам эти песни и щебетанья на ветвях деревьев, когда, возбужденные в полдень солнцем, наполняют они звуками леса и сопровождают пением путника? Кто сплетает песнь

лебедю, когда распростирает он крылья по воздуху, и ими свиряя, выводит как бы мерный стих? Не буду говорить о вынужденных звуках и о том, в чем ухищряется искусство, подражая действительности. Отчего павлин, кичливая мидийская птица, любит так убранство и честь, что, заметив подходящего, или, как говорят, с намерением нравиться женскому полу (так как чувствует свою красоту), с величавой поступью, вытянув шею и развернув кругообразно блестящие золотом и усеянные звездами перья, выставляет красу свою напоказ любителям? Божественное Писание восхваляет мудрость жен в тканях, говоря: «кто дал женам тканя мудрость или испещрения хитрость» ([Иов.38:36](#))? Но это естественно для животного разумного, которое избыточествует мудростью и простирается даже к небесному. Подивись лучше природной смьшлености бессловесных, и если можешь, представь на это свои объяснения. Как у птиц гнезда (будут ли это камни, деревья или кровли) устроены безопасно и вместе красиво, со всеми удобствами для птенцов? Откуда у пчел и пауков столько трудолюбия и искусства? У одних соты сложены из шестиугольных чашечек, обращенных одна на другую и укрепленных перегородками, которые в каждых двух чашечках пересекаются под прямым углом. И все это с таким искусством делают пчелы в темных ульях, когда их постройки не видимы. А пауки из тонких и почти воздушных нитей, протянутых в разных направлениях, и из веществ неприметных для взора, ткнут хитроплетенные ткани, которые бы служили им честным жилищем и ловили немощных для пищи. Производил ли что подобное какой Евклид, любомудрствующий о несуществующих чертах и трудящийся над доказательствами? У какого Паламида найдешь такие движения и построения войск, хотя и они, как говорят, переняты у журавлей, которые летают строем и разнообразят свой полет? Производили ли что подобное Фидии, Зевксисы, Полигноты, Парразии, Аглафоны, умеющие отлично живописать и ваять красоту? Сравнится ли Кносский хор пляшущих, который так прекрасно выработан Дедалом в дар невесте, или Критский неудобовыходимый и, говоря стихотворчески, нераспутываемый лабиринт, который, по ухищрению искусства, неоднократно возвращается на прежний след? Умалчиваю о сокровищницах и сокровищехранителях у муравьев, о запасе пищи, сообразном времени, и о том, что еще, как известно, рассказывают об их путешествиях, предводителях и о строгом порядке дел.

А если доступны тебе причины этого, и ты познал, сколько в этом разума; то рассмотри различия растений, до искусственности, примечаемой в листьях, по которой они вместе и всего приятнее для взора,

и всего полезнее для плодов. Рассмотрю разнообразие и богатство самих плодов, особенно же преимущественную красоту наиболее необходимых. Рассмотрю силы корней, соков, цветов, запахов не только самых приятных, но и здоровых, привлекательность и качества красок. Рассмотрю также драгоценность и прозрачность камней. Природа, как на общем пиршестве, предложила тебе все, и что нужно для тебя, и что служит к твоему удовольствию, чтоб ты, сверх прочего, из самих благодеяний познал Бога, и из своих потребностей приобрел больше сведений о себе самом.

После этого пройди широту и долготу общей всем матери – земли, обойди морские заливы, соединяемые друга с другом и с сушей, красота лесов, реки, обильные и неиссякающие источники не только холодных и годных для питья вод, текущих поверх земли, но и тех, которые под землей пробираются по каким-то расселинам, и оттого ли, что гонит и отталкивает их крепкий ветер, или оттого, что разгорячает сильная борьба и сопротивление, проторгаются понемногу, где только могут, и для нашего употребления во многих местах доставляют различных свойств теплые бани – это безвозмездное и самосоставное врачевание. Скажи, как и откуда это? Что значит эта великая и безыскусственная ткань? Здесь все не менее достохвально, станем ли что рассматривать во взаимном отношении, или в отдельности. Отчего стоит земля твердо и неуклонно? Что поддерживает ее? Какая у нее опора? Ибо разум не находит, на чем бы утвердиться этому, кроме Божией воли. Отчего земля то поднята на вершины гор, то осаждена в равнины, притом так разнообразно, часто и постепенно меняет свои положения, и тем богаче удовлетворяет нашим нуждам и пленяет нас своим разнообразием? И отделена ли она для жилищ человеческих, или необитаема, поскольку перерезывается хребтами гор или иным чем отсекается и отходит для иного назначения, – везде служит самым ясным доказательством всемогущества Божия! А в море, если бы не удивляла меня величина, я стал бы дивиться кротости, как оно и ничем не связано, и стоит в своих пределах. И если бы оно не удивляло меня кротостью, я стал бы дивиться его величине. Поскольку же удивляет тем и другим; то восхваляю силу, какая видна в том и другом. Что собрало в него воды? Что связало их? Отчего море и воздымается и стоит в своем месте, как бы стыдясь смежной суши? Отчего и принимает в себя все реки, и не прибывает, по избытку ли своей величины, или, не знаю, какую еще сказать на это причину? Почему для него – столь огромной стихии, пределом – песок? Что могут на это сказать естествословы, мудрые в пустом, которые действительно меряют море малой чашей, то есть предмет великий – своими понятиями? Не лучше ли мне кратко

полюбомудрствовать об этом из Писания, так как это и убедительнее, и вернее длинных рассуждений? «Черту провел над поверхностью воды» ([Иов.26:10](#)). Вот узы для влажного естества! Но не дивишься ли, не изумляешься ли мыслью, смотря, как оно на малом древе и ветром несет земного пловца, чтобы для его нужд и сообщения были связаны и суша и море, чтоб отдаленное между собой по природе большими пространствами стекалось в одно для человека? А источников какие первоначальные источники? Разыскивай, человек, если можешь что исследовать и найти! Кто прорыл реки на равнинах и в горах? Кто дал им беспрепятственное течение? Какое чудо противоположностей – и море не переполняется и реки не останавливаются! Что питательного в водах? Отчего эта разница, что одни растения орошаются сверху, другие получают воду через корни? – Да наслажусь и я несколько словом, рассуждая об утехах, посылаемых Богом!

Теперь, оставив землю и земное, чтоб слово у меня шло порядком, воспарю на крылах мысли в воздух; оттуда поведу тебя к небесному, на само небо, выше неба и так далее. Не осмеливается, правда, слово простираться высоко; но прострется, впрочем, не сверх позволенного. Кто разлил воздух – это обильное и неоскудевающее богатство, которым пользуются не по достоинствам и случаям, которое не удерживается пределами, раздается не по возрастам, подобно манне приемлется не сверх нужды, тем и честно, что уделяется всякому в равной мере воздух – эту колесницу пернатых тварей, это седалище ветров, воздух, который благорастворяет времена года, одушевляет животных, лучше же сказать, соблюдает душу в теле, воздух, в котором тела и с которым слово, в котором свет и освещаемое, а также и зрение, через него протекающее? Рассмотрим и то, что далее воздуха? Ибо не соглашусь предоставить воздуху такую область, какая ему приписывается. Где хранилища ветров? Где сокровищницы снега? «Кто же», по Писанию, «рождает капли росы? Из чьего чрева выходит лед» ([Иов.38:28–29](#))? «Кто заключает воду в облаках» ([Иов.26:28](#))? Кто часть ее остановил на облаках (не чудно ли видеть текучее вещество, удерживаемое словом!) и другую изливает на лицо земли и сеет благовременно и в должной мере, не оставляя и всей влажной сущности свободной и неудержимой (довольно и при Ное бывшего очищения, притом Нелживейший не забывает Своего завета), и не удерживая ее совершенно (чтобы опять не иметь нам нужды в Илии, прекращающем засуху)? Сказано: «если затворит» небо, кто «откроет» ([Иов.12:14](#)), и «если откроет отверстия небесные» ([Мал.3:10](#)), кто удержит? Кто стерпит безмерность того и другого, если Посылающий

дождь не распорядит всего по Своим мерам и весам? Какое любомудрое учение о молниях и громах предложишь мне ты, который гремит с земли, хотя не блещет и малыми искрами истины? Причиной этого назовешь ли какие испарения, выходящие из земли и производящие облака, или какое-нибудь сгущение воздуха, или сжатие и столкновение редчайших облаков, так что сжатие произведет у тебя молнию, а расторжение – гром? Или назовешь какой-нибудь сжатый и потом не находящий себе выхода ветер, который, будучи сжимаемым, блистает молнией и, вырываясь, издает гром?

Но если ты прошел умом воздух и все, что в воздухе, то коснись уже со мной неба и небесного? Но здесь да водит нас более вера, нежели разум, если только уразумел ты свою немощь, когда рассматривал ближайшее к тебе и узнал способ узнать то, что выше разума, а не остаться вовсе земным и преданным земному, не знающим даже и этого самого – своего незнания? Кто округлил небо, расставил звезды? Лучше же сказать, что такое само небо и звезды? Можешь ли сказать это ты, человек высокопарный, который не знает и того, что у него под ногами, не может привести в меру себя самого, а любопытствует о том, что выше твоей природы, и желал бы объять неизмеримое? Положим, что постигнуты тобой круги, круговращения, приближения и отдаления, восхождения звезд и солнца, какие-то части и их подразделения и все то, за что превозносишь ты чудную науку свою, но это не уразумение еще сущего, а только наблюдение за каким-то движением, подтвержденное долговременным упражнением, приводящее к единству наблюдения многих, а потом придумавшее закон и возвеличенное именем науки; так, видоизменения Луны стали известными для многих, и зрение²¹⁷ принято за начало познания! Но если ты очень знающ в этом и хочешь, чтобы удивлялись тебе по праву скажи, какая причина такого устройства и движения? Отчего Солнце поставлено в знамение целой Вселенной и перед взором всякого, как вождь сонма, светлостью своей затмевающий прочие звезды более, нежели сколько затмеваются они некоторыми из них самих, чему доказательством служит то, что хотя звезды и сами светят, однако же Солнце превосходит их светом, и звезды не видимы, как скоро восходят вместе с Солнцем? Оно прекрасно, как «жених», быстро и велико, как исполин (не могу заимствовать ему похвалы из другого писания, кроме моего ([Пс.18:6](#))); такова его сила, что от края до края все объемлет своей теплотой, и ничто не может не ощущать его, напротив, все им исполняется, и зрение – светом, и телесное естество – теплотой, между тем как оно согревает, но не сжигает, по причине своего кроткого

благорастворения и стройного движения, для всех открыто и всех равно объемлет. Но рассуждал ли ты об этой мысли? Солнце в чувственном то же, что Бог в мысленном, сказал один из не наших. Оно просвещает взор, как Бог ум, и всего прекраснее в видимом, как Бог в умосозерцательном. Но чем первоначально приведено Солнце в движение? Чем непрестанно движется и вращается оно – неизменное в своем законе, в подлинном смысле неподвижное, неутомимое, живоносное и, как справедливо воспевают стихотворцы, живородящее, никогда не прекращающее ни движения, ни благодеяний своих? Как творит оно день на земле и ночь под землей? Или не знаю, как надобно выразиться, смотря на солнце. Что значит это прибавление и убавление дней и ночей, это (употреблю несколько странное выражение) равенство в неравенстве? Как солнце производит и разделяет времена года, которые чинно приближаются и удаляются, и будто в хороводе друг с другом то сходятся, то расходятся, сходятся по закону любви, расходятся по закону благочиния, даже постепенно между собой сливаются и неприметно приближаются, подобно наступающим дням и ночам, чтобы внезапностью своей не произвести скорбного ощущения? Но оставим Солнце. Познал ли ты естество и видоизменения Луны, меру света ее и пути? И как солнце владычествует над днем, а она начальствует над ночью? Одна дает смелость зверям, другое восстанавливает человека на дело, что когда наиболее полезно, то возвышаясь, то понижаясь? «Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль» ([Иов.38:31](#)), «как и исчислить множество звезд и всех их именами назвать» ([Пс.146:4](#)), как знающий различие каждой звезды и чин ее движения, чтоб мог я поверить тебе, когда по звездам определяешь нашу судьбу и тварь вооружаешь на Творца?

Что скажем? Остановить ли нам слово здесь – на веществе и видимом? Или поскольку Моисеева скиния наименована в Слове «противообразным» целого мира, то есть совокупности видимого и невидимого ([Евр.9:24](#)), то, проникнув за первую завесу и взойдя выше чувственного, проникнуть нам «во святая» – в мысленное и небесное естество? Но и его, хотя оно и не телесно, не можем видеть нетелесным образом, почему называется оно огнем и духом, или и действительно таково. Ибо говорится, что творит «Ангелами Своими духов и служителями Своими огонь пылающий» ([Пс.106:4](#)), разве творить значит здесь не более как сохранять в подчинении закону, по которому созданы; духом же и огнем называется естество это, частью как мысленное, а частью как очистительное, потому что и Первая Сущность приемлет те же наименования. Впрочем, да будет оно у нас не телесно, или, сколько

можно, близко к тому. Видишь, как кружимся в слове, и не можем поступить далее! Разве простремся в той мере, в какой знаем, что есть какие-то ангелы, Архангелы, Престолы, Господства, Начала, Власти, Светлости, Восхождения, умные Силы или Умы, природы чистые, беспримесные, непреклонные или неудобопреклоняемые к злу, непрестанно ликовствующие окрест первой Причины. Эти природы, как воспел бы о них иной, или от первой Причины озаряются чистейшим озарением, или, по мере естества и чина, иным способом приемлют иное озарение; они так вообразили и запечатлели в себе Благо, что сделались вторичными светами и посредством излиятий и передаваний первого Света могут просвещать других; они служители Божией воли, сильны, как по естественной своей, так и по приобретенной ими крепости, все обходят, всем и везде с готовностью предстают, по усердию к служению и по легкости естества. Эти умы приняли каждый одну какую-либо часть Вселенной, или приставлены к одному чему-нибудь в мире, как ведомо это было все Устроившему и Распределившему, и они все ведут к одному концу, по мановению Зиждителя всяческих, песнословят Божие величие, созерцают вечную славу и притом вечно, не для того, чтобы прославился Бог (нет ничего, что можно было бы приложить к Исполненному, Который и для других есть податель благ), и чтобы не переставали получать благодеяния даже первые по Боге природы.

И если это воспето по достоинству, то благодарение Троице и единому в Трех Божеству! А если не достаточнее желания, то и в этом случае победило слово мое, ибо оно трудилось доказать одно то, что выше ума естество даже вторичных существ, а не только Первого и Единого, повременю говорить, Превысшего всех.

Слово 29

О богословии третье, о Боге Сыне первое

Это же сказал бы иной, желая остановить их готовность к слову, их поспешность и преткновения от поспешности во всяком деле, а еще более в учении о Боге. Но наложить запрет не главное, – это без труда сделает всякий, кто захочет, от человека же благочестивого и умного требуется, чтоб он заменил запрещаемое собственным рассуждением. Поэтому, в уповании на Святого Духа, Которого они не чтут и Которому мы поклоняемся, как некоторый благородный и зрелый плод, изведу на свет собственные свои мысли о Божестве, каковы бы он ни были. Я не молчал и в другое время; но напротив, на это одно и имел отважность и присутствие духа. Тем более осмелюсь теперь стать за истину, чтоб «сомнением», по суду Божию, как написано, не навлечь на себя «неблаговоления» ([Авв.2:4](#)). Поскольку же речь бывает двоякого рода, – ею или подтверждается собственное мнение, или опровергается мнение противное, то и я, предложив сперва собственное учение, попытаюсь потом опровергнуть учение противников; но в том и другом соблюду возможную краткость, чтоб все сказанное удобно было обнять одним взором (так как и они, к обольщению людей наиболее простых и скудоумных, сочинили слово под именем руководства) и чтоб длинные речи не рассеивали мысль, как воду, которая не заперта в трубе, но льется и растекается по равнине.

Три древнейших мнения о Боге: безначалие, многоначалие и единоначалие. Два первых были (и пусть остаются!) игрой ума сынов Эллинских. Ибо безначалие беспорядочно, а многоначалие возмутительно; вследствие же этого и безначально, и беспорядочно. То и другое ведет к одному концу – к беспорядку а беспорядок – к разрушению; потому что беспорядок есть упражнение в разрушении. Но мы чтим единоначалие; впрочем, не то единоначалие, которое определяется единством лица (и одно, если оно в раздор с самим собой, составит множество), но то, которое составляет равночестность единства, единогодушие воли, тождество движения и направления к единому Тех, Которые из Единого (что невозможно в естестве сотворенном), так что Они, хотя различаются по числу, но не разделяются по власти²¹⁸. Поэтому Единица, от начала подвигшаяся в двойственность, остановилась на троичности. И это у нас – Отец, и Сын, и Святой Дух. Отец – родитель и изводитель, рождающий и изводящий бесстрастно, вне времени и бестелесно; Сын – рожденное; Дух – изведенное, или, не знаю, как назвал бы это тот, кто отвлекает от всего

видимого. Ибо не дерзаем наименовать этого преизлиянием благодати, как осмелился назвать один из любомудрых эллинов, который, любомудрствуя о первом и втором Виновнике, ясно выразился: «как чаша льется через края»²¹⁹. Не дерзаем из опасения, чтоб не ввести произвольного рождения и как бы естественного и неудержимого исторжения, что всего менее сообразно с понятиями о Божестве. Посему, не выходя из данных нам пределов, вводим Нерожденного, Рожденного и «от Отца Исходящего», как говорит в одном месте Сам Бог – Слово ([Ин.15:26](#)).

«Но когда это «рождение» и «исхождение»?» – Прежде самого «когда». Если же надобно выразиться несколько смелее: тогда же, как и Отец. Но когда Отец? – Никогда не было, чтоб не был Отец. А также никогда, не было, чтоб не был Сын, и не был Дух Святой. Еще спросишь меня; и опять отвечу тебе. Когда родился Сын? – Когда не родился Отец. Когда исшел Дух? – Когда не исшел Сын, но родился вне времени и неизглаголанно, хотя не можем представить себе того, что выше времени, даже желая избегнуть выражений, означающих время, потому что слова «когда», «прежде», «после», «сперва» не исключают времени, как ни усиливаемся в этом; разве возьмем вечность, то есть продолжение, которое простирается наравне с вечным, а не делится на части и не измеряется никаким-либо движением, ни течением солнца, что свойственно времени.

«Но если Сын и Дух совечны Отцу; то почему же не собезначальны?» Потому что они от Отца, хотя не после Отца. Правда, что безначальное вечно; но вечному нет необходимости быть безначальным, как скоро возводится к Отцу, как к началу. Итак, Сын и Дух не безначальны относительно к Виновнику. Известно же, что Виновнику нет необходимости быть первоначальнее Тех, для Кого он Виновник; потому что и солнце не первоначальнее света. И вместе Сын и Дух безначальны, относительно ко времени, хотя ты и пугаешь этим людей простодушных. Ибо не под временем Те, от которых время.

«Каким же образом рождение бесстрастно?» – Таким, что оно не телесно. Ибо если телесное рождение страстно; то бестелесное – бесстрастно. Но и я спрошу у тебя: каким образом Сын есть Бог, если Он тварь? Ибо творимое – не Бог. Не говорю уже, что и в творении, если оно берется телесно, имеет место страдание, как-то: время, желание, образование, забота, надежда, скорбь, опасность, неудача, поправка; все это, и еще многое другое, как всякому известно, бывает при творении. Но дивлюсь, что ты не отваживаешься придумать каких-нибудь сочетаний, сроков чревоношения, опасностей преждевременного рождения и даже признать рождение невозможным, если бы Бог рождал иначе, или еще,

перечислив образы рождения у птиц на суше и на воде, подчинить которому-либо из этих рождений рождение Божеское и невысказанное или, вследствие нового своего предположения, вовсе уничтожить Сына? И ты не можешь приметить того, что Кто по плоти имеет отличное рождение (ибо где нашел ты по своим началам Богородицу деву?), для Того иное и духовное рождение. Лучше же сказать, Кто имеет не такое же бытие, Тот имеет и отличное рождение.

«Какой отец не начинал быть отцом?» – Тот, Которого бытие не начиналось. А у кого началось бытие, тот начал быть и отцом. Бог Отец не впоследствии стал Отцом, потому что не начинал быть Отцом. Он в собственном смысле Отец; потому что не есть вместе и Сын; равно как и Бог Сын в собственном смысле – Сын, потому что не есть вместе и Отец. Ибо у нас отцы и сыны не в собственном смысле, но каждый и отец, и сын, и не в большей мере отец, чем сын, и мы приходим не единственно от отца, но от отца, который вместе и сын, а потому и сами делимся, постепенно становимся людьми, но какими не желали бы и рождающие и рождаемые, так что у нас остаются одни отношения, лишенные действительности.

Но ты говоришь: «Сами слова: «родил» и «родился», что иное вводят, как не начало рождения?» Что ж, если не скажем: «родился», но: «рожден от начала», чтоб удобнее было избежать твоих тонких возражений, в которых ты везде отыскиваешь время? Ужели будешь обвинять нас, что перетолковываем сколько-нибудь Писание и истину? Но всякому можно видеть, что в выражениях, выражающих время, нередко ставятся времена одно вместо другого, особенно это употребительно в Божественном Писании, и не только в рассуждении времени прошедшего, или настоящего, но и будущего. Например, сказано: «зачем мятутся народы» ([Пс.2:1](#)), когда еще не метались; и еще: «через реку перешли стопами» ([Пс.65:5](#)), когда уже прошли. Продолжительно было бы перечислять все подобные выражения, которые замечены людьми трудолюбивыми.

Таково рассмотренное нами их возражение. Каково же следующее? Не до крайности ли привязчиво и бесстыдно? Они говорят: «Отец, восхотев ли, родил Сына, или не хотя?» Потом оба случая, как представляется им, завязывают в узел, впрочем не крепкий, но слабый, и продолжают: «Если не хотя, то по принуждению. Кто ж принудивший, и как принужденный – Бог? А если по хотению, то Сын есть сын хотения. Как же Он от Отца?» И вместо Отца выдумывают какую-то новую мать – хотение. У рассуждающих таким образом приятно слышать одно, а именно, что, отступившись от страдания, прибегают к воле; но воля уже не страдание.

Посмотрим же затем, как твердо их рассуждение. И всего лучше наперед сойтись с ними, как можно, ближе. Ты, который без затруднения говорит все, что захочется, сам от какого родился отца, от хотящего, или от нехотящего? Если от нехотящего; то ему сделано принуждение. Какое насилие! И кто ж принудивший его? Верно, не скажешь, что природа; ибо в природе – быть и целомудренным. А если от хотящего; то за несколько слогов пропал у тебя отец; ты стал сыном хотения, а не отца. Но перехожу к Богу и к тварям, и вопрос твой передаю на суд твоей мудрости. Бог сотворил мир по хотению, или принужденно? Если принужденно, то и здесь насилие и насильственно действующий. А если по хотению, то лишены Бога, как прочие твари, так больше всех ты, изобретатель таких умозаключений, вдающийся в подобные мудрования; потому что между тварями и Творцом становится преградой посредствующее хотение. Но думаю, что иное есть хотящий и иное – хотение, иное рождающий и иное – рождение, иное говорящий и иное – слово; если только мы в трезвом уме. Первый есть движущий, а последнее – род движения. Поэтому то, чего хотелось, не от хотения, потому что не всегда следует за хотением, и рожденное – не от рождения, и слышимое – не от произношения, но от хотящего, рождающего, говорящего. А что в Боге, то выше и этого всего. В Нем хотение рождать есть уже, может быть, само рождение, а не что-либо посредствующее; если только вполне дадим место хотению, а не скажем, что рождение выше хотения. Хочешь ли, сделаю применение к Богу Отцу? – у тебя заимствую такую дерзость. Отец – хотящий или нехотящий Бог? И как избежать обоюдного твоего довода! Если хотящий, то когда начал хотеть? Не прежде, чем существовать. Ибо прежде ничего не было. Или в Нем одно хотело, а другое определялось хотением; и потому состоит Он из частей. Не будет ли и Он, по-твоему, плодом хотения? А если не хотящий, что принудило Его быть (Богом)? И как Он – Бог, если принужден, и принужден не к иному чему, а к тому самому, чтобы быть Богом?

Спрашиваешь: «Как Сын рожден?» – Но как Он и сотворен, если, по-твоему, сотворен? И здесь затруднение тоже. Скажешь, может быть, что сотворен волей и словом. Но ты не все еще сказал, ибо остается договорить одно: откуда воля и слово имеют силу исполнения, потому что человек не так творит. Как же Сын рожден? – Не важно было бы Его рождение, если бы оно было удобопостижимо и для тебя, который не знает собственного своего рождения, или и постигает в нем нечто, но не многое и такое, что об этом стыдно и говорить, а потом почитает себя всезнающим. Тебе надобно приложить много труда, прежде чем откроешь законы отвердения, образования, явления на свет, союз души с телом, ума с душой, слова с

умом, движение, возрастание, претворение пищи в плоть, чувство, память, припамятование и прочее, из чего состоишь ты, а также прежде чем найдешь, что принадлежит обоим – душе и телу, что разделено между ними, и что они заимствуют друг у друга. Ибо в рождении положены основания всему тому, что усовершенствуется впоследствии. Скажи же, что это за основания? Но и после этого не любомудрствуй о рождении Бога, потому что это небезопасно. Ибо если знаешь свое рождение; то из этого не следует, что знаешь и Божие. А если не знаешь своего; то как тебе знать Божие? Ибо сколько Бог неудобопознаваем в сравнении с человеком, столько и горнее рождение непостижимее твоего рождения. Если же Сын не родился потому только, что для тебя это непостижимо, то кстати тебе исключить из ряда существ многое, чего ты не постигаешь, и притом прежде всего самого Бога. Ибо при всей своей дерзости, как ни отважно пускаешься в излишние исследования, ты не скажешь, что такое Бог. Отбрось свои течения, отделения, сечения и что еще представляешь о нетелесном естестве, как о теле, и тогда может быть, представишь нечто достойное Божия рождения. Как родился? – Опять с негодованием скажу то же: Божие рождение да почтено будет молчанием! Для тебя важно узнать и то, что Сын родился. А как? Не согласимся, чтоб это разумели и Ангелы, не только ты. Хочешь ли, объясню тебе, как родился? – Как ведают это родивший Отец и рожденный Сын. А что кроме этого, закрыто облаком и недоступно твоей близорукости.

«Существовавшего ли Сына родил Отец или несуществовавшего?» – Какое пустословие! Такой вопрос идет ко мне и к тебе, которые, хотя были чем-то, как Левий «в чреслах» Авраамовых ([Евр.7:10](#)), однако же родились, а потому составились некоторым образом из сущего и не сущего. Противное этому должно сказать о первобытном веществе, которое явным образом сотворено из не сущего, хотя некоторые и представляют его не начавшим бытия. Но здесь²²⁰ рождение сливается с бытием, и оно «от начала» ([1Ин.1:1](#)). А потому, где найдет себе место твой отовсюду обрывистый вопрос? Есть ли что старее этого «от начала», чтоб нам в этом старейшем положить бытие или небытие Сына? Ибо в обоих случаях уничтожится у нас «от начала»; если только, когда спросим и об Отце: из сущих Он или из не сущих? – и тебе не угрожает опасность согласиться, что или два Отца, один предсуществовавший, и другой существующий, или Отец терпит одно с Сыном, то есть Сам из не сущих, вследствие твоих ребяческих вопросов и этих построек из песка, которым не устоять и при слабом ветре. А я не принимаю ни того, ни другого²²¹, и говорю, что нелеп

вопрос, а не ответ труден. Если же тебе, по правилам твоей диалектики, кажется необходимым, во всяком случае одно из двух признавать истинным; то дай место и моему не важному вопросу: в чем время, – во времени или не во времени? Если во времени, то в каком? Что это за время сверх времени, и как содержит в себе время? А если не во времени; что за чрезмерная мудрость вводит невременное время? И в этом предложении: «я теперь лгу», уступи что-нибудь одно только, то есть признай его или истинным, или ложным (а того и другого вместе мы не уступим). Но это невозможно, ибо, по всей необходимости, или лгущий скажет правду, или говорящий правду солжет. Что ж удивительного, как здесь сходятся противоположности, так и там обоим положениям быть ложными? А таким образом, и мудрое твое окажется глупым. Но реши мне еще один загадочный вопрос. Находился ли ты сам при себе, когда рождался, находишься ли при себе и теперь, или и тогда не находился и теперь не находишься? Но если находился и находишься, то кто находящийся и при ком находится? Как один стал тем и другим?.. А если не находился и не находишься, то как отделяешься от самого себя? И какая причина этого разлучения? Скажешь: глупо и допытываться об одном, находится ли он при себе, или нет; так можно говорить о других, а не о себе. Так знай же, что еще глупее доискиваться о Рожденном «от начала», существовал ли Он, или не существовал до рождения. Ибо так можно говорить о вещах, разделенных временем!

Но ты говоришь: «Нерожденное и рожденное не одно и то же. А если так, то и Сын не одно с Отцом». Нужно ли говорить, что по этому умствованию явно отъемлетя божество у Сына или у Отца? Ибо если нерожденность есть сущность Божия, то рожденность уже не сущность; а если последняя есть сущность, то первая – не сущность. Кто оспорит это? Итак, новый богослов, выбирай которое угодно из двух нечестивых положений, если у тебя неперемнная мысль нечестивать. Потом и я спрошу, в каком смысле взяв нерожденное и рожденное называешь их нетождественными? Если в смысле несозданного и созданного, то и я согласен, ибо безначальное и созидаемое нетождественны по естеству. А если называешь нетождественными родившего и рожденного, то положение несправедливо, потому что они по всей необходимости тождественны. Само естество родителя и его порождения требуют, чтобы порождение по естеству было тождественно с родившим. Или еще так: в каком смысле берешь нерожденное и рожденное? Если подразумеваешь саму нерожденность и рожденность, то они не тождественны. А если тех, кому принадлежит нерожденность и рожденность, то почему же им не

быть тождественными? Глупость и мудрость не тождественны между собой, однако же бывают в одном человеке, и сущность ими не делится, но сами они делятся в той же сущности. Ужели и бессмертие, и непорочность, и неизменяемость составляют сущность Божию? Но если так; то в Боге сущностей много, а не одна, или Божество сложено из них; потому что не без сложения они в Боге, если только составляют сущности Его. Но этого не называют сущностью Божиею, потому что оно бывает принадлежностью и других существ. Сущность же Божия есть то, что единому Богу принадлежит и Ему свойственно. Правда, что нерожденность приписывать Единому Богу не согласились бы те, которые вводят и нерожденное вещество и нерожденную идею (а Манихейская тьма да не приближается и к мысли нашей!); впрочем, пусть она будет принадлежностью одного Бога. Что же скажешь об Адаме? Не он ли один – Божие создание? – Без сомнения так. Но он ли один – человек? – Нимало. Почему же? Потому что сотворение не единственный способ к произведению человека; и рожденное есть также человек. Подобно этому не одно нерожденное есть Бог, хотя нерожденность и принадлежит единому Отцу. Напротив, хотя ты и чрезмерный любитель нерожденности, допусти, что и Рожденное есть Бог; потому что и Оно от Бога. Кроме того, почему называешь сущностью Божиею не положение существующего, но отрицание не существующего? Ибо слово: «нерожденный» показывает только, что в Боге нет рождения, а не объясняет, что такое Он по естеству, не сказывает, что такое не имеющий рождения. Итак, что же есть сущность Божия? Твоему высокоумию – отвечать на это, потому что ты любопытствуешь о рождении. А для нас велико, если узнаем это и впоследствии, когда, по обетованию «Неложного» ([Тит.1:2](#)), рассеется в нас мгла и дебелисть. Об этом да помышляют, на это да надеются очистившиеся до такой степени. Мы же осмелимся сказать одно: если велико для Отца – ни от кого не происходит, то для Сына немаловажнее – происходить от такого Отца; потому что, как произошедший от Безвиновного, участвует Он в славе Безвиновного, но к этому присовокупляется и рождение, которое само по себе велико и достоечно для умов не вовсе пресмыкающихся по земле и оземленевших.

Но говорят: «Если Сын тождествен с Отцом по сущности, а Отец нерожден; то и Сын будет нерожден». – Это справедливо, если нерожденность есть сущность Божия. Тогда Сын будет новое смешение – рожденно-нерожденное. Но ежели эта разность не в самой сущности, то почему ты выдаешь свое умозаключение за твердое? Ужели и ты отец своему отцу, чтоб тебе, будучи тождественным с ним по сущности, ни в

чем не отставать от своего отца? Не очевидно ли лучше искать нам, что такое сущность Божия (если только найдем), оставляя непереходящими личные свойства? Еще и так можешь удостовериться, что нерожденность и Бог нетождественны. Если бы они были тождественны, то следовало бы, поскольку Бог есть Бог некоторых, и нерожденности быть нерожденностью некоторых, или, поскольку нерожденность не есть нерожденность некоторых, и Богу не быть Богом некоторых; потому что о совершенно тождественном и говорится подобно. Но нерожденность не есть нерожденность некоторых. Ибо чья она? А Бог есть Бог некоторых; потому что Он Бог всех. Следовательно, как же Богу и нерожденности быть тождественными? И еще: поскольку нерожденность и рожденность противоположны между собой, как обладание и лишение, то необходимо будет ввести и противоположные между собой сущности; а этого никто не допускает. Или еще поскольку обладание первоначальнее лишения, а лишением уничтожается обладание; то сущность Сына, вследствие твоих предположений, не только первоначальнее сущности Отца, но даже уничтожается ею.

Какой же есть еще у них неотразимый довод, к которому, может быть, прибегнут они в заключение всего? «Если Бог не перестал рождать, то рождение несовершенно. И когда Он перестанет? А если перестал; то, без сомнения, и начал». – Опять плотские говорят плотское. А я, как не говорю – вечно или не вечно рождается Сын, пока не вникну тщательнее в сказанное: «прежде всех холмов рождает Меня» ([Притч.8:25](#)), так не вижу необходимого следствия в доказательстве. Ибо если имеющее прекратиться, по словам их, началось, то не имеющее прекратиться, без сомнения, не начиналось. А потому, что скажут о душе или об ангельской природе? Если они начались, то и прекратятся. А если не прекратятся, то, как видно из их положения, и не начинались. Но они и начались и не прекратятся. Следовательно, несправедливо их положение, что имеющее прекратиться началось.

Наше учение таково: как для коня, вола, человека и для каждой вещи одного рода одно есть понятие, и что подходит под это понятие, о том оно скажется в собственном смысле, а что не подходит, о том или не скажется, или скажется несобственно, так одна есть Божия сущность, одно Божие естество, одно Божие именование (хотя имена и различаются вследствие различных некоторых умопредставлений), и что в собственном смысле именуется Богом, то действительно есть Бог; а равно, что по естеству есть Бог, то истинно именуется Богом; если только истина состоит у нас не в именах, а в вещах. Но они, как бы опасаясь, чтоб не все уже подвигнуть

против истины, когда бывают к тому принуждены разумом и свидетельствами, исповедуют Сына Богом, но Богом по соименности, то есть по участию в одном наименовании.

Когда же возражаем им: а что? ужели Сын не в собственном смысле Бог, подобно тому, как животное на картине не собственно животное? И как Он Бог, если не в собственном смысле Бог? – тогда они отвечают: что ж препятствует, чтоб одни и те же были и соименны, и именовались каждый в собственном смысле? При этом представляют в пример пса, живущего на суше, и пса морского, которые соименны, и именуется каждый псом в собственном смысле. Правда, что между соименными составляет некоторый «род» как подобное этому, так и иное что-нибудь, если оно, хотя и различно по естеству, впрочем, носит то же имя, и равно в нем участвует. Но там, подводя под одно наименование два естества, не утверждаешь ты, наилучший, чтоб одно было лучше другого, чтоб одно предшествовало, а другое в меньшей мере было тем, чем оно называется. С ними не сопрягается ничего такого, что делало бы это необходимым. Первый пес не больше, а второй не меньше первого есть пес, то есть и морской пес – живущего на суше, и обратно, живущий на суше – морского (да и почему, или на каком основании было бы это?); напротив, общее наименование имеют предметы равночестные и различные. Но здесь, с понятием о Боге сопрягая досточтимость и превосходство над всякой сущностью и естеством (что принадлежит единому Богу и составляет как бы естество Божества), а потом приписав это Отцу и отняв у Сына (через что ставишь Его ниже и уделяешь Ему второстепенное чествование и поклонение), хотя на словах придаешь Ему Богоподобие, на самом же деле отсекаешь у Него Божество, и от соименности, заключающей в себе равенство, со злым умыслом переходишь к соименности, которой связываются вещи неравные. А таким образом, по твоим умозаключениям, человек на картине и человек живой ближе изображают Божество, нежели представленные в пример псы. Или уступи Обоим как общение в наименовании, таки равночестность естеств, хотя и признаешь их различными; тогда уничтожатся у тебя псы, которых придумал ты в объяснение неравенства. Да и что пользы в соименности, если разделяемые тобой не будут иметь равночестности? Ибо не в доказательство равночестности, но в доказательство неравночестности прибегаешь ты к соименности и к псам. Можно ли больше этого изобличить в себе и противоречие с самим собой и противление Божеству?

Если же к сказанному нами: Отец больше Сына, как Виновник, присовокупив положение, но Виновник по естеству, выводят они

заключение: Отец больше Сына по естеству, то не знаю, самих ли себя больше обманывают они, или тех, к кому обращают слово. Ибо не безусловно все то, что скажется о чем-нибудь, должно быть сказуемым и подлежащего ему, но надобно различать о чем говорится, и что. Иначе, что препятствует и мне, сделав такое положение: Отец больше по естеству, и потом присовокупив, а что по естеству, то не всегда больше, и не всегда отец, вывести из этого заключение: большее не всегда больше, или отец не всегда отец. А если угодно, буду рассуждать так: Бог есть сущность, но сущность не всегда Бог, отсюда сам выведи заключение: Бог не всегда Бог. Но думаю, что это – ложное умозаключение, на учебном языке обыкновенно называемое от относительного к безусловному. Ибо когда даем им понятие о большинстве виновника по естеству, они вводят понятие о большинстве по естеству. Здесь то же, как если бы мы сказали: известный человек мертв, а они сделали бы наведение просто: человек мертв.

Но как умолчать нам о том, что не меньше предыдущего стоит быть упомянутым? Они говорят: Отец есть имя Божие по сущности или по действию; и в обоих случаях хотят завязать нас. Если скажем, что имя Божие по сущности; то с этим вместе допустим иносущее Сына; потому что сущность Божия одна, и ее, как говорят они, предвосхитил уже Отец. А если – имя по действию, то очевидно признаем Сына творением, а не рождением. Ибо где действующий, там непременно и произведение. И может ли сотворенное быть тождественно с Сотворившим? – скажут они с удивлением. – Весьма бы уважил и я сам ваше разделение, если бы необходимо было принять одно из двух. Но справедливее будет, избежав того и другого, сделать третье положение, а именно сказать вам, премудрые, что Отец есть имя Божие, не по сущности и не по действию, но по отношению, какое имеют Отец к Сыну, или Сын к Отцу. Ибо эти наименования, как у нас показывают близость и сродство, так и там означают соестественность Родившего с Рожденным.

Но пусть будет слово Отец, в угоду вам, означать и некоторую сущность, тогда, по общим понятиям и по силе этих наименований, Он введет с Собой и Сына, а не отчуждит Его. А если угодно, пусть будет именем по действию, и в этом случае не переспорите нас. Мы утверждаем, что это самое, то есть единосущее, и было действием Отца, или иначе понятие о таком действии заключало бы в себе нелепость.

Видишь ли, что мы избегаем ваших ухищрений, как ни хотелось вам одолеть нас? Но поскольку мы узнали уже, сколь непреодолимы твои умозаключения и ухищренные доводы, то посмотрим, какова крепость

твоих доказательств из слова Божия, если станешь убеждать нас и ими.

Ибо мы и познали, и проповедуем Божество Сына, руководствуясь великими и высокими словами. Какими же? Следующими: Бог, Слово, в начале, с началом начало («В начале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог» ([Ин.1:1](#)). И: «с Тобой начало» ([Пс.103:4](#)). И еще: «Кто от начала²²² ([Ис.41:2–4](#)). вызывает роды» ([Ис.41:4](#)). А также наименования: Сын едиnorodный («Едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» ([Ин.1:18](#)); Путь, истина, Жизнь, Свет («Я есть путь, истина и жизнь» ([Ин.14:6](#)); и еще: «Я свет миру» ([Ин.8:12](#))), Премудрость, Сила («Христос Божия сила и Божия премудрость» ([1Кор.1:24](#))), Сияние, Образ (χαρακτήρ, εἰκὼν), Печать («Сей будучи сияние славы и образ (χαρακτήρ) ипостаси Его» ([Евр.1:3](#)); и еще: «Образ (εἰκὼν) благодати» ([Прем.27:6](#)); и еще: «Отец на нем положил печать свою, Бог» ([Ин.6:27](#))); Господь, Царь, Сущий, Вседержитель («и Господь полил дождем огонь от Господа» ([Быт.19:24](#)); и еще: «жезл правоты, жезл царства Твоего» ([Пс.44:7](#)); и еще: «который есть и был и грядет, Вседержитель» ([Апок.1:8](#))) ясно приписываются Сыну, равно как и другие имеющие с этими одинаковую силу и принадлежащие к числу тех, из которых ни одно не есть приобретенное и впоследствии присвоенное Сыну или Духу, так же как и самому Отцу, потому что Он совершен не через приращение, и не было, когда бы Он был без Слова, не было, когда бы Он был не Отец, не было, когда бы Он был не истинен, или не премудр, или не всемогущ, или лишен жизни, или светлости, или благодати.

Перечисли же и ты в противоположность этим словам те, которые отыскивает твоя неблагодарность! Таковы суть: «Бог мой и Бог ваш» ([Ин.20:17](#)), «более» ([Ин.14:28](#)), «создал» ([Прит.8:22](#)), «сотворил» ([Деян.2:36](#)), «освятил» ([Ин.10:36](#)). А если угодно, и следующие: «раб» ([Ис.49:3](#)), «послушен» ([Фил.3:7](#)), «отдал» ([Ин.5:22, 10:29](#)), «навык» ([Евр.5:8](#)), «заповедал» ([Ин.14:31](#)), «послал» ([Ин.10:36, 17:3](#)), «не может от себя ничего творить» ([Ин.5:30](#)), или говорить ([Ин.12:49](#)), или судить ([Ин.12:47](#)), или даровать ([Мф.20:23](#)), или хотеть ([Мф.26:39](#)). А еще и те, в которых приписывается Сыну неведение ([Мк.13:32](#)), покорность ([1Кор.15:28](#)), молитва ([Лк.6:2](#)), вопрошение ([Ин.11:34](#)), преуспевание ([Лк.2:52](#)), совершение ([Евр.5:9](#)). Присовокупи, если хочешь, и больше этих унижительные выражения, например: спит ([Мф.8:24](#)), алчет ([Мф.4:7](#)), утруждается ([Ин.4:6](#)), плачет ([Ин.11:35](#)), находится в борении ([Лк.22:44](#)), укрывается ([Ин.8:59](#)). А может быть, обратишь ты в укоризну даже смерть и крест. Ибо не коснешься, как думаю, воскресения и вознесения; потому что в них найдется нечто и в нашу пользу. Но и кроме этого можешь

собрать многое, если захочешь ты себе составить соименного и сопричтенного Бога, когда у нас есть Бог, истинный и равночестный Отцу.

Если и каждое из этих выражений разбирать в отдельности, то не трудно будет объяснить тебе их в смысле благочестном, устранив все, что в Писаниях служит для тебя преткновением; ежели только действительно ты претыкаешься, а не с намерением толкуешь криво. Вообще же выражения более возвышенные относи к Божеству и к природе, которая выше страданий и тела, а выражения более унижительные – к Тому, Кто Сложен, за тебя истощил Себя и воплотился, а не хуже сказать, и очеловечился, потом же превознесен, чтоб ты, истребив в догматах своих все плотское и пресмыкающееся по земле, научился быть возвышеннее и восходить умом к Божеству, а не останавливаться на видимом, возносился к мысленному и знал, где речь об естестве Божиим и где об Его домостроительстве. Ибо было, когда этот, тобой ныне презираемый, был выше тебя. Ныне он человек, а был и несложен. Хотя пребыл и тем, чем был Он, однако же восприял и то, чем не был. Вначале был Он без причины; ибо что может быть причиной Бога? Но впоследствии начал бытие по причине, и причиной было – спасти тебя – ругателя, который презирает Божество за то, что Оно приняло на Себя твою грубость и посредством ума вступило в общение с плотью; и дольний человек стал Богом, после того как соединился с Богом и стал с Ним единым; потому что победило лучшее, дабы и мне быть Богом, поскольку Он стал человеком. Он родился; но и прежде был рожден, – родился от жены, но и от Девы, – родился человечески, рожден Божески; здесь без отца, но и там без матери; а все это есть знак Божества. Он носим был во чреве, но узнан Пророком, который сам был еще во чреве, и «выиграл» перед словом, для Которого получил бытие ([Лк.1:44](#)). Он повит был пеленами, но, воскресши, сложил с Себя гробные пелены. Положен был в яслях, но прославлен ангелами, указан звездой, почтен поклонением от волхвов. Как же ты находишь преткновение в видимом, не обращая внимания на умосозерцание? Он спасался бегством в Египет, но и все египетское обратил в бегство. Для иудеев «не имеет ни вида, ни величия» ([Ис.53:2](#)), но для Давида «прекраснее сынов человеческих» ([Пс.44:3](#)), но на горе молниеносен и светозарнее солнца, чем и тайноводствует к будущему. Он крещен как человек; но разрешил грехи как Бог; – крещен не потому, что Сам имел нужду в очищении, но чтоб освятить воды. Он был искушаем как человек, но победил как Бог, но повелевает «дерзать», как «Победивший мир» ([Ин.16:33](#)). Алкал, но напитал тысячи, но Сам ест хлеб жизни и небесный ([Ин.6:33,35](#)). Жаждал, но и возгласил: «если кто жаждет, иди ко Мне и

пей», но и обещал, что верующие источат воды живые ([Ин.7:39](#)). Утруждался, но Сам есть упокоение утруждающихся и обремененных ([Мф.11:28](#)). Его отягощал сон, но Он легок на море, но Он запрещает ветрам, но Он подьмет утопающего Петра. Дает дань, но из рыбы, но царствует над собирающими дани. Его называют Самарянином и имеющим беса, однако же Он спасает «шедшего из Иерусалима и попавшего к разбойникам» ([Лк.10:30](#)), однако же Он познается бесами, изгоняет бесов, посылает в бездну легион духов и видит вождя бесовского «как молнию спадшего» ([Лк.10:19](#)). В Него мечут камнями, но не могут взять Его. Он молится, но и внемлет молитвам. Плачет, но и прекращает плач. Спрашивает, где положен Лазарь, потому что был человек, но и воскрешает Лазаря, потому что был Бог. Он продается, и за самую низкую цену – за тридцать сребреников, но искупает мир, и высокой ценой – собственной Своею кровью. «Как овца веден был на заклание» ([Ис.53:7](#)), но Он – Слово, возвещаемое «гласом вопиющего в пустыне» ([Ис.40:3](#)). Был «мучим и изъязвлен» ([Ис.59:5](#)), но «исцеляет всякую болезнь и всякую немощь» ([Мф.4:23](#)). Возносится на древо и пригвождается; но восстанавливает нас деревом жизни, но спасает распятого с Ним разбойника, но омрачает все видимое. Напоивается уксусом, вкушает желчь, но кто же Он? – Претворивший воду в вино, истребитель горького вкушения, «сладость и весь желание» ([Песн.5:16](#)). Предаёт душу, но «имеет власть принять ее обратно» ([Ин.10:18](#)), но раздирается завеса, потому что горнее делается открытым, но распадаются камни, но восстают мертвые. Умирает, но животворит и разрушает смертью смерть. Погребается, но восстает. Нисходит в ад, но возводит из него души, но восходит в небеса, но придет судить живых и мертвых и подвергнуть истязанию подобные твоим слова. Если одни высказывания служат для тебя поводом к заблуждению, то другие да рассеют твое заблуждение!

Такой даем ответ говорящим загадочно – даем не охотно (потому что для верных неприятно пустословить и препираться словами – для них довольно и одного противника ([1Тим.5:14](#)), однако же даем по необходимости, для нападающих (потому что и лекарства существуют для болезней), чтоб узнали они, что не во всем они мудры и не неодолимы в своих излишних и упраздняющих Евангелие мудрованиях. Ибо когда, оставив веру, предпочитаем ей силу слова, и несомненность Духа уничтожим своими вопросами, а потом слово наше препобеждено будет величием предметов (это же необходимо последует, когда словом движет немощное орудие – наша мысль); тогда что бывает? – Немощь слова представляется нам недостаточностью самого таинства; и таким образом,

лепота слова обращается в уничтожение Креста, как рассуждает об этом и Павел ([1Кор.1:17](#)). Ибо восполнение нашего учения есть вера.

Но Ты, «объясняющий значения и разрешающий узлы» ([Дан.5:12](#)), наводящий и нас на разум, как сводить наросты насильственно вторгающихся учений, наиболее изменив их, сделай из хитрословов верными и из именуемых ныне – Христианами! К этому и убеждаем вас, об этом и «от имени Христова просим примиритесь с Богом» ([2Кор.5:20](#)), и «Духа не угашайте» ([1Сол.5:19](#)), лучше же сказать, да примирится с вами Христос, и хотя поздно, да воссияет вам Дух! Если же вы чрезмерно упорны, то по крайней мере для себя самих спасаем мы Троицу и спасаемся Троицею, пребывая «чистыми и непреткновенными» ([Флп.1:10](#)) до совершенного явления того, что для нас возжеленно, о самом Христе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

Слово 30

О богословии четвертое, о Боге Сыне второе

Ухищренные твои доводы и сплетения умозаключений достаточно поколебал я силой Духа, а также на возражения и противоположения из божественных Писаний (которыми святотатцы истины, скрадывая смысл написанного, склоняют на свою сторону многих и возмущают путь истины) дано уже мной общее решение, и решение, сколько сам себя уверяю, для благомыслящих не неясное, а именно те изречения Писания, которые более возвышенны и боголепны, приложил я к Божеству, а те, которые более низки и человекообразны, отнес к новому нас ради Адаму и к Богу, сделавшемуся страждущим в борьбе с грехом. Но, поспешая словом, не рассмотрел я каждого из таковых выражений в отдельности. Поскольку же ты, чтоб не увлечься толкованиями, имеющими вид вероятности, требуешь кратких решений и на эти выражения, то, для облегчения памяти разделив числами, подведу их под общий обзор.

Первое и особенно готовое у них изречение есть следующее: «Господь имел меня началом пути Своего прежде созданий Своих» ([Притч.8:22](#)). Как отвечать на это? Не станем ни обвинять Соломона, ни отвергать прежнего за последнее его падение, ни толковать, что здесь представлена говорящую Премудрость, то есть то ведение и тот художнический ум, по которым все сотворено. Ибо Писание часто олицетворяет многие даже и бездушные вещи, например, «море говорит» то и то ([Ис.23:4](#)), и «бездна говорит: не во мне она» ([Иов.28:14](#)); также «небеса» представлены «проповедующими славу» Божию ([Пс.18:1](#)), и мечу повелевается нечто ([Зах.13:7](#)), горы и холмы вопрошаются о причинах взыграния ([Пс.113:6](#)). Но не будем отвечать подобным этому образом, хотя некоторые прежде нас и выдавали это за нечто твердое. Напротив, положим, что это слова самого Спасителя – истинной Премудрости. И рассмотрим их несколько внимательнее. Какое из существ не имеет причины? Божество. Ибо никто не скажет нам причины Бога; иначе она была бы первоначальнее самого Бога. Но какая причина тому, что Бог ради нас приемлет человечество? – Та, чтоб все мы были спасены. Ибо какой быть иной причине? Итак, поскольку здесь находим и слово: «создал», и другое ясное выражение: «рождает меня» ([Притч.8:25](#)), то объяснение просто. Сказанное с присовокуплением причины припишем человечеству, а сказанное просто, без присовокупления причины, отнесем к Божеству. Но не слово ли: «создал» сказано с присовокуплением

причины? Ибо Соломон говорит: «создал меня началом путей Своих прежде созданий Своих. Дела рук Его – истина и суд» ([Пс.110:7](#)), для которых помазан Он Божеством, потому что это помазание относится к человечеству. Но слово «рождает меня» употреблено без присовокупления причины, иначе укажи, что к нему прибавлено. Итак, кто будет спорить, что Премудрость называется творением по рождению дольному, и рождаемой – по рождению первому и более непостижимому?

Из этого происходит и то, что Сыну дается наименование раба, «благослужащего многим» ([Ис.53:11](#)), и что Ему «велено назваться рабом Божиим» ([Ис.49:6](#)). Ибо действительно, для нашего освобождения послужил Он плоти, рождению, немощам нашим и всему, чем спас содержимых под грехом. А для низости человека что выше того, как соединиться с Богом, и через такое соединение стать Богом и столько быть посещенным «Востоком свыше» ([Лк.1:78](#)), чтоб и «рождаемое Святое нареклось Сыном» Божиим ([Лк.1:35](#)), и даровано было Ему «имя, выше всякого имени» (а это что иное, как не то же, что быть Богом?), чтоб «всякое колена преклонилось» ([Флп.2:9,10](#)). Истоцившему Себя за нас, и образ Божий Соединившему с образом раба, чтоб «знал весь дом Израилев, что и Господом и Христом Его Бог сделал» ([Деян.2:36](#))? Ибо это было как по действию Рожденного, так и по благоволению Родителя.

А что занимает второе место между важнейшими для них и непреоборимыми изречениями? – «Ибо надлежит Ему царствовать, доколе», и проч. ([1Кор.15:25](#)), «небо должно принять до времен совершения всего» ([Деян.3:21](#)) и сидеть «одесную» до покорения врагов ([Евр.1:13](#)). Что ж после того? Перестанет царствовать? Сойдет с небес? Кто ж, и по какой причине, положит конец Его царствованию? Какой ты дерзкий и не терпящий над собой царя толкователь! Впрочем, и ты знаешь, что «Царству Его не будет конца» ([Лк.1:33](#)). Но впадешь в заблуждение по незнанию, что слово «доколе», не всегда противопоставляется будущему времени, а напротив, означая время до известного предела, не исключает и последующего за этим пределом. Иначе (не говорю о другом чем) как будешь понимать слова: буду с вами «до скончания века» ([Мф.28:20](#))? Ужели так, что после этого не будет Он с нами? Что за рассуждение! Но ты грессишь не от одного этого незнания, но и от того, что не различаешь значений. Сын именуется царствующим, – в одном смысле как Вседержитель и Царь хотящих и нехотящих, а в другом, как приводящий нас к покорности и подчинивший Своему Царствию тех, которые добровольно признают Его Царем. И царствию Его, если понимать его в первом значении, не будет конца, а если понимать во втором, будет ли

какой конец? – Тот, что нас спасенных примет под руку Свою (ибо покорившихся нужно ли еще приводить к покорности?), а потом восстанет «Судией земли» ([Пс.93:3](#)) и отделит спасаемое от погибающего, потом станет Бог посреди богов спасенных, чтоб рассудить и определить, кто такой достоин славы и обители. Присовокупи к этому и ту покорность, какой ты покоряешь Сына Отцу! Что говоришь? Разве Сын не покорен теперь? Но, будучи с Богом, Он совершенно должен покорствоваться Богу. Или о каком разбойнике и противнике Божиим слово у тебя? Напротив, прими во внимание следующее. Как за меня назван «клятвой» ([Гал.3:13](#)). Разрешающий мной клятву, и «грехом» ([2Кор.5:21](#)). «Берущий грех мира» ([Ин.1:29](#)), и Адам из ветхого делается новым, так и мою непокорность, как Глава целого тела, делает Он Своею непокорностью. Поэтому пока я непокорен и мятежен своими страстями и тем, что отрекаюсь от Бога, до тех пор и Христос, единственно по мне, называется непокорным. А когда все будет покорено Ему (покорится же, поскольку познает Его и переменится), тогда и Он, приведя меня спасенного, исполнил Свою покорность. Ибо в этом именно, по моему, по крайней мере, рассуждению, состоит покорность Христова – в исполнении воли Отчей. Покоряет же и Сын Отцу, и Отец Сыну, поскольку Один действует, и Другой благоволит (как сказано мной прежде). И таким образом, Покоривший представляет покоренное Богу, усвая Себе нашу покорность.

Такое же, кажется мне, значение имеют слова: «Боже, Боже мой, внемли Мне, для чего ты оставил Меня» ([Пс.21:1](#))? Ибо не Сам Он оставлен или Отцом, или собственным Божеством, Которое (как думают некоторые) убоялось будто бы страдания, и потому скрылось от страждущего (кто принудил Его или вначале родиться на земле, или взойти на крест?), но (как говорил уже я) в лице Своем изображает нас. Мы были прежде оставлены и презренны, а ныне восприняты и спасены страданиями Бесстрастного. Подобно этому усваивает Он Себе и наше неразумие, и нашу греховность, как видно из продолжения псалма, потому что двадцать первый псалом явно относится ко Христу.

Под тот же взгляд подходит и то, что Он «навык послушанию», а также Его «воплъ, слезы, молитва услышаны были за Свое благоговение» ([Евр.5:7–8](#)), – все это совершается и чудесным образом присовокупляется от нашего лица. Сам Он, как Слово, не был ни послушлив, ни непослушлив (так как то и другое свойственно подчиненным и второстепенным, и одно добронравным, а другое достойным наказания), но, как образ «раба» ([Фил.2:7](#)), снисходит к сорабам и рабам, приемлет на Себя чужое подобие, представляя в Себе всего меня и все мое, чтоб

истощить в Себе мое худшее, подобно тому, как огонь истребляет воск, или солнце – земной пар, и чтоб мне, через соединение с Ним, приобщиться свойственного Ему. Поэтому собственным Своим примером возвышает Он цену послушания и испытывает его в страдании, потому что недостаточно бывает одного расположения, как недостаточно бывает и нам, если не сопровождаем его делами, ибо дело служит доказательством расположения. Но, может быть, не хуже предположить и то, что Он подвергает испытанию наше послушание и все измеряет Своими страданиями, водясь искусством Своего человеколюбия, дабы на собственном опыте узнать, что для нас возможно, и сколько должно с нас взыскивать, и нам извинять, если при страданиях принята будет во внимание и немощь. Ибо ежели и «Свет», который по причине покрова²²³ «светит во тьме» ([Ин.1:5](#)), то есть в этой жизни, гоним был другой тьмой (имею в виду лукавого и искусителя), то тем более потерпит это из-за своей немощи тьма²²⁴. И что удивительного, ежели мы, когда Свет совершенно избежал, бываем несколько настигаемы? По правому об этом рассуждению, для Него больше значит быть гонимым, нежели для нас – быть настигнутыми. Присовокуплю к сказанному еще одно место, которое приходит мне на память и очевидно ведет к той же мысли, а именно: «как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» ([Евр.2:18](#)).

Будет же Бог «каждый в своем порядке» ([1Кор.15:23](#)) во время «совершения» ([Деян.3:21](#)), то есть не один Отец, совершенно разрешивший в Себя Сына, как свечу, которая извлечена на время из большого костра, а потом опять в него вложена (савеллиане не соблазнят нас таким изречением), но всецелый Бог, притом когда и мы, которые теперь, по своим движениям и страстям, или вовсе не имеем в себе Бога, или мало имеем, перестанем быть многим, но сделаемся всецело богоподобными, вмещающими в себе всецелого Бога и Его единого. Вот то совершенство, к которому мы спешим! И о нем-то особенно намекает сам Павел. Ибо что говорит он здесь неопределенно о Боге, то в другом месте ясно присваивает Христу В каких же словах? – «Где нет Еллина, ни Иудея, ни обрезания и ни необрезания, варвара и Скифа, раба и свободного, но все и во всем Христос» ([Кол.3:11](#)).

В третьем месте поставь выражение: «больше» ([Ин.14:23](#)), и в четвертом: «Богу Моему и Богу вашему» ([Ин.20:17](#)).

Если бы сказано было «больше», но не сказано «равен» ([Ин.5:18–21](#)), то это выражение имело бы, может быть, у них некоторую силу. Когда же

находим то и другое сказанным ясно, что возразят эти неустрашимые? Чем подкрепятся? Как согласят несоглашаемое? Ибо невозможно, чтоб одно и то же в рассуждении одного и того же и в одинаковом отношении было и больше и равно. Не явно ли, что Отец больше Сына по виновности и равен по естеству? А это и исповедуем мы весьма здравомысленно. Разве иной, подвизаясь еще крепче за наше учение, присовокупит имеющее бытие от такой Вины не меньше Безвиновного, ибо что от Безначального, то причастно славы Безначального, а к этому присовокупляется и рождение, которое, для имеющих ум, само по себе важно и досточтимо. Но мысль, что Отец больше Сына, рассматриваемого по человечеству, хотя справедлива, однако же маловажна. Ибо что удивительного, если Бог больше человека?

Таков наш ответ да будет тем, которые много кричат о слове «больше», о слове же «Бог» скажем: Отец называется Богом не Слова, но видимого (ибо как быть Богом Того, Кто в собственном смысле Бог?), равно как и Отцом не видимого, но Слова. Ибо во Христе два естества; а потому в отношении к обоим естествам имена Бог и Отец употребляются частью собственно, частью же не собственно, и противоположно тому, как говорится это о нас; потому что Бог есть наш Бог собственно, но Отец наш – не собственно. И это-то само, то есть сочетание имен, и притом имен, из которых одни другими заменяются по причине соединения естеств, вводит в заблуждение еретиков. А доказательством такой замены служит то, что когда естества различаются в понятиях, тогда разделяются и имена. Послушай, как говорит Павел: «да Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы» ([Еф.1:17](#)). Бог Христа, а славы Отец, хотя то и другое одно, но не по естеству, а по совокупности их. Что может быть яснее этого?

В-пятых, считай выражения, по которым Сын приемлет жизнь или суд ([Ин.5:26–27](#)), или наследие народов ([Пс.2:8](#)), или власть над «всякой плотью», или славу, или учеников ([Ин.17:2, 6,22](#)), или тому подобное. И это относится к человечеству. А если припишешь и Богу, не будет несообразности, потому что припишешь не как приобретенное, но как от начала принадлежавшее, и притом по естеству, а не по благодати.

В-шестых, положи выражение: «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего» ([Ин.4:19](#)). В рассуждении должно заметить, что слова «может» и «не может» не в одном смысле употребляются, но многозначны. Иное называется невозможным по недостатку сил в известное время и на известное действие; например, ребенок не может бороться, щенок – видеть или драться с таким-то, но со временем будет, может быть, и бороться, и видеть, и драться с таким-то,

хотя с другим драться и тогда останется для него невозможным. Иное бывает невозможным в большей части случаев, например, «не может укрыться город, стоящий наверху горы» ([Мф.5:14](#)). Но в ином случае мог бы он и укрыться, если бы загроможден был большею горой. Иное невозможно по несообразности, например, «могут ли поститься сыны чертога брачного, пока» в доме «жених» ([Мф.9:15](#), [Мк.2:19](#)), или телесно видимый Жених (ибо в Его присутствие время не злостраданий, но веселья), или умосозерцаемое Слово (ибо должны ли телесно поститься очищенным Словом?). Иное невозможно по недостатку воли, например, «не мог там» сотворить знамений «из-за неверия» приемлющих ([Мк.11:5–6](#)). Поскольку при исцелениях нужны и вера врачующих и сила врачующего, то по недостатку одного делалось невозможным и другое. Но не знаю, не причислить ли и это к невозможному по несообразности? Ибо несообразно было бы исцелить поврежденных неверием. Невозможность по недостатку воли выражается также в словах: не «может мир ненавидеть вас» ([Ин.7:7](#)) и: «как вы можете говорить добро, будучи злы» ([Мф.12:34](#))? Ибо почему было бы невозможно то или другое, если не потому, что нет на это воли? А иногда называется невозможным и то, что, хотя невозможно по природе, однако же могло бы стать возможным по воле Божией, например, невозможно тому же человеку «родиться в другой раз» ([Ин.3:4](#)), и невозможна игла, принимающая в себя верблюда ([Мф.19:24](#)). Ибо что препятствовало бы и этому быть, если бы стало то угодно Богу? Но вне всех этих невозможностей совершенно невозможное и несбыточное; и оно-то составляет предмет настоящего изыскания. Как признаем невозможным, чтоб Бог был зол или не существовал (это показывало бы в Боге бессилие, а не силу), или чтоб существовало не существующее, или чтоб дважды два было вместе и четыре и десять; так невозможно, и ни с чем не совместимо, чтоб Сын творил что-либо такое, чего не творит Отец. Ибо все, что имеет Отец, принадлежит Сыну; как и наоборот, принадлежащее Сыну принадлежит Отцу. Итак, ничего нет собственного; потому что все общее. И само бытие у Них общее и равночестное, хотя бытие Сына и от Отца. Потому и говорится: «Я живу Отцом» ([Ин.6:57](#)), не в том смысле, что жизнь и бытие Сына поддерживаются от Отца, но в том, что Сын от Отца существует до времени и безвиновно. Что же значат слова: как видит творящего Отца, так и творит? Ужели и здесь то же, что видим в списывающих картины или письма, которые не иначе могут написать верно, как смотря на подлинник и им руководствуясь? Возможно ли Премудрости иметь нужду в Учителе, или то одно и делать, чему научена? Как же творит или творил Отец? Ужели Он создал другой мир

прежде настоящего, и создаст будущий, а Сын, смотря на них, как настоящий создал, так и будущий создаст? Итак, по этому рассуждению четыре мира: два – творение Отца и два – творение Сына. Какое неразумие! Но Сын очищает проказы, освобождает от бесов и болезней, животворит мертвых, ходит по морю и совершает все прочее, что им сотворено; над кем же и когда совершал это прежде Сына Отец? Не явно ли, что одни и те же дела Отец предназначает, а Слово приводит в исполнение, не рабски и слепо, но с ведением и владычественно, точнее же сказать, отечески. Так понимаю я слова: что сотворено бывает Отцом, «это и Сын творит также», не в подражание сотворенному, но по равночестию власти. И это означается, может быть, словами: «донуине и Отец делает, и Сын» ([Ин.5:17](#)), в которых, впрочем, разумеется не одно сотворение, но также домостроительство и сохранение сотворенного; как видно из слов: «творит ангелами Своими духов» и ставит «землю на твердых основах» ([Пс.103:4-5](#)), тогда как земля водружена и ангелы сотворены однажды; также образует «горы» и творит «ветер» ([Ам.4:13](#)), тогда как закон для них дан однажды, действие же и ныне постоянно продолжается.

В-седьмых, считай выражение, что Сын сошел с «небес не для того, чтобы творить волю Свою», но «волю Пославшего» ([Ин.6:18](#)). Если бы это сказано было не самим Снизшедшим, то мы ответили бы, что слова эти произнесены от лица человека, не какого разумеем мы в Спасителе (Его хотение как всецело обоготворенное не противно Богу), но подобного нам, потому что человеческая воля не всегда следует, но весьма часто противоречит и противоборствует воле Божией. Ибо так понимаем и слова: «Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу», но да превозможет воля Твоя ([Мф.36:39](#)); да и невероятно, чтоб Христос не знал, что возможно и что нет, и чтоб стал противопологать одну волю другой. Но поскольку это речь Воспринявшего (что значит слово: «снизшедший»), а не воспринятого, то дадим следующий ответ: это говорится не потому, что собственная воля Сына действительно есть отличная от воли Отца, но потому, что нет такой воли, и смысл, заключающийся в словах, таков: «не да творю волю Мою, потому что у Меня нет воли, отдельной от Твоей воли, но есть только воля общая и Мне и Тебе. Как Божество у Нас одно, так и воля одна». Ибо много таких выражений, в которых говорится вообще, и не утвердительно, но отрицательно. Например: «ибо не мерою дает Бог Духа» ([Ин.3:34](#)), между тем как ни Бог не дает, ни Дух неизмеряем, потому что Бог не измеряется Богом. И еще: «не за грех мой, не за преступление мое» ([Пс.58:4](#)), тогда

как речь не о действительном грехе, но о таком, которого нет. Также: «уповая не на праведность нашу» ([Дан.9:18](#)), то есть потому, что мы не сотворили правды. То же самое открывается и из последующего. Ибо что называется волею Отца? – «что всякий верующий в Сына» спасен будет и сподобится последнего воскресения ([Ин.6:40](#)). Ужели же на это есть воля Отца, а воли Сына нет? Или и то не по воле Сына, что о Нем благовествуют или в Него веруют? Но кто этому поверит? Иначе такую же имеем силу и то, что слово, слышимое от Сына, «не есть» слово Сына, но Отца ([Ин.14:24](#)). Но с какой стороны ни смотрю, не могу найти, а думаю не найдет и другой кто, каким бы образом общее было собственностью кого-либо одного. Если так будешь рассуждать о воле, то рассуждение твое будет правильно и весьма благочестиво, в чем я уверяю и что подтвердит всякий благомыслящий.

В-восьмых, представляют они изречения: «да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного тобою Иисуса Христа» ([Ин.17:3](#)). И: «никто не благ, как только один Бог» ([Лк.18:19](#)). Но мне кажется, что весьма легко дать на это решение. Ибо если слова: «единого истинного»«, приложить к Отцу, то какое дашь место самосущей Истине? А если таким же образом понимать будешь слова: «единому премудрому Богу» ([1Тим.1:17](#)), «единому» имеющему «бессмертие, во свете» живущему «неприступном» ([1Тим.6:16](#)); «царю веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу» ([1Тим.1:17](#)); то погибнет у тебя Сын, осужденный на смерть, или на тьму, или на то, чтоб не быть ни премудрым, ни царем, ни невидимым, ни, что главнее всего, вовсе Богом. А вместе с прочим, как ни утратить Ему и благодати, которая преимущественно принадлежит единому Богу? Но думаю, что слова: «единого истинного Бога»«, сказаны в отличие от богов несуществующих, но нарицаемых богами. Ибо не было бы присовокуплено: «и посланного тобою Иисуса Христа», если бы выражение: «истинного Бога», противопоставилось Христу, а не вообще шла речь о Божестве. Слова же «никто не благ» заключают в себе ответ вопрошающему законнику, который признавал благодать во Христе, как в человеке. Он говорит, что добро в высочайшей степени принадлежит единому Богу, хотя и человек называется добрым, например: «добрый человек из доброго сокровища выносит доброе» ([Мф.12:35](#)). И: «дал царство лучшему» (τῷ ἀγαθῷ) «тебя» ([1Цар.15:28](#)), говорит Бог Саулу, имея в виду Давида. Также: «Благотвори, Господи, добрым» ([Пс.124:4](#)). Сюда же относятся места, где похвалены те из нас, до которых достигли потоки первого Блага, хотя и не непосредственно. Итак, если я убедил тебя, то хорошо, а если нет, что скажешь, по своим предположениям, в ответ

утверждающим, что в других местах Писания Сын называется единым Богом! А где именно? – В следующих словах: «Сей есть Бог» твой, «и никто другой не сравнится с ним», и вскоре потом: «после Он явился на земле и обращался между людьми» ([Вар.3:36, 38](#)). Что это сказано не об Отце, а о Сыне, это доказывает последнее добавление. Ибо Сын общался с нами телесно и пребывал с дольными. Если же одержит верх та мысль, что это сказано не против мнимых богов, а против Отца, то в рассуждении Отца будем побеждены тем самым, что старались противопоставить Сыну. Но что может быть бедственнее и вреднее того, как уступить над собой такую победу?

В-девятых, указывают следующее выражение: «будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать» о нас ([Евр.7:25](#)). Что ж? И весьма таинственно, и весьма человеколюбиво! Ибо ходатайствовать значит здесь не отмщения искать, по обычаю многих ходатаев (что было бы некоторым образом унижительно), но молить за нас, в качестве посредника, как и о Духе говорится, что он ходатайствует о нас ([Рим.8:26](#)). «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» ([1Тим.2:5](#)). Ибо Он, как человек (потому что еще с телом, какое воспринял), и ныне молится о моем спасении, пока не сделает меня богом, силой Своего человечества, хотя «мы не знаем» Его «по плоти» ([2Кор.5:16](#)), – понимаю под этим плотские немощи и все наше, кроме греха. Так и «ходатая имеем Иисуса» ([1Ин.2:1](#)) не в том смысле, что Он унижается за нас перед Отцом, и рабски припадает (да будет далека от нас такая подлинно рабская и недостойная Духа мысль! Не свойственно и Отцу этого требовать, и Сыну терпеть это, да и несправедливо думать так о Боге), но в том, что, пострадав за нас как человек, убеждает этим нас к терпению как Слово и Советник. Это понимаю я под именем ходатайства (*παράκλησις*).

В-десятых, ставится у них неведение, и то, что никто не знает последнего дня или часа, ни сам Сын, только Отец ([Мк.13:32](#)). Но как чего-либо из сущих не знать Премудрости, Творцу веков, Совершителю и Обновителю, Тому, Кто есть конец всего сотворенного, и так же знает Божие, как дух человека знает «живущего в нем» ([1Кор.2:11](#))? Ибо что совершеннее такого знания? Да и как Сыну, Который подробно знает, что будет перед последним часом, и как бы во время конца, не знать самого конца? Это походило бы на загадку и равнялось тому, как если бы сказать о ком, что он подробно знает находящееся перед стеной, но не знает самой стены, или хорошо знает конец дня, но не знает начала ночи, хотя знание об одном необходимо влечет за собой знание о другом. Ибо для всякого

явно, что Сын знает, как Бог, приписывает же Себе незнание, как человек, поскольку только видимое может быть отделяемо от умопредставляемого. Такую мысль подает и то, что наименование Сына поставлено здесь отрешенно и безотносительно, то есть без присовокупления: чей Он Сын, чтоб понимали мы это неведение в смысле более сообразном с благочестием, и приписывали его человечеству, а не Божеству. Итак, если достаточно этого объяснения, остановимся на нем и не будем входить в дальнейшие исследования, а если нет, представим и второе толкование. Как все прочее, так и ведение важнейших тайн относи к Причине из уважения к Родителю. Но мне кажется, что и тот составил себе не низкое понятие, кто, с одним из наших любословов, стал бы читать это место так: и Сын не по иному чему знает день или час, как потому, что знает Отец. Ибо какое из этого заключение? Поскольку знает Отец, а поэтому знает и Сын, то явно что ни для кого это неизвестно и непостижимо, кроме первой Причины.

Оставалось бы объяснить нам те места, в которых говорится, что Сыну заповедано ([Ин.14:3](#)), что им соблюдены заповеди ([Ин.15:10](#)), что Сын «всегда делает что» Отцу «угодно» ([Ин.8:24](#)), также те, в которых приписывается Сыну совершение ([Евр.5:9](#)), вознесение ([Деян.2:33](#)), навыковение «страданиями, послушанию» ([Евр.5:8](#)), первосвященство ([Евр.9:4](#)), «приношение» ([Еф.5:2](#)), «моление к Могущему спасти Его от смерти» ([Евр.6:7](#)), борение, кровавый пот ([Лк.22:44](#)), молитва, и другое тому подобное; оставалось бы, говорю, объяснить такие места, если бы не было очевидно для всякого, что выражения эти относятся к естеству, которое подлежит страданиям, а не к естеству, которое неизменяемо и выше страдания. И как о противоположных выражениях сказано столько, что может это служить некоторым корнем и указанием для имеющих более искусства обработать предмет совершеннее; так, может быть, стоит труда и сообразно со сказанным до сих пор, не оставить без рассмотрения наименования Сына (которые и многочисленны и взяты от различных умопредставлений о Сыне), но объяснить значение каждого и открыть тайну имен. Начать же это должно со следующего.

Божество именуемо. Не один разум показывает это, но, насколько можно догадываться, мудрейшие и древнейшие из евреев. Ибо те, которые почтили Божество особенными начертаниями и не потерпели, чтоб теми же буквами были писаны и имя Божие и имена тварей, которые ниже Бога, дабы Божество даже и в этом с ними было не сообщимо, могли ли когда решиться рассеивающимся голосом произнести имя естества неразрушаемого и единственного? Как никто и никогда не вдыхал в себя

всего воздуха; так ни ум не вмещал совершенно, ни голос ни обнимал Божией сущности. Напротив, к изображению Бога заимствуя некоторые черты из того, что окрест Бога, составляем мы какое-то неясное и слабое, по частям собранное из того и другого, представление, и лучший у нас Богослов не тот, кто все нашел (эти узы²²⁵ не вместят в себя всего!), но тот, чье представление обширнее, и кто образовал в себе более полное подобие или оттенок (или, как бы ни назвать это) истины. Поэтому, сколько для нас удобопостижимо, наименования «Сущий» и Бог суть некоторым образом наименования сущности, особенно же таково имя «Сущий», не потому только, что Вещавший Моисею на горе, когда вопрошен был об имени, как именовать Его, Сам нарек Себе имя это, и повелел сказать народу: «Сущий послал меня» ([Исх.3:14](#)), но и потому, что наименование это находим наиболее свойственным Богу. Ибо имя Θεός (Бог), которое искусные в корнесловии производят от θέειν (бежать) или αθεειν (жечь), по причине приснодвижимости и силы истреблять худое (почему Бог именуется и огнем истребляющим ([Втор.4:24](#)), есть имя относительное, а не отрешенное, подобно как и имя «Господь», которое также принадлежит к наименованиям Божиим. Ибо сказано: «Я Господь, – Мое имя» ([Ис.42:8](#)); также: «Господь имя Ему» ([Ам.4:13](#)). Но мы ищем имя, которым бы выражалось естество Божие, или самобытность, и бытие, ни с чем другим не связанное. А имя «Сущий» действительно принадлежит собственно Богу и всецело Ему одному, а не кому-либо прежде и после Него, потому что и не было и не будет чем-либо ограничено или пресечено. Что касается других имен Божиих, то некоторые очевидным образом означают власть, а другие домостроительство, и последнее, частью до воплощения, частью после воплощения. Например: «Вседержитель» и «Царь» или «славы» ([Ис.23:10](#)), или «веков» ([1Тим.1:17](#)), или «сил», или «возлюбленного» ([Пс.67:13](#)), или «царствующих» ([1Тим.6:15](#)), и «Господь Саваоф», или, что тоже «Господь воинств» ([Ис.3:15](#))²²⁶, или «сил» ([Ам.6:8](#)), или «господствующих» ([1Тим.6:15](#)), – явным образом суть имена власти. А: «Бог еже спасати» ([Пс.67:21](#)), Бог или «отмщений» ([Пс.93:1](#)), или «мира» ([Рим.10:20](#)), или «правды» ([Пс.4:2](#)), Бог «Авраама, Исаака, Иакова» ([Исх.3:6](#)) и всего духовного Израиля, который видит Бога, – суть имена домостроительства. Поскольку нами управлять можно посредством страха наказаний, надежды спасения, а также славы, и через упражнение в добродетелях; то отсюда заимствованы предыдущие имена, и имя Бога отмщений назидает в нас страх, имя Бога спасений – надежду, и имя Бога добродетелей –

подвижничество, чтоб преуспевающий в чем-либо из сказанного, как бы нося в себе Бога, тем более спешил к совершенству и сближению с Богом посредством добродетелей. Сверх того, имена эти суть общие наименования Божества; собственное же имя Безначального есть Отец, безначально Рожденного – Сын и нерожденно Исшедшего или Исходящего – Дух Святой.

Но перейдем к именованиям Сына, о которых и предположено говорить в слове. Мне кажется, что Он именуется:

«Сыном», потому что он тождествен с Отцом по сущности, и не только тождествен, но и от Отца.

«Единородным» ([Ин.1:18](#)), потому что Он не только Единый из Единого и единственно-Единый, но и единственным образом, а не как тела.

«Словом» ([Ин.1:1](#)), потому что Он так относится к Отцу, как слово к уму, не только по бесстрастному рождению, но и по соединению с Отцом, и потому, что изъявляет Его. А иной сказал бы, может быть, что относится к Отцу, как определение к определяемому; потому что и определение называется словом. Ибо сказано, что познавший (таково значение слова «видевший», [Ин.14:9](#)) Сына познал Отца, и Сын есть сокращенное и удобное выражение Отчего естества, так как и всякое порождение есть безмолвное слово родившего. Но не погрешит в слове, кто скажет, что Сын именуется Словом, так соприсущий всему сущему. Ибо что стоит не Словом?

«Премудростью» ([1Кор.1:25](#)), как ведение Божеских и человеческих дел. Ибо Сотворившему возможно ли не знать законов сотворенного им?

«Силой» ([1Кор.1:25](#)), как Охранитель тварей и Податель сил к продолжению бытия.

«Истиной» ([Ин.14:6](#)), как единое, а не множественное, по естеству (ибо истинное единственно, а ложь многочисленна), как чистая печать и нелживейший образ Отца.

«Образом» ([2Кор.4:4](#)), как Единосущный, и потому что Он от Отца, а не Отец от Него, ибо сама природа образа состоит в том, чтоб быть подражанием первообразу и тому, чьим называется он образом. Впрочем, здесь более обыкновенного образа. Ибо там и недвижимое бывает образом движимого; а здесь живого Бога – живой Образ, более имеющий с Ним сходства, нежели Сиф с Адамом и всякое порождение – с родившим. Ибо такова природа существ простых, что они не могут в одном сходствовать, а в другом не сходствовать, напротив, целое бывает изображением целого, и притом более похожим, нежели слепок.

«Светом» ([Ин.8:12](#)), как светлость душ, очищенных в уме и жизни. Ибо если неведение и грех – тьма, то ведение и жизнь Божественная – свет.

«Жизнью» ([Ин.14:6](#)), потому что Он свет, опора и осуществление всякой разумной природы. О «нем бо живем и движемся и есмы» ([Деян.17:28](#)), по двоякой силе вдохновения, – и по дыханию жизни, которое вдохнул Он во всех, и по Духу Святому, Которого дает вмещающим и по мере того, как отверзаем уста разумения.

«Правдой» ([1Кор.1:30](#)), потому что разделяет по достоинству, правдиво судит и тех, которые под Законом, и тех, которые под Благодатию, и душу и тело, чтоб одна начальствовала, а другое состояло под начальством, чтоб лучшее владычествовало над худшим, а худшее не восставало против лучшего.

«Освящением» ([1Кор.1:30](#)), как чистота, чтобы Чистое вмещалось было чистотой.

«Искуплением» ([1Кор.1:30](#)), как освобождающий нас содержимых под грехом, как давший Себя за нас в искупление, в очистительную жертву за Вселенную.

«Воскресением» ([Ин.11:25](#)), как переселяющий нас отсюда и умерщвленных грехом вводящий в жизнь.

Эти имена принадлежат еще вообще и Сущему выше нас и Сущему ради нас, собственно же нам свойственные и принадлежащие воспринятому им человечеству суть следующие:

«Человек» ([1Тим.2:5](#)), чтоб Невместимый иначе для телесного, по причине необъемности естества, не только сделался вместимым через тело; но и освятил Собой человека, сделавшись как бы закваской для целого смешения, всего человека освободил от осуждения, соединив с Собой осужденное, став за всех всем, что составляет нас, кроме греха, – телом, душою, умом, – всем, что проникла смерть. А общее из всего этого есть человек, по умосозерцаемому видимый Бог.

«Сын Человеческий» ([Ин.3:18](#)) и через Адама, и через Деву, от которых родился (от одного, как от Праотца, от другой, как от Матери) и по закону и сверх законов рождения.

«Христос», по Божеству, ибо само помазание освящает человечество не действием своим, как в других помазанниках, но всецелым присутствием Помазующего. И следствием этого помазания то, что Помазующий именуется человеком, а помазуемое делается Богом.

«Путь» ([Ин.14:6](#)), как через Себя ведущий нас.

«Дверь» ([Ин.10:9](#)), как вводитель.

«Пастырь» ([Ин.10:11](#)), как вселяющий «на пажити злачные», воспитывающий «на воде тихой» ([Пс.22:2](#)), путеводствующий отсюда, защищающий от зверей, обращающий заблудшего, отыскивающий погибшего, обвязывающий сокрушившегося, оберегающий крепкого ([Иез.34:4](#)) и вещаниями пастырского искусства собирающий в тамошнюю ограду.

«Овца» ([Ис.53:7](#)), как заклание.

«Агнец» ([1Пет.1:19](#)), как совершенный.

«Архиерей» ([Евр.4:14](#)), как дарующий нам доступ.

«Мелхиседек» ([Евр.7:3](#)), как рожденный без матери по естеству высшему нашего, и без отца – по естеству нашему, как не имеющий родословия по горнему рождению, ибо сказано: род «Его кто изъяснит?» ([Ис.53:8](#)); как царь Салима, то есть мира, как царь правды, и как приемлющий десятину от патриархов, которые мужественно подвизались против лукавых сил. Имеешь перед собой наименования Сына. Шествуй по ним; и если они высоки, то шествуй – божественно, а если телесны, то – подобострастно, лучше же сказать, – совершенно божественно, чтоб и тебе стать богом, восшедшим от земли через Снизшедшего ради нас свыше. А более всего и прежде всего наблюдай сказанное, и не погресишь в высоких и низких наименованиях. «Иисус Христос вчера и сегодня» телесно, «тот же» духовно «и во веки» ([Евр.13:8](#)) веков. Аминь.

Слово 31

О богословии пятое, о Святом Духе

Таково слово о Сыне, и так избежало побивающих камнями, «пройдя посреди них» ([Ин.8:59](#)), потому что слово не побивается камнями, но само, когда хочет, и камнями, и пращею поражает зверей, то есть учения, со злым умыслом приступающие к горе! Теперь спрашивают: «Что ж скажешь о Святом Духе? Откуда вводишь к нам чуждого и незнаемого по Писанию Бога? И это говорят даже те, которые умеренно рассуждают о Сыне! Ибо что видим в дорогах и реках, которые и отделяются одна от другой, и вместе сходятся, это из-за переизбытка нечестия бывает и здесь: расходящиеся в одном соглашаются в другом, отчего невозможно доподлинно узнать, что приемлется ими и что оспаривается.

Правда, что слово о Духе не без затруднений, не только потому, что противники, обессиленные словами о Сыне, еще с большим жаром борются против Духа (а им непременно надобно в чем-нибудь нечестивать, иначе и жизнь для них не жизнь), но и потому, что мы сами, подавленные множеством вопросов, находимся в таком же положении, в каком бывают люди, которые теряют охоту к пище, так скоро одна снедь возбудила в них к себе отвращение. Как для них равно неприятна всякая пища, так и для нас всякое слово. Впрочем, подаст Дух, и слово потечет, и Бог прославится. Но тщательно разыскивать и разбирать, в скольких значениях берутся и употребляются в Божественном Писании слова «Дух» и «Святой», собирать свидетельства в пользу умозрения и доказывать, что кроме этого в особенном смысле берется выражение, составленное из обоих моих слов, именно «Дух Святой», – предоставляю другим, которые любознательствовали об этом и для себя, и для нас, так как и мы любознательствуем об этом для них. А сам обращусь к продолжению слова.

Те, которые негодуют на нас за Духа Святого, будто бы вводим какого-то чуждого и сопричисляемого Бога, и которые крепко стоят за букву, пусть знают, что они убоялись страха, где нет страха ([Пс.13:5](#)), и пусть ясно поймут, что их привязанность к букве есть только прикрытие нечестия, как вскоре окажется, когда по мере сил опровергнем их возражения. А мы так смело верим Божеству Духа, Которому и поклоняемся, что, относя к Троице одни и те же изречения (хотя это и кажется для иных несколько дерзновенным), начнем Богословие так. «Был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир» ([Ин.1:9](#)), то есть Отец. «Был свет истинный, который просвещает

всякого человека, приходящего в мир», т.е. Сын. «Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир», то есть другой Утешитель. «Был», и «был», и «был», но «был» едино. Свет, и Свет, и Свет, но единый Свет, единый Бог. То же самое еще прежде представил и Давид, сказав: во «свете Твоем мы видим свет» ([Пс.35:10](#)). И мы ныне увидели и проповедуем краткое, ни в чем не излишествующее Богословие Троицы, от Света – Отца приняв Свет – Сына во Свете – Дух. «Грабитель грабит, опустошитель опустошает» ([Ис.21:2](#)), но мы, что поняли, то и проповедуем. Если бы не услышали нас снизу, взойдем на высокую гору и оттуда будем вопиять. Возвысим Духа, не убоимся. А если убоимся, то – безмолвствовать, а не проповедовать. Если было, когда не был Отец, то было, когда не был Сын. Если было, когда не был Сын, то было, когда не был Дух Святой. Если Один был от начала, то были Три. Если низлагаешь одного, то смею сказать и говорю: не утверждай, что превозносишь Двоих. Ибо что пользы в несовершенном Божестве? Лучше же сказать, что за Божество, если Оно несовершенно? А как может быть совершенным, если недостает чего-либо к совершенству? Но недостает чего-то Божеству, не имеющему Святого. И как иметь это, не имея Духа? Ежели есть другая какая Святость, кроме Духа, то пусть скажут, что под нею понимать должно. А если эта самая, то можно ли не быть Ей от начала? Разве лучше для Бога быть никогда несовершенным и без Духа? Если Дух не от начала; то Он ставится наряду со мной или немного выше меня; потому что временем отделяемся мы от Бога. Если ставится в один ряд со мной, то как Он меня делает богом, или как соединяет с Божеством?

Но лучше полюбомудрствую с тобой о Духе, начав несколько выше, ибо о Троице мы уже рассуждали. Саддукеи не признавали даже и бытия Духа (так как не признавали ни Ангелов, ни воскресения); не знаю, почему презрели они столь многие свидетельства о Духе в Ветхом Завете. А из язычников, лучшие их богословы и более к нам приближающиеся имели представление о Духе, как мне это кажется, но не соглашались в наименовании и называли Его Умом мира, Умом внешним, и подобно тому. Что же касается мудрецов нашего времени, то одни почитали Его действованием, другие тварью, иные Богом, а иные не решались сказать о Нем ни того ни другого, из уважения, как говорят они, к Писанию, которое будто бы ничего не выразило об этом ясно; почему они не чтут и не лишают чести Духа, оставаясь к Нему в каком-то среднем, вернее же сказать, весьма жалком расположении. Даже из признавших Его Богом, одни благочестивы только в сердце, а другие осмеливаются благочествовать и устами. Но слышал я от других еще более мудрых

измерителях Божества, которые, хотя согласно с нами исповедуют Трех умозосерцаемых, однако же настолько разделяют их между собой, что Одного полагают беспредельным и по сущности и по силе, Другого – беспредельным по силе, но не по сущности, а Третьего – ограниченным в том и другом, подражая, в ином только виде, тем, которые именуют их Создателем, Содейственником и Служителем, из порядка имен и благодати заключая о постепенности именуемых. Ни слова не скажем как недопускающим даже бытия Духа, так и языческим суесловам, чтобы не умащать слова елеем грешных, а с прочими побеседуем следующим образом.

Необходимо должно предположить, что Дух Святой есть что-нибудь или самостоятельное, или в другом представляемое; а первое знающие в этом называют «сущностью», последнее же – «принадлежностью». Посему, если дух есть принадлежность, то Он будет действием Божиим. Ибо чем назвать Его тогда, кроме действия, и чьим действием, кроме Божия? Такое же положение и приличнее и не вводит сложности. И если Он действие, то, без сомнения, будет производимым, а не производящим, и вместе с производством прекратится. Ибо таково всякое действие. Но как же Дух и «действует» ([1Кор.12:11](#)), и говорит ([Мф.10:20](#)), и отделяет ([Деян.13:2](#)), и оскорбляется ([Еф.4:30](#)), и бывает «разгневан» ([Ис.63:10](#)), и производит все то, что свойственно движущему, а не движению? Если же Дух есть сущность, а не принадлежность сущности; то надобно будет предположить, что Он или тварь, или Бог, ибо среднего чего-либо между тварью и Богом, или непричастного ни тому ни другому, или сложного из того и другого, не выдумают и те, которые созидают Трагеларов. Но если тварь, то как же в Него веруем? Как в Нем совершаемся? Ибо не одно и то же значит веровать во что, и верить чему. Веруем мы в Божество, а верим всякой вещи. Но если Бог, а не тварь, то Он уже не произведение, не сослужебное, и вовсе не что-либо из носящих низкие имена.

Теперь за тобой слово, пусть мечут твои пращи; пусть сплетаются твои умозаклучения! «Дух, без сомнения, есть или не рожденное, или рожденное. И если не рожденное, то два безначальных. А если рожденное, то (опять подразделяешь) рожден или от Отца, или от Сына. И если от Отца, то два Сына и Брата (придумай, если хочешь, что они или близнецы, или один старше, а другой моложе, ибо ты крайне плотолюбив!). А если от Сына, то (скажешь) явился у нас Бог-внук? Но может ли что быть страннее этого?» Так рассуждают те, которые «умны на зло» ([Иер.4:25](#)), а доброго написать не хотят. Но я, находя деление необходимым, принял бы

именуемых, не убоявшись имен. Ибо когда Сын есть Сын в некотором высшем отношении и, кроме этого имени, никаким другим не можем означить того, что от Бога единосущно с Богом, то не должно думать, что уже необходимо переносить на Божество и все дольные наименования даже нашего родства или, может быть, ты предположишь и Бога-мужа на том основании, что Бог именуется и Отцом, и Божество ($\eta \theta\epsilon\acute{o}\tau\eta\varsigma$), по силе самого наименования, признаешь чем-то женским. Духа же – ни мужем, ни женой, потому что не рождает. А если еще дашь волю своему воображению и скажешь по старым бредням и басням, что Бог родил Сына от хотения Своего, то вот уже у нас введен Бог – вместе муж и жена, как у Маркиана и Валентина, выдумавшего новых Эонов. Но поскольку мы не принимаем первого твоего деления, по которому не допускается ничего среднего между нерожденным и рожденным, то твои братья и внуки тотчас исчезают вместе с этим пресловутым делением, и подобно многосложному узлу, у которого распущена первая петля, сами собой распадаются и удаляются из богословия. Ибо скажи мне, где поместить Исходящее, Которое в твоём делении оказывается средним членом, и введено лучшим Богословом – нашим Спасителем, если только, чем ты, следуя третьему своему завету, не исключил уже ты из Евангелия и этого выражение: Дух Святой. «Который от отца исходит» ([Ин.15:26](#))? Поскольку Он от Отца исходит, то не тварь. Поскольку не есть рожденное, то не Сын. Поскольку есть среднее между Нерожденным и Рожденным, то Бог. Так, избежав сетей твоих умозаключений, оказывается Он Богом, Который крепче твоих делений!

«Поэтому что же есть исхождение?» Объясни ты мне нерожденность Отца, тогда и я отважусь естествословить о рождении Сына и об исхождении Духа, тогда, проникнув в тайны Божии, оба мы придем в изумление, – мы, которые не могут видеть у себя под ногами и «исчислить песок морей и капли дождя и дни вечности» ([Сир.1:2](#)), не только что вдаваться в глубины Божии и судить о естестве столь невысказанном и неизъяснимом.

Ты говоришь: «Чего же недостает Духу, чтоб быть Сыном? Ибо если бы ни в чем не было недостатка; то, он был бы Сыном». – Мы не говорим, чтоб чего-нибудь не доставало. Ибо в Боге нет недостатка. Но разность (скажу так) проявления или взаимного соотношения производит разность и их наименований. Ибо и Сыну ничего не недостает, чтоб быть Отцом (так как Сыновство не есть недостаток), но он не есть еще поэтому Отец. В противном случае, и Отцу недостает чего-то, чтоб быть Сыном, потому что Отец – не Сын. Но это не означает недостатка (откуда быть ему?) и

убавления в сущности. Это самое – быть нерожденным, родиться и исходить, дает наименования, первое – Отцу, второе – Сыну, третье – Святому Духу, о Котором у нас слово, так что неслитность трех Ипостасей соблюдается в едином естестве и достоинстве Божества. Сын не Отец, потому что Отец один, но то же, что Отец. Дух не Сын, хотя и от Бога, потому что Единородный один, но то же, что Сын. И Три – едино по Божеству, и Единое – три по личным свойствам, так что нет ни единого – в смысле Савеллиевом, ни трех – в смысле нынешнего лукавого разделения.

«Итак, что же? Дух есть Бог?» – Без сомнения. «И единосущен?» – Да, потому что Бог. «Укажи же мне, продолжаешь ты, чтоб от одного и того же один был сын, а другой не сын, и притом оба были односущны, тогда и я допущу Бога и Бога». – Укажи же и ты мнимого Бога, и иное Божие естество, и тогда представлю тебе саму Троицу с теми же именами и именуемыми. А если Бог один, и высочайшее Естество одно, – то откуда возьму для тебя подобие? Или станешь опять искать его в вещах дольних и окружающих тебя? Хотя крайне стыдно, и не только стыдно, но большей частью бесполезно, подобие горнего брать в дольном, неподвижного – в естестве текущем, и, как говорит Исаия, «спрашивать мертвых о живых» ([Ис.8:19](#)), однако же попытаюсь угодить тебе и отсюда извлечь нечто в помощь слову. Но об ином думаю умолчать; хотя из истории животных можно представить много, частью нам, частью немногим, известного о том, как художественно устроила природа рождения животных. Ибо говорят, что не только от однородных рождаются тождеродные, а от разнородных инородные, но и от разнородных тождеродные, а от однородных инородные. А если кто верит сказанию, то есть и иной образ рождения, именно: животное само себя истребляет и само из себя рождается. Но есть и такие животные, которые, по щедрости природы, перерождаются, из одного рода превращаясь и претворяясь в другой.

Даже от одного и того же иное есть не порождение, а другое порождение, впрочем, то и другое единосущно, что некоторым образом ближе подходит к настоящему предмету. Но я, представив один пример, собственно нас касающийся и всем известный, перейду к другому рассуждению. Что был Адам? – тварь Божия. А Ева? – часть сея твари. А Сиф? – порождение обоих. Итак, не замечаешь ли, что тварь, часть и порождение тождественны? – Как не видеть? – И единосущны они или нет? – Почему же не так? – Итак, признано, что и различно произошедшие могут быть одной сущности. Говорю же это не с тем, чтоб творение или отделение, или иное что-нибудь телесное перенести и на Божество (да не нападает на меня еще какой-нибудь словоборец!), а чтоб все это служило

как бы образом умосозерцаемого. Но невозможно, чтоб взятое для сравнения во всем совершенно соответствовало истине. «И к чему это?» – спрашиваешь. «Не одного лица было одно порождением, а другое чем-то иным». Что ж из этого? Разве Ева и Сиф не от одного Адама? – От кого же иного? – Или оба они порождение Адама? – Несомненно. – А что же такое? – Ева – часть, а Сиф – порождение. – Однако же оба они тождественны между собой; потому что оба люди, в чем никто не будет спорить. Итак, перестанешь ли препираться против Духа и утверждать, что Он непременно или порождение, или не единосущен и не Бог, хотя и в сродном человеку открываем возможность вашего мнения? И ты, думаю, одобрил бы его, если бы не обучился слишком упорствовать и спорить против очевидности.

Но ты говоришь: «Кто поклонялся Духу? Кто из древних или из новых? Кто молился Ему? Где написано, что должно Ему поклоняться и молиться? Откуда ты взял это? – Удовлетворительнейшую на это причину представлю тебе впоследствии, когда буду рассуждать о неписаном. А теперь достаточно будет сказать одно то, что в Духе мы поклоняемся и через Него молимся. Ибо сказано: «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» ([Ин.4:24](#)). И еще: «ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» ([Рим.8:26](#)). И еще стану: «молиться Духом, стану молиться и умом» ([1Кор.14:15](#)), то есть во уме и в Духе. Итак, поклонение, или моление Духом, по моему мнению, означает не иное что, а то, что Дух сам Себе приносит молитву и поклонение. Неужели не одобрит этого кто-нибудь из мужей богодухновенных, хорошо знающих, что поклонение Единому есть поклонение Трем, по равночестности в Трех достоинства и Божества.

Меня не устрасит и то, что, по сказанному, «все через Него начало быть» ([Ин.1:3](#)), как будто под словом «все» заключается и Дух Святой. Ибо не просто сказано: «все», но: «все, что начало быть». Не Сыном Отец, не Сыном и все то, что не имело начала бытия. Поэтому покажи, что Дух имел начало бытия, и потом отдавай Его Сыну, и сопричисляй к тварям. А пока не докажешь этого, всеобъемлемостью слова нимало не поможешь нечестию. Ибо если Дух имел начало бытия, то, без сомнения, Христом, я сам не буду отрицать этого. А если не имел, то почему заключаться Ему под словом все, или быть через Христа? Итак, перестань и худо чествовать Отца, восставая против Единородного (ибо худое то чествование, когда лишаешь Его Сына, и вместо Сына даешь превосходнейшую тварь), и худо чествовать Сына, восставая против Духа. Сын не создатель Духа, как чего-

то Ему сослужебного, но сопрославляется с Ним, как с равночестным. Не ставь наряду с собой ни Единого из Троицы, чтоб не отпасть тебе от Троицы, и ни у Единого не отнимай Божеского естества и равной достопоклоняемости, чтоб с отнятием Единого из Трех не было отнято все, лучше же сказать, чтоб тебе не отпасть от всего. Лучше иметь недостаточное понятие о единстве, нежели со всей дерзостью предаваться нечестию.

Теперь касается слово мое самого главного. И хотя скорблю, что ныне возобновляется вопрос, давно уже умерший. И уступивший место вере, однако же на нас, которые имеют Слово и стоят за Духа, лежит необходимость противостать привязчивым охотникам до споров и не отдаваться беззащитно в плен. Они говорят: «Если Бог, Бог и Бог; то как же не три Бога? И Славимое тобой не есть ли многоначалие? – Кто ж говорит это? Те ли, которые усовершенлись в нечестии, или и те, которые занимают второе место, то есть благомысленнее других рассуждают о Сыне? Хотя есть у меня общее слово к тем и другим; однако же есть и особенное к последним, именно же следующее. Что скажете нам – троебожникам вы, которые чтите Сына, хотя и отступились от Духа, разве и вы не двоебожники? Если отречетесь и от поклонения Единородному, то явно станете на стороне противников. И тогда нужно ли будет оказывать вам человеколюбие, как будто не совершенно еще умершим? А если вы чтите Сына и в этом отношении еще здравы, то спросим вас, чем защитите свое двоебожие, если бы кто стал обвинять вас? Ежели есть у вас слово смышленное, отвечайте, укажите и нам путь к ответу. Тех же доводов, какими отразите вы от себя обвинение в двоебожии, достаточно будет и для нас против обвинения в троебожии. А таким образом одержим мы верх, употребив вас – обвинителей в защитники себе. Что же благороднее этого? Какой же у нас общий ответ, какое общее слово тем и другим?

У нас один Бог, потому что Божество одно. И к Единому возводятся сущие от Бога, хотя и веруется в Трех, потому что как Один не больше, так и Другой не меньше есть Бог, и Один не прежде, и Другой не после: Они и хотением не отделяются, и по силе не делятся, и все то не имеет места, что только бывает в вещах делимых. Напротив, если выразиться короче, Божество в Разделенных неделимо, как в трех солнцах, которые заключены, одно в другом, одно растворение света. Поэтому когда имеем в мысли Божество, первопричину и единоначалие, тогда представляемое нами – одно. А когда имеем в мысли Тех, в Которых Божество, Сущих от первой Причины, и Сущих от Нее довременно и равночестно, тогда Поклоняемых – три.

Скажут: «Что ж? Не одно ли Божество и у язычников, как учат те из них, которые совершеннее других любомудрствовали? И у нас целый род – одно человечество. Однако же у язычников богов, как и у нас людей, много, а не один». – Но там, хотя общность и имеет единство, представляемое, впрочем, мысленно, однако же неделимых много, и они разделены между собой временем, страстями и силой. Ибо мы не только сложны, но и противоположны как друг другу, так и сами себе; не говоря уже о целой жизни, даже и одного дня не бываем совершенно теми же, но непрестанно течем и изменяемся и по телу, и по душе. А не знаю, едва ли не таковы же ангелы и всякое, кроме Троицы, горнее естество, хотя они просты и, по близости своей к верховному Благу, крепко утверждены в добре. А что касается чтимых язычниками богов и, как сами называют, демонов, то нам нет нужды быть их обвинителями; напротив, по обличению собственных их богословов, они преданы страстям, мятежам, преисполнены злом и превратностями, состоят в противоборстве не только сами с собой, но и с первыми причинами, как называют они Океанов, Тифиев, Фанетов и еще не знаю кого, а напоследок какого-то чадоненавистника – бога, который из любоначалия и по ненасытности пожирает всех прочих, чтоб стать отцом всех людей и богов, несчастно поглощенных и изблеванных. – Если же, как сами они говорят во избежание срамословия, все это басни и какие-то иносказания; что скажут в объяснение того, что все у них разделено тречастно, и над каждой частью существ начальствует иной бог, отличный от прочих и веществом, и достоинством? Но не таково наше учение. «Не такова доля Иакова», говорит мой Богослов ([Иер.51:19](#)). Напротив, каждое из Них²²⁷, по тождеству сущности и силы, имеет такое же единство с Соединенным, как и с самим Собой. Таково понятие этого единства, насколько мы постигаем его. И если понятие это твердо, то благодарение Богу за умозрение! А если не твердо, поищем более твердого.

А твои доводы, которыми разоряешь наше единство, не знаю как назвать, – шуткой ли, или чем дельным? И что у тебя за доказательство? – Говоришь: «единосущные счисляются, а неединосущные не счисляются (под счислением же разумеешь собрание в одно число), а поэтому неизбежно заключение, что у вас, на этом основании, три Бога, тогда как нам нет этой опасности, потому что не называем единосущными». – Итак, одним словом, избавил ты себя от трудов и одержал худую победу. Поступок твой походит несколько на то, когда иной от страха смерти сам надевает на себя петлю. Чтоб не утрудиться, стоя за единоначалие, отрекся ты от Божества и предал врагам, чего они искали. Но я, хотя бы

потребовалось и потрудиться несколько, не предам Достопоклоняемого. А здесь не вижу даже и труда. Ты говоришь: счисляются единосущные; а не имеющие единосущия воображаются единицами. Где ты занял это? У каких учителей и баснословов? Разве не знаешь, что всякое число показывает количество предметов, а не природу вещей? А я так прост или, лучше сказать, такой неуч, что три вещи, хотя бы они и различны были по природе, в отношении к числу называю тремя. Но одно, одно и одно, хотя они и не сопрягаются по сущности, именуую столькими же единицами, взирая не столько на вещи, сколько на количество счисляемых вещей. Поскольку же ты очень держишься Писания, хотя и противишься Писанию, то вот тебе доказательства и отсюда. В Притчах «трое имеют стройную походку», лев, козел и петух, «четвертый, царь среди народа своего» ([Притч.30:29–31](#)), не говорю уже о других поименованных там четверочислиях, между тем как счисляемые вещи различны по природе. И у Моисея нахожу двух херувимов, счисляемых по единице ([Исх.25:19](#)). Как же по твоему именованию тех назвать тремя, когда они столь несходны между собой по природе, а последних считать по единице, когда они настолько между собой однородны и близки? А если Бога и мамону, которые столь далеки между собой, подводя под одно число, назову двумя господами ([Мф.6:24](#)), то, может быть, ты еще более посмеешься такому счислению. Но ты говоришь: «У меня те предметы называются счисляемыми и имеющими ту же сущность, которых и имена произносятся соответственно, например: три человека и три Бога, а не три какие-нибудь вещи, ибо какая тут ответственность?» Это значит давать правило об именах, а не учить истине. Поэтому и у меня Петр, Павел и Иоанн и не три и не односущны, пока не именуются тремя Петрами, тремя Павлами и столькими же Иоаннами. Ибо или, что наблюдал ты в рассуждении имен более родовых, того мы, следуя твоей выдумке, потребуем в рассуждении имен более частных, или не уступив нам того что уступлено было самому, поступишь несправедливо. А что же Иоанн? Когда в Соборных посланиях говорит он, «что три свидетельствуют на земле: дух, вода, кровь» ([1Ин.5:8](#)), ужели, по твоему мнению, выражается нескладно, во-первых, потому, что осмелился счислять неодносущные вещи, тогда как это присвоено тобой одним односущным (ибо кто скажет, чтоб поименованные вещи были одной сущности?), а во-вторых, потому, что сочинил слова не соответственно, а напротив, слово три (τρεῖς) поставив в мужском роде, вопреки правилам и уставам, как твоим, так и грамматическим, привел три имени среднего рода (το πνεῦμα, τό ὕδωρ. το αἷμα)? Но какая в том разность, сказать ли слово три в мужском роде и

потом представить одно, одно и одно, или сказав: один, один и один, наименовать их тремя не в мужском, а в среднем роде, – что находишь ты неприличным для Божества? А что твой рак, – рак животное, рак орудие и рак созвездие? Что твой пес, – пес, живущий на суше, пес морской и пес небесный? Не думаешь ли, что их можно назвать тремя раками и псами? – Без сомнения, так. – Ужели же они поэтому и односущны? Кто из здравомыслящих скажет это? Видишь ли, как рушилось твое доказательство, взятое от счисления, и рушилось неоднократно опровергнутое? Ибо если и односущные не всегда счисляются, и неодносущные могут счисляться, а имена произносятся о тех и других, то какие приобретения твоего учения? Но я принимаю в рассмотрение еще следующее и, может быть, не без основания. Одно и одно не слагается ли в два? И два опять не разлагаются ли на одно и одно? – Очевидно, так. – Но если, по твоему началу, слагаемые односущны, а разделяемые иносущны; то какое из этого заключение? То, что одни и те же предметы и односущны и иносущны.

Смешны мне также твои первочисленности и нижечисленности, о которых так высоко ты думаешь, как будто в порядке имен заключается порядок именуемых. Ибо если последнее справедливо, то тогда в Божественном Писании одни и те же, по равночестности естества, считаются то наперед, то после, мешает ли что одному и тому же, на том же основании, быть и честнее и малочестнее себя самого?

Такое же у меня рассуждение о словах «Бог» и «Господь», также о предлогах: «из», «через» и «в», по которым ты так ухищренно различаешь Божество, относя первый предлог к Отцу, второй к Сыну, третий – к Духу Святому. Но что сделал бы ты, если бы каждый из этих предлогов постоянно присваивался одному, когда доказываешь ими такое неравенство в достоинстве и естестве, тогда как, насколько известно упражнявшимся в этом, все они и обо всех употребляются?

И этого довольно для людей не вовсе несознательных. Но поскольку тебе, однажды ринувшись в борьбу против Духа, всего труднее удержать свое стремление, и как не робкий вепрь, ты хочешь упорствовать до конца и напирать на меч, пока рана не дойдет до внутренности, то посмотрим, что остается еще сказать тебе.

Опять и уже не раз повторяешь ты нам: «не известен по Писанию». Хотя доказано, что Дух Святой не есть странность и нововведение, но был известен и открыт как древним, так и новым, и доказано уже многими из рассуждавших об этом предмете, притом людьми, которые занимались Божественным Писанием не слегка и не поверхностно, но сквозь букву

проникали во внутреннее, удостоились видеть сокровенную красоту и озарились Светом ведения, однако же и я покажу это как бы мимоходом, и насколько можно стараясь не подать мысли, что берусь за лишний труд и щедр более надлежащего, когда могу строить на чужом основании. Если же побуждением к хуле и причиной чрезмерного языкоболия и нечестия служит для тебя то, что в Писании Дух не весьма ясно именуется Богом и не так часто упоминается, как сперва Отец, а потом Сын; я излечу тебя от этой болезни, полюбомудрствовав с тобой несколько об именуемых и именах, особенно соображаясь с употреблением Писания.

Из именуемого – иного нет, но сказано в Писании; другое есть, но не сказано; а иного нет, и не сказано, другое же есть, и сказано. Потребуешь у меня на это доказательств? – готов представить. По Писанию, Бог спит ([Пс.43:24](#)), пробуждается ([Дан.9:14](#)), гневается ([Втор.11:17](#)), ходит и престолом имеет херувимов ([Ис.37:16](#)). Но когда Он имел немощи? И слышал ли ты, что Бог есть тело? Здесь представлено то, чего нет. Ибо, соразмеряясь со своим понятием, и Божие назвали мы именами, взятыми с себя самих. Когда Бог, по причинам Ему самому известным, прекращает свое попечение и как бы не заботится о нас; это значит – Он спит; потому что наш сон есть подобная бездейственность и беспечность. Когда, наоборот, вдруг начинает благодетельствовать, значит – Он пробуждается, потому что пробуждение есть минование сна, также как внимательное воззрение есть минование отвращения. Он наказывает; а мы сделали из этого – гневается; потому что у нас наказание бывает по гневу. Он действует то здесь, то там; а по-нашему – Он ходит; потому что хождение есть поступление от одного к другому. Он упокоивается и как бы обитает во святых Силах, мы назвали это сидением и сидением на престоле, что также свойственно нам. А Божество ни в чем так не упокоивается, как во Святых. Быстродвижность названа у нас летанием, смотрение наименовано лицом, даяние и приятие – рукой. А также всякая другая Божия сила и всякое другое Божие действие изображены у нас чем-либо взятым с телесного. И с другой стороны, откуда взял ты слова: нерожденное и безначальное – эти твердыни твои; откуда и мы берем слово: бессмертное? Укажи мне их буквально; иначе или твои отвергнем, а свое изгладим, потому что их нет в Писании, и тогда с уничтожением имен пропал и ты от своих предположений, погибла и эта стена прибежища, на которую ты надеялся; или, очевидно, что, хотя и не сказано этого в Писании, однако же оно взято из слов, то же в себе заключающих... Из каких же именно? «От начала дней я» ([Ис.43:13](#)), «и Я первый и Я последний» ([Ис.44:6](#)), «прежде Меня не было Бог и после Меня не будет»

(Ис.43:10); ибо Мое «есть» всецело, оно не началось и не прекратится. Держась этого, поскольку ничего нет прежде Бога, и Он не имеет причины, которая бы Ему предшествовала, наименовал ты Его безначальным и нерожденным, а поскольку он не перестанет быть, – бессмертным и негибнущим. Таковы и такого свойства первых два случая. Чего же нет и не сказано? Того, что Бог зол, что шар четырехуголен, что прошедшее настало, что человек не сложен. Ибо знавал ли ты человека, который бы дошел до такого расстройства в уме, что осмелился бы помыслить или произнести что-нибудь подобное? – Остается показать, что есть и сказано, – Бог, человек, ангел, суд, суета, то есть подобные твоим умозаключения, извращение веры, упразднение таинства.

А когда такая разница между именами и именуемыми, для чего ты так много раболепствуешь букве и предаешься иудейской мудрости, гоняясь за слогами и оставляя вещь? Если ты скажешь: дважды пять и дважды семь, а я из сказанного выведу: десять и четырнадцать, или, если животное разумное и смертное заменю словом человек, то неужели подумаешь, что говорю вздор? Да и как это, если говорю твое же? Ибо слова эти не столько принадлежат мне, который произносит их, сколько тебе, который заставляет произнести. Поэтому, как здесь смотрел я не столько на сказанное, сколько на понимаемое, так не преминул бы выговорить и другое что-нибудь, если б нашлось, хотя не сказанное или неясно сказанное, но подразумеваемое в Писании, и не побоялся бы тебя – охотника спорить об именах.

Такой дадим ответ людям наполовину благомыслящим (а тебе нельзя сказать и этого; ибо ты, отрицающий наименования Сына, как они ни ясны, ни многочисленны, конечно, не уважишь наименований Духа, хотя бы указали тебе гораздо яснейшие и многочисленнейшие известных), теперь же, возведя слово несколько выше, объясню и вам, мудрецам, причину всей неясности.

В продолжение веков были два знаменитых преобразования жизни человеческой, называемые двумя Заветами и, по известному изречению Писания, потрясениями земли (Агг.2:7). Одно вело от идолов к Закону, а другое от Закона – к Евангелию. Благовествую и о третьем потрясении – о преставлении от здешнего к тамошнему, непоколебимому и незыблемому. Но с обоими Заветами произошло одно и то же. Что именно? Они вводились не вдруг, не по первому приему за дело. Для чего же? Нам нужно было знать, что нас не принуждают, а убеждают. Ибо что не произвольно, то и непрочно, как поток или растение не надолго удерживаются силой. Добровольное же и прочнее и надежнее. И первое

есть дело употребляющего насилие, а последнее собственно наше. Первое свойственно насильственной власти, а последнее – Божию правосудию. Поэтому Бог определил, что не для нехотящих должно делать добро, но – благодетельствовать желающим. Потому Он, как детоводитель и врач, иные отеческие обычаи отменяет, а другие дозволяет, попуская иное и для нашего услаждения, как врачи дают больным лекарство, искусно приправленное чем-нибудь приятным, чтоб оно было принято. Ибо нелегко переменить, что вошло в обычай и долговременно было уважаемо. Что ж имею в виду? То, что первый Завет, запретив идолов, допустил жертвы, а второй, отменив жертвы, не запретил обрезания. Потом, которые однажды согласились на отменение, те уступили и уступленное, одни – жертвы, другие – обрезание, и стали из язычников иудеями, и из иудеев христианами, будучи увлекаемы к Евангелию постепенными изменениями. В этом да убедит тебя Павел, который от обрезания и очищения простерся уже к тому, что сказал «За что же гонят меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание?» ([Гал.5:11](#)) То было нужно для домостроительства, а это для совершенства.

Этому хочу уподобить и Богословие, только в противоположном отношении, ибо там преобразование достигалось через отменения, а здесь совершенство – через прибавления. Но дело в том, что Ветхий Завет ясно проповедовал Отца, а не с такой ясностью Сына, Новый открыл Сына и дал указания о Божестве Духа, ныне пребывает с нами Дух, даруя нам яснейшее о Нем познание. Не безопасно было, прежде нежели исповедано Божество Отца, ясно проповедовать Сына, и прежде нежели признан Сын (выражусь несколько смело), обременять нас проповедью о Духе Святом и подвергать опасности утратить последние силы, как бывает с людьми, которые обременены пищей, принятой не в меру, или слабое еще зрение устремляют на солнечный свет. Надлежало же, чтоб Троичный свет озарял просветляемых постепенными прибавлениями, как говорит Давид, «восхождениями» ([Пс.83:6](#)), поступлениями от славы в славу и преуспеваниями. По этой-то, думаю, причине и на Учеников нисходит Дух постепенно, соразмеряясь с силой приемлющих, в начале Евангелия, по страдании, по вознесении, то совершает через них силы ([Мф.10:1](#)), то дается им через дуновение ([Ин.20:22](#)), то является в огненных языках ([Деян.2:3](#)). Да и Иисус возвещает о Нем постепенно, как сам ты увидишь при внимательнейшем чтении. «Умолю», говорит, «Отца, и иного Утешителя» пошлет «вам» ([Ин.14:16.17](#)), чтоб не почли Его противником Богу и говорящим по иной какой-либо власти. Потом, хотя и употребляем слово «пошлет», но присовокупляя: «во имя Мое» ([Ин.14:26](#)), и оставив

слово: «умолю», удерживает слово «пошлет». Потом говорит «пошлю» ([Ин.15:26](#)), показывая собственное достоинство. Потом сказал «приидет» ([Ин.16:13](#)), показывая власть Духа. Видишь постепенно воссиявшие нам озарения и тот порядок Богословия, который и нам лучше соблюдать, не все вдруг высказывая, и не все до конца скрывая, ибо первое неосторожно, а последнее безбожно; и одним можно поразить чужих, а другим – отчуждить своих. Присовокуплю к сказанному и то, что, хотя может быть приходило уже на мысль и другим, однако же считаю плодом собственного ума. У Спасителя и после того, как многое проповедал Он ученикам, было еще нечто, чего, как сам Он говорил, ученики (может быть, по причинам, выше мной изложенным) не могли тогда «вместить» ([Ин.16:12](#)) и что поэтому скрывал Он от них. И еще Спаситель говорил, что будем всему научены снизошедшим Духом ([Ин.16:13](#)). Сюда-то отношу я и само Божество Духа, ясно открытое впоследствии, когда уже ведение это сделалось благовременным и удобовместимым, по прославлении (*αποκατάστασις*) Спасителя, после того как не с неверием стали принимать чудо. Да и что большее этого или Христос обетовал бы, или Дух преподавал бы, если надобно признавать великим и достойным Божия величия и обетованное и проповеданное?

Так уверен в этом сам я, и желал бы, чтоб со мной всякий, кто мне друг, чтит Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого, три личности, единое Божество, нераздельное в славе, чести, сущности и царстве, как Любомудрствовал один из богоносных мужей, живших незадолго до нас. Или да «не видит», как говорит Писание, «денницы» ([Иов.3:9](#)), ни славы будущего озарения, кто верит иначе, или, соображаясь с обстоятельствами, бывает то тем, то другим, и о важнейших предметах судит не здраво. Если Дух не достойно поклоняем, то как же меня делает Он богом в Крещении? А если достойно поклоняем, то как же не досточтим? А если досточтим, то как же не Бог? Здесь одно держится другим, это подлинно золотая и спасительная цепь. От Духа имеем мы возрождение, от возрождения – воссоздание, от воссоздания – познание о достоинстве Воссоздавшего.

Все это можно было бы сказать о Духе в том предположении, что Он не засвидетельствован Писанием. Но теперь выступит перед тобой и рой свидетельств, из которых всякому, кто не слишком тупоумен и чужд Духа, ясно будет видно, что божество Духа весьма открыто в Писании. Обрати внимание на следующее. Рождается Христос – Дух предваряет ([Лк.1:35](#)). Крещается Христос – Дух свидетельствует ([Ин.1:33.34](#)). Испушается Христос – Дух возводит Его ([Мф.4:1](#)). Совершает силы Христос – Дух сопутствует. Возносится Христос – Дух преемствует. Чего великого и

возможного единому Богу не может совершить Дух? И из имен Божиих, какими не именуется Он, кроме нерожденности и рождения? Но эти свойства должны были оставаться при Отце и Сыне, чтоб не произошло слитности в Божестве, Которое приводит в устройство как все прочее, так и само нестроение. Прихожу в трепет, когда представляю в уме и богатство наименований и то, что противящиеся Духу не стыдятся и такого числа имен. Он именуется: «Дух Божий, Дух Христов» ([Рим.8:9](#)), «Ум Христов» ([1Кор.2:16](#)), «Дух Господень» ([Ис.61:1](#)), сам «Господь» ([2Кор.3:17](#)), «Дух усыновления» ([Рим.8:15](#)), «истины» ([Ин.14:17](#)), свободы ([2Кор.3:17](#)), «Дух премудрости, разума, совета, крепости, ведения, благочестия, страха Господня» ([Ис.11:2-3](#)), потому что все это производит. Он все «исполняет» сущностью, все «содержит» ([Прем.1:7](#)) – исполняет мир в отношении к сущности и невместим для мира в отношении к силе. Он есть «Дух благий» ([Пс.142:10](#)), «правый» ([Пс.50:12](#)), «владычественный» ([Пс.50:14](#)) – по естеству, а не по усвоению, освящающий, но не освящаемый, измеряющий, но не измеряемый, заимствуемый, но не заимствующий, исполняющий, но не исполняемый, содержащий, но не содержимый, наследуемый ([Еф.1:14](#)), прославляемый ([1Кор.6:19.20](#)), вместе счисляемый ([Мф.28:19](#)), угрожающий ([Деян.5:1-10](#). [Мф.12:31.32](#)). Он есть «перст Божий» ([Лк.11:20](#)), огонь ([Мф.3:11](#). [Деян.2:3](#)), как Бог, и думаю, в означение единосущия. Он есть «Дух сотворивший» ([Иов.33:4](#)), воссозидающий в крещении ([Тит.3:5](#)) и воскресении ([Рим.8:11](#)), Дух, Который все ведает ([1Кор.2:11](#)), всему учит ([Ин.14:26](#)), «дышит, где хочет» и сколько хочет ([Ин.3:8](#)), Дух наставляющий ([Ин.16:3](#)), говорящий ([Мф.10:20](#)), посылающий ([Деян.13:4](#)), отделяющий ([Деян.13:2](#)), прогневаемый ([Ис.63:10](#)), искушаемый ([Деян.5:9](#)), податель откровений ([1Кор.2:10](#)), просвещения ([Евр.6:4](#)), жизни ([Рим.8:11](#)), лучше же сказать, сам свет и сама жизнь. Он делает меня храмом ([1Кор.6:19](#)), творит богом, совершает, почему и крещение предваряет ([Деян.10:44](#)), и по крещении взыскуется ([Деян.19:5.6](#)); Он производит все то, что производит Бог. Он разделяется в огненных языках ([Деян.2:3](#)) и разделяет дары ([1Кор.12:11](#)), творит Апостолов, пророков, благовестников, пастырей, учителей ([Еф.4:11](#)); Он есть «Дух разума, многочастный, ясный, светлый, нескверный, невозбранен» (что равнозначно, может быть, словам: премудрый, многообразный в действиях, делающий все ясным и светлым, свободный и неизменяемый), «всесильный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи» ([Прем.7:22-23](#)), то есть, сколько понимаю, силы ангельские, а также пророческие и апостольские, в то же время и не в одном месте, но там и здесь находящиеся, чем и означает

неограниченность. И как же бы ты думал? Те, которые говорят это и учат этому, а кроме того именуют Духа «другим Утешителем» ([Ин.14:16](#)), как бы иным Богом, знают что только хула на Духа не прощительна ([Мф.12:31](#)); Ананию же и Сапфиру, когда они солгали Духу Святому, оглашают солгавшими Богу, а не человеку ([Деян.5:4](#)), – то ли исповедуют о Духе, что он Бог, или иное что? О, сколько ты в действительности груб и далек от Духа, если сомневаешься в этом и требуешь еще Учителя! Итак, наименования эти весьма многочисленны и многозначны (ибо нужно ли приводить тебе места Писания буквально?); а если в Писании и встречаются унижительные выражения: «дается» ([Деян.8:18](#)), посылается ([Ин.14:26](#)), делится ([Деян.2:3](#)), дарование, дар ([Деян.2:38](#)), дуновение ([Ин.20:21](#)), обетование ([Деян.2:33](#)), ходатайство ([Рим.8:26](#)) и другие тому подобные, то (не говоря о каждом из этих выражений) надобно их возводить к первой Причине, чтоб видеть, от Кого Дух, а не принять трех начал, подобно многобожникам. Ибо равно нечестиво и соединять с Савеллием, и разделять с Арием, – соединять относительно лица, разделять относительно естества.

Чего я не рассматривал сам с собой в любоведущем уме своем, чем не обогащал разума, где не искал подобия для этого, но не нашел, к чему бы должному можно было применить Божие естество. Если и отыскивается малое некое сходство; то гораздо большее ускользает, оставляя меня долу вместе с тем, что избрано для сравнения. По примеру других, представлял я себе родник, ключ и поток, и рассуждал: не имеют ли сходства с одним Отец, с другим Сын, с третьим Дух Святой? Ибо родник, ключ и поток не разделяемы временем, и сопребываемость их непрерывна, хотя и кажется, что они разделены тремя свойствами. Но убоялся, во-первых, чтоб не допустить в Божестве какого-то течения, никогда не останавливающегося; во-вторых, чтоб таким подобием не ввести и численного единства. Ибо родник, ключ и поток в отношении к числу составляют одно, различны же только в образе представления. Брал опять в рассмотрение солнце, луч и свет. Но и здесь опасение, чтобы в несложном естестве не представить какой-либо сложности, примечаемой в солнце и в том, что от солнца; во-вторых, чтоб, приписав сущность Отцу, не лишить самостоятельности прочие лица и не сделать их силами Божиими, которые в Отце существуют, но не самостоятельны. Потому что и луч и свет суть не солнце, а некоторые солнечные изливания и существенные качества солнца. В-третьих, чтоб не приписать Богу вместе и бытия и небытия (к какому заключению может привести этот пример), а это еще нелепее сказанного прежде. Слышал я также, что некто находил искомое подобие в солнечном

отблеске, который является на столе и сотрясается от движения вод, когда луч, собранный воздушной средой и потом рассеянный отражающей поверхностью, приходит в странное колебание, ибо от многочисленных и частых движений перебегают он с места на место, составляя не столько одно, сколько многое, и не столько многое – сколько одно; потому что по быстроте сближений и расхождений ускользает прежде, нежели уловит его взор. Но по моему мнению, нельзя принять и этого. Во-первых, потому, что здесь слишком видно приводящее в движение: но первоначальнее Бога нет ничего, что приводило бы Его в движение, потому что Сам Он причина всего, а не имеет причины, которая была бы и Его первоначальнее. Во-вторых, потому, что и этим подобием наводится прежняя мысль о движении, о сложности, об естестве непостоянном и зыблющемся, тогда как ничего подобного не должно представлять о Божестве. И вообще ничего не нахожу, что при рассмотрении представляемого остановило бы мысль на избираемых подобиях, разве кто с должным благоразумием возьмет из образа что-нибудь одно и отбросит все прочее. Наконец заключил я, что всего лучше отступить от всех образов и теней, как обманчивых и далеко не достигающих до истины, держаться же образа мыслей более благочестивого, остановившись на немногих изречениях, иметь руководителем Духа, и какое озарение получено от Него, то сохраняя до конца, с ним, как с искренним сообщником и собеседником, проходить настоящий век, а по мере сил и других убеждать, чтоб поклонялись Отцу, и Сыну, и Святому Духу – единому Божеству и единой Силе. Богу всякая слава, честь, держава во веки веков. Аминь.

Слово 32

О соблюдении доброго порядка в собеседовании и о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге

Поскольку вы пришли усердно и собрание многолюдно, а потому теперь самое лучшее время для работы, то предложу вам нечто для купли, если и не стоящее общего усердия, по крайней мере не недостаточное по моим силам. Ваше усердие требует большего, а мои силы предлагают среднее, и лучше предложить, что можно, нежели отказать во всем. Ибо и в Божественных и в человеческих делах равно не подлежит осуждению, кто чего-нибудь не мог, но подвергается ответственности, кто не хотел. Я – пастырь малый и бедный, даже другим пастырям (выражусь еще скромно) не угодный, по благомыслию ли и правому учению или по малодушию и спорам, не знаю этого, «Бог весть», говорит божественный Апостол ([1Кор.11:11](#)), ясно же покажет день откровения и последний огонь, которым будут испытаны или очищены все наши дела; впрочем, попытаюсь, по мере сил, не скрывать дарования, не ставить подсвечника под спудом, не закапывать таланта в землю (что все, как часто слышу, ставят мне в вину, порицая мое бездействие, гневаясь на мое молчание), но наставить вас словом истины и сделать сообразными Духу.

С чего же начать мне назидание вам, братья? Каким словом почтить Подвижников, для которых установлено настоящее торжество? О чем сказать как о первом, или как о важнейшем? Что наиболее полезно для душ ваших? Или что всего благоприличнее настоящему времени? Это узнаем следующим образом: что в нашем учении всего превосходнее, присовокуплю, и всего полезнее? Мир. А что всего гнуснее и вреднее? Разногласие. Но предложив такой вопрос и дав на него ответ, спрошу еще раз: что всего более расторгло мир и что ввело разногласие? Спрошу для того, чтобы, как поступают с болезнями, пресекши причины, заградив или иссушив источники страданий, преградить их потоки и следствия, ибо невозможно хорошо узнать окончание, не исследовав правильно начала. Итак, хотите ли сами открыть и объяснить причину болезни, или предоставите мне, врачу и обнаружить, и излечить болезнь? Ибо я готов говорить желающим, а еще более готов слушать говорящих. Но хорошо знаю, что предоставите это мне; потому что, может быть, почитаете меня не худым врачом и не неискусным в целении душ. Итак, ошибочно ли, или

правильно это ваше мнение обо мне, не подивитесь, если скажу слово странное. Хотя оно странно, однако же справедливо, как и я утверждаю, как и сами согласитесь, если потерпите выслушать до конца и не случится с вами того самого, чего не одобряю, то есть, по горячности, не встанете прежде окончания слова.

Причина этого неустройства – природная горячность и великость духа; впрочем, не простая пламенность и великость (я нимало не осуждаю той горячности, без которой невозможно успеть ни в благочестии, ни в другой добродетели), но твердость, соединенная с неблагоприятием, невежеством и злым порождением последнего – дерзостью, ибо дерзость есть плод невежества. Души слабые в отношении к добродетели и к пороку равно медлительны и неподвижны, они не склоняются много ни на ту, ни на другую сторону, у них такие же движения, как и у людей, страждущих оцепенением. А души твердые, если руководит и управляет ими разум, – великое приобретение для добродетели; при недостатке же знания и разума они то же самое и для порока. Так и коню надобно быть сильным и мужественным, чтоб мог он впоследствии одерживать победу на войне или на ристалище, но из него не выйдет ничего доброго, если не будет усмирен уздой и приучен к кротости многотрудным упражнением. И эта-то неразумная горячность большей частью расторгала члены, разделяла братьев, возмущала города, приводила в ярость чернь, вооружала народы, восстанавливала царей, священников против народа и друг против друга, народ против себя самого и против священников, родителей против детей, детей против родителей, мужей против жен, жен против мужей и всех, соединенных какими бы то ни было узами приязни, друг против друга, также рабов и господ, учеников и учителей, старцев и юных, и она-то, презрев закон стыда – это величайшее пособие для добродетели, ввела закон высокомерия. И мы не только стали «каждое племя особо» ([Зах.12:14](#)), за что укоряем был древний Израиль, или Израиль и Иуда – две части одного народа и того малочисленного, но разделились в домах и тесных обществах, и как бы каждый сам с собой; разделились, говорю, мы – целая Вселенная, весь род человеческий – все, к кому достигло Божие слово. И многоначалие стало безначалием, и «сыплют кости наши в челюсти преисподней» ([Пс.140:7](#)). Надобно было, после того как одержали мы победу над внешними врагами, терпеть истребление друг от друга, подобно беснующимся терзать собственную плоть и не чувствовать, но радоваться злу более, нежели другие – миру, само бедствие почитать приобретением, и думать – этим истреблением «служим Богу» ([Ин.16:2](#)); надобно было разделиться и воспламениться разделением не похвальным,

но предосудительным, пламенем не очищающим, но губительным. Ибо не острое слово – меч Христов ([Евр.4:12](#)) отделяет верных от неверных; ввергается и возжигается не огонь – истребляющая и поедающая вещество вера и горение духа; но мы поедаемся и рассекаемся противным прежнему образу. Это-то сделало, что единая Церковь стала иметь многие части, и произошло разделение не между одним Павлом, или Кифой, или Аполлосом, или таким-то поливающим, и таким-то напояющим ([1Кор.3:6](#)), но открылось много Павлов, и Аполлосов, и Киф, и вместо того, чтоб именоваться от Христа – имени великого и нового, мы именуемся их именем и считаемся их учениками. И о если бы одно это надлежало сказать! Напротив (что страшно и вымолвить), вместо одного Христа явились многие, рожденный, сотворенный, начавшийся от Марии, разрешающийся в то же, из чего произошел в бытие, человек не имеющий ума, действительно существующий, видимый; также и многие Духи, несозданный и равночестный, тварь, действие и голое имя. Должно ведать единого Бога Отца, безначального и нерожденного, и единого Сына, и единого Духа, имеющего бытие от Отца, уступающего нерожденность Отцу и рожденность Сыну, во всем же прочем соестественного и сопредельного, единославного и равночестного. Это должно знать, это исповедовать, на этом останавливаться, а лишнее пустословие и «скверные суесловия» ([1Тим.6:2](#)) предоставить людям праздным. Но что же побудило к этому? Горячность без разума и познания, ничем не удерживаемая, и плавание веры без кормчего.

Зная это, братья, не будем ленивы на добро, но станем гореть духом, чтобы не уснуть мало-помалу в смерть, или чтобы, во время нашего сна, враг не посеял худых семян (ибо леность сопряжена со сном); не будем и воспламеняться с безрассудством и самолюбием, чтобы не увлечься и не уклониться с царского пути. Иначе непременно впадем в одну из крайностей – или будем иметь нужду в побуждениях, по причине лености, или низринемся, по причине горячности. Займем у обеих, что есть в них полезного, у первой кротость, у второй ревность, а избежим того, что есть в них вредного, в первой – медленности, во второй – дерзости, чтобы не остаться бесплодными от недостатка и не подвергнуться опасности от излишества, ибо равно бесполезны и бездейственная праздность и неопытная ревность; одна не приближается к добру, а другая преступает пределы и делает что-то правее правого. Хорошо зная это, божественный Соломон говорит: «не уклоняйся ни направо, ни налево» ([Притч.4:27](#)), чтобы через противоположность не впасть в равное зло – в грех, хотя он же, в похвалу того, что по природе есть правое, говорит: «пути правые

наблюдает Господь, а левые – испорчены» ([Притч.4:28](#)). Каким же образом он хвалит правое, и сам опять отводит от правого? Очевидно, что отводит от правого, которое кажется таким, и не есть правое. Это имея в виду, и в другом месте говорит он: не «будь правдив слишком и не выставляй себя слишком мудрым» ([Еккл.7:17](#)). Ибо и для праведности, и для мудрости одно опасно – горячность в делах и слове, от излишества престапующая пределы совершенства и добродетели. Равно вредят и недостаток и избыток, как правилу прибавление и убавление. Поэтому никто да не будет ни мудр более подлежащего, ни законнее закона, ни блистательнее света, ни прямее правила, ни выше заповеди. А этого достигнем несколько, если познаем мир, восхвалим закон природы, последуем разуму и не презрим благочиния.

«Взгляните вверх, и посмотрите вниз» ([Ис.8:22](#)), и размыслите, как и из чего составила Вселенная, чем была до своего устройства, и как называется она теперь. Все устраивалось по порядку, и устраивалось словом, хотя все могло быть произведено вдруг, как нечто единое. Ибо кто несуществующему дал бытие, а сотворенному – формы и очертания, тот не был бессилен вместе все и произвести, и устроить. Но для того считается одно первым, другое вторым, иное третьим, и так далее, чтобы в тварях был тотчас введен порядок. Итак, порядок устроил Вселенную, порядок держит и земное, и небесное, – порядок у существ умопредставляемых, порядок в вещах чувственных, порядок и у ангелов, порядок в звездах, в их движении, величине, взаимном отношении и светлости. «Иная слава солнца, иная луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» ([1Кор.15:41](#)). Порядок в частях года и временах, которые чинно наступают и проходят, и своими промежутками смягчают свою крутость. Порядок в продолжениях и промежутках дня и ночи. Порядок – в стихиях, из которых тела. Порядок обвел небо, распростер воздух, подложил или наложил землю, разлил и собрал воедино влажное естество, пустил ветры, но не дал им совершенной свободы, связал в облаках воду и не удержал ее, но благовременно равномерно рассеивает по лицу всей земли. И все это не в продолжение краткого мгновения, не при одном случае и не в одно время, но от начала до конца, направлено и идет одним путем, хотя одно неизменно, а другое изменяемо, в первом случае относительно закона, во втором – течения. «Поставил их на веки и века; дал устав, который не прейдет» ([Пс.148:6](#)), – вот неизменяемость; а что происходило, или произойдет, то – следствие течения. И как под владычеством порядка во всем устройство и неизменная красота, так беспорядок и неустройство дали начало в воздухе бурям, в земле потрясениям, на море

кораблекрушениям, в городах и домах раздорах, в телах болезням, в душе грехам. Все это – наименования не порядка или мира, но смятения или беспорядка. Да и то, всякому известное и всеми ожидаемое, разрушение, почитаю не иным чем, братья, как преумножением беспорядка; потому что порядок связывает, а беспорядок разрушает, если угодно бывает разрушать или преобразовывать Вселенную Тому, Кто связал ее воедино. Порядок узаконил и всем животным образ рождения, пищу и свойственное каждому место пребывания; никто не видал, чтобы дельфин рассекал бразды, чтобы вол нырял в воде и плавал, чтобы солнце убавлялось или возрастало ночью, а луна светила днем. «Высокие горы сернам, каменные утесы убежище зайцам. Сотворил луну для указания времен, солнце знает свой запад» ([Пс.103:18–19](#)). Ночь, – и человек связан сном, а звери получили свободу, и каждый ищет пищу, какую дал ему Творец; день, – и звери «собираются, и» человек спешит на «дело свое», – так уступаем место друг другу в порядке, по закону и уставу природы!

Присовокуплю, что еще важнее и ближе к нам: порядок из смешения неразумного с разумным составил человека – животное разумное, таинственно и неизъяснимо связал перст с умом и ум с духом. И чтобы показать еще более чудес в своем творении, одно и то же и сохраняет, и разрушает, одно вводит, другое похищает, как в речном потоке, и смертному доставляет бессмертие посредством разрушения. Порядок отличил нас от бессловесных, соорудил города, дал законы, почтил добродетель, наказал порок, изобрел искусства, сочетал супружества, любовью к детям облагородил жизнь и насадил в человеке нечто большее низкой и плотской любви – любовь к Богу. И нужно ли говорить подробно? Порядок есть мать и ограждение существующего, и он один прекрасно бы мог сказать, что провещало все сотворившее Слово, если бы изрек так: когда Вселенная осуществлялась и устраивалась Богом, «Я был когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака», когда основал землю, «и когда укреплял источники бездны» ([Притч.8:27–28](#)), и «духом уст» Своих даровал всю силу ([Пс.32:6](#)).

Но к чему говорил я обо всем этом, и к чему давно поспешало мое слово? Порядок и в Церквах распределил, чтоб одни были пасомые, а другие Пастыри, одни начальствовали, а другие были подначальными; кто составлял как бы главу, кто – ноги, кто – руки, кто – глаз, кто – иной из членов тела – для устройства и пользы целого, как низших, так и высших. И в телах члены не отделены друг от друга, но целое тело есть одно из различных частей сложенное; не у всех членов один образ действия, хотя и все одинаково имеют нужду друг в друге для дружного и взаимного

действия. Так, глаз не ходит, но указывает путь; нога не смотрит, но переступает и переносит с одного места на другое; язык не приемлет звуков, ибо это дело слуха; ухо не говорит, потому что это дело языка; нос ощущает запахи; «гортань различает вкус пищи» ([Иов.34:3](#)), говорит Иов; рука есть орудие к тому, чтоб давать и принимать; а ум вождь всего: от него способность ощущать, и к нему возвращается всякое ощущение. То же и у нас – в общем теле Христовом. Ибо все составляем «одно тело во Христе», а по единому Христу и один для «другого члены» ([Рим.12:5](#)). Один начальствует и председательствует, а другой водится и управляется; оба действуют неодинаково, если только начальствовать и быть подначальным – не одно и то же, но оба делаются одним во едином Христе, составляемые и слагаемые тем же Духом. И опять, какое расстояние между подчиненными, различающимися по образованию, упражнениям, возрасту! Какая разность между начальствующими! «И духи пророческие послушны пророкам» ([1Кор.14:32](#)). Не сомневайся в этом, потому что это говорит Павел. «И иных», сказано, «Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих», Пастырями и «учителями» ([1Кор.12:28](#)); первых для истины, вторых для тени, третьих для соблюдения меры в пользовании и просвещении. И хотя Дух один, однако же дарования не равны, потому что не равны приемники Духа. «Одному» дается «Духом слово мудрости» и созерцания; иному же слово разума или откровения, иному твердая и несомненная «вера, иному дары чудотворения, иному пророчество, иному дары исцелений, вспоможения», то есть покровительства, «управления», то есть обучения плоти, «разные языки, иному истолкование языков» ([1Кор.12:8–28](#)), высшие и второстепенные дарования, по мере веры. Будем, братья, уважать и соблюдать этот порядок. Пусть один будет слух, другой – язык, иной – рука или что другое; пусть один учит, другой учится, а другой делает добро собственными руками, чтобы подать требующему и нуждающемуся. Пусть один начальствует и получает честь, а другой оправдывается своим служением. Учащий да учит благочинно, «и пророки двое или трое пусть говорят, и то порознь, а один изъясняй» ([1Кор.14:27, 29](#)). Когда же другой получит откровение, тогда первый да уступит ему место. Учащийся да учится в повиновении, подающий да подает с добрым изволением, служащий да служит с усердием. Не все будем языком, всегда готовым, не все пророками, не все Апостолами, не все толкователями.

Говорить о Боге – великое дело, но гораздо больше – очищать себя для Бога, потому что в «лукавую душу не войдет премудрость» ([Прем.1:4](#)). Нам повелено «сеять в правду и пожать милость», чтобы просветиться

светом ведения ([Ос.10:12](#)). И Павел хочет, чтобы мы, по любви нашей к Господу, были познаны от Господа ([1Кор.8:3](#)), а через это познание и сами обучались ([1Кор.13:13](#)); и этот путь ведения считает он лучшим, нежели надменное мнение, которое кичится. Учить – дело великое, но учиться – дело безопасное. Для чего представляешь из себя Пастыря, когда ты овца? Для чего делаешься головой, когда ты – нога? Для чего берешься предводительствовать войском, когда ты поставлен в ряду воинов? Для чего гоняешься на море за великими, но сомнительными выгодами, когда можешь безопасно возделывать землю, хотя и с меньшим приобретением? И если ты о Христе муже ([Еф.4:13](#)), чувства у тебя обучены ([Евр.5:14](#)), и имеешь ясный свет ведения, то вещай Божию премудрость «между совершенными и тайную, сокровенную» ([1Кор.2:6–7](#)), и притом, когда откроется случай, и будешь на это иметь поручение. Ибо что имеешь сам от себя, чего бы тебе не было дано, или чего бы ты не получал ([1Кор.4:7](#))? Если же ты еще младенец, если долу влачишься умом и не имеешь сил взойти к познаниям высшим, то будь коринфянином, питайся молоком. Для чего требуешь твердой пищи, которую члены твои, по немощи, не в состоянии еще употребить и сделать питательной? – Говори, когда имеешь нечто лучше молчания, возлюби безмолвие, где молчание лучше слова; ты знаешь, что похвально «заповедать чин» устам ([Притч.31:26](#)); об ином говорить, иное только слушать, иное одобрять, а другое отвергать, но без огорчения.

Не знаете, братья, нашей скорби! Когда председательствуем здесь с величием и даем эти законы вам – многим, тогда, может быть, большая часть нас самих (что достойно слез) не знает, как взвешивается у Бога каждая мысль, каждое слово и дело, даже не только у Бога, но и у весьма многих из людей. Люди – медлительные судьи своих дел, но скорые истязатели дел чужих. Им легче извинить других в важнейшем, нежели нас в маловажном; и если в них будет еще невежество, то скорее обвинят нас в нечестии, нежели себя в посредственном незнании. Не знаете, какой дар Божий – молчание! Как хорошо не иметь необходимости во всяком слове, но пользоваться свободой иное избирать, а другого избегать, и быть для себя сокровищехранителем и слова, и молчания! Ибо всякое слово, по природе своей, гнило и удобоколеблемо и по причине сопротивного ему слова не имеет свободы; а слово о Боге – тем более, чем выше предмет, чем сильнее ревность и тяжелее опасность. На что же мы, уstraшенные, на что можем положиться, на ум ли, на слово ли, на слух ли, когда от всех трех предстоит опасность? Ибо постигать умом трудно, изобразить словами невозможно, а найти очищенный слух всего труднее.

Бог есть свет и свет высочайший, так что всякий другой свет, насколько бы не казался сияющим, есть только малая Его струя или рассеивающийся отблеск. Но Он, как видишь, попирает «мрак» наш. И «мрак сделал покровом Своим» ([Пс.17:10, 12](#)), поставив его между Собой и нами, как и Моисей в древности полагал покров между собой и слепотствующим Израилем, чтоб омраченная природа не без труда видела сокровенную красоту, которую не многие достойны видеть, чтоб удобно получаемое не было скоро отвергаемо по удобству приобретения, но чтобы один свет входил в общение со Светом, непрестанно влекущим вверх посредством стремления к единению, и только очищенный ум приближался к Уму чистейшему, и чтобы одно открывалось ныне, а другое впоследствии, как награда за добродетель и за обнаруженное еще здесь стремление к этому Свету, то есть за уподобление Ему. Ибо сказано: «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» ([1Кор.13:12](#)). Какое наше унижение! И какое обетование – познать Бога настолько, насколько сами мы познаны! Так сказал Павел, великий проповедник истины, учитель язычников в Вере, который наполнил обширный круг благовествованием, жил не для кого иного, как только для Христа, восходил до третьего неба, был зрителем рая, и для совершенства желал разрешиться ([Фил.1:25](#)). И Моисей едва видел Бога сзади из-за камня (что бы ни означали и Бога сзади и камень), – видел, после многих молитв и данного ему обещания, впрочем, не в такой мере, в какой желал видеть, но укрывшееся от его взора было больше виденного, – Моисей, говорю, бог фараона, вождь великого народа и показавший великую силу знамений! А ты кого наплатил пищею с неба? Какую воду извел из камня? Какое море разделил жезлом? Какой народ провел по водам, как по суше? Каких врагов потопил? Кому указывал путь столпом огненным и облачным? Какого Амалика победил молитвой, воздеянием рук – издалика таинственно прообразуемым крестом, чтобы тебе почитать для себя великим ущербом, если не совершенно постигаешь Бога, и ради этого все приводить в замешательство и ставить вверх дном?

Поскольку упомянул я о Моисее, то из этого не вразумителен ли будет для тебя чин благодати и закон порядка? Ежели ты Моисей, то войди внутрь облака, разглагольствуй с Богом, внимай гласу, прими закон, будь законодателем. А ежели ты Аарон, то взойди с Моисеем, но стань вблизи, вне облака. Но ежели ты какой-нибудь Ифамар или Елеазар – третий после Моисея, или один из старейшин и семидесяти, то стань вдалеке и довольствуйся третьим местом. Ежели ты один из народа из

простолюдинов, то тебя не допустит к себе гора, даже и зверь, ежели к ней прикоснется, будет побит камнями. Тогда оставайся внизу и внимай одному гласу, и то соблюдишись от осквернения и очистившись, как велено. И чтоб тебе многими путями дойти до познания, спрошу: кто из иереев «простер руки» ([Исх.29:9](#))? Моисей. Кто первый был из посвященных? Аарон. И еще прежде этого: кто был «ему вместо Бога» ([Исх.4:16](#))? И кто служил вместо гласа народу? Кто входил во Свята Святых, кроме одного? Да и он всегда ли? Нет, но однажды в год и в определенное время. Носил ли кто Скинию, кроме левитов? И они носили не так ли, как было установлено: одни – важнейшие ее части, другие – менее важные, смотря по достоинству носящих? И поскольку нужно было охранять ее, кто именно охранял и каким образом? Одни ту сторону, другие – другую, и ничто не оставалось неопределенным и неприведенным в порядок, даже касательно малейших частей. А у нас, если приобрели хотя малую славу, часто же и той не имея, если, как ни попало, заучили два или три изречения из Писания, и то не в связи и без должного разумения (такова наша скороспелая мудрость, этот Халанский столп, благовременно разделивший языки!), надобно уже высокоумствовать против Моисея и делаться Дафаном и Авироном – ругателями и безбожниками! Будем лучше избегать их наглости и не станем подражать их высокоумию, чтобы не иметь одного с ними конца!

Хочешь ли, представлю тебе другой порядок, порядок похвальный, порядок достойный, чтоб напомнить о нем и посоветовать его в настоящее время? Примечаешь ли, что из Христовых учеников, которые все были высоки и достойны избрания, один именуется камнем, и ему поверяются основания Церкви, другой больше других любим, и возлежит на персях Иисуса, прочие же не оскорбляются таким предпочтением? Когда Иисусу надлежало взойти на гору, чтобы в просветленном лице открыть Божество и обнаружить сокровенное в плоти, кто с Ним восходит? Ибо не все были зрителями этого чуда, но Петр, Иаков и Иоанн, которые и считались и были выше других. Кто был с Иисусом, когда Он находился в борении, уединялся незадолго перед страданием и молился? Опять они же. Но в этом видно предпочтение Христово, во всем же прочем видны благочиние и порядок, из чего же? Об одном спрашивает Петр, о другом Филипп, об ином Иуда, об ином Фома, об ином другой кто, и не все о том же, и не один обо всем, но каждый о чем-нибудь и в свою очередь. Может быть, скажешь: каждый о том, что ему было нужно. Но как покажется тебе следующее? Филипп хочет сказать нечто, и один не смеет, но приглашает и Андрея. Петру нужно задать один вопрос, он знаком предлагает это и

Иоанну. Где здесь необщительность, где любоначалие? Да и в чем ином показали бы они себя действительными учениками Христа, кроткого и смиренного сердцем, соделавшегося рабом за нас – рабов Его и во всем воздающего всякую славу Отцу, чтобы дать нам образец порядка и скромности, которую мы до того не уважаем, что я желал бы, по крайней мере, не сделаться дерзнее всех людей, после того, как мы столько оказываем скромности в предметах и обстоятельствах самых важных? Разве не знаешь, что смирение не столько познается в мелочах (ибо тогда может оно быть только напоказ и иметь ложный вид добродетели), сколько испытывается в делах важных? По мне, смиренномудр не тот, кто о себе говорит мало, при немногих и редко, и не тот, кто униженно обращается с низшим себя, но тот, кто скромно говорит о Боге, кто знает что сказать, о чем помолчать, в чем признать свое неведение; кто уступает слово имеющему власть говорить, и соглашается, что есть люди, которые его духовнее и более преуспели в умозрении. Стыдно одежду и пищу выбирать не дорогую, а дешевую, доказывать смирение и сознание собственной немощи мозолями на коленях, потоками слез, также постничеством, бдением, возлежанием на голой земле, трудом и всякими знаками унижения, но касательно учения о Боге быть самовластным и самоуправным, ни в чем никому не уступать, подымать бровь перед всяким законодателем, тогда как здесь смирение не только похвально, но и безопасно.

«Итак, неужели молчать о Боге? – возразит кто-нибудь из людей горячих. – И ты нам это приказываешь? О чем же и говорить, если не об этом? К чему сказано: «хвала Ему непрестанно в устах моих», и: «благословлю Господа во всякое время» ([Пс.33:1](#)); «истину произнесет язык мой» ([Притч.8:7](#)); «и устам моим не возбраню» ([Пс.39:12](#))?» Он приведет и другие подобные, то же выражающие, и определенные изречения. Такому человеку надобно отвечать с кротостью и без жестких слов, чтобы и тем самым научить благочинию. Не молчать приказываю тебе, мудрейший, а не стоять упорно за свое; не истину скрывать, а учить, сверх закона. Я первый из хвалителей мудрости, первый из упражняющихся или, по крайней мере, желающих упражняться в Божием слове. Я никогда не предпочту этому занятию чего-либо другого, дабы сама Мудрость не назвала меня жалким, как уничижителя мудрости и образования. Впрочем, я избегаю излишества, не даю места неумеренности; согласен лучше быть менее должного деятельным, нежели пытливым; если нельзя избежать того и другого и сохранить умеренность, согласен лучше быть робким сверх надлежащего, нежели дерзким. А твой

поступок почти таков же, как если бы стал меня винить, что совершенно запрещаю тебе употребление пищи, когда не позволяю быть неумеренным в пище, или хвалю слепоту когда советую смотреть целомудренно. «Если имеешь знание», сказано, «отвечай» ([Сир.5:14](#)), никто не воспрепятствует, «если нет», наложи узы на уста твои. Тем более прилично это готовым учить. Если время тебе учить, учи, а если нет, то, связав язык, разреши слух. Поучайся в Божественном, но не выходи из пределов, говори о духовном и, если можно, об этом одном, говори чаще, нежели переводишь дыхание (хорошо и богоугодно припоминанием Божественного возбуждаться к Богу), но размышляя о том, что тебе заповедано, не любопытствуй об естестве Отца, об осуществлении Единородного Сына, о славе и силе Духа, о Едином в Трех Божестве, о единой светлости, о нераздельном естестве и исповедании, о нераздельной славе и надежде верующих. Держись выражений, которые приняты тобой с воспитанием, а слово предоставь мудрейшим. Довольно, чтоб в тебе было основание, а надстраивает пусть художник. Довольно с тебя – подкрепить сердце хлебом, а другие снеди уступи богатым. Никто из здравомыслящих не осудил тебя, питающегося недорогими яствами, но осудил, если, пока можешь, не предложишь хлеба и не напоишь водой ученика Христова или кого другого. Не будь «опрометчив в словах» ([Притч.29:20](#)), повелевает тебе мудрость. «Не заботься о том, чтобы нажить богатство» ([Притч.23:4](#)), не усиливайся быть мудрее мудрого. И то мудрость, чтобы знать самого себя, но не превозноситься и не подвергнуться тому же, что бывает с голосом, который совершенно теряется, если чрезмерно напряжен. Лучше, будучи мудрым, уступать по скромности, нежели, будучи невеждой, надуваться по дерзости. Скорость твоя да простирается только до исповедания Веры, если это потребуется от тебя; а в том, что далее этого, будь медлен, ибо там медленность, а здесь поспешность сопряжены с опасностью. Какая беда тебе, если ты не во всяком собеседовании удержишь за собой верх и не при всяком предложении или вопросе будешь иметь первенство, напротив, другие окажутся более тебя мудрыми или смелыми? Благодарение Богу, что дает и превосходные дары, и умеет спасать общими средствами!

Такое чудо усматривается не в рассуждении одного учения, но и в рассуждении самого творения, если ты размышлял об этом. И в ряду тварей первые принадлежат не некоторым, но всем; дар одной твари есть дар общий. И в Вере средства спасения принадлежат не сильнейшим, а желающим. Что превосходнее воздуха, огня, воды, земли, дождей, садовых и лесных плодов, крова, одежды? Но ими все пользуются, иным

совершенно, а другим в известной мере, и нет такого притеснителя, который бы один захотел наслаждаться общим даром. Бог для всех равно сияет солнцем, дождит для богатых и бедных, для всех сменяются ночь и день, общий дар – здоровье, у всех общие – предел жизни, мера и красота тела, способность чувств. Даже бедный имеет, может быть, больше, потому что больше благодарит за эти дары и с большим удовольствием наслаждается общими благами, нежели сильные земли – благами избыточествующими. Итак, перечисленные дары общи и равночестны, и служат доказательством Божией правды. А золото, блестящие и дорогие камни, мягкая изысканная одежда, горячащие и раздражающие снеди, излишество имения – приобретаются с трудом и составляют преимущество немногих. То же усматриваю и в отношении к Вере. Всем общи: Закон, Пророки, Заветы, словеса Заветов, благодать, детовождение, совершенство, страдания Христовы, новая тварь, Апостолы, Евангелия, раздаяние Духа, вера, надежда, любовь как к Богу, так и Божия. И дары эти, не как издревле дар манны неблагодарному и непризнательному Израилю, даются не в меру, но каждому, сколько хочет. Таковы же: восхождение, озарение, малое еще здесь, а яснейшее в чаемой будущности; таково и то, что всего важнее, познание Отца и Сына и Святого Духа, и исповедание первой нашей надежды. Что этого выше и что более общее? За этим же следующее, хотя выше ценится по редкости, но касательно необходимости, занимает второе место. Ибо без чего нельзя быть Христианином, то полезнее доступного немногим.

Иной богат даром созерцания, стоит выше многих, «духовное соображает с духовным» ([1Кор.2:13](#)), «пишет трижды» на широте сердца своего ([Притч.22:21](#)) слово, назидующее всех, и слово, назидующее многих, и слово, назидующее некоторых вместо многих или всех; он не терпит убожества и проникает в глубину. Такой пусть восходит и путеводится и возносится умом, даже, если хочет, до третьего неба, подобно Павлу, но только с разумом и ведением, чтобы не пасть от превозношения и не растопить крыльев от высоты полета. Кто позавидует похвальному восхождению? Но и какое падение сравнится с падением человека, который уязвлен превозношением и не знает низости человеческого возвышения, не знает того, как далек от истинной высоты даже и тот, кто много возвысился над всеми?

Другой скуден умом и беден в языке, не знает оборотов речи, изречений и загадок мудрецов, Пирроновых способов настоять, задержать, противополжить, Хризипповых приемов решать силлогизмы, злохудожности Аристотелевых ухищрений, обаяний Платонова

красноречия, что все, подобно египетским язвам, ко вреду вкралось в нашу Церковь, но и такой имеет средства спастись. С помощью каких же изречений? Подлинно, ничего нет богаче Благодати! Не нужно тебе, говорит Писание, восходить на небо, чтобы совлечь оттуда Христа, ни сходить в бездну, чтобы возвести Его оттуда из мертвых, любопытствуя или о первом естестве, или о последнем домостроительстве. «Близко к тебе», сказано, «слово» ([Рим.10:6–8](#)). Это сокровище имеют ум и язык, первый, если верует, последний, если исповедует. Что удобоносимее этого богатства? Какой дар легче приобрести? Исповедуй Иисуса Христа и веруй, что Он воскресен из мертвых – и ты спасешься. Ибо оправдание – и веровать только, совершенное же спасение – исповедовать и к познанию присовокуплять дерзновение. Чего же большего ищешь ты, кроме спасения? Будущей славы и святости. Для меня весьма важно спастись и избавиться от тамошних мучений. Ты идешь путем непробитым и недоступным, а я – путем протоптанным, и который спас многих. Не было бы, братья, ничего несправедливее нашей Веры, если бы она была уделом одних мудрых и избыточествующих в слове и в умственных доводах, а простому народу надлежало бы также оставаться без приобретения веры, как без золота, без серебра и без всего иного, что дорого ценится на земле и чего многие сильно домогаются, и если бы только высокое и не многих достигающее было любезно Богу и им приемлемо, а близкое и доступное многим – презираемо и отвергаемо Богом. И из людей умереннейшие не потерпели бы не искать почестей, которые им по силам, восхищаться же только почестями высшими; тем паче не потерпит этого Бог, в Котором, ежели многое досточудно, то досточуднее прочего то, что Ему всего свойственнее благодатью всем. Не презирай обыкновенного, не гоняйся за новым, чтобы отличиться перед большим числом людей. «Лучше немного» при безопасности, нежели многое, но ненадежное. Да научит тебя своим советом Соломон ([Притч.15:76](#))! «И лучше бедный, ходящий в своей непорочности» ([Притч.19:1](#)), – вот еще одна из мудрых притчей! Скудный в слове и знании, опирающийся на простые выражения и спасающийся на них, как на малой ладье, выше борзого на язык глупца, который с невежеством доверяет доводу ума, а крест Христов, который выше всякого слова, упраздняет силой в слове, где слабость доказательства служит умалением истины.

Для чего летишь к небу, когда назначен ходить по земле? Для чего начинаешь строить столп, не имея, чем его довершить? Для чего меряешь горстью «воду, небо пядью, и всю землю горстью» ([Ис.40:12](#)), – меряешь великие стихии, измеримые для одного только Творца? Прежде всего

познай сам себя, рассмотри, что в руках. Кто ты? Как ты сотворен и составлен так, что вместе и образ ты Божий, и сопряжен с худшим? Что привело тебя в движение? Какая открывается на тебе мудрость? Какая тайна естества? Как ты описан местом, а ум не отделяется, но, пребывая в том же месте, все обходит? как глаз мал, и достигает до самых дальних расстояний? Или лучше сказать: зрение есть ли приемник видимого или поступление к видимому? Как одно и то же и движет и двигается, будучи управляемо волей? И где прекращение движения? Какое разделение чувств, и как через них ум беседует с внешним и принимает в себя внешнее? Как воспримлет он образы вещей? Что такое сохранение воспринятого – память, что такое возобновление утратившегося – припоминание? Как слово есть порождение ума, и рождает слово в уме другого? Как словом передается мысль? Как посредством души питается тело, и как душа через тело принимает участие в страстях? Как сковывает ее страх, развязывает отважность, стесняет печаль, расширяет удовольствие, снedaет зависть, надмевает гордость, облегчает надежда? Как гнев приводит в ярость, и стыд в краску, первый заставляя кровь кипеть, а другой – отливаться? Как признаки страстей отпечатлеваются в теле? Какое преимущество разума? Как он управляет страстями и укрощает их движения? Как бесплотное удерживается кровью и дыханием? Почему при оскудении последних отходит душа?

Это-то или что-нибудь из этого старайся познать, человек (не говорю еще о природе, о движении неба, о чине звезд, о смешении стихий, о различии животных, о высших и низших степенях небесных Сил, обо всем том, чему уделено созидательное слово, о законах промышленности и управления); но и тогда не скажу: будь смел; напротив, страшись касаться предметов высших, превосходящих твои силы. Особенно же всякое спорное и честолюбивое слово обращается в навык к состязаниям о важнейших предметах. И, как в детях напечатлеваешь первые правила нравственности для того, чтобы они впоследствии избегали пороков, так и в отношении к слову не должно оказывать дерзости и необузданности даже в суждениях о вещах маловажных, чтобы не приучиться к такому злоупотреблению в суждениях о важнейшем. Ибо легче – не поддаться пороку вначале и избежать его, когда он только к нам близок, нежели пресечь и стать выше его, когда он уже сделал в нас успехи; как и камень легче подпереть и удержать вначале, нежели поднять вверх, во время его падения. Но если ты ненасытим и не можешь остановить болезни, то не теряй из виду и помни следующее правило: пусть истощается твое честолюбие на исследование предметов безопасных.

Если же и на то не согласен, и язык твой не терпит узды, ты не можешь преодолеть стремления, но тебе непременно надобно высокоумствовать, не уступать первым Силам (если только и для них нет меры познания) и стать выше, нежели сколько полезно, то не осуждай брата и робости не называй нечестием. Ты, давший обет кротости, не уходи от него стремительно, или осудив его, или отчаявшись в нем; но здесь покажи себя, пока можно, смиренным. Здесь – предпочти брата без вреда для себя, здесь – где осудить и унижить значит отлучить от Христа и от единой надежды, значит обнаружившуюся пшеницу, которая, может быть, сделается честнее тебя, исторгнуть вместе с плевелами. Напротив, частью исправь его и притом кротко и человеколюбиво, не как враг или немилосердный врач, который только и знает одно средство – прижигать и резать; частью же познай самого себя и собственную немощь. Что ж, если, имея в глазах загноение или другую какую болезнь, не ясно видишь солнце? Что ж, если тебе кажется все кружащимся, потому что у тебя тошнота или, может быть, ты пьян, между тем свое незнание приписываешь ты другим? Гораздо нужнее подумать и многое испытать, прежде нежели осудишь другого в злочестии. Не одно и то же – срезать растение или какой кратковременный цветок, и человека. Ты – образ Божий, и беседуешь с Божиим образом. Ты – судящий другого, сам будешь судим; ты судишь чужого раба, которым правит другой. Смотри на своего брата, как будто бы ты сам был судим вместе с ним. Поэтому не скоро отсекай и бросай член, пока неизвестно, не сделает ли это вреда и здоровым членам. Подай совет, «запрещай, увещевай» ([2Тим.4:2](#)). У тебя есть правило лечения, ты ученик Христа, кроткого, человеколюбивого и понесшего наши немощи. Если брат в первый раз воспротивился, потерпи великодушно, если во второй, не теряй надежды, – еще есть время к излечению, если и в третий раз, то будь человеколюбивым земледельцем, еще упроси господина не высекать и не подвергать своему гневу бесплодную и бесполезную смоковницу, но позаботиться о ней и «обложить ее навозом» ([Лк.13:8](#)), то есть доставить ей лечение исповеди, обнаружения постыдных дел и опозоренной жизни. Кто знает, переменится ли она, принесет ли плоды и напитает ли Иисуса, возвращающегося из Вифании? Потерпи действительное или кажущееся тебе зловоние брата своего – ты, который помазан духовным миром, составленным по мироварному художеству, чтобы сообщить брату свое благоухание. Грех – не такой яд ехидны, от которого тотчас по уязвлении постигает мучительная боль или сама смерть, так что тебе было бы извинительно бежать от зверя или убить его. Напротив, если можешь,

излечи брата; а если нет, по крайней мере, сам не подвергнешься опасности сколько-нибудь участвовать с ним в его порочности. Болезнь брата есть какой-то неприятный смрад, и его может быть прогонит преобладающее твое благоволение. И тебе можно бы охотно решиться за своего сораба и сродника на нечто подобное тому, что Павел ревнитель осмелился помыслить и сказать, сострадая об израильтянах, то есть чтобы вместо него, если возможно, приведен был ко Христу Израиль, – и тебе, говорю, который часто, по одному подозрению, отлучает от себя брата, и кого, может быть, приобрел бы благосклонностью, того губит своей дерзостью, губит свой член, за который умер Христос. Итак, хотя ты и крепок, говорит Павел, рассуждая о пище, и благонадежен в слове и мужестве веры, однако же назидай брата и «не погуби пищею твоею» ([Рим.14:15](#)) того, кто почтен от Христа общим страданием. Ибо хотя здесь и о другом дело, однако же одинаково полезно слово увещания.

Как в древности у мудрых евреев не позволялось молодым людям читать некоторые Священные книги, потому что они не принесли бы пользы душам еще не твердым и нежным; так и у нас надлежало бы постановить законом, чтобы не всякому и не всегда, а только в известное время и известным лицам дозволялось учить о Вере, именно тем, которые не вовсе нерадивы и медлительны умом, и не слишком ненасытимы, честолюбивы и более надлежащего горячи в деле благочестия. Таким людям следовало бы давать поручения, исправляя которые, они не могли бы вредить ни себе, ни другим, а право учить предоставить умеренным в слове, как истинно благоустроенным и целомудренным; простолудинов же отводить от этого пути и от усилившегося ныне недуга – говорливости, обращать же их к другому безопаснейшему роду добродетели, где и нерадение менее вредно, и неумеренность не противна благодетелию. Ибо если бы, как «один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех и через всех и во всех» ([Еф.4:5,6](#)), так один был путь ко спасению – путь слова и умозрения, и кто совратился бы с него, тот необходимо во всем стал бы погрешать и совершенно отторгаться от Бога и будущей надежды, то всего было бы опаснее и подавать такие советы, и слушаться их. Но если как в человеческом быту много разности между родами и правилами жизни, из которых одни выше, другие ниже, одни знатнее, другие менее славны, так и в жизни Божественной – не одно средство спасения, и не один путь к добродетели, но многие; да и тому, что у Бога обителей много – изречение, повторяемое всеми и на языке всех живущих, не другая какая причина, но множество путей, ведущих в эти обители, и путей то более опасных и светлых, то смиренных и безопасных; почему же

мы, оставив пути безопаснейшие, обращаемся на этот один путь, настолько небезопасный и скользкий, притом ведущий неизвестно куда? Или хотя и не всем прилична одна пища, но каждому нужна своя, по различию возраста и привычек, однако же жизнь одна и та же, слово одно и то же всем полезны. Я и сам не стал бы утверждать этого и не согласился бы с теми, которые это утверждают.

Итак, если хотите принять совет мой, юноши и старцы, начальники народные и подчиненные, монахи и спасающиеся в общежитии, откажитесь от чрезмерного и бесполезного честолюбия, приближаясь же к Богу жизнью, делами и учением более безопасным, приготовляйтесь к тамошней истине и созерцанию о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

Слово 33

Против ариан и о самом себе

Где же те, которые упрекают нас за бедность и гордятся богатством; признаком Церкви поставляют многолюдство и презирают малое стадо; измеряют Божество и взвешивают людей; высоко ценят песчинки и унижают светила; собирают в сокровищницу простые камни и пренебрегают жемчужинами? Они не знают, что не столько песок и простые камни обильнее звезд и камней самоцветных, сколько последние чище и драгоценнее первых. Опять негодуешь, опять вооружаешься, опять оскорбляешь, ты, новая вера²²⁸. Удержи ненадолго твои угрозы, дай мне выговорить слово. Мы будем не оскорблять, но обличать, не угрожать, но укорять, не поражать, но врачевать. Тебе и это кажется оскорблением? Какое высокомерие! И здесь равностное делаешь рабом?²²⁹ А если нет, то дай место моему дерзновению; ибо и брат обманутый обличает брата. Хочешь ли, скажу тебе то же, что говорил Бог упорному и ожесточенному Израилю: «Народ Мой, что сделал я тебе и чем обидел тебя, и чем отягощал тебя» ([Мих.6:3](#))? Особенно же к тебе, оскорбителю, у меня слово.

Правда, что мы худо наблюдаем другу друга обстоятельства каждого, и расторгнув единодушие разноверием, едва ли не более стали бесчеловечны и жестоки один к другому, нежели сами варвары, которые ныне воюют с нами²³⁰, и которых соединила разделяемая ныне Троица, не говорю уж, что поражаем не чужие чужих, не иноязычные иноязычных (что было бы хотя малым утешением в бедствии), но принадлежащие почти к одному дому расхищаем, и (если угодно) члены одного тела истребляем друг друга, и сами истребляемся. И не в этом еще все бедствие (хотя и это велико), но в том, что убавление свое почитаем приращением. Впрочем, поскольку поставлены мы в такое положение и веруем, смотря по времени, то сравним между собой наши обстоятельства. Ты представь мне своего царя, а я представлю тебе своих; ты – Ахаава²³¹, я Иосию²³². Ты изобрази мне свою кротость, а я изобразу тебе свою дерзость. Лучше сказать, твоя дерзость повторяется уже устами многих и во многих книгах, которые и грядущее время, думаю, примет как бессмертный памятник деяний; а я скажу тебе о своей.

Какой дерзостно устремляющийся народ навел я на тебя? Каких вооружил воинов? Какого поставил военачальника, кипящего гневом, превосходящего дерзостью самих повелителей, притом не христианина, но

такого, который бы свои нечестивые с нами поступки почитал приличным для него служением чтимым им демонам? Держал ли я в осаде кого молящегося и воздевающего руки к Богу? Остановил ли звуком труб какие псалмопения? Смешал ли у кого таинственную кровь с кровью, проливаемой убийцами? Заставил ли кого духовные вопли заменить плачем погибельным, и слезы сокрушения – слезами страдания? Превратил ли какой дом молитвы в место погребения? Предал ли какие священные и неприкосновенные для народа сосуды в руки незаконным или «Навузардану архимагиру»²³³ ([4Цар.25:15](#)), или Валтасару, нечестиво упивавшемуся из священных чаш и понесшему наказание, достойное его безумия? «Жертвенники возлюбленные», как говорит Божественное Писание ([Ос.8:12](#)), а ныне поруганные! Издевался ли над вами, по нашему наущению, какой-либо бесстыдный юноша, и поющий представляющий из себя срамное? Особенно поругался ли я через кого подобного над великим и Божественным таинством? Досточестная кафедра, страдалище и успокоение мужей досточестных, переменявшая многих благочестивых иереев, свыше поучавших Божественным тайнам! Восходил ли на тебя какой языческий вития – язык лукавый, предающий позору Христианство? Стыдливость и честность дев, не терпящая взора мужей, даже и целомудренных! Осрамил ли тебя кто из нас, предал ли поруганию даже скрываемое от очей и доставил ли взорам нечестивых зрелище жалкое и достойное огня содомского? Умалчиваю об убийствах, которые сноснее срама. Пускали ли мы каких зверей на тела святых (что делали некоторые), выставя на позор человеческое естество и обращая в вину одно то, что не приложились к их нечестию, не осквернились с ними общением, которого бегаем, как змеиною яда, не телу наносящего вред, но очерняющего глубины души? Кому вменяемо было в преступление даже погребать мертвых, которых уважали сами звери, – притом в преступление достойное другого зрелища и других зверей? Каких епископов старческие плоти испещрены были железными когтями в присутствии учеников, которые ничем кроме слез не могли помочь, – плоти, распятые со Христом, победившие своим страданием, оросившие народ драгоценной кровью, и наконец преданные смерти, чтобы со Христом погребстись и прославиться, – со Христом, победившим мир посредством таковых закланий и жертв? Каких Пресвитеров делили между собой противоборствующие стихии – огонь и вода, так что на море восстал необычайный светильник, когда они сгорали вместе с кораблем, на котором плыли? Кого (закрою большую часть наших бедствий) обвиняли в

бесчеловечии сами начальники, исполнявшие такие поручения?

Хотя они служили желаниям поручивших, однако же ненавидели жестокость произволения: одно заставляли делать обстоятельства времени, другое внушал разум; одно было беззаконием царя, а другое происходило от сознания законов, по которым надлежало судить. Или упомянуть нам и о старом, потому что и это дело того же собратства? Отсекал ли я руки у кого живого или мертвого, и лгал ли на святых, чтобы клеветой вооружиться против Веры? Чьи изгнания перечислял я как благодеяния и оказывал ли неуважение к священным соборам священных любомудрцев, ища между ними покорных? Напротив, и их сделал я мучениками, подвергшимися опасности за доброе дело. К кому из мужей, почти бесплотных и бескровных, приводил блудниц – я, обвиняемый за нескромность речей? Кого из благочестивых, изгнав из отечества, предал я в руки людей беззаконных, чтобы заключенные, подобно зверям, в мрачные жилища и разлученные друг с другом (что всего тягостнее в этом печальном событии) томились они голодом и жаждой, получая скудную пищу и то через узкие скважины и не имея возможности видеть страждущих вместе с ними? И это терпели те, «которых весь мир не был достоин» ([Евр.11:38](#)). Так чтите вы Веру! Так принимаете странных! И большей части таких дел вы не знаете? Тому и быть надлежало; потому что и дел такое множество, и в совершении их столько наслаждения! Но страждущий памятьнее, для чего говорить мне о чем-нибудь отдаленном? Некоторые своими насилиями превзошли требования времени, подобно вепрям, кидающимся на ограду. Требую вчерашней вашей жертвы, этого старца и подобного Аврааму отца, которого вы, при возвращении его из изгнания, встретили камнями среди дня среди города, а мы (если неоскорбительно для вас говорить об этом) позаботились о самих убийцах, которые подвергались опасности. «Как же мне простить за это», говорит Бог в одном месте Писания ([Иер.5:7](#)), за что похвалить? Или лучше сказать, за какое из этих дел увенчать вас?

Поскольку же таковы и такого свойства твои дела, то скажи мне и мои неправды, дабы я или устыдился или перестал быть злым. Подлинно всего более желаю вовсе не грешить. А если это невозможно, сделав неправду, желаю возвратиться на истинный путь, что составляет второй отдел людей благомыслящих. Ибо хотя я не «первый», подобно праведнику, «который в тяжбе своей прав» ([Притч.18:17](#)), по крайней мере, радуюсь, когда другой врачует меня.

Говорят, у тебя город мал, и не город, а пустое, скучное и малолюдное селение. Но если это худо, наилучший, то здесь я более пострадал, нежели

сам действовал. И ежели терплю не по своей воле, то я несчастен (пусть это будет сказано), а ежели терплю добровольно, то я философ. Что ж это за обвинение, ежели никто не порицает дельфина за то, что живет не на суше, и вола за то, что водится не в море, и угря за то, что он животное земноводное? – А у нас, говоришь, есть стены, и зрелища, и конские ристалища и царские дворцы, красота и величие портиков, этот невероятный труд – подземная и воздушная река²³⁴, столько блистательный и знаменитый столп²³⁵, многолюдное торжище, волнующийся народ, похваляемое собрание мужей благородных. Но почему не говоришь о выгодах местоположения, о том, что суша и море как бы спорят друг с другом, кому из них больше принадлежит город, и своими дарами обогащают этого царя городов? Итак, в том наша неправда, что вы велики и славны, а мы низки и пришли от низких? В этом и многие неправы перед вами, или, лучше сказать, все, которых вы превосходите. И надобно предать нас смерти за то, что не построили города, не обнесли стенами, не хвалимся ни конскими ристалищами, ни борьбой, ни псовой охотой, ни бешеной страстью ко всему этому, ни прихотливостью и великолепием бань, ни драгоценностью мраморов, ни картинами, ни златоблестящими и разнообразными насечками, едва не уподобляющимися самой природе? Мы не рассекли у себя моря²³⁶, не смешивали времен года, чтобы жизнь свою сделать приятнейшей и безопаснейшей; а ты – новый творец, верно, сам это сделал! Присовокупи, если угодно, и другие обвинения, – ты, который говорит словами Божиими: «Мое серебро и Мое золото» ([Агг.2:9](#)). Мы невысоко думаем о богатстве, к которому, «если умножается», закон наш повелевает не «прилагаться» ([Пс.61:11](#)), не высчитываем у себя годовых и ежедневных доходов, не тщеславимся грузом стола и приправами для бесчувственного чрева, ибо не хвалим всего того, что, будучи принято гортанью, делается равночестным, или, лучше сказать, равно нечестным и извергаемым; но живем просто, не запасаясь на завтрашний день, мало чем отличаясь от зверей, у которых нет ни сосудов, ни запасов. Или будешь ставить мне в вину истертую мою одежду и некрасивый склад лица? Ибо вижу, что такими вещами превозносятся люди очень низкие. Но ты не коснешься головы и не обратишь внимания на то, что дети заметили у Елисея (умолчу о последующем). Не станешь винить меня за необразованность или за то, что произношение мое кажется тебе жестким и грубым. А во что поставишь, что я не говорлив, не забавен, не могу понравиться тем, с которыми бываю вместе, не посещаю народных собраний, не умею

повести разговор и перекинуться словом, с кем случится и как случится, так что и речи мои несносны, не бываю в новом Иерусалиме, в Зевксиппе²³⁷, не хожу из дома в дом ласкательствовать и насыщать чрево; но больше сижу у себя дома угрюмый и печальный, в безмолвии занимаюсь самим собой – искренним судьей дел и, может быть, достойным уз за то, что бесполезен? Как бы тебе простить меня за все это и не винить? О, ты еще благосклонен и человеколюбив!

А я веду себя по старине и по-философски, так что по мне одно небо, и оно для всех, а также почитаю общими для всех обращение Солнца и Луны, и порядок и расположение звезд, уравниность и благопотребность дня и ночи, и еще преемство времен года, дожди, плоды, животворную силу воздуха, думаю, что для всех равно текут реки, это общее и независтное богатство, что земля одна и та же, что она наша мать и наш гроб, что из нее мы вышли, и в нее возвратимся, не имея в том никакого преимущества друг перед другом. А что еще важнее, признаю общими разум, Закон, пророков и сами страдания Христовы, через которые воссозданы мы. Не говорю, что один воссоздан, другой же нет, но все мы, участвовавшие в том же Адаме, и змием обольщены, и грехом умерщвлены, и спасены Адамом небесным, и к древу жизни, от которого отпали, возведены древом бесчестия.

А меня вводил в заблуждение Самуилов Армафем ([1Цар.1:1](#)) – это малое отечество великого, вводил тем, что не обесчестил собой пророка и стал знаменитым не столько сам по себе, сколько через него, не послужил ему препятствием и быть посвященным Богу до рождения, и пророчествовать, провидя «задолго перед тем» ([Ис.41:26](#)), даже не это одно, но помазывать царей и священников и судить, тех, которые происходили из знатных городов. О Сауле же слышал я ([1Цар.9](#)), что он, ища ослов отца своего, нашел царство. И сам Давид берется от стад овец и пасет Израиля ([1Цар.16](#)). А что Амос? Не тогда ли вверяется ему пророческое служение, когда «был пастухом и собирал сикиморы» ([Ам.7:14](#))? Как же не упомянул я об Иосифе, который был рабом и раздателем хлеба в Египте и отцом многих тысяч, обетованных Аврааму? Да и Авраам (скажу важнейшее) не переселенец ли был? Моисей не был ли сперва брошен, а потом не сделался ли законодателем и вождем поспешавших в землю обетованную; и сказания его не велики ли и не чудны ли? Приводили меня в заблуждение и Кармил Илиин, предшествовавший огненной колеснице, и милость Елисеева, имевшая более силы, нежели шелковые нити и золото, насильственно обращенное в одежду. Приводили меня в заблуждение и пустыня Иоаннова, вмещавшая в

себе большего в рожденных женами, а вместе и его пища, пояс и одежда. Я дерзал на нечто большее, самого Бога находил защитником моего убожества. Меня поставят наряду с Вифлеемом, обесчестят наряду с яслями; что ж удивительного, если ты бесчестящий Бога за ясли, по той же причине презираешь и проповедника? Представлю в пример и рыбаков, и нищих благовествующих, предпочтенных многим богатым. Ужели не перестанешь когда-нибудь гордиться городами, не уважишь когда-нибудь презренную для тебя и бесчестную пустыню? Не говорю о том, что и золото рождается в песке, что и драгоценные камни суть произведение и дар камней простых. А если бы им противоположил я то, что и в городах есть бесчестного, то, может быть, не на добро воспользовался бы свободой слова.

Но у нас проповедник чужеземный и пришлый, скажет, может быть, кто-нибудь из людей слишком ограниченных и плотолубцев. Что же апостолы? Разве не чужеземцы были для многих народов и городов, по которым они разделились, чтобы повсюду пронеслось Евангелие, чтобы все было озарено Троичным Светом, просвещено истиной, так чтобы и для сидящих во тьме и тени смертной рассеялся мрак неведения? Сказано: «нам идти к язычникам, а им к обрезанным» ([Гал.2:9](#)). Слышишь, это говорит Павел! Пусть Петру Иудея, что ж общего у Павла с язычниками, у Луки с Ахайей, у Андрея с Эпиром, у Иоанна с Ефесом, у Фомы с Индией, у Марка с Италией, – что у всех (не говоря о каждом порознь) общего с теми, к которым они ходили проповедовать? Поэтому или их укори, или и мне не ставь в вину, или докажи, что ты, стоя за истинное учение, оклеветан напрасно. Но поскольку до сих пор рассуждал я с тобой об этом просто, то полюбоумудрствую и возвышеннее.

У всех высоких, о человек! одно отечество – горный Иерусалим, в котором сокрыто житие наше. У всех один род, и если угодно смотреть на дальнее, – это прах, а если на высшее, – это дыхание, к которому мы стали сопричастны, которое заповедано нам хранить и с которым должно предстать на суд и дать отчет в соблюдении горнего нашего благородства и образа. Поэтому всякий благороден, кто соблюдает это дыхание добродетелью и стремлением к Первообразу, и всякий не благороден, кто осквернил его пороком и принял на себя чуждый образ – образ змия. Дальние же эти отечества и породы суть только забава нашей временной жизни и лицедейства. Ибо и отечеством именуется то, что каждый предвосхитил или насилием, или собственным бедствием, и где все одинаково странники и пришельцы, сколько бы мы ни играли названиями; и благородным родом называется или издавна богатый, или недавно разбогатевший, напротив,

неблагородным – который ведет начало от родителей, или по несчастию, или по любви к справедливости, бедных. Ибо можно ли назвать издревле благородным, что частью начинается ныне, а частью разрушается, и одним не дается, а другим приписывается? Так я об этом рассуждаю. И потому предоставлю тебе высоко думать о гробах и баснях, а сам попытаюсь, насколько могу, освободиться от обольщения, чтобы или возвратить, или сохранить благородство.

В таких-то мыслях и по таким-то причинам пришел к вам я – человек малый, имеющий незнатное отечество, и пришел не по своей воле, не по собственному вызову, как многие ныне рвутся в предстоятели, но призванный, принужденный и покорившийся страху и Духу. И если слово мое лживо, то пусть еще долее сражаюсь здесь напрасно и никого не выведу из заблуждения, а напротив, пусть исполнится желание тех, которые молят бесчадия душе моей! Но после того как пришел я сюда, и может быть не с властью, ничего не значащей (похваляюсь несколько и делами неразумия), подражал ли я кому из ненасытных, ревновал ли о чем временном, хотя и имел перед собой такие примеры, хотя и без примеров не быть худым дело трудное и редкое? Входили ли мы с вами в спор о каких церквах, о каких сокровищах, хотя вы богаты тем и другим сверх нужды, а мы тем и другим скудны? Стояли ли мы с ревностью за какой-нибудь нарушенный царский указ? Угождали ли каким начальникам, чтоб обратить их против вас? Обнаружили ли чью дерзость?

А что сделано против меня? «Господи, не вмени им греха этого» ([Деян.7:60](#)), и тогда²³⁸ говорил я, кстати вспомнив слова Стефана, и ныне молюсь. «Злословят нам, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим» ([1Кор.4:12](#)). А если несправедлив я перед вами в том, что, видя себе насилия, терплю, то простите мне эту несправедливость, и от других терпел я, когда мне делали насилия. Благодарю, что кротость вменена мне в безумие! Ибо гораздо возвышеннее, нежели как надлежало бы рассуждать, подражая вам, рассуждаю я так: что составит это в сравнении с теми плевками и пощечинами, какие претерпел Христос, за Которого и для Которого подвергаемся опасностям? Всего этого не сравню с одним – с терновым венцом, увенчавшим нашего Победителя, у Которого и я учусь венчаться скорбями жизни; не сравню с одной тростью, которой прекращено изветшавшее владычество; не сравню с одной желчью, с одним уксусом, которыми исцелено горькое вкушение; не сравню с одним долготерпением в страдании. Предается ли Он поцелуем – обличает, но не поражает. Задерживается ли внезапно – укоряет, но следует. Если по ревности отсечешь ухо Малху вознегодует и исцелит. Если кто убежит в

одном «покрывале» ([Мк.14:51](#)) – покроет. Если попросишь низвести содомский огонь на ведущих Иисуса – не низведет. Если Он примет разбойника, повешенного за злодеяние, то введет его в рай по благодати. У Человеколюбца да будет все человеколюбиво! А то же и в страданиях Христовых! Чем же еще воздадим за эти страдания, ежели и тогда, как Бог за нас умер, – сами не простим подобному нам и малости?

Кроме этого, я размышлял и размышляю еще о том (смотрите, не весьма ли это справедливо?), о чем неоднократно уже с вами любомудрствовал. Они имеют у себя дома, а мы – Живущего в домах: у них есть храмы, а у нас Бог, и мы сами через поклоняемую Троицу можем сделаться живыми храмами живого Бога, одушевленными жертвами, разумными всеожжениями, совершенными приношениями и богами. У них народы, у нас ангелы; у них дерзость – у нас вера; они угрожают – мы молимся; они низлагают – мы терпим; у них золото и серебро – у нас очищенное учение. Ты построил себе дом в два и в три этажа (припомни слова Писания: «дом обширный с прорубленными окнами», [Иер.22:14](#)), но он не выше моей веры и тех небес, к которым стремлюсь. Мало у меня стадо? Но не носится по стремнинам! Тесна у меня ограда? Впрочем, неприступна волкам, не впустит внутрь себя разбойника, через нее не перейдут ни тати, ни чужие. Хорошо знаю, что вижу ее некогда и более обширной, что и из тех, которые ныне волки, надобно мне будет многих причислить к овцам, а может быть, и к пастырям. Это благовествует мне Пастырь добрый, для Которого полагаю я душу свою за овец. Не боюсь я малочисленности стада, потому что его удобнее обзреть; я знаю своих, и свои меня знают. Они знают Бога, и знаемы Богом. Овцы мои слушаются моего голоса, который сам я выслушал в Божием слове, которому научился у Св. Отцов, которому учил равно во всякое время, не соображаясь с обстоятельствами, и не престану учить, с которым я родился и отойду. Этим овец называю я по имени (потому что они не безымянны, как и звезды, которые, если имеют свой счет, то имеют и свои имена), и они следуют за мной, потому что воспитываю их «на водах тихих» ([Пс.22:2](#)), они следуют и за всяким подобным пастырем (видите, с какой приятностью слушали голос его), но не последуют за пастырем чужим и убегают от него, потому что имеют уже навык – отличать знакомый голос от чужого. Они убегают от Валентинова деления Единого на два, веруя, что Творец и Благий не два Существа, также от Глубины и Молчания, и от баснословных эонов, действительно достойных глубины и молчания; убегают от Маркионова Бога из стихий и чисел, от Монтанова злого и женского духа, от вещества и тьмы Манеса; от высокомерия и чистоты

Навата, заключающейся в одних словах, от Савеллиева разложения и слияния, или, так сказать, поглощения, в котором Три собираются во Единое, но Единое не определяется в трех ипостасных; от Ариева и Ариевыми последователями вводимого отчуждения естеств, и от нового иудейства, ограничивающего Божество одним нерожденным; от Фотинова дольнего и начавшегося от Марии Христа. Но они будут поклоняться Отцу и Сыну, и Святому Духу – единому Божеству, – Богу Отцу, Богу Сыну, Богу (если не огорчишься) Духу Святому, единому Естеству в трех Личностях: разумных, совершенных, самостоятельных и отдельных по числу, но не по Божеству. Эти выражения да уступит мне всякой угрожающей ныне, а другие пусть присваивает себе, кто хочет. Отец не потерпит, чтоб Его лишили Сына, ни Сын, чтобы Его лишили Святого Духа; но лишаются, ежели Сын, или Дух, есть во времени и тварь, ибо сотворенное не Бог.

И я не терплю, чтобы лишали меня совершения²³⁹: «Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф.4:5). Ежели отнимется у меня это крещение, от кого получу второе? Что говорите вы, потопляющие или перекрещивающие? Можно ли быть духовным без духа? Причастен ли Духа не чтущий Духа? И чтет ли Духа крестящийся в тварь и сораба? Нет, и ты не скажешь так много. Не солгу Тебе, Отче Безначальный! Не солгу Тебе, Сыне Единородный! Не солгу Тебе, Душе Святой! Знаю, Кого я исповедал, от кого отрекся, с Кем сочетался; и не согласен, после того как узнал выражение верное, учиться у неверных, и после того как исповедал истину, прилагаться ко лжи, сходить в купель для совершения и выходить более несовершенным, приступать к крещению водой для оживотворения, и стать подобным младенцу, который умирает в минуту материнского разрешения, так что его рождению сопутствует смерть. Для чего ты делаешь меня через одно и то же блаженным и несчастным, новопросвещенным и непросвещенным, божественным и вместе безбожным? Не для того ли, чтоб потерпела крушение моя надежда воссоздания? Кратко сказать: вспомни исповедание! В кого ты крестился? Во Отца? – Хорошо! Однако же это иудейское. В Сына? – Хорошо! Это уже не иудейское, но еще не совершенно. В Духа Святого? – Прекрасно! Это совершенно. Но просто ли в Них ты крестился или и в общее их имя? – Да, и в общее имя! Какое же это имя? – Без сомнения, имя Бога.

В это-то общее имя веруй, «поспешай и царствуй» (Пс.44:5), и преидешь отсюда в тамошнее блаженство, которое, по моему разумению, есть совершеннейшее познание Отца, Сына и Св. Духа, и в которое да достигнем и мы, о самом Христе, Боге нашем. Ему слава и держава с безначальным Отцом и животворящим Духом, ныне и всегда и во веки

веков. Аминь.

Слово 34

К пришедшим из Египта

Скажу приветствие пришедшим из Египта (что будет и справедливо, потому что они собрались охотно, преодолев зависть стремлением), пришедшим из того Египта, который обогащает, правда, и река (выражусь и сам, подражая несколько щедрым на выражения такого рода), река, дождящая из земли, как море, наводняющая окрестности, но более обогащает Христос мой, прежде бежавший в Египет, а ныне снабдевающий из Египта; тогда бежавший от Иродова детоубийства, а ныне одевающий по чадолюбию отцов, – Христос, новая пища для прекрасно алчущих, пшеница раздаваемая щедрее, нежели когда-нибудь по известным и достоверным сказаниям истории, «хлеб, который сходит с небес и дает жизнь миру» негибнущую и нескончаемую ([Ин.6:33](#)). О нем (как и теперь кажется, слышу) говорит Отец: «Из Египта вызвал Сына Моего» ([Ос.11:1](#)). «Ибо от вас пронеслось слово» ([1Сол.1:8](#)) ко всем людям, здраво исповедуемое и проповедуемое, вы лучшие плододелатели из всех, особенно ныне право верующих, насколько знаю я, не любитель только, но и раздающий такую пищу, и раздающий не в одном своем отечестве, но уже и за пределами его. Как телесно питаете вы народы и города, на какие только простирается ваше человеколюбие, так духовно питаете не один народ, и не тот или другой город, занимающий небольшое пространство, хотя и почитаемый очень знаменитым, но едва не целую Вселенную; утоляете «не голод хлеба, не жажду воды», в чем и голод терпеть не важно, и не терпеть удобно, «но жажду слышания слов Господних» ([Мих.8:11](#)), который и терпеть весьма бедственно, и утолять в настоящее время трудно, ибо беззаконие умножилось, и немного нахожу людей, действительно врачующих его.

Таков Иосиф – ваш, а можно сказать, и наш житомер, который благодаря мудрости умел и предвидеть голод, и помочь в голоде домостроительными распоряжениями, посредством красивых и тучных коров врачую безобразных и тощих. А под именем Иосифа понимай, кого хочешь, или соименного бессмертью, любителя и зиждителя бессмертия²⁴⁰, или преемника его престола, учения и седины, нового нашего Петра – Петра столько же по добродетели, сколько и по имени. Ими посечена и сокрушена сама середина, хотя она и оказывает еще малые и слабые трепетания жизни, подобно хвосту рассеченного змия. Один из них, в старости доброй разрешившись от жизни, после многих борений и

подвигов, из горнего мира (в этом совершенно я уверен) призирает ныне на дела наши, и подвизающимся за доброе простирает руку помощи, тем удобнее, что он свободен от уз. Другой спешит к такому же разрешению, ил и освобождению, и после таких же подвигов; и хотя близок уже к горним, однако же в такой еще мере не отрешился от плоти, что может оказать последнюю помощь слову и собрать обильнейшее напутствие для вступления в путь. Вы питомцы и порождения этих великих и наставников, и подвижников истины, и победителей, которых ни время, ни властелин, ни слово, ни зависть, ни страх, ни обвинитель, ни клеветник, ни явный враг, ни тайный наветник, ни кажущийся нашим, ни чужой, ни золото – этот невидимо действующий мучитель, которым многое ныне бывает разбросано и переставлено, – ни ласки, ни угрозы, ни изгнания и продолжительные и многократные (одному лишению имущества не могли они подвергнуться по причине великого богатства – нестяжательности), наконец ни все прочее, и отсутствующее, и настоящее, и ожидаемое, не подвигло и не убедило сделаться худшими, изменить в чем-нибудь Троице и повредить учение о Божестве. Напротив, они укреплялись опасностями, больше и больше стремились к благочестию. Таково страдать за Христа – это усиливает любовь и для мужей высокого духа служит как бы залогом последующих подвигов!

Таковы ныне повествования и чудеса твои, Египет. Но ты восхвалял мне козлов Мендисийских и Мемфисского Аписа – какого-то упитанного и великорослого тельца, и таинства Исида, и растерзание Осириса, и почтенного твоего Сераписа – дерево, которому, по баснословию, по древности и по безумию кланяющихся, кланялись как неизвестному и небесному веществу, но все же как веществу, хотя ложь и взята была в помощь. Ты восхвалял также (что и еще срамнее) различные изображения морских чудовищ и пресмыкающихся. Но над всем этим восторжествовал Христос, восторжествовали Христовы проповедники, как другие, в другие времена, и каждый сам по себе, просиявшие, так и помянутые теперь отцы, через которых ты, удивительная страна, стала ныне известнее, нежели все прочие страны, прославленные всеми и древними, и новыми повествованиями.

Поэтому объеблю и приветствую тебя, лучший из народов, народ христоролюбивейший, пламенеющий благочестием, достойный вождей своих. Ничего не могу более сказать, и ничего другого не имею, чтоб предложить вам в угощение. И хотя немного предлагаю устами, однако же многое храню для вас в сердечном расположении. Народ мой! Ибо своим называю народ единомысленный и единовенный, учившийся у тех

же отцов, поклоняющийся той же Троице. Народ мой! Ибо действительно мой, хотя не нравится это завистникам; и пусть еще более терзаются страждущие этим недугом! Вот я даю руку общения при стольких свидетелях, видимых и невидимых, и древнюю клевету отражаю новой благорасположенностью. Народ мой! Ибо действительно мой, хотя и присваиваю себе народ весьма великий – я, человек самонаименьший, ибо такова благодать Духа – единомысленных делает равночестными! Народ мой! Ибо действительно мой, хотя и отдален от меня; потому что мы сопряжены божественно, иначе, нежели существа грубые. Тела сопрягаются местом, а души сочетаются духом. Народ мой, любомудрие которого прежде состояло в том, чтобы страдать за Христа, а ныне должно состоять, если слушаешь меня, в том, чтобы не действовать, а считать достаточным приобретением одну власть действовать, и признавать служением Христу, как в прежние времена – терпение, так в настоящие – праводушие! Народ, которому «определил Господь сделать доброе, как определил наказать» противных ([Зах.8:14–15](#))! Народ, которого «избрал себе Господь» из всех Им призванных ([Пс.134:4](#))! Народ, написанный на руках Господних ([Ис.49:16](#)), которому Господь говорит: «ты Мое благоволение» ([Ис.62:4](#)), «ворота твои – слава» ([Ис.60:18](#)), и что еще сказано спасаемым! Народ! Не дивитесь моей неумеренности, ежели многократно обращаюсь к вам, я услаждаюсь непрерывным повторением вашего имени, как другие, без меры предающиеся рассматриванию или слушанию. Но народ Божий и наш! Хотя прекрасно было и недавнее ваше торжество, какое совершили вы на море, и не знаю, возможно ли зрелище приятнее того, когда видел я море, покрытое древами и рукотворной тучей, видел красоту и быстроту кораблей, как бы для торжества снаряженных, и легкий ветер, который, дуя в корму, как бы нарочно сопровождает и посылает к столице этот плывучий город, однако же видимое ныне и прекраснее, и величественнее! Вы не вмешались в народную толпу, не стали измерять благочестие многочисленностью, не согласились походить более на мятежную чернь, нежели на Божий народ, очищенный словом, напротив, воздав, сколько следовало, «кесарю кесарево», восписали «Божие Богу» ([Мф.22:21](#)), – кесарю – дань, а Богу – страх, и напिताв народ своими избытками, сами пришли питаться от нас.

Ибо и мы раздаем пшеницу, и наше раздаяние, может быть, не хуже вашего. «Приидите, ешьте мой хлеб и пейте вино, мною растворенное», вместе с премудростью призываю вас к своей трапезе ([Прит.9:5](#)). Хвалю ваше чистосердечие и встречаю усердием, потому что, пришедши к подобному, вы вошли как бы в собственную пристань, почтили средство

Веры и признали неприличным, когда ругающиеся над горним единомысленны и согласны между собой и думают отдельные свои недостатки исправить согласием целого, подобно как тонкие веревки делаются крепкими, будучи сплетены вместе, – признали, говорю, неприличным для себя не знать этого и не вступить в союз с единомышленниками, что гораздо приличнее вам, потому что исповедуем мы единство и в Божестве. И дабы знали вы, что пришли к нам не напрасно, что вступили не к чужим и иноземным, но к своим и что прекрасно путеводствовал вас Дух, полюбомуудрствуем с вами кратко о Боге. Узнайте, что мы ваши, как распознают своих по клеймам оружий.

Два главнейших различия нахожу в существах: господство и рабство; не то господство и рабство, которые у нас или насилие разграничило, или бедность разъединила, но которые различены естеством (если кому угодно назвать так; ибо Первое выше и естества). И одно есть что-то творческое, начальственное и неподвижное; а другое есть нечто сотворенное, подчиненное и разрушаемое, и еще короче сказать: Одно выше времени, другое под временем. Господство именуется Богом, хотя состоит в Трех высочайших: Виновнике, Зиждителе и Совершителе, то есть Отце, Сыне и Св. Духе. Эти Три не так разъединены между Собой, чтобы делились по естеству, и не так сжаты, чтобы включались в одном Лице (первому учит арианское буйство, а последнему – Савеллиево безбожие), напротив, Они и единичнее вовсе разделенных, и множественнее совершенно единичных. А рабство при нас, и называется тварью, хотя одна тварь превосходит другую, по мере близости к Богу.

Но если так, то всякий, чье сердце обращено к Господу, да соединится с нами, и поклонимся единому в Троице Божеству, не присваивая неприступной Славе никакого унижительного имени, но всегда имея «славословия в устах» ([Пс.149:6](#)) единого в Троице Бога. Ибо как приписать что-либо унижительное такому Естеству, величие Которого, по беспредельности и бесконечности, не может быть изречено собственным именем? А кто отчужден от Бога, и потому единую Сущность, Которая превыше всего сущего, рассекает на неравенство естеств, в рассуждении того удивительно, если не будет рассечен он мечом, и часть его не подвергнется одной участи с неверными ([Лк.12:46](#)), удивительно, если не будет пожат им худой плод лукавого мудрования, и ныне, и впоследствии.

Но нужно ли что говорить об Отце, Которого не касаются, по общему согласию, все водящиеся естественным смыслом, хотя Он первый и в первый раз понес поругание, когда старыми нововводителями разделяем был на Благого и Зиждителя? А о Сыне и о Св. Духе смотрите, как просто

и кратко будем рассуждать.

Если бы кто сказал, что в Сыне и в Духе есть нечто превращаемое, или изменяемое, или относительно ко времени, месту, силе и действию измеряемое, или не по естеству благое, или не самодовольное, или не свободное, или служебное, или песнословящее, или призрачное, или освобожденное, или несочисляемое²⁴¹, то пусть докажет это, и мы удовольствуемся, славясь честью сорабов, хотя и понесем ущерб, лишась Бога²⁴². Если же Сыну принадлежит все, что имеет Отец, кроме виновности; и все, принадлежащее Сыну, принадлежит Духу, кроме сыновства и того, что говорится о Сыне телообразно, ради моего человека и моего спасения (ибо Он принял мое, чтоб через это новое сорастворение даровать мне Свое), то перестаньте, хотя поздно, безумствовать вы, изобретатели суетных выражений, которые сами собой распадаются! И «зачем вам умирать, дом Израилев» ([Иез.18:31](#))! Оплакивать вас буду словами Писания.

А я, насколько благоговею перед многочисленными, высокими и великими наименованиями Слова, которых стыдились и демоны; настолько благоговею и перед равночестием Духа, страшусь же угрозы, определенной хулящим Его. А хула – не богословствование, но отчуждение от Божества, и должно заметить, что хулим был Господь, отмщение же возвещено за Духа Святого, очевидно, как за Господа.

Не хочу быть непросвещенным по просвещении, извращая понятие об Одном из Трех, в Которых я крестился, и действительно погребстись в воде, крестясь не для возрождения, но для умерщвления. Дерзну сказать нечто, о Троице! (Прости моему безумию, потому что в опасности моя душа!) Я и сам образ горней славы Божией, хотя и поставлен долу; потому не верю возможности спастись через равночестного мне. Если Дух Святой не Бог; то пусть прежде сам сделается Богом, и тогда уже обожит меня – Ему равночестного. А теперь какой обман в благодати, или, лучше сказать, в дающих благодать – веровать в Бога, и пойти безбожным одно исповедовать, другому научаться! Какие сплетения слов, какие обольщения, вопросом об одном и исповеданием одного приводящие к другому! О жалкое мое просветление, если по омовении делаюсь чернее, если вижу, что неочищенные светлее меня, если я игралище зловерия крестившегося; если ищу лучшего духа и не нахожу! Дай мне другую купель и после того рассуждай худо о первой. Для чего завидуешь мне в совершенном возрождении? Для чего делаешь обителью твари меня, который стал храмом Духа, как Бога? Для чего иное у меня чувствуешь, а

другое бесчестишь, злостиво рассуждая о Боге, чтобы пресечь мне дар, или, лучше сказать, меня самого отсечь от дара? Или все чествуй, новый богослов, или все бесчести, чтобы тебе быть хотя нечестивым, но согласным с самим собой, и не рассуждать о бестелесном естестве неодинаково.

Но скажу главное: славь с Херувимами, которые соединяют три Святости в единое Господство, и столько открывают Первую Сущность, сколько трудолюбивые могут видеть из-под крыл. Просветись с Давидом, который говорит Свету: «во свете Твоем видим свет» ([Пс.35:10](#)), то есть как бы в Духе Сына, Которого может ли что быть светозарнее? Возгреди с Иоанном, сыном громовым, глася о Боге не что-либо низкое и земное, но одно высокое и выпреннее, Сущего в самом начале, Сущего у Бога, и Бога-Слово признавая Богом и Богом истинным, от истинного Отца, а не благим сорабом, который почтен только одним наименованием Сына, и иного Утешителя признавая несомненно иным от Говорящего, который есть Божие Слово. И когда читаешь: «Я и Отец одно» ([Ин.10:30](#)), сосредоточивай мысль на единении Сущности. А когда читаешь: «придем к Нему и обитель у Него сотворим» ([Ин.14:23](#)), тогда представляй раздельность Ипостасей. Когда же находишь «имя Отца и Сына и Святого Духа» ([Мф.28:19](#)), представляй три личные свойства. Исполнийся Духом с Лукой, внимательно читая Деяния Апостольские. Для чего ставишь себя наряду с Ананиею и Сапфирой – этими новыми «лихоимцами» (если похищение своей собственности подлинно есть нечто новое), и ставишь наряду не присвоением себе серебра и другого чего малоценного и неважного, например, «слитка золота», или «одежды», или дидрахмы, как некогда корыстолюбивый воин ([Нав.7:21](#)), но обкрадываешь само Божество, и лжешь не «человеку», но «Богу», как слышал ([Деян.5:4](#)). Для чего не уважаешь власти Духа, Который дышит на кого, когда и сколько Ему угодно ([Ин.3:8](#))? Он сходит на домашних Корнилиевых до крещения, а на других после крещения через апостолов, так что в обоих случаях – и тем, что нисходит господственно, а не рабски, и тем, что взыскуется для совершения, свидетельствуется божество Духа. Богословствуй с Павлом, возведенным до третьего неба. Иногда перечисляет он все три Ипостаси и притом различно, не соблюдая одного порядка, но одну и ту же Ипостась именуя то в самом начале, то в середине, то в конце (и для чего же? чтобы показать равночестность естества), а иногда упоминает то о трех, то о двух, то об одной Ипостаси, как бы прочие подразумевая в упомянутых; иногда же действия Божии приписывает Духу, как бы в этом не было никакого различия; иногда вместо Духа ставит Христа, и когда различает

Ипостаси, говорит: «один Бог, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, которым все, и мы им» ([1Кор.8:6](#)); а когда сводит их в одно Божество, говорит: «Ибо все из него, Им и к нему» ([Рим.11:36](#)), – «Им», то есть Духом Святым, как видно из многих мест Писания. Ему слава вовеки. Аминь.

Слово 35

В память мучеников и против ариан

Можно ли выразить словом, что представляется взору? Какая речь будет соответствовать открывающимся перед нами благам? Невероятное зрелище предлежит очам нашим! Хотя и неоднократно желали мы видеть это, однако же оно выше и того, к чему простирались наши желания.

Опять здесь чествования мучеников, которые перед этим немалое уже время оставлены были в пренебрежении, опять стечение Божиих иереев, опять ликостояние и духовные торжества, опять многолюдное собрание желающих праздновать, а не ратоборствовать! О чудо! повержено из рук оружие, рассыпались ополчения, позабыли о брани, не слышны больше голоса призывающих к битвам, а вместо них празднование, веселье, раскрытые миру сердца ликуют в целом городе, который в давние времена был матерью Мучеников, а во времена, затем последовавшие и немало продолжавшиеся, не участвовал в чествовании чад своих. Ныне же «получили» мы все и «избыточествуем», как говорит Апостол ([Флп.4:18](#)). Хвала вам, Мученики! И этот подвиг принадлежит вам: вы окончили победоносно эту великую брань; хорошо знаю, что это благие последствия единственно ваших трудов, вы воздвигли победное знамение мира, вы привлекли к себе иереев Божиих, вы собранию этому дали вождей, направляемых Духом Святым.

О, сколько потеряли те, чья жизнь не продлилась до этого зрелища, чтоб и им после того, как пресытились горестями, можно было насладиться благами мира! Еретическое обольщение, подобно туману, прошло и исчезло, рассеянное Духом Святым; воссияло же чистое благоведрие мира, и среди него явились звезды этого города, блистающие в ясном свете истины; и не ночи, и не тьме даны они в удел, но все видимы днем, воссиявшие истинным светом правды. И поскольку, по слову Апостола, «ночь прошла» ([Рим.13:12](#)), вернее же сказать, совершенно исчезла, и все просветляется светом дня, то убегают звери, ищущие себе пропитания ночью, и собираются в леса и пещеры, с шумом бегут еретические нетопыри, лишаемые зрения при свете истины, и держась друг за друга, прячут головы в каменных расселинах. Прекратились с наступлением этого дня сходбища сластолюбцев и винопийцев, сокрылись придорожные грабители, расхитители домов и воры; какие только есть дела ночи, все исчезли с воссиявшим светом мира.

А пока была эта ночь, все омрачившая мглой обмана, какие

совершались тогда дела? – достойные забвения и глубокого молчания, чтобы воспоминанием ненавистного не осквернялась приятность настоящего. Да и как описать бедствия этой ночи? Как и умолчать о них? В каком горестном событии найдется столько трогательного? Какой вымысел воспроизведет столько несчастий? Какой стихотворец представлением в театре прославил такие страдания? И бедствия выше слова, и страдания выше сил повествователя! – Бойницей дьявола было место этого лика; здесь расположился он станом и в нем поставил своих оруженосцев; здесь были – воинство лжи, защитники обмана, бесовские полчища, легионы нечистых духов. А если нужно употребить языческие наименования – здесь наступало на Церковь лукавое воинство бесов – Эриний; ибо так вынужден назвать тех жен, которые оказались неестественно мужественными на зло. Одна была Иезавель во дни Илии, которая жаждала крови Пророков Господних; и боговдохновенное бытописание выставляет ее на позор для того, думаю, чтобы в памятовании необузданной жены находили урок для жизни все, живущие после Иезавели. А ныне многие Иезавели прозябли вдруг из земли, как вредное зелье, и избытком злобы своей превзошли упоминаемую в Писании. Если не веришь слову, взгляни на историю, Та изнеженному Ахааву доставила Навуфеев виноградник, чтоб сделать из него сад, место увеселения, женскую забаву; а эти старались совершенно уничтожить живой виноградник Божий, имею в виду Церковь, и сами приводили в исполнение злое дело.

Какой найду пример для слова? Какое придумаю изображение для этого злонравия? Видел я подобную картину на отбеленной стене; поддержите грудь мою, воздымающуюся при воспоминании бедствий, или, лучше сказать, сами поскорбите со мной о перенесенных несчастьях, потому что пересказываю не чужие, но собственные наши злострадания! Какая же это картина, которую уподобляю описываемому событию? – Она представляла безобразную пляску женщин, из которых каждая имела свое искривленное положение (в мифологии такие женщины называются менадами). Волосы развевались ветром, взоры изъявляли неистовство, в руках были факелы, и от движения их все тело казалось в огне, благоприличием одежды стеснялось только дыхание в грудях, ноги едва касались земли и как бы висели на воздухе, ни одно из движений не выражало благопристойной стыдливости. Среди пляшущей толпы находилось изображение мужчины, но это было вместе с тем что-то женское, по виду неопределенное в рассуждении пола, образец изнеженности, нечто среднее между мужчиной и женщиной.

Представленный был в состоянии расслабления, как бы в усыплении или в упоении, лежал небрежно на роскошной колеснице, которую по хороводу менад возили звери, и на него обильно лилось из чаши вино. Это изображение окружали какие-то неумолкающие чудовища с косматыми лицами, которые скакали около него на козых ногах.

То же надобно сказать и об этой ночи. Женщины, известные только тем, что обеславили род свой, к общему унижению пола поругали обычное благочиние жен, – торжественно ходили теперь по всему городу, в лице своем выставляя на позор обезображенную природу, вместо щитов вооруживши руки камнями, ища убийства, поражая бесстыдными своими взорами. И когда вступили в Божию ограду, они возвели на священную кафедру своего Корибанта. Потом началось пьянство, потекло вино, явились даже из пустынь и Паны. Представь при этом ночь, смешанное общество и все то, о чем Апостол запрещает даже говорить, сказав: «Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить» ([Еф.5:12](#)). Ибо кто подробно опишет огонь, камни, убийства, раны? Кто изобразит усилия, с каковыми старались искоренять служителей святых домов? Кто опишет, как среди города до смерти били палками одного ревнителя истины, и только предполагаемое совершение убийства остановило действительное убийство?

Но не знаю, как слово мое, задержавшись на земных повествованиях, удалилось от приличного обстоятельству наслаждения. Поэтому и должны мы возвратиться к тому же, с чего начали, чтоб осоловившийся слух омыть сладким, легкопьющимся словом. Ибо сказано: в дни веселья бывает «забвение о несчастье» ([Сир.11:25](#)). Итак, опять возвращаюсь к тому же слову. Исчезла эта ночь и мгла, при чистом благоведрии лучи мира озаряют светом истины. А потому из оград Божиих изринуты все зловонное и мерзкое, на место же этого в дома благочестивых вошло веселье. И для веселья ни в чем нет недостатка, ни в пирующих, ни в предлагающих пиршество, трапеза наполнена добрыми яствами.

Слово 36

О себе самом и к говорившим, что Св. Григорий желает константинопольского престола

Дивлюсь! что располагает вас настолько к словам моим? Отчего берет над вами такую силу моя речь, речь чужеземца, может быть слабая и не имеющая никакой привлекательности? Даже кажется, что у вас такое же ко мне притяжение, какое у железа к магниту, потому что вы держитесь на мне, держась и каждый взаимно друг за друга, и все за Бога, из Которого и в Котором «все» ([Рим.11:36](#)). Подлинно, это чудная цепь, и ее сплетает Дух Святой, связуя неразрывными узами!

А если спросите о причине, то, насколько сознаю сам себя, не вижу в себе преимущественной перед другими мудрости, разве иной примет за мудрость то самое, что признаю себя и не мудрым, и не близким к истинной и первоначальной Мудрости; как думать о себе весьма нужно нынешним мудрецам, потому что всего легче обманывать самого себя и, надмеваясь пустой славой, почитать себя чем-то, будучи ничем. Не я первый проповедал вам учение Православия, за которое вы всего крепче держитесь. Я шел по чужим следам и (сказать правду) по следам вашим. Ибо вы ученики знаменитого Александра, великого поборника и проповедника Троицы, который и словом, и делом искоренял нечестие, и помните ту апостольскую молитву, которая начальника нечестия²⁴³ поразила в месте, достойном нечистого этого языка, чтобы за поругание наказан он был поруганием и за несправедную смерть обольщенных им душ опозорен был праведно постигшей смертью. Итак, мы не новый открыли вам источник, подобный тому, какой показал Моисей в безводном месте спасаемым из Египта ([Исх.17:6](#)), но раскопали закрытый и засыпанный землей, подражая рабам Исаака великого, которые не только копали новые колодцы «воды живой», но и очищали заваленные филистимлянами ([Быт.26:16](#)).

С другой стороны, я не из числа краснословов, не имею приятности в обхождении, не умею похищать благосклонность ласкательством, к чему способных много вижу между вызывающимися ныне священствовать. Эти люди и наше благочестие, которое просто и чуждо искусственности, обратили в искусственное и в какой-то новый род управления, перенесенный с торжищ во святилище и с зрелищ в недоступное взорам многих тайноводство; так что у нас (если должно выразиться смелее) два

позорища, и между ними то единственно различие, что одно открыто для всех, а другое для некоторых; на одном возбуждается смех, на другом уважение; одно называется зрелищным, а другое духовным. «Свидетели вы и Бог», говорит божественный Апостол ([1Сол.2:10](#)), что мы не принадлежим к этой части, напротив, таковы, что скорее можно обвинить нас в грубости и незнании светских приличий, нежели в ласкательстве и раболепстве, даже и к тем, которые весьма к нам привержены, оказываемся иногда суровыми, как скоро они поступают в чем-нибудь, по нашему мнению, незаконно. И это доказало недавнее со мной событие, когда вы, народ, кипя ревностью и гневом, несмотря на мой вопль и слезы, возвели меня на этот престол, который не знаю как и назвать, мучительским или первосвященническим, – возвели, из любви нарушив закон. При этом случае настолько огорчил я некоторых из самых ревностных, что они оставили меня и любовь переменили во вражду. Ибо менее смотрю на то, чем можно угодить, нежели на то, чем можно доставить пользу.

Поэтому какая же причина такой любви ко мне и к моим словам? Хотите ли сами открыть и объяснить ее, сделать известной вашу ко мне любовь, или угодно вам, чтоб изложил это я, которого и в других случаях охотно приемлете истолкователем? Насколько заключаю по вашему молчанию, вы мне предоставляете слово. Итак, слушайте и смотрите, худой ли я отгадчик в подобных делах.

Во-первых, мне представляется, что, так как вы сами призвали меня, то и поддерживаете собственным судом, а потому и бережете меня, как свою добычу. И это точно в природе нашей, чтобы любить все собственное, имя ли то, или порождение, или слово, и чтобы питать искреннее благорасположение к своим произведениям. Во-вторых, особенно уважаете во мне то, что я не дерзок, не нагл, не держу себя по-зрелищному и напыщенно, но уступчив, скромн, даже в обществе как бы ни с кем не имею общения, и живу отшельником, короче же сказать: веду себя любомудренно, и любомудрие мое не искусственное и ловко выисканное, но просто и духовно содержимое. Ибо не для того укрываюсь, чтобы искали меня и чтобы сочли достойным большей чести, с какой мыслью иные открывают ненадолго красоты и потом прячут, но чтобы своим безмолвием доказать, насколько избегаю председательства и не домогаюсь таких почестей. В-третьих, вы видите, сколько терплю я от внешних врагов и домашних наветов, когда скажу с Даниилом, «вышло беззаконие из Вавилона от старейшин-судей, которые» собирались судить Израиля ([Дан.13:41](#)). Вы жалуетесь и негодуете на это, не можете ничем помочь

притесненному, и вместо всего приносите мне в дар одно сожаление. А жалость в соединении со стыдом произвела любовь. Вот тайна вашего ко мне уважения! А поскольку нападают на меня за мои слова, за этот обильный и тем возбуждающий зависть язык, который сперва обучили мы светской словесности, а потом облагородили Божиим словом, и горькую Мерру усладили деревом жизни ([Исх.15:25](#)), то вы дали в себе место чувствованиям, достойным людей благородных, и любите во мне то самое, за что подвергаюсь нападениям.

Почему же не возлюбил я учености безгласной, сухой и пресмыкающейся по земле? Почему, видя многих довольствующихся и такой ученостью, я посвятил себя любомудрию чуждому и иноземному, обратился к выражениям спорным, когда надлежало смело бежать от всяких рассуждений и верой назвать такое отречение от разума, которое бы (уверяю в этом) и я сам возлюбил, будучи рыбаком (что также для многих составляет готовый предлог к извинению невежества), если бы моим словам была сила чудотворений? О, когда бы истребилась между людьми зависть, эта язва для одержимых ею, этот яд для страждущих от нее, эта одна из самых несправедливых и вместе справедливых страстей, – страсть несправедливая, потому что возмущает покой всех добрых, и справедливая, потому что сушит питающих ее! Ибо не буду желать зла тем, которые вначале хвалили меня. Они не знали, какой будет конец этих похвал; иначе, может быть, присоединили бы к похвалам и порицания, чтобы поставить преграду зависти.

Зависть омрачила и ангела, падшего от превозношения. Будучи божествен, он не утерпел, чтобы не признать себя богом, и изринул из рая Адама, овладев им посредством сластолюбия и жены ([Быт.3:23](#)), ибо уверил его, что древо познания запрещено ему на время из зависти, чтобы не стал он богом. Зависть сделала братоубийцей и Каина, который не стерпел того, что другая жертва была святее его жертвы. Зависть и злочестивый мир покрыла водами, и содомлян потопила огнем. Зависть поглотила землю Дафана и Авирона, возмутившихся против Моисея ([Числ.16:32](#)), и поразила проказой Мариам, возроптавшую только на брата ([Числ.12:10](#)). Зависть обагрила землю кровью Пророков и через жен поколебала премудрого Соломона. Зависть и из Иуды сделала предателя, обольстившего немногим числом сребреников и заслужившего удивление; она произвела и Ирода – детоубийцу, и Пилата – Христоубийцу. Зависть унизила и рассеяла Израиля, который и доньше не восстал от греха этого. Зависть восставила нам и этого богоотступного мучителя²⁴⁴, от которого теперь еще остаются угли, хотя избегли мы пламени. Зависть рассекла и

прекрасное тело Церкви, разделив на разные и противоборствующие скопища. Зависть восставила у нас и Иеровоама – этого служителя греха²⁴⁵, и налагает узы на язык. Он не терпит воссиявшей Троицы, Которая озаряет нас всецелым Божеством и истинных Своих проповедников делает для вас досточестными.

Не представляется ли вам, что я пустословлю, предлагая свои гадания? Или живописующее слово весьма верно изобразило причины любви? Что касается этой любви, я так понимаю дело. Но поскольку вижу, что некоторые огорчаются оскорблениями и мое несчастье считают собственным несчастьем, то полюбоумудрствуем кратко и об этом.

Если бы для каких-нибудь человеческих и ничтожных замыслов или для получения этой кафедры, и вначале предстал я перед вами с этой сединой и с этими членами, согбенными от времени и болезни, и теперь бы переносил столько бесчестий, то мне было бы стыдно неба и земли (которых привыкли брать в свидетели древние); стыдно было бы этой кафедры, этого священного собрания, этого святого и недавно соединенного народа, против которого такое ополчение лукавых сил, чтобы он, начавший уже образовываться по Христе, разрушен был до своего составления и умерщвлен до рождения. Мне стыдно было бы моих подвигов и трудов, и этой власяной одежды, и пустыни, и уединения, с которым я свыкся, и беззаботной жизни, и малоценной трапезы, которая немного разве дороже была трапезы птиц небесных. Но пусть иные скажут обо мне правду, будто бы пожелал я чужой жены²⁴⁶, тогда как не захотел иметь своей! Пусть возьмут предо мной преимущество и «гаваониты», которых (насколько знаю) не примет Дух Святой в «дровосеки» и «водоносы» ([Нав.9:27](#)), пока будут приступать к святилищу с такими пятнами в жизни и учении! Но если пришел я сюда защитить учение, оказать посильную помощь Церкви до сих пор вдовствующей и безмужной, быть как бы наместником и попечителем, чтоб увести ее другому, как скоро окажется кто достойным этой красоты, и принести этой царице богатейшее вино добродетели; в таком случае чего я достоин, похвалы ли за усердие или упреков по одному подозрению, потому что меня судят, соображаясь со страстями других? Поэтому, если застигнутому бурей кораблю, или осажденному городу, или пожираемому пламенем дому подаем помощь, спеша на лодках, или с воинством, или с огнегасительными снарядами, ты, добрейший, без сомнения назовешь нас или морскими разбойниками, или желающими овладеть городом и домом, а не помощниками и защитниками.

Но скажешь: не так думают о тебе многие. Какая нужда в этом мне, для которого быть, а не казаться, дороже всего, лучше же сказать, составляет все? То, что я сам в себе таков, или осудит меня, или оправдает, сделает несчастным, или блаженным, а то, каким я кажусь, ничего для меня не значит, равно как и чужое сновидение. Ты говоришь, любезный: не таким представляешься для многих. Но земля представляется ли неподвижной тем, у которых кружится голова? Пьяным кажется ли, что трезвые трезвы, а не на голове ходят и не вертятся? Не думают ли иногда больные и потерявшие вкус, что и мед горек? Но не таковы вещи сами по себе, хотя и такими кажутся для страждущих. Поэтому докажи сперва, что так думают о нас люди, находящиеся в здравом состоянии; и потом советуй нам перемениться, или осуждай, если не слушаемся, но остаемся при своем суждении. Не таким кажусь для многих, но таким кажусь для Бога, и не кажусь, но весь открыт перед Тем, Который все знает до рождения людей, «создал сердца» наши, «вникает во все дела» ([Пс.32:15](#)), движения и помышления наши, и на совершаемое по иным; от Которого ничто существующее не сокрыто и скрыться не может, Который иначе смотрит на наше дело, нежели как смотрят люди. «Ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце» ([1Цар.16:7](#)). Так, слышишь, говорит Писание, и веруй. И имеющему ум должно помышлять более о Боге, нежели о совокупном мнении всех прочих. Если и из людей имеешь двоих советников в одном деле, и один смысленее, а другой малознающ, то окажешь ли благоразумие, если, оставив более смысленного, последуешь совету малознающего? И Ровоам не похвален за то, что, презрев «совет старцев», исполнил мнение юных ([3Цар.12:13–14](#)). Сравнивая же Бога с людьми, ужели предпочтешь мнения человеческие? Конечно, нет, если послушаешь меня и сам рассудишь внимательнее.

Но мы стыдимся, скажешь, сделанных тебе оскорблений. А мне стыдно за вас, что стыдитесь этого. Если терпим это справедливо, то нам самим более стыдиться должно, и стыдиться не столько потому, что нас бесчестят, сколько потому, что достойны мы бесчестия. Если же терпим несправедливо, то виновны в этом оскорбляющие нас, и потому о них должно больше скорбеть, нежели о нас; ибо они терпят зло. Если я худ, а ты считаешь меня добрым; что мне после этого делать? Сделаться ли еще хуже, чтобы больше угодить тебе? Я не пожелал бы себе этого. Равным образом, если стою прямо, а тебе кажется, что падаю, ужели мне для тебя оставить прямое положение? Я живу не больше для тебя, чем и для себя, и во всем имею советниками разум и Божии оправдания, которые часто обличают меня, хотя и никто не обвиняет, а иногда оправдывают, хотя

многие осуждают. И невозможно убежать от этого одного – от внутреннего в нас самих судилища, на которое одно взирая, можно идти прямым путем. А что до мнения других; если оно за нас (скажу несколько и по-человечески), примем его; если же против вас, дадим ему дорогу, и из того, что мы действительно, ничего не убавим для того, чтобы сделать нечто напоказ.

Так и должно быть. Кто упражняется в добре из каких-нибудь интересов, тот не тверд в добродетели, ибо цель изменится, и он оставит доброе дело, подобно как плывущий для прибыли не продолжает плавания, если не видит прибыли. Но кто чтит и любит добро ради самого добра, тот, поскольку любит нечто постоянное и расположение к добру имеет постоянное, так что, ощущая в себе нечто свойственное Богу, может сказать о себе сказанное самим Богом: я один и тот же «и не изменяюсь» ([Мал.3:6](#)). А потому он не будет превращаться, принимать разные виды, сообразно с обстоятельствами и делами, делаться то тем, то иным, менять цвета, подобно как полип принимает цвет камня, к которому он пристал, но всегда пребывает один и тот же – непоколебим среди колебаний, несовратим среди превратностей, и, как представляю себе, это скала, которая при ударах ветров и волн стоит незыблемо и сокрушает все, ударяющееся о нее. Но об этом довольно, ибо не имею времени препираться на словах, и ранее сказанное, может быть, превышает уже меру.

Теперь к вам у меня слово, паства моя! Вы стали для меня, говорит Павел, «надежда, и радость, и венец похвалы» ([1Сол.2:19–20](#)). Вы оправдание мое перед истязующими меня. Как зодчим и живописцам, когда требуют у них отчета, довольно указать на свои постройки и картины, чтобы освободиться от всяких хлопот, потому что дело говорит сильнее слова, так и я, указав на вас, отражу все злословия. Чем же отражу? Во-первых, тем, если вы сохраняете неуклонное и твердое исповедание Отца, Сына и Св. Духа, ничего не прибавляя, не убавляя и не умаляя в едином Божестве (потому что уничиженное в Нем делается уничижением целого); а тех, которые иначе мыслят и говорят, уничтожают или разграничивают Единое предположением постепенности естеств, гоните от себя как язву для Церкви и яд для истины, впрочем, без ненависти, а только сожалея об их падении. Во-вторых, тем, если представите жизнь сообразную с правым учением, так что и не только в добродетели, но и в другом не будете иметь недостатка.

Цари! Уважьте свою порфиру (ибо наше слово дает законы и законодателям), познайте, сколь важно вверенное вам и сколь великое в

рассуждении вас совершается таинство. Целый мир под вашей рукой, сдерживаемый небольшим венцом и короткой мантией. Горнее принадлежит единому Богу, а долнее и вам, будьте (скажу смелое слово) богами для своих подданных. Сказано (и мы веруем), что «сердце царя в руке Господа» ([Притч.21:1](#)). В этом должна состоять сила ваша, а не в золоте и не в полчищах.

Приближенные к царским дворам и престолом! Не очень превозносите своей властью и не почитайте бессмертным того, что не бессмертно. Будьте верны Царям, первоначально же Богу, а ради Него и тем, которым вы вручены и преданы. Гордящиеся благородством! Облагораживайте нравы, или скажу нечто, хотя неприятное, однако же благородное: тогда ваше благородство было бы подлинно самое благородное, когда бы в родословных книгах не писались и неблагородные люди. Мудрецы и любомудрцы, почтенные по бороде и плащу, софисты и грамматикки, искатели народных рукоплесканий! Не знаю, за что назвать мудрыми, не содержащих первого учения. Богатые! Послушайте сказавшего: «когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца» ([Пс.61:11](#)); знайте, что полагаетесь на вещь непрочную. Надобно облегчить корабль, чтобы легче было плыть. Может быть, отнимешь что-нибудь и у врага тем, что к нему перейдет твое имущество. Питающиеся роскошно! Отнимите что-нибудь у чрева и дайте духу. Нищий близ тебя; окажи помощь от болезни, излей на него что-нибудь от избытков. Для чего и тебе страдать от несварения, а ему от голода; тебе – головной болью от вина, и ему – водяной болезнью; тебе чувствовать обременение от пресыщения, и ему изнемогать от недуга? Не презирай своего «Лазаря» здесь, чтобы он не сделал тебя тамошним «богачом» ([Лк.16:19–31](#)).

Граждане великого города, непосредственно первые после граждан первого в мире города, или даже не уступающие им! Окажитесь первыми не в пороках, но в добродетели, не в распутстве, но в благочинии. Стыдно господствовать над городами и уступать над собой победу сладострастию, или в ином соблюдать целомудрие, а к конским ристалищам, зрелищам, сцене и псовой охоте иметь такую бешеную страсть, что в этом одном поставлять всю жизнь, и первому из городов, которому всего приличнее было бы служить для других примером всего доброго, стать городом играющих. О, если бы вы отринули это, сделались Божиим градом, живо написанными на руках Господних, и светлые светло предстали вместе с нами Великому Градозиждителя! Сие в заключение благовествую вам о самом Христе, Господе нашем, Которому слава, честь, держава вовеки. Аминь.

Слово 37

На евангельские слова: «Когда окончил Иисус слова сии...» и проч. ([Мф.19:1](#))

Иисус, избрав сперва рыбаков, Сам потом закидывает сети и меняет места одно за другим. Для чего же? Не для того только, чтобы Своим пришествием больше приобретать боголюбцев, но, как думаю, и для того, чтобы освятить большее число мест. Он делается для Иудеев Иудеем, чтобы приобрести Иудеев, для подзаконных подзаконным, чтобы искупить подзаконных, для немощных немощным, чтобы спасти немощных. Он делается всем для всех, чтобы всех приобрести. Но что говорю: всем для всех? Чего Павел не захотел о себе сказать, то, как нахожу, понес на Себе Спаситель. Ибо Он не только делается иудеем, не только принимает на Себя всякие неприличные для Него и унижительные наименования, но, что всего неприличнее, называется даже грехом ([2Кор.5:21](#)) и клятвой ([Гал.3:13](#)). Хотя не таков Он на самом деле, однако же именуется. Ибо как быть грехом Тому, Кто освобождает и нас от греха? Как быть клятвой Тому, Кто искупает и нас от проклятия Закона? Но Он именуется так, чтобы и до этой степени показать Свое смирение, а тем нас научить смирению, которое ведет на высоту. Итак, Он делается, как сказал я, рыбаком, ко всем снисходит, закидывает сети, все терпит, чтобы только извлечь из глубины рыбу, то есть человека, плавающего в непостоянных и соленых волнах жизни.

Для этого и теперь «окончил слова сии, вышел из Галилеи и пришел» в «пределы Иудейские, За иорданской стороною» ([Мф.19:1](#)). Приходит в Галилею, – и это во благо, чтобы «народ, сидящий во тьме», увидел «свет великий» ([Мф.4:16](#)). Переходит в Иудею, чтобы убедились восстать от буквы и последовать духу. То учит на горе, то беседует на равнинах, то сходит в корабль, то запрещает бурям, иногда и сон вкушает, чтобы и сон благословить, иногда утруждается, чтобы и труд освятить, иногда и плачет, чтобы и слезы сделать похвальными. Переходит с места на место Невмещаемый никаким местом, Безлетный, Бестелесный, Необъемлемый, Который один и тот же и был, и начинает бытие, был превыше времени и приходит, подчиняясь времени, был невидим и делается видимым. «Вначале был, у Бога был, и Бог был»; третий «был», самим числом подтверждаемое, Тот, Который «был», истоцил, а то, чем «не был», воспринял, не составив через это двоих, но благоволив из двух сделаться Единым, потому что Бог есть то и другое, и принявшее и принятое, два

естества, воедино стекшиеся, но не два Сына (да не бесчестится ложным толкованием это сорастворение!). Так велик Он! – Но что со мной? Опять ниспадаю до выражений человеческих. Ибо как можно назвать простое таковым? И не количеством велик? Но простите слову – орудию малому; я говорю о Высочайшем! Великий и Долготерпеливый – Естество неопишное и бестелесное, потерпит и то, что говорим о Нем, как о теле, и употребляем изречения, далеко не соответствующие истине. Ибо, если Он принял плоть, то не погнушается и подобным словом.

«За Ним последовало много людей, и Он исцелил их там» ([Мф.19:2](#)), где была обширная пустыня. Если бы Он пребывал на своей высоте, если бы не снизошел к немощи, если бы остался тем, кем был, соблюдая Себя неприступным и непостижимым, то, может быть, немногие бы последовали за Ним, даже, не знаю, последовали ли бы и немногие; разве один Моисей, и тот настолько, чтобы едва увидеть Бога сзади. Ибо, хотя и расторг Моисей облако, когда был вне телесной тяжести, и привел в бездействие чувства; но тонкость и бестелесность Божию (или, не знаю, как иначе назвал бы это другой) мог ли видеть он, все еще будучи телом и проникая чувственными очами? Но поскольку Бог нас ради истощается и нисходит (под истощанием же понимаю истощание как ослабление и умаление славы), то и делается через это постижимым. Извините меня, что опять останавливаюсь и впадаю в человеческую немощь, исполняюсь гневом и скорбью за моего Христа (разделите и вы мои чувства!), когда вижу, что бесчестят Христа моего за то самое, за что наиболее чтить Его требовала справедливость. Скажи мне: потому ли Он веществен, что смирился ради тебя? Потому ли Он – тварь, что печется о твари? Потому ли под временем, что посещает находящихся под временем? Впрочем, Он все терпит, все переносит. И что удивительного? Он понес побои, потерпел оплевывания, вкусил желчь за мое вкушение. Терпит и ныне побиение камнями не только от наветующих, но даже от нас, которые почитаем себя благочестивыми. Ибо, рассуждая о бестелесном, употреблять наименования, свойственные телесному, значит, может быть, то же, что клеветать, то же, что побивать камнями, но, повторяю, да будет дано извинение нашей немощи! Мы не произвольно мечем камни, но потому что не можем выразиться иначе, употребляем слова, какие имеем. Ты именуешься Словом и превыше слова, Ты превыше света и называешься светом, именуешься огнем, не потому что подлежишь чувствам, но потому что очищаешь легкое и негодное вещество! Называешься мечом, потому что отсекаешь худое от доброго; лопатой, потому что очищаешь гумно и, отбрасывая все пустое и легкое, одно полновесное влагаешь в горни

житницы, секирой, потому что после долготерпения срубаете бесплодную смоковницу, потому что истребляете самые корни зла, дверь, по причине ввоя; путем, потому что мы шествуем прямо; агнцем, потому что Ты жертва; Первосвященником, потому что приносишь в жертву тело; Сыном, потому что Ты от Отца! Опять привожу в движение языки злоречивые; опять неистовствуют некоторые против Христа или, лучше сказать, против меня, который удостоен быть проповедником Слова; делаюсь, как Иоанн, гласом вопиющего в пустыне – в пустыне некогда безводной, но ныне весьма населенной. Впрочем, как сказал я (возвращаясь к моему слову), «за Ним последовало много людей»; потому что Он снисходит к нашим немощам. Что же потом? Сказано: «И приступили к Нему фарисеи, и искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею» ([Мф.19:3](#))? Опять фарисеи искушают, опять читающие Закон не понимают закона, опять толкователи Закона имеют нужду в новых наставниках! Недовольно было саддукеев, искушающих о воскресении, законников, вопрошающих о совершенстве, иродиан – о кинсоне, и других – о власти: некто еще и о браке спрашивает Неискушаемого, спрашивает Того, Кто Сам Творец супружества. Кто от первой Причины создал весь этот род человеческий.

«Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» ([Мф.19:4](#))? Он знал, какие вопросы решать и при каких заграждать уста вопрошающих. Когда спрашивают Его, «какою властью ты это делаешь» ([Лк.20:2](#)), тогда, по причине крайнего невежества вопрошавших, Сам вопрошает: «крещение Иоанново с небес было, или от человеков» ([Лк.20:4](#))? И обоюдной невозможностью дать ответ связывает вопрошающих. Поэтому и мы, подражая Христу, можем иногда заграждать уста любопытным совопросникам и их неуместные вопросы решать вопросами же, еще более неуместными. Ибо мы и сами мудры на пустое (если можно иногда похвалиться делами неразумия). Но когда Христос видит, что вопрос требует рассуждения, тогда вопрошающих не удостаивает мудрых ответов. Он говорит: вопрос, предложенный тобой, показывает в тебе уважение к целомудрию и требует снисходительного ответа. А касательно целомудрия, как вижу, многие имеют неправильное понятие, да и закон у них не равен и не правилен. Ибо почему закон обуздал женский пол, а мужскому дал свободу, и жена, злоумыслившая против мужа, прелюбодействует, и подвергается за то строгому преследованию законов, а муж, прелюбодействующий с женой, не подлежит ответственности? Я не принимаю такого законодательства, не одобряю обычая. Мужья были законодателями,

потому и закон обращен против жен, потому и детей отдали под власть отцов, а слабейший пол оставлен в пренебрежении. Напротив, Бог установил не так, но «почитай отца твоего и мать твою» ([Исх.20:12](#)) – вот первая заповедь, соединенная с обещаниями: «тебе будет хорошо, и кто злословит отца своего или свою мать, того должно смерти предать» ([Исх.21:16](#)). Видишь, равно и доброе почтил, и злое наказал. Еще: «благословение отца утверждает дома детей, а клятва матери разрушает до основания» ([Сир.3:9](#)). Видите, как равно законодательство. Один Творец мужа и жены, одна плоть – оба они – один образ, один для них закон, одна смерть, одно воскресение, одинаково рождаемся от мужа и жены, один долг обязаны воздавать дети родителям. Как же ты требуешь целомудрия, а сам не соблюдаешь? взыскиваешь, чего не дал? Почему, будучи сам плоть такого же достоинства, не равно законополагаешь? Если ты обращаешь внимание на худшее, то жена согрешила, согрешил и Адам, змий прельстил обоих, не оказался один слабее, а другой крепче. Но возьми во внимание лучшее. Обоих спасает Христос страданиями. За мужа стал Он плотью, но также и за жену. За мужа умер, и жена смертью спасается. Христос «от семени Давидова» именуется (чем, может быть думаешь, почтен муж), но и от Девы рождается, – это уже честь женам!

«И будут два, – сказано, – одной плотью» ([Мф.19:5](#)), а единая плоть да имеет и одинаковую честь. Павел же внушает целомудрие и примером. Каким примером и как? «Тайна эта велика; я говорю по отношению к Христу и к Церкви» ([Еф.5:32](#)). Хорошо жене – почитать Христа в лице мужа, хорошо и мужу – не бесчестить Церковь в лице жены. «Жена, – говорит он, – да убоится мужа своего», потому что боится и Христа, но и «муж да любит свою жену», потому что и Христос любит Церковь. Вникнем в слова эти с большим тщанием. «Сбивание молока производит масло» ([Притч.30:33](#)), исследуй, и, может быть, найдешь в них нечто более питательное. Мне кажется, что здесь слово Божие не одобряет двоеженства, ибо если два Христа, то два и мужа, две и жены, а если один Христос, одна глава Церкви, то и плоть одна, а всякая другая да будет отринута. А если удерживает от второго брака, то что сказать о третьем? Первый есть закон, второй – снисхождение, третий – беззаконие. А кто преступает и этот предел, тот подобен свинье и немного имеет примеров такого срама. Хотя Закон дает развод по всякой вине, но Христос – не по всякой вине, а позволяет только разлучаться с прелюбодейкой, все же прочее повелевает переносить любомудренно, и прелюбодейку отлучает потому, что она повреждает род. Касательно же всего прочего будем терпеливы и любомудренны, или, лучше сказать, будьте терпеливы и

любомудренны – вы, принявшие на себя иго брака. Видишь ли, что жена приукрасилась или подкрасилась, – сотри; или у нее язык весьма дерзкий – уцеломудрь; или смех неблагопристойный, – сделай скромным; или замечаешь неумеренность в расходах и в питье – ограничь; или неблагоприятные выходы из дома, – положи преграду; или рассеянный взор, – исправь, но не отсекай, не отлучай от себя поспешно, ибо неизвестно, кто подвергается опасности, отлучающий или отлучаемый. «Источники твои», сказано, «пусть будут принадлежать тебе одному, а не чужим с тобою; любезной ланью и прекрасной серной услаждайся постоянно» ([Притч.5:17–19](#)). Итак, не будь рекой чуждой и не старайся нравиться другим больше, нежели жене своей. А если стремишься в иное место, то и члену своему поставляешь в закон бесстыдство. Так учит Спаситель. Что же фарисеи? Жестоко им кажется слово, так как и все доброе не нравилось, и не нравится, и тогдашним и нынешним фарисеям. Ибо Фарисеем делает не происхождение только, но и образ жизни, так ассириянином и египтянином почитаю всякого, кто произволением своим ставит себя с ними в один ряд. Что же фарисеи? Говорят: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» ([Мф.19:10](#)). Теперь только узнаешь ты, фарисей, что «лучше не жениться»? А прежде не знал, когда видел вдовство, и сиротство, и безвременную смерть, и рукоплескания, сменяемые плачем, и гробы подле брачных чертогов, и бесчадие, и несчастья от детей, и неразрешившееся рождение, и детей, лишаящихся матери при самом рождении, наконец все, что бывает при этом и смешного и горестного, потому что можно здесь сказать и то и другое. «Лучше жениться», и я на это согласен, ибо «брак будет честен и ложе непорочно» ([Евр.13:4](#)), но лучше для умеренных, а не для ненасытных, не для тех, которые хотят оказывать плоти более уважения, чем должно. Когда брак есть собственно брак и супружеский союз, и желание оставить после себе детей, тогда брак хорош, ибо умножает число благоугождающих Богу. Но когда он разжигает грубую плоть, обкладывает ее тернием и делается как бы путем к пороку, тогда и я скажу: «лучше не жениться». Брак – доброе дело, но не могу сказать, чтобы он был выше непорочности. Ибо непорочность не признавалось бы чем-то высоким, если бы не было из лучшего лучшим. Да не огорчатся этим носящие узы брака! «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам!» ([Деян.5:29](#)). Напротив, девы и жены, соединитесь вместе, составьте единое в Господе и служите друг другу украшением! Не было бы и безбрачных, если бы не было брака, ибо откуда бы явился в свет и девственник? Не был бы брак честен, если бы Богу и жизни не плодоприносил девственников.

Почитай и ты²⁴⁷ мать свою, от которой приходишь; почитай и ты²⁴⁸ произошедшую от матери и мать, хотя она и не мать, но невеста Христова. Красота видимая не сокрыта, а незримая видима Богу, вся «слава дщери царя внутри; одежда ее шита золотом» ([Пс.44:14](#)), то есть и делами, и созерцанием. И вступившая в брак да принадлежит Христу, и дева да будет всецело Христова! Одна да не прилепляется совершенно к миру, другая да не будет вовсе от мира! Что замужней принадлежит частью, то деве принадлежит всецело. Ты избрала жизнь ангельскую, стала в чин безбрачных, не ниспадай же в плотское, не ниспадай в вещественное, не сочетайся с веществом, тогда как ведешь жизнь безбрачную. Блудный взор не уберезет целомудрия; блудный язык вступает в общение с лукавым, ноги, идущие бесчинно, обличают болезнь или приводятся в движение болезнью. Да будет девственной и мысль, да не кружится, да не блуждает, да не носит в себе образов того, что лукаво (такой образ есть уже часть любодейства), да не созидает в душе ненавистных кумиров!

«Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано» ([Мф.19:11](#)). Видите ли высоту этой добродетели? Она оказывается едва удобовместимой. Да и не выше ли плоти – рожденному от плоти не рождают в плоть? Не ангельское ли свойство – душе, связанной с плотью, жить не по плоти и быть выше самой природы? Плоть связала ее с миром, а разум возвел к Богу; плоть обременила, а разум окрылил; плоть заключила в узы, а любовь разрешила их. Всей душой стремись, дева, к Богу! Один и тот же закон даю мужам и женам. Не представляй себе благом всего того, что кажется благом для многих, – ни рода, ни богатства, ни престола, ни господства, ни красоты, поставляемой в доброцветности и стройности членов – этого игралища времени и болезней! Если ты всю силу любви истощила перед Богом, если не два у тебя предмета любви, то есть и скоропреходящее и постоянное, и видимое и невидимое; то уязвлена ли ты столько избранной стрелой, и познала ли красоту Жениха, чтоб могла сказать словами брачного описания и брачной песни: Ты «сладость, и Весь желание» ([Песн.5:16](#))? Видите в свинцовых трубах заключенные потоки, как они, при сильном стеснении и устремлении к одному месту, до того часто отступают от естественного свойства воды, что, давимые непрестанно сзади, устремляются вверх: так и ты, если сосредоточишь любовь и всецело соединишься со Христом, то будешь стремиться горе, а не падать долу и не разливаться. Ты вся пребудешь Христова, пока наконец увидишь и Самого Христа, жениха твоего. Храни себя неприступной и в слове, и в деле, и в жизни, и в помыслах, и в движениях сердечных; ибо лукавый отовсюду пытается и все высматривает, где низложить, где уязвить

тебя, если найдет что незащищенным и открытым для удара. Чем более видит в тебе чистоты, тем больше усиливается осквернить; потому что пятна виднее на чистой одежде. Да не привлекают взор – взора, смех – смеха, короткость обхождения – ночных сходбищ, а ночь – погибели! Ибо понемногу отъемлемое и похищаемое, хотя в настоящем производит ущерб неощутимый, однако же впоследствии совершенно уничтожает вещь.

Не «все», говорит, «вмещают слово сие, но кому дано». Когда слышишь: «кому дано», не впадай от этого в ересь, не вводи различных естеств: земных, духовных и средних, ибо некоторые держатся превратных мнений и думают, что одни по самой природе назначены к совершенной погибели, а другие – к спасению, иные же в таком состоянии поставлены, что собственный произвол ведет их к худому или к доброму. И я согласен, что один, в сравнении с другим, имеет больше или меньше способности; но одной способности не достаточно для совершенства, и разум должен возбудить способность, чтобы природа пришла в деятельность, подобно тому, как камень пирит, если ударяют в него железом, сам делается железом. Когда слышишь: «кому дано», то добавляй, дано призываемым и имеющим к тому расположение, ибо когда слышим также «не от желающего, не от подвизающего, но от милующего Бога» ([Рим.9:16](#)), советую тебе подразумевать то же. Поскольку есть люди так высоко думающие о своих заслугах, что все приписывают себе самим, а не Тому, Кто их сотворил и умудрил, – не Подателю благ, то Слово Божие учит таковых, что нужна Божия помощь и для того, чтобы пожелать добра, тем более само избрание должного есть нечто Божественное, дар Божия человеколюбия. Ибо надобно, чтобы дело спасения зависело как от нас, так и от Бога. Поэтому сказано: «не от желающего», то есть не от одного хотящего, «не от подвизающего» только, но и «от милующего Бога». Потом, поскольку и само хотение от Бога, то справедливо апостол все приписал Богу. Идешь ли, трудишься ли – всегда имеешь нужду в Дающем венец. «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие» его; «если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» его ([Пс.126:1](#)). Знаю, говорит он, что не от легких в беге зависит бег, не от сильных – война, не от ратоборцев – победа, и пристань не во власти искусных пловцов, но от Бога и победу устроить и ладью привести к пристани. И может быть то, что говорится и подразумевается в другом месте, и что пришло мне на мысль по случаю сказанного, нужно присовокупить здесь, чтобы и с вами поделиться моим богатством. Просила мать сынов Заведеевых, страдавшая чадолюбием и не знавшая меры просимого, однако же извиняемая избытком любви и благожеланием,

какое должно иметь к детям, потому что нет ничего сердобольнее матери; и я говорю это, чтобы поставить в обязанность – почитать матерей, – итак, просила Иисуса мать сынов Заведеевых, чтобы одному сесть по правую, а другому по левую Его руку. Что же Спаситель? Сперва спрашивает, могут ли пить чашу, которую Сам Он имеет пить? А когда они сказали, что могут, и Спаситель не воспротиворечил этому (ибо знал, что и их та же чаша ведет, или, лучше сказать, приведет к совершенству), тогда что говорит? Чашу испиют, «а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от меня зависит» – говорит Он ([Мф.20:23](#)), но «кому дано». Итак, ничего не значат ни владычественный ум, ни труд, ни слово, ни любомудрие, ни пост, ни бдение, ни возлежание на голой земле, ни источаемые потоки слез? Все это ничего не значит? Но по какому-то предызбранию и Иремия освящается, и иные отделяются еще во утробе материнской? Боюсь, чтобы не присоединилась к этому нелепая мысль, будто бы душа имела другую жизнь, а потом уже соединена с этим телом, и за тамошнюю жизнь одни получают здесь дар пророчества, а другие, жившие там худо, осуждаются. Но поскольку допустить это крайне нелепо и несообразно с учением Церкви (хотя другие и забавляются такими учениями, но нам забавляться подобными толками не безопасно), то и в этом месте к словам «кому дано», добавляй, то есть достойным, а то, чтобы стать достойными, не только получили они от Отца, но и сами себе дали.

«Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились» и пр. ([Мф.19:12](#)). Очень желал бы я сказать о скопцах что-нибудь сильное. Не высоко думайте о себе, скопцы по природе! Может быть, что вы и непроизвольно целомудренны, потому что целомудрие ваше не подвергалось искушению и не доказано опытом. Что сделано доброго по естественному влечению, то не заслуживает одобрения, а что сделано по свободному произволению, то похвально. Какая честь огню, что он жжет? Жечь – природное его свойство. Или воде, что течет вниз? Это свойство дано ей от Творца. Какая честь снегу, что он холоден? Солнцу, что светит? Оно светит и поневоле. Покажи мне, что желаешь добра. А это покажешь, если, будучи плотским, сделаешься духовным, если, увлекаемый долу тяжестью плоти, окрылишься умом, если ты, рожденный низким, окажешься небесным; если ты, связанный плотью, явишься выше плоти. Итак, поскольку не похвально разуметь это об одном телесном, то требую от скопцов чего-то иного. Не прелюбодействуйте в отношении к Божеству! Сочетававшиеся Христу, не бесчестите Христа! Совершившиеся Духом, не делайте Духа равночестным себе! «Если бы я и поныне угождал людям, –

говорит Павел, – то не был бы рабом Христовым» ([Гал.1:10](#)), если бы служил твари, не назывался бы Христианином. Ибо почему важно название Христианин? Не потому ли, что Христос есть Бог (если только принимаю это наименование не по страсти, как человек, привязанный ко Христу земной любовью)? Хотя и Петра почитаю, однако же не называюсь Петрианином, почитаю и Павла, но никогда еще не назывался Павлианином. Я не согласен заимствовать наименование от человека, будучи сотворен от Бога. Таким образом, если называешься Христианином по тому, что Христа признаешь Богом, то и называйся и будь Христианином и именем, и делом. А если называешься от имени Христова потому, что любишь Христа, то приписываешь Ему не более, как если бы усвоил Ему одно из других названий, какие даются людям по роду занятия или промысла. Видите этих любителей конских ристалищ: они получают название по цвету и по той стороне, на которой становятся. Но вам известны имена эти и без моего напоминания. Если в таком же смысле называешься ты и Христианином, то весьма маловажно твое именование, хотя бы ты и гордился им. А если именуешься в том смысле, что Христа исповедуешь Богом, то докажи делами свое исповедание. Если Бог тварь, то и до сих пор служишь ты твари, а не Творцу. Если Дух Святой тварь, то напрасно ты крестился, и хотя по двум частям ты здоров (лучше же сказать, и по тем не здоров), однако же по одной находишься в крайней опасности. Представь, что Троица есть одна жемчужина, отовсюду имеющая одинаковый вид и равный блеск, если одна какая-нибудь часть этот жемчужины будет повреждена, то утратится вся приятность камня. Когда бесславишь Сына, чтобы почтить Отца, Отец не приемлет твоего чествования. Не прославится Отец бесславием Сына. Если «сын мудрый радуется отцу» ([Притч.10:1](#)), то тем более честь сына не будет ли честью и для отца? А если принимаешь и это: «не ищи славы в бесчестии отца» ([Сир.3:10](#)), то равно и отец не прославится бесславием сына. Если бесчестишь Святого Духа, то и Сын не принимает твоего чествования, ибо хотя Дух и не как Сын от Отца, однако от того же Отца. Или всему воздай честь, или целое обесчести, чтобы по крайней мере показать согласный с самим собой ум. Не принимаю твоего половинчатого благочестия, хочу, чтобы ты всецело был благочестив (и как еще желаю этого! прости движению сердца – болезную и за ненавидящих!). Ты был моим членом, и хотя теперь отсечен, но может быть опять будешь членом, потому и говорю снисходительно. – Вот что для скопцов, чтобы хранили целомудрие в рассуждении Божества; ибо блудом и прелюбодеянием называется не только грех в рассуждении тела, но и всякий грех, особенно же беззаконие

в рассуждении Божества. Может быть, спросишь, чем это докажем? Сказано: «блудодействовали поступками своими» ([Пс.105:39](#)). Здесь видишь и бесстыдное дело блуда. Сказано также: «и прелюбодействовала с деревом» ([Иер.3:9](#)). Видишь, что есть и религия (θρησκεία) прелюбодейная. Итак, сохраняя телесное целомудрие, не любодействуй душевно. Не заставляй делать вывод, что ты невольно соблюдаешь целомудрие плотское, потому что не целомудрен в том, в чем имеешь возможность быть блудником. Для чего вы сотворили нечестие выше? Для чего все стремитесь к злу так, что стало уже одно и то же именоваться или скопцом, или нечестивым? Приобщитесь к мужам, рассуждайте наконец, как свойственно мужу. Избегайте женских собраний, к позорному имени не присовокупляйте срамного учения. Угодно ли, чтобы еще продолжил я слово или довольно уже и сказанного? Впрочем, да будут почтены и скопцы последующими словами Христовыми, ибо служат к их похвале.

«Ибо есть скопцы», – говорит Христос, – которые «из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами, для царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» ([Мф.19:12](#)). Мне кажется, что слово, уклоняясь от телесного, посредством телесного изображает высшее, ибо мало, даже, может быть, крайне слабо и не достойно слова было остановить понятие на телесных только скопцах, а мы должны представлять себе нечто достойное духа. Итак, одни кажутся от природы расположенными к добру. Когда говорю; от природы, не унижаю тем желания, но предполагаю то и другое, и склонность к добру, и волю, которая приводит в действие естественную склонность. А другие таковы, что их очищает учение, удаляя в них страсти, и их-то понимаю под скопцами, «которые оскоплены от людей»; когда наставническое слово, отделяя доброе от худого, и, одно устраняя, а другое предписывая (как, например, в заповеди: «уклоняйся от зла и делай добро» ([Пс.33:15](#)), созидает в них духовное целомудрие. Хвалю и этот род скопцов, даже весьма хвалю как наставников, так и наставляемых, первых за то, что умеют отсекают, а последних за то, что еще лучше переносят отсечение. И «есть скопцы, которые сделали сами себя для царства Небесного». Иные не имели наставников, но сами для себя сделали похвальными наставниками. Не учила тебя мать, чему должно, не учил отец, ни священник, ни епископ, ни кто-либо другой из тех, кому поручено учить, но ты сам, приведя в действие разум, свободной волей воспламенив искру добра, исказив себя, отсекал корень, истребил орудия греха, приобрел такой навык в добродетели, что для тебя стало почти уже невозможным устремляться к злу. Поэтому хвалю и этот род

скопцов, даже еще более, нежели другие роды.

«Кто может вместить, да вместит». Избери, что угодно: или последуй учителю, или сам для себя будь учителем. Одно только постыдно, если не будут отсечены страсти, а кем бы ни были отсечены, не полагай в том различия. Ибо и наставник есть тварь Божия, и ты от Бога. Хотя наставник предвосхитит у тебя честь, хотя добро будет собственным твоим делом, в обоих случаях оно одинаково добро; отсечем только от себя страсти. Чтобы «никакой корень горести, возникнув, не причинил вреда» ([Евр.12:15](#)), будем только следовать образу, станем только чтить Первообраз. Отсеки телесные страсти, отсеки и душевные, ибо чем душа честнее тела, тем честнее очищать душу, нежели тело. Если и очищение тела есть одно из похвальных дел, то смотри, сколь важнее и выше очищение души. Отсеки Ариево нечестие, отсеки Савеллиево зловерие и не соединяй более надлежащего, и не разделяй злочестиво, не совокупляй в единое Лицо Трех и не делай Трех иных по естеству. Похвально исповедовать Единое, если хорошо разумеешь единство; похвально исповедовать и Трех, если правильно разделяешь, то есть допускаешь разделение Лиц, а не Божества. Это предписываю мирянам, это заповедую священникам, а равно и тем, которым вверено начальство. Вспомоществуйте слову все, кому дана от Бога возможность вспомоществовать. Великое дело воспрепятствовать убийству, наказывать прелюбодеяние, обуздать хищничество; несравненно выше внушить благочестие и преподать здравое учение. Не столько силы будет иметь мое слово, подвизающееся за Святую Троицу, сколько твое поведение, если ты заградишь злонамеренным уста, поможешь гонимым, остановишь убийц, воспрепятствуешь убийству; имею в виду не одно телесное, но и душевное убийство, ибо всякий грех есть смерть души.

Этим да окончится слово, остается еще просьба к собравшимся здесь. Мужи и жены, начальники и подчиненные, старцы, юноши и девы, люди всякого возраста! Переносите всякий ущерб, касающийся имущества или тела, одного только не потерпите, чтобы понесло ущерб учение о Божестве. Поклоняюсь Отцу, поклоняюсь Сыну, поклоняюсь Духу Святому, лучше же сказать, я, который говорит это, поклоняюсь и прежде всех, и после всех вас, и со всеми вами, о самом Господе Христе нашем, Которому слава и держава вовеки. Аминь.

Слово 38

На Богоявление или на Рождество Спасителя

Христос рождается – славьте! Христос с небес – выходите навстречу! Христос на земле – возноситеесь! «Воспойте Господу, вся земля» ([Пс.95:1](#))! И скажу обоим в совокупности: «да веселятся небеса, и да торжествует земля» ([Пс.95:11](#)) ради Небесного, потом Земного! Христос во плоти – с трепетом и радостью возвеселитесь, с трепетом по причине греха, с радостью по причине надежды. Христос от Девы, сохраняйте целомудрие, жены, чтобы стать вам матерями Христовыми! Кто не поклоняется Сущему от начала? Кто не прославляет Последнего? Опять рассеивается тьма, опять является свет; опять Египет наказан тьмой, опять Израиль озарен столпом. Люди, сидящие во тьме неведения, да «видят великий свет» ведения ([Мф.5:16](#)). «Древнее прошло, теперь все новое» ([2Кор.5:17](#)). Буква уступает, дух преобладает; тени проходят, их место занимает истина. Приходит Мельхиседек; рожденный без матери рождается без отца, – в первый раз без матери, во второй без отца. Нарушаются законы естества, мир горний должен наполниться. Христос повелевает, не будем противиться. «Восплещите руками все народы» ([Пс.46:2](#)); «ибо младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его», ибо возносится со крестом, «и нарекут имя Ему»: Великого Совета – совета Отчего Ангел ([Ис.9:6](#)). Да провозглашает Иоанн: «приготовьте путь Господу» ([Мф.3:3](#))! И я провозглашу силу дня. Бесплотный воплощается. Слово отвердевает. Невидимый становится видимым, Неосязаемый осязается. Бездетный начинается. Сын Божий делается сыном человеческим; «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» ([Евр.13:8](#)).

Пусть иудеи соблазняются, эллины смеются, еретики притупляют язык! Тогда они уверуют, когда увидят Его восходящим на небо; если же и не тогда, то непременно, когда узрят Его грядущего с неба и восседшего судить. Но это будет после, а ныне праздник Богоявления, или Рождества, ибо так и иначе называется день этот, и два наименования даются одному торжеству, потому что Бог явился человекам через рождение. Он – Бог, как Сущий и Присносущный от Присносущного, превысший вины и слова (потому что нет слова, которое было бы выше Слова); и Он является ради нас, родившись впоследствии, чтобы Тот, Кто даровал бытие, Даровал и благобытие, лучше же сказать, чтобы мы, ниспадшие из благобытия через грех, снова возвращены были в него через воплощение. А от явления наименование Богоявления, и от рождения – Рождества. Таково наше

торжество, это празднуем ныне – пришествие Бога к людям, чтобы нам переселиться или (точнее сказать) возвратиться к Богу, да, отложив ветхого человека, облечемся в нового ([Еф.4:22–23](#)), и как умерли в Адаме, так будем жить во Христе ([1Кор.15:22](#)), со Христом рождаемые, распинаемые, погребаемые и совосстающие. Ибо мне необходимо претерпеть это спасительное изменение, чтобы, как из приятного произошло скорбное, так из скорбного вновь возникло приятное. «А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» ([Рим.5:20](#)). И если вкушение было виной осуждения, то не тем ли более оправдало Христово страдание?

Итак, будем праздновать не пышно, но божественно, не по-мирскому но премирно, не наш праздник, но праздник Того, Кто стал нашим, лучше же сказать, праздник нашего Владыки, не праздник немоществования, но праздник исцеления, не праздник создания, но праздник воссоздания. Как же исполнить это? Не будем венчать преддверия домов, составлять лики, украшать улицы, пресыщать зрение, оглашать слух свирелями, нежить обоняние, осквернять вкус, тешить осязание – эти краткие пути к пороку, эти врата греха. Не будем уподобляться женам, ни мягкими и волнующимися одеждами, которых все изящество в бесполезности, ни игрой камней, ни блеском золота, ни ухищрением подкрашиваний, приводящих в подозрение естественную красоту и изобретенных в поругание образа Божия. Не будем предаваться ни «пированиям и пьянству», с которыми, как знаю, сопряжены «сладострастие и распутство» ([Рим.13:13](#)), ибо у худых учителей и уроки худы, или, лучше сказать, от негодных семян и нивы негодны. Не будем устилать древесными ветвями высоких лож, устраивая роскошные трапезы в угождение чреву, не будем высоко ценить благоухания вин, поварских приправ и многоценности благовония. Пусть ни земля, ни море не приносят нам в дар дорогой грязи – так научился я величать предметы роскоши! Не будем стараться превзойти друг друга невоздержанностью (а все то, что излишнее и сверх нужды, по моему мнению, есть невоздержанность), особенно, когда другие, созданные из одного с нами праха и состава, алчут и терпят нужду. Напротив, предоставим все это язычникам, языческой пышности и языческим торжествам. Они и богами именуют услаждающихся туком, а сообразно с этим служат божеству чревоугодием, как лукавые изобретатели, жрецы и почитатели лукавых демонов. Но если чем должно насладиться нам, которые поклоняются Слову, то насладимся словом и Божиим законом, и сказаниями как об ином, так и о причинах настоящего торжества, чтобы наслаждение у нас было собственно свое и не чуждое Создавшему нас.

Или, если угодно, я, который ныне у вас распорядителем пира, вам – добрым соучастникам пира предложу о этом слово, сколь могу, обильно и щедро, чтобы вы знали, как может пришелец угощать природных жителей, поселянин – городских обитателей, не знакомый с роскошью – роскошных, бедняк и бездомный – знаменитых по обилию. Начну же с этого: желающие насладиться предложенным да очистят и ум, и слух, и сердце, потому что у меня слово о Боге и Божие, да очистят, чтобы выйти отсюда, насладившись действительно не чем-нибудь тщетным. Само же слово будет и весьма полно и вместе весьма кратко, так что ни скудостью не огорчит, ни излишеством не наскучит.

Бог всегда был, есть и будет, или, лучше сказать, всегда есть, ибо слова был и будет означают деления нашего времени и свойственны естеству преходящему, а Сущий – всегда. И этим именем именует Он Сам Себя, беседуя с Моисеем на горе, потому что сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится. Как некое море сущности, неопределимое и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве, одним умом (и то весьма неясно и недостаточно, не в рассуждении того, что есть в Нем Самом, но в рассуждении того, что окрест Его), через набрасывание некоторых очертаний, оттеняется Он в один какой-то облик действительности, убегающий прежде, нежели будет уловлен, и ускользящий прежде, нежели умопредставлен, настолько же обнимающий сиянием владычественное в нас, если оно очищено, насколько быстрота летящей молнии освещает сиянием взор. И это, кажется мне, для того, чтобы постигаемым привлекать к Себе (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а непостижимым приводить в удивление, через удивление же возбуждать большее желание, и через желание очищать, и через очищение сделать богоподобными; а когда сделаемся такими, уже беседовать как с вечными (дерзнет слово изречь нечто смелое) – беседовать Богу, вступившему в единение с богами и познанному ими, может быть настолько же, насколько Он знает познанных им ([1Кор.13:12](#)).

Итак, Божество беспредельно и неудобосозерцаемо. В Нем совершенно постижимо это одно – Его беспредельность; хотя иной и почитает принадлежностью естества – быть или вовсе непостижимым, или совершенно постижимым. Но исследуем, что составляет сущность простого естества; потому что простота еще не составляет его естества, точно так же, как и в сложных существах не составляет естества одна только сложность. Разум, рассматривая беспредельное в двух отношениях – в отношении к началу и в отношении к концу (ибо беспредельное

простирается далее начала и конца, и не заключается между ними), когда устремляет взор свой в горнюю бездну и не находит, на чем остановиться и где положить предел своим представлениям о Боге, тогда беспредельное и неисследимое называет безначальным; а когда, устремившись в дольную бездну, испытывает подобное прежнему, тогда называет Его бессмертным и нетленным; когда же сводит в единство то и другое, тогда именует вечным; ибо вечность не есть ни время, ни часть времени; потому что она неизмерима. Но что для нас время, измеряемое течением солнца, то для вечных вечность, нечто сопотряженное с вечными существами, и как бы некоторое временное движение и расстояние.

Этим да ограничится ныне любомудрствование наше о Боге, потому что нет времени более распространяться и предмет моего слова составляет не Богословие, но Божие домостроительство. Когда же именую Бога, имею в виду Отца и Сына и Святого Духа, как не разделяя Божества далее этого числа Лиц, чтобы не ввести множества богов, так не ограничивая меньшим числом, чтобы не осуждали нас в скудости Божества, когда впадем или в иудейство, защищая единоначалие, или в язычество, защищая многоначалие. В обоих случаях зло равно, хотя от противоположных причин. Таково Святое Святых, закрываемое и от самих Серафимов, и прославляемое тремя Святынями, которые сходятся в единое Господство и Божество, о чем другой некто прекрасно и весьма высоко любомудрствовал прежде нас.

Но поскольку для Благодати не довольно было упражняться только в созерцании Себя Самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далее и далее, чтобы число облагодетельствованных было как можно большее (ибо это свойство высочайшей Благодати), то Бог измышляет, во-первых, ангельские и небесные силы. И мысль стала делом, которое исполнено Словом и совершено Духом. Так произошли вторые светлости, служители первой Светлости, понимать ли под ними или разумных духов, или как бы невещественный и бесплотный огонь, или другое какое естество наиболее близкое к сказанным. Хотел бы я сказать, что они неподвижны к злу и имеют одно движение к добру, как сущие окрест Бога и непосредственно озаряемые от Бога (ибо земное пользуется вторичным озарением); но признавать и называть их не неподвижными, а трудно подвижными, убеждает меня ангел по светлости, а за превозношение ставший и называемый тьмой, с подчиненными ему богоотступными силами, которые через свое удаление от добра стали виновниками зла и нас в иное вовлекают.

Так и по таким причинам сотворен Богом умный мир, насколько могу

о этом любомудрствовать, малым умом взвешивая великое. Поскольку же первые твари были Ему благоугодны, то измышляет другой мир – вещественный и видимый; и это есть стройный состав неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекрасным качествам каждой вещи, а еще более достойный удивления по стройности и согласию целого, в котором и одно к другому и все ко всему состоит в прекрасном отношении, служа к полноте единого мира. А этим Бог показал, что Он силен сотворить не только сродное Себе, но и совершенно чуждое естество. Сродны же Божеству природы умные и одним умом постигаемые, совершенно же чужды твари, подлежащие чувствам, а из этих последних еще дальше отстоят от Божественного естества твари вовсе неодушевленные и недвижимые.

Но что нам до этого? – скажет, может быть, какой-нибудь чрезмерно ревностный любитель праздников. Гони коня к цели – любомудруй о том, что относится к празднику, и для чего мы собрались ныне. – Так и сделаю, хотя начал несколько отдаленно, к чему принужден усердием и словом.

Итак, ум и чувство, столь различные между собой, стали в своих пределах и выразили собой величие Зиждительного Слова, как безмолвные хранители и первые проповедники великолепия. Но еще не было смешения из ума и чувства, сочетания противоположных – этого опыта высшей Премудрости, этой щедрости в образовании естеств; и не все богатство Благости было еще обнаружено. Восхотев и это показать, Искусное Слово созидает живое существо, в котором приведены в единство то и другое, то есть невидимое и видимая природа; созидает, говорю, человека, и из сотворенного уже вещества взяв тело, а от Себя вложив жизнь (что в слове Божиим известно под именем разумной души и образа Божия), творит как бы некоторый второй мир – в малом великий; ставит на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, свидетеля твари умосозерцаемой, царя над тем, что на земле, подчиненного горнему царству, земного и небесного, временного и бессмертного, видимого и умосозерцаемого, ангела, который занимает середину между величием и низостью, один и тот же есть дух и плоть – дух ради благодати, плоть ради превозношения; дух, чтобы пребывать и прославлять Благодетеля; плоть, чтобы страдать и, страдая, припомянуть и учиться, насколько одарен он величием; творит живое существо, здесь уготовляемое и переселяемое в иной мир, и (что составляет конец тайны) через стремление к Богу достигающее обожествления. Ибо умеренный здесь свет истины служит для меня к тому, чтобы видеть и сносить

светлость Божию, достойную Того, Кто связует и разрешает, и опять совокупит превосходнейшим образом.

Этого человека, почтив свободой, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена его, Бог поставил в рай (что бы ни означал этот рай) творцом бессмертных растений – может быть, божественных помыслов, как простых, так и более совершенных; поставил нагим по простоте и безыскусственной жизни, без всякого покрова и ограждения, ибо таковым надлежало быть первозданному. Дает и закон для упражненья свободы. Законом же была заповедь: какими растениями ему пользоваться и какого растения не касаться. А последним было древо познания, и посаженное вначале не злонамеренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзают при этом уст богоборцы и да не подражают змию!); напротив, оно было хорошо для употребляющих благовременно (потому что древо это, по моему умозрению, было созерцание, к которому безопасно могут приступать только опыт приобретшие), но не хорошо для простых еще и для неумеренных в своем желании; подобно как и совершенная пища не полезна для слабых и требующих молока.

Когда же, из-за зависти дьявола и оболъщения жены, которому она сама подверглась как слабейшая и которое произвела как искусная в убеждении (о немощь моя! Ибо немощь прародителя есть и моя собственная), человек забыл данную ему заповедь и был побежден горьким вкушением: тогда через грех делается он изгнанником, удаляемым в одно время и от древа жизни, и из рая, и от Бога; облекается в кожаные ризы (может быть, в грубейшую, смертную и противоборствующую плоть), в первый раз познает собственный стыд и укрывается от Бога. Впрочем, и здесь приобретает нечто, именно смерть – в пресечение греха, чтобы зло не стало бессмертным. Таким образом, само наказание делается человеколюбием. Ибо так, в чем я уверен, наказывает Бог.

Но в преграждение многих грехов, какие произрастали от корня повреждения от разных причин и в разные времена, человек и прежде вразумляем был многообразно: словом, Законом, Пророками, благодеяниями, угрозами, карами, наводнениями, пожарами, войнами, победами, поражениями, знаменами небесными, знаменами в воздухе, на земле, на море, неожиданными переворотами в судьбе людей, городов, народов (все это имело целью загладить повреждение); наконец стало нужно сильнейшее лекарство, по причине сильнейших недугов: человекоубийств, прелюбодеяний, клятвопреступлений, муженеиствования и этого последнего и первого из всех зол – идолослужения и поклонения

твари вместо Творца. Поскольку все это требовало сильнейшего способа, то и дается сильнейший. И он был следующим: само Божие Слово, превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное, начало от начала, свет от света. Источник жизни и бессмертия, отпечаток первообразной Красоты, печать непереносимая, образ неизменяемый, определение и слово Отца, приходит к Своему образу, носит плоть ради плоти, соединяется с разумной душой ради моей души, очищая подобное подобным; делается человеком по всему, кроме греха. Хотя чревоносит Дева, в которой душа и тело предочищены Духом (ибо надлежало и рождение почтить, и целомудрие предпочесть); однако же произошедший есть Бог и с воспринятым от Него²⁴⁹ – единое из двух противоположных – плоти и Духа, из которых Один обожествил, а другая обожествлена.

О новое смешение! О чудное растворение! Сущий начинает бытие, Несозданный создается, Необъемлемый объемлется через разумную душу, посредствующую между Божеством и грубой плотью, Богатящий нищает – нищает до плоти моей, чтобы мне обогатиться Его Божеством, исполненный истощается – истощается ненадолго в славе Своей, чтобы мне быть причастником полноты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство обо мне? Я получил образ Божий и не сохранил Его, Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить. Он вступает во второе с нами общение, которое гораздо чуднее первого, поскольку тогда даровал нам лучшее, а теперь воспринимает худшее; но это боголепее первого, это выше для имеющих ум!

Что скажут нам на это клеветники, злые ценители Божества, порицатели достохвального, объятые тьмой при самом Свете, невежды при самой Мудрости, те, за которых Христос напрасно умер, неблагодарные твари, создания лукавого? Это ставишь ты в вину Богу – Его благодеяние? Потому Он мал, что для тебя смирил Себя? Что к заблудшей овце пришел «Пастырь добрый, полагающий жизнь свою за овец» ([Ин.10:11](#)), пришел на те горы и холмы, на которых приносил ты жертвы, и что обрел заблудшего, и обретенного взял на те же плечи ([Лк.15:4-5](#)), на которых понес крест, и воспринятого опять привел к горней жизни, и приведенного сопричислил к пребывающим в чине своем? Что возжег «свечу» – плоть Свою, и «подмел комнату» – очищая мир от греха, и «нашел драхму» – Царский образ, заваленный страстями; по обретении же драхмы созывает пребывающие в любви Его Силы, делает участниками радости тех, которых сделал свидетелями тайн Своего домостроительства ([Лк.15:8-9](#))? Что лучезарнейший Свет следует за передтекшим светильником, Слово – за гласом, Жених – за невестоводителем, приготавливающим Господу «народ

особенный» ([Тит.2:14](#)) и предпочищающим водой для Духа? Это ставишь в вину Богу? За то считаешь Его низшим, что «препоясуется полотенцем» ([Ин.13:4-5](#)) и умывает ноги учеников, и указывает совершеннейший путь к возвышению – смирение? Что смиряется ради души, преклонившейся до земли, чтобы возвысить с Собой склоняемое долу грехом? Как не поставишь в вину того, что Он ест с мытарями и у мытарей, что учениками имеем мытарей, да и Сам приобретает нечто? Что же приобретает? Спасение грешников. Разве и врача обвинит иной за то, что наклоняется к ранам и терпит зловоние, только бы вернуть здоровье больным? Обвинит и того, кто из сострадания наклонился к яме, чтобы, по закону ([Исх.23:2](#); [Лк.14:5](#)), спасти упавший в нее скот?

Правда, что Он был послан, но как человек (потому что в Нем два естества; так Он утомлялся, и алкал, и жаждал, и был в борении, и плакал – по закону телесной природы); а если послан и как Бог, что из этого? Под посольством понимай благоволение Отца, к Которому Он относит дела Свои, чтобы почтить бестленное начало и не показаться противником Богу. О Нем говорится, что предан ([Рим.4:25](#)); но написано также, что и Сам Себя предал ([Еф.5:2, 25](#)). Говорится, что Он воскресен Отцом и вознесен ([Деян.3:15](#); [Деян.1:11](#)), но написано также, что Он Сам Себя воскресил и восшел опять на небо ([1Сол.1:14](#); [Еф.4:10](#)), – первое по благоволению, второе по власти. Но ты выставляешь на вид уничижительное, а обходишь молчанием возвышающее. Рассуждаешь, что Он страдал, а не присовокупляешь, что страдал добровольно. Сколько и ныне страждет Слово! Одни чтут Его, как Бога, и соединяют; другие бесчестят Его как плоть, и отделяют. На которых же больше прогневается Он или, лучше сказать, которым отпустит грех? Тем ли, которые объединяют, или тем, которые рассекают злочестиво? Ибо и первым надлежало разделить, и последним соединить, – первым относительно к числу, последним относительно к Божеству. Ты соблазняешься плотью? И иудеи также соблазнялись. Не назовешь ли Его и Самарянином? О том, что далее, умолчу. Ты не веруешь в Божество Его? Но в Него и бесы веровали, о ты, который невернее бесов и несознательнее иудеев! Одни наименование Сына признавали означаящим равночестие, а другие в изгоняющем узнавали Бога, ибо убеждало в этом претерпеваемое от Него. А ты ни равенства не принимаешь, ни Божества не исповедуешь в Нем. Лучше было бы тебе обрезаться и стать бесноватым (скажу нечто смешное), нежели в необрезании и в здравом состоянии иметь лукавые и безбожные мысли.

Вскоре потом увидишь и очищающегося в Иордане Иисуса – мое

очищение, или, лучше сказать, через это очищение делающего чистыми воды, ибо не имел нужды в очищении Сам Он – «взявший грех мира» ([Ин.1:29](#)); увидишь и «разверзающиеся небеса» ([Мк.1:10](#)); увидишь, как Иисус и приемлет свидетельство от сродственного Ему Духа, и искушается, и побеждает, и окружен служащими Ему ангелами, и «исцеляет всякую болезнь и всякую немощь» ([Мф.4:23](#)), и животворит мертвых (о если бы оживотворил и тебя – умершего зловерием!), и изгоняет бесов, то Сам, то через учеников, и немногими хлебами насыщает тысячи, и ходит по морю, и предается, и распинается, и сораспинает мой грех, приводится как агнец, и приводит как Иерей, как человек погребается, и восстает как Бог, а потом и восходит на небо, и придет со славой Своею. Сколько торжеств доставляет мне каждая тайна Христова! Во всех же в них главное одно – мое совершение, воссоздание и возвращение к первому Адаму!

А теперь почти чревоношение, и скачи, если не как Иоанн во чреве, то как Давид при упокоении Киота; уважь перепись, по которой и ты вписан на небесах; поклоняйся Рождеству, через которое освобождился ты от уз рождения; воздай честь малому Вифлеему, который опять привел тебя к Раю; преклонись перед яслями, через которые ты, сделавшийся бессловесным, воспитан Словом. Познай (повелевает тебе Исаия), как вол Стяжавшего, и как «осел ясли Господина своего» ([Ис.1:3](#)). Принадлежишь ли к числу чистых, и законных, и «отрыгающих жвание» ([Лев.11:41](#)) слова, и годных в жертву, или к числу еще нечистых, не употребляемых ни в пищу, ни в жертву, и составляешь достояние язычества; иди со звездой, принеси с волхвами дары – золото, и ладан, и смирну – как Царю, и как Богу, и как умершему ради тебя; прославь с пастырями, ликуй с Ангелами, воспой с Архангелами; да составитя общее торжество небесных и земных Сил. Ибо я уверен, что небесные Силы радуются и торжествуют ныне с нами; потому что они человеколюбивы и боголюбивы, – как и Давид представляет их восходящими со Христом после страдания Его, встречающимися и повелевающими друг другу «поднять врата» ([Пс.23:7](#)). Одно только можешь ненавидеть из бывшего при Рождестве Христовом – это иродово детоубийство, лучше же сказать, и в нем почти жертву единоклеточных со Христом, предварившую новое заклание. Бежит ли Христос в Египет, с Ним и ты охотно беги. Хорошо бежать со Христом гонимым. Замедлит ли Он во Египте, призывай Его из Египта, воздавая Ему там доброе поклонение. Шествуй непорочно по всем возрастам и силам Христовым. Как Христов ученик, очистишь, обрежешься, сними лежащее на тебе с рождения покрывало, потом учи в храме, изгони

торгующих святынею. Претерпи, если нужно, побиение камнями, хорошо знаю, что укроешься от мечущих камни, и пройдеши посреди их, как Бог, потому что слово не побивается камнями. Приведен ли будешь к Ироду – не отвечай ему больше. Твое молчание уважит он более, нежели длинные речи других. Будешь ли сечен бичами – домогайся и прочего, вкуси желчь за первое вкушение, испей уксус, ищи оплеваний, прими удары по щеке и побои. Увенчайся тернием – суровостью жизни по Богу, оденься в багряную ризу, прими трость, пусть преклоняются перед тобой ругающиеся истине. Наконец, охотно распнись, умри и прими погребение со Христом, да с Ним и воскреснешь, и прославишься, и воцаришься, видя Бога во всем Его величии, и им видимый, – Бога в Троице поклоняемого и прославляемого, Которого молим, да будет и ныне, насколько это возможно для узников плоти, явлен нам, о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава вовеки. Аминь.

Слово 39

На святые светы явлений Господних

Опять Иисус мой, и опять таинство, – не таинство обманчивое и неблагообразное, не таинство языческого заблуждения и пьянства (как называю уважаемые язычниками таинства и как, думаю, назовет их всякий здравомыслящий); но таинство возвышенное и божественное, сообщающее нам горную светлость! Ибо святой день светов, которого мы достигли и который сподобились ныне праздновать, имеет началом крещение моего Христа, «истинного света, просвещающего всякого человека, приходящего в мир» ([Ин.1:9](#)), производит же мое очищение и помогает тому свету, который мы, вначале получив от Христа свыше, омрачили и сделали слитным через грех.

Итак, внемлите Божественному гласу, который для меня, поучающегося и поучающего таковым таинствам (а хорошо, если бы и для вас!), весьма внятно вопиет: «Я свет миру» ([Ин.8:12](#)). И для этого «обратите взор к Нему, и просветитесь, и лица ваши», ознаменованные истинным светом, «не постыдятся» ([Пс.33:6](#)). Время возрождения – возродимся свыше! Время воссоздания – восприимем первого Адама! Не останемся такими, каковы теперь, но сделаемся тем, чем были созданы. «Свет во тьме светит», то есть в этой жизни – жизни плотской, и хотя гонит Его, но «не объемлет» тьма ([Ин.1:5](#)), то есть вражеская сила, которая с бесстыдством приступает к видимому Адаму, но сталкивается с Богом и уступает победу; почему мы, отложив тьму, приблизимся к свету, и потом, как чада совершенного Света, сделаемся совершенным светом!

Видите благодать дня, видите силу таинства: не восторглись ли вы от земли? Не явно ли вознеслись уже горе, подъемлемые моим словом и тайноводством? И еще более вознесетесь, когда Слово благоуправит словом. Таково ли подзаконное и прикровенное какое-нибудь очищение, доставляющее пользу временными кроплениями и окропляющее оскверненных пеплом? Тайноводствуют ли к чему подобному язычники? Для меня всякий обряд их и всякое таинство есть сумасбродство, темное изобретение демонов и произведение жалкого ума, которому помогло время и которое закрыла басня; ибо чему поклоняются как истинному, то сами скрывают как баснословное. Если оно истинно, надлежало не баснями называть, но показать, что это не срамно. Если же оно ложно, то надобно не дивиться этому и не держаться с таким бесстыдством самых противных мнений об одном и том же, уподобляясь тем, которые

забавляют на площади детей или мужей, но в полном смысле потерявших ум, а не тем, которые рассуждают с мужами, имеющими ум и поклоняющимися Слову, хотя они и презирают эту многоискусственную и грязную убедительность слова.

Здесь (скажу, хотя язычникам не понравится это) не рождение и сокрытие Дия – Критского властелина, не клики и военные рукоплескания и пляски Куретов, заглушающие голос плачущего бога, чтобы не услышал отец-чадонавистник, потому что опасно было плакать, как младенцу, кто проглочен был как камень. Здесь не искажения фригийян, не свирели и Корибанты, не те неистовства, какие в честь Реи, матери богов, совершаемы были и посвящающими и посвящаемыми (что и прилично матери таких богов). У нас не дева какая-нибудь похищается, не Деметра странствует, вводит к себе каких-нибудь Келеев, Триптолемов и драконов, и то действует, то страждет. Стыжусь выставлять на свет ночные их обряды, и постыдные дела обращать в таинство. Это знают Елевзис и зрители того, что предается молчанию и действительно достойно молчания. Здесь не Дионис, не бедро рождает недоношенный плод, как прежде голова произвела нечто другое; не бог андрогин, не толпа пьяных, не изнеженное войско, не безумие фивян, чтущих Диониса, не поклонение перуну Семелы; не блудные таинства Афродиты, которая, как сами говорят, и рождена и чествуется срамно, не какие-нибудь Фаллы и Ифифаллы, гнусные и видом и делами; не умерщвление чужестранцев у тавров; не обагряющая жертвенник кровь лакедемонских юношей, секущих себя бичами и в этом одном некстати оказывающих мужество в честь богини и притом девы, потому что они и негу чтили, и неустрашимость уважали. Куда же отнесешь приготовление в пищу Пелопса для угощения голодных богов, – странноприимство отвратительное и бесчеловечное? Куда отнесешь страшные и мрачные призраки Гекаты, Трофониевы из-под земли обманы и предсказания, или пустословие Додонского дуба, или обоюдные прорицания Дельфийского треножника, или дар предвидения сообщающие воды Кастальского источника? Одного только не предсказали они, а именно, что сами приведены будут в молчание. Здесь не жреческое искусство магов и угадывание будущего по рассеченным жертвам; не Халдейская астрономия и наука предсказывать судьбу по дню рождения, наука, сличающая нашу участь с движением небесных светил, которые не могут знать о себе самих, что они такое, или чем будут. Здесь не оргии фракиян, от которых, как говорят, ведет начало слово: то $\theta\rho\eta\sigma\kappa\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\iota\nu$, то есть богослужение; не обряды и таинства Орфея, мудрости которого столько дивились элины,

что и о лире его выдумали басню, будто бы она все увлекает своими звуками; не справедливые истязания, положенные Митрой для тех, которые решаются приступить к таковым таинствам; не растерзание Осириса (другое бедствие, чтимое египтянами); не несчастные приключения Исиды; не козлы почтеннейшие мендезий; не ясли Аписа – тельца, лакомо откармливаемого по простодушию жителей Мемфиса. Здесь не то, чем в своих чествованиях оскорбляют они Нил, как сами воспевают, плодоносный и доброкласный, измеряющий благоденствие жителей локтями²⁵⁰. Не буду говорить о чествовании пресмыкающихся и гадов, о расточительности на срамные дела, так что для каждого гада были какой-нибудь особенный обряд и особое таинство; хотя общим во всех видим одно – злосчастное положение поклоняющихся. И если бы им надлежало сделаться совершенными нечестивцами, вовсе отпасть от славы Божией, предавшись идолам, произведениям искусства и делам рук человеческих, то благоразумный не пожелал бы им ничего иного, как иметь такие предметы чествования, и так их чествовать, чтобы, как говорит Апостол, получить должное «возмездие за свое заблуждение» ([Рим.1:27](#)) в том, что они чтут, не столько чествуя чтимое, сколько бесчестя им себя, сделавшись мерзкими по своему заблуждению, а еще мерзостнейшими по ничтожности того, чему кланяются и что чтут, и чтобы стать бесчувственнее самых чтимых предметов, настолько превосходя их безумием, насколько предметы поклонения превышают их ничтожностью.

Итак, пусть всем этим забавляются дети эллинские и демоны, которые доводят их до безумия, присваивая себе Божию честь, и делят их между собой, внушая им те или другие срамные мнения и понятия. Ибо демоны с того времени, как древом познания, с которого не вовремя и некстати вкусили плод, удалены мы от древа жизни, стали нападать на нас, как уже на слабейших, похитив у нас владычественный ум и отворив дверь страстям. Они, будучи или, вернее сказать, по собственной злобе сделавшись естеством завистливым и человеконенавистным, не потерпели, чтобы дольные сподобились горнего чина, когда сами они ниспали свыше на землю, и чтобы произошло такое перемещение в славе и первичных природах. Отсюда гонение на тварь Божию! От этого поруган образ Божий! И поскольку не рассудили мы соблюсти заповедь, то преданы самозаконию прельщения. И поскольку заблудились, то обесчестили себя тем самым, чему воздавали почести. Ибо не то одно ужасно, что сотворенные на дела благие, чтоб славить и хвалить Сотворившего и насколько возможно подражать Богу, стали вместилищем

всякого рода страстей, ко вреду питаемых и потребляющих внутреннего человека, но и то, что богов сделали покровителями страстей, чтобы грех признаваем был не только не подлежащим ответственности, но даже божественным, имея для себя прибежищем сильную защиту – сами предметы поклонения.

Поскольку же нам даровано, избегнув суеверного заблуждения, прийти к истине, служить Богу живому и истинному и стать превьше твари, оставив за собой все, что под временем и зависит от первого движения, то будем тому учиться, о том любомудрствовать, что относится к Богу и к Божественному.

Станем же любомудрствовать, начав с того, с чего начать всего лучше. Всего же лучше начать, с чего завещал нам Соломон. «Начало мудрости», – говорит он, – «приобретать мудрость» ([Притч.4:7](#)). Что это значит? Он началом мудрости называет страх. Ибо надобно, не с умозрения начав, оканчивать страхом (умозрение необузданно, очень может завести на стремнины), но, научившись основам у страха, им очистившись и, так скажу, утончившись, восходить на высоту. Где страх – там соблюдение заповедей; где соблюдение заповедей – там очищение плоти – этого облака, омрачающего душу и препятствующего ей ясно видеть Божественный луч; но где очищение – там озарение; озарение же есть исполнение желания для стремящихся к предметам высочайшим или к Предмету Высочайшему, или к Тому, Что выше высокого. Поэтому должно сперва самому себя очистить и потом уже беседовать с чистым, если не хотим потерпеть одного с Израилем, который не вынес славы лица Моисеева и потому требовал покрывала; не хотим испытать и сказать с Маноем, удостоенным видения Божия: «Погибли мы, жена, «ибо Бога видели»» ([Суд.13:22](#)); не хотим подобно Петру высылать с корабля Иисуса, как недостойные такого посещения (а когда именую Петра, кого имею в виду? – того, кто ходил по водам); не хотим потерять зрение подобно Павлу, до очищения от гонений вступившему в общение с Гонимым, или, лучше сказать, с малым блистанием великого Света; не хотим, прося врачевания, как сотник, из похвальной боязни не принимать в дом Врача. И из нас иной, пока он не очищен, но еще сотник, над многими первенствует во зле и служит кесарю – миродержителю влекомых долу, пусть скажет: «я не достоин, чтобы ты вошел под кров мой» ([Мф.8:8](#)). Когда же увидит Иисуса, и хотя мал ростом духовно, подобно Закхею, взойдет на смоковницу, «умертив земные члены» ([Кол.3:5](#)) и став выше «тела смирения» ([Фил.3:21](#)), тогда да приемлет Слово и да услышит: «ныне пришло спасение дому этому» ([Лк.19:2](#)), и получит спасение, и

принесет плод совершеннейший, прекрасно расточая и разливая, что худо собрал как мытарь. Ибо то же Слово и страшно, по естеству, для недостойных, и удобоприемлемо, по человеколюбию, для приуготовленных. Таковы те, которые, изгнав из души нечистого и вещественного духа, «пометив и украсив» души свои познанием, не оставили их праздными и недейтельными, чтобы их (так как недоступное и вожделенное) опять не заняли еще с большим запасом семь духов злобы (как семь же считается духов добродетели), но сверх удаления от зла упражняются и в добродетели, всецело или насколько можно больше, вселив в себя Христа, чтобы лукавая сила, заняв какую-нибудь пустоту, опять не наполнила души собой, отчего «будет последнее хуже первого» ([Мф.12:43–45](#)), потому что и нападение стремительнее, и охранная стража безопаснее, и с большим трудом одолевается. Когда же, «больше всего хранимого храним» душу свою ([Притч.4:23](#)), «в сердце стези направляя к тебе» ([Пс.83:6](#)), «распахав новые нивы» ([Иер.4:3](#)) и «посеяв в правду», как учат Соломон, Давид и Иеремия, «пожнем милость и правду» ([Ос.10:12](#)), тогда «проповедуем Божию премудрость тайную, сокровенную» ([1Кор.2:7](#)), и воссияем для других. А до тех пор будем очищаться и усовершенствоваться Словом, чтобы, как можно больше, облагодетельствовать самих себя, делаясь богоподобными и приемля пришедшее Слово, даже не только приемля, но и содержа в себе, и являя другим.

Поскольку же очистили мы словом позорище, то полюбоумдрствуем уже несколько о празднике и составим общий праздник с душами любопразднственными и боголюбивыми. И как главное в празднике – память о Боге, то воспомянем Бога, ибо и «глас радости» ([Пс.41:5](#)) там, где «поющих и играющих всех жилище» ([Пс.86:7](#)), по моему мнению, не что иное есть, как Бог песнословимый и славословимый удостоившимися тамошнего жительства. Если же настоящее слово будет заключать в себе нечто из сказанного уже прежде, никто не удивляйся, ибо стану говорить не только то же, но и о том же, имея трепетный язык, и ум, и сердце, всякий раз, когда говорю о Боге, и вам желая того же самого похвального и блаженного страха. Когда же произношу слово Бог, вы озаряйтесь единым и тройственным светом – тройственным в отношении к особенным свойствам, или к Ипостасям (если кому угодно назвать так), или к Лицам (нимало не будем препираться об именах, пока слова ведут к той же мысли), – единым же в отношении к понятию сущности и, следовательно, Божества. Бог разделяется, так сказать, неразделимо и сочетается разделенно, потому что Божество есть Единое в трех, и единое суть Три, в

Которых Божество, или, точнее сказать, который суть Божество. А что касается переизбытка и недостатков, то мы без них обойдемся, не обращая ни единства в слитность, ни разделения в отчуждение. Да будут равно далеки от нас и Савеллиево сокращение и Ариево разделение, ибо то и другое в противоположном смысле худо и одинаково нечестиво. Ибо для чего нужно – или злостиво соединять Бога, или рассекать на неравных? – «Но у нас один Бог Отец, из Которого все, и один Господь Иисус Христос, Которым все» ([1Кор.8:7](#)), и един Дух Святой, в Котором все. Словами: из Него (ἐξ ου), Им (δι ου) и в Нем (εν ω), не естества разделяем (иначе не переставлялись бы предлоги или не переменялся бы порядок имен), но отличаем личные свойства единого и несоединенного естества. А это видно из того, что различаемые опять сводятся воедино, если не без внимания прочтешь у того же Апостола следующие слова: «Ибо все из Него, и Им, и к Нему» (εἰς αὐτον): «Ему слава во веки, аминь» ([Рим.11:36](#)). «Отец есть Отец и безначален», потому что ни от кого не имеет начала. Сын есть Сын и не безначален, потому что от Отца. Но если начало будешь понимать относительно времени, то Сын и безначален, потому что Творец времен не под временем. Дух есть истинно Дух Святой, происходящий от Отца, но не как Сын (ουχ υἱως); потому что происходит не рожденно (γεννητως), но исходно (εκρευτως); если для ясности надо употребить новое слово. Между тем ни Отец не лишен нерожденности, потому что родил; ни Сын – рождения, потому что от Нерожденного (ибо как им лишиться?); ни Дух Святой не изменяется или в Отца, или в Сына, потому что исходит и потому что Бог, хотя и не так кажется безбожным. Ибо личное свойство непреложно, иначе как оставалось бы личным, если бы перемещалось и переносилось? Те, которые нерожденность и рожденность признают за естества одноименных богов, может быть и Адама, и Сифа, из коих один не от плоти (как творение Божие), а другой от Адама и Евы, станут признавать чуждыми друг другу по естеству. Итак, один Бог в Трех, и Три едины, как сказали мы.

Поскольку же таковы Три, или таково Единое, и надлежало, чтобы поклонение Богу не ограничивалось одними горними, но были и долу некоторые поклонники, и все исполнилось славы Божией (потому что все Божие), то для этого создается человек, почтенный рукотворением и образом Божиим. А так созданного, когда он завистью дьявола, через горькое вкушение греха, несчастно удалился от сотворившего его Бога, Богу не свойственно было презреть. Что же совершается? И какое великое о нас таинство? – Обновляются естества, и Бог делается человеком. И «шествующий на небесах небес» ([Пс.67:34](#)) собственной славы и

светлости прославляется в нашей низости и нашем смирении. И Сын Божий благоволил стать и именоваться и сыном человеческим, не изменяя того, чем был (ибо это неизменяемо), но, приняв то, чем не был (ибо Он человеколюбив), чтобы Невместимому сделаться вместимым, вступив в общение с нами через посредствующую плоть, как через завесу, потому что рожденному и тленному естеству невозможно сносить чистого Его Божества. Для этого соединяется несоединимое; не только Бог с рождением во времени, ум с плотью, довременное с временем, неограниченное с мерой, но и рождение с непорочностью, бесчестие с тем, что выше всякой чести, бесстрастное со страданием, бессмертное с тленным. Поскольку изобретатель греха мечтал быть непобедимым, уловив нас надеждой уподобления Богу, то сам улавливается покровом плоти, чтобы, прикоснувшись как к Адаму, встретить Бога. Так новый Адам спас ветхого, и снято осуждение с плоти после умерщвления смерти плотью!

Но Рождество праздновали, как должно, и я – начинатель праздника, и вы, и все, как заключающееся в мире, так и надмирное. Со звездой шли мы, с волхвами поклонялись, с пастырями были озарены, с ангелами славословили, с Симеоном принимали в объятия, и с Анной, престарелой и целомудренной, «исповедались Господу». И благодарение Тому, Кто «приидет» как чуждый, чтоб прославить странника!

А ныне другое Христово деяние и другое таинство. Не могу удержать в себе удовольствия и делаюсь вдохновенным. Почти как Иоанн благовествую; и хотя я не предтеча, однако же из пустыни. Христос просвещается – озаримся с Ним и мы! Христос крещается – сойдем с Ним, чтобы с Ним и взойти! Крещается Иисус – это одно или и другое надобно принять во внимание? Кто крещающийся? От кого и когда крещается? – Чистый, от Иоанна, и когда начинает творить знамения. Что же познаем из этого, чему научаемся? – Должно предпочиститься, смиренномудрствовать, и проповедовать уже после усовершенствования и духовного и телесного возраста. Первое нужно тем, которые приступают к крещению небрежно и без приготовления и не обеспечивают искупления навыком в добре. Ибо хотя благодать эта, как благодать, дает отпущение прежних грехов; но тогда тем больше требуется от нас благоговения, чтобы «не возвращаться» на ту же «блевотину» ([Притч.26:11](#)). Второе нужно тем, которые превозносятся против устроителей таинств, если превосходят их каким-либо достоинством. Третье нужно тем, которые смело полагаются на юность и думают, что всегда время учительству или председательству. Иисус очищается; а ты пренебрегаешь очищением? Очищается от Иоанна; а ты восстаешь против своего проповедника? Очищается, будучи тридцати

лет; а ты, не имея еще бороды, учишь старцев или думаешь, что можно учить, не заслужив уважения ни по возрасту, ни даже, может быть, по образу жизни? Потом является у тебя Даниил, тот и другой – юные судии, и все примеры на языке, потому что всякий, поступающий несправедливо, готов оправдываться. Но что редко, то не закон для Церкви, так как одна ласточка не показывает весны, или одна черта не делает геометром, или одно краткое плавание – мореходом.

Но Иоанн крестит. Приходит Иисус, освящающий, может быть, самого Крестителя, несомненное же всего ветхого Адама, чтоб погresti в воде, а прежде их и для них освящающий Иордан и, как Сам был дух и плоть, совершающий духом и водой. Креститель не приемлет – Иисус настаит. «Я требую креститься от тебя» ([Мф.3:14](#)), говорит светильник Солнцу, глас – Слову, друг – Жениху, тот, кто из «рожденных женами» выше всех ([Мф.11:11](#)), «Рожденный прежде всякой твари» ([Кол.1:5](#)), выигравшийся во чреве, – Тому, Кто еще в чреве принял поклонение, Предтеча и бывший Предтечею – Тому, Кто явился и явится. «Я требую от тебя креститься», присовокупи: и за тебя. Ибо Креститель знал, что будет креститься мученичеством, или что у Него будут очищены не одни ноги, как у Петра. И «Ты ли приходишь ко мне?» И в этом пророчество. Ибо Креститель знал, что как после Ирода будет неистовствовать Пилат, так за отошедшим Предтечею последует Христос. Что же Иисус? «Остави ныне». В этом Божие домостроительство. Ибо Иисус знал, что вскоре Сам будет Крестителем Крестителя. Что же значит «лопата» ([Мф.3:12](#))? Очищение. Что – «огонь»? – Потребление маловесного и горение духа. Что же «секира»? – Посечение души, остающейся неизлеченной и обложенной «гнием». Что «меч»? – Рассечение словом, посредством которого отделяется худшее от лучшего, отлучается верный от неверного, возбуждается сын против отца, дочь против матери и невестка против свекрови, новое и недавнее против древнего и сокровенного. Что же значит «ремень обуви» ([Мк.1:7](#)), который не развязываешь ты, Креститель Иисусов, житель пустыни, не вкушающий пищи, новый Илия, «больше Пророка» ([Мф.11:9](#)), потому что видел Предреченного, посредствующий между ветхим и новым? – Что значит он? – Может быть, учение о пришествии и воплощении, в котором и самое крайнее не удобообразуемо, не только для людей плотских и еще младенцев во Христе, но и для тех, которые по духу подобны Иоанну. Но выходит «Иисус из воды», ибо возносит с Собой весь мир, и видит «разводящиеся небеса» ([Мк.1:10](#)) – небеса, которые Адам для себя и для потомков своих заключил так же, как и рай пламенным оружием. И Дух свидетельствует о Божестве,

потому что приходит к равному; и глас с небес, потому что с неба Тот, о Ком свидетельство. И дух «яко голубь», потому что чествует тело (и оно по обожествлении Бог), потому что телесно и вместе издали видимый голубь привык благовествовать «прекращение потопа». Если же по объему и весу судишь о Божестве – ты, мелко рассуждающий о величайшем, и Дух мал для тебя, потому что явился в виде голубя, то тебе прилично поставить ни во что и царство небесное, потому что оно уподобляется зерну горчичному; прилично величию Иисуса предпочесть противника, потому что он называется «горой великой» ([Зах.4:7](#)) и великим китом ([Иов.3:8](#)), и «царем всем живущим в водах» ([Иов.41:25](#)), а Иисус именуется «Агнцем» ([1Пет.1:19](#)), «жемчужиной» ([Мф.13:46](#)), «каплею» ([Мих.2:11](#)), и подобно этому.

Но поскольку настоящее торжество ради Крещения, и нам должно пострадать от зла сколько-нибудь с Тем, Кто для нас вообразился, крестился и распят, то полюбомуудрствуем несколько о различиях крещений, чтобы выйти отсюда очищенными. Крестил Моисей, но в воде, а раньше во «облаке и в море» ([1Кор.10:2](#)), и это имело преобразовательный смысл, как понимает и Павел. Морем преобразовалась вода, облаком – Дух, манной – хлеб жизни, питием – Божественное питие. Крестил и Иоанн, уже не по-иудейски, потому что не водой только, но и в «покаяние» ([Мф.3:11](#)), однако же не совершенно духовно, потому что не присовокупляет: «и духом». Крестит и Иисус, но Духом: в этом совершенство. Как же не Бог Тот, через Которого (осмелюсь сказать) и ты сделаешься богом? Знаю и четвертое крещение – крещение мученичеством и кровью, которым крестился и Сам Христос, которое гораздо достоуважительнее прочих, поскольку не оскверняется новыми нечистотами. Знаю также еще и пятое – слезное, но труднейшее; им крестится «омывающий каждую ночь ложе свое и постель слезами» ([Пс.6:7](#)), кому «смердят» и «раны» греховные ([Пс.37:6](#)), кто «плача и сетуя» ходит ([Пс.34:14](#)), кто подражает обращению Манассии, смирению помилованных ниневитян, кто произносит в храме слова мытаря и оправдывается больше тщеславного фарисея, кто припадает с хананеянкой, просит человеколюбия и крошек – пищи самого голодного пса.

Признаюсь, что человек есть существо переменчивое и по природе непостоянное, а потому с готовностью принимаю это последнее крещение, поклоняюсь Даровавшему его и сообщаю его другим, и милостью искупаю себе милость. Ибо знаю, что сам «обложен немощью» ([Евр.5:2](#)), и какой мерой буду мерить, то и мне возмерится. Но ты, что говоришь? Какой даешь закон, о новый фарисей, именем, а не желанием

чистый, и внушающий нам правила Новата при той же немощи? Ты не принимаешь покаяния? Не даешь места слезам? Не плачешь слезно? Да не будет к тебе таков и Судия! Ужели не трогает тебя человеколюбие Иисуса, Который «взял наши немощи» и «понес болезни» ([Мф.8:17](#)), Который не к праведникам пришел, но к грешникам, призвать их на покаяние, Который хочет «милости, а не жертвы» ([Мф.9:13](#)), прощает грехи «до седмижды семидесяти раз» ([Мф.18:22](#))? Как блаженна была бы твоя возвышенность, если бы она была чистота, а не надменность, дающая законы неисполнимые для человека и оканчивающая исправление отчаянием! Равно худы – и отпущение грехов не исправляющее, и осуждение, не знающее пощады; первое совершенно ослабляет узду, а последнее чрезмерным напряжением душит. Докажи мне свою чистоту, и я одобрю твою жестокость. А теперь опасаюсь, не потому ли доказываешь неизлечимость, что сам покрыт весь ранами. Ужели не примешь и Давида кающегося, в котором покаяние сохранило и дар пророческий? Или великого Петра, который испытал на себе нечто человеческое при спасительном страдании? Но его принял Иисус, и троекратным вопрошением и исповеданием уврачевал троекратное отречение. Ужели не примешь и крестившегося кровью (и до того прострется твое высокоумие!) или Коринфского беззаконника? Но Павел утвердил и «любовь» ([2Кор.2:8](#)), когда увидел исправление, и причину представил, «дабы не был поглощен чрезмерною печалью» ([2Кор.2:7](#)), обремененный чрезмерностью наказания.

Ты не позволяешь молодым вдовам выходить замуж, несмотря на поползновение возраста? Но Павел отважился на это; а ты, верно, его учитель, как восходивший до четвертого неба, в иной рай, слышавший слова еще более неизреченные, объяввший еще больший круг Евангелием! «Но Павел дозволял это не после крещения» – какое на то доказательство? Или докажи, или не осуждай. Если же дело сомнительно; пусть победит человеколюбие.

Но говорят, что Новат не принимал тех, которые пали во время гонения. Что ж из этого? Если не раскаявшихся, справедливо. И я не принимаю таких, которые или непреклонны, или не довольно смягчаются, и не вознаграждают за худое дело исправлением. Когда и приму, назначаю им приличное место. А если Новат не принимал истекших слезами, не стану ему подражать. И что мне за закон человеконенавистничество Новата, который не наказывал любостыжания – второго идолослужения, а блуд осуждал так строго, как бесплотный и бестелесный? Что скажете? Убеждаем ли вас сими словами? Станьте на одну сторону с нами –

людьми. Возвеличим вместе Господа. Никто из вас, хотя бы и слишком на себя надеялся, да не дерзнет говорить: «Не подходи ко мне, потому что я свят для тебя» ([Ис.65:5](#)), и кто чист настолько, как я?» Сообщите и нам такой светлости. Но мы не убедили? – И о вас будем проливать слезы.

Итак, эти, если хотят, пусть идут нашим путем и Христовым; если же нет, то своим. Может быть, они будут там крещены огнем – этим последним крещением, самым трудным и продолжительным, которое поедает вещество, как сено, и потребляет легковесность всякого греха. А мы почтим ныне Крещение Христово и благочестно будем праздновать, не чрево пресыщая, но веселясь духовно. Как же насладимся? «Омойтесь, очиститесь» ([Ис.1:16](#)). Если вы багряны от греха и не совсем кровавы, то убелитесь, как снег; если же червлены и совершенные мужи кровей, то придите, по крайней мере, в белизну волны. Во всяком же случае будьте очищены и очищайтесь. Бог ничему так не радуется, как исправлению и спасению человека; для этого и все слово, и всякое таинство. Да будете «как светила в мире» ([Фил.2:15](#)) – живоносная сила для других людей, и совершенными светом представ великому Свету, да научитесь тайнам тамошнего световодства, чище и яснее озаряемые Троицею, от Которой ныне приняли в малой мере один луч из единого Божества, во Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава во веки веков. Аминь.

Слово 40

На Святое Крещение

Вчера торжествовали мы пресветлый день Светов, да и прилично было сделать праздничным день нашего спасения, – гораздо приличнее, нежели плотским друзьям ежегодно праздновать дни брака, рождения, наречения имени, вступления в юношеский возраст, новоселья и другие у людей торжественные дни. Ныне же кратко побеседуем о крещении и о благотворном его действии на нас; хотя вчера не остановилось на этом слово, потому что требовала того краткость времени, а вместе и само слово не хотело обременить вас собой, ибо обременение словом настолько же неприязненно Для слуха, насколько излишняя пища для тела. Между тем предлагаемое стоит внимания, и слово о таких предметах должно слушать не поверхностно, но с усердием, потому что познать силу этого таинства есть уже просвещение.

Писание показывает нам тройное рождение: рождение плотское, рождение через крещение и рождение через воскресение. Первое из них есть дело ночи, рабское и страстное; второе есть дело дня, оно свободно, истребляет страсти, обрезает всякий покров, лежащий на нас от рождения и возводит к горней жизни; третье страшнее и короче первых; оно в одно мгновение соберет всю тварь, чтобы предстала Творцу и дала отчет в здешнем порабощении и образе жизни, плоти ли только она следовала, или совосторгалась с духом и чтит благодать возрождения. Все эти рождения, как оказывается, Христос почтил Собой: первое – первоначальным и жизненным вдохновением; второе – воплощением и крещением, когда крестился Сам; третье – воскресением, которого Сам стал «начатком», и как сделался «первородным между многими братьями», так благоволил сделаться «первенцем из мертвых» ([Рим.8:29](#); [Кол.1:18](#)). Но любомудрствовать о двух рождениях, именно о первом и последнем, неприлично настоящему времени; полюбомудрствуем же о рождении среднем и для нас ныне необходимом, от которого получил наименование и день Светов.

Просвещение есть светлость душ, изменение жизни, «обещание доброй совести», которая от Бога ([1Пет.3:21](#)). Просвещение есть пособие в нашей немощи, отложение плоти, следование Духу, общение со Словом, исправление создания, потопление греха, причастие к свету, рассеяние тьмы. Просвещение есть колесница, возносящая к Богу, сопутствование Христу, подкрепление веры, совершенствование ума, ключ царствия

небесного, перемена жизни, снятие рабства, разрешение от уз, претворение состава. Просвещение (нужно ли перечислять многое?) есть лучший и величайший из даров Божиих. Как есть именуемое Святая Святых и песни песней, поскольку последние многообъемлющие и особенно важны, так и оно светлее всякого иного, возможного для нас, просвещения.

Но этот дар, как и Податель его Христос, называется многими и различными именами; и это происходит или оттого, что он очень приятен для нас (обыкновенно же питающий к чему-либо сильную любовь с удовольствием слышит и имена любимого), или оттого, что многообразие заключающихся в нем благодетельных произвело у нас и наименования. Мы именуем его даром, благодатью, крещением, помазанием, просвещением, одеждой нетления, банею обновления, печатью, всем, что для нас досточестно. Именуем даром, как подаваемое тем, которые ничего не приносят от себя; благодатью, как подаваемое тем, которые еще и должны; крещением, потому что в воде погребается грех; помазанием, как нечто священническое и царское, потому что помазывались цари и священники; просвещением, как светлость; одеждой, как покровы стыда; банею, как омовение; печатью, как сохранение и знамение господства. Об этом даре сорадуются небеса; его славословят Ангелы, по сродству светлости; он есть образ небесного блаженства; его желаем и мы воспеть, но не можем, сколь должно.

Бог есть свет высочайший, неприступный, невысказанный, ни умом непостижимый, ни словом неизрекаемый, просвещающий всякую разумную природу, то же в духовном мире, что солнце в чувственном, по мере нашего очищения представляемый, по мере представления возбуждающий к Себе любовь, и по мере любви вновь умопредставляемый, только Сам для Себя созерцаемый и достижимый, а на существующее вне Его мало изливающийся. Говорю же о свете, созерцаемом во Отце, и Сыне, и Святом Духе, Которых богатство в естественности и в едином исторжении светлости.

Второй свет есть ангел – некоторая струя, или причастие первого Света, он находит свое просвещение в стремлении к первому Свету и в служении Ему; и не знаю, по чину ли своего стояния получает просвещение или по мере просвещения приемлет свой чин.

Третий свет есть человек, что известно и язычникам; ибо светом (φως) называют человека, как они по силе внутреннего нашего слова, так и из нас самих те, которые наиболее уподобляются Богу и приближаются к Нему.

Знай и иной свет, которым отражена или пресечена первобытная тьма, – эту первую основу небесной твари, то есть как кругообразные пути звезд, так и горную стражу, обнимающую сиянием целый мир. Свет была данная первородному и первоначальная заповедь, потому что «заповедь есть светильник и свет» ([Притч.6:23](#)), и «как свет повеления Твоя на земле» ([Ис.26:9](#)), хотя завистливая тьма, вторгшись, произвела грех. Свет также преобразовательный и соразмеренный с силами приемлющих есть написанный Закон, прикрывающий истину и тайну великого Света, почему и лицо Моисеево Им прославляется.

Но и еще многими светами украсим наше слово. Свет был и явившееся Моисею во огне, когда видение это опаляло, но не сжигало купину, чтобы и естество показать, и силу явить. Свет – и путеводившее Израиля в столпе огненном и делавшее приятную пустыню. Свет – восхитившее Илию на огненной колеснице и не опалившее похищаемого. Свет – облиставшее пастырей, когда довременный Свет соединился с временным. Свет – и та красота звезды, предшествовавшей в Вифлеем, чтобы и волхвам указать путь и сопутствовать Свету, который превыше нас и соединился с нами. Свет – явленное ученикам на горе Божество, впрочем нестерпимое для слабого зрения. Свет – ослепившее блеском Павла видение и поражением очей исцелившее тьму душевную. Свет – и тамошняя светлость для очистившихся здесь, когда «воссияют праведники как солнце» ([Мф.13:43](#)), и станет Бог посреди них, богов и царей, распределяя и разделяя достоинство тамошнего блаженства. Кроме этого, свет, в собственном смысле, есть просвещение Крещения, о котором у нас ныне слово и в котором заключается великое и чудное таинство нашего спасения.

Поскольку вовсе не грешить свойственно Богу – первому и несложному естеству (ибо простота мирна и безмятежна), и также, осмелюсь сказать, естеству ангельскому, или естеству, ближайшему к Богу, по причине самой близости, а грешить есть дело человеческое и свойственно дольней сложности (потому что сложность есть начало мятежа), то Владыка не благорассудил оставить тварь Свою беспомощной и пренебречь ею, когда она в опасности возмутиться против Него. Но как создал несуществовавших, так воссоздал получивших бытие – созданием, которое божественнее и выше прежнего, и которое для начинающих есть печать, а для совершенных возрастом – благодать и восстановление образа падшего через грех, чтобы, от отчаяния делаясь худшими, и непрестанно увлекаемые им в большее зло, по тому же отчаянию совершенно не стали мы вне блага и добродетели, и впад «во глубину зол», как сказано, «не

вознерадели» ([Притч.18:3](#)), но чтобы, как совершающие дальний путь, по успокоении от трудов в гостинице, так и мы, по обновлении, с охотой довершили остальную путь.

Эта благодать и сила Крещения не потопляет мир, как издревле, но очищает грех в каждом человеке и совершенно смывает всякую нечистоту и скверну, привнесенную повреждением. Поскольку же мы состоим из двух естеств, то есть из души и тела, из естества видимого и невидимого, то и очищение двоякое, именно: водой и Духом; и одно приемлется видимо и телесно, а другое, в то же время, совершается нетелесно и невидимо; одно есть образное, а другое истинное и очищающее самые глубины; а это, вспомогательствуя первому рождению, из ветхих делает нас новыми, из плотских, каковы мы ныне, богоподобными, разваривая без огня и воссозидая без разрушения. Ибо, кратко сказать, под силой Крещения понимать должно завет с Богом о вступлении в другую жизнь и о соблюдении большей чистоты.

И конечно, каждый из нас всего более должен страшиться и «больше всего хранимого хранить» ([Притч.4:23](#)) свою душу, чтобы не оказаться нам солгавшими этому исповеданию. Ибо, если Бог, принятый в посредники при договорах человеческих, утверждает их, то сколь опасно сделаться нарушителем заветов, которые заключены нами с Самим Богом, и быть виновными перед истиной не только в других грехах, но и в самой лжи? Притом, нет другого ни возрождения, ни воссоздания, ни восстановления в древнее состояние. Хотя, сколько можно, помогаемся его со многими вздыханиями и слезами, и хотя через это закрываются с трудом раны, по крайней мере по моему определению и уставу (точно верим, что закрываются, даже желали бы, чтобы изгладились и следы ран; потому что сам я имею нужду в милосердии); впрочем, лучше не иметь нужды во втором очищении, но устоять в первом, которое, как знаю, для всех общее, и не трудно, и равно открыто рабам и господам, бедным и богатым, низким и высоким, благородным и неблагородным, должникам и недолжным, как вдыхание воздуха и разлитие света, преемство времен года, рассматривание мироздания – это великое и общее для всех нас наслаждение, а также и равные уделы веры. Ибо страшно вместо нетрудного врачевания употреблять труднейшее, отвергнув благодать милосердия, делаться подлежащим наказанию и вознаграждать за грех исправлением. Да и сколько нужно пролить слез, чтобы они сравнились с источником Крещения? И кто поручится, что смерть ждет нашего излечения? Что перед судилищем станем уже не должниками и не имеющими нужды в тамошнем огненном испытании? Может быть, ты,

добрый и человеколюбивый садовник, будешь молить Господа – пощадить еще смоковницу и не срубить ее, как обвиняемую в неплодии ([Лк.13:6](#)), но дозволить «обложить ее навозом» – слезами, вздыханиями, молитвами, возлежанием на голой земле, бдениями, изнурением тела и исправлением через исповедь и самоуничиженную жизнь; но неизвестно, пощадит ли ее Господь, как напрасно занимающую место, между тем как другой имеет нужду в милосердии и делается худшим от долготерпения.

Со Христом погребаемся через крещение, чтобы с Ним и восстать; с Ним низойдем, чтобы с Ним взойти и на высоту; с Ним взойдем, чтобы и прославиться с Ним! Если после крещения будет искушать тебя враг света и искушитель (а он будет искушать, ибо искушал Слово и Бога моего, обманувшись внешним покровом, – искушал сокрытый Свет, обманувшись видимостью), то имеешь, чем победить его. Не страшись подвига, противопоставь воду, противопоставь Духа, этим угасятся «все раскаленные стрелы лукавого» ([Еф.6:16](#)). Ибо здесь Дух, и даже Дух «раздирает горы» ([3Цар.19:11](#)); здесь вода, и даже вода, гасящая огонь. Если искушитель представит тебе нужду (как дерзнул и Христу), и потребует, чтобы камни «хлебами станут» ([Мф.4:3](#)), возбуждая тем голод; окажись не незнающим его намерений. Научи его, чему он еще недоучился; противоположи ему слово жизни, которое есть хлеб, посылаемый с неба и дарующий жизнь миру. Если искушает тебя тщеславием (как и Христа, возведя «на крыле храма», и сказав, «бросься вниз» в доказательство Божества ([Мф.4:5.6](#)); не низлагай себя превозношением. Если это приобретет – не остановится на том, он ненасытен, на все простирается, обольщает добрым и оканчивает лукавством – таков способ его брани! Даже и в Писании сведущ этот душегубец; из одного места скажет: написано о хлебе, из другого: написано об ангелах. «Ибо», – говорит, – «ангелом Своим заповедает о тебе, и на руках понесут тебя» ([Пс.90:12](#)). О, хитромудренный на зло, для чего не договорил и последующего, (я твердо помню это, хотя и умолчишь ты), что, ограждаемый Троицею, наступлю на тебя – «аспида и василиска» ([Пс.90:13](#)), и буду попирать «змею и скорпиона» ([Лк.10:19](#))? Если же станет преодолевать тебя ненасытностью, в одно мгновение времени и зренья показывая все Царства, как ему принадлежащие, и требуя поклонения; презри его, как нищего, и с надеждой на печать²⁵¹ скажи: «Я сам образ Божий, не погубил еще небесной славы, как ты через превозношение, я во Христа облекся, во Христа преобразился Крещением, ты поклонись мне». И враг, как твердо знаю, побежденный и посрамленный этими словами, как отступил от Христа – первого Света,

так отступит и от просвещенных им.

Это дарует купель Крещения ощутившим силу ее! Такое пиршество предлагает она алчущим блага! Итак, будем креститься, чтобы победить; приобщимся к очистительным водам, которые омывают лучше иссопа, очищают лучше законной крови, которые священнее, нежели «пепел темницы, через окропление освящает оскверненное» ([Евр.9:15](#)), имеющий силу только на время очищать тело, а не истреблять совершенно грех. Ибо какая была бы нужда очищаться тем, которые однажды очищены? Крестимся ныне, чтобы не потерпеть принуждения завтра; не будем отдалять от себя благодеяние, как обиду; не будем ждать, пока сделаемся худшими, чтобы прощено было нам больше; не будем Христоравителями и Христоравцами, не станем обременять себя сверх того, что можем понести, чтобы не потонуть вместе с кораблем и не подвергнуть кораблекрушению благодать, погубив все, когда надеялись получить больше. Спешите к дару, пока еще владеете рассудком, пока не болен и телом и духом или не кажешься больным для присутствующих, хотя и здоров ты умом, пока твое благо не в чужих руках, но ты сам господин ему, пока язык твой не запинается, не охладел и может ясно произнести (не говорю уже о большем) слова тайноводства, пока можешь сделаться верным так, чтобы другие не догадывались только об этом, но удостоверившись в том, не сожалели о тебе, но ублажали тебя, пока дар для тебя очевиден, а не сомнителен, благодать касается глубин, а не тело омывается на погребение, пока нет около тебя слез – признаков твоего отшествия, или только в угождение тебе удерживают их, а жена и дети желают продлить минуту разлуки и домогаются последних от тебя слов, пока нет при тебе неискусного врача, обещающего несколько часов жизни, которые не в его власти, наклоном головы определяющего надежду исцеления, умеющего рассуждать о болезни после смерти; удалением от тебя или вымогающего большую плату, или дающего знать о безнадежности, пока не спорят о тебе креститель и корыстолюбец, спеша – один тебя напутствовать, а другой вписаться к тебе в наследники, между тем как время не позволяет ни того, ни другого. Для чего ждешь благодеяния от горячки, а не от Бога? От времени, а не от рассудка? От коварного друга, а не от спасительной любви? Не от собственной воли, а от принуждения? Не от свободы, а от крайности обстоятельств? Почему тебе надобно от другого узнавать о своем отшествии, а сам не хочешь помыслить о нем, как уже о наступившем? Почему домогаешься врачеваний, которые нимало не помогут? Ждешь пота, обещающего перелом болезни, когда, может быть, близок пот смертный? Исцеляй сам

себя до наступления нужды; пожалей о себе ты – близкий целитель недуга. Запаси сам для себя истинно спасительное врачевание. Пока плывешь при попутном ветре, страшись кораблекрушения, и имея помощницей боязнь, меньше потерпишь при самом кораблекрушении. Пусть дар с торжеством приемлется, а не с плачем, пусть талант отдается в обращение, а не зарывается в землю, пусть будет какой-нибудь промежуток между благодатью и кончиной, чтобы не только изгладились худые письмена, но и написаны были на их месте лучшие, чтобы тебе иметь не только благодать, но и воздаяние, не только избежать огня, но и наследовать славу, которую приобретает дар, отданный в обращение. Одни низкие духом почитают великим делом избежать наказания; а возвышенные духом домогаются и награды;

Мне известны три степени в спасаемых: рабство, наемничество и сыновство. Если ты раб, то бойся побоев. Если наемник, одно имей в виду – получить. Если стоишь выше раба и наемника, даже сын, стыдись Бога как отца, делай добро, потому что хорошо повиноваться отцу. Хотя бы ничего не надеялся ты получить, угодить отцу само по себе награда. Да не окажемся пренебрегающими этим! Как безрассудно захватывать себе имущество, а отвергать здоровье; очищать тело, а очищение души иметь только в запасе; искать свободы от дольного рабства, а горней не желать; прилагать все тщание, чтобы дом и одежда были пышны, а не заботиться, чтобы самому стать достойным большего; иметь усердие благодетельствовать другим, а не хотеть сделать добро себе! Если бы благо это покупалось на деньги, ты не пожалел бы никаких сокровищ. А если предлагается из человеколюбия, пренебрегаешь готовностью благотворения.

Всякое время прилично для омовения, потому что во всякое время постигает смерть. Громогласно взываю к тебе с Павлом: «ныне время благоприятное, ныне день спасения» ([2Кор.6:2](#)); а словом «ныне» означает он не известное одно время, но всякое. И еще: «встань спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» ([Еф.5:14](#)), прекращающий греховную ночь, потому что в «ночи надежда зла», говорит Исаия ([Ис.28:19](#)), и полезнее быть приняту утром. Сей, когда время; собирай, и разрушай житницы, также когда время; и сади в пору, и собирай виноград зрелый; смело пускай в море корабль весной и вводи его в пристань, когда наступает зима и начинает бушевать море. Пусть будет у тебя «время войне, и время миру», браку и безбрачию, дружбе и раздору, если и он тебе нужен, и вообще время всякому делу, если сколько-нибудь должно верить Соломону ([Еккл.3:1–8](#)). А верить ему должно, потому что совет полезен.

Но спасение свое всегда совершай, и всякое время да будет благовременно для крещения.

Если, минуя настоящий день, постоянно имеешь в виду завтрашний, и такими недолгими отсрочками держит тебя, по обычаю своему, во власти своей лукавый, внушая: «отдай мне настоящее, а Богу будущее; мне юность, а Богу старость; мне годы удовольствий, а Ему ни к чему не годный возраст»; то в какой ты опасности! Сколько нечаянных случаев! Или война истребила, или землетрясение задавило развалинами, или море поглотило, или зверь похитил, или болезнь погубила, или крошка, застрявшая в горле (ибо всего легче умереть человеку, хотя и высоко думаешь о том, что ты образ), или излишнее употребление питания, или порывистый ветер, или понесший конь, или злонамеренно приготовленный ядовитый состав, а может быть, и вместо спасительного оказавшийся вредным, или судья бесчеловечный, или неумолимый исполнитель казни, или сколько еще таких случаев, от которых в скорейшем времени бывает смерть, и никакие способы не сильны остановить ее! Если же оградишь себя печатью, обезопасишь свою будущность лучшим и действеннейшим способом, ознаменовав душу и тело Миропомазанием и Духом, как издревле Израиль мощной и охраняющей первенцев кровью и помазанием ([Исх.12:13](#)), тогда что может с тобой приключиться? И сколько для тебя сделано! Слушай, что сказано в Притчах: «когда ляжешь спать, – не будешь бояться; и когда уснешь, – сон твой приятен будет» ([Притч.3:24](#)). Что и у Давида благовестуется? «Не убоишься ужасов ночи, заразы, опустошающей в полдень» ([Пс.90:5–6](#)). Это и во время жизни весьма важно для твоей безопасности (и вору не легко покуситься на овцу, на которой положен знак, а неимеющую на себе знака без опасения украдут), и после отход из жизни – прекрасный погребальный покров, который светлее всякой одежды, дороже золота, великолепней гробницы, священнее бесплодных насыпей, благовременнее спелых плодов, что все мертвецы приносят в дар мертвецам, превратив обычай в закон. Пусть все у тебя погибнет, все будет похищено: деньги, имущество, престолы, отличия и что еще относится к земной круговерти; но ты безопасно окончишь жизнь свою, не утратив ни одного из способов, дарованных тебе Богом во спасение.

Но ты опасаясь, чтобы не растлеть в себе благодати, и потому откладываешь очищение, как не имеющий другого? Что же? Не боишься ли, что подвергнешься опасности во время гонения и лишишься лучшего достояния – Христа? Ужели по этой причине станешь избегать того, чтобы и христианином стать? Да удалится от тебя такой страх нездорового

человека, такое рассуждение повредившегося в уме!

Какая очень неосторожная, если можно так сказать, осторожность! Какое коварное ухищрение лукавого! Он действительная тьма, и притворяется светом, когда не может успеть, нападая открыто, строит невидимые козни; и будучи лукав, представляет из себя доброго советчика, чтобы ему каким бы то ни было способом непременно одолеть, а нам ни в каком случае избежать его наветов. То же очевидным образом строит он и здесь. Не имея возможности явно убедить тебя презирать крещение, вредит тебе вымышленной осторожностью, чтобы тебе, чего ты страшился, когда сам не замечаешь, потерпеть то от страха, и поскольку ты опасался растлить дар, через само опасение лишиться дара. Таков враг; и никогда не оставит своего двоедушия, пока видит, что мы спешим к небу, откуда он ниспал. Но ты, человек Божий, проникай в злоумышление противника, у тебя борьба с сильным и о деле самом важном, не бери в советники врага, не пренебрегай тем, чтобы именоваться и быть верным.

Доколе ты оглашенный, дотолé стоишь в преддверии благочестия; а тебе должно войти внутрь, пройти двор, видеть Святыню, прикинуть взором во Свята́я Святы́х, быть с Троицею. Велико то, за что у тебя брань; великое потребно тебе и ограждение. Противопоставь щит веры; враг боится, когда вступаешь в сражение с оружием. Для того желает видеть тебя обнаженным от благодати, чтобы удобнее было победить безоружного и ничем не охраняемого. Он касается всякого возраста, всякого рода жизни, поэтому отражай его во всем.

Если ты молод – стань с сподобниками против страстей, вступивши в воинство Божие, мужайся против Голиафа, плени тысячи и тьмы. Так пользуйся возрастом и не потерпи, чтобы увяла твоя юность, умерщвленная несовершенством веры.

Ты стар, и близок для тебя необходимый всем срок – уважь седину и требуемым ею благоразумием вознагради за немощь, какую имеешь теперь, окажи помощь немногим дням своим; вверх старости очищение. Зачем в глубокой старости и при последнем издыхании боишься свойственного юности? Или ждешь, чтобы омыли тебя мертвого, возбуждающего не столько сожаление, сколько ненависть? Или любишь останки удовольствий, сам будучи останком жизни? Стыдно, изнемогая возрастом, не изнемочь похотью, но, или действительно ей предаваться, или казаться похотливым, откладывая очищение.

У тебя есть младенец? Не давай времени усилиться повреждению; пусть освящен будет в младенчестве и с юных ногтей посвящен Духу. Ты боишься печати, по немощи естества, как малодушная и маловерная мать?

Но Анна и до рождения обещала Самуила Богу, и по рождении вскоре посвятила, и воспитала для священной ризы, не боясь человеческой немощи, но веруя в Бога. Нет никакой тебе нужды в привесках и нашептываниях, вместе с которыми входит лукавый, привлекая к себе от легковверных благоговение, должное Богу. Дай своему младенцу Троицу – это великое и доброе хранилище²⁵².

Что еще? Хранишь ли ты целомудрие? – Запечатлей очищением, сделай его сообщником и собеседником в жизни; пусть оно управляет у тебя и жизнью и словом, и каждым членом, каждым движением, каждым чувством. Почти его, чтобы оно украсило тебя; «да возложит на голову твою прекрасный венок, доставит тебе великолепный венец» ([Притч.4:9](#)). Ты связал себя узами брака, свяжи также и печатью. Сделай своей сожительницей эту охранительницу целомудрия, которая гораздо надежнее многих евнухов, многих придверников.

Если ты еще не сопрягся плотью – не страшись совершения, ты чист и по вступлении в брак. Я на себя беру ответственность; я сочетатель, я невестоводитель. Ибо брак не бесчестен потому только, что непорочность честнее его. Я буду подражать Христу, чистому Невестоводителю и Жениху, Который чудодействует на брак и Своим присутствием доставляет честь супружеству. Да будет только брак чист и без примеси нечистых пожеланий. Об одном только прошу: прими дар, как ограждение, и дару принеси от себя чистоту на время, пока продолжаются дни, установленные для молитвы, которые честнее дней рабочих, и то по взаимному условию и согласию ([1Кор.7:5](#)). Ибо не закон предписываем, но даем совет, и хотим взять нечто из твоего для тебя же и для общей вашей безопасности.

Кратко же сказать: нет рода жизни, нет состояния, для которого бы крещение не было всего полезнее. Имеющий власть – прими узду; раб – равночестие; унывающий – утешение, благодуществующий – руководство, убогий – непохищаемое богатство, изобилующий – прекрасное распоряжение тем, что имеешь. Не умудряйся, не ухищрайся против своего спасения. Хотя и обманываем других, но самих себя обмануть невозможно. Да и самое опасное и безрассудное дело играть самим собой.

Но ты живешь в обществе, от обращения с людьми – не без осквернения; потому страшно, чтобы не истощилось Божие к тебе милосердие? Ответ на это прост. Если можно, беги и торжища со своим добрым сопутником. Подвяжи себе крылья орлиные, или, собственнее скажу, голубиные, ибо что тебе до кесаря и принадлежащего кесарю, пока не почишь там, где нет ни греха, ни очернения, ни змия, жалящего на

пути и препятствующего тебе шествовать по Богу. Похить душу свою из мира, беги Содома, беги пожара, иди не озираясь, чтобы не отвердеть в соляной столп, спасайся на горе, чтобы и тебя не постигла вместе гибель. Если же ты не волен уже в себе и обязался необходимыми узами, то скажи сам себе, или, лучше, я тебе скажу: всего превосходнее сподобиться блага и сохранить очищение. Если же невозможно совместить то и другое, то лучше очернить себя иногда несколько мирскими обязанностями, нежели совершенно лишиться благодати, как лучше, думаю, получить иногда выговор от отца и господина, нежели быть им вовсе отвергнутым, и лучше озаряться несколькими лучами, нежели быть в совершенной тьме. А благоразумному свойственно избирать как из благ большие и совершеннейшие, так и из зол меньшие и легчайшие. Поэтому не слишком бойся очищения. Ибо праведный и человеколюбивый Судия наших дел всегда ценит заслуги наши, соображаясь с родом жизни каждого. И неоднократно тот, кто, живя в мире, успел в немногом, имел преимущество перед тем, кто едва не успел во всем, живя на свободе, так как, думаю, большее заслуживает удивления – в узах идти медленно, нежели бежать, не имея на себе тяжести, и, идя по грязи, немного замараться, нежели быть чистым на чистом пути. В доказательство же слова скажу, что Раав блудницу оправдало одно только страннолюбие, хотя и не одобряется она ни за что другое, и мытаря, ни за что другое не похваленного, одно возвысило, именно смирение, чтобы ты научился не вдруг отчаиваться в себе.

Но скажешь: «Какая мне польза преждевременно связать себя крещением и поспешностью лишиться себя приятностей жизни, когда можно насладиться удовольствиями, и потом сподобиться благодати? Ибо начавшим ранее трудиться в винограднике не оказано никакого предпочтения, но дана плата, равная с последними» ([Мф.20:1–15](#)). Ты, говорящий это, чье бы ни было такое рассуждение, избавил нас от труда, открыв не без скорби тайну своей задержки, и не одобряя тебя за худое дело, хвалю за признание. Но выслушай и объяснение притчи, чтобы по неопытности не извлечь тебе вреда из Писания. Во-первых, здесь речь не о крещении, но о верующих и вступающих в добрый виноградник – Церковь в разные времена, ибо в который день и час кто уверовал, с того самого и обязан трудиться. Потом, пришедшие прежде, хотя больше сделали пожертвования, если мерить труд, но не больше, если мерить желание; а может быть, последние и больше заслужили, хотя такое суждение и странно несколько. Причиной позднего вступления в виноградник было позднее призвание к возделыванию его. Рассмотрим же, какое было

различие во всем прочем. Первые уверовали и пришли не прежде, как по объявлении им условной платы; а последние приступили к делу без договора, что служит признаком большей веры. Первые обнаружили в себе зависть и склонность к ропоту, а последние не обвиняются ни в чем подобном. И данное первым, при всем их лукавстве, была плата; а данное последним – милость; почему первые, уличенные еще в неразумии, справедливо лишены большего. Спрашивается: что было бы им, если бы они опоздали? Очевидно, равная с прочими плата. Итак, за что же жалуются на дающего плату, будто бы он не уравниал трудившихся, дав поровну? Все это уменьшает цену пота, пролитого первыми, хотя они и прежде начали трудиться. Из чего видно, что раздел платы поровну был справедлив; ибо произволение измеряемо было наравне с трудом. Но если притча, по твоему толкованию, иносказательно изображает силу омовения, что препятствует, придя раньше и понеся «вар», не завидовать последним, чтобы ты имел преимущество и в этом самом – в человеколюбии, и получил воздаяние, как долг, а не как дар? Наконец мзду получают те делающие, которые вошли в виноградник, а не около него ходят. А есть опасность, чтобы с тобой не случилось последнего. Поэтому, если бы ты знал, что сподобишься дара и при таких рассуждениях, когда злонамеренно сокращаешь несколько свой труд, то извинительно было бы прибегать к таким расчетам и желать нечто выторговать у человеколюбия Владыки, не говорю уже, что больший труд сам по себе есть большая награда для человека, у которого сердце не вовсе предано корчемству. Если же угрожает тебе опасность – через такой торг совсем не войти в виноградник, и выгадывая малое, можешь понести убыток в главном, то поверь моим словам и, оставив неправые толкования и возражения, без расчетов приступи к дару, чтобы не лишиться жизни прежде исполнения надежд и не узнать на опыте, что подобные лжеумствования делал ты сам против себя.

«Что же? – скажешь, – разве Бог не милосерд? Он знает помышления, испытует расположение, и желание креститься не приемлет разве за само крещение?» Ты говоришь похожее на загадку, если у Бога, по человеколюбию Его, непросвещенный есть то же, что просвещенный или с вошедшим в царствие небесное равен и тот, кто желает только получить иное, хотя и не творит дел царствия. Но осмелюсь сказать об этом, что думаю; полагаю же, что согласятся со мной и другие, имеющие ум. Из приявших дар, одни были совершенно далеки от Бога и спасения, вдавались во все роды порока и старались быть порочными. Другие были как бы наполовину плохи и держались средины между добродетелью и

пороком; они хотя делали зло, однако же не одобряли сделанного, как больные горячкой не хвалят своей болезни. Иные же и до совершения были достойны похвалы, или от природы, или потому, что собственным тщанием очищали себя к Крещению, а по совершении оказались еще лучшими и осторожнейшими; очищали себя, чтобы получить благо, а соблюдали большую осторожность, чтобы сохранить его. Из всех них лучше совершенно плохих те, которые отстали несколько от порока, а лучше несколько отставших более ревностные и предвозделавшие себя к Крещению, потому что имеют некоторое преимущество, именно деятельность, а Крещение, сглаживая грехи, не уничтожает заслуг. Но лучше всех перечисленных те, которые возделывают и саму благодать и образуют себя до возможно большей лепоты. Равным образом между неприемлющими Крещения одни совершенно подобны скотам или зверям, по своему неразумию или злонравию. Сверх прочих зол в них есть и то, что они, как думаю, не очень уважают и дар Крещения, но действительно как дар, если дан им, любят, и если не дан, презирают. Другие хотя и чтут дар, но медлят принять его, то по нерадению, то по невоздержности. Иные даже не имеют возможности и принять дара, или, может быть, по малолетству, или по какому-то совершенно не зависящему от них стечению обстоятельств, по которому не сподобляются благодати, хотя бы сами того и желали. И как между первыми нашли мы большое различие, так находим и между последними. Совершенно презирающие хуже невоздержных и нерадивых; а последние хуже тех, которые по неведению или по принуждению лишаются дара, ибо сделанное по принуждению есть не что иное как невольное прегрешение, и думаю, что одни потерпят наказание как за другие пороки, так и за презрение Крещения. Другие же хотя потерпят наказание, но меньшее, потому что не столько по злонравию, сколько по неведению не получили Крещения. А последние не будут у праведного Судии ни прославлены, ни наказаны, потому что, хотя незапечатлены, однако же и не худы, и больше сами потерпели, нежели сделали вреда. Ибо не всякий, недостойный наказания, достоин уже и чести; равно как не всякий недостойный чести достоин уже наказания. Рассмотрю и следующее. Если ты признаешь убийством одно намерение убить, без совершения убийства, то считай крещеным желавшего креститься, но не крестившегося действительно. Если же не признаешь первого, то почему признать последнего? Не вижу причины. Но если хочешь, рассудим и так. Если достаточно желания вместо силы Крещения, и за одно желание присуждаешь себе славу, то и вместо славы довольствуйся одним желанием. И какой для тебя вред не сподобиться ей,

когда имеешь желание?

Итак, поскольку вы слышали гласы эти – «обратите взор к Нему и просветитесь, и лица ваши не постыдятся» ([Пс.33:6](#)) от того, что не достигли благодати. Примите просвещение, пока есть время, «да тьма вас» не преследует «и не обнимет» ([Ин.12:35](#)), удалив от просвещения. Наступит ночь, и тогда – по отшествию отсюда никто не может делать. Первое есть слово Давида, а последнее – истинного Света, «просвещающего всякого» человека, приходящего в мир ([Ин.1:9](#)). Подумайте, что и Соломон жестоко укоряет вас, нерадивых и медлительных: «доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты от сна твоего встанешь» ([Притч.6:9](#))? Вымышляем то и другое «для извинения дел греховных» ([Пс.140:4](#)). «Жду дня Светов; более уважаю Пасху; дождусь Пятидесятницы; лучше со Христом просветиться; со Христом восстать в день воскресения; почтить явление Духа». Что же потом? Кончина придет внезапно, в «день», в «который не ожидал, и» в час, в «который не думал» ([Лк.12:46](#)). А при тебе «как прохожий – бедность» ([Притч.6:11](#)) благодати, и ты будешь алкать среди столь многого богатства благодати. Тебе должно в противоположном пожинать противоположное, в неусыпном труде жатву и в источнике прохлаждение, подобно томимому сильной жаждой, который с усердием бежит к источникам и утомление от пути погашает водой, а не терпеть участи Исмаила, не томиться жаждой от безводья, или, по пословице, не мучиться жаждой среди источника. Нехорошо миновать торжище и потом искать покупок; нехорошо пройти мимо манны и потом пожелать пищи; худо позднее сожаление, худо тогда уже почувствовать свою потерю, когда нет способа отвратить ее, то есть по отшествии отсюда, по горькому заключению того, что совершено каждым в жизни, по наказанию грешников и прославлению очищенных. Поэтому не медлите приступить к благодати, но поспешайте, чтобы не предварил вас разбойник, не предускорил прелюбодей, не взял перед вами преимущества лихоимец, не предвосхитил блага убийца, мытарь, блудник, или кто-нибудь из тех, которые берут царствие силой и хищнически ([Мф.11:12](#)), а оно, по благодати, добровольно терпит насилие и хищение. Будь медлен на злое дело, а скор к спасению, любезный, как убеждаю я. Ибо равно худы и готовность на худшее, и медленность к лучшему. Если бы позвали тебя пировать – не спеши; если бы отречься от Веры – беги прочь; если бы в скопище злонамеренных людей сказали тебе: «сделаем засаду убийства, подстережем непорочного без вины» ([Притч.1:11](#)), – не приклоняй и слуха. Ибо приобретешь от этого две весьма великие пользы: и их вразумишь о грехе, и сам избавишься плохого сообщества. Но если говорит тебе

великий Давид: «приидите, воспоемся Господу» ([Пс.94:1](#)); или другой Пророк: «придите, взойдем на гору Господню» ([Ис.2:3](#)), или Сам Спаситель: «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» ([Мф.11:28](#)); и еще: «встаньте, пойдем отсюда» ([Ин.14:31](#)) светлые светло, возблистав «больше снега», огуствев «паче молока», просияв «больше сапфира» ([Плач.4:7](#)), то не будем уклоняться и медлить. Сделаемся Петром и Иоанном: как они спешили ко гробу и на воскресение, так и мы поспешим к купели Крещения; пойдем то «вместе», то быстрее друг друга ([Ин.20:4](#)), стараясь предвосхитить благо. И не говори: «пойди и приди опять и завтра» крещусь, «когда ты имеешь при себе» ([Притч.3:28](#)).

«Пусть прибудет мать, пусть прибудет отец, прибудут братья, жена, дети, друзья, все, что для меня дорого, и тогда спасусь, а теперь еще не время мне стать светлым». Но бойся, чтобы не стали сообщниками плача те, которых ты надеялся иметь сообщниками веселья. Если они с тобой, хорошо, а если нет, не ожидай. Стыдно говорить: «Где у меня приношение по Крещению? Где светлая одежда, в которой бы просветиться Крещением? Где нужное для принятия моих крестителей, чтобы и в этом не устыдить себя?» – Но это, как видишь, весьма необходимо, и без этого благодать умалится! Не занимайся мелочами в делах важных; не предавайся низким чувствованиям; таинства важнее видимого; самого себя принеси в дар, во Христа облекись, напитай меня своею жизнью: такому гостеприимству рад я, это угодно и Богу, Который дарует величайшие блага. Из великого для Бога ничего нет, чего бы не дал и нищий, чтобы нищие и в этом не отставали, не имея, чем соревноваться с богатыми. И хотя в другом есть различие между богатым и убогим, однако же здесь кто усерднее, тот и богаче. Ничто да не препятствует тебе идти вперед, ничто да не отвлекает назад твоего усердия. Пока желание сильно, получай желаемое; пока горячо железо, закаляй его в холодной воде, чтобы не встретилось чего к пресечению твоего желания. Я Филипп, будь евнухом Кандакии. Скажи и сам: вот «вода; что препятствует мне креститься» ([Деян.8:36](#))? Лови случай, будь рад благу. И сказав, крестись, и крестившись, спасись. Хотя бы ты был черен телом, убелись душой; получи спасение, которого нет ничего выше, ничего досточестнее для имеющих ум.

Не говори: «Меня должен крестить Епископ, притом Митрополит и иерусалимлянин (благодать не от места, а от Духа), сверх того кто-нибудь из людей благородных, ибо опасно, чтобы благородство мое не было унижено крестителем; или хотя священник, но безбрачный, человек воздержный и ангельской жизни, ибо несносно, если осквернюсь во время

очищения». – Не вникай в достоверность проповедника или крестителя. У них есть другой Судия, испытующий и невидимое, потому что «человек» (смотрит) «на лице, а Господь смотрит на сердце» ([1Цар.16:7](#)). А к очищению тебя всякий достоин веры, только был бы он из числа получивших на это власть, не осужденных явно и не отчужденных от Церкви. Не суди судей ты, требующий врачевания, не разбирай достоинства очищающих тебя, не делай выбора, смотря на родителей. Хотя один другого лучше или ниже, но всякий выше тебя. Рассуди так: два перстня, золотой и железный, и на обоих вырезан один и тот же царский лик, и обоими сделаны печати на воске, чем одна печать отлична от другой? – Ничем. Распознай вещество на воске, если ты всех премудрее. Скажи: который оттиск железного и который золотого перстня? И отчего он одинаков? Ибо хотя вещество различно, но в начертании нет различия. Так и крестителем да будет у тебя всякий! Ибо хотя бы один превосходил другого по жизни, но сила Крещения равна, и одинаково может привести тебя к совершенству всякий, кто наставлен в той же вере.

Не гнушайся креститься вместе богатый с бедным, благородный с худородным, господин с тем, который до сих пор раб его. Ты не окажешь столько смиренномудрия, сколько Христос, в Которого ныне крестишься, Который для тебя принял и образ раба. С того дня, в который обновляешься, все старые отличия миновали, все одинаковым образом облакаются во Христа.

Зная, как крестил Иоанн, не стыдись исповедать грех свой, чтобы, подвергшись стыду здесь, избежать его там; потому что и стыд есть часть тамошнего наказания. Докажи, что действительно возненавидел ты грех, перед всеми открыв и выставив его на позор.

Не презирай целебности заклинания, не ропщи на его продолжительность, и это есть испытание искренности, с какой приступаешь к Крещению. Что ж, если и столько потрудишься, сколько эфиопская царица, которая подвиглась «от пределов земли», чтобы видеть премудрость Соломона? И ее «здесь больше Соломона» для разумеющих дело совершенно ([Лк.11:31](#)).

Да не устрашают тебя ни дальность пути, ни обширность моря, ни огонь, если он на дороге, ни другое какое-либо, малое или большое, препятствие, чтобы сподобиться благодати. Если же без всякого труда, без всяких издержек, можно тебе получить желаемое, то сколь безрассудно отлагать дар! Сказано: «жаждущие! Идите все к водам»; так повелевает тебе Исаия, «и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко» ([Ис.55:1](#)). Какая скорость в человеколюбии!

Какое удобство для купли! Надобно только пожелать блага, и оно поступает в продажу; само стремление принимается за великую цену. Господь жаждет, чтобы Его жаждали, напоит желающих пить, приемлет за благодеяние, если просят у Него благодеяния, доступен, великодаровит; с большей приятностью дает, нежели иные приемлют сами. Только не обнаружим в себе низкой души, прося того, что маловажно и не достойно Дающего. Блажен, у кого просит питания Христос, как у самарянки, и кому дает «источник воды, текущий» в «жизнь вечную» ([Ин.4:14](#))! Блажен «сеющий при всех водах» ([Ис.32:20](#)) и во всякой душе, которая завтра будет возделываема и поливаема, и которую ныне «вол и осел» попирают; потому что поросла тернием, безводна, подавлена неразумием! Блажен, кто, хотя и ситниковые болота ([Иои.3:18](#)), напоивается «из дома Господня» и вместо тростника произращает хлеб, приносит пищу, годную для людей, а не жесткую и бесполезную, к чему и должно прилагать всякое старание, чтобы не остаться недостижими общей благодати.

Возразят: «Пусть все это справедливо будет в рассуждении ищущих Крещения. Но что скажешь о тех, которые еще младенцы, не чувствуют ни вреда, ни благодати? Крестить ли нам и их?» – Непременно, если близится опасность. Ибо лучше без сознания освятиться, нежели умереть незапечатленным и несовершенным. Доказательством этому служит восьмидневное обрезание, которое в преобразовательном смысле было некоторой печатью и совершалось над неполучившими еще употребления разума, а также помазание порогов, через неодушевленные вещи охраняющее первенцев. О прочих же малолетних мое мнение такое: дождавшись трехлетия, или несколько ранее, или несколько позже, когда дети могут слышать что-нибудь таинственное и отвечать, хотя не понимая совершенно, однако же запечатлевать в уме, должно освящать их души и тела великим таинством совершения. Причина же этому следующая: хотя дети тогда начинают подлежать ответственности за жизнь, когда и разум придет в зрелость, и уразумеют они Таинство (потому что за грехи неведения не взыскивается с них по причине возраста), однако же оградиться им Крещением без сомнения гораздо полезнее, по причине внезапно встречающихся с ними и никакими способами не предотвращаемых опасностей.

Скажут: «Христос, при всем том, что Он Бог, крестился тридцати лет; как же повелеваешь спешить с крещением?» – Сказав, что Он – Бог, ты решил вопрос. Он – источная чистота, и не имел нужды в очищении, очищается же для тебя, так как и плоть носит для тебя, Сам будучи бесплотен. Ему не было никакой опасности откладывать Крещение;

потому что Сам был властен и в страдании, равно как и в рождении. Но для тебя немалая опасность, если умрешь, родившись для одного тления и не облекшись в нетление. Принимаю во внимание и то, что Христу необходимо было креститься в такое время; а твои отношения иные. Ибо Он явился миру тридцати лет от рождения, а не прежде, частью для того, чтобы не показаться действующим из тщеславия (что составляет недуг людей, не знающих приличия), частью же потому, что в этом возрасте совершенно испытывается добродетель и прилично быть учителем. Когда же надлежало пострадать спасительным для мира страданием, тогда нужно стало, чтобы присоединилось к страданию все, относящееся к страданию, как-то: явление в мир, Крещение, свидетельство свыше, проповедь, стечение народа, чудеса и то, чтобы из всего составить как бы одно целое, нерасторжимое и неразделенное промежутками. Ибо от Крещения и проповеди – потрясение (как называется это обстоятельство в Писании, [Мф.21:2](#)) стекающихся, от множества же народа – явление знамений и чудеса, приводящие к Евангелию; а от чудес зависть, от зависти ненависть, от ненависти совещание и предательство, от этого же крест и все, чем мы спасены. Так было со Христом, и по таким причинам, насколько для нас постижимо. А может быть, найдется этому и другое сокровеннейшее основание. Но тебе какая нужда, следуя примерам, которые выше тебя, решиться на худое? Ибо и многое другое из повествуемого о тогдашних событиях оказывается иным, нежели ныне, и не сходится во времени. Например, Христос постился перед искушением, а мы постимся перед Пасхой. Значение обоих постов одинаково, но относительно ко времени немалое между ними различие. Христос противопоставляет пост искушениям, а у нас знаменует он умерщвление со Христом, и служит предпразднственным очищением. Христос постился сорок дней, потому что Он Бог; а мы соразмерили пост с силами; хотя ревность убеждает некоторых простираться и сверх сил. Также Христос таинственно преподает ученикам Пасху в горнице, по вечерам и за день до страдания, а мы совершаем ее в молитвенных домах, до вечера, и по воскресении. Он воскресает в третий день; а мы воскреснем по прошествии многого времени. Итак, наши действия и неразрывны с делами Христовыми, и не сопряжены с ними относительно времени, напротив, Христовы дела преданы нам для того, чтобы служили некоторым образцом для наших действий, но совершенного сближения между ними быть не может. Что же удивительного, если Христос, хотя ради нас принял Крещение, но отличается от нас относительно времени? Но на это, кажется мне, указываешь ты, как на нечто удивительное и

великое, когда противоборствуешь своему спасению!

Итак, если сколько-нибудь слушаетесь меня, оставив таковые умствования, придите сами к благу и совершите два подвига: очистите себя ко Крещению и сохраните Крещение. Ибо столь же трудно и стяжать благо, которого не имеем, и стяжав, сберечь. Часто приобретенное с усердием утрачивается по нерадению, а беспечно погубленное возвращается рачительностью. К получению желаемого весьма хорошие у тебя пособия: бдения, посты, возлежание на голой земле, молитвы, слезы, милосердие к бедным, милостыня. Это же да будет у тебя и благодарственным приношением за полученные тобой блага, и вместе охранительным средством. Служит ли для тебя благоденствие напоминанием многих заповедей? Не преступай их. Пришел нищий? Вспомни, как ты был убог, и как обогатился! Он просит у тебя хлеба или питания, или, может быть, другой Лазарь лежит у твоих ворот? Устыдись таинственной трапезы, к которой ты приступал, хлеба, которого вкусил, чаши, которой приобщился, освященный Христовыми страданиями. Припал к тебе странник, не имеющий дома, пришедший издалека? Прими в его лице Соделавшегося ради тебя странником, даже странником между Своими, Водворившегося в тебя благодатно и Привлекшего тебя к горнему жилищу. Будь Закхеем, который вчера был мытарем, а ныне стал щедр: все принеси в дар Христову вшествию, чтобы оказаться тебе великим, хорошо увидеть Христа, хотя мал ты возрастом телесным. Лежит недужный и изъязвленный? Устыдись своего здоровья и тех язв, от которых избавил тебя Христос. Если видишь нагого, одень из уважения к твоей ризе нетления, то есть ко Христу, потому что «все во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» ([Гал.3:27](#)). Если встретишь припадающего должника, всякое «писание» праведное и «неправедное расторгни» ([Ис.58:6](#)). Вспомни тысячи талантов, которые простил тебе Христос. Не будь лютым истязателем за меньший долг, и притом для кого? – Для подобных тебе рабов, когда прощен Тебе Господом большой долг; бойся, чтобы не понести тебе наказания за Его человеколюбие, которое дано тебе в образец и которому ты не подражал. Да будет для тебя купель эта очищением не только тела, но и образа Божия, не смыванием только грехов, но и исправлением жизни. Пусть не только омоет прежнюю нечистоту, но очистит и источник. Пусть научит не только прекрасно приобретать, но и прекрасно лишаться приобретенного, или, что гораздо легче, отказываться от приобретенного худо. Ибо что пользы, если тебе отпущен грех, а обиженному не дано удовлетворение за ущерб, тобой причиненный? Тобой сделано двоякое зло: и приобретено неправедно, и удержано

приобретенное; в первом ты получил прощение; но вторым и ныне делаешь неправду; потому что и теперь есть у тебя чужое, и грех не истреблен, а только разделен надвое временем; на одно отважился ты до Крещения, а другое продолжаешь и после Крещения. Но купель дает отпущение грехов совершенных, а не совершаемых. Надобно, чтобы очищение не напоказ было произведено, а проникло тебя, чтобы ты совершенно стал светел, а не прикрашен снаружи, чтобы благодать служила не прикровением грехов, но освобождением от них. «Блажен, кому отпущены беззакония», сказано о совершенном очищении, и «чи грехи прикрыты» ([Пс.31:1](#)), – о тех, у которых внутреннее еще не очищено. «Блажен человек, которому Господь не вменит греха» (2), – это как бы третий разряд согрешающих, дела которых не похвальны, но сердце неповинно.

Что же говорю? И к чему клонится слово мое? Вчера ты, душа, была хананеянкой, скорченной от греха ([Лк.13:11](#)), а ныне выпрямлена Словом, не сгибайся снова, не наклоняйся к земле, как обремененная узами лукавого, не доходи до такого унижения, чтобы трудно было подняться тебе! Вчера иссыхала ты от сильного кровотечения, потому что источала убийственный грех, а ныне иссяк поток, и ты цветешь, потому что «прикоснулась к краю одежды» Христовой, и «течение остановилось» ([Мф.9:20](#); [Лк.8:44](#)). Храни же очищение, чтобы опять не стать кровоточивой и не лишиться сил коснуться Христа и похитить спасение. Ибо Христос не часто позволяет Себя скрадывать, хотя и весьма человеколюбив. Вчера лежал ты на одре расслабленным и недвижимым, и не имел человека, «который опустит тебя в купель, когда возмутится вода» ([Ин.5:7](#)), а ныне нашел ты вместе человека и Бога, или, лучше сказать, Богочеловека; ты взят от одра, или, лучше, сам взял одр и разгласил о благодеянии. Бойся опять слечь на одр, расслабившись от удовольствий греховного и телесного покоя, но иди здоровым, помня заповедь: «ты выздоровел, не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» ([Ин.5:14](#)), если после такого благодеяния окажешься плохим. «Лазарь! иди вон» ([Ин.11:43](#)), сказано было тебе, лежавшему во гробу, великим гласом (ибо что велегласнее Слова?); и ты вышел не четверодневный, но многодневный, воскресши с Тридневным, и разрешен от погребальных пелен. Не омертвей снова, не пребывай с живущими во гробах и не связывайся цепью собственных грехов. Неизвестно, восстанешь ли опять из гробов до последнего и общего воскресения, которое всю тварь приведет на суд, не для уврачевания, но чтобы услышать приговор и дать отчет во всем, что приобретено доброго или худого. Если ты до сих пор

покрыт был проказой, то есть безобразиями порочной жизни, а теперь, очистившись от гноящего вещества, воспринял здоровый образ, покажи свое очищение мне, твоему иерею, чтобы мог я узнать, насколько оно выше очищения подзаконного. Не будь в числе девяти неблагодарных, но подражай десятому. Хотя он был и самарянин, но признательнее других. Остерегайся, чтобы опять не «расцвести» ([Лев.13:12](#)) тебе худо, и чтобы в теле твоём не произошло неизлечимого расстройство. Прежде руку твою делали сухой бережливостью и скупостью, а теперь да прострут ее милостыня и человеколюбие. Прекрасное врачевание для больной руки – расточать, давать убогим все, что ни имеешь, исчерпывать щедро, пока не дойдешь до дна (может быть и оно будет тебе, как сарептянке, источать пищу, особенно, если случится тебе напитать Илию), и признавать добрым стяжанием нищету для Христа, нас ради обнищавшего. Если ты был глух и нем, то да огласит тебя Слово, или, лучше, удержи огласившего; не затыкай уши свои от учения и наставления Господня, как аспид от голоса «заклинателя» ([Пс.57:6](#)).

Если ты был слеп и лишен света – «просвети очи» свои, «да не когда уснешь сном смертным» ([Пс.12:4](#)), во свете господнем увидь свет, в Духе Божиим – Сына, озарись тройственным и нераздельным Светом. Если примешь в себя всецелое Слово, то соберешь в душу свою все врачевания Христовы, какими каждый исцеляется отдельно, только смотри, чтобы не оказаться тебе незнающим меры в благодати, чтобы во время твоего сна и недоброй беззаботности враг не посеял плевел; чтобы тебе, возбудив чистотой зависть в лукавом, опять не сделать себя через грех достойным сожаления, чтобы, безмерно радуясь благу и превозносясь им, не пасть от этого превозношения; а напротив, всегда трудись над очищением, полагая «восхождения» в «сердце своем» ([Пс.83:6](#)), сподобившись, по дару, отпущения грехов, со всяким тщанием блюди его, чтобы отпущение зависело от Бога, а соблюдение и от тебя.

Как же этого достигнуть? Помни всегда Христову притчу; это будет для тебя самым лучшим и совершенным пособием. Вышел из тебя нечистый и вещественный дух, изгнанный Крещением. Ему несносно гонение, он не терпит быть бездомным и бесприютным, проходит «сквозь безводные места», где пересох Божественный поток (ибо там любит он быть), скитается, «ища покоя», и «не находит». Пристывает к душам крещеным, в которых порчу омыла купель. Боится воды, душит его очищение, как легион издох в море. Опять возвращается в дом, из которого вышел, потому что бесстыден и упорен, снова пристывает, новые делает покушения. Если найдет, что Христос водворился и занял место, им

оставленное, то снова отраженный уходит без успеха, продолжая свое жалкое скитание. Если же найдет в тебе место «выметенное» и «убранное», пустое, ничем незанятое, равно готовое к принятию того или другого, кто бы ни пришел первый, поспешно входит, поселяется с большими против прежнего запасами, «и будет последнее хуже первого» ([Мф.12:43–45](#)). Ибо прежде была надежда на исправление и осторожность, а теперь явно стало повреждение, через удаление добра привлекающее к себе лукавое, почему для поселившегося обладание местом сделалось тверже.

Еще, и не один раз, напомню тебе о просвещениях, что мог о них вычитать в Божием слове, потому что и самому будет приятно воспоминание об этом (что приятнее света вкусившим света?), и тебя озарю словами Писания: «свет сияет на праведника», и сопряженное с ним «веселие» ([Пс.96:11](#)). «Свет праведных всегда» ([Притч.13:9](#)). «Ты славен, могущественнее гор вечных» ([Пс.75:5](#)), говорят Богу, как думаю, ангельские силы, которые содействуют нам в добрых делах. Господь – «свет мой и спасение мое: кого мне бояться?» ([Пс.26:1](#)) – так говорит Давид. И он иногда просит «послать» ему свет и «истину» ([Пс.42:3](#)), а иногда благодарит за то, что приобщился его, так как «явился» ему «свет» Божий ([Пс.4:7](#)), то есть запечатлелись и оказались признаки данного ему озарения. Будем избегать одного только света, порождаемого ложным огнем, не будем «возжигать огонь и идти в пламень его» ([Ис.50:11](#)). Знаю огонь очистительный, который «низвести на землю» ([Лк.12:49](#)) пришел Христос, и Сам, применительно, именуемый «огнем» ([Евр.12:29](#)). Он истребляет вещество и злые навыки, почему Христос и хочет, чтобы он скорее возгорелся ([Лк.12:49](#)), ибо желает ускорить благодеяние, когда и «угли» дает нам в «помощь» ([Ис.47:14–15](#)). Знаю огонь и не очистительный, но карательный, или Содомский, который «на» всех «нечестивых прольет Господь», присоединив «серу и палящий ветер» ([Пс.10:6](#)), или «уготованный диаволу и ангелам его» ([Мф.25:41](#)), или тот, который «идет перед» Господом и «попаляет вокруг врагов Его» ([Пс.96:3](#)). Есть еще и этих ужаснее огонь, который действует заодно с червем неусыпающим, не угасим, но увековечен для злых. Ибо все это показывает силу истребительную, если только не угодно кому и здесь представлять это человеколюбивее и сообразно с достоинством наказующего.

Но как известен двоякий огонь, так есть и двоякий свет. Один есть светильник ума и направляет стопы наши по Богу. А другой обманчив, пытлив, противоположен истинному свету и выдает себя за истинный свет, чтоб обольстить наружностью. Это есть тьма, и представляется полуднем,

лучезарнейшим светом. Так слышу об «изгнанных среди полудня, как ночью бегущих» ([Ис.16:3](#)). Это есть ночь, и почитается просвещением у растленных сластолюбием. Ибо что говорит Давид? – Ночь была вокруг меня окаянного, и я не знал, потому что просвещением почитал наслаждение ([Пс.138:11](#)). Но таковы предающиеся сластолюбию; а мы «просветим» себя «светом ведения»; и он просветится, если будем «сеять в правду» и «пожинать милость» ([Ос.10:12](#)), так как деятельность приводит и к созерцанию, чтобы сверх прочего знать и то, какой свет истинен и какой ложен, и не ошибаться, избирая вместо доброго худшее. Соделаемся светом, как именовал учеников великий Свет: «вы – свет мира» ([Мф.5:14](#)). Будем «светила в мире, содержа слово жизни» ([Фил.2:15–16](#)), то есть будем животворной силой для других. Да возьмет нас Бог, да возьмет первый и чистейший Свет, да идем «при сиянии Его» ([Вар.4:2](#)), «пока еще не спотыкаются ноги наши на горах мрака» ([Иер.13:16](#)). «Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству»; так как это тайные дела ночи ([Рим.13:13](#)).

Очистимся, братья, в каждом члене, сделаем невинным каждое чувство. Да не будет в нас ничего несовершенного, ничего от первого рождения, не оставим в себе ничего не просвещенного. Просветимся оком, чтобы смотреть право, и через зрение пристальное и любопытное не вносить в себя какого-либо любодейного кумира, ибо хотя и не послужим страсти, но оскверним душу. Ежели есть у нас бревно или сучок – очистим, чтобы можно было нам увидеть их и у других. Просветимся слухом, просветимся языком да услышим, что возглаголет Господь Бог, и «услышать» нам «рано милость» ([Пс.142:8](#)), и «слуху нашему» даны будут «радость и веселие» ([Пс.50:10](#)), оглашающие слух божественный, да не будем «ни меч острый» ([Пс.56:5](#)), ни «брита изощренная» ([Пс.51:4](#)), да не обращаются у нас «под языком мучение и пагуба» ([Пс.9:28](#)), но да «проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную» ([1Кор.2:7](#)), чья огненные языки ([Деян.2:3](#)). Исцелим обоняние, чтобы не изнежить себя и вместо приятного благовония не покрыться прахом, но исполниться благоуханием от истощенного нас ради Мира, восприняв Его духовно, в такой мере из Него составляясь и в Него претворяясь, чтобы от нас самих благоухало «приятное благоухание» ([Еф.5:2](#)). Очистимся в осязании, вкусе, гортани, не ища мягких прикосновений, не утешаясь гладкостью вещей, но осязая, как должно, воплотившееся ради нас Слово и подражая в этом Фоме; не раздражая вкуса влагами и снедями, возбуждающими гибельнейшие для нас раздражения, но вкусив и познав, «как благ Господь» – наша лучшая и вечная пища ([Пс.33:9](#)); нисколько не

прохлаждая горькую и неблагодарную гортань, которая влагаемое в нее пропускает и не удерживает в себе, но увеселяя ее словами слаще меда. Кроме этого, хорошо, имея голову очищенную, как очищается глава – источник чувств, держаться Главы Христовой, из которой «все тело составляется и совокупляется» ([Еф.4:16](#)), и низлагать преобладающий наш грех, превозносящийся над лучшим в нас. Хорошо иметь освященные и очищенные плечи, чтобы можно было понести крест Христов, не для всякого удобоносимый. Хорошо иметь освященные руки и ноги, – руки, «да на всяком месте воздеваются чистые» ([1Тим.2:8](#)), «приемлют наказание» Христово, «да никогда не прогневается Господь» ([Пс.2:12](#)), и за деятельность вверится им слово, как было дано «в руку» одного из Пророков ([Агг.1:3](#))²⁵³», но в греческом тексте: »εν τη χειρι«.; ноги да не будут «спешить на пролитие крови» и не «бегут ко злу» ([Притч.1:16](#)), но готовы к благовествованию, к «почести вышнего звания» ([Флп.3:14](#)) и к принятию омывающего и очищающего Христа. А ежели есть очищение и чрева²⁵⁴, которое принимает и разделяет словесную пищу, то хорошо и его не боготворить, ублажая сластопитанием и упраздняемыми явствами, но, как можно больше, очищать и утончать, чтобы принимало внутрь себя слово Господне и прекрасно болезновало о падающем Израиле ([Иер.4:19](#)). Нахожу, что даже сердце и внутренности удостоены чести. В этом убеждает меня Давид, который просит, да «сотворится» в нем «сердце чистое, и дух правый обновится внутри» ([Пс.50:12](#)), подразумевая под этим, как думаю, силу мыслительную, ее движения или помыслы. Что же думаешь о чреслах и почках? И этого не оставим без внимания, пусть и их коснется очищение. Да будут чресла наши препоясаны и укреплены воздержанием, как издревле у Израиля, по закону, вкушающему пасху, ибо никто не выходит чисто из Египта и не избегает всегубителя иначе, как обуздав и чресла. Пусть и в почках произойдет доброе изменение, сила вожделения устремлена будет к Богу, чтобы можно было сказать: «Господи, перед Тобой все желания мои» ([Пс.37:10](#)), и «не пожелал бедственного дня» ([Иер.17:16](#)). Ибо должно сделаться мужем желаний, желаний духовных. Таким образом истребитися в вас змий, имеющий большую часть крепости «в мускулах чрева его» ([Иов.40:11](#)), когда умерщвлено будет состоявшее под владычеством его. Но не дивись, если и «о менее благородных более прилагаем попечения» ([1Кор.12:23](#)), умерщвляя и уцеломудривая их словом, и мужественно стоя против вещества. Все «земные члены» ([Кол.3:5](#)) отдадим Богу, все освятим, а не «сальник на печени» ([Лев.8:25](#)), не почки с туком, не ту или другую часть

тела. Ибо для чего делать бесчестным и прочее? Всецело принесем самих себя, будем всеожжением словесным, жертвой совершенной. Не одно плечо, не одну грудь сделаем участием жреческим ([Лев.7:34](#)), ибо этого мало, но всецело предадим себя самих, да и восприимем себя всецело, потому что совершенно себя воспринять значит предаться Богу и принести в жертву свое собственное спасение.

А больше всего и прежде всего храни добрый залог, для которого живу и несу свое звание, который желал бы я иметь спутником при отшествии из мира, с которым и все скорби переношу, и презираю все приятности жизни; храни исповедание веры в Отца и Сына и Святого Духа. Это исповедание вверяю тебе ныне, с ним погружу в купель, с ним и изведу. Его даю тебе на всю жизнь товарищем и заступником – единое Божество и единую Силу, Которая обретается в Трех единично и объемлет Трех отдельно, без различия в сущностях или естествах, не возрастает или не умалывается, через прибавления и убавления, повсюду равна, повсюду та же, как единая красота и единое величие неба. Оно есть Трех Бесконечных бесконечная соестественность, где и Каждый, умосозерцаемый сам по Себе, есть Бог, как Отец и Сын, Сын и Дух Святой, с сохранением в Каждом личного свойства, и Три, умопредставляемые вместе, – также Бог; первое по причине единосущия, последнее по причине единоначалия. Не успею помыслить об Едином, как озаряюсь Тремя. Не успею разделить Трех, как возношусь к Единому. Когда представляется мне Единое из Трех, почитаю это целым; Оно наполняет мое зрение, а большее убегает от взора. Не могу объять Его величия, чтобы к оставшемуся придать большее. Когда совокупаю в умосозерцании Трех, вижу единое светило, не умея разделить или измерить соединенного света. Ты боишься рождения, чтобы не пострадал от чего-либо Бог не страждущий, а я страшусь твари, чтобы не утратить мне Бога, через оскорбление и несправедное рассечение, отсекая или Сына от Отца, или от Сына сущность Духа. Ибо странно то, что у худо взвешивающих Божество не только в Божество вводится тварь, но и сама тварь рассекается опять сама на себя. Этими низкими и долу поверженными, как Сын унижается перед Отцом, так опять унижено достоинство Духа даже и перед Сыном; так что и Бог, и тварь поруганы этим новым богословием. В Троице, достопочтенные, нет ничего рабского, ничего тварного, ничего вносного, как слышал я от одного из мудрых. «Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым», говорит божественный Павел ([Гал.1:10](#)). Если бы еще поклонялся я твари, или в тварь крестился, то я не обожился бы и не изменился бы в первое рождение. Что скажу тем, которые кланяются Астарте или Хамосу –

«мерзости Сидонской» ([3Цар.11:7](#)), или образу звезды ([Ам.5:26](#)) – бога, по верованию язычников, несколько высшего, впрочем твари и дела рук человеческих, если сам или не поклоняюсь Двум²⁵⁵, в Которых крестился, или поклоняюсь им, как подобным мне рабам? Ибо все же Они рабы, хотя и почтеннее несколько, потому что и между подобными рабами бывает различие и предпочтение. Готов бы я назвать большим Отца, от Которого и равенство имеют Равные, и бытие (в чем все согласятся), но боюсь, чтобы Начала не сделать началом меньших и не оскорбить предпочтением. Ибо нет славы Началу в унижении Тех, Которые от него. Притом подозреваю, что ты, по своей неумеренности, взявшись за слово «большой», раздвоишь естество, ко всему прилагая понятие большего. Отец больше не по естеству, но по виновности, потому что между равносущными в отношении к сущности нет ни большего, ни меньшего. Готов бы я предпочесть Духу Сына, как Сына, но не позволяет этого Крещение, совершающее меня Духом. Но боишься, что укорят тебя в троебожии? – Пользуйся этим благом – единством в Трех, а защищение предоставь мне. Дозволь мне быть кораблестроителем, а ты владей кораблем. А ежели есть у тебя другой кораблестроитель, то сделай меня зодчим своего дома; сам же живи в доме безопасно, хотя ты нимало не трудился. И на корабле поплывешь, и в доме будешь жить не менее благополучно, чем и я – строитель их, хотя ты и не прилагал к этому никаких трудов. Видишь ли какое благодушие? Видишь ли благоволение Духа? Сражаться – мое дело, а тебе предоставляются плоды победы. Пусть меня низлагают, а ты наслаждайся миром и, помогая молитвами сражающемуся за тебя, подай ему руку через веру. У меня три камня, которыми поражу из пращи иноплеменника; у меня три дуновения на сына сарептянки ([3Цар.17:21](#)), которыми оживотворю умерщвленных; у меня три возлияния «на дрова» ([3Цар.18:34, 25](#)), которыми освящу жертву, возбудив водой чудесный огонь, и низложу пророков лживых, употребив к этому силу таинства.

Но к чему продолжать слово? Теперь время учить, а не спорить. Свидетельствую перед Богом и перед избранными ангелами, что ты будешь крещен с этой верой. Если в сердце твоём написано иначе, нежели как требует мое учение; поди, мы перепишем. Я не неискусный краснописец этого, пишу, что написано, учу, чему научился и что сохранил от начала до этой седины. Мне опасность, мне и награда, как хранителю души твоей, совершающему тебя Крещением. Если право веруешь и назnamenован добрыми письменами – храни написанное, при круговороте времен пребывая неизменным в том, что само неизменно. Подражай Пилату, только в лучшую сторону, худо написавшему подражай ты, хорошо

написанный. Скажи переуверяющим тебя: «что я написал, то написал» ([Ин.19:22](#)). Ибо мне было бы стыдно, если бы доброе удобно приводилось в колебание, тогда как зло пребывает непоколебимо. Должно легко двигаться от худшего к лучшему, а быть неподвижным от лучшего к худшему. Если так крестишься и по такому учению, «это устам моим не возбраню» ([Пс.39:10](#)), это отдаю руки Духу. Ускорим спасение, восстанем для Крещения. Дух распростирает над тобой крыла, совершитель исполнен усердия, дар готов. Если же хромаешь еще и не приемлешь совершенного Божества, то ищи другого крестителя или потопителя: не мое дело рассекать Божество, и делать тебя мертвым во время возрождения, чтобы ты не имел ни благодати, ни надежды на благодать, в несколько минут подвергнув кораблекрушению свое спасение. Ибо, если у Одного из Трех отнимешь что-либо из Божества, то отнимешь и у Божества все, и у себя освящение. Но, может быть, в душе твоей нет никакого начертания письменного, ни доброго, ни худого, и ныне нужно сделать в тебе написание, нам должно возвести тебя к совершенству? Войдем внутрь облака, дай мне скрижали сердца. Я буду для тебя Моисеем, – я (хотя и смело сказать так) перстом Божиим впишу новое десятословие, впишу сокращение спасения. А ежели есть какой еретический и несмышленный зверь, пусть останется он внизу, иначе угрожает ему опасность побиения камнями от слова истины.

Буду крестить тебя, уча во имя Отца и Сына и Святого Духа. Одно же общее имя Трех – Бог. Пусть и образы и слова дают тебе понять, что отвергаешься всякого безбожия, как соединяемый со всецелым Божеством. Веруй, что весь мир, видимый и невидимый, сотворенный Богом из ничего и управляемый промыслом Сотворившего, изменится в лучший. Веруй, что зло не имеет ни особой сущности, ни царства, что оно ни безначально, ни самобытно, ниже сотворено Богом, но есть наше дело и дело лукавого, и привзошло в нас от нашего нерадения, а не от Творца. Веруй, что Сын Божий – предвечное Слово, рожден от Отца безлетно и бесплотно, и Он же в последние дни родился ради тебя и Сыном человеческим, произошедшим от Девы Марии, неизреченно и нескверно (ибо нет никакой скверны, где Бог и откуда спасение); что Он всецелый человек и вместе Бог, ради всего страждущего человека, дабы всему тебе даровать спасение, разрушив всякое осуждение греха, бесстрастный по Божеству, страждущий по воспринятому человечеству, настолько же для тебя человек, насколько ты ради Его делаешься богом; что Он за беззакония наши веден на смерть, распят и погребен, поскольку вкусил смерть, и воскресши в третий день, вознесся на небо, дабы возвести с Собой тебя

поверженного долу, но опять придет в славное явление Свое судить живых и мертвых, придет уже не плотью, но и не бестелесным, а в известном Ему только образе боголепнейшего тела, чтобы и видимым быть для пронзивших Его, и пребывать Богом, непричастным дебелости. Кроме этого, признавай воскресение, суд и воздаяние, по правдивым весам Божиим. И это воздаяние для очищенных сердцем будет свет, то есть Бог видимый и познаваемый по мере чистоты, что называем и царствием небесным, – а для слепых умом, то есть для отчужденных от Бога по мере здешней близорукости, будет тьма. Наконец, на этом основании догматов, делай добро, потому что «вера без дел мертва» ([Иак.2:26](#)), как и дела без веры.

Ты знаешь о таинстве все, что может быть обнаружено и сказано вслух народу, а прочее, если дарует Троица, узнаешь, войдя внутрь, и это сокроешь сам в себе, оградив печатью. Впрочем, и о том благовестую тебе: предстояние твое великому алтарю, к которому будешь допущен тотчас после Крещения, есть предызображение тамошней славы; псалмопение, с которым тебя введут, есть начало тамошнего песнопения; светильники, которые возжжешь, таинственно образуют тамошнее световодство, с которым мы, чистые и девственные души, пойдем навстречу Жениху, имея ясные светильники веры, не предаваясь сну по беспечности (так чтобы ожидаемый мог прийти неожиданно), не оставаясь без запаса и елея и не оскудевая в добрых делах, что извергло бы нас из брачного чертога. Ибо вижу, как жалко это состояние! Жених близко, клич требует выходить навстречу, и мудрые встретят с блистающим светом, обилуя тем, что нужно к его поддержанию; а другие придут в смятение, не вовремя ища елея у имеющих его. Жених скоро взойдет, взойдут с ним и первые, а последние останутся вне, потратив время, в которое можно было взойти, на приготовление елея, и горько будут плакать, поздно узнав, как вредна беспечность, когда уже, сколько бы ни просили о том, недоступен для них брачный чертог, ибо они жалким образом закрыли его сами для себя, поступив, только в другом отношении, подобно отказавшимся быть на брачном пиршестве, какое добрый Отец уготовил доброму Жениху, отказавшись или для новобрачной супруги, или для новокупленного села, или для пары волов, которых ко вреду своему приобрели, для малого погубив великое. Ибо там нет места ни презрителю, ни беспечному, ни одетому гнусно, а не по-брачному, хотя бы здесь и достаивал себя тамошней светоносности, и внутренне давал себе место там, обольщаемый тщетной надеждой. Что же потом? Когда войдем внутрь, тогда Жених знает, чему научить и о чем беседовать с вошедшими

душами. Будет же, как думаю, беседовать, преподавая совершеннейшие чистейшие ведения, которых приобщиться и нам, учащимся и учащим, да будет даровано о Самом Христе Господе нашем. Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово 41

На Святую Пятидесятницу

Кратко полюбомуудрствуем о празднике, чтобы нам праздновать духовно. У всякого свой способ торжествовать; а у служителя Слова состоит он в слове, в таком слове, которое всего приличнее времени. И не увеселяет так ни одна красота любителя красот, как любителя праздников духовное празднование. Но рассудим об этом так. Празднует и иудей, но по букве, ибо он, «ища закон» телесный, «закон» духовный «не постиг» ([Рим.9:31](#)). Празднует и эллин, но телесно, сообразно со своими богами и демонами, из которых одни, по собственному признанию язычников, виновники страстей, а другие почтены богами за страсти, почему и празднование у них состоит в удовлетворении страстей, и грешить значит чтить бога, к которому под защиту прибегает страсть, как достохвальное дело. Празднуем и мы, но празднуем, как угодно Духу, а Ему угодно, чтобы мы или говорили, или делали что-либо подобающее. И праздновать значит у нас приобретать для души блага постоянные и вечно сущие, а не преходящие и скоро гибнущие, которые, по моему рассуждению, мало услаждают чувство, а больше растлевают его и вредят ему. «Довлеет» телу «злоба его». Нужно ли в пламень подкладывать больше сгораемого вещества, или зверю давать обильнейшую пищу, чтобы он сделался неукротимее и взял силу над разумом?

Итак, праздновать должно духовно. А началом слова (ибо надобно сказать и то, что составляет предмет исследования любословов, чтобы этим присоединить к торжеству как бы некоторое услаждение, хотя слово наше и уклонится через то несколько от предмета) – началом слова будет это.

Евреи, на основании закона Моисеева, чтут число семь, как впоследствии пифагорейцы стали чтить число четыре, которым они даже клянутся, а симониане и маркиониты числа восемь и тридцать, которые равночисленными именуют и чтут каких-то эонов. Хотя не знаю, по каким законам соотношения или по какой силе числа семь, однако же евреи чтут его; и известно то, что Бог в шесть дней сотворил вещество, образовал и украсил его всякими видами и сочетаниями, и совершил этот видимый ныне мир, а в седьмой день почил от дел, что показывает и наименование субботы, означавшее по-еврейски покой. Но ежели есть этому и высшее какое основание, то пусть полюбомуудрствуют о том другие. Почитание же числа семь простиралось у них не только на дни, но и на годы. В

рассуждении дней доказывает это суббота, постоянно у них чтимая, равно как и семидневное неупотребление квасного, а в рассуждении лет – восьмой год «оставления» ([Лев.25:10](#)). Даже чествование простиралось не на седмицы только, но и на седмицы седмиц, и как в днях, так и в годах. Седмицы дней производят пятидесятницу, – день у них «священный» ([Лев.23:21](#)); седмицы же лет – так называемый ими юбилей, в который бывало и оставление земли и освобождение рабов и возвращение купленных владений прежним владельцам. Ибо народ этот посвящает Богу начатки не только плодов и первородных, но также дней и лет. Так чествование числа семь привело к чествованию пятидесятницы. Ибо число семь, помноженное само на себя, дает пятьдесят, причем недостает одного дня, но он занят нами от будущего века и есть восьмой, вместе же и первый, или, лучше сказать, единый и нескончаемый. Ибо там должно окончиться здешнее субботствование душ, чтобы дана была часть «семи и восьми» ([Екк.11:2](#)), как некоторые раньше нас понимали это Соломоново изречение.

Хотя о чествовании числа семь много есть свидетельств, но для нас многих достаточно будет и немногих. Так наименовано семь досточтимых духов ([Ис.11:2–3](#)), и духами, как думаю, угодно было Исаии назвать действия Духа. «Слова Господни», по слову Давида, «очищены семь раз» ([Пс.11:7](#)). «В шести бедах спасет тебя, и в седьмой» не коснется тебя зло ([Иов.5:19](#)). Грешник получает прощение не только «до семи, но до семижды семидесяти раз» ([Мф.18:22](#)). Опять и наоборот (так как и наказание за грех похвально) Каин «всемеро» терпит отмщение, то есть несет наказание за братоубийство; Ламех же в «семьдесят раз всемеро» ([Быт.4:24](#)), потому что стал убийцею после закона и осуждения. Лукавые «соседи» семикратное воздаяние приемлют в «недро свое» ([Пс.78:12](#)). «Дом» Премудрости «построен на семи столбах» ([Притч.9:1](#)); таким же числом очей украшен камень Зоровавелев ([Зах.3:9](#)). «Семикратно в день» воздается хвала Богу ([Пс.118:164](#)). Даже «бесплодная» рождает «семь раз», число совершенное, и тем противопоставляется неимеющей полного числа чад ([1Цар.2:5](#)).

Если же должно принять во внимание и ветхозаветные сказания; то примечаю, что «седьмой» из прародителей Енох почтен «преложением» ([Быт.5:25](#)). Примечаю также, что двадцать первый Авраам прославлен Патриаршеством, – по присовокуплению большого таинства, потому что число это составляет троекратно взятое число семь. А иной отважный на все осмелился бы дойти и до Нового Адама, Бога моего и Господа Иисуса Христа, Который, по нисходящему родословию у Луки, считается

семьдесят седьмым от ветхого и под грехом бывшего Адама. Примечаю еще «семь» труб Иисуса Навина, такое же число обхождений, дней и Иереев, от которых падают стены Иерихонские ([Нав.6](#)). Примечаю как семикратное обращение ([3Цар.18:43.44](#)), подобное и троекратному таинственному дуновению Пророка Илии, вдыхающему жизнь в сына Сарептской вдовы ([3Цар.17:21](#)), и равночисленному возлиянию на дрова, когда он ниспосланным от Бога огнем истребил жертву и осудил лживых пророков, которые не могли произвести того же своими призываниями, так и семикратное, по повелению его, наблюдение отроком облака. Примечаю многократное же преклонение Елисея над сыном сонамитянки, которым обновляется в нем дыхание ([4Цар.4:35](#)).

На основании, как думаю, того же постановления, не говоря уже о светильнике храма, имеющем семь ветвей и семь свечей ([Исх.25:31.37](#)), в семь дней совершается иерей ([Исх.29:35](#)), в семь дней очищается прокаженный ([Лев.13:50](#)) и во столько же дней обновляется храм ([2Пар.7:8](#)). И в семидесятое лето народ возвращен из плена, дабы и в десятках было то же, что бывает в единицах, и числом совершеннейшим почтено стало таинство числа семь. Но что говорить мне об отдаленном? Сам Иисус – чистое совершенство, умел напитать в пустыне и пятью хлебами пять тысяч человек и опять семью хлебами четыре тысячи, и остатков по насыщении было в первом случае «двенадцать коробов» ([Мф.14:20](#)), а во втором «семь корзин» ([Мф.15:37](#)); а то и другое, как думаю, совершено не без причины и не недостойно Духа. И сам ты, читая Писание, заметишь многие числа, в которых кроме видимого скрывается и более глубокое значение.

Для настоящего же времени всего полезнее сказать, что, может быть, по этим самым, или по весьма близким к ним, или и по другим высшим причинам, евреи чтут пятидесятый день, а также чтим и мы, подобно как чтим и иное что-нибудь еврейское, у евреев совершаемое образно, а у нас возобновленное таинственно. Предварительно сказав это в рассуждении настоящего дня, приступим к продолжению слова.

Мы празднуем Пятидесятницу, пришествие Духа, окончательное совершение обетования, исполнение надежды, таинство, и притом сколь великое и досточтимое! Оканчиваются дела Христовы телесные или, лучше сказать, дела, относившиеся к телесному пребыванию Его на земле (помедлю говорить, что оканчиваются дела, относящиеся к телу, пока не убедит меня какое-либо слово, что лучше лишиться тела); а начинаются дела Духа. Что же относилось ко Христу? Дева, рождение, ясли, повитие пеленами, прославляющие ангелы, приходящие пастыри, падение звезды,

поклонение и дары волхвов, Иродово детоубийство, Иисус, убегающий в Египет, возвращающийся из Египта, обрезанный, крещенный, свидетельствуемый свыше, искушаемый, побиваемый камнями для нас ([Ин.10:32](#)), которым нужно было дать образец злострадания за слово, предаваемый, пригвождаемый, погребаемый, воскресавший, возносящийся. Много из этого приемлет Христос и ныне, а именно, бесчестное от христоненавистников, что и переносит, потому что долготерпелив, а досточестное от христолюбцев. И Он медлит, как первым явить Свой гнев, так нам показать Свою благодать, – и им дает, может быть, тем время на покаяние, а нас испытывает в любви, не ослабеем ли в скорбях и подвигах за благочестие. Таков издревле закон Божия домостроительства и неисследимых Божиих судеб, по которым премудро управляются дела наши. Таковы дела Христовы, последующие же славнейшие еще узрим. О если бы и сами мы были узрены Христом!

А чтобы говорить о делах Духа, да придет на меня Дух, и да даст слово, сколько этого желаю, а если и не в такой мере, сколько соразмерно времени, – придет же без сомнения владычественно, а не рабски, и не повеления ожидая, как думают некоторые. Ибо Он дышит, где хочет, на кого, когда и сколько Ему угодно. Так мыслить и говорить внушает нам Дух.

Кто Святого Духа низводит в ряд тварей, тот ругатель, злой раб, и злейший из злых. Ибо злым рабам свойственно отвергать владычество, восставать против господства и свободное делать подобным себе рабом. Кто признает Его Богом, тот божествен и светел умом. А кто даже и именует Богом, тот, если делает это перед людьми благоразумными, высок; а если перед низкими, неосмотрителен; потому что бисер доверяет грязи, громовой звук – слабому слуху, солнечный луч – больным глазам, твердую пищу – вкушающим одно молоко. Постепенно надлежит вести их вперед и приближать к высшему, чтобы свету даруем был свет и истина награждалась истиной. Поэтому и мы, оставив совершеннейшее слово, для которого не пришло еще время, побеседуем с ними так.

Если вы не исповедуете Святого Духа ни несозданным, ни неподлежащим времени, то (дозвольте ревности выразиться несколько и смело) в вас явно действует противный дух. Если же вы до такой степени здравы, что избегаете явного нечестия, и вне рабства ставите Того, Кто и нас делает свободными, то со Святым Духом и вместе со мной рассмотрите сами и последующее, ибо я уверен, что вы уже в некоторой мере причастники Духа, и буду рассуждать с вами, как со своими. Или укажите мне нечто среднее между рабством и владычеством, где мог бы я

дать место достоинству Духа, или, избегая рабства, не оставляйте неизвестным, куда причисляете Того, о Ком вопрос.

Но вас затрудняют слоги, останавливает одно выражение, и оно делается для вас камнем преткновения и камнем соблазна, чем для некоторых был и Христос. Это – человеческая немощь. Сойдемся между собой духовно, будем лучше братолюбивыми, нежели самолюбивыми. Признайте силу Божества, и мы сделаем вам снисхождение в сказанном. Исповедуйте естество под другими наименованиями, какие наиболее уважаете, и мы излечим вас как немощных, даже скрыв иное к вашему удовольствию. Ибо стыдно, подлинно стыдно и довольно безрассудно быть здоровыми по душе и ставить в великие звуки, утаивать сокровище, как бы завидуя другим, или опасаясь, чтобы не освятить языка. Но еще стыднее нам подвергаться тому же, в чем других обвиняем, и осуждая споры о звуках, самим стоять за букву. Исповедуйте в Троице единое Божество, или, если угодно, единое естество; и я испрошу вам у Духа слово Бога. Ибо хорошо знаю, что Давший первое дает и второе, и тем более, если причиной спора какая-то духовная робость, а не дьявольское упорство. Скажу еще яснее и короче: ни вы не обвиняйте нас за сказанное более возвышенное (ибо не должно завидовать возвышению), ни мы не будем вас осуждать за те слова, которые вам до времени по силам, пока не достигнете, хотя другим путем, того же с нами пристанища. Мы домогаемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас.

Это говорим вам, в которых находим несколько жизни, которые здраво рассуждают о Сыне. Удивляясь вашей жизни, не вполне одобряем учение. Имея дары Духа, примите и Духа, чтобы не только подвизаться, но и подвизаться «законно» ([2Тим.2:5](#)). От Него, в награду за жизнь, да будет вам дарован и этот венец – исповедовать Духа совершенно, и с нами, и прежде нас, проповедовать Его достойно. Дерзаю за вас и на нечто большее, – именно дерзаю сказать с Апостолом: настолько люблю вас, настолько уважаю эту благочинную вашу одежду, и этот цвет воздержания, и священные сонмы, и честное целомудрие, и чистоту, и всеночное псалмопение, и нищелюбие, и братолюбие, и страннолюбие, что готов «быть отлученным от Христа» ([Рим.9:3](#)) и пострадать, как осужденный, только бы вы стояли с нами, и вместе прославляли мы Троицу. Ибо нужно ли говорить о других, явно умерших, которых воскресит разве один Христос, Своею силой животворящий мертвых? Они злонамеренно отделяются друг от друга местом, будучи связаны учением, и настолько же несогласны между собой, насколько и косые глаза, устремленные на один

предмет, и не в зрении, но в положении имеющие разность, если их должно винить за этот один недостаток, а не вместе и за слепоту. Поскольку же я достаточно изложил, что относится к вам; то возвращусь опять к Духу. Думаю же, что и вы уже последуете за мной.

Дух Святой всегда был, и есть, и будет; Он не начал и не прекратит бытия, но всегда с Отцом и Сыном един и неделим. Ибо неприлично было или Отцу когда-либо быть без Сына, или Сыну без Духа; крайне было бы бесславно для Божества, как бы вследствие изменения советов Своих прийти в полноту совершенства. Итак, Дух всегда был приемлемым, а не приемлющим; совершающим, а не совершаемым; наполняющим, а не наполняемым; освящающим, а не освящаемым; приводящим к обожествлению, а не вводимым в обожествление. Он всегда один и тот же Сам для Себя и для Тех, с Которыми един; невидим, не подлежит времени, неместим, неизменяем, не имеет ни качества, ни количества, ни вида, неосязаем, самодвижен, приснодвижим, свободен, самовластен, всемогущ (хотя, как все принадлежащее Единородному, так и все принадлежащее Духу, возводится к первой Вине); Он – жизнь и животворящ; Он – свет и света Податель; Он – источная благодать и источник благодати; Он – «Дух правый владычественный» ([Пс.50:12.14](#)), «Господь» ([2Кор.3:17](#)), посылающий ([Деян.13:4](#)), отделяющий ([Деян.13:2](#)), созидающий Себе храм ([Кол.2:22](#)), наставляющий ([Ин.16:13](#)), действующий «как ему угодно» ([1Кор.12:11](#)), разделяющий дарования, «Дух усыновления» ([Рим.8:15](#)), «истины» ([Ин.14:17](#)), «премудрости, разума, ведения и благочестия, совета, крепости, страха», по исчисленному ([Ис.11:3.4](#)). Через Него познается Отец и прославляется Сын ([Ин.16:11](#)), и Сам Он ими одними знаем, единое и неделимое, служение и поклонение, единая сила, единое совершенство и освящение. Но к чему распространяться? Все, что имеет Отец, принадлежит и Сыну, кроме нерожденности; все, что имеет Сын, принадлежит Духу, кроме рождения. А нерожденность и рождение не сущности различают, по моему мнению, но различаются в одной и той же сущности.

Ты мучаешься нетерпением возражать мне, а я спешу продолжить слово. Почти день Духа, удержи ненадолго язык свой, если можешь; теперь слово об иных языках; устыдись, или убойся этих языков, являющихся в огненном виде. Ныне будем учить, а завтра рассуждать о словах; ныне будем праздновать, а завтра отложим приличие. Одно таинственно, другое свойственно зрелищам; одно прилично церквам, а другое – торжищам; одно прилично трезвым, а другое – упившимся; одно прилично рассуждающим о Духе с благоговением, а другое –

посмеивающимся над Духом. Отринув же чуждое, устроим свое.

Дух Святой действовал, во-первых, в ангельских и небесных силах, – в тех, которые первые после Бога и окрест Бога, ибо их совершенство и озарение, и неудободвижимость или неподвижность ко злу, не от иного кого, как от Святого Духа; а потом действовал в Отцах и в Пророках, из которых одни в образах видели или познавали Бога, другие же и предузнали будущее, поскольку Дух запечатлевал это в уме их, и будущее видели они перед собой, как настоящее, ибо такова сила Духа, после же этого действовал в учениках Христовых (не скажу во Христе, в Котором Он пребывал не как действующий, но как сопутствующий равночестному), и в них троекратно, по мере их удобоприемлемости, и в три различных времени – до прославления Христова страданием, после прославления воскресением, и после вознесения на небо, или после «совершения» ([Деян.3:21](#)), или как иначе должно назвать это; как показывает первое очищение от болезней и духов, производившееся, конечно, не без Духа, также после совершения домостроительства дуновение Христово, которое очевидно было Божественным вдохновением, и наконец нынешнее разделение огненных языков, которое и празднуем. Но первое было не ясно, второе явственнее, а нынешнее совершеннее, ибо не действует уже, как прежде, но существенно присутствует, и как сказал бы иной, сопребывает и сожительствоует Дух. Ибо, как Сын беседовал с нами телесно, так и Духу приличествовало явиться телесным образом; и когда Христос вошел во славу Свою, тогда Ему надлежало низойти к нам, надлежало прийти, потому что Он Господь, и быть посланным, потому что Он не противник Богу. Ибо такие слова более показывают единомыслие, чем разделение естества.

Для того приходит Дух после Христа, чтобы не остаться нам без Утешителя; и для того именуется «иным», чтобы дать тебе понятие о равночестии, ибо слово: иной поставлено вместо «другой я»; это же именование означает одно – владычество, а не унижение. Ибо слово: иной, насколько мне известно, употребляется не об инородных, но об единосущных Является же в виде языков, по сродству со Словом; и в виде огненных языков (почему думаешь?) или по причине очищения (ибо по Писанию известен и огонь очистительный, что желающие везде могут увидеть), или по существу своему, ибо «Бог наш есть огонь» и огонь, «попадающий» ([Евр.12:29](#)) нечестие. Но ты опять негодуешь недовольный словом: единосущен! Является в виде разделенных языков, по причине разных дарований; в виде языков «седших», в означение Царского достоинства и почивания во Святах, ибо и херувимы суть Божий престол.

Является в горнице (если только не почтут меня пытливым чрезмерно) в означение восхождения и возвышения от земли тех, которые примут Духа, ибо и «водами» Божиими «покрываются» какие-то «горние» (горницы), которыми песнословится Бог ([Пс.103:3](#)). И Сам Иисус посвящаемых в высшее служение приобщает таинству в горнице, показывая тем, что нужно и Богу снисходить к нам (как, насколько известно, и снисходил к Моисею), и нам восходить к Нему, и что таким образом, при сорастворении достоинства, должно происходить общение Бога с людьми. Доколе же пребывают они в собственном достоинстве, – Бог в достоинстве высоты, а человек – низости, дотоле благодать несоединима, человеколюбие несообщимо, и посреди великая и непроходимая пропасть, которая отделяет не богатого только от Лазаря и от вожделенных недр Авраамовых, но сотворенное и преходящее естество от несотворенного и постоянного.

Дух Святой проповедан был Пророками, например в следующих местах: «Дух Господа Бога на мне» ([Ис.61:1](#)); и почивают на нем «семь духов» ([Ис.11:1](#)); и «снизолет Дух Господень и вел их» ([Ис.63:14](#)). Дух «ведения исполнил» Веселеила, строителя Скинии ([Исх.31:3](#)). Дух бывает разгневан ([Ис.63:10](#)); Дух взял Илию на колесницу, и вдвойне испрошен Елисеем ([4Цар.2:9.15](#)); Дух «благий» и «владычественный наставляет и утверждает Давида» ([Пс.142:10](#); 50:14). Святой Дух обетован сперва Иоилем, который говорит: «и будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть», то есть верующую, «на сынов ваших и на дочерей», и так далее ([Иоил.2:28](#); [Деян.2:17](#)), а впоследствии – Иисусом, Который Сам прославляет Духа, и прославляется Духом, так же как прославляет Отца и прославляется Отцом. И какое щедрое обетование! Дух вечно сопребывает, и ныне с достойными во временной жизни, и после с удостоившимися тамошних благ, если всецело сохраним Его доброй жизнью, а не будем удалять от себя в такой же мере, в какой грешим.

Этот Дух созидает с Сыном в творении и воскресении, в чем да уверит тебя сказанное: «Словом Господа сотворены небеса, и Духом уст Его – все воинство их» ([Пс.32:6](#)); «Дух Божий создал меня, дыхание же Вседержителя дало мне жизнь» ([Иов.33:4](#)); и еще: «пошлешь Духа Твоего – созидаются, и ты обновляешь лице земли» ([Пс.103:30](#)). Он созидает в духовном возрождении; в чем да уверит тебя сказанное, что никто «не может увидеть» или получить «царствие, если кто не родится от Духа» ([Ин.3:3.5](#)), и от первого рождения, которое есть тайна ночи, не очистится дневным и светлым воссозданием ([Пс.138:16](#)), каким воссозидается каждый в отдельности.

Этот Дух, как премудрый и человеколюбивый, возьмет ли пастыря, – творит его псалмопевцем, отгоняющим злых духов, и указывает в нем царя Израилю. Возьмет ли пастуха, «собирающего сикиморы», – делает его Пророком ([Ам.7:14](#)). Припомни Давида и Амоса! Возьмет ли остроумного отрока, – еще несовершеннолетнего и делает его судьей старейшин. Свидетель Даниил, победивший львов во рву. Обретет ли рыбаков, – ловит в Христову сеть целый мир объемлющих сетью слова. Возьми в пример Петра и Андрея и сынов громовых, возгремевших о духовном. Обретет ли мытарей – приобретает в ученики и творит купцами душ. Свидетель Матфей, вчера мытарь, а ныне Евангелист. Обретет ли пламенных гонителей – изменяет стремление и Савлов делает Павлами, настолько же усердствующими в благочестии, насколько нашел их защищающими зло.

Он вместе и Дух кротости, и гневается на согрешающих. Итак, изведем Его кротость, а не гнев, исповедуя Его достоинство и избегая хулы, не пожелаем увидеть Его без помилования гневающимся. Он и меня ныне делает дерзновенным перед вами проповедником. И если не пострадаю – благодарение Богу! А если и пострадаю, также благодарение Богу! Первое желательно, да пощадит ненавидящих нас, второе, да освятит меня, в награду за священнодействие Евангелия приемлющего то, чтобы совершиться кровью.

Апостолы стали говорить на чужих языках, а не на родном, и, что особенно чудно, стали говорить не учившись. Это знамение для неверных, а не для верующих, и оно долженствовало послужить к обвинению неверных, как написано: «иными языками и иными устами буду говорить народу сему, но и тогда не послушают Меня, говорит Господь» ([1Кор.14:21](#); [Ис.28:11](#)). «Каждый слышал же» ([Деян.2:6](#)). Остановись здесь не надолго и подумай, как разделить речь. Ибо в выражении есть обоюдность, устраняемая знаком препинания. Так ли слышали каждый на своем наречии, что, так сказать, глас исходил один, а слышны были многие гласы, по причине такого сотрясения в воздухе, или, яснее скажу, из одного гласа происходили многие? Или, остановившись на слове слышал, слова говорящих своими гласами, отнести должно к последующему, чтобы получился смысл: произносящих гласы, которые были свои для слушающих, а это значит, гласы иноязычные. С последним я более согласен, потому что первое было бы чудом, которое относилось бы больше к слушающим, нежели к говорящим, а последнее относится прямо к говорящим, которых и укоряют, что они пьяны, из чего видно, что по действию Духа сами они чудодействовали в произнесении гласов.

Правда, достохвально было и древнее разделение языков, когда

строили столп злонамеренно и безбожно одноязычные (на что и ныне дерзают некоторые), ибо единомыслие, нарушенное различием языков, разрушило и предприятие. Но гораздо достохвальнее разделение, совершенное чудесно ныне, ибо, от единого Духа излившись на многих, опять возводится к единому согласию. И есть различие дарований, требующее нового дарования, чтобы уметь отличить превосходнейших из них, потому что все имеют нечто похвальное. Можно бы назвать прекрасным и то разделение, о котором говорит Давид: «Расстрой, Господи, и раздели языки их» ([Пс.54:10](#)). За что же? За то, что возлюбили «всякие губительные речи, язык коварный» ([Пс.51:6](#)). Почти явно обличает здесь Давид те языки, которые рассекают Божество. Но об этом довольно.

Поскольку же языки вещали живущим в Иерусалиме, благоговейным иудеям, парфянам, мидянам, еламитами, египтянам, критянам, жителям Ливии, Аравии, Месопотамии, и моим каппадокийцам и от «всего языка, который под небом», иудеям (если кому угодно так представить), собранным во Иерусалиме, то достоин внимания вопрос: какие это были иудеи, и которого пленения? Ибо пленение Египетское и Вавилонское было временное и давно окончилось возвращением плененных; пленения же Римского еще не было, а оно только было в наказание за дерзость против Спасителя. Остается пленение, бывшее при Антиохе и случившееся незадолго до этих времен. Если кто не соглашается на такое толкование, как на неестественное (потому что пленение это не древнее, и иудеи рассеяны в нем не по многим странам мира), но ищет толкования более вероятного, то, может быть, лучше принять следующее. Поскольку народ иудейский, как повествуется у Ездры, многократно и многими был переселяем, то иные племена возвратились в отечество, а другие остались в плену, и, вероятно, некоторые из этих последних, рассеянных по многим народам, пришли тогда в Иерусалим и были участниками чуда. Такое исследование предложил я для любознательных, и, может быть, оно не будет излишним. И что ни предложил бы кто приличное настоящему времени, все будет приобретением и для нас. Но время уже мне распустить собрание, ибо беседа моя довольно продолжительна. А торжества никогда не должно прекращать, всегда же надобно праздновать, ныне даже и телесно, а впоследствии и скоро совершенно духовно, когда чище и яснее узнаем и этому основания в самом Слове и Боге и Господе нашем Иисусе Христе – истинном празднике и радости спасаемых, с Которым да будет слава и чествование Отцу со Святым Духом, ныне и во веки веков. Аминь.

Слово 42

Прощальное, произнесенное во время прибытия в Константинополь ста пятидесяти епископов

Какими находите дела мои, вы, любезные Пастыри и Сопастыри? «Прекрасны ноги» у вас, «благовествующих мир и радость» ([Ис.52:7](#)), с какими пришли вы; особенно прекрасны для меня, к которому пришли вы благовременно с намерением не заблудшую овцу обратить, но посетить Пастыря странника. Каким представляется вам мое странствование? Какой находите плод от него, или, лучше сказать, какой плод Духа, Которым всегда я был движим, и теперь подвигнут, не желая иметь, а может быть, и не имея ничего собственного? Сами ли собой понимаете и сознаете дело и готовы быть снисходительными ко мне ценителями; или как другие подвергаются отчетности в военачалии, или в народоправлении, или в распоряжении имениями, так и я всенародно должен представить вам отчет в моем управлении? Я не стыжусь быть судимым; потому что и сам сужу отчасти, и с одинаковой любовью приемлю то и другое. Это древний закон, потому что и Павел сообщал о своем благовествовании Апостолам не для того, чтобы его похвалили (Дух далек от всякого честолюбия), но для того, чтобы или сделанное было утверждено или недовершенное (если только было что-нибудь подобное в том, что сказано или сделано Павлом) было исправлено, как сам он показывает, пища о себе ([Гал.2:2](#)). Ибо «и духи пророческие послушны пророкам» ([1Кор.14:32](#)), по благораспоряжению Духа, все прекрасно устраивающего и разделяющего. Если же Павел давал отчет наедине и немногим, а я – всенародно и всем – не дивитесь этому. Я больше Павла имею нужды воспользоваться свободой обличений, в чем только окажусь недовершившим должного, «да не тщетно теку» или «тек». И невозможно иначе оправдаться, как дав отчет знающим дело. Итак, что у меня за оправдание? Если оно ложно, обличите; если же справедливо, засвидетельствуйте вы, для которых и перед которыми мое слово. Ибо вы для меня и оправдание, и свидетели, и (осмелюсь отважиться на Апостольское слово) «венец похвалы» ([1Сол.2:19](#)).

Некогда паства эта была мала и несовершенна, даже, судя по видимому, это была не паства, а малые следы или останки паствы; без порядка, без надзора, без точных пределов; она не имела ни свободной пажити, ни огражденного двора, скиталась в «горах» и «пещерах, и ущельях земли» ([Евр.11:38](#)), рассеянная и разбросанная там и здесь;

всякий, кому как случилось, находил себе надзирателя и пастыря, промышлял о своем спасении. Она подобна была стаду, которое «львы разогнали» ([Иер.50:17](#)), погубила буря или рассеял мрак, что все оплакивают Пророки, уподобляя этому бедствия Израиля, преданного язычникам ([Иез.34:12](#)).

Плакали и мы, пока дела наши были достойны слез. Ибо действительно и мы были изгнаны, извержены, рассеяны по всем горам и холмам, как бывает с неимеющими Пастыря. Какое-то неблаговерие настало для церкви; на нее напали лютые звери, которые и сейчас даже, по возвращении ясных дней, не щадят нас и не стыдятся быть сильнее самого времени. Какая-то печальная мгла объяла и покрывала все, – гораздо тягостнее девятой Египетской казни ([Исх.10:21](#)), – имею в виду ту «осязаемую тьму», при которой не могли мы почти видеть друг друга. И скажу нечто достойное еще большего сожаления, уповая на предавшего нас, как на Отца: «Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас, только ты – Отец наш» ([Ис.63:16](#)), и к Тебе «взираем, кроме Тебя иного не знаем; имя Твое именуем» ([Ис.26:13](#)). Поэтому «отвечаю: однако же буду говорить с Тобою», говорит Иеремия ([Иер.12:1](#)). «Мы сделались такими, над которыми Ты как бы никогда не владычествовал» ([Ис.63:19](#)). Ты забыл святой завет Твой и заключил от нас милости Твои. Поэтому мы стали в поношение возлюбленному Твоему, – мы поклонники Троицы, совершенно преданные совершенному Божеству, не осмеливающиеся унижать Того, Что выше нас, и столько превозноситься, по примеру безбожных и богоборных людей, чтобы Господство именовать подобным нам рабством. Но без сомнения за другие грехи наши, за то, что вели себя недостойно заповедей Твоих и ходили вслед лукавого ума своего (ибо за что же иное?), преданы были мы мужам самым несправедливым и лукавым больше всех живущих на земле. Первый оскорбил нас Навуходносор²⁵⁶, который после пребывания Христова на земле восстал на Христа, за то возненавидев Христа, что был им спасен, и который священные книги заменил безбожными жертвами. «Пожирал меня, грыз меня, поглощал меня» ([Иер.51:34](#)) (и проливая слезы, не отступлю от Писания). «Если Господь не помог бы мне», не предал бы его праведно в руки беззаконных, удалив к персам (таковы судьбы Божии!), и за кровь, пролитую беззаконно, не была бы пролита кровь правосудно (здесь только суд Божий не дал места долготерпению); «вскоре вселилось бы душа моя в страну молчания» ([Пс.93:17](#)). Другой²⁵⁷ не человеколюбивее первого, если еще не жесточе его, нося имя Христово, был лжехристом и поношением для христиан,

которым и действовать было богопротивно, и страдать бесславно потому что, по-видимому, и несправедливости не терпели, и не украшались благолепным именем мученичества, но и в этом утаивалась истина, и страдая, как христиане, они были наказываемы, как нечестивые. О как мы были богаты бедствиями! «Огонь пожрал злчные пастбища» ([Иои.1:19](#)); «оставшееся от гусениц ела саранча, оставшееся от саранчи ели черви» ([Иои.1:4](#)), а потом не знаю уже, что было дальше, и как одно зло рождалось из другого. Да и кто бы вполне изобразил все бедствия того времени, и постигшее нас тогда наказание, или испытание и огненное очищение? Разве сказать, что «прошли сквозь огонь и воду» ([Пс.65:12](#)) и по благоволению спасающего Бога «вышли на свободу».

Но да обратится слово к сказанному в самом начале. Нива эта была некогда мала и скудна, не походила на ниву не только Бога, который благими семенами и учениями благочестия возделал и воздвывает целый мир, но даже на ниву недостаточного и малоимущего бедняка. Это вовсе не была нива, не стоила, может быть, ни житниц, ни гумна, ни серпа, на ней не было ни копны, ни снопов, а разве малые и незрелые полосы травы, какие вырастают на кровлях, которыми не наполнит «руки своей жнец», которые не призовут на себя благословения мимоходящих ([Пс.128:6–8](#)). Такова была наша нива, такова жатва! Хотя она велика, доброкласна и тучна перед видящим сокровенное, прилична таковому Земледелателю, и «долины» душ, хорошо воздвываемых словом, «умножают» ([Пс.64:14](#)) ее, неизвестную для многих, не соединенную в одно место, но собираемую понемногу, «как по собрании летних плодов, как по уборке винограда» ([Мих.7:1](#)). Думаю же присовокупить это, даже весьма кстати: как виноград в «пустыне, Я нашел Израиля» ([Ос.9:10](#)), как одну или две зрелые ягоды на незрелой кисти винограда, которые сохранены, правда, как благословение Господне, и освящены, как первые плоды ([Ис.65:8](#)), но малочисленны и редки, не могут наполнить уста евшего, и как «знамя на холме и как вежа на горе» ([Ис.30:17](#)), или что-нибудь другое, стоящее уединенно и немногими видимое. Такова была прежняя нищета и скорбь!

Но как скоро Бог, Который «делает нищим и обогащает, умерщвляет и оживляет» ([1Цар.2:6–7](#)), и единым хотением «творит все и претворяет» ([Ам.5:8](#)), творит из ночи день, из зимы весну, из бури тишину, из засухи обильный дождь, и все это часто после молитвы одного праведника весьма долго гонимого, – как скоро Бог «смиранных возвышает, а нечестивых унижает до земли» ([Пс.146:6](#)), изрек Сам в Себе это слово: «я видел страдание» Израиля ([Исх.3:7](#)), и его не будут изнурять «работой над глиной и кирпичами» ([Исх.1:14](#)), и изрекши посетил, и посетив спас, и

вывел народ Своей рукой крепкой и мышцей высокой, рукой Моисея и Аарона, избранных Его; тогда что последует за этим, какие чудеса творятся? Они сохранены в книгах и памяти людей. Ибо, кроме чудесных событий на пути, и великой о том молвы ([Нав.2:11](#)), чтобы сказать, как можно короче, Иосиф один пришел в Египет, и через некоторое время шестьсот тысяч человек выходят из Египта. Что этого чудеснее? Нужно ли большое доказательство высокой премудрости, когда Бог из самых непроходимостей благоволит дать свободный выход? Через одного, которого возненавидели, земля обетованная разделяется по жребию; проданный переселяет народы, а сам воздвигается в великий народ, и малая эта отрасль делается «виноградом ветвистым» ([Ос.10:1](#)), столь обширным, что доходит до рек, простирается до моря, расширяется далее и далее за пределы, покрывает горы величию славы, превышает кедры, и даже горы и «кедры Божии» (какие бы горы и кедры ни надлежало здесь понимать ([Пс.79:11–12](#))).

Такова была некогда паства эта, и такой сделалась ныне – столь благоустроенной и расширенной! И если она несовершенна, то через постепенные приращения восходит к совершенству; а я предрекаю, что и будет восходить. Это предвещает мне Дух Святой, ежели и я имею сколько-нибудь пророческого дара, могу видеть вперед, по предшествовавшему надеяться о будущем, и знать его по умозаключению, как воспитанник Слова. Ибо гораздо было необычайнее из прежнего состояния прийти в настоящее, нежели из настоящего достигнуть верха славы. Если, по гласу Животворящего мертвых, стали уже сближаться кость с костью, и сустав с составом, и сухим костям дан дух жизни и возрождения ([Иез.37:7](#)), то хорошо знаю, должно совершиться и полное воскресение. Да «не возносятся» в «мятежники» ([Пс.65:7](#)), да не думают, что обладают чем-нибудь, ловя тень или «сновидение по пробуждении» ([Пс.72:20](#)), или мимолетный ветер, или след корабля на воде. Да «рыдает кипарис, ибо упал кедр» ([Зах.11:2](#)). Пусть вразумятся бедствиями других и узнают, «как не забывает вопля угнетенных» ([Пс.9:13](#)), и, как говорит Аввакум, «во исступлении рассечь главы сильных» ([Авв.3:14](#)) не замедлит Божество рассекаемое и худо разделяемое не начальственное и подначальное, причем особенно оскорбляется и Божество, низводимое до твари, подавляется и тварь равночестием с Божеством.

Слышу, кажется, и это слово Того, Кто собирает сокрушенных и приемлет угнетенных: «Я топтал их во гневе Моем; кровь их брызгала на ризы Мои, и я запятнал все одеяние свое» ([Ис.63:2–3](#)). Я предал тебя, Я и помогу тебе: в «ярости малой» поразил тебя и «милостью вечной»

прославлю тебя ([Ис.54:8](#)). Мера человеколюбия превышает меру вразумления. То было за неправды, а это за поклонение Троице, – то для очищения, а это для славы Моей, ибо прославляю прославляющих и огорчаю огорчающих. «Это запечатлено у Меня» ([Втор.32:34](#)). Это ненарушимый закон возмездия. А ты захватил у Меня стены и доски, и украшенные камни, длинные ходы и обходы, блистал и озарял золотом, то расточал его, как воду, то собирал, как песок, не зная, что вера под открытым небом лучше великолепного нечестия, и что трое, собранные во имя Господне, перед Богом составляют большее число, нежели многие, отрицающиеся Божества. Ужели хананеев, сколько их ни есть, предпочтешь одному Аврааму, или Содомлян одному Лоту, или мадиамлян Моисею – этим пришельцам и странникам? Что ж? Кого предпочтешь? Триста ли человек, которые у Гедеона мужественно лакали воду, или тысячи обратившиеся в бегство ([Суд.7:7, 21](#))? Домочадцев ли Авраамовых, которых было немного более Гедеоновых воинов, или многих царей и тьмы воинства, которых однако же прогнали в обратили в бегство малочисленные? Как же ты понимаешь следующие слова: «хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется» ([Рим.9:27](#)); или следующие: «соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом» ([Рим.11:4](#))? Нет, нет, «не о многих из них благоволил Бог» ([1Кор.10:5](#)). Ты исчисляешь десятки тысяч, а Бог – спасаемых, ты неизмеримую пыль, а я – «сосуды избранные» ([Деян.9:15](#)). Ибо для Бога ничто так не достолепно, как слово очищенное, и душа, совершенная учениями истины. Ничего не можем принести и дать Богу такого, что было бы достойно Того, Кто сотворил все, от Которого все и для Которого все, – не потому что приносимое есть дело одной руки, или избыток одного человека, но хотя бы восхотел кто почтить Бога, собрав воедино все богатства и труды рук человеческих. «Не наполняю ли я небо и землю? говорит Господь» ([Иер.23:24](#)). И «где же построите дом для Меня», и где «место покоя Моего» ([Ис.66:1](#))? Поскольку же неизбежен недостаток в достоинстве дара, то требую от вас того, что есть второе, – благочестия, этого общего и равночестного предо Мной богатства, которым иногда и самый бедный, если только высок духом, может превзойти самого знатного. Ибо здесь щедрость зависит от произволения, а не от богатства. И это приму из рук ваших, но знайте также, что вы не будете попирать двор Мой, но будут попирать его «ноги кротких» ([Ис.26:6](#)), которые здраво и искренно познали Меня и единородное Слово Мое и Духа Святого! Доколе будете «владеть святою горою Моею» ([Ис.57:13](#))? Доколе будет ковчег у иноплеменников? Насладитесь теперь

еще недолго чужим достоянием, увеселитесь исполнением ваших хотений. Как вы «задумали свергнуть Меня» ([Пс.61:5](#)), так и «Я не понимаю» вас ([Иез.5:11](#)), говорит Господь Вседержитель.

Мне казалось, что слышу, как говорит это Господь, и вижу, как приводит в исполнение, а кроме этого представлялось, что взывает Он и к народу этому, который из малочисленного сделался уже многочисленным, из рассеянного довольно собранным, и из жалкого возбуждающим, может быть, и зависть: «проходите в ворота Мои» ([Ис.62:10](#)) и расширяйтесь; не всегда вам страдать, живя в кущах, а оскорбляющим вас чрезмерно веселиться! Взывает Он и к ангелам-покровителям (ибо я уверен, что особенный ангел покровительствует каждой Церкви, как учит меня Иоанн в Откровении): «Приготовляйте путь народу! Ровняйте дорогу, убирайте камни» ([Ис.62:10](#)), чтобы не было затруднения и препятствия народу Моему в божественном шествии и вхождении» – ныне в рукотворные храмы, а впоследствии в горний Иерусалим и в тамошнее Святая Святых, где, насколько знаю, будет конец здешнего злострадания и усилия для шествующих доблестно, в числе которых находитесь и вы – «призванные святые» ([Рим.1:7](#)), «народ особенный» ([Тит.2:14](#)), «царственное священство» ([1Пет.2:8](#)), достояние Господне державное ([Пс.15:6](#)), от капли целая река, от искры небесное светило, от горчичного зерна дерево, пристанище птиц.

Так шествующих приносим в дар вам, любезные Пастыри; их приводим, их предлагаем друзьям своим, странникам и таким же переселенцам, как и мы сами. У нас нет другого приношения прекраснее и блистательнее этого, хотя бы приискали самое лучшее из всего, что имеем, дабы вы знали, что мы, будучи странниками, не скудны, а напротив, «мы нищи, но многих обогащаем» ([2Кор.6:10](#)). Если же это маловажно и ничего не стоит, то желаю знать, что важнее и достойнее большего внимания?

Ибо если такой город – око Вселенной, могущественнейший на суше и на море, как бы взаимный узел Востока и Запада, куда отовсюду стекаются, и откуда, как с общего торжища, исходит все важнейшее в Вере, если этот город, и притом отовсюду возмущаемый таким множеством языков, утвердит и укрепит здоровым учением не важно, то окажется ли что другое великим и стоящим попечения? А если это заслуживает похвалы, дозвоьте и мне похвалиться этим несколько, потому что и мной привнесена некоторая часть к видимому вами. «Возведи окрест очи твои и виждь», кто бы ты ни был ценитель слов моих! Виждь соплетенный венец славы, вместо «пьяных ефремлян» и «венка гордости» ([Ис.28:1](#)). Виждь собор пресвитеров, украшенных сединой и мудростью, благочиние

дьяконов, недалеких от того же Духа, скромность чтецов, любовь к учению в народе. Посмотри на мужей и на жен: все равночестны добродетелью; и из мужей – посмотри на любомудрых и на простых, – все умудрены в божественном; – на начальников и на подчиненных, – здесь все прекрасно управляются; – на воинов и на благородных, на ученых и любителей учености, – все воинствуют для Бога, и кроткие в другом – бранноносны за Духа, все чтут горний сонм, в который вводит не тихошественная буква, но Дух животворящий, все в подлинном смысле учены, все служители истинного Слова. И из жен посмотри на живущих в супружестве, – они сопряжены более с Богом, нежели с плотью; посмотри на несвязанных супружеством и свободных, – они все посвятили Богу; – на юных и старых, – одни доблестно приближаются к старости, другие усиливаются пребыть бессмертными, обновляясь лучшими надеждами. Сплетающим этот-то венец (что «скажу, то скажу не в Господе» ([2Кор.11:17](#)), однако же скажу) содействовал и я несколько. Иной из них есть дело моих слов, не тех, которые я отринул, но тех, которые возлюбил, – не слов злободейных (как сказал в поношение наше некто из злободейных и словом и нравами), но слов весьма целомудренных. Иной из них есть порождение и плод моего духа, как может порождать дух отрешившихся от тела. И я уверен, что об этом засвидетельствуют признательные из вас, или что даже все вы засвидетельствуете. Ибо я трудился над тем, чтобы все приносили плод, и моя награда – одно исповедание, иного не ищу и не искал, потому что добродетель должна быть бескорыстна, если хочет быть такой добродетелью, у которой в виду одно добро.

Хотите ли, чтобы я присовокупил нечто более отважное? Смотрите, языки противников стали кротки, и вооружавшиеся против Божества безмолвствуют передо мной. И это плоды Духа, и это плоды моего труда. Ибо учу, не как неученый, не поражаю противников укоризнами, как делают многие, сражающиеся не с учением, но с учащими, и укоризнами покрывающие иногда слабость своих умозаключений, подобно каракатице, которая, как сказывают, извергает перед собой черную влагу, чтобы избежать ловца или самой поймать, скрывшись. Но воинствование свое за Христа доказываем тем, что сражаемся, подражая Христу, Который мирен, кроток и понес на Себе наши немощи; не заключаем мира во вред учению истины, уступая что-нибудь ради славы именоваться снисходительными (мы не ловим добра худыми средствами), и блюдем мир, сражаясь законно, не выступая из своих пределов и правил Духа. Так это понимаю и вменяю это в закон всем строящим души и раздающим слово: ни строгостью не ожесточать, ни потворством не возносить, но соблюдать благоразумие в

слове, и ни в том ни в другом не преступать меры.

Но может быть, по желанию вашему, должен я представить и учение самой Веры, какая нами содержится. Ибо и я освящусь постоянным напоминанием, и народ этот получит пользу, увеселяясь подобными речами больше, нежели чем другим, и вы узнаете, что не напрасно завидуют нам, которые в раскрытии истины с одними соревнуются, с другими идут наравне. Ибо как подземные воды, одни совершенно скрыты в глубине, другие от стеснения кипят и, как ощутительно для слуха, готовы, кажется, прорваться вверх, однако же еще медлят, а иные действительно прорываются, так и между любомудрствующими о Боге (не говорю о людях вовсе несознательных) одни содержат благочестие совершенно в тайне и скрывают его в самих себе, другие близки только к тому, чтобы разрешиться словом, и это люди, которые хотя избегают нечестия, однако же не осмеливаются говорить и благочестиво, руководствуясь ли какой-то осторожностью касательно слова, или прибегая к этому из робости, и хотя сами здоровы умом, как говорят о себе, но не хотят сделать здоровым народ, как будто возложена на них обязанность иметь попечение о себе только, а не о других; иные же всем открывают сокровище, не таят того, что болезнуют о благочестии – не почитают спасением, если спасаются они одни, а не изливается обильное благо это и на других. С последними желал бы стать и я, желали бы и те, которые со мной, чтобы, дерзая благим дерзновением, исповедать благочестие.

Начертание же нашего учения одно, и оно кратко; это как бы надпись на столпе, понятная всякому, эти люди – искренние поклонники Троицы. Иной из них скорее разлучится с жизнью, нежели Единое из Трех отлучит от Божества; все они единомудренны; все держатся единого исповедания, одним учением соединены друг с другом, со мной и с Троицею. Подробности же учения изложу сокращенно: Безначальное, Начало и Сущее с Началом – един Бог. Но безначальность или нерожденность не есть естество Безначального. Ибо всякое естество определяется не через то, чем оно не является, но через то, чем оно является; ибо оно есть положение, а не отрицание существующего. И Начало тем, что оно начало, не отделяется от Безначального, ибо для Него быть началом не составляет естества, как и для первого быть безначальным, потому что это относится только к естеству, а не есть само естество. И Сущее с Безначальным и с Началом есть не что иное, как то же, что и Они. Имя Безначальному Отец, Началу – Сын, Сущему вместе с Началом – Дух Святой; а естество в Трех единое – Бог, Единение же – Отец, из Которого Другие, и к Которому Они

возводятся, не сливаясь, а сопребывая с Ним, и не разделяемые между Собой ни временем, ни хотением, ни могуществом. Ибо это нас делает чем-то многим, потому что каждый из нас не согласен и сам с собой, и с другими. Но Тем, у Которых естество просто и бытие тождественно, приличествует и единство.

Упорно же склонять учение в ту и другую сторону и уравнивать различные мнения мы не беремся, не хотим как Савеллиевым учением об Едином вооружаться против Трех и худым соединением уничтожать деление, так Ариевым учением о Трех ополчаться против Единого, и лукавым делением извращать единство. Ибо требуется не худое заменить худым, но не погрешить в добром, а первое есть забава лукавого, который неверно взвешивает наши учения. Сами же мы, идя средним и царским путем (в чем и совершенство, как рассуждают об этом знающие дело), веруем в Отца и Сына и Святого Духа, Которые единосущны и единославны. В этих именах и подлежащих и крещение (как известно это тебе, сподобившийся таинства) приемлет свое совершение, будучи отречением от безбожия и исповеданием Божества. А таким образом не противоречим мы, познавая Единого по сущности и по нераздельности поклонения, Трех по Ипостасям, или по Лицам, ибо некоторые предпочитают последнее выражение. И да не стыдят себя те, которые спорят об этих выражениях, как будто наше благочестие заключается в именах, а не в деле! Ибо что хотите сказать вы, которые вводят Три Ипостаси? Верно, говорите это не в предположение трех Существ? Знаю, что громко возопите против предполагающих это, ибо учите, что одна и та же сущность в Трех. И вы, употребляющие выражение: Лица, не составляете чего-то единого, но вместе и сложного, совершенно трехличного или человекообразного? Нимало; возопите и вы: да не узрит лица Божия (что ни было бы оно такое), кто так думает. Что же (продолжу спрашивать) означают у вас Ипостаси, или Лица? Трех разделяемых, не по естествам, но по личным свойствам. Превосходно! Можно ли думать более здраво и говорить согласнее утверждающих это, хотя и разнятся они в нескольких слогах? Смотрите, какой я у вас примиритель, возводящий от буквы к мысли, как будто примиряющий Ветхий и Новый Завет!

Но я должен возвратиться к прежнему слову. Кому угодно вновь творить имена, пусть говорит и представляет в уме Нерожденное, Рожденное и Исходящее: не побоимся, чтобы бестелесное могло быть понято телесно, как представляется это клеветующим на Божество. Говори и о твари, что она Божия (ибо и это для нас важно); но никак не называй твари Богом; тогда разве допущу что тварь Бог, когда сам, в собственном

смысле, буду Богом. Дело в том: если Бог, то не тварь; потому что тварь в одном ряду с нами, а мы не Боги. Если же тварь, то – не Бог, ибо началась во времени; а если началась, то было, когда ее не было; а чему предшествовало небытие, то не в собственном смысле сущее; а что не в собственном смысле сущее, то может ли быть Богом? Итак, ни Единое из Трех²⁵⁸ не есть тварь, и не произведено (что хуже и первого) ради меня, чтобы стать не только тварью, но даже тварью малочестнейшей, чем мы. Ибо, если я сотворен к славе Божией, а Оно ради меня, как клещи ради колесницы, или пила ради двери, то я выше по цели. Чем выше тварей Бог, тем малочестнее меня, сотворенного для Бога, сотворенное ради меня.

Кроме того, да не будет и входа в Церковь Божию моавитянам и аммонитянам, то есть диалектике, спорам и тем пытливым вопросам о неизреченном рождении и исхождении Бога, с которыми дерзко восстают против Божества, как будто необходимо, чтобы или им одним было постижимо превышающее разум, или не могло то и быть, чего они не поняли. А мы, следуя Божественным писаниям и устраняя препятствия, встречающиеся слепотствующим, будем держаться спасения, отважившись прежде на все, нежели дерзнем на что-нибудь против Бога. Собирать же сами свидетельства предоставим другим, так как многие неоднократно уже предавали их писанию, да и мы сами не мимоходом касались их. Притом, по мне, крайне стыдно – собирать теперь доказательства того, в чем издавна мы были уверены. Ибо не хорош порядок – сперва учить, а потом учиться, хотя бы шло дело не о Божественном и столь высоком предмете, но о чем-нибудь маловажном и ничего не стоящем. А разрушать и разьяснять затруднения, встречающиеся в Писании, не дело настоящего времени; это требует совершеннейшего и большего занятия, нежели какое сообразно с настоящим намерением слова. Таково наше учение касательно существенного, и я изложил его не для того, чтобы вступить в состязание с противомыслящими (ибо многократно уже, хотя и умеренно, состязался с ними), но чтобы вам показать свойство моих учений, точно ли я сподвижник ваших догматов, и стою с вами против одних врагов и за одни и те же истины.

Таково, достопочтенные, оправдание моего здесь пребывания. Если оно заслуживает похвалы, благодарение Богу и вам, призвавшим меня! Если и не соответствует надеждам, и в этом случае благодарение! Ибо хорошо знаю, что оно не вовсе укоризненно, и верю вам, подтверждающим это. Покорыстовался ли я чем-нибудь от этого народа? Приумножил ли сколько-нибудь свою собственность, чему вижу примеры многих? Огорчил ли чем-нибудь Церковь? Может быть, оскорбил я иных, которые думали,

что понапрасну говорю, и которым противопоставил я свое слово. Но вас, насколько сознаю сам себя, ничем я не оскорблял. Ни вола не взял у вас, говорит великий Самуил, состязаясь с Израилем о царе, ни «мзды» за души ваши, «свидетель на вас Господь» ([1Цар.12:5](#)), не взял я ни того ни другого, продолжал он, и я не буду перечислять этого подробно. Напротив, соблюл я священство чистым и нескверным. Если же возлюбил я владычество или высоту престолов, или если возлюбил попирать дворы царей, то пусть не буду иметь никакой другой славы, а если и приобрету, то да лишусь ее.

Что же значат слова мои? Я не безвозмездно тружусь на ниве добродетели и не достиг еще такого совершенства. Вознаградите меня за труды. Чем же? Не тем, о чем подумали бы некоторые, способные подозревать всякого, но тем, чего мне безопасно желать. Успокойте меня от долговременных трудов, уважьте эту седину, почтите мое странничество и введите на мое место другого, за вас гонимого, у кого руки чисты, у кого слово не неразумно, кто мог бы во всем вас удовлетворить и нести с вами церковные попечения, ибо настоящее время особенно требует таких Пастырей. А у меня, видите, в каком состоянии тело, истощенное временем, болезнью, трудами. На что вам нужен старик робкий, ослабевший, умирающий, так сказать, ежедневно, не телом только, но и заботами, – старик, который и это с трудом выговаривает вам? Поверьте голосу учителя, так как никогда не отказывали ему в вере. Я устал, слушая обвинения моей кротости; устал, препираясь и со словом, и с завистью, с врагами и со своими: одни поражают в грудь, и меньше успевают, потому что нетрудно остеречься явного врага; другие имеют в виду спину и больше причиняют огорчений, потому что внезапное нападение губительнее. Если бы я был кормчим и даже самым знающим, но окружало нас обширное море, бурно волнующееся вокруг корабля, и в то же время плывущие начали сильный мятеж, все спорили бы о том и о другом, и заглушали друг друга и волны, то я, сидящий у кормила, долго ли бы мог бороться и с морем, и с пловцами, и безбедно спасти корабль от удвоенной бури? Где трудно спасение, когда все и всеми мерами трудятся над одним; там как не потонуть, когда все противоборствуют друг другу? Нужно ли говорить о чем другом? Но как мне вынести эту священную брань? Ибо пусть иная брань называется и священной, как есть брань варварская. Как совокуплю и приведу к единству этих, один против другого восседающих и пастырствующих, а с ними и народ, расторгнутый и приведенный в противоборство, подобно как во время землетрясений заседают места соседствующие и близкие, или во время заразных

болезней страдают слуги и домашние, потому что болезнь передается от одного другому? И не только народ этот, но целые части Вселенной увлекаются тем же мятежным духом, так что Восток и Запад разделились на две противные стороны, и есть опасность, что они, составляя разные уделы, настолько же будут противостоять и во мнениях.

Долго ли будут в употреблении слова: мой, твой, старый, новый, учение или духовнее, благороднее или ниже родом, богаче или беднее людьми? Стыжусь старости, когда мне, спасенному Христом, дадут имя от чего-нибудь другого. Несносны мне ристалища, зрелища и те издержки, и заботы, которым предаются с равным неистовством. И мы то впрягаем, то перепрягаем коней, предаемся восторгам, едва не бьем воздуха, как они, бросаем пыль к небу, как исступленные, споря за других, Удовлетворяем собственную страсть спорить, бываем худыми оценщиками соревнования, несправедливыми судьями дел. Ныне у нас один престол и одна Вера, если так внушают нам наши вожди, завтра подует противный ветер, и престолы, и Вера будут у нас разные. Вместе с враждой и приязнью меняются имена, а, что всего хуже, не стыдимся говорить противное при тех же слушателях и сами не стоим на одном, потому что любовь к спорам делает нас то такими, то иными, и в нас бывают такие же перемены, отливы и приливы, как в Еврипе. Когда дети играют и служат игрушкой для других на площади, стыдно и несвойственно было бы нам, оставив собственные дела, вмешаться в их игры, потому что детские забавы не приличны старости. Так, когда другие увлекают и увлекаются, я, который знаю иное лучше многих, не соглашусь стать лучше одним из них, нежели быть тем, что я теперь, то есть свободным, хотя и незнатным. Ибо кроме прочего есть во мне и то, что не во многом соглашаюсь со многими, и не люблю идти одним с ними путем. Может быть, это дерзко и невежественно, однако же я подвержен этому. На меня неприятно действует приятное для других, и увеселяюсь тем, что для иных огорчительно. Поэтому не удивился бы, если бы меня, как человека беспокойного, связали и многие признали сумасбродным, что, как сказывают, и случилось с одним из эллинских философов, которому целомудрие вменено было в безумие, потому что над всем смеялся, находя достойным смеха казавшееся для многих стоящим усиленных трудов, не удивился бы, если бы сочли меня «исполненным вина», как впоследствии учеников Христовых за то, что стали говорить языками, сочли, не зная, что это сила Духа, а не исступление ума.

Рассмотрите же мои вины. Говорят: «Столько времени управляешь ты Церковью, обстоятельства тебе благоприятствуют, и Самодержец ревностен (что весьма важно); в чем же для нас видна перемена? Сколько

перед нами наших оскорбителей? Каких бедствий не претерпели мы? Не видели ли мы обид, угроз, изгнаний, разграблений и описания имений, сожжения пресвитеров на море? Не видели ли храмов, обогранных кровью Святых, и из храмов сделавшихся кладбищами? Не видели ли всенародного заклятия пресвитеров, епископов, точнее же сказать, патриархов? Не всякое ли место было непроходимо одним благочестивым? Не столько ли мы терпели, что невозможно и пересказать всех бедствий? А чем же мы воздали причинившим нам их? Между тем, что и хорошо, возможность действовать возвращена нам, и надобно было вразумить оскорбителей». Оставляю прочее, предложу же свое, чтоб не все говорить о твоём.

Разве и мы не были гонимы? Не терпели оскорблений? Разве не изгоняли нас из церквей, из домов и (что всего ужаснее) из самих пустынь? Разве не перенесли мы того, что и народ неистовствовал, и правители областей делали обиды, и цари, а равно и их указы, были презираемы? Что же потом? Мы стали сильны, а гонители разбежались. И это, по моему мнению, достаточное наказание обидчикам, то есть сама власть, какую имеем отомстить. Но эти люди думают иначе; они чрезмерно точны и правдивы, когда идет дело об отмщении, потому требуют не пропускать случая. Они говорят: «Какой начальник области наказан? Какой народ и кто из подучавших вразумлен? Воспользовались ли мы чем-нибудь для себя самих, чтобы внушить страх и на будущее время?»

Может быть, и за это будут порицать меня (ибо уже и порицали), что нет у меня ни богатого стола, ни соответственной сану одежды, ни торжественных выходов, ни величавости в обхождении. Не знал я, что мне должно входить в состязания с консулами, правителями областей, знатнейшими из военачальников, которые не знают, куда расточить свое богатство, – что и мне, роскошествуя из достояния бедных, надобно обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества, изрыгать на алтари. Не знал, что и мне надобно ездить на отличных конях, блистательно выситься на колеснице, – что и мне должны быть встречи, приемы с подобострастием, что все должны давать мне дорогу и расступаться предо мной, как перед диким зверем, как скоро даже издали увидят идущего.

Если это было для вас тяжело, то оно прошло. Простите мне эту обиду. Поставьте над собой другого, который будет угоден народу, а мне отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога. Ему одному угожу даже простотой жизни. Тяжело, если буду лишен бесед, собраний, торжеств и этих окрыляющих рукоплесканий, лишен ближних и друзей, почестей,

красоты города, величия, блеска, повсюду поражающего тех, которые смотрят на это и не проникают внутрь. Но не так тяжело, как возмущаться и очерняться мятежами и волнениями, какие в обществе, и приноравливаться к обычаям народа. Они ищут не иереев, но риторов; не строителей душ, но хранителей имущества; не жрецов чистых, но сильных представителей. Скажу нечто и в их оправдание: я обучил их этому, я, который «для всех был всем», не знаю только, «спасу» ли всех, или погублю ([1Кор.9:22](#)).

Что скажете? Убедил ли и победил ли я вас этими словами? Или для убеждения вашего нужны выражения более твердые? Так, ради самой Троицы, Которую я чту и вы чтите, ради общей нашей надежды, и ради совокупления в единый состав людей этих, окажите мне эту милость – отпустите меня с молитвами. Пусть это будет возвещать о моих подвигах! Дайте мне увольнительное писание, как цари дают воинам, и, если угодно, с добрым свидетельством, чтобы иметь мне награду; а если нет, как хотите; я не воспрекословлю, пока не узрит Бог, каковы дела наши. «Кого же поставим вместо тебя?» – Узрит Господь Себе пастыря для начальствования, как «узрел овцу во всесожжение» ([Быт.28:8](#)). Только этого одного требую, чтобы он был из числа возбуждающих зависть, а не сожаление, – из числа не всякому во всем уступающих, но умеющих в ином случае и воспротивиться для большего блага, ибо первое всего приятнее здесь, а второе всего полезнее там. И вы составьте слово на мое отшествование, а я воздам вам за него этим прощальным словом.

Прости, Анастасия, получившая от благочестия наименование, ибо ты воскресила нам учение, дотоле презиравшее! Прости место общей победы, Силом, в котором сначала водрузили мы скинию, сорок лет носимую и блуждавшую по пустыне! Прости, великий и славный храм, новое наследие, храм, который прежде был Иевусом, а через меня сделан Иерусалимом! Простите и прочие храмы, близкие по красоте к Анастасии, храмы, подобно узам, связующие собой разные части города, и присвоенные той части, которая с каждым соседственна, храмы, которые наполнил не я, имеющий столько немощи, но наполнила благодать, со мной отчаянным! Простите, Апостолы, прекрасное селение, мои учителя в подвижничестве, хотя я и редко торжествовал в честь вашу, нося в теле, к собственной пользе, может быть, того же сатану, который был дан вашему Павлу ([2Кор.12:7](#)), ради которого и ныне от вас переселяюсь! Прости кафедра – эта завидная и опасная высота; прости собор архиереев и иереев, почтенных сановитостью и летами; простите все, служащие Богу при священной трапезе и приближающиеся к тому, кто «приближается к

Богу» ([Лев.10:3](#))! Простите ликостояния назореев, стройные псалмопения, всенощные стояния, честность дев, благопристойность жен, толпы вдов и сирот, очи нищих, устремленные к Богу и к нам! Простите страннлюбивые и христорлюбивые дома, помощники моей немощи! Простите любители моих слов, простите и эти народные течения и стечения, и эти трости, пишущие явно и скрытно, и эта решетка, едва выдерживающая теснящихся к слушанию! Простите цари и царские дворцы, и царские служители, домочадцы²⁵⁹, может быть и верные царю (не знаю этого), но по большей части неверные Богу! Плещите руками, восклицайте пронзительным голосом, поднимите вверх своего витию! Умолк язык для вас неприязненный и вещей. Хотя он не вовсе умолкнет и будет еще препираться рукой и чернилами; но в настоящее время мы умолкли. Прости град великий и христорлюбивый! Ибо засвидетельствую истину, хотя и не по разуму эта ревность ([Рим.10:2](#)), разлука сделала нас более снисходительными. Приступите к истине, перемените жизнь свою, хотя поздно, чтите Бога более, нежели насколько привыкли! Перемена жизни нимало не постыдна; напротив, хранение зла губительно. Простите Восток и Запад! За вас и от вас терпим мы нападение: свидетель этому Тот, Кто примирит нас, если не многие будут подражать моему удалению. Ибо не утратят Бога удалившиеся от престолов, но будут иметь горную кафедру, которая гораздо выше и безопаснее этих кафедр. А сверх всего и больше всего воскликну: простите ангелы, назиратели этой Церкви и также моего здесь пребывания и отшествия отсюда, если только и мои дела в руке Божией! Прости мне Троица – мое помышление и украшение! Да сохранишься у этого народа моего и да сохранишь его (ибо он мой, хотя и складывается жизнь моя иначе); да возмещается мне, что Ты всегда возвышаема и прославляема у него и словом и жизнью! Чада! «Храните предания» ([1Тим.6:20](#)), помните, как побивали меня камнями. «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь» ([Рим.16:24](#))!

Слово 43

Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской

Оставалось еще, чтобы Великий Василий, который всегда предлагал мне многие предметы для слов (потому что настолько увеселялся моими словами, насколько никто другой не увеселяется собственными), – оставалось еще, чтобы ныне самого себя предложил он в предмет для подвига в слове, предмет весьма высокий и для тех, которые много упражнялись в сложении слов. Ибо думаю, если бы кто, испытывая силы свои в слове, захотел потом определить их меру и на этот случай предложил себе из всех предметов один (как живописцы берут для себя образцовые картины), то он исключил бы один настоящий предмет, как недоступный для слова, и избрал первый из прочих. Так трудно говорить в похвалу этого мужа, трудно не для меня одного, который давно отказался от всякого соискательства чести, но и для тех, которые целую жизнь посвятили слову, над ним единственно трудились и искали себе славы только в подобных этому предметах! Не иначе понимаю я дело, и понимаю, насколько сам в себе уверен, весьма правильно. Впрочем, не знаю, предложил ли бы я слова в другом каком случае, если бы не предложил ныне, или угодил ли бы настолько и себе, и ценителям добродетели, и самому слову, если бы избрал для слова что-либо другое, а не похвалу этого мужа. Ибо с моей стороны будет это достаточным воздаянием долга, потому что совершенным, как в другом чем, так и в слове, если чем другим должны мы, то словом. А любителям добродетели слово о добродетели будет вместе и наслаждением, и поощрением. Ибо чему слышу похвалы, в том вижу и явные приращения. А потому не бывает общих успехов ни в чем таком, чему нет общих похвал. Наконец, само слово в обоих случаях не остается без успеха. Если оно близко подойдет к достоинству похваляемого, то этим докажет собственную свою силу. Если же во многом останется позади (чему и необходимо случиться, когда приемлет хвалить Василия), то самым делом обнаружит, что оно побеждено и что похваляемый выше всякой возможности слова. Таковы причины, которые вынудили у меня слово и по которым выступаю на этот подвиг.

Но никто не должен дивиться, что принимаюсь за дело поздно и после того, как многие восхваляли Василия и прославляли его наедине и всенародно. Да простит мне божественная душа, всегда, как ныне так и

прежде, мной досточтимая! И без сомнения, кто, находясь еще с нами, многое исправлял во мне по праву дружбы и по наилучшему закону (не постыжусь сказать, что он и для всех был законом добродетели), тот снисходителен будет ко мне и теперь, когда стал выше нас. Да простят мне и те из вас, которые с большой пламенностью хвалят Василия, если только действительно один из вас пламеннее другого, а не все вы стоите на одной степени в этом одном – в усердии хвалить его! Ибо не по нерадению не был мной до сих пор выполнен долг (никогда не желал бы я так пренебрегать требованиями или добродетелью, или дружбой), а также и не потому, чтобы почитал я не себя, а других обязанными хвалить Василия. Но медлил я словом, во-первых (скажу правду), чтобы прежде, как требуется от приступающих к священнодействию, очищены были у меня и уста, и мысль; а кроме того, не безызвестно вам (впрочем, напомним об этом), насколько в это время занят был я попечениями об истинном учении, подвергавшемся опасности, и как потерпел я доброе принуждение и был переселен, может быть по Богу, притом не против воли и этого мужественного подвижника истины, который не иным чем и дышал, как благочестивым и спасительным для целого мира учением. О немощах же телесных не должно, может быть, сметь и говорить человеку мужественному, который до переселения отсюда поставил себя выше телесного, и уверен, что душевные блага ни малого не терпят вреда от этих уз. Таково мое оправдание, и этим да будет оно закончено, ибо думаю, что нет нужды продолжать его, имея дело с Василием и с людьми, которые хорошо знают мои обстоятельства.

Теперь должен я приступить к самой похвале, посвятив слово самому Василиеву Богу, чтобы и Василия не оскорбить похвалами, и самому мне не стать гораздо ниже других, хотя все мы равно отстоим от Василия, и то же перед ним, что перед небом и солнечным лучом взирающие на них.

Если бы видел я, что Василий величался родом и происшедшими от его рода, или чем-либо совершенно маловажным, но высоко ценимым у людей, привязанных к земному, то при перечислении всего, что мог бы сказать я к чести из времен преждебывших, явился бы у меня новый список героев, и я ни в чем не уступил бы преимуществам историям, но сам имел бы то преимущество, что стал бы хвалиться не вымыслами и мифами, а действительными событиями, свидетели которых многочисленны. Ибо о предках его с отцовской стороны представляет нам Понт множество таких сказаний, которые ничем не маловажнее древних понтийских чудес, какими наполнены писания историков и стихотворцев. А почтенные каппадокияне – эта и мне родная сторона, не меньше

отличающаяся благородными юношами, как и хорошими породами коней, представит много такого, по чему и материнский его род можем сравнить с отцовским. Да и в котором из двух родов или чаще, или выше примеры военачальства, народоправления, могущества при царских дворах, также богатства, высоты престолов, гражданских почестей, блистательного красноречия? Если бы захотели мы говорить о них, что можно, то оказались бы ничего незначащими для нас поколения Пелопса, Кекропса, Алкмеона, Аякса, Геракла, и другие знаменитейшие в их древности. Иным нечего сказать гласно о собственных делах, потому прибегают к безгласному, к каким-то демонам и богам, и в похвалу предков приводят басни, в которых наиболее достойное уважения невероятно, а вероятное оскорбительно. Но поскольку у нас слово о муже, который рассуждает, что о благородстве надобно судить по личным достоинствам, и что мы должны изображать себя чертами не от других заимствованными, когда и красоту лица, и доброту краски, и высокую или низкую породу коня оцениваем по свойствам вещи самой по себе взятой, то, упомянув об одном или о двух обстоятельствах, касающихся его предков и наиболее близких к его роду жизни, о которых и сам он с удовольствием бы стал слушать, обращусь к нему самому.

Каждое поколение и каждый член в поколении имеет какое-либо свое отличительное свойство, и о нем есть более или менее важное сказание, которое, получив начало во времена отдаленные или близкие, как отеческое наследие переходит к потомкам. Так и у Василия отличием рода отца и матери было благочестие; что покажет теперь слово.

Настало гонение, и из гонений самое ужасное и тягостное; говорю об известном вам гонении Максимиана, который, являсь после многих незадолго до него бывших гонителей, сделал, что все они кажутся перед ним человеколюбивыми, – такова была его дерзость, и с таким упорством старался он одержать верх в нечестии! С ним препирались многие из наших подвижников, и одни подвизались до смерти, а другие едва не до смерти, для того только оставленные в живых, чтоб пережить победу и не окончить жизни вместе с борьбой, но других побуждать к добродетели, быть живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвной проповедью. В числе многих известных были и предки Василия по отцу; и как они прошли весь путь благочестия, то время это доставило прекрасный венец их подвигу. Хотя сердце их было готово с радостью претерпеть все, за что венчает Христос подражавших собственному Его ради нас подвигу, однако же они знали, что и сам подвиг должен быть законным. А закон мученичества таков, чтобы, как щадя гонителей и

немощих, не выходить на подвиг самовольно, так выйдя не отступать, потому что первое есть дерзость, а последнее – малодушие. Поэтому, чтобы и в этом почтить Законодателя, что предпримут они? Или лучше сказать, куда ведет их Промысл, управляющий всеми их делами? Они убегают в один лес на понтийских горах, а таких лесов у них много, и они глубоки и простираются на большое пространство; убегают, имея при себе весьма немногих спутников в бегстве и служителей. Другие станут удивляться, частью продолжительности бегства, которое, как говорят, было весьма долговременно, длилось до семи лет или даже несколько больше, частью роду жизни для людей, живших в довольстве, скорбному и, как вероятно, непривычному, бедствованию их на открытом воздухе от стужи, жары и дождей, пребыванию в пустыне, вдали от друзей, без сообщения и связи с людьми, что увеличивало злострадания видевших себя прежде окруженными многолюдством и принимавших от всех почитание. Но я намерен сказать нечто такое, что и этого важнее и удивительнее, и чему не поверит разве тот один, кто не почитает важными гонений и бедствий за Христа, потому что плохо их знает и понимает весьма превратно.

Мужественные подвижники эти, утомленные временем и своими нуждами, пожелали иметь что-нибудь и к услаждению. Впрочем, не говорили, как израильтяне, и не роптали, подобно бедствовавшим в пустыне, после того как бежали из Египта, и говорившим, что лучше пустыни для них Египет, который доставлял несчетное множество котлов и мяса, а также и всего прочего, чего нет в пустыне ([Исх.16:3](#)), потому что кирпичи и глина, по неразумению, были тогда для них ни во что. Напротив, насколько они были благочестивее и какую показали веру! Ибо говорили: «Что невероятного, если Бог чудес, Который богато кормил в пустыне народ странствующий и спасающийся бегством, поливал дождем хлеб, посылал птиц, подавал пищу, не только необходимую, но и роскошную, разделил море, остановил солнце, пресек течение реки (а к этому присовокупляли они и другие дела Божии, потому что при подобных обстоятельствах душа охотно припоминает древние сказания и песнословит Бога за многие чудеса Его), что невероятного, продолжали они, если этот Бог и нас, подвижников благочестия, пропитает ныне сладкими снедями? Ибо много зверей, которые, избежав трапезы богатых, какая и у вас бывала некогда, скрываются в этих горах, много птиц, годных в снедь, летает над нами, которые алчут их. И ужели они неуловимы, если Ты только восхочешь?» – Так они зывали к Богу, и явилась добыча, добровольно отдающаяся в руки снедь, самоуготованное пиршество. Откуда вдруг взялись на холмах олени? И какие рослые, какие тучные, как

охотно спешащие на заклятие! Можно было почти догадываться, что они негодуют, почему не прежде были вызваны. Одни манили к себе ловцов, другие следовали за ловцами. Но их кто-нибудь гнал или понуждал? – Никто. Не бежали ли они от коней, от псов, от лая и крика, оттого, что все выходы, по правилам ловли, заняты были молодыми людьми? Нет, они связаны были молитвой и праведным прошением. Известна ли кому подобная ловля в нынешние или прежние времена? И какое чудо! Ловцы сами были распорядителями лова, нужно было только захотеть им, и что нравилось, то взято, а лишнее отослано в дебри до другой трапезы. И вот внезапные приготовители снеди, вот благолепная вечеря, вот благодарные сопиршестввенники, имеющие уже начало исполнения надежд – в настоящем чуде! От этого стали они ревностнее и к тому подвигу, за который получили такую награду.

Таково мое повествование! Теперь ты, гонитель мой, удивляющийся басням, рассказывай мне о богинях – охотницах, об Орионах и Актеонах – несчастных овцах, об олене, заменившем собой деву²⁶⁰, рассказывай, если честолюбие твое удовлетворится и этим, что повествование твое примем не за басню. А продолжение сказания весьма гнусно, ибо какая польза от такой замены, если богиня спасает деву, чтобы она научилась убивать странников, в воздаяние за человеколюбие привыкнув к бесчеловечности?

Рассказанное мной происшествие есть одно из многих, и оно, как рассуждаю, одно стоит многих. А я описал его не с тем, чтобы прибавить нечто к славе Василия. Море не имеет нужды, чтобы вливались в него реки, хотя и вливается в него множество самых больших рек, так и восхваляемый ныне не имеет нужды, чтобы другие приносили что-нибудь от себя к его достохвальности. Напротив, мне хотелось показать, какие примеры имел он перед собой с самого начала, на какие взирал образцы, и насколько их превзошел. Если для других важно заимствовать нечто к своей славе у предков, то для него важнее, что, подобно реке, текущей назад, от себя присовокупляет многое к славе отцов.

Супружество его родителей, состоявшее не столько в плотском союзе, сколько в равном стремлении к добродетели, имело многие отличительные черты, как-то: питание нищих, странноприимство, очищение души посредством воздержания, посвящение Богу части своего имущества, а о последнем многие тогда усердствовали, как ныне, когда обычай этот вошел в силу и уважается по прежним примерам. Оно имело и другие добрые качества, которых достаточно было, чтобы наполнить слух многих даже и тогда, когда бы Понт и Каппадокия разделили их между собой. Но мне кажется в нем самой важной и знаменитой чертой благочадие. Чтобы одни

и те же имели и многих, и добрых детей, тому найдем, может быть, примеры в баснословии. О родителях же Василия засвидетельствовал нам действительный опыт, что они и сами по себе, если бы не сделались родителями таких детей, довольно имели у себя похвальных качеств, и имея таких детей, если бы не преуспели столько в добродетели, по одному благочестию превзошли бы всех. Ежели из детей один или двое бывают достойны похвалы, то это можно приписать и природе. Но превосходство во всех очевидно служит к похвале родивших. А это показывает блаженнейшее число²⁶¹ иереев, девственников и обязавшихся супружеством, впрочем, так, что супружеская жизнь не воспрепятствовала им наравне с первыми преуспеть в добродетели; напротив, они обратили это в избрание только рода, а не образа жизни.

Кто не знает Васильева отца, Василия – великое для всех имя? Он достиг исполнения родительских желаний; не скажу, что достиг один; по крайней мере, как только достигал человек. Ибо, всех превосходя добродетелью, в одном только сыне нашел препятствие удержать за собой первенство. Кто не знает Еммелию? Потому что она предначертана этим именем, что впоследствии такой сделалась, или потому сделалась, что так наречена; но она действительно была соименна стройности (εμμελεια), или, кратко сказать, тоже была, между женами, что супруг ее между мужами. А поэтому, если надлежало, чтобы похваляемый вами муж дарован был людям – послужить, конечно, природе, как в древности даруемы были от Бога древние мужи для общей пользы, то всего приличнее было как ему произойти от этих, а не от других родителей, так и им именоваться родителями этого, а не иного сына. Так прекрасно совершилось и сошлось это!

Поскольку же начало похвал воздали мы упомянутым нами родителям Василия, повинуюсь Божию закону, который повелевает воздавать всякую честь родителям; то переходим уже к нему самому, заметив наперед одно, что, думаю, и всякий знавший его признает справедливо сказанным, а именно, что намеревающийся хвалить Василия должен иметь его собственные уста. Ибо как сам он составляет достославный предмет для похвал, так один силой слова соответствует такому предмету.

Что касается красоты, крепости сил и величия, чем, насколько вижу, восхищаются многие, то это уступим желающим, не потому, что и в этом, пока был еще молод, и любомудрие не возобладало в нем над плотью, уступал он кому-либо из гордящихся вещами маловажными, и не простирающихся далее телесного, но уступим для того, чтобы не испытать участия неопытных борцов, которые, истощив силу в напрасной и

случайной борьбе, оказываются бессильными для борьбы действительной и доставляющей победу, за которую провозглашаются увенчанными. В мою похвалу войдет одно то, о чем сказав, нимало не думаю показаться излишним и не к цели бросившим слово.

Полагаю же, что всякий, имеющий ум, признает первым для нас благом ученость, и не только эту благороднейшую и нашу ученость, которая, презирая все украшения и плодovitость речи, берется за единое спасение и за красоту умосозерцаемую, но и ученость внешнюю, которой многие из христиан, по худому разумению, гнушаются, как злоискусной, опасной и удаляющей от Бога. Небо, землю, воздух и все, что на них, не должно презирать за то, что некоторые плохо поняли и вместо Бога воздали им божеское поклонение. Напротив, мы, воспользовавшись в них тем, что удобно для жизни и наслаждения, избежим всего опасного и не станем с безумцами тварь восставлять против Творца, но по созданию будем делать заключение о Создателе, как говорит божественный Апостол, и «пленаем всякое помышление в послушание» Христу ([2Кор.10:5](#)). Также об огне, о пище, о железе и о прочем нельзя сказать, что какая-либо из этих вещей сама по себе или всего полезнее, или всего вреднее, но это зависит от произвола употребляющих. Даже между пресмыкающимися гадами есть такие, что мы примешиваем их в целебные составы. Так и в науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению и в глубину погибели. Мы извлекали из них полезное даже для самого благочестия, через худшее научившись лучшему, и немощь их обратив в твердость нашего учения. Поэтому не должно унижать ученость, как рассуждают об этом некоторые; а напротив, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, придерживаясь такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве. Но предложив и утвердив это общим согласием, начнем обозревать жизнь Василия.

Ранний возраст Василия под руководством великого отца, в лице которого Понт предлагал общего наставника добродетели, повит был пеленами и образован в лучшее и чистейшее создание, которое божественный Давид прекрасно называет «дневным» и противоположным ночному ([Пс.138:16](#)). Под этим-то руководством чудный Василий обучается делу и слову, которые вместе в нем возрастают и содействуют друг другу. Он не хвалится какой-либо Фессалийской и горной пещерой, как училищем добродетели, или каким-нибудь высокомерным Кентавром – учителем их героев, не учится у него стрелять зайцев, обгонять коз, ловить

олений, одерживать победу в ратоборствах или лучшим образом объезжать коней, употребляя одного и того же вместо коня и учителя, не вскармливается, по баснословию, мозгами оленей и львов; напротив, изучает первоначальный круг наук и упражняется в богочестии; короче говоря, самыми первыми уроками ведется к будущему совершенству. Ибо те, которые преуспели или в делах, оставив слово, или в слове, оставив дела, ничем, как мне кажется, не отличаются от одноглазых, которые терпят большой ущерб, когда сами смотрят, а еще больший стыд, когда на них смотрят. Но кто может преуспеть в том и другом и стать одинаково ловким на обе руки, тому возможно быть совершенным, и в этой жизни вкушать тамошнее блаженство. Итак, благодетельно было для Василия, что он дома имел образец добродетели, на который взирая, скоро стал совершенным. И как видим, что молодые кони и тельцы с самого рождения скачут за своими матерями, так и он с рьяностью молодого коня стремился за отцом и не отставал в высоких порывах добродетели, но как бы в рисунке (если угодно другое сравнение) проявлял будущую красоту добродетели, и до наступления времени строгой жизни предначертывал, что нужно для этой жизни.

Когда же довольно приобрел он здешней учености, а между тем надобно было, чтобы не ускользнуло от него ничто хорошее, и чтобы ему ни в чем не отстать от трудолюбивой пчелы, которая со всякого цветка собирает самое полезное, тогда поспешает он в Кесарию для поступления в тамошние училища. Говорю же о Кесарии знаменитой и нашей (потому что она и для меня была руководительницей и наставницей в слове), которую также можно назвать митрополией наук, как и митрополией городов, ей принадлежащих и ею управляемых. Если бы кто лишил ее первенства в науках, то отнял бы у нее самую лучшую ее собственность. Ибо другие города восхищаются иного рода украшениями, или древними, или новыми, чтобы, как думаю, было о чем рассказать или на что посмотреть, но отличие Кесарии – науки, подобно как надпись на оружии или на повести.

Но о последующем пусть рассказывают те самые, которые и учили Василия, и насладились его ученостью. Пусть они засвидетельствуют, каков он был перед учителями, и каков перед сверстниками; как с одними равнялся, а других превышал во всяком роде сведений; какую славу приобрел в короткое время и у простолюдинов, и у первостепенных граждан, обнаруживая в себе ученость выше возраста, и твердость нрава выше учености. Он был ритором между риторамы еще до кафедры софиста, философом между философами еще до слушания философских

положений, а что всего важнее, иереем для христиан еще до священства. Столько все и во всем ему уступали! Науки словесные были для него посторонним делом, и он заимствовал из них то одно, что могло способствовать нашему любомудрию, потому что нужна сила и в слове, чтобы ясно выразить умопредставляемое. Ибо мысль, не высказывающая себя словом, есть движение оцепеневшего. А главным его занятием было любомудрие, то есть отрешение от мира, пребывание с Богом, по мере того, как через долгие восходил он к горнему, и посредством непостоянного и скоропреходящего приобретал постоянное и вечно пребывающее.

Из Кесарии самим Богом и прекрасной жаждой знаний ведется Василий в Византию (город, первенствующий на Востоке); потому что она славилась совершеннейшими софистами и философами, от которых при естественной своей остроте и даровитости в короткое время собрал он все отличнейшее; а из Византии – в Афины – обитель наук, в Афины, если для кого, то для меня подлинно золотые и доставившие мне много доброго. Ибо они совершеннее ознакомили меня с этим мужем, который не безызвестен был мне и прежде. Ища познаний, обрел я счастье, испытав на себе то же (в другом только отношении), что и Саул, который, ища отцовых ослов, нашел царство, так что придаточное к делу вышло важнее самого дела.

До сих пор благоуспешно текло у нас слово, несясь по гладкому, весьма удобному и действительно царскому пути похвал Василию, а теперь не знаю, на что употребить его и к чему обратиться, потому что слово встречает и стремнины. Ибо, доведя речь до этого времени и касаясь уже его, желаю к сказанному присовокупить нечто и о себе, остановиться несколько повествованием на том, отчего, как и чем начавшись, утвердилась наша дружба, или наше единодушие, или (говоря точнее) наше сродство. Как взор неохотно оставляет приятное зрелище, и если отвлекают его насильно, опять стремится к тому же предмету, так и слово любит увлекательные повествования. Впрочем, боюсь трудности предприятия. Попытаюсь же исполнить это, сколь можно умереннее. А если и увлекусь несколько любовью, то да извинят страсти, которая, конечно, справедливее всякой другой страсти, и которой не покориться есть уже потеря для человека с умом.

Афины приняли нас, как речной поток, – нас, которые, отделясь от одного источника, то есть от одного отечества, увлечены были в разные стороны любовью к учености, и потом, как бы по взаимному соглашению, в самом же деле по Божию мановению, опять сошлись вместе. Несколько

прежде приняли они меня, а потом и Василия, которого ожидали там с обширными и великими надеждами, потому что имя его еще до прибытия повторялось в устах у многих, и для всякого было важно предвосхитить то, что всем любезно. Но не излишним будет присовокупить к слову, как бы некоторую сладость, небольшой рассказ, в напоминание знающим и в научение незнающим.

Весьма многие и безрассуднейшие из молодых людей в Афинах, не только незнатного рода и имени, но благородные и получившие уже известность, как беспорядочная толпа, по молодости и неудержимости в стремлениях, имеют безумную страсть к софистам. С каким участием охотники до коней и любители зрелищ смотрят на состязающихся на конском ристалище? Они вскакивают, восклицают, бросают вверх землю, сидя на месте как будто правят конями, бьют по воздуху пальцами, как бичами, запрягают и перепрягают коней, хотя все это нимало от них не зависит. Они охотно меняются между собой ездоками, конями, конюшнями, распорядителями зрелищ; и кто же это? Часто бедняки и нищие, у которых нет и на день достаточного пропитания. Совершенно такую же страсть питают в себе афинские юноши к своим учителям и к соискателям их славы. Они заботятся, чтобы и у них было больше товарищей, и учителя через них обогащались. И что весьма странно и жалко, наперед уже захвачены города, пути, пристани, вершины гор, равнины, пустыни, каждый уголок Аттики и прочей Греции, даже большая часть самих жителей, потому что и их считают разделенными по своим скопищам. Поэтому как скоро появляется кто-нибудь из молодых людей, и попадает в руки имеющих на него притязание (попадает же или волею, или неволею); у них существует такой аттический закон, в котором с делом смешивается шуточное. Новоприбывший вводится для жительства к одному из приехавших прежде него другу или сроднику, или земляку, или кому-либо из отличившихся в софистике и доставляющих доход учителям, за что у них находится в особой чести, потому что для них и то уже награда, чтобы иметь приверженных к себе. Потом новоприбывший терпит насмешки от всякого желающего. И это, полагаю, заведено у них с тем, чтобы сократить высокоумие поступающего вновь, и с самого начала взять его в свои руки. Шутки одних бывают дерзки, а другие – более остроумны; это соображается с грубостью или образованностью новоприбывшего. Такое обхождение тому, кто не знает, кажется очень страшным и немилосердным, а тому, кто знает наперед, оно весьма приятно и снисходительно, потому что представляющееся грозным делается большей частью для вида, а не действительно таково. Потом

новоприбывшего в торжественном сопровождении через площадь отводят в баню. И это бывает так: став порядком попарно и на расстоянии друг от друга, идут впереди молодого человека до самой бани. А подходя к ней, поднимают громкий крик и начинают плясать, как исступленные; криком же означает, что нельзя им идти вперед, но должно остановиться, потому что баня не принимает. И в то же время, выломив двери и громом приведя в страх вводимого, дозволяют ему, наконец, вход и потом дают ему свободу, встречая из бани, как человека с ними равного и включенного в их собратство; и это мгновенное освобождение от огорчений и прекращение их во всем обряде посвящения есть самое приятное.

А я своего великого Василия не только сам привел тогда с уважением, потому что провидел в нем твердость нрава и зрелость в понятиях, но таким же образом обходиться с ним убедил и других молодых людей, которые не имели еще случая знать его; многими же был он уважаем с самого начала по предварительным слухам. Что же было следствием этого? Почти он один из прибывших избежал общего закона, и удостоен высшей чести, не как новопоступающий. И это было началом нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Так уязвились мы любовью друг к другу.

Потом присоединилось и следующее обстоятельство, о котором также неприлично умолчать. Примечаю в армянах, что они люди не простодушные, но весьма скрытные и непроницаемые. Так и в это время некоторые из числа более знакомых и дружных с Василием, еще по товариществу отцов и прадедов, которым случилось учиться в одном училище, приходят к нему с дружеским видом (действительно же приведены были завистью, а не благорасположением) и предлагают ему вопросы более спорные, нежели разумные. Давно зная даровитость Василия и не терпя тогдашней его чести, они покушались с первого приема подчинить его себе. Ибо несносно было, что прежде него облекшиеся в философский плащ и привыкшие метать словами не имеют никакого преимущества перед иноземцем и недавно прибывшим. А я, человек, привязанный к Афинам и недалновидный (потому что, веря наружности, не подозревал зависти), когда стали они ослабевать и обращаться уже в бегство, возревновал о славе Афин, и чтобы не пала она в лице их и не подверглась вскоре презрению, возобновив беседу, подкрепил молодых людей, и придав им веса своим вмешательством (в подобных же случаях и малая поддержка может все сделать), ввел, как говорится, равные силы в битву. Но как скоро понял я тайную цель собеседника, потому что невозможно стало скрывать ее дольше, и она сама собой ясно

обнаружилась; тогда, употребив нечаянный поворот, перевернул я корму, и став за одно с Василием, сделал победу сомнительной. Василий же понял дело тотчас, потому что был проницателен, насколько едва ли кто другой; и исполненный ревности (опишу его совершенно Гомеровым слогом), словом своим производил в замешательство ряды этих отважных, и не прежде перестал поражать силлогизмами, как принудив к совершенному бегству и решительно взяв над ними верх. Этот второй случай возжигает в нас уже не искру, а светлый и высокий светоч дружбы. Они же удалились без успеха, немало укоряли самих себя за опрометчивость, но сильно досадовали на меня, как на злоумышленника, и объявили мне явную вражду, обвиняли меня в измене, говоря, что я предал не их только, но и сами Афины, потому что они низложены при первом покушении и пристыжены одним человеком, которому сама новость не позволяла бы на это отважиться.

Но такова человеческая немощь! Когда, надеясь на большее, вдруг получаем ожидаемое, тогда кажется это нам ниже составленного мнения. И Василий подвергся этой же немощи, сделался печален, стал скорбеть духом и не мог одобрить сам себя за приезд в Афины, искал того, на что питал в себе надежды, и называл Афины обманчивым блаженством. В таком он был положении, а я рассеял большую часть скорби его; то представлял доказательства, то к доказательствам присоединял ласки, рассуждая (конечно и справедливо), что, как нрав человека может быть изведен не вдруг, но только с продолжением времени и при обращении совершенно коротком, так и ученость познается не по немногим и не по маловажным опытам. Этим привел я его в спокойное расположение духа и после взаимных опытов дружбы больше привязал его к себе. Когда же по прошествии некоторого времени открыли мы друг другу желания свои и предмет их – любомудрие, тогда уже стали мы друг для друга всем – и товарищами, и сотрапезниками, и родными; одну имея цель, мы непрестанно возрастали в пламенной любви друг к другу. Ибо любовь плотская и привязана к скоропреходящему, и сама скоро проходит, и подобна весенним цветам. Как пламень, по истреблении им вещества, не сохраняется, но угасает вместе с тем, что горит, так и страсть эта не продолжается после того, как увянет воспламенившее ее. Но любовь по Богу и целомудренная, и предметом имеет постоянное, и сама продолжительна. Чем большая представляется красота имеющим такую любовь, тем крепче привязывают к себе и друг к другу любящих одно и то же. Таков закон любви, которая превьще нас!

Чувствую, что увлекаюсь за пределы времени и меры, сам не знаю,

каким образом встречаюсь с этими выражениями, но не нахожу средств удержаться от повествования. Ибо, как скоро миную что-нибудь, оно мне представляется необходимым и лучшим того, что было избрано мной прежде. И если бы кто силой повлек меня прочь, то со мной произошло бы то же, что бывает с полипами, с составом которых так крепко сцеплены камни, что когда снимаешь их с ложа, не иначе можешь оторвать, разве от усилия твоего или часть полипа останется на камне, или камень оторвется с полипом. Поэтому, если кто мне уступит, имею искомое; а если нет, буду заимствовать сам у себя.

В таком расположении друг к другу, такими золотыми столпами, как говорит Пиндар, подперши чертог добродетельный, простирались мы вперед, имея содейственниками Бога и свою любовь. О, перенесу ли без слез воспоминание об этом! Нами водили равные надежды и в деле самом завидном – в учении. Но далека была от нас зависть, усерднейшими же делало соревнование. Оба мы домогались не того, чтобы одному из нас самому стать первым, но каким бы образом уступить первенство друг другу; потому что каждый из нас славу друга почитал своей собственной. Казалось, что одна душа в обоих поддерживает два тела. И хотя не заслуживают доверия утверждающие, что все разлито во всем, однако же должно поверить нам, что мы были один в другом и один у другого. У обоих нас одно было упражнение – добродетель, и одно усилие – до отшествия отсюда, отрешаясь от здешнего, жить для будущих надежд. К этой цели направляли мы всю жизнь и деятельность, и заповедью к тому руководимые, и поощрявшие друг друга к добродетели. И если немного будет сказать так, мы служили друга для друга и правилом и ответом, с помощью которых распознается, что прямо и что не прямо. Мы вели дружбу и с товарищами, но не с наглыми, а с целомудренными, не с задорными, а с миролюбивыми, с которыми можно было не без пользы сойтись, ибо мы знали, что легче заимствовать порок, нежели передать добродетель, так как скорее заразишься болезнью, нежели передашь другому свое здоровье. Что касается уроков, то мы любили не столько приятнейшие, сколько совершеннейшие, потому что и это способствует молодым людям к образованию себя в добродетели или в пороке. Нам известны были две дороги: одна – это первая и превосходнейшая – вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая – это вторая и неравного достоинства с первой, вела к наставникам наук внешних. Другие же дороги – на праздники, на зрелища, на народные собрания, на пиршества – предоставляли мы желающим. Ибо и внимания достойным не почитаю того, что не ведет к добродетели и не делает лучшим своего

любителя. У других бывают иные прозвания, или отцовские, или свои по роду собственного звания и занятия, но у нас одно великое дело и имя – быть и именоваться христианами. И этим хвалились мы больше, нежели Гигес (положим, что это не басня) поворотом перстня, посредством которого стал он царем Лидийским, или Мидас золотом, от которого он погиб, как скоро получил исполнение желания и стал (это другая фригийская басня) все обращать в золото. Что же сказать мне о стреле гиперборейца Авариса или об Аргивском пегасе, на которых нельзя было так высоко подняться на воздух, как высоко мы один при посредстве другого и друг с другом воспаряли к Богу? Или выразиться короче? Хотя для других (не без основания думают так люди благочестивые) душепагубны Афины, потому что изобилуют худым богатством – идолами, которых там больше, нежели в целой Элладе, так что трудно не увлечься за другими, которые их защищают и хвалят; однако же не было от них никакого вреда для нас, сжавших и заградивших сердце. Напротив (если нужно сказать и то, что несколько обыкновенно), живя в Афинах, мы утверждались в вере, потому что узнали обманчивость и лживость идолов, и там научились презирать демонов, где им удивляются. И ежели действительно есть, или в одном народном веровании существует, такая река, которая сладка, когда течет и через море, и такое животное, которое прыгает и в огне, все истребляющее; то мы походили на это в кругу своих сверстников. А всего прекраснее было то, что и окружающее нас собратство не было неблагоприятно, как наставляемое и руководимое таким вождем, как восхищающееся тем же, чем восхищался Василий, хотя нам следовать за его парением и жизнью значило то же, что пешим поспешать за Лидийской колесницей.

Благодаря этому приобрели мы известность не только у своих наставников и товарищей, но и в целой Элладе особенно у знатнейших мужей Эллады. Слух о нас доходил и за пределы ее, как стало это понятно из рассказа о том многих. Ибо кто только знал Афины, тот слышал и говорил о наших наставниках; а кто знал наших наставников, тот слышал и говорил о нас. Для всех мы были и слыли безызвестной четой, и в сравнении с нами ничего не значили их Оресты и Паллады, их Молиониды, прославленные Гомером, и которым известность доставили общие несчастья и искусство править колесницей, действуя вместе вожжами и бичом. Но я непременно увлекся похвалой самому себе, хотя никогда не принимал похвалы от других. И нимало не удивительно, если и в этом отношении приобрел нечто от его дружества, если, как от живого пользовался уроками добродетели, так от преставившегося пользуюсь

случаем говорить в похвалу свою.

Снова да обратится слово мое к цели. Кто, еще до седины, настолько был сед разумом? Ибо в этом поставляет старость и Соломон ([Притч.4:9](#)). Кто, не только из наших современников, но и из живших задолго до нас, настолько был уважаем и старыми и юными? Кому, по причине назидательной жизни, были менее нужны слова? И кто, при назидательной жизни, обладал в большей мере словом? Какого рода наук не проходил он? Лучше же сказать: в каком роде наук не успел с избытком, как бы занимавшийся этой одной наукой? Так изучил он все, как другой не изучает одного предмета, каждую науку изучил он до такого совершенства, как будто не учился ничему другому. У него не отставали друг от друга и прилежание, и даровитость, в которых знания и искусства черпают силу. Хотя при напряжении своем всего меньше имел нужды в естественной быстроте, а при быстроте своей всего меньше нуждался в напряжении, однако же до такой степени совокуплял и приводил к единству то и другое, что не известно, напряжением ли, или быстротой, наиболее он удивителен. Кто сравнится с ним в риторстве, дышащем силой огня, хотя нравами не походил он на раторов? Кто, подобно ему, приводит в надлежащие правила грамматику или язык, сводит историю, владеет мерами стиха, дает законы стихотворству? Кто был так силен в философии – в философии действительно возвышенной и простирающейся в горнее, то есть в деятельной и умозрительной, а равно и в той ее части, которая занимается логическими доводами и противоположениями, а также состязаниями, и называется диалектикой? Ибо легче было выйти из лабиринта, нежели избежать сетей его слова, когда находил он это нужным. Из астрономии же, геометрии и науки в отношении чисел изучив столько, чтобы искусные в этом не могли приводить его в замешательство, отринул он все излишнее, как бесполезное для желающих жить благочестиво. И здесь можно подивиться как избранному более, нежели отринутому, так и отринутому более, нежели избранному. Врачебную науку – этот плод любомудрия и трудолюбия – сделали для его необходимой и собственные телесные недуги, и уход за больными, начав с последнего, дошел он до навыка в искусстве и изучил в нем не только занимающееся видимым и долу лежащим, но и собственно относящееся к науке и любомудрию. Впрочем, все это, сколь оно ни важно, значит ли что-нибудь в сравнении с нравственным обучением Василия? Кто знает его из собственного опыта, для того не важны тот Минос и Радаманф, которых элины удостоили златоцветных лугов и елисейских полей, имея в представлении наш рай, известный им, как думаю, из Моисеевых и наших книг, хотя и разошлись с

нами несколько в наименовании, изобразив то же самое другими словами.

В такой степени приобрел он все это; это был корабль, настолько нагруженный ученостью, насколько это вместительно для человеческой природы; потому что дальше Кадикса и пути нет. Но нам должно уже было возвратиться домой, вступить в жизнь более совершенную, приняться за исполнение своих надежд и общих предначертаний. Настал день отъезда, и, как обыкновенно при отъездах, начались прощальные речи, проводы, упрашивания остаться, рыдания, объятия, слезы. А никому и ничто не бывает так прискорбно, как Афинским совоспитанникам расставаться с Афинами и друг с другом. Действительно происходило тогда зрелище жалостное и достойное описания. Нас окружала толпа друзей и сверстников, были даже некоторые из учителей, они уверяли, что ни под каким видом не отпустят нас, просили, убеждали, удерживали силой. И как свойственно сетующим, чего не говорят они, чего не делают? Обвиню при этом несколько сам себя, обвиню (хотя это и смело) и эту божественную и безукоризненную душу. Ибо Василий, объяснив причины, по которым непременно хочет возвратиться на родину, превозмог удержавших, и они, хотя принужденно, однако же согласились на его отъезд. А я остался в Афинах, потому что отчасти (надобно сказать правду) сам был тронут просьбами, а отчасти он меня предал и дал себя уговорить, чтоб оставить меня, не желавшего с ним расстаться, и уступить влекущим, – дело до совершения своего невероятное! Ибо это было то же, что рассечь надвое одно тело и умертвить нас обоих, или то же, что разлучить тельцов, которые, будучи вместе вскормлены и приучены к одному ярму, жалобно мычат друг о друге и не терпят разлуки. Но моя утрата была не долговременна; я не выдержал долее того, чтобы представлять собой жалкое зрелище и всякому объяснить причину разлучения. Напротив, немного времени пробыл я еще в Афинах, а любовь сделала меня Гомеровым конем; расторгнуты узы удерживающих, оставляю за собой равнины и несусь к товарищу.

Когда же возвратились мы домой, уступив нечто миру и зрелищу, чтобы удовлетворить только желание многих (потому что сами по себе не имели расположения жить для зрелища и напоказ); тогда, как можно скорее, вступаем в свои права и из юношей делаемся мужами, мужественно приступая к любомудрию. И хотя еще не вместе друг с другом, потому что до этого не допускала зависть, однако же неразлучны мы были взаимной любовью. Василия, как второго своего строителя и покровителя, удерживает Кесарийский город, а потом занимают некоторые путешествия, необходимые по причине разлуки со мной и согласные с

предположенной им целью – любомудрием. А меня отводили от Василия благоговение к родителям, попечение об этих старцах и постигшие бедствия. Может быть, это было нехорошо и несправедливо; однако же я удален был от Василия; и думаю, не от этого ли на меня пали все неудобства и затруднения жизни, не от этого ли мое стремление к любомудрию, неудачно и мало соответственно желанию и предположению. Впрочем, да устроится жизнь моя, как угодно Богу, и о если бы по молитвам Василия она устроилась лучше.

Василия же Божие многообразное человеколюбие и смотрение о нашем роде, изведав во многих встретившихся между тем обстоятельствах и показав более и более светлым, поставляет знаменитым и славным светильником Церкви, сопричислив пока к священным престолом пресвитерства, и через один град – Кесарию возжигает его для целой Вселенной. И каким образом? Неспешно возводит его на степень, не вместе и омывает и умудряет, что видим ныне на многих желающих предстоятельства, удостаивает же чести по порядку и по закону духовного восхождения. Ибо не хвалю беспорядка и неустройства, какие у нас, а есть этому примеры и между председателями церковными (не осмелюсь обвинять всех, да это и несправедливо). Хвалю же закон мореходцов, по которому управляющему теперь кораблем сперва дано было весло, а от весла взведен он на корму, и исполнив первые поручения, после многих плаваний по морю, после долговременного наблюдения ветров, посажен у кормила. Тот же порядок и в военном деле; сперва воин, потом начальник отряда, наконец военачальник. И это самый лучший и полезный для подначальных порядков. И наше дело было бы гораздо достоуважаемое, если бы соблюдалось то же. А теперь есть опасность, чтобы самый святейший чин не сделался у нас наиболее осмеиваемым, потому что председательство приобретается не добродетелью, но происками, и престолы занимаются не достойнейшими, но сильнейшими. Самуил видящий, «что впереди» ([Ис.41:26](#)), во пророках, но также и Саул отверженный. Ровоам, Соломонов сын, царем, но также и Иеровоам, раб и отступник. Нет ни врача, ни живописца, который бы прежде не вникал в свойства недугов, или не смешивал разных красок, или не рисовал. А председатель в Церкви удобно выискивается; не трудившись, не готовившись к сану, едва посеян, как уже и вырос, подобно исполинам в басне. В один день производим мы во святые и велим быть мудрыми тем, которые ничему не учились, и кроме одного произволения, ничего у себя не имеют, восходя на степень. Низкое место любит и смиренно стоит, кто достоин высокой степени, много занимался Божиим словом и многими

законами подчинил плоть духу. А надменный председательствует, поднимает бровь против лучших себя, без трепета восходит на престол, не ужасается, видя воздержанного внизу. Напротив, думает, что, получив могущество, стал он премудрее, – так мало знает он себя, до того власть лишила его способности рассуждать!

Но не таков был многообъемлющий и великий Василий. Он служит образцом для многих, как всем прочим, так соблюдением порядка и в этом. Этот истолкователь священных книг сперва читает их народу, и эту степень служения алтарю не считает для себя низкой; потом на престоле старейшин²⁶², потом в сане епископов хвалит Господа ([Пс.106:32](#)), не восхитив, не силой присвоив власть, не гонясь за честью, но сам преследуемый честью, и не человеческой воспользовавшись милостью, но от Бога, и Божию прияв благодать.

Но да помедлит слово о председательстве; предложим же нечто о низшей степени его служения. Каково например и это, едва не забытое мной и случившееся в продолжение описываемого времени? У правившего Церковью²⁶³ прежде Василия произошло с ним несогласие; от чего и как, лучше о том умолчать; довольно сказать, что произошло. Хотя Епископ был муж во всем прочем не недобродетельный, даже чудный по благочестию, как показало тогдашнее гонение²⁶⁴ и восстание против него; однако же в рассуждении Василия подвергся он человеческой немощи. Ибо бесславное касается не только людей обыкновенных, но и самых превосходных; и единому Богу свойственно быть совершенно непреткновенным и не увлекаться страстями. Итак, против него²⁶⁵ восстают избраннейшие и наиболее мудрые в Церкви, если только премудрее многих те, которые отлучили себя от мира и посвятили жизнь Богу, – я разумею наших Назореев, особенно ревнующих о подобных делах. Для них было тягостно, что презирается их могущество, оскорбленное и отринутое, и они отваживаются на самое опасное дело, замышляют отступить и отторгнуться от великого и безмятежного тела Церкви, отсеки и немалую часть народа из низкого и высокого сословия. И это было весьма удобно сделать по трем самым сильным причинам. Василий был муж уважаемый, и едва ли кто другой из наших любомудрцев пользовался таким уважением; если бы захотел, он имел столько сил, что мог бы придать смелости своим защитникам. А оскорбивший его находился в подозрении у народа за смятение, произошедшее при возведении его на престол, так как и сан предстоятеля получен им был не столько законно и согласно с правилами, сколько насильственно. Явились

также некоторые из западных архиереев, и они привлекали к себе всех православных в Церкви. Что же предпринимает этот добродетельный ученик Миротворца? Не ему было противоборствовать и оскорбителям, и защитникам, не его было дело заводить спор и расторгать тело Церкви, которая была уже в борьбе и находилась в опасном положении от тогдашнего преобладания еретиков. Посовещавшись об этом со мной, искренним советником, со мной же вместе предается он бегству, удаляется отсюда в Понт и настоятельствует в тамошних обителях, учреждает же в них нечто достойное воспоминаний и лобызает пустыню вместе с Илиею и Иоанном, великими хранителями любомудрия, находя это более для себя полезным, нежели в настоящем деле замыслить что-нибудь недостойное любомудрия, и, во время тишины приучившись управлять помыслами, нарушить это среди бури.

Но хотя отшельничество его было столь любомудренно и чудно, однако же возвращение найдем еще более превосходным и чудным. Оно произошло следующим образом. Когда мы были в Понте, поднялась вдруг градоносная туча, угрожающая пагубой, она сокрушала все Церкви, над которыми разражалась и на которые простирал власть свою златолюбивший и христоненавистнейший царь, одержимый этими двумя тяжкими недугами – ненасытностью и богохульством, – этот после гонителя гонитель, и после отступника хотя не отступник, однако же ничем не лучший для христиан, особенно же для тех из христиан, которые благочестивее и чище, – для поклонников Троицы, – что одно и называю я благочестием и спасительным учением. Ибо мы не взвешиваем Божества и единое неприступное Естество не делаем чуждым для самого Себя, вводя в Него инородные особи; не врачуем зла злом, и безбожного Савеллиева сокращения не уничтожаем еще более нечестивым разделением и сечением, сочувствуя которым, соименный неистовству Арий поколебал и растлил великую часть Церкви, и Отца не почтив, и обесчестив Тех, Которые от Отца, введением неравных степеней Божества. Напротив, мы знаем единую славу Отца – равночестие с Ним Единородного, и единую славу Сына – равночестие с Ним Духа. Чествуя и признавая Трех по личным свойствам и Единого по Божеству, мы рассуждаем, что унижить Единое из Трех значит ниспровергнуть все. Но этот царь, нимало не помышляя о том, будучи не в состоянии простирать взор горе, а напротив, низводимый ниже и ниже своими советниками, осмелился унижить с собой и Божеское естество. Он делается лукавой тварью, низводя господство до рабства и поставив наряду с тварью Естество несозданное и превысшее времени. Так он мудрствует и с таким нечестием вооружается на нас! Ибо

не иначе должно представлять себе это, как варварским нашествием, в котором истребляются не гавани, не города и дома, или что-либо маловажное, человеческими руками создаваемое и скоро восстанавливаемое, но расхищаются сами души. Вторгается с царем и достойное его воинство, злонамеренные вожди Церквей, немилосердые четверовластники обладаемой им Вселенной. Одну часть Церквей они имели уже в своей власти, на другую делали свои набеги, а третью надеялись приобрести полномочием и рукой царя, которая или была уже занесена, или по крайней мере угрожала. Они пришли ниспровергнуть и нашу Церковь, всего более полагаясь на низость души в тех, о которых перед этим сказано, а также на неопытность тогдашнего нашего предстоятеля и на недуги наши. Предстояла великая борьба, в большей части из нас оказывалась мужественная ревность, но полк наш был слаб, не имел защитника и искусного борца, сильного словом и духом. Что ж эта мужественная, исполненная высоких помыслов и подлинно христоролюбивая душа? Немного нужно было убеждений Василию, чтобы он явился и стал на нашу сторону. Напротив, едва увидел умоляющим меня (обоим нам предстоял общий подвиг, как защитникам правого учения), как был побежден молением. Прекрасно и весьма любознательно рассудил он сам в себе по духовному разумению, что, если уже и впасть иногда в малодушие, то для этого есть другое время, именно время безопасности, а при нужде – время великодушию; поэтому тотчас отправляется со мной из Понта, заботясь об истине, которая была в опасности, делается добровольным защитником и сам себя отдает на служение матери-Церкви.

Но, может быть, изъявил он столько усердия, а служил несоответственно рвению? Или хотя и мужественно действует, но неблагоразумно? Или хотя и рассудительно, но не подвергаясь опасностям? Или и все это было в нем совершенно и выше описания, однако же оставались и некоторые следы малодушия? – Нимало. Напротив, все вдруг: примиряется, дает советы, приводит в порядок воинство, уничтожает встречающиеся препятствия, преткновения и все то, на что положившись, противники воздвигли на нас брань. Одно приемлет, другое удерживает, а иное отражает. Для одних он – твердая стена и оплот, для других «молот, разбивающий скалу» ([Иер.23:29](#)), и «огонь в терне» ([Пс.117:12](#)), как говорит Божественное Писание, удобно истребляющий подобных сухим ветвям и оскорбителей Божества. А если с Павлом действовал и Варнава, который об этом говорит и пишет, то и за это благодарение Павлу, который его избрал и сделал участником в подвиге! Таким образом, противники остались без успеха, и злые в первый раз тогда

зло посрамлены и побеждены; они узнали, что презирающим других не безбедно презирать и каппадокийян, которым всего свойственнее непоколебимость в вере, верность и преданность Троице, ибо от Нее имеют они единение и крепость, тем самым, что защищают, сами будучи защищаемы, даже еще гораздо больше и крепче.

Вторым делом и попечением для Василия было – оказывать услуги Предстоятелю, уничтожить подозрение, уверить всех людей, что огорчение произошло по искушению лукавого, что это было нападение завидующего единокровию в добре, а сам он знал законы благопокорности и духовного порядка. Поэтому приходил, умудрял, повиновался, давал советы; был у Предстоятеля всем – добрым советником, правдивым заступником, истолкователем Божия слова, наставником в делах, жезлом старости, опорой Веры, самым верным в делах внутренних, самым деятельным в делах внешних. Одним словом, он признан настолько же благорасположенным, насколько прежде почитаем был недоброжелательным. С этого времени и церковное правление перешло к Василию, хотя на кафедре занимал он второе место, ибо за оказываемую им благорасположенность получил взамен власть. И было какое-то чудное согласие и сочетание власти: один управлял народом, а другой – управляющим. Василий уподоблялся укротителю львов, своим искусством смиряя властвующего, который имел нужду в руководстве и поддержке, потому что недавно возведенный на кафедру показывал еще в себе некоторые следы мирских привычек и не утвердился в духовном, а между тем вокруг было сильное волнение, и Церковь окружали враги. Поэтому сотрудничество было ему приятно, и при правлении Василия почитал он правителем себя.

Много и других доказательств заботливости и попечительности Василия о Церкви; таковы смелость его перед начальниками, как вообще перед всеми, так и перед самыми сильными в городе; его решения распрей, не без доверия принимаемые, а по произнесении его устами через употребление обратившиеся в закон; его заступничества за нуждающихся, большей частью в делах духовных, а иногда и в плотских (потому что и это, покоряя людей добрым расположением, исцеляет нередко души); пропитание нищих, странноприимство, попечение о девах, писанные и неписанные уставы для монашествующих, чиноположения молитв, благоукрашения алтаря и иное, чем только Божий воистину человек и действующий по Богу может быть полезен народу. Но еще выше и славнее одно следующее его дело.

Был голод самый жестокий из памятных дотоле. Город изнемогал;

ниоткуда не было ни помощи, ни средств к облегчению зла. Приморские страны без труда переносят подобные недостатки, потому что иным сами снабжают, а другое получают с моря. У нас же, жителей твердой земли, и избытки бесполезны, и недостатки невознаградимы, потому что некуда сбыть то, что у нас есть, и неоткуда привезти, чего нет. Всего же несноснее в подобных обстоятельствах бесчувственность и ненасытность имеющих у себя избытки. Они пользуются временем, извлекают прибыль из скудости, собирают жатву с бедствий, не внимают тому, что «благотворящий бедному дает займы» Господу ([Притч.19:17](#)), что «кто удерживает у себя хлеб, того народ клянет» ([Притч.11:26](#)); не слышат ни обещаний человеколюбивым, угроз бесчеловечным; напротив, они ненасытимы сверх меры и плохо рассуждают, закрывая для бедных утробу свою, а для себя Божие милосердие, тогда как сами они имеют больше нужды в последнем, нежели другие – в их милосердии. Так поступают скупающие и продающие пшеницу, не стыдясь родства, не благодаря Бога, от Которого имеют избытки, когда другие терпят нужду. Но Василию надлежало не дожидать хлеб с неба посредством молитвы и питать народ, бегствующий в пустыне, не источать неоскудевающую пищу из сосудов, наполняемых (что и чудно) через само истощение, чтобы в воздаяние за странничество пропитать питающую, не насыщать тысячи пятью хлебами, в которых вторым чудом – их остатки, достаточные для многих трапез. Все это было прилично Моисею, Или и моему Богу, от Которого и первым дарована таковая сила, а может быть, и нужно это было только в те времена и при тогдашних обстоятельствах, потому что знамения не для верующих, но для неверных. Но что подобно этим чудесам и ведет к тому же, то замыслил и привел Василий в исполнение с той же верой. Ибо, отверзши хранилища имущих словом и увещанием, совершает сказанное в Писании, «раздробляет алчущим» пищу ([Пс.57:8](#)), «насыщает нищих хлебом» ([Пс.131:15](#)), пропитывает «их в голод» ([Пс.32:19](#)), и «души алчущие исполняет благами» ([Пс.106:9](#)). И притом каким образом? Ибо и это сильно увеличивает его заслугу. Он собирает в одно место голодающих, а иных даже едва дышащих, мужей и жен, младенцев, старцев – весь жалкий возраст, требует всякого рода еды, какой только может быть утолен голод, выставляет котлы, полные овощей и соленых припасов, какими питаются у нас бедные, потом, подражая служению самого Христа, Который, препоясавшись лентием, не погнушался умыть ноги ученикам, при содействии своих рабов или служителей удовлетворяет телесным потребностям нуждающихся, удовлетворяет и потребностям душевным, к насыщению присоединив честь и облегчив их участь тем и

другим.

Таков был новый наш хлебодатель и второй Иосиф! Но можем сказать о нем еще нечто и большее. Ибо Иосиф извлекает прибыль из голода, своим человеколюбием покупает Египет, во время обилия запасшись на время голода и будучи этому научен сновидениями других. А Василий был милостив даром, без выгод для себя помогал, в раздавании хлеба имел в виду одно, чтобы человеколюбием приобрести человеколюбие и через здешнее «раздавание хлеба» ([Лк.12:42](#)) сподобиться тамошних благ. К этому присовокуплял он и пищу словесную – совершенное благодеяние и даяние истинно высокое и небесное, потому что слово есть хлеб ангельский, им питаются и напоиваются души, алчущие Бога, ищущие не скорогибнущей и преходящей, но вечнопробывающей пищи. И таковой пищи самым богатым раздателем был этот, во всем прочем, насколько знаем, весьма скудный и убогий, врачевавший «не голод хлеба, не жажду воды», но желание «слова» истинно животворного и питательного ([Ам.8:11](#)), которое хорошо им питаемого ведет к преуспеванию духовного возраста.

За эти и подобные дела (ибо нужно ли останавливаться на подробном описании их?), когда соименный²⁶⁶ благочестию уже преставился и спокойно испустил дух на руках Василия, возводится он на высокий престол епископский, правда, не без затруднений, не без зависти и противоборства со стороны как председательствующих в отечестве, так и присоединившихся к ним самых порочных граждан. Впрочем, надлежало препобедить Духу Святому, и Он подлинно по превосходству побеждает. Ибо из сопредельных стран воздвигает для помазания известных благочестием мужей и ревнителей, а в числе их и нового Авраама, нашего патриарха, моего отца, с которым происходит даже нечто чудное. Не только по причине многих лет оскудев силами, но и удрученный болезнью, находясь при последнем дыхании, он отваживается на путешествие, чтобы своим голосом помочь избранию, и возложив упование на Духа, (скажу кратко) возложен был мертвым на носилки, как в гроб, возвращается же юным, сильным, смотрящим горе, будучи укреплен рукой, помазанием (а не много сказать) и главой помазанного. И к древним сказаниям да будет присовокуплено и это, что труд дарует здоровье, что ревность воскрешает мертвых, что скачет старость, помазанная Духом.

Так удостоенный председательства, как и свойственно мужам, которые сделались ему подобными, сподобились такой же благодати и приобрели столько к себе уважения. Василий ничем последующим не посрамил ни своего любомудрия, ни надежды вверивших ему служение.

Но в такой же мере оказывался непрестанно превосходящим самого себя, в какой до сих пор превосходил других, рассуждая об этом превосходно и весьма любомудренно. Ибо быть только не плохим или сколько ни есть и как ни есть добрым, почитал он добродетелью отдельного человека. А в начальнике и предстоятеле, особенно же в имеющем подобное²⁶⁷ начальство, и то уже порок, если не многим превосходит он простолудинов, если не оказывается непрестанно лучшим и лучшим, если не соразмеряет добродетели с саном и высотой престола. Ибо и тот, кто стоит высоко, едва успевает наполовину; и тот, кто преизобилует добродетелью, едва привлекает многих к посредственности. Лучше же сказать (полюбомудрствую об этом несколько возвышеннее), что усматриваю (а думаю, усмотрит со мной и всякий мудрый) в моем Спасителе, когда Он был с нами, вообразив в Себе и то, что выше нас, и наше естество, то же, как рассуждаю, было и здесь. И Христос, по сказанному, «преспевал» как «возрастом», так и «премудростью и благодатью» ([Лк.2:52](#)), не в том смысле, что получал в этом приращение (что могло стать совершеннее в Том, Кто совершенен с самого начала?), но в том смысле, что это открывалось и обнаруживалось в Нем постепенно. И добродетель Василия получила тогда, как думаю, не приращение, но большой круг действий, и при власти нашла она больше предметов, где показать себя.

Во-первых, делает он для всех явным, что данное ему было не делом человеческой милости, но даром Божией благодати. Но то же покажут и поступки его со мной. Ибо в чем я соблюдал любомудрие при этом обстоятельстве, в том и он держался того же любомудрия. Когда все другие думали, что я поспешу к новому Епископу, обрадуюсь (что, может быть, и случилось бы с другим) и лучше с ним разделю начальство, нежели соглашусь иметь такую же власть, и когда обо всем этом делали вывод на основании нашей дружбы, тогда, избегая высокомерия, которого и во всем избегаю не меньше всякого другого, а вместе избегая и повода к зависти, особенно пока обстоятельства не пришли еще в порядок, но находились в замешательстве, остался я дома, с насилием обуздав желание увидеться с Василием. А он жалуется на это, правда, однако же, извиняет. И после этого, когда пришел я к нему, но, по той же опять причине, не принял ни чести вступить на кафедру, ни предпочтения между пресвитерами, он не только не стал порицать этого, но еще (что и благоразумно сделал) похвалил, и лучше согласился сносить обвинения в гордости от тех, которые не понимали такой предусмотрительности, нежели поступить в чем-нибудь вопреки разуму и его внушениям. И чем другим доказал бы он

лучше, что душа его выше всякого человекоугодничества и ласкательства, что у него в виду одно – закон добра, как не таким образом мыслей в рассуждении меня, которого считал в числе первых и близких друзей своих?

Потом смягчает и врачует он высокоумным и целебноносным словом своим тех, которые восстали против него. И достигает этого не угодливостью и не поступками неблагородными, но действуя весьма отважно и прилично сану, как человек, который не смотрит на одно настоящее, но заботится о будущей благопокорности. Примечая, что от мягкости нрава происходит уступчивость и робость, а от суровости – строптивость и своенравие, он помогает одному другим, и упорство растворяет кротостью, а уступчивость – твердостью. Редко нужно было прибегать ему к слову, чаще дело оказывалось поддавшимся врачеванию. Не хитростью поработал он, но привлекал к себе благорасположением. Не власть употреблял он наперед, но пощадой покорял власти и, что всего важнее, покорял тем, что все уступали его разуму, признавали добродетель его для себя недостижимой, и в одном видели свое спасение – быть с ним и под его начальством, а также одно находили опасным – быть против него, и отступление от него почитали отчуждением от Бога. Так добровольно уступали и покорялись, как бы ударами грома склоняемые под власть; каждый приносил свое извинение, и сколько прежде оказывал вражды, столько теперь благорасположения и преуспевания в добродетели, в которой одной и находил для себя самое сильное оправдание. И только разве неизлечимо поврежденный пренебрегал и отвергал, чтобы самому себя сокрушить и истребить, как ржа пропадает вместе с железом.

Когда же домашние дела устроились по его мысли и как не рассчитывали неверные, которые не знали его, тогда замышляет в уме нечто большее и возвышеннейшее. Другие смотрят только себе под ноги, рассчитывают, как бы свое только было в безопасности (если это истинная безопасность), дальше же не распространяются, и не могут выдумать или привести в исполнение ничего великого и смелого, но он, хотя во всем другом соблюдал умеренность, в этом же не знает умеренности, напротив, высоко подняв главу и озирая окрест душевным оком, объемлет всю Вселенную, куда только пронеслось спасительное слово. Примечая же, что великое наследие Бога, приобретенное Его учениями, законами и страданиями, «народ святой, царственное священство» ([1Пет.2:9](#)), приведено в трудное положение, вовлечено в тысячи мнений и заблуждений, и виноград, перенесенный и пересаженный из Египта – этого безбожного и темного неведения, достигший красоты и необъятного

величия, так что покрыл всю землю, распростерся выше гор и кедров, – этот самый виноград поврежден лукавым и диким ведрем – дьяволом ([Пс.79:9–14](#)), – примечая это, Василий не признает достаточным в безмолвии оплакивать бедствие и к Богу только воздевать руки, у Него искать прекращения окружающих зол, а самому между тем почивать; напротив, он вменяет себе в обязанность и от себя привнести нечто и оказать какую-нибудь помощь. Ибо что горестнее этого бедствия? И о чем более должно заботиться взирающему горе? Когда один делает хорошо или худо, это ничего не предвещает для целого общества. Когда целое в хорошем или худом положении, тогда по необходимости и каждый член общества приходит в подобное же состояние. Это-то представлял и имел в виду и этот попечитель и защитник общего блага. И поскольку, как думает Соломон заодно с самой истиной, а «зависть – гниль для костей» ([Притч.14:30](#)), и беззаботный бывает благодушен, а сострадательный – скорбен, неотступный помысел сушит его сердце, то Василий приходил в содрогание, скорбел, уязвлялся, был в положении то Ионы, то Давида, «скорбел душой» ([Ин.4:8](#)), не давал ни сна очам, ни дремания веждам ([Пс.131:4](#)), заботами изнурял плоть, пока не находил уврачевания злу. Он ищет Божеской или и человеческой помощи, только бы остановить общий пожар и рассеять окружающую нас тьму.

И так изобретает следующее одно весьма спасительное средство. Сколько мог, углубившись в себя самого и затворившись с Духом, напрягает все силы человеческого разума, перечитывает все глубины Писания, и учение благочестия предает письменам. Возражает еретикам, борется и препирается с ними, отражает их чрезмерную наглость, и тех, которые были под руками, низлагает вблизи разящим оружием уст, а тех, которые находились вдали, поражает стрелами письмен, не менее достойных уважения, как и начертания на скрижалях, потому что изображают законы не одному иудейскому, малочисленному народу, не о пищи и питии, не о жертвах, установленных на время, не о плотских очищениях, но всем родам, всем частям Вселенной, о слове истины, которым приобретает спасение.

Но было у него и другое средство. Поскольку как дело без слова, так и слово без исполнения равно не совершенны, то он присовокупляет к слову и содействие самих дел. К одним идет сам, к другим посылает, иных зовет к себе, дает советы, «обличает, запрещает» ([2Тим.4:2](#)), угрожает, укоряет, защищает народы, города, отдельных людей, придумывает все роды спасения, всем врачует. Этот Василий, архитектор Божией скинии ([Исх.31:1–2](#)), употребляет в дело всякое вещество и искусство, все

сплетает вместе, чтобы составилось изящество и стройность единой Красоты. Нужно ли уже говорить о чем другом?

Между тем опять пришел к нам христорборный царь и притеснитель Веры, и чем с сильнейшим противником должен он был иметь дело, тем с большим пришел нечестием и с ополчением, воспламененным больше прежнего, подражая тому нечистому и лукавому духу, который, оставив человека и скитавшись, возвращается к нему, чтобы, как сказано в Евангелии ([Лк.11:24–26](#)), вселиться с большим числом духов. Его-то учеником делается царь, чтобы и загладить первое свое поражение, и присовокупить что-нибудь к прежним ухищрениям. Тяжело и жалко было видеть, что повелитель многих народов, удостоенный великой славы, покоривший всех окрест себя державе нечестия, ниспровергнувший все преграды, оказался побежденным от единого мужа и от единого города, сделался посмешищем, как сам замечал, не только для руководимых им поборников безбожия, но и для всех людей. Рассказывают о царе Персии²⁶⁸, что, когда шел он с войском в Элладу, ведя всякого рода людей, кипя гневом и возносясь гордостью, тогда не этим одним превозносился, и не только не полагал меры угрозам, но чтобы сильнее поразить умы эллинов, заставлял себя бояться превращением самих стихий. Носилась молва о какой-то небывалой суше и о каком-то небывалом море этого нового творца, о воинстве, плывущем по суше и шествующем по морю, о похищенных островах, о море, наказанном бичами, и о многом другом, что, ясно свидетельствуя о расстройстве умов в воинстве и в военачальнике, поражало, однако же, ужасом слабодушных, хотя и возбуждало смех в людях более мужественных и твердых рассудком. Ни в чем подобном не имел нужды ополчившийся против нас, но, по слухам, он делал и говорил, что и того было еще хуже и пагубнее. «Поднимает к небесам уста свои», хулу говоря в высоту, и «язык его расхаживает по земле» ([Пс.72:9](#)). – Так прекрасно божественный Давид, еще прежде нас, выставил на позор этого, преклонившего небо к земле и к тварям причислившего премирное Естество, Которого тварь и вместить не может, хотя Оно и пребывало несколько с нами, по закону человеколюбия, чтобы привлечь к Себе нас, поверженных на землю! И как ни блистательны первые опыты отважности этого царя, но еще блистательнее последние с нами подвиги. Какие же имею в виду первые опыты? Изгнания, бегства, описания имущества, явные и скрытые наветы, убеждения, когда хватало на это времени, принуждения за недостаточностью убеждений, изгнание из церквей исповедников правого и нашего учения, а введение в Церковь сторонников царской расправы, тех, которые требовали рукописного

нечестия и составляли писания еще более ужасные; сожжение пресвитеров на море; злочестивые военачальники, которые не персов одолевают, не скифов покоряют, не варварский какой-нибудь народ преследуют, но ополчаются на Церкви, издеваются над алтарями, бескровные жертвы обагрят кровью людей и жертв, оскорбляют стыдливость дев. И для чего все это? Для того, чтобы изгнан был патриарх Иаков, а на место его введен Исав, «возненавиденный» ([Мал.1:2](#)) до рождения. Таковы сказания о первых опытах его отважности; они и доньше, как скоро приходят на память или пересказываются, извлекают слезы у многих.

Но когда царь, обойдя прочие страны, устремился, с намерением поработить, на эту незыблемую и неуязвимую мать Церквей, на эту единственно еще оставшуюся животворную искру истины, тогда в первый раз почувствовал безуспешность своего замысла; ибо он был отражен, как стрела, ударившаяся в твердыню, и отскочил, как порванная ветвь. Такого встретил он предстоятеля Церкви! И о такой ударившись утес, сокрушился! От испытавших тогдашние бедствия можно и о чем-нибудь другом услышать рассказы и повествования (а нет никого, кто бы не повествовал об этом); но всякий удивляется, кто только знает тогдашние борения, нападения, обещания, угрозы, знает, что к Василию с намерением уговорить его присылались то проходящие должность судей, то люди военного звания, то женские приставники – эти мужи между женами, и жены между мужами, мужественные только в одном – в нечестии, естественно неспособные предаваться распутству, но блудодействующие языком, которым только и могут; наконец, этот архимагир²⁶⁹ Навузардан, грозивший Василию орудием своего ремесла, и отошедший в огонь, и здесь для него привычный.

Но я, как можно сокращеннее, передам слову, что кажется мне наиболее удивительным и о чем не могу умолчать, хотя бы и желал. Кто не знает тогдашнего начальника²⁷⁰ области, который как собственную свою дерзость особенно устремлял против нас (потому что и крещением был совершен или погублен у них²⁷¹, так сверх нужды услуживал Повелителю, и своей угодливостью во всем на долгое время удерживал за собой власть? К этому-то правителю, который скрежетал зубами на Церковь, принимал на себя львиный образ, рычал, как лев, и для многих был неприступен, вводится, или, лучше сказать, сам входит и доблестный Василий, как призванный на празднество, а не на суд. Как пересказать мне достойным образом или дерзость правителя, или благоразумное сопротивление ему

Василия? Для чего тебе, сказал первый (назвав Василия по имени, ибо не удостоил наименовать епископом), хочется с дерзостью противиться такому могуществу и одному из всех оставаться упорным? Доблестный муж возразил: в чем и какое мое высокоумие, не могу понять этого. – В том, говорит первый, что не держишься одной Веры с царем, когда все другие склонились и уступили. – Не этого требует царь мой, отвечает Василий, не могу поклониться твари, будучи сам Божия тварь и имея повеление быть богом. – Но что же мы, по твоему мнению? – спросил правитель. – Или ничего не значим мы, повелевающие это? Почему не важно для тебя присоединиться к нам, и быть с нами в общении? – Вы правители, – отвечал Василий, – и не отрицаю, что правители знаменитые, – однако же не выше Бога. И для меня важно быть в общении с вами (почему и не так? И вы Божия тварь); впрочем, не важнее, чем быть в общении со всяким другим из подчиненных вам, потому что христианство определяется не достоинством лиц, а верой. – Тогда правитель пришел в волнение, сильнее воскипел гневом, встал со своего места и начал говорить с Василием суровой прежнего. Что же, – сказал он, – разве не боишься ты власти? – Нет, – что ни будет, и чего ни потерплю. – Даже хотя бы потерпел ты и одно из многого, что состоит в моей воле? – Что же такое? Объясни мне это. – Отнятие имущества, изгнание, истязание, смерть. – Ежели можешь, угрожай иным; а это нимало нас не трогает. – Как же это, и почему? – спросил правитель. – Потому, – отвечает Василий, – что не подлежит описанию имущества, кто ничего у себя не имеет, разве потребуешь от меня и этого волосяного рубища и немногих книг, в которых состоят все мои пожитки. Изгнания не знаю; потому что не связан никаким местом; и то, на котором живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинут, будет мое. Лучше же сказать, везде Божие место, где ни буду я «странником и пришлецом» ([Пс.38:13](#)). А истязания что возьмут, когда нет у меня и тела, разве имеешь в виду первый удар, в котором одним ты и властен? Смерть же для меня благодетельна – она скорее преподшет к Богу, для Которого живу и тружусь, для Которого большей частью себя самого я уже умер и к Которому давно спешу. – Правитель, изумленный этими словами, сказал, что так и с такой свободой никто раньше не говаривал перед ним, – и при этом присовокупил свое имя. – Может быть, – отвечал Василий, – ты не встречался с Епископом, иначе, без сомнения, имею дело о подобном предмете, услышал бы ты такие же слова. Ибо во всем ином, о правитель, мы скромны и смиреннее всякого, – это повелевает нам заповедь, и не только перед таким могуществом, но даже перед кем бы то ни было, не поднимаем брови, а когда дело о Боге, и против Него

дерзают восставать, тогда, презирая все, мы имеем в виду одного Бога. Огонь же, меч, дикие звери и терзающие плоть когти скорее будут для нас наслаждением, нежели произведут ужас. Сверх этого оскорбляй, грози, делай все, что тебе угодно, пользуйся своей властью. Пусть слышит об этом и царь, что ты не покоришь себе нас и не заставишь приложиться к нечестию, какими ужасами ни будешь угрожать.

Когда Василий сказал это, а правитель, выслушав, узнал, до какой степени неустрашима и неодолима твердость его, тогда уже не с прежними угрозами, но с некоторым уважением и с уступчивостью велит ему выйти вон и удалиться. А сам, как можно поспешнее, представ царю, говорит: «Побеждены мы, царь, настоятелем этой Церкви. Это муж, который выше угроз, тверже доводов, сильнее убеждений. Надобно подвергнуть искушению других, не столь мужественных, а его или открытой силой должно принудить, или и не ждать, чтобы уступил он угрозам».

После этого царь, виня себя и будучи побежден похвалами Василию (и враг дивится доблести противника), не велит делать ему насилия; и как железо, хотя смягчается в огне, однако же не престаёт быть железом, так и он, переменяв угрозы в удивление, не принял общения с Василием, стыдясь показать себя переменявшимся, но ищет наиболее благоприличного оправдания. И это покажет слово. Ибо в день Богоявления, при многочисленном стечении народа, в сопровождении окружающей его свиты, вошел во храм и, присоединясь к народу, этим самым показывает вид единения. Но не должно обойти молчанием и этого. Когда вступил он внутрь храма, и слух его, как громом, поражен был начавшимся псалмопением, когда увидел он море народа, а в алтаре, и близ его не столько человеческое, сколько ангельское благолепие, и впереди всех в прямом положении стоял Василий, каким в слове Божиим описывается Самуил ([1Цар.7:10](#)), не склоняющийся ни телом, ни взором, ни мыслью (как будто бы в храме не произошло ничего нового), но пригвожденный (скажу так) к Богу и к престолу, а окружающие его стояли в каком-то страхе и благоговении; когда, говорю, царь увидел все это, и не находил примера, к которому бы мог применить увиденное, тогда пришел он в изнеможение как человек, и взор, и душа его от изумления покрываются мраком и приходят в кружение. Но это не было еще приметным для многих. Когда же надобно было царю принести к божественной трапезе дары, приготовленные собственными его руками²⁷², и по обычаю никто их не касался (не известно было, примет ли Василий); тогда обнаруживается его немощь. Он шатается на ногах, и если бы один

из служителей алтаря, подав руку, не поддержал пошатнувшегося и он упал, то падение это было бы достойно слез. О том же, что и с каким любомудрием вещал Василий самому царю (ибо в другой раз, быв у нас в церкви, вступил он за завесу и имел там, как весьма желал, свидание и беседу с Василием), нужно ли говорить что иное, кроме того, что окружавшие царя и мы, вошедшие с ними, слышали тогда Божии слова. Таково начало и таков первый опыт царского к нам снисхождения; этим свиданием, как поток, остановлена большая часть обид, какие до тех пор наносили нам.

Но вот другое происшествие, которое не менее важно, чем уже описанные. Злые превозмогли; Василию определено изгнание, и ничто не мешало к исполнению определения. Наступила ночь, приготовлена колесница, враги рукоплескали, благочестивые уныли, мы окружали путника, с охотой готовившегося к отъезду; исполнено было и все прочее, нужное к этому прекрасному поруганию. И что же? Бог разоряет определение. Кто поразил первенцев Египта, ожесточившегося против Израиля, Тот и теперь поражает болезнью сына царя. И как мгновенно! Здесь писание об изгнании, а там определение о болезни; и рука лукавого писца удержана, святой муж спасается, благочестивый делается даром горячки, вразумившей дерзкого царя! Что справедливее и скоропостижнее этого? А последствия были таковы. Царский сын страдал и изнемогал телом; сострадал с ним и отец. И что же делает отец? – отовсюду ищет помощи, избирает лучших врачей, совершает молебствия с усердием, какого не оказывал дотоле, и повергшись на землю, потому что злострадание и царей делает смиренными. И в этом ничего нет удивительного, и о Давиде написано, что сначала также скорбел о сыне ([2Цар.12:16](#)). Но как царь нигде не находил врачевания от болезней, то прибегает к вере Василия. Впрочем, стыдясь недавнего оскорбления, не сам от себя приглашает этого мужа, но просить его поручает людям, наиболее к себе близким и привязанным. И Василий пришел, не отговариваясь, не упоминая о случившемся, как сделал бы другой, с его приходом облегчается болезнь, отец предается благим надеждам. И если бы к сладкому не примешивал он горечи, и призвав Василия, не продолжал в то же время верить неправославным, то, может быть, царский сын, получив здоровье, был бы спасен отцовыми руками, в чем были уверены находившиеся при этом и принимавшие участие в горести.

Говорят, что в скором времени случилось то же и с областным начальником. Постигшая болезнь и его склоняет под руку Святого. Для благоразумных наказание действительно бывает уроком; для них

злострадание нередко лучше благоденствия. Правитель страдал, плакал, жаловался, посылал к Василию, умолял его, взывал к нему: «Ты удовлетворен; подай спасение» – и он получил просимое, как сам сознавался и уверял многих, не знавших об этом; потому что не переставал удивляться делам Василия и рассказывать о них.

Но таковы были и такой имели конец поступки Василия с этими людьми; а с другими не поступал ли Василий иначе? Не было ли у него маловажных ссор и за малости? Не оказал ли в чем меньшего добродетели, так что это было бы достойно молчания или не очень похвально? Нет. Но кто на Израиля некогда воздвиг губителя Адера ([2Цар.11:14](#)), тот и против Василия воздвигает правителя Понтийской области, по-видимому, негодующего за одну женщину, а в действительности поборствующего нечестию и восставшего на благочестие. Умалчиваю о том, сколько каких оскорблений причинил он этому мужу (а то же будет сказать) и Богу, против Которого и за Которого воздвигнута была брань. Одно то передаю слову, что наиболее и оскорбителя постыдило, и подвижника возвысило, если только высоко и велико быть добродетельным, и добродетелью одерживать верх над многими.

Одну женщину, знатную по мужу, который недавно кончил жизнь, преследовал товарищ этого судьи, принуждая ее против воли вступить с ним в брак. Не зная, как избежать преследований, она принимает намерение, не столько смелое, сколько благоразумное, прибегает к священной трапезе, и Бога избирает защитником от нападений. И если сказать перед самой Троицею (употреблю между похвалами это судебное выражение), что надлежало делать не только великому Василию, который в подобных делах для всех был законодателем, но и всякому другому, гораздо низшему перед Василием, впрочем, иерею? Не должно ли было вступить в дело, удержать прибегшую, позаботиться о ней, подать ей руку помощи, по Божию человеколюбию и по закону, почтившему жертвенники? Не должно ли было решиться скорее все сделать и претерпеть, нежели согласиться на какую-либо против нее жестокость и тем как поругать священную трапезу, так поругать и веру, с какой умоляла бедствовавшая? – Нет, говорит новый судья, надлежало покориться моему могуществу, и христианам стать изменниками собственных своих законов. – Один требовал просительницу, другой всеми мерами ее удерживал; и первый выходил из себя, а наконец, посылает нескольких чиновников обыскать опочивальню Святого, не потому, чтобы находил это нужным, но для того более, чтобы опозорить его. Что ты говоришь? Обыскивать дом этого бесстрастного, которого охраняют ангелы, на которого жены не смеют и

взирать! Не только еще велит обыскать дом, но самого Василия представить к нему и подвергнуть допросу, не кротко и человеколюбиво, но как одного из осужденных. Один явился, а другой предстал исполненный гнева и высокомерия. Один предстоял, как и мой Иисус перед судьей Пилатом, и громы медлили: «оружие» Божие было уже «очищено», но отложено, «лук напряжен», но удержан ([Пс.7:13](#)), открывая время покаянию – таков закон у Бога!

Посмотри на новую борьбу подвижника и гонителя! Один приказывал Василию совлечь с себя верхнее рубище. Другой говорит: если хочешь, скину перед тобой и хитон. Один грозил побоями бесплотному – другой уже преклонял голову. Один угрожал когтями; другой отвечает: оказав мне услугу такими терзаниями, уврачуешь мою печень, которая, как видишь, очень беспокоит меня. – Так они препирались между собой. Но город, как скоро узнал о несчастье и общей для всех опасности (такое оскорбление почитал всякий опасностью для себя), весь приходит в волнение и воспламеняется; как рой пчел, встревоженный дымом, друг от друга возбуждаются и приходят в смятение все сословия, все возрасты, а более всех оружейники и царские ткачи, которые в подобных обстоятельствах, по причине свободы, какой пользуются, бывают раздражительнее и действуют смелее. Все для каждого стало оружием, случилось ли что под руками по ремеслу, или встретилось раньше другого; у кого факелы в руках, у кого занесенные камни, у кого поднятые палки; у всех одно направление, один голос и общее стремление. Гнев – страшный воин и военачальник. При таком воспламенении умов и женщины не остались безоружными (у них ткацкие берда²⁷³ служили вместо копий), и воодушевляемые ревностью перестали уже быть женщинами, напротив, самонадеянность превратила их в мужчин. Коротко сказать: думали, что, расторгнув на части правителя, разделят между собой благочестие. И тот у них был благочестивее, кто первый бы наложил руку на замыслившего такую дерзость против Василия. Что же строгий и дерзкий судья? – Стал жалким, бедным, самым смиренным просителем. Но явился этот без крови мученик, без ран венценосец, и удержав силой народ, обуздываемый уважением, спас своего просителя и оскорбителя. Так сотворил Бог святых, «сотворивший все и претворивший» ([Ам.5:8](#)) в лучшее, Бог, Который «гордым противится, смиренным же дает благодать» ([Притч.3:34](#)). Но разделивший море, Пресекавший реку, Пременивший законы стихий, воздеянием рук Воздвигший победные памятники, чтоб спасти народ бегствующий, чего не сотворил бы, чтоб и Василия спасти от опасности?

С этого времени брань от мира прекратилась и возымела от Бога справедливый конец, достойный веры Василия. Но с этого же времени начинается другая брань, уже от епископов и их сторонников; и в ней много бесславия, а еще больше вреда подчиненным. Ибо кто убедит других соблюдать умеренность, когда таковы предстоятели? – К Василию давно не имели расположения по трем причинам. Не были с ним согласны в рассуждении Веры, а если и соглашались, то по необходимости, принужденные множеством. Не совсем отказались и от тех низостей, к каким прибегали при рукоположении. А то, что Василий далеко превyšшал их славой, было для них всего тягостнее, хотя и всего стыднее признаться в том. Произошла еще и другая распря, которой подновилось прежнее. Когда отечество наше разделено на два воеводства, два города²⁷⁴ сделаны в нем главными, и к новому отошло многое из принадлежавшего старому, тогда и между епископами произошли замешательства. Один²⁷⁵ думал, что с разделом гражданским делится и церковное правление, поэтому присваивал себе, что приписано вновь к его городу, как принадлежащее уже ему, а отнятое у другого. А другой²⁷⁶ держался старого порядка и раздела, какой был издревле от отцов. Из-за этого частью уже произошли, а частью готовы были произойти многие неприятности. Новый Митрополит отвлекал от съезда на соборы, расхищал доходы. Пресвитеры Церквей – одни склонялись на его сторону, другие заменялись новыми. От этого положение Церквей делалось хуже и хуже от раздора и разделения, потому что люди бывают рады нововведениям, с удовольствием извлекают из них свои выгоды, и легче нарушить какое-нибудь постановление, нежели восстановить нарушенное. Более же всего раздражали нового Митрополита Таврские всходы и проходы, которые были у него перед глазами, а принадлежали Василию; в великое также ставил он пользоваться доходами от святого Ореста, и однажды отняты были даже мулы у самого Василия, который ехал своей дорогой; разбойническая толпа возбранила ему продолжать далее путь. И какой благовидный предлог! Духовные дети, спасение душ, дело Веры – все это служит прикрытием ненасытности (дело самое нетрудное!). К этому присовокупляется правило, что не должно платить дани не православным (а кто оскорбляет вас, тот неправославен).

Но святой, воистину Божий и горнего Иерусалима Митрополит, не увлекся с другими в падение, не потерпел того, чтобы оставить дело без внимания, и не слабое придумал средство к прекращению зла. Посмотрим же, как оно было велико, чудно и (что более сказать?) достойно только его

души. Сам раздор употребляет он как повод к приращению Церкви, и случившемуся дает самый лучший оборот, умножив в отечестве число епископов. А из этого что происходит? – Три главные выгоды. Попечение о душах приложено большее, каждому городу даны свои права, а тем и вражда прекращена.

Для меня было страшно это измышление, я боялся, чтобы самому мне не стать придатком, или не знаю, как назвать это приличнее. Всему удивляюсь в Василии, даже не могу и выразить, сколь велико мое удивление, но (признаюсь в немоци, которая и без того уже не безызвестна многим) не могу похвалить себя одного – этого нововведения относительно меня и этой невероятности; само время не истребило во мне скорби о том. Ибо отсюда низринулись на меня все неудобства и замешательства в жизни. От этого не мог я ни быть, ни считаться любомудрым, хотя в последнем не много важности. Разве в извинение мужа этого примет кто от меня то, что он мудрствовал выше, нежели по-человечески, что он, прежде нежели переселился из здешней жизни, поступал уже во всем по духу, и умея уважать дружбу, не оказывал ему уважения только там, где надлежало предпочесть Бога и чаемому отдать преимущество перед тленным.

Боюсь, чтобы избегая обвинения в нерадении от тех, которые требуют описания всех дел Василия, не сделаться виновным в неумеренности перед теми, которые хвалят умеренность, потому что и сам Василий не презирал умеренности, особенно хвалил правило, что умеренность во всем есть совершенство, и соблюдал его в продолжение всей своей жизни. Впрочем, оставляя без внимания тех и других, любителей и излишней краткости и чрезмерной обширности, продолжу еще слово.

Каждый преуспевает в чем-нибудь своем, а некоторые и в нескольких из многочисленных видов добродетелей, но во всем никто не достигал совершенства, – без всякого же сомнения не достиг никто из известных нам. Напротив, у нас тот совершеннейший, кто успел во многом или в одном преимущественно. Василий же настолько совершенен во всем, что стал как бы образцовым произведением природы. Рассмотрим это так.

Хвалит ли кто нестяжательность, жизнь скудную и не терпящую излишеств? Но что же бывало когда у Василия, кроме тела и необходимых покровов для плоти? Его богатство – ничего у себя не иметь и жить с единым крестом, который почитал он для себя дороже многих стяжаний. Невозможно всего приобрести, хотя бы кто и захотел, но надобно уметь все презирать, и таким образом казаться выше всего. Так рассуждал, так вел себя Василий. И ему не нужны были ни алтари, ни суетная слава, ни

народное провозглашение: «Кратет дает свободу фивянину Кратету». Он старался быть, а не только казаться совершенным, жил не в бочке и не среди торжища, где мог бы всем наслаждаться, сам недостаток обращая в новый род изобилия. Но без тщеславия был убог и нестяжателен, и любя извергать из корабля все, что когда ни имел, легко переплыл море жизни.

Достойны удивления воздержание и довольство малым, похвально не отдаваться во власть сластолюбия и не раболепствовать несносному и низкому властелину – чреву. Кто же до такой степени был почти невкушающим пищи и (можно сказать) бесплотным? Обжорство и пресыщение отверг он, предоставив людям, которые уподобляются бессловесным и ведут жизнь рабскую и пресмыкающуюся. А сам не находил великого ни в чем том, что, пройдя через гортань, имеет равное достоинство; но пока был жив, поддерживал жизнь самым необходимым и одну знал роскошь – не иметь и вида роскоши, но взирать на лилии и на птиц, у которых и красота безыскусственна, и пища везде готова, – взирать сообразно с высоким наставлением ([Мф.6:26–28](#)) моего Христа, обнищавшего для нас и плотью, чтобы обогатились мы Божеством. От этого-то у Василия один был хитон, одна была ветхая верхняя риза; а сон на голой земле, бдение, неупотребление омовений составляли его украшение; самой вкусной вечерю и снedyю служили хлеб и соль – нового рода приправа, и трезвое и не оскудевающее питье, какое и не трудившимся приносят источники. А этим же, или не оставляя этого, облегчать и врачевать свои недуги было у него общим со мной правилом любомудрия. Ибо мне, скудному в другом, надлежало сравниться с ним в скорбной жизни.

Велики целомудрие, безбрачная жизнь, близость с ангелами – существами одинокими, помедлю говорить: со Христом, Который, благоволив и родиться для нас рожденных, рождается от Девы, узаконивая тем непорочность, которая бы возводила нас отсюда, ограничивала мир, лучше же сказать, из одного мира препосылала в другой мир, из настоящего в будущий. Но кто же лучше Василия или непорочность читил, или предписывал законы плоти, не только собственным своим примером, но и произведениями своих трудов? Кем устроены обители дев? Кем составлены письменные правила, которыми он уцеломудривал всякое чувство, приводил в благоустройство каждый член тела и убеждал хранить истинное целомудрие, обращая внутреннюю красоту от видимого к незримому, изнуря внешнее, отнимая у пламени сгораемое вещество, сокровенное же открывая Богу – единому жениху чистых душ, который вводит к Себе души бодрствующие, если выходят навстречу Ему со светло

горящими светильниками и с обильным запасом еля.

Много было споров и разногласий о жизни пустынной и уединенно общежительной. Без сомнения, та и другая имеет в себе и доброе, и худое не без примеси. Как первая, хотя в большей степени безмолвна, благоустроена и удобнее собирает к богомыслию, но, поскольку не подвергается испытаниям и сравнениям, бывает не без надмения; так другая, хотя в большей степени деятельна и полезна, но не изъята от мятежей. И Василий превосходнейшим образом соединил и слил оба эти рода жизни. Построил скиты и монастыри не вдали от общин и общежитий, не отделял одних от других, как бы некоторой стеной, и не разлучал, но вместе и привел в ближайшее соприкосновение и разграничил, чтобы и любомудрие не было необщительным, и деятельность не была нелюбомудренной; но как море и суша делятся между собой своими дарами, так и они бы совокупно действовали к единой славе Божией.

Что еще? Прекрасны человеколюбие, питание нищих, вспомоществование человеческой немощи. Отойди несколько от города и посмотри на новый город²⁷⁷, на это хранилище благочестия, на эту общую сокровищевлагательницу избыточествующих, в которую по увещаниям Василия вносятся не только избытки богатства, но даже и последние достояния, и здесь ни моли до себя все допускают, ни татей не радуют, но спасаются и от нападений зависти и от разрушительного времени. Здесь учится любомудрию болезнь, убожается несчастье, испытывается сострадательность. В сравнении с этим заведением что для меня и семивратные и Египетские Фивы, и Вавилонские стены, и Карийские гробницы Мавзола, и пирамиды, и несчетное количество меди в Колоссе, или величие и красота храмов уже не существующих, но составляющих предмет удивления для людей и описываемых в историях, хотя строителям своим не принесли они никакой пользы, кроме незначительной славы? Для меня гораздо удивительнее этот краткий путь к спасению, это самое удобное восхождение к небу. Теперь нет уже перед нашими взорами тяжкого и жалкого зрелища; не лежат перед нами люди еще до смерти умершие и омертвевшие большей частью телесных своих членов, гонимые из городов, из домов, с торжищ, от вод, от людей, наиболее им любезных, узнаваемых только по именам, а не по телесным чертам. Их не кладут товарищи и домашние при местах народных собраний и сходбищ, чтоб возбуждали своей болезнью не столько жалость, сколько отвращение, слагая жалобные песни, если у кого остается еще голос. Но к чему описывать все наши злострадания, когда недостаточно к этому слово?

Василий преимущественно перед всеми убеждал, чтобы мы, как люди, не презирали людей, бесчеловечием к страждущим не бесчестили Христа – единую Главу всех; но через бедствия других благоустраивали собственное свое спасение, и имея нужду в милосердии, свое милосердие давали взаймы Богу. Поэтому этот благородный, рожденный от благородных и сияющий славой муж, не гнушался и лобзанием уст чтить болезнь, обнимал недужных как братьев, не из тщеславия (так подумал бы иной; но кто был столь далек от этой страсти, как Василий?), но чтобы научить своим любомудрием – не оставлять без услуг страждущие тела. Это было и многовещное и безмолвное увещание. И не только город пользовался этим благодеянием, а область и другие места лишены были его. Напротив, всем предстоятелям народа предложил он общий подвиг – человеколюбие и великодушие к несчастным. У других – приготовители снестей, роскошные трапезы, поварские, искусно приправленные снесты, красивые колесницы, мягкие и волнующиеся одежды; а у Василия – больные, целение ран, подражание Христу, не только словом, но и делом очищающему проказу.

Что скажут нам на это те, которые обвиняют его в гордости и надменности – эти злые судьи стольких доблестей, поверяющие правило не правилами? Возможно ли, хотя лобызать прокаженных и смиряться до такой степени, однако же и превозноситься здоровыми? Возможно ли – изнурять плоть воздержанием, но и надмевать душу пустым тщеславием? Возможно ли, хотя осуждать фарисея, проповедовать об уничтожении гордыни, знать, что Христос снизошел до образа раба, вкушал пищу с мытарями, умывал ноги ученикам, не возгнушался крестом, чтобы пригвоздить к нему мой грех, а что и этого необычайнее, видеть Бога распятого, распятого среди разбойников, осмеиваемого мимоходящими – Бога, неодолимого и превысшего страданий; однако же парить самому над облаками, никого не признавать себе равным, как представляется это клеветующим на Василия? Напротив, думаю, что кичливостью назвали они постоянство, твердость и непоколебимость его нрава. А также, рассуждаю, они способны называть и мужество дерзостью, и осмотрительность робостью, и целомудрие человеконенавистничеством, и правдивость необщительностью, ибо не без основания заключили некоторые, что пороки идут следом за добродетелями, и как бы соседственны с ними, что не обучившийся различать подобного этому всего легче может принимать вещь не за то, что она в действительности.

Кто больше Василия чтит добродетель, или наказывал порок, или оказывал благосклонность отличившимся и суровость согрешившим? Часто улыбка его служила похвалой, а молчание – выговором,

подвергающим злое укоризнам собственной совести. Но если бы кто был неговорлив, нешутлив, не охотник до собраний, и многим не нравился тем, что не бывает всем для всех и не всем угождает, что из этого? Для имеющих ум не скорее ли заслуживает он похвалы, нежели порицания? Разве иной станет винить и льва за то, что смотрит не обезьяной, но грозно и царски, что у него и прыжки благородны, удивительны и приятны; а представляющих на зрелище будут хвалить за приятность и снисходительность, потому что угождают народу и возбуждают смех громкими пощечинами друг другу. Но если бы и того стали мы искать в Василии, кто был столько приятен в собраниях, как известно это мне, который всего чаще имел случай видеть его? Кто мог увлекательнее его беседовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, а похвалы до потачки, но в похвале и выговоре избегать неумеренности, пользоваться ими с рассуждением и наблюдая время, по законам Соломона, назначающего «время всякой вещи» ([Еккл.3:1](#))?

Но что это значит в сравнении с совершенством Василия в слове, с силой дара учить, покорившей мир? До сих пор медлим еще у подножия горы, не восходя на ее вершину; до сих пор плаваем по заливу, не пускаясь в широкое и глубокое море. Думаю, если была ([Ис.27:15](#)) или будет ([1Кор.15:52](#)) труба, оглашающая большую часть воздуха, если представишь, или глас Божий, объемлющий мир, или вследствие нового явления и чуда потрясающуюся Вселенную, то этому можно уподобить голос и ум Василия, которые настолько превзошли и оставили ниже себя всякий голос и ум, насколько превосходим мы естество бессловесных.

Кто больше Василия очистил себя Духу и приготовился, чтобы стать достойным истолкователем божественного Писания? Кто больше его просветился светом ведения, прозрел в глубины Духа, и с Богом исследовал все, что ведомо о Боге? Кто обладал словом, лучше выражающим мысль, так что по примеру многих, у которых или мысль не находит слова, или слово отстаёт от мысли, не имел он недостатка ни в том ни в другом, но одинаково достоин похвалы за мысль и за слово, везде оказывался равен самому себе и в подлинном смысле совершенен? О Духе засвидетельствовано, что Он «все проникает, и глубины Божии» ([1Кор.2:10](#)), не потому, что не знает, но потому, что увеселяется созерцанием. А Василием испытаны все глубины Духа, и из этих-то глубин черпал он нужное, чтобы образовывать нравы, учить высокой речи, отвлекать от настоящего и преселять в будущее. Восхваляются у Давида красота и величие солнца, скорость его движения и сила, потому что оно

сияет «как жених», величественно «как исполин», и проходя дальний путь, имеет столько силы, чтобы равномерно освещать от края до края, и по мере расстояния не уменьшать теплоты ([Пс.18,6,7](#)). А в Василии красотой была добродетель, величием – богословие, шествием – непрестанное стремление и восхождение к Богу, силой – сеяние и раздаяние слова. И потому мне не коснея можно сказать: «по всей земле прошел голос» его, «и до пределов вселенной слова» его, что Павел сказал об Апостолах ([Рим.10:18](#)), заимствовав слова у Давида ([Пс.18:5](#)). Что иное составляет сегодня приятность собрания? Что услаждает на пиршествах на торжищах, в церквах, увеселяет начальников и подчиненных, монахов и уединенно-общезительных, людей бездолжностных и должностных, занимающихся любомудрием внешним, или нашим? Везде одно и величайшее услаждение – это сочинения и творения Василия. После него не нужно писателям иного богатства, кроме его произведений. Умолкают старые толкования Божия слова, над которыми потрудились некоторые, возглашаются же новые; и тут у нас совершеннейший в слове, кто преимущественно перед другими знает творения Василия, имеет их в устах и делает внятными для слуха. Вместо всех один он стал достаточен учащимся для образования. Это одно скажу о нем.

Когда держу в руках его «Шестоднев» и произношу устно, тогда беседую с Творцом, постигаю законы творения и дивлюсь Творцу более, нежели прежде, имев своим наставником одно зрение. Когда имею перед собой его обличительные слова на еретиков, тогда вижу Содомский огонь, которым испепеляются лукавые и незаконные языки и сам Халанский столп, ко вреду созидаемый и прекрасно разрушаемый. Когда читаю слова о Духе, тогда Бога, Которого имею, обретаю вновь и чувствую в себе дерзновение вещать истину, восходя по степеням его богословия и созерцания. Когда читаю прочие его толкования, которые он уясняет и для людей «малозрящих, написав трижды» на твердых скрижалях «своего сердца» ([Притч.22:21](#)), тогда убеждаюсь не останавливаться на одной букве, и смотреть не на поверхность только, но простираться далее, из одной глубины поступать в новую глубину, призывая бездной бездну и приобретая светом свет, пока не достигну высшего смысла. Когда займусь его похвалами подвижникам, тогда презираю тело, беседую с похваляемыми. возбуждаюсь к подвигу. Когда читаю нравственные и деятельные его слова, тогда очищаюсь в душе и в теле, делаюсь угодным для Бога храмом, органом, в который ударяет Дух, песнословцем Божией славы и Божия могущества, и через то преобразуюсь, прихожу в благоустройство, из одного человека делаюсь другим, изменяюсь

божественным изменением.

Поскольку же упомянул я о богословии и о том, насколько высококоречив был в этом Василий, то присовокуплю к сказанному и следующее, ибо для многих всего полезнее не потерпеть вреда, возымев о нем худое мнение. Говорю же это людям злонамеренным, которые помогают собственным недостаткам, приписывая их другим. За первое учение, за единение и собожественность (или не знаю как назвать точнее и яснее) в Святой Троице Василий охотно согласился бы не только лишиться престолов, которых не домогался и вначале, но даже бежать их, и саму смерть, а прежде смерти мучения, встретил бы он как приобретение, а не как бедствие. Это и доказал уже он тем, что сделал и что претерпел, когда за истину осужденный на изгнание о том только позаботился, что одному из провожатых сказал: возьми записную книжку, и следуй за мной. Между тем вменял он в необходимость «дать твердость словам на суде», пользуясь в этом советом божественного Давида ([Пс.111:5](#)), и отложить ненадолго время брани, потерпеть владычество еретиков, пока не наступит время свободы и не придаст дерзновения языку. Еретики подыскивались, чтобы уловить ясное изречение о Духе, что Он Бог; это справедливо, но казалось злочестивым для них и для злого защитника нечестия. Им хотелось изгнать из города Василия – эти уста Богословия, а самим овладеть Церковью, и обратив ее в засаду для своего зловерия, производить отсюда, как из крепости, набеги на других. Но Василий иными изречениями Писания и несомненными свидетельствами, имеющими такую же силу, а также неотразимостью умозаключений, настолько стеснил прекословивших, что они не могли противиться, но были связаны собственными своими выражениями, что и доказывает особенную силу его слова и благоразумие. То же доказывает и слово, какое он написал об этом, водая пером, обмакиваемым в сосуд Духа. Между тем Василий медлил до времени употребить собственное высказывание, прося у самого Духа и у искренних поборников Духа не огорчаться его осмотрительности, потому что, когда время поколебало благочестие, стоя за одно изречение, можно неумеренностью все погубить. И поборникам Духа нет никакого вреда от малого изменения в выражениях, когда под другими словами узнают они те же понятия, потому что спасение наше не столько в словах, сколько в делах. Не следовало бы отвергать иудеев, если бы, требуя удержать на время слово «помазанник», вместо слова «Христос», согласились они присоединиться к нам. Напротив, величайший вред будет для целого, если Церковью будут владеть еретики. А что Василий, преимущественно перед всеми, исповедовал Духа Богом, это доказывается тем, что он

многократно, если только представлялся случай, проповедовал это всенародно, а также и наедине с ревностью свидетельствовал перед теми, которые спрашивали. Но еще яснее выразил это в словах ко мне, перед которым в беседе о таких предметах у него не было ничего сокровенного. И не просто подтверждал он это, но, что редко дельвал прежде, присовокуплял самые страшные на себя заклинания, что, если не будет чтить Духа единосущным и равночестным Отцу и Сыну, то да лишен будет самого Духа. Если же кто, хотя в этом, признает меня участником его мыслей, то открою нечто, может быть, известное многим. Когда, в трудные времена, налагал он на себя осторожность, тогда предоставлял свободу мне, которого, как почтенного известностью, никто не стал бы судить, изгонять из отечества, – предоставлял с тем, чтобы наше благовестование было твердо при его осторожности и моем дерзновении.

И этого коснулся я не в защиту его славы (Василий выше всех обвинителей, если бы и нашлись еще какие), но в предостережение тех, которые за определение благочестия принимают те одни слова, какие находятся в писаниях этого мужа, чтобы они не возымели слабейшей веры, и в оправдание своего зловерия не обратили его богословия, какое, по внушению Духа, изложил он применительно ко времени, но чтобы, внимая в смысл написанного и в цель, с какой написано, больше и больше восходили к истине и заграждали уста нечестивым. О если бы богословие его было моим богословием и богословием всех единомысленных со мной! Я столько полагаюсь на чистоту его веры, что кроме всего прочего и ее готов разделить с ним; пусть перед Богом и перед людьми благомыслящими вменится моя вера ему, а его мне, ибо не называем противоречащими друг другу Евангелистов за то, что одни занимались более человечеством Христовым, а прочие богословием; одни начали тем, что относится к нам, а другие тем, что превышает нас. Разделили же таким образом между собой проповедь для пользы, как думаю, приемлющих и по внушению говорящего в них Духа.

Но поскольку в Ветхом и в Новом Завете было много мужей, известных благочестием, законодателей, военачальников, пророков, учителей, мужественных до крови; то, сравнив с ними Василия, составим о нем представление. Адам удостоен быть рукотворением Божиим, вкушать райское наслаждение и принять первый закон, но (чтобы при уважении к прародителю не сказать чего-либо хульного) не соблюл заповеди: Василий же и принял, и сохранил заповедь, от древа познания не потерпел вреда, и пройдя мимо пламенного меча (совершенно знаю), достиг рая. «Енос начал» первый «призывать Господа» ([Быт.4:26](#)). Но

Василий и призвал, и другим проповедал, – что гораздо важнее призывания. Енох взят на небо, приняв это в награду за малое благочестие (потому что вера состояла еще в тенях), и тем избежал опасностей последующей жизни. Но для Василия, совершенно испытанного в жизни совершенной, целая жизнь была вознесением. Ною поручены были ковчег и семена второго мира, доверенные малому древу и спасаемые от вод. Но Василий избежал потопа нечестия, сделал город свой ковчегом спасения, легко переплывающим пучину ересей, и обновил из него целый мир. Велик Авраам, патриарх и жрец необычайной жертвы, который рожденного по обету приводит к Даровавшему, как готовую жертву и поспешающую на заклание. Но не меньше жертва и Василия, который самого себя принес Богу, и взамен не получил ничего равночестного такой жертве (да и могло ли что быть равночестным?), а потому и совершил жертвоприношение. Исаак был обетован еще до рождения. Но Василий был самообетован, взял Ревекку, то есть Церковь, не издалека, но вблизи, не через посольство домочадца, но данную и вверенную Богом. Он не был перехитрен относительно предпочтения детей, но непогрешимо уделил каждому должное, рассудив по Духу. Хвалю лестницу Иакова и столп, который помазал он Богу, и борьбу его с Богом, если это была борьба, а не приравнение, как думаю, человеческой меры к Божией высоте, отчего и носит он на себе знамения побежденного естества. Хвалю благопопечительност этого мужа о стаде, и его благоденствие, и двенадцать патриархов, произошедших от него, и раздел благословения, и знаменитое при этом пророчество о будущем. Но хвалю также лестницу, которую не видел только Василий, но прошел постепенными восхождениями в добродетели; хвалю не помазанный, но воздвигнутый им Богу столб, который предает позору нечестивых; хвалю борьбу, в которой боролся не с Богом, но за Бога, низлагая учение еретиков, хвалю и пастырское его искусство, которым обогатился, приобретя большее число овец отмеченных знаком, нежели не отмеченных; хвалю и доброе многочадие рожденных по Богу и благословение, которым подкрепил многих. Иосиф раздавал хлеб, но для одного Египта, притом не многократно, и хлеб телесный. А Василий раздавал для всех, всегда и хлеб духовный, что для меня важнее Иосифова житомерия. И он был искушен с Иовом Авситидийским, и победил, и при конце подвигов громко провозглашено о нем, что не поколебал его никто из многих покушавшихся привести в колебание, но что со многим превосходством низложил он искушителя и заградил уста неразумию друзей, которые не знали тайны страдания. «Моисей и Аарон между священниками его»

([Пс.38:6](#)) – тот великий Моисей, который казнил Египет, спас народ при знамениях и чудесах многих, входил внутрь облака и дал двоякий закон, внешний – закон буквы, и внутренний – закон духа; и тот Аарон, брат Моисеев и по телу, и по духу, который приносил жертвы и молитвы за народ, был свидетелем тайны священной и великой скинии, «которую воздвиг Господь, а не человек» ([Евр.8:2](#)). Но Василий – ревнитель обоих не телесными, а духовными и словесными бичами наказует племя еретическое и египетское, «народ же особенный, ревностный к добрым делам» ([Тит.2:14](#)), приводит в землю обетованную, пишет законы на скрижалях, не сокрушаемых, но спасаемых, не прикровенные, но всецело духовные; входит во святая святых, не единожды в год, но многократно и (можно сказать) ежедневно, и оттуда открывает нам Святую Троицу, очищает людей не на время установленными окроплениями, но вечными очищениями. Что превосходнее всего в Иисусе? – Военачалие, раздел жребиев и овладение Святой землей. А Василий разве не предводитель, не военачальник спасаемых через веру, не раздаятель различных у Бога жребиев и обителей, которые разделяет предводимым? Поэтому можем сказать и эти слова: «препоясанный могуществом» ([Пс.98:6](#)), «в Твоей руке дни мои» ([Пс.30:16](#)) – жребий, гораздо драгоценнейший земных и удобопохищаемых. И (не будем упоминать о Судиях, или знаменитейших из Судей) «Самуил между призывающими имя Его» ([Пс.38:6](#)), отдан Богу до рождения и тотчас после рождения священ, помазует из рога царей и священников. И Василий не освящен ли Богу с младенчества от утробы матери, не отдан ли Ему и с «хламидой» ([1Цар.2:19](#)), не помазанник ли Господень, взирающий в пренебесное и Духом помазующий совершенных? Славен Давид между царями, и хотя повествуется о многих победах и торжествах его над врагами, однако же главнейшее его отличие – кротость, а до царствования – сила гуслей, отражающая лукавого духа ([1Цар.16:23](#)). Соломон просил у Бога широту сердца, и получив, настолько преуспел в премудрости и созерцании, что стал славнее всех современников. И Василий, по моему рассуждению, нимало не уступал одному в кротости, другому в мудрости, поэтому усмирять он дерзость беснующихся царей, а не одна «южная», или другая какая «царица» приходила «от конца земли» по слуху о мудрости его, но мудрость его стала известна во всех концах земли. Умолчу о последующей жизни Соломона; она всем известна, хотя и пощадим ее. Ты хвалишь дерзновение Илии перед мучителями и огненное его восхищение? Хвалишь прекрасное наследие Елисея – милоть, за которой последовал и дух Илии? Похвали же и жизнь Василия во огне, то есть во множестве искушений, и спасение

через огонь, воспламеняющий, но не сжигающий (известное чудо в купине), а также прекрасный кожаный покров, дарованный свыше, то есть бесплотность. Оставляю прочее: юношей, орошенных в огне; беглеца пророка, молящегося во чреве кита и исшедшего из зверя, как из чертога; праведника, во рве связывавшего ярость львов, и подвиг семи Маккавеев, с иереем и матерью освящаемых Богу кровью и всеми родами мучений. Василий подражал их терпению и стяжал их славу.

Перехожу к Новому Завету, и сравнив с Василием прославившихся в нем, почту ученика по учителям. Кто Предтеча Иисуса? Иоанн, как глас – Слова и как светильник – Света, выиграл перед Иисусом во чреве и предшествовал ему в аде, предпосланный Иродовым неистовством, чтобы и там проповедовать Грядущего. И если кому слово мое кажется смелым, пусть наперед примет во внимание, что я не предпочитаю, даже не равняю Василия с тем, кто больше всех, рожденных женами, а хочу показать в Василии ревнителя, который имеет некоторые отличительные черты Иоанна. Ибо для учащихся немаловажно и малое подражание великим образцам. И Василий не явственное ли изображение Иоаннова любомудрия? И он обитал в пустыне, и у него одеждой по ночам была власяница – неизвестная и не показываемая другим, и он любил такую же пищу, очищая себя Богу воздержанием, и он сподобился быть проповедником, хотя и не предтечею Христовым, и к нему исходили, не только все окрестные, но и живущие вне пределов страны, и он стал среди двух Заветов, разрешая букву одного и обнаруживая дух другого, разрешение видимого обращая в полноту сокровенного. И он подражал в ревности Петру, в неутомимости Павлу, а в вере – обоим этим именитым и переименованным Апостолам, в велегласии же – сынам Заведеевым, в скудности и неизлишестве – всем ученикам. А за это вверяются ему и ключи небесные; не только от Иерусалима до Иллирика, но гораздо больший круг объемлет он Евангелием, и хотя не именуется, однако же делается сыном громовым. И он, возлежа на лоне Иисуса, извлекает отсюда силу слова и глубину мыслей. Стать Стефаном хотя и готов был, воспрепятствовало ему то, что уважением к себе удерживал побивающих камнями. Но я намерен сказать короче, не входя об этом в подробности. Иное из совершенств сам он изобрел, в другом подражал, а в ином превзошел, и тем, что преуспевал во всем, стал выше всех известных ныне.

Сверх всего скажу еще об одном, и притом кратко. Такова доблесть этого мужа, таково обилие славы, что многое маловажное в Василии, даже телесные его недостатки, другие думали обратить для себя в средство к славе. Таковы были бледность лица, отращивание на нем волос, тихость

походки, медленность в речах, необычайная задумчивость и углубление в себя, которое во многих, по причине неискусного подражания и неправильного понимания, сделалось угрюмостью. Таковы же были вид одежды, устройство кровати, приемы при вкушении пищи, что все делалось у него не по намерению, но просто, и как случилось. И ты увидишь многих Василиев по наружности, это – изваяния, представляющие тень Василия; ибо много сказать, чтобы они были и эхом. Эхо, хотя окончание только слов, однако же повторяет явственно; а эти люди больше отстоят от Василия, нежели насколько желают к нему приблизиться. Справедливо же ставилось в немалую, а даже в великую честь, если кому случалось или близким быть к Василию, или прислуживать ему, или заметить на память что-либо им сказанное или сделанное, в шутку ли то, или с намерением, чем, сколько знаю, и я неоднократно хвалился; потому что у Василия и необдуманное было драгоценнее и замечательнее сделанного другими с усилием.

Когда же, течение скончав и веру соблюдши, возжелал он разрешиться, и наступило время к принятию венцов, когда услышал он не то повеление: «взойди на гору и умри» ([Втор.32:49,50](#)), но другое: «Скончайся и взойди к нам»; тогда совершает он чудо не меньше описанных. Будучи уже почти мертв и бездыханен, оставив большую часть жизни, оказывается он еще крепким при произнесении исходной своей речи, чтобы отойти отсюда с увещаниями благочестия, и на рукоположение искреннейших своих служителей подает руку и дух, чтобы алтарь не лишен был его учеников и помощников в священстве.

Коснеет, правда, слово коснуться последующего, однако же коснется, хотя говорить об этом и приличнее было бы другим, а не мне, который (сколько ни учился любомудрию) не умею соблюсти любомудрия в скорби, когда привожу себе на память общую потерю и скорбь, какая объяла тогда Вселенную.

Василий лежал при последнем издыхании, призываемый к горнему ликостоянию, к которому с давнего времени простирали свои взоры. Вокруг него волновался весь город; нестерпима была потеря; жаловались на его отшествование, как на притеснение, думали удержать его душу, как будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горесть делала их безрассудными); и всякий, если бы только возможно, готов был приложить ему что-нибудь от своей жизни. Когда же все их усилия оказались напрасны (надлежало обличиться тому, что он человек), и когда, изрекши последнее слово: «в Твою руку предаю дух мой» ([Пс.30:6](#)), взятый ангелами, радостно испустил он дух, впрочем

тайноводствовал прежде присутствующих, и усовершенствовав своими наставлениями, тогда открывается чудо замечательнейшее из бывших когда-либо. Святой был вынесен поднятый руками святых. Но каждый заботился о том, чтобы взяться или за воскрилие риз, или за сень, или за священный одр, или коснуться только (ибо что священнее и чище его тела?), или даже идти подле несущих, или насладиться одним зрением (как бы и оно доставляло пользу). Наполнены были торжища, переходы, вторые, и третьи этажи; тысячи всякого рода и возраста людей, дотоле незнакомых, то предшествовали, то сопровождали, то окружали одр и теснили друг друга. Псалмопения заглушаемы были рыданиями; и любомудрие разрешилось горестью. Наши препирались с посторонними, с язычниками, с иудеями, с пришлецами, а они с нами, о том, кто больше насладится зрелищем и извлечет для себя большую пользу. Скажу в заключение, что горесть окончилась действительным бедствием: от тесноты, стремления и волнения народного; немалое число людей лишилось жизни, и кончина их была ублажаема, потому что преселились отсюда вместе с Василием, и стали (как сказал бы иной усерднейший) надгробными жертвами. Когда же тело с трудом укрылось от хищных рук и оставило позади себя сопровождающих; предается он гробу отцов, и к иереям прилагается архиерей, к проповедникам – великий глас, оглашающий еще мой слух, к мученикам – мученик.

И теперь он на небесах, там, как думаю, приносит за нас жертвы и молится за народ (ибо и оставив нас, не вовсе оставил), а я – Григорий, полумертвый, полуусеченный, отторгнутый от великого союза (как и свойственно разлученному с Василием), влекущий жизнь болезненную и неблагоуспешную, не знаю, чем кончу оставшись без его руководства. Впрочем, и донныне подает он мне советы, и если когда престаю пределы должного, уцеломудривает меня в ночных видениях.

Но если я примешиваю к похвалам слезы, живописую словом жизнь этого мужа, предлагаю будущим временам общую картину добродетели, для всех Церквей и душ начертание спасения, на которое взирая, как на одушевленный закон, можем устраивать жизнь, то вам, просвещенным его учением, дам ли другой какой совет, кроме того, чтобы, всегда обращая взор к нему, как бы еще видящему вас и вами видимому, усовершенствовались вы духом! Итак, все вы, стоящие предо мной, весь лик Василия, все служители алтаря, все низшие служители Церкви, все духовные и мирские, приступите и составьте со мной похвалу Василию, пусть каждый расскажет об одном каком-нибудь из его совершенств; пусть ищут в нем сидящие на престолах – законодателя, гражданские начальники

– градостроителя, простолюдины – учителя благочиния, ученые – наставника, девы – невестоводителя, супруги – наставника в целомудрии, пустынножители – окрыляющего, живущие в обществе – судию, любители простоты – путеводителя, ведущие жизнь созерцательную – богослова, живущие в веселии – узду, бедствующие – утешение, седина – жезл, юность – детовождение, нищета – снабдителя, обилие – домостроителя. Думаю, что и вдовы восхвалят покровителя, сироты – отца, нищие – нищелюбца, странные – страннолюбца, братия – братолюбца, больные – врача, от всякой болезни дающего врачевание, здоровые – охранителя здоровья, и все – «для всех бывшего всем» ([1Кор.9:22](#)), да всех, или как можно большее число людей, приобретает.

Это тебе, Василий, от меня, которого голос был для тебя некогда весьма приятен, от меня – равного тебе саном и возрастом! И если оно близко к достоинству; то это – твой дар, ибо, на тебя надеясь, приступал я к слову о тебе. Если же оно далеко от достоинства и гораздо ниже надежд; мог ли что сделать я, сокрушенный старостью, болезнью и скорбью о тебе? Впрочем, и Богу угодно то, что по силам. Призри же на меня свыше, божественная и священная глава, и данного мне, для моего вразумления, «жало в плоть, ангела сатаны» ([2Кор.12:7](#)) утишь твоими молитвами или научи меня сносить его терпеливо, и всю жизнь мою направь к полезнейшему! А если преставлюсь, и там прими меня под кров свой, чтобы, обитая друг с другом, чище и совершеннее созерцая святую и блаженную Троицу, о Которой ныне имеем некоторое познание, оставить нам на этом свое желание и получить это в воздаяние за то, что мы и ратовали, и были ратуемы.

Такое тебе от меня слово! Кто же восхвалит меня, который после тебя оставит жизнь, если и доставлю слову нечто достойное похвалы, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава вовеки? Аминь.

Слово 44

На неделю новую, на весну и в память мученика Маманта

Древен и с доброй целью установлен закон чтить день Обновления, лучше же сказать, с днем Обновления чтить новые благодеяния и чтить не однажды, но многократно, всякий раз как с новым обращением года возвращается тот же день, дабы дарованное благо со временем не изгладилось из памяти и не исчезло, потерявшись в глубине забвения. Обновляются, как читаем у Исаии, «острова к Богу» ([Ис.41:1](#)); что бы ни надлежало понимать под этими островами, а по моему мнению понимать должно Церкви, недавно устроенные из язычников, возникающие из горького неверия и получающие твердость, удобовосходимую для Бога. Обновляется, у другого Пророка ([Иер.1:18](#)), «медная стена», то есть, как думаю, душа твердая и златовидная, новоутвержденная в благочестии. Мы имеем повеление «петь Господу песнь новую» ([Пс.149:1](#)), увлечены ли мы были грехом в Вавилон, в эту лукавую слитность, и потом счастливо возвратились во Иерусалим, и как там, будучи на земле чуждой, не могли петь божественной песни, так здесь составили и новую песнь, и новый образ жизни, или постоянно пребывали и преуспевали в добре, и иное уже совершили, а иное еще совершаем при помощи Святого и обновляющего Духа. Обновляется, и притом весьма великолепно, Скиния свидения, которую Бог показал, Веселиил совершил, а Моисей водрузил. Обновляется и царство Давидово, даже однажды, но в первый раз при помазании, а в другой – при провозглашении Давида царем. «Настал же тогда праздник обновления в Иерусалиме, и была зима» ([Ин.10:22](#)), то есть зима неверия. И пришел Иисус – Бог и храм, Бог вечный, храм новый в один день разоряемый, в три дня восстанавливаемый и пребывающий вовеки, да буду я спасен, возван от древнего падения, и сделаюсь новой тварью, воссозданный таковым человеколюбием. Божественный Давид желает сердца чистого, в нем созидаемого, и духа правого, обновляемого во утробе его, не потому, чтобы не имел (кому же и иметь, как не великому Давиду?), но потому, что признает новым настоящее, непрестанно прилагаемое к прошедшему. Но какая мне нужда говорить о большем числе обновлений? Могу объяснять настоящее Обновление, которое ныне празднуем – от смерти преходя к жизни. Обновление, обновление – наш праздник, братья; да повторяется это неоднократно от удовольствия. И какое еще обновление? Кто знает, пусть научит этому, а не знающий да

обновит слух!

Бог есть свет неприступный. Он непрерывен, не начинался, не прекратится; Он неизменяем, вечносияющ и трисиятелен; немногие (думаю же, едва ли и не многие) созерцают Его во всей полноте. Силы, окружающие Бога и служебные духи – суть вторые светы, отблески Света первого. А свет, который у нас, не только начался впоследствии, но пресекается ночью, и сам равномерно пресекает ночь. Он вверен зрению, разлит в воздухе, и сам приемлет то, что отдает; ибо доставляет зрению возможность видеть, и первый бывает видим посредством зрения, разлитый же вокруг видимых предметов сообщает им видимость. Бог, восхотевший устроить этот мир, который состоит из видимого и невидимого и служит великим и дивным проповедником Его величия, этот Бог для существ присносущих Сам есть Свет, а не иной кто (ибо нужен ли свет вторичный для тех, которые имеют Свет высочайший?). А существа дальние и нас окружающие прежде всего осияет Он этим видимым светом. Ибо великому Свету прилично было начать мироздание сотворением света, которым уничтожает Он тьму и бывшие дотоле нестройность и беспорядок. И, как рассуждаю, вначале Бог сотворил не этот органический и солнечный свет, но не заключенный в теле и в солнце, а потом уже данный солнцу освещать всю Вселенную. Когда для других тварей осуществил Он прежде вещество, а впоследствии облек в форму, дав каждому существу устройство частей, очертание и величину; тогда, чтобы сделать еще большее чудо, осуществил здесь форму прежде вещества (ибо форма солнца – свет), а потом уже присовокупляет вещество, создав око дня, то есть солнце. Поэтому к дням причисляется нечто первое, второе, третье и так далее до дня седьмого, упокаивающего от дел, и этими днями разделяется все сотворенное, приводимое в устройство по неизреченным законам, а не мгновенно производимое Всемогущим Словом, для Которого помыслить или изречь значит уже совершить дело. Если же последним явился в мир человек, почтенный Божиим рукотворением и образом, то это нимало не удивительно, ибо для него, как для царя, надлежало приготовить царскую обитель, и потом уже ввести в нее царя в сопровождении всех тварей.

Итак, если бы мы пребыли тем, чем были, и сохранили заповедь, то сделали бы тем, чем не были, и пришли бы к древу жизни от древа познания. Чем же бы мы сделали? Бессмертными и близкими к Богу. Но поскольку «завистью» лукавого «смерть в мир вошла» ([Прем.2:24](#)) и овладела человеком через обольщение, то Бог, став человеком, страждет как человек, и нищает до восприятия плоти, чтобы мы обогатились Его

нищетою. Отсюда смерть, и гроб, и воскресение. Отсюда новая тварь и по празднике праздник; и я опять учредитель торжества, праздную обновление моего спасения.

«Что же? – скажешь. – Разве не обновления день был и первый Воскресный день, последовавший за этой священной и светоносной ночью? Для чего даешь это наименование нынешнему дню, о празднотлюбце, вымышляющий многие веселья?» – То был день спасения, а это день воспоминания спасения. Тот день разграничивает собой погребение и воскресение, а этот есть чисто день нового рождения, чтобы, как первое творение начинается днем недельным (а это видно из того, что седьмой от него день делается субботой, потому что он день упокоения от дел), так и второе творение начиналось опять тем же днем; потому что он есть первый в числе последующих за ним, и восьмой в числе предшествующих ему – день из высоких высокий, из дивных дивный, ибо ведет к горнему состоянию. Об этом дне, мне кажется, гадает и божественный Соломон, повелевая давать «часть семи», то есть настоящей жизни, и «восьми» ([Еккл.11:2](#)), то есть жизни будущей, как от здешнего благоделания, так и от тамошнего восстановления. Но и великий Давид в честь этого же дня воспевае псалмы свои о «восьмом» ([Пс.6](#) и [Пс.11](#)), так как этому же дню обновлений воспевае другой псалом (29), именуя какое-то «обновление дому», а этот дом – мы, которые удостоились быть, именоваться и сделаться храмом Божиим.

Вот вам слово о дне Обновления! Но и сами обновитесь, и совлекшись ветхого человека, в «обновленной жизни» ([Рим.6:4](#)) жительствуйте, наложив узду на все, от чего бывает смерть, обучив все члены, возненавидев или изbleвав всякую негодную снедь древа, и для того только памятуя древнее, чтобы избегать его. «Прекрасен» на вид и «хорош в снедь» был тот плод, который умертвил меня. Будем избегать доброцветности, станем смотреть на самих себя. Да не «победит тебя доброты похоть, да не восхитишься веждами» ([Притч.6:24](#)), если можно, даже и беглого взгляда, помня Еву, эту сладкую приманку, драгоценную отраву. Спасет ли того чужая, кого погубила своя? Да не услаждается гортань твоя, в которой бывает поглощено все, что дают ей, и многоценное, прежде нежели ею принято, делается ничего не стоящим по принятии. Тебя изнежило обоняние? Избегай благовоний. Расслабило осязание? Откажись от всего, что гладко и мягко. Убедил слух? Затвори двери всякой обольстительной и праздной беседе. «Открывай уста твои слову Божию» ([Притч.31:81](#)), чтобы привлечь Дух, а не похитить себе смерти. Если обольщае тебя что-нибудь запрещенное, вспомни, кто ты

был, и от чего погиб. Если хотя несколько уклонился ты от здравого смысла, войди в себя, пока не совершенно обезумел и подвергся смерти, из ветхого стань новым и праздной обновлением души. Гнев питай на одного только змия, через которого ты пал. Всю страстную силу твою устреми к Богу, а не к чему-либо иному злокозненному и обманчивому. Во всем да начальствует рассудок, и лучшее тебе да не увлекается худшим. Не питай ненависти, и притом без причины, к брату своему, за которого Христос умер и, будучи Богом и Владыкой, стал твоим братом. Не завидуй благоуспевшему ты, который сам возбудил к себе зависть, поверил, что тебе завидуют, и через то низложен. Не презирай слез ты, который сам претерпел достойное многих слез, и потом помилован. Не отталкивай от себя бедного ты, который обогащен Божеством; в противном случае, по крайней мере, не обогащайся во вред бедному, ибо и это уже много значит при нашей ненасытности. Не презирай странника, за которого Христос был странником (а у Христа все мы странники и пришельцы), да не будешь по-прежнему устранен из рая. Нуждающемуся в крове, пище и одежде доставь это ты, который пользуется этим, и еще сверх нужды. Не люби богатства, если оно не помогает бедным. Прощай – получивший прощение, милуй – помилованный. Человеколюбием приобретай человеколюбие, пока есть к тому время. Да обновится у тебя вся жизнь, да обновятся тебе пути твоей деятельности. Живущие под игом супружества! Дайте нечто и Богу, потому что вы связаны. Девы! Отдайте Богу все, потому что вы свободны. Не будьте хищницами рабского сладостолбия, избегающие свободы тем, что живете с мужьями, хотя они вам не мужья. Не терплю, чтобы вы непрестанно страдали сладострастными воспоминаниями. Ненавижу знакомства через воздух. Сильные, убойтесь Сильнейшего; сидящие на высоких престолах, устрашитесь Вышнего! Не дивись тому, что непостоянно. Не презирай того, что постоянно. Не сжимай крепко того, что взятое в руки расплывается. Не ревнуй о том, что достойно не зависти, а ненависти. Не возносись высоко, чтобы не пасть глубже. Не ставь в великое, что кажешься лучше плохих, но скорби, что превосходят тебя добрые. Не смейся падению ближнего; сам ходи, сколько можешь, непреткновенно, но и лежащему на земле подавай руку. В печали не теряй надежды на благоденствие, и при успешном течении дел жди печали. В один год бывают четыре времени года; одно мгновение производит многие перевороты. Удовольствие да пресекается у тебя заботой, а скорбь – лучшей надеждой. Так обновляется человек, так чествуется день обновления, таким наслаждением, такими яствами. «Да не являются», сказано, «пред лице Мое» (κενος) «с пустыми руками» ([Исх.23:15](#)), но

принесут с собой что-нибудь доброе. А теперь явись (καίνος) нов, с иными нравами, всецело изменен. «Древнее прошло, теперь все новое» ([2Кор.5:17](#)). Эти плодоноси празднику, изменись добрым изменением, и даже в таком случае не думай о себе высоко, но скажи с Давидом: «это изменение десницы Всевышнего» ([Пс.76:11](#)), от Которого все благоуспешное в людях. Слово Божие хочет, чтобы ты не на одном месте стоял, но был приснодвижен, благодвижен, совершенно новоздан, и если грешишь, отворачивался от греха, а если благоуспеваешь, еще более напрягал силы. Вчера вера твоя была сообразна с обстоятельствами времени, ныне познай веру Божию, «долго ли тебе хромать на оба колена» ([3Цар.18:21](#))? Долго ли будешь готовить нужное к строению? Займись наконец самой постройкой. Вчера вменял ты себе в честь казаться, ныне вмени в большую себе честь быть тем на самом деле. Долго ли будут одни грезы? Позаботься когда-нибудь и о действительности! Вчера ты был любителем зрелищ; окажись ныне любителем созерцаний. Вчера был ты злоречив, нагл, ныне говори одно доброе и будь кроток. Вчера предавался ты пьянству, ныне служи целомудрию. Ныне пьешь вино, завтра пей воду. Ныне «нежишься на ложах из слоновой кости и мажешься наилучшими мастьями» ([Ам.6:4,6](#)), завтра ложись на голой земле и бодрствуй. Из смеющегося сделайся задумчивым, вместо щегольских одежд надень рубище, вместо высокомерного и напыщенного вида прими простую наружность, из златоносца стань нищетолюбцем, из высокомерного – поникшим к земле. Если так будешь рассуждать и поступать, то будет небо новое и земля новая для тебя, постигающего как прочее, так и этому основание.

Но перейдем уже и к тому, чтобы воспраздновать прилично времени. Ибо все прекрасно собирается к торжеству и радуется. Смотри, каково видимое! Царица времен года выходит навстречу царице дней и приносит от себя в дар все, что есть прекраснейшего и приятнейшего. Ныне небо прозрачно, ныне солнце выше и златовиднее, ныне круг луны светлее и сонм звезд чище. Ныне вступают в примирение волны с берегами, облака с солнцем, ветры с воздухом, земля с растениями, растения со взорами. Ныне источники струятся прозрачнее, ныне реки текут обильнее, разрешившись от зимних уз, луг благоухает, растение цветет, трава скашивается, и агнцы скачут на злчных полях. Уже корабль выводится из пристани с восклицаниями, притом большей частью благоугодными, и окрыляется парусом; дельфин, с возможным удовольствием переводя дыхание и поднимаясь наверх, играет около корабля и неумоимо сопровождает плывущих. Уже земледелец водружает в землю плуг, возводя

взор горе и призывая на помощь Подателя плодов; уже ведет он под ярмо вола – орастая, нарезывает пышную борозду и веселится надеждами. Уже пасущие овец и волов настраивают свирели, наигрывают пастушескую песнь и встречают весну под деревьями и на утесах, уже садовник ухаживает за деревьями, птицелов заготавливает клетки, осматривает лучки, замечает полет птиц, рыболов всматривается в глубины, очищает сетки и сидит на камнях. Уже трудолюбивая пчела, расправив крылья и оставив улей, показывает свою мудрость, летает по лугам, собирает добычу с цветов, и иная обдeldывает соты, переплетая шестиугольные и одна на другую опрокинутые чашечки, и смыкая их попеременно, то прямо, то под углом, вместе для красоты и для прочности; а иная складывает мед в эти хранилища и возделывает для пришлого гостя сладкий и без плуга возвращенный плод. О, если бы поступили так и мы, Христос пчельник, мы – имеющие перед собой такой образец мудрости и трудолюбия! Уже птица вьет себе гнездо, одна прилетает в него временно, другая живет в нем постоянно, а иная летает вокруг, оглашает лес и как бы разговаривает с человеком. Все воспеваает Бога и славит Его бессловесными гласами. И через меня за все приносится благодарение Богу. Таким образом, хвалебная их песнь делается моею, от них и я беру повод к песнословию. Ибо ныне выражает радость свою все живущее, и у нас наслаждается всякое чувство. Ныне гордый и горячий конь, которому наскучило стоять под кровлей, разорвал привязь, скачет по полю и красуется при реках.

Что еще? Ныне Мученики под открытым небом совершают торжественное шествие, к светлым алтарям созывают народ христоролюбивый и возвещают свои подвиги. К их числу принадлежит и мой венценосец (он мой, хотя и не у меня; да падет зависть! – говорю знающим), знаменитейший Мамант, и пастырь и мученик. Он прежде доил ланей, которые одна перед другой спешили напитать праведника необыкновенным молоком; а теперь пасет народ матери городов, и сегодня, среди многих тысяч отовсюду спешащих людей, празднует обновление весны – как отличающейся красотою добродетелей, так достойной Пастырей и торжественных слов.

Скажу еще короче: ныне весна естественная, весна духовная, весна для душ, весна для тел, весна видимая, весна невидимая; и, о если бы мы сподобились ее там, прекрасно изменившись здесь, и обновленными придя в новую жизнь, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому всякая слава и честь и держава со Святым Духом, во славу Бога Отца, аминь!

Слово 45

На Святую Пасху

«На стражу мою стал», – говорит чудный Аввакум ([Авв.2:1](#)). Стану с ним ныне я, по данным мне от Духа власти и созерцанию; «посмотрю» и узнаю, что будет мне показано и что «сказано». Я стоял и смотрел: и вот муж, восшедший на облака, муж весьма высокий, и «образ его как вид Ангела» ([Суд.13:6](#)), и одежда его, как блистание летящей молнии. Он воздел руку к востоку, воскликнул громким голосом (а глас его, как глас трубы, и вокруг его как бы «воинство небесное») и сказал: «Ныне спасение миру, миру видимому и миру невидимому! Христос из мертвых – восстаньте с Ним и вы; Христос во славе Своей, – восходите и вы; Христос из гроба, – освобождайтесь от уз греха; отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхий Адам, совершается новый: «кто во Христе, тот новая тварь» ([2Кор.5:17](#)); обновляйтесь». Так говорил он, а другие воспели то же, что и прежде, когда явился нам Христос через долнее рождение: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, во человеках благоволение» ([Лк.2:14](#)).

С ними и я (о если бы иметь мне и голос, достойный ангельской песни и оглашающий концы мира!) вещаю вам так: Пасха! Господня Пасха! Я еще скажу в честь Троицы: Пасха! Она у нас праздников праздник и торжество торжеств; настолько превосходит все торжества, не только человеческие и земные, но даже Христовы и для Христа совершаемые, насколько солнце превосходит звезды. Прекрасно у нас и вчера блистало и сияло все светом, каким наполнили мы и частные дома, и места общественные, когда люди, всякого почти рода и всякого звания, щедрыми огнями осветили ночь, в образ великого света, света, каким небо сияет свьше, озаряя целый мир своими красотами, света премирного, который в ангелах, первой светлой природе после Первого Естества, из Него исходит, – и Света в Троице, Которой составлен всякий свет, от неделимого Света разделяемый и украшаемый. Но прекраснее и блистательнее нынешняя светозарность, потому что вчерашний свет был предтечей великого и воскресшего Света, и как бы предпраздничным весельем; а ныне празднуем само воскресение, не ожидаемое еще, но уже совершившееся и примиряющее собой весь мир.

Поэтому иные пусть принесут какие ни есть другие плоды, и всякий пусть предложит времени свой дар – дар праздничный, большой или малый, но духовный и Богу угодный, сколько у каждого достанет на то сил.

Ибо дар соразмерный достоинству едва ли принесут и ангелы – существа первые, духовные и чистые, зрители и свидетели горней славы, хотя они способны к совершеннейшему песнословию. А я принесу в дар слово, как лучшее и драгоценнейшее из всего, что имею, наипаче же, когда воспеваю Слово за благодеяние к разумному естеству. С этого и начну. Ибо, принося в жертву слово о великой Жертве и о величайшем из дней, не могу не востечь к Богу и не в Нем положить для себя начало. И вы, услаждающиеся подобными предметами, чтобы выйти вам отсюда, насладившимися действительно неудобоистоощаемым, поскольку слово у меня о Боге и божественно, очистите и ум, и слух, и мысль. Слово же будет самое полное и вместе самое краткое, как не огорчит недостатком, так не наскучит и излишеством.

Бог всегда был, есть и будет, или, лучше сказать, всегда есть, ибо слова был и будет означают деления нашего времени и свойственны естеству преходящему, а «Сущий» – всегда. И этим именем именует Он Сам Себя, беседуя с Моисеем на горе ([Исх.3:14](#)); потому что сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится. Как некое море сущности, не определенное и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве, одним умом (и то весьма не ясно и недостаточно – не в рассуждении того, что есть в Нем Самом, но в рассуждении того, что окрест Его), через набрасывание некоторых очертаний, оттеняется Он в один какой-то облик действительности, убегающий прежде, нежели будет уловлен, и ускользящий прежде, нежели умопредставлен, настолько же обнимающий сиянием владычественное в нас, если оно очищено, насколько быстрота летящей молнии озаряет взор. И это, кажется мне, для того, чтобы постигаемым привлекать к Себе (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а непостижимым приводит в удивление, через удивление же возбуждать большее желание и через желание очищать, а через очищение делать богоподобными; и когда сделаемся такими, уже беседовать как с вечными (дерзнет слово изречь нечто смелое) – беседовать Богу, вступившему в единение с богами и познанному ими, может быть настолько же, насколько Он знает познанных им ([1Кор.13:12](#)).

Итак, Божество беспредельно и неудобосозерцаемо. В нем совершенно постижимо это одно – Его беспредельность, хотя иной и почитает принадлежностью простого естества – быть или вовсе непостижимым, или совершенно постижимым. Но исследуем, что составляет сущность простого естества, потому что простота не

составляет еще его естества, точно так же, как и в сложных существах не составляет естества одна только сложность. Разум, рассматривая беспредельное в двух отношениях – в отношении к началу и в отношении к концу (ибо беспредельное простирается далее начала и конца и не заключается между ними), когда устремит взор свой на горную бездну и не находит, на чем остановиться, или где положить предел своим представлениям о Боге, тогда беспредельное и неисследимое называет безначальным, а когда, устремившись в дольную бездну, испытывает подобное прежнему, тогда называет его бессмертным и нетленным; когда же сводит в единство то и другое, тогда именует вечным; ибо вечность не есть ни время, ни часть времени, потому что она неизмерима. Но что для нас время, измеряемое движением солнца, то для вечных вечность, нечто сопряженное с вечными существами и как бы некоторое временное движение и расстояние.

Этим да ограничится ныне любомудрствование наше о Боге, потому что нет времени распространяться, и предмет моего слова составляет не богословие, но Божие домостроительство. Когда же именую Бога, разумею Отца и Сына и Святого Духа, какие разделяя Божества далее этого числа Лиц, чтобы не ввести множество богов, так не ограничивая меньшим числом, чтобы не осуждали нас в скудости Божества, когда впадем или в иудейство, защищая единоначалие, или в язычество, защищая многоначалие. В обоих случаях зло равно, хотя от противоположных причин. Таково Святое Святых, скрываемое и от самих Серафимов и прославляемое тремя Святынями, которые сходятся в единое Господство и Божество, о чем другой некто прекрасно и весьма высоко любомудрствовал прежде нас.

Но поскольку для Благодати не довольно было упражняться только в созерцании Себя самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло дальше и дальше, чтобы число облагодетельствованных было как можно большее (ибо это свойственно высочайшей Благодати), то Бог измышляет, во-первых, ангельские и небесные силы. И мысль стала делом, которое исполнено Словом и совершено Духом. Так произошли вторые светлости, служители первой Светлости, понимать ли под ними разумных духов, или как бы невещественный и бесплотный огонь, или другое какое естество, наиболее близкое к сказанным. Хотел бы я сказать, что они не движутся на зло и имеют только движение к добру, как сущие окрест Бога и непосредственно озаряемые от Бога (ибо земное пользуется вторичным озарением), но признавать и называть их не неподвижными, а неудободвижными, убеждает меня ангел – по светлости, а за

превозношение ставший и называемый тьмой, с подчиненными ему богоотступными силами, которые через свое удаление от добра стали виновниками зла, и нас в него вовлекают. Так и по таким причинам сотворен Богом умный мир, насколько могу об этом любомудрствовать, малым умом взвешивая великое.

Поскольку же первые твари были благоугодны Богу, то измышляет другой мир – вещественный и видимый; и это есть стройный состав неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекрасным качествам каждой вещи, и еще более достойный удивления по стройности и согласию целого, в котором и одно к другому, и все ко всему состоит в прекрасном соотношении, служа к полноте единого мира. А этим Бог показал, что Он силен сотворить не только сродное, но и совершенно чуждое Себе естество. Сродны же Божеству природы умные и одним умом постигаемые, совершенно же чужды твари подлежащие чувствам, а и из этих последних еще дальше отстоят от Божественного естества твари вовсе неодушевленные и недвижимые.

Итак, ум и чувство, столь различные между собой, стали в своих пределах и выразили собой величие Зиждительного Слова, как безмолвные хвалители и ясновещивые проповедники великолепия. Но еще не было смешения из ума и чувства, сочетания противоположных – этого опыта высшей Премудрости, этой щедрости в образовании естеств, и не все богатство Благости было еще обнаружено. Восхотев и это показать, Слово художника созидает живое существо, в котором приведены в единство то и другое, то есть невидимое и видимая природа, созидает, говорю, человека; и из сотворенного уже вещества взяв тело, а от Себя вложив жизнь (что в слове Божиим известно под именем души и образа Божия), творит как бы некий второй мир, в малом великий, оставляет на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, свидетеля тайн твари умосозерцаемой, царя над тем, что на земле, подчиненного горнему царству, земного и небесного, временного и бессмертного, видимого и умосозерцаемого, ангела, который занимает середину между величием и низостью, один и тот же есть дух и плоть, – дух ради благодати, плоть ради превозношения, дух, чтобы пребывать и прославлять Благодетеля, плоть, чтобы страдать, и страдая, припомянуть и учиться, насколько щедро одарен он величием; творит живое существо, здесь предуготовляемое и переселяемое в иной мир и (что составляет конец тайны) через стремление к Богу достигающее обожения. Ибо умеряемый здесь свет истины служит для меня к тому, чтобы видеть и сносить светлость Божию, достойную Того, Кто связует и разрешает, и

опять совокупит превосходнейшим образом.

Этого человека, почтив свободой, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена его, Бог оставил в раю (что бы ни значил этот рай) делателем бессмертных растений – может быть, божественных помыслов как простых, так и более совершенных, поставил нагим по простоте и безыскусственной жизни, без всякого покрова и ограждения, ибо таковым надлежало быть первозданному. Дает и закон для упражнения свободы. Законом же была заповедь: какими растениями ему пользоваться и какого растения не касаться. А последним было древо познания, и посаженное вначале не злонамеренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзают при этом уста богоборцы, и да не подражают змию!); напротив, оно было хорошо для употребляющих благовременно (потому что древо это, по моему умозрению, было созерцание, к которому безопасно приступать могут только обладающие опытом), но не хорошо для простых еще и для неумеренных в своем желании, подобно как и совершенная пища не полезна для слабых и требующих молока.

Когда же, из-за зависти дьявола и обольщения жены, которому она сама подверглась как слабейшая и которое произвела как искусная в убеждении (о немощь моя! Ибо немощь прародителя есть и моя собственная), человек забыл данную ему заповедь и побежден горьким вкушением; тогда через грех делается он изгнанником, удаляемым в одно время и от древа жизни, и из рая, и от Бога, облекается в кожаные ризы (может быть, в грубейшую, смертную и противоборствующую плоть), в первый раз познает собственный стыд и укрывается от Бога. Впрочем, и здесь приобретает нечто, именно смерть – в пресечение греха, чтобы зло не стало бессмертным. Таким образом, само наказание делается человеколюбием, ибо так, в чем я уверен, наказывает Бог.

Но в преграждение многих грехов, какие давал корень повреждения от разных причин и в разные времена, человек и прежде вразумлялся многоразлично: словом, Законом, Пророками, благодеяниями, угрозами, карами, наводнениями, пожарами, войнами, победами, поражениями, знаменами небесными, знаменами в воздухе, на земле, на море, неожиданными поворотами в судьбе людей, городов, народов (все это сглаживало повреждение); наконец, стало нужно сильнейшее средство, по причине сильнейших недугов: человекоубийств, прелюбодеяний, клятвопреступлений, муженеистовства и этого последнего и первого из всех зол – идолослужения и поклонения твари вместо Творца. Поскольку все это требовало сильнейшего средства, то и дается сильнейшее. И оно

было следующее.

Само Божие Слово, превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное. Начало от Начала, Свет от Света, источник жизни и бессмертия, Отпечаток Первообраза, Печать непереносимая, Образ неизменяемый, определение и слово Отца, приходит к Своему образу, носит плоть ради плоти, соединяется с разумной душой ради моей души, очищая подобное подобным, делается человеком по всему, кроме греха. Хотя чревоносит Дева, в которой душа и тело очищены Духом (ибо надлежало и рождение почтить, и целомудрие предпочесть), однако же Произшедший есть Бог и с воспринятым²⁷⁸ от Него, единое из двух противоположных – плоти и Духа, из которых Один обожил, другая обожена.

О новое смешение! О чудное растворение! Сущий начинает бытие, Несозданный создается, Необъемлемый объемлется через разумную душу, посредствующую между Божеством и грубой плотью; Богатящийся становится нищим – нищает до плоти моей, чтобы мне обогатиться Его Божеством; Исполняемый истощается – истощается ненадолго в славе Своей, чтобы мне быть причастником полноты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство о мне? Я получил образ Божий и не сохранил его; Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить. Он вступает во второе с нами общение, которое гораздо чуднее первого, поскольку тогда даровал нам лучшее, а теперь восприимлет худшее; но это боголепнее первого, это выше для имеющих ум.

«Но что нам до этого? – скажет, может быть, какой-нибудь чрезмерно ревностный любитель праздников. – Гони коня к цели, – будь мудрым о том, что относится к празднику и для чего собрались мы ныне». Так и сделаю, хотя начал несколько отдаленно, к чему принужден усердием и словом.

Для любителей учености и изящества неплохо, может быть, кратко разобрать наименование самой Пасхи, ибо такое отступление будет не недостойно слушания. Великая и досточтимая Пасха называется у евреев пасхой на их языке (где слово это значит «прехождение») – исторически, по причине бегства и переселения из Египта в Хананею, а духовно, по причине прохождения и восхождения от дольного к горнему и в землю обетованную. Но во многих местах Писания встречаем, что некоторые названия из неясных изменены на яснейшие, или из грубых на благоприличнейшие; то же видим и здесь. Ибо некоторые, приняв слово это за наименование спасительного страдания, потом приспособив к

эллинистическому языку, после изменения Ф на П, и К на Х, назвали этот день Пасхой²⁷⁹. А привычка к измененному слову сделала его употребительнейшим, потому что оно нравилось слуху народа, как выражение более благочестное.

Божественный Апостол прежде нас еще сказал, что весь Закон есть «тень будущего» ([Кол.2:17](#)) и умопредставляемого. И Бог, говоривший с Моисеем, когда давал об этом законы, сказал: «Смотри, сделай все по образцу, показанному тебе на горе» ([Исх.25:40](#)), давая этим понять, что видимое есть некоторый оттенок и предначертание невидимого. И я уверен, что ничего не установлено было напрасно, без основания, с целью низкой и недостойной Божия законодательства и Моисеева служения, хотя и трудно для каждой тени изобрести особое умозрение, объясняющее все подробности узаконенного относительно самой скинии, мер, вещества, левитов, носивших ее и служивших при ней, и касательно жертв, очищений и приношений. Это удобосозерцаемо только для тех, которые подобны Моисею добродетелью и наиболее приближаются к нему ученостью. Ибо и на самой горе является Бог людям, частью Сам нисходя со Своей высоты, а частью нас возводя от дольной низости, чтобы Недостижимый был постигнут смертной природой, хотя в малой мере и насколько для нее безопасно. Да и невозможно, чтобы тяжесть брэнного тела и ума-узника постигла Бога не иначе, как при Божьей помощи. Поэтому и тогда не все, как известно, удостоены одинакового чина и места, но один удостоен того, а другой – другого, каждый же, как думаю, по мере своего очищения. А иные и совершенно были удалены, и получили дозволение слышать один глас свыше; это те, которые нравами уподоблялись зверям и недостойны были божественных таинств. Впрочем, мы, избрав середину между ними, которые совершенно грубы умом, и теми, которые слишком предаются умозрениям и парениям ума, чтобы не остаться вовсе недействительными и неподвижными, а также и не стать пытливыми сверх меры, не уклониться и не удалиться от предположенного предмета (одно было бы нечто иудейское и низкое, другое же походило бы на толкование снов, а то и другое равно предосудительно), будем беседовать об этом по мере возможности, не вдаваясь в крайние нелепости, достойные осмеяния.

Рассуждаю же так. Поскольку нас, которые вначале пали через грех и сластолюбие, вовлечены даже в идолопоклонничество и незаконное кровопролитие, надлежало опять возвести и привести в первобытное состояние, по великому милосердию Бога, Отца нашего, не потерпевшего, чтобы оставалось поврежденным такое произведение руки Его – человек,

то каким образом воссозидается он? И что при этом происходит? Не одобрено сильное врачевание, как неверное и способное произвести новые раны, по причине затвердевшей от времени опухоли; найден же для исправления кроткий и человеколюбивый способ врачевания, потому что и кривая ветвь не выносит внезапного перегиба и усилия выпрямляющей руки и скорее может переломиться, нежели выпрямиться. Горячий и старый конь не терпит мучительной узды без какой-нибудь лести и ласки. Поэтому дается нам в помощь Закон, как бы стена, поставленная между Богом и идолами, чтобы отводить от идолов и приводить нас к Богу. И вначале позволяет он иное маловажное, чтобы приобрести важнейшее. Дозволяет пока жертвы, чтобы восстановить в нас ведение о Боге. Потом, когда наступило время, отменяет и жертвы, постепенными лишениями премудро изменяя нас, и привыкших уже к благопокорности приводя к Евангелию. Так и на этот случай появился написанный Закон, собирающий нас ко Христу, и такова, по моему рассуждению, причина жертв!

Но чтобы познал ты глубину мудрости и богатство неисследимых судов Божиих, сами жертвы не оставил Бог вовсе неосвященными, несовершенными и ограничивающимися одним пролитием крови, но к подзаконным жертвам присоединяется великая и относительно к первому Естеству, так сказать, незакальваемая Жертва – очищение не малой части Вселенной и не на малое время, но целого мира и вечное. Для этого берется «агнец» ([Исх.12:5](#)) по незлобию и как одеяние древней наготы, ибо такова Жертва, за нас принесенная, которая есть и именуется одеждой нетления. «Совершенна» не только по Божеству, в сравнении с Которым ничего нет совершеннее, но и по воспринятому естеству, которое помазано Божеством, стало тем же с Помазавшим и, осмелюсь сказать, вкуче Богом. «Мужской пол», потому что приносится за Адама, лучше же сказать, потому что крепче крепкого, первого падшего во грехе, особенно же потому, что не имеет в Себе ничего женского, несвойственного мужу, а напротив, по великой власти, силой расторгает девственные и материнские узы и рождается от пророчицы мужской пол, как благовествует Исаия ([Ис.8:3](#)). «Однолетняя», как «солнце правды» ([Мал.4:2](#)), или оттоле²⁸⁰ выходящее, или описываемое видимым и к Себе возвращающееся, и как «благословенный венец благодати» ([Пс.64:12](#)), повсюду Сам Себе равный и подобный, а сверх этого и как то, чем оживотворяется круг добродетелей, не приметно между собой сливающихся и растворяющихся по закону взаимности и порядка. «Непорочная» и нескверная, потому что врачует от позора и от недостатков и скверн, произведенных повреждением, ибо хотя

воспринял на Себя наши грехи и понес болезни, но Сам не подвергся ничему, требующему излечения. «Искушен» был «во всем подобно нам, кроме греха» ([Евр.4:15](#)), потому что гонитель «Света», Который «во тьме светит, Его не объял» ([Ин.1:5](#)). Что еще? Упоминается первый месяц, или лучше сказать, «начало месяцев» ([Исх.12:2](#)), или потому что он был таким у евреев издавна, или потому что сделался таким впоследствии, с этого именно времени, и от таинства принял наименование первого. «В десятый день месяца» ([Исх.12:3](#)) – это самое полное из чисел, первая из единиц совершенная единица и родительница совершенства. Соблюдается до пятого дня ([Исх.12:6](#)), может быть потому, что жертва моя есть очистительная для чувств, от которых мое падение и в которых брань, так как они приемлют в себе жало греха. Избирается же не «от овец» только, но и из худшей природы, из стоящих по левую руку, «от коз» ([Исх.12:5](#)), потому что закаляется не за праведных только, но и за грешных, и за последних, может быть, тем больше, что имеем нужду в большем человеколюбии. Нимало же неудивительно, что особенно требуется «агнец» по каждому дому, а если нет, то по бедности через складчину «по домам отечеств». Ибо всего лучше, чтобы каждый сам собой достаточен был к приобретению совершенства, и зовущему Богу приносил жертву живую, святую, всегда и во всем освящаемую. Если же нет, то должен привлечь к этому помощников, сродных ему по добродетели и подобных нравом. Это, как думаю, значит, в случае нужды, приобщать к жертве соседей. Потом священная ночь, противоборница этой ночи – настоящей нераздельной жизни, ночь, в которую истребляется первородная тьма, все приходит во свет, в порядок и в свой вид, прежнее безобразие приемлет благообразность. Потом бежим от Египта, мрачного гонителя – греха, бежим от фараона, невидимого мучителя и от немилосердных смотрителей, переселяясь в горный мир, освобождаемся от «работы с глиной» и «кирпичами», от состава этой тленной и поползновенной плоти, всего чаще ничем неуправляемой кроме бранных помыслов. Потом закаляется агнец, и честной кровью запечатлеваются дела и ум, или сила и деятельность – эти косяки ([Исх.12:7](#)) наших дверей, имею в виду движения мысли и мнения, прекрасно отверзаемые и заключаемые умозрением, потому что и для понятий есть некоторая мера. Потом последняя и тягчайшая казнь гонителям, подлинно достойная ночи: Египет плачет над первенцами собственных помыслов и дел, что называется в Писании племенем халдейским отнятым ([Ис.48:14](#)) и вавилонскими младенцами, разбиваемыми и сокрушаемыми о камень ([Пс.136:9](#)). Везде у египтян рыдание и вопль, а от нас отступит тогда их губитель, чья

помазание и страшась его. Потом отказ от квасного в продолжение семи дней (число самое таинственное и состоящее в близком отношении к этому миру), удален давнего и застаревшего заблуждения (а не хлебной и жизненной закваски), чтобы не иметь при себе в пути египетского теста и остатков фарисейского и безбожного учения. Египтяне будут плакать, а нами да съестся агнец «вечером» ([Исх.12:6](#)), потому что при конце веков страдание Христово. И Христос, разрушая греховную тьму, вечером приобщает учеников таинству. Не «вареный», но «испеченный» ([Исх.12:8–9](#)), чтобы у нас в слове не было ничего необдуманного и водянистого, и удобно-распускающегося, но чтобы оно было твердо и плотно, искушено огнем очистительным, свободно от всего грубого и излишнего, чтобы добрыми углями, воспламеняющими и очищающими нашу мысленную способность, помог нам Пришедший «огонь низвести на землю» ([Лк.12:49](#)), которым истребляются худые навыки, и Поспешающий возжечь его. А что в слове плотского и питательного, пусть будет съедено и потреблено с внутренностями и сокровенностями ума, и подвергнуто духовному переварению – все до головы и до ног, то есть до первых умозрений о Божестве и до последних рассуждений о воплощении. Но ничего не вынесем, ничего не оставим «до утра» ([Исх.12:10](#)), потому что многие из наших таинств не должны быть разглашаемы посторонним, потому что по прошествии этой ночи нет очищения, потому что не похвально до другого времени откладывать тем, которые приняли слово. Как хорошо и богоугодно, чтобы гнев не продолжался целый день, но прекращался до захода солнца (понимать ли это о действительном времени, или таинственно, ибо не безопасно для нас гневающихся видеть зашедшим Солнце правды), так этого яства не следует оставлять на всю ночь и откладывать к следующему дню. А «кости» и несъедобное, то есть для нас неудобопонимаемое, да не «сокрушатся» ([Исх.12:10](#)), через худое разделение и разумение (повременю говорить о том, что кости Иисуса не сокрушены и в историческом смысле, хотя распинатели и желали ускорить смерть по причине субботы), и да не будут извержены и расхищены, чтобы «святая не дать псам» – злым терзателям слова, и не бросать свиньям того, что в слове светло, как бисер, но да «сожжется» это огнем, которым сжигаются, и все сожжения все испытующим и ведущим Духом истончаемые и соблюдаемые, а не гибнущие и не рассеиваемые по водам, как поступил Моисей с отлитой израильтянами главой тельца, в укоризну их жестокосердия.

Не должно оставить без внимания и образ вкушения, потому что Закон не умолчал и этого, но и об этом сокрыл умозрение в букве.

Потребим жертву со «тщанием», съедая «с пресным хлебом с горькими травами» ([Исх.12:8](#)), перепоясав чресла и надев «обувь», и подобно старцам опершись на «посохи» ([Исх.12:11](#)). «Со тщанием», чтобы не сделать того, что заповедь запрещает Лоту, не будем «оглядываться и нигде останавливаться в окрестности сей, горе спасаемся, чтобы не погибнуть от содомского и необычайного огня» ([Быт.19:17](#)), и да не отвердеем в соляной столп от возвращения к худшему, что производится задержкой. «С горькими травами», потому что жизнь по Богу горька и трудна, особенно для начинающих, и она презирает удовольствия. Ибо хотя новое «иго благо, и бремя легко», как слышишь ([Мф.11:30](#)), но оно таково по причине надежды и воздаяния, которое несравненно щедрее, нежели чего заслуживало бы здешнее злострадание. А без этого кто не сознается, что Евангелие гораздо труднее и тягостнее законных постановлений? Закон возбраняет совершение грехов, а нам обращаются в вину и причины, почти как действия. Закон говорит: «не прелюбодействуй» ([Мф.5:27](#)). А ты не имей и вожделения, не возжигай страсти любопытным и внимательным воззрением. В Законе сказано: «не убивай» ([Мф.5:21](#)). А ты не только не мсти за удар, но даже отдай себя в волю бьющему. Настолько последнее любомудреннее первого! Закон говорит: «не преступай клятвы» ([Мф.5:33](#)). А ты вовсе не клянись, ни мало, ни много, потому что клятва рождает клятвопреступление. Закон говорит: «не прибавляй дом к дому, и поле к полю» ([Ис.5:8](#)), «притесняя бедного» ([Иез.22:29](#)). А ты отдай с готовностью и приобретенное правдой, обнажи себя для нищих, чтобы с легкостью взять тебе крест и обогатиться невидимым. Чресла несвязанные и непоясанные пусть будут у бессловесных, потому что они не имеют разума, господствующего над сластолюбием (не говорю пока, что и они знают предел естественного движения). А ты поясом и целомудрием укроти в себе похотливость и это «ржание», как говорит Божественное Писание ([Иер.5:8](#)), порицая гнусность страсти, чтобы тебе чистому вкусить Пасху, «умертив земные члены» ([Кол.3:5](#)) и подражая поясу Иоанна, пустытника, Предтечи и великого проповедника истины. Знаю и другой пояс, именно воинский и означающий мужество, по которому некоторые называются «добропоясниками»²⁸¹. Собственно же «добропоясник» и значит «тяжело вооруженный», а «единопоясник» – легко вооруженный. ([Нав.4:13](#)) и «единопоясниками сирийскими» ([4Цар.24:2](#)). О нем и Бог говорит, беседуя с Иовом: «препояшешь, как муж, чресла твои» ([Иов.40:2](#)), и дай мужественный ответ. И божественный Давид хвалится, что Бог «препоясует его силой» ([Пс.17:33](#)), и самого Бога представляет он «облеченным могуществом и препоясанным» ([Пс.92:1](#)),

очевидно против нечестивых, если кому не угодно понимать под этим изобилие и вместе как бы ограничение силы, в каком смысле Бог и «светом одевается, как ризой» ([Пс.103:2](#)). Ибо кто устоит перед неограниченным Его могуществом и светом? Спрашиваю, что общего между чреслами и истиной? Что имеет в виду святой Павел, говоря, «станьте, препоясав чресла ваши истиной» ([Еф.6:14](#))? Не то ли, что созерцательность обуздывает в нас силу вождения и не позволяет ей стремиться в иное место? Ибо любовь к чему бы то ни было одному не позволяет с такой же силой стремиться к другим удовольствиям.

Кто намеревается вступить в землю святую и носящую да себе следы Божии, тот да «снимет обувь», как и Моисей на горе ([Исх.3:5](#)), чтобы не внести чего-либо мертвого и составляющего среду между Богом и людьми. Также, если какой ученик посылается на благовествование, ему, как любомудренному и чуждому всякого излишества, должно не только не иметь при себе меди, жезла и более одной ризы, но и быть не обутом, чтобы видны были «прекрасны ноги благовествующих мир» ([Ис.52:7](#)) и все прочие блага. Но кто бежит от Египта и от всего египетского, тот должен быть в сапогах, для безопасности как от чего другого, так от скорпионов и змей, которых в Египте множество, чтобы не потерпеть вреда от блюдущих пяту, на которых повелено нам наступать ([Лк.10:19](#)). О жезле же и сокровенном знаменовании его думаю так. Мне известен жезл, употребляемый для опоры, а также жезл пастырский и учительский, которым обращают на путь словесных овец. Но теперь повелевает закон взять тебе жезл для опоры, чтобы ты не преткнулся мыслью, когда слышишь о крови, страдании и смерти Бога, и думая стать защитником Божиим, не впал в безбожие. Напротив, смело и не сомневаясь ешь Тело и пей Кровь, если желаешь жизни. Без неверия внимай учению о Плоти и не соблазняясь, слушай учение о страдании, стой, опершись твердо, незыблемо, нимало не колеблясь перед противниками, нимало не увлекаясь учениями вероятности, поставь себя на высоту, поставь «ноги во вратах Иерусалима» ([Пс.121:2](#)), утверди на камне, «да не колеблются стопы твои» ([Пс.16:5](#)), шествующие по Богу. Что скажешь? Так угодно было «Богу», чтобы ты вышел «из Египта, из печи железной» ([Втор.4:20](#)), оставил тамошнее многобожие и веден был Моисеем – законодателем и военачальником.

Предложу тебе совет и неприличный мне, лучше же сказать, совершенно приличный, если будешь смотреть духовно. Возьми у египтян в заем золотые и серебряные сосуды и иди с ними, запасись на дорогу чужим, лучше же сказать, своим собственным. Тебе должно получить

плату за рабство и делание кирпичей; ухитрись как-нибудь вытребовать ее, возьми у них обманом. Да! Ты здесь бедствовал, боролся с глиной – с этим обременительным и нечистым телом, строил чужие и непрочные города, «память» которых «погибает с ними» ([Пс.9:7](#)). Что же? Ужели выйти тебе ни с чем, без вознаграждения? Ужели оставишь египтянам и чуждым силам, что они худо приобрели и еще хуже расточают? Это не их собственность, они насильно себе присвоили, похитили у Того, Кто сказал: «Мое серебро и Мое золото» ([Агг.2:9](#)), Я дам его, кому хочу. Вчера принадлежало им – так было разрешено, а ныне Владыка приносит и дает тебе, который употребит хорошо и спасительно. Приобретем сами себе «друзей богатством неправедным, когда обнищаем» – во время суда, возьмем свое назад ([Лк.16:9](#)). Если ты Рахиль или Лия, душа патриаршеская и великая, – укради идолов, каких найдешь у отца своего, не для того чтобы их сберечь, но чтобы уничтожить. Если ты мудрый израильтянин – перенеси их в землю обетованную. Пусть гонитель скорбит и об этом, и перехитренный узнает, что он напрасно мучительствовал и поработал тех, кто лучше его.

Если так поступишь, то выйдешь из Египта; несомненно знаю, что столп огненный и облачный будет указывать тебе путь и днем и ночью, пустыня станет не дикой, море разделится, фараон погрязнет, дождь польет хлеб, камень источит воду, Амалик будет низложен не оружием только, но и бранноносными руками праведников, изображающими вместе и молитву, и непобедимое знамение Креста, река остановится в течении, солнце станет, луна замедлит в пути, стены падут и без стенобитных орудий, предшествовать будут «шершни» ([Втор.7:20](#)), пролагая путь Израилю и отражая иноплеменников; и не продолжая слова скажу, что все то, что повествуется за этим и вместе с этим, дано тебе будет от Бога.

Таков праздник, который празднуешь ты ныне! Таково пиршество, которое предлагается тебе в день рождения ради тебя Родившегося и в день погребения ради тебя Пострадавшего! Таково для тебя таинство Пасхи! Это предписал Закон, это совершил Христос – разоритель буквы, совершитель духа, Который, Своими страданиями уча страдать, Своим прославлением дарует возможность с Ним прославиться.

Остается исследовать вопрос и догмат, оставляемый без внимания многими, но для меня весьма требующий исследования. Кому и для чего пролита эта излишняя за нас кровь – кровь великая и преславная Бога и Архиерея и Жертвы? Мы были во власти лукавого, проданные под грех и сластолюбием купившие себе повреждение. А если цена искупления дается не иному кому, как содержащему во власти; спрашиваю: кому и по

какой причине принесена такая цена? Если лукавому, то как это оскорбительно! Разбойник получает цену искупления, получает не только от Бога, но самого Бога, за свое мучительство берет такую безмерную плату, что за нее справедливо было пощадить и вас! А если Отцу то, во-первых, каким образом? Не у Него мы были в плену. А во-вторых, по какой причине кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцом, но заменил жертвоприношение, вместо обещанной жертвы дав овна? Или из этого видно, что приемлет Отец, не потому что требовал или имел нужду, но по домостроительству и потому, что человеку нужно было освятиться человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя силой, и возвел нас к Себе через Сына посредствующего и все устрояющего в честь Отца, Которому оказывается Он во всем покорствующим? Таковы дела Христовы, а большее да почтено будет молчанием.

Медный же змий хотя и повешен против угрызающих змиев, однако же не как образ Пострадавшего за нас, но как изображающий противное, и взирающих на него спасает не через уверенность, что он жив, но потому, что низложенный (чего и достоин был) сам умерщвлен и умерщвляет с собой подчинившиеся ему силы. И какое приличное ему от нас надгробие? «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» ([1Кор.15:55](#)) Ты низложен Крестом, умерщвлен Животодавцем, бездыханен, мертв, недвижим, бездействен, и хотя сохраняешь образ змия, но предан позору на высоте!

Но причастимся Пасхи, ныне пока преобразовательно, хотя и откровеннее, нежели в Ветхом Завете. Ибо подзаконная Пасха (осмеливаюсь сказать и говорю) была еще более неясным образованием преобразования. А впоследствии и скоро причастимся совершеннее и чище, когда Слово будет пить с нами это «новое в царстве Отца» ([Мф.26:29](#)), открывая и преподавая, что ныне явлено им в некоторой мере, ибо познаваемо ныне всегда ново. В чем же состоит это питье и это вкушение? – Для вас в том, чтобы учиться, а для Него, чтобы учить и сообщать ученикам Своим слово, ибо учение есть пища и для питающего.

Но постепенно и мы приобщимся к закону, по Евангелию, а не по письменам, совершенно, а не несовершенно, вечно, а не временно. Сделаем для себя главой не дольний Иерусалим, но горнюю митрополию – город, не воинствами ныне попираемый, но прославляемый ангелами. Не будем приносить в жертву «тельцов» и агнцев с «рогами и копытами» ([Пс.68:32](#)), в которых много мертвенного и бесчувственного. Но «принесем Богу хвалу» ([Пс.49:14](#)) на горнем жертвеннике с горними ликами. Пройдем первую завесу, приступим ко второй завесе, приникнем

во Святая Святых. Скажу еще более: принесем в жертву Богу самих себя, лучше же, будем ежедневно приносить и всякое движение. Все примем ради Слова, в страданиях будем подражать Страданию, кровью почтим Кровь, охотно взойдем на крест. Вожделенны гвозди, хотя и очень болезненны. Ибо страдать со Христом и за Христа вожделеннее, нежели наслаждаться с другими.

Если ты Симон Киринейский, то возьми крест и последуй. Если ты распят со Христом, как разбойник, то, как благопризвательный, познай Бога. Если Он и «к злодеям причтен» ([Мк.15:28](#)) за тебя и за твой грех, то будь ты ради Его исполнителем закона. И распинаемый поклонись Распятому за тебя, извлеки пользу даже из порочной своей жизни, купи смертью спасение, войди со Иисусом в рай, чтобы узнать, откуда ты ниспал, созерцай тамошние красоты, а ропотника оставь с его хулами умереть вне. Если ты Иосиф Аримафейский, проси тела у распинающего; очищение мира пусть будет твоим очищением. Если ты Никодим, ночной богочтец, положи Его во гроб с благовониями. Если ты одна или другая из Марий или Саломия, или Иоанна – плачь рано, старайся первая увидеть отъятый камень, а может быть, и ангелов, и самого Иисуса; скажи что-нибудь, слушай голоса; и если услышишь: «не прикасайся ко Мне» ([Ин.20:17](#)), стань вдали, почти Слово, но не оскорбляйся. Он знает, кому явиться прежде других. Обнови воскресение; Еве, которая пала первая, помоги первой приветствовать Христа и возвестить ученикам. Будь Петром и Иоанном, спешь ко гробу, иди то «скорее», то «вместе» ([Ин.20:4](#)), соревнуясь добрым соревнованием. Если превзошли тебя скоростью, то превзойди тщанием, не приникнув только во гроб, но взойдя внутрь. Если как Фома не будешь вместе с собранными учениками, которым является Христос – не будь неверен после того, как увидишь. А если не веришь – поверь сказывающим. Если же и им не веришь, то поверь язвам от гвоздей. Если снисходит в ад – нисходи с Ним и ты, познай и тамошние Христовы тайны: какое домостроительство и какая причина двоякого снисхождения? Всех ли без изъятия спасает, явившись там, или одних верующих? Если восходит на небо, то восходи с Ним и ты, будь в числе сопровождающих или встречающих Его ангелов, вели «подняться вратам» ([Пс.23:7](#)), сделаться выше, чтобы принять Возвысившегося страданием; недоумевающим по причине тела и знаков страданий, без которых снизошел и с которыми восходит, и потому вопрошающим: «кто есть этот Царь славы?» – ответствуй: «Господь крепок и силен – силен» как во всем, что всегда творил и творит, так и в нынешней брани и победе за человечество; и на двукратный вопрос дай двукратный ответ. Если будут

дивиться, говоря, как в лицедейственном представлении у Исаии: «кто это идет от Едома» и от земных? И отчего у Бескровного и бестелесного «червлённые ризы», как у виноделателя, истоптавшего полное точило ([Ис.63:1-3](#))? – ты укажи на лепоту одежды пострадавшего тела, украшенного страданием и просветленного Божеством, которое всего любезнее и прекраснее.

Что скажут нам на это клеветники, злые ценители Божества, порицатели достохвального, объятые тьмой при самом Свете, невежды при самой Мудрости, те, за которых Христос напрасно умер, неблагодарные твари, создания лукавого? Это ставишь ты в вину Богу – Его благодаяние? Потому Он мал, что для тебя смирил Себя? Что к заблудшему пришел «Пастырь добрый», полагающий душу за овец ([Ин.10:11](#)); пришел на те горы и холмы, на которых приносил ты жертвы, и обрел заблудшего, и обретенного воспринял на те же плечи, на которых понес крест, и воспринятого опять привел к горней жизни. И приведенного сопричислил к пребывающим в чине своем? Что «зажег свечу» – плоть Свою, и «подмел комнату», очищая мир от греха, и «нашел драхму» – царский образ, заваленный страстями; по обретении же драхмы, созывает пребывающие в любви Его силы, делает участниками радости тех, которых сделал свидетелями тайны Своего домостроительства ([Лк.15:8-9](#))? Что лучезарнейший Свет следует за предтекшим светильником, Слово за голосом, Жених – за невестоводителем, приготавливающим Господу «народ особенный» ([Тит.2:14](#)) и предпочищающим водой для Духа? Это ставишь в вину Богу? За то почитаешь Его низким, что «препоясуется полотенцем» и умывает ноги учеников ([Ин.13:4.5](#)), и указывает совершеннейший путь к возвышению – смирение? Что смиряется ради души, преклонившейся до земли, чтобы возвысить с Собой склоняемое долу грехом? Как не поставишь в вину того, что Он ест с мытарями и у мытарей, что учениками имеет мытарей, да и Сам приобретет нечто? Что же приобретет? – Спасение грешников. Разве и врача обвинит иной за то, что наклоняется к ранам и терпит зловоние, только бы вернуть здоровье болящим? Обвинить и того, кто из сострадания наклонился к яме, чтобы, по закону ([Исх.23:5](#); [Лк.14:5](#)), спасти упавший в нее скот?

Правда, что Он был послан, но как человек (потому что в Нем два естества; так, Он утомлялся, и алкал, и жаждал, и был в борении, и плакал – по закону телесной природы), а если послан и как Бог, что из этого? Под посольством понимай благоволение Отца, к Которому Он относит дела Свои, чтобы почтить безлетное начало и не показаться противником Богу. О Нем говорится, что предан ([Рим.11:25](#)), но написано также, что Сам

Себя предал ([Еф.5:2, 25](#)). Говорится, что Он воскрешен Отцом и вознесен ([Деян.3:15, 1:11](#)), но написано также, что Он Сам себя воскресил и восшел опять на небо([1Сол.4:14](#); [Еф.4:10](#)) – первое по благоволению, второе по власти. Но ты выставляешь на вид уничижительное, а обходишь молчанием возвышающее. Рассуждаешь, что Он страдал, а не добавляешь, что страдал добровольно. Сколько и ныне страдает Слово! Одни чтут его как Бога и объединяют; другие бесчестят Его как плоть – и отделяют. На которых же более прогневаешься Он или, лучше сказать, которым отпустит грех? Тем ли, которые объединяют, или тем, которые рассекают злочестиво? Ибо первым надлежало разделить, а последним соединить, – первым относительно к числу, а последним относительно к Божеству. Ты соблазняешься плотью? И иудеи также соблазнялись. Не назовешь ли Его и самарянином? О том, что далее, умолчу. Ты не веруешь в Его Божество? Но в Него и бесы веровали, о ты, который невернее бесов и несознательнее иудеев! Одни наименованием Сына признавали означаящим равночестие, а другие узнавали в изгоняющем Бога, ибо в этом убеждало претерпеваемое от Него. А ты ни равенства не принимаешь, ни Божества не исповедуешь в Нем. Лучше было бы обрезать и стать бесноватым (скажу нечто смешное), нежели в необрезании и в здравом состоянии иметь лукавые и безбожные мысли.

Но брань с ними или прекратим, если пожелают, хотя и поздно, уцеломудриться, или отложим до времени, если не захотят этого, но останутся такими же, каковы теперь. Нимало и ничего не убоимся, подвизаясь за Троицу и с Троицею. Теперь же нужно нам представить кратко содержание слова. Мы получили бытие, чтобы благоденствовать, и благоденствовали после того, как получили бытие. Нам вверен был рай, чтоб насладиться, нам дана была заповедь, чтобы, сохранив ее, заслужить славу, – дана не потому, что Бог не знал будущего, но потому, что Он постановил закон свободы. Мы обольщены, потому что возбудили зависть, пали, потому что преступили закон; постились, потому что не соблюли поста, будучи побеждены древом познания, ибо древняя и современная нам была эта заповедь, служившая как бы пестуном для души и обузданием в наслаждении, и мы ей справедливо подчинены, чтобы соблюдением ее возвратить себе то, что потеряли несоблюдением. Мы возымели нужду в Боге воплотившемся и умерщвленном, чтобы нам ожить. С Ним умерли мы, чтобы очиститься, с Ним воскресли, потому что с Ним умерли; с Ним прославились, потому что с Ним воскресли. Много было в то время чудес: Бог распинаемый, солнце омрачающееся и снова возгорающееся (ибо надлежало, чтобы и твари сострадали Творцу), завеса

раздавшаяся, кровь и вода, излившиеся из ребра (одна, потому что Он был человек, другая, потому что Он был выше человека), земля колеблющаяся, камни расторгающиеся ради Камня; мертвецы, восставшие в уверение, что будет последнее и общее воскресение, чудеса при погребении, которые воспевает ли кто достойно? Но ни одно из них не уподобляется чуду моего спасения. Немногие капли крови воссоздают целый мир, и для всех людей делаются тем же, чем бывает закваска для молока, собирая и связуя нас воедино. Но великая и священная Пасха, и очищение всего мира! – буду беседовать с тобой, как с чем-то одушевленным. Слово Божие, и свет, и жизнь, и мудрость, и сила! – все твои наименования меня радуют. Порождение, исхождение и отпечатление великого Ума! Умопредставляемое Слово и Человек умосозерцаемый, Который «держит все словом силы Своей» ([Евр.1:3](#))! Прими теперь слово это, не первое, но, может быть, последнее мое плодоприношение; слово вместе благодарственное и молитвенное, чтобы мне не терпеть других скорбей, кроме необходимых и священных, в которых протекла жизнь моя. Останови или мучительную власть надо мной тела (ибо видишь, Господи, как она велика и обременительна), или приговор Твой, если от Тебя низлагаемся. Если же разрешусь, каким желаю, и буду принят под небесный кров, то, может быть, и там возложу угодное на святой жертвенник Твой, Отче, и Слове, и Душе Святой. Ибо тебе подобает всякая слава, честь и держава вовеки, аминь.

Примечания

Слово это произнесено по следующему случаю. Когда св. Григорий против воли был поставлен в пресвитеры, с назначением вспомоществования в управлении назианзской паствой епископу, престарелому отцу его; тогда Св. Григорий, по чувству смирения и потому, что в новом назначении видел препятствие своему стремлению к жизни созерцательной, удалился было в Понт, однако, немного спустя, в самый день Пасхи, он возвратился в Назианз и произнес настоящее слово.

Под днем таинства, или, как в подлиннике, под словом таинство, имеется в виду в первом случае праздник Рождества Христова, во втором – праздник Богоявления, в последнем – Пасха.

3

Настоящего праздника.

Отец св. Григория.

Здесь подразумевается желание отца св. Григория, чтобы этот последний был его преемником.

Под неодушевленным храмом подразумевается храм, созданный отцом св. Григория; под одушевленным – сам Григорий.

Здесь подразумеваются слова св. [Григория Богослова](#).

Здесь св. Григорий обращается к отцу своему.

Гиппократ.

Живущим во Христе.

Юлиана Отступника.

По объяснению Илии Критского, Св. Богослов имеет здесь в виду назианзских монахов, которые соблазнились тем, что родитель его, по простоте сердца, подписался к арианскому исповеданию, а вследствие этого отделились от общения с назианзской Церковью и поставили у себя пресвитеров, рукоположенных посторонним епископом.

Галлом

Во имя св. мученика Маманта.

Галла

Юлиан

Св. Богослов имеет в виду умерщвление Цезаря Галла по приказу Императора за возмущение его против Императора.

Юлиана

Юлиана

Пор – индийский царь. В 326 до н.э. Александр Македонский одержал над ним победу у Гидаспа. После помилования он сделался верным вассалом Александра. – *А.Л.*

Под перекрестками и пещерами Св. Богослов подразумевает места, на которых Юлиан со своими наставниками приносил бесам жертвы и совершал различные гадания.

Юлиан

Юлиана

Κατα τε Μαρτυρος ἔδε μαρτυρίας; слово Μάρτυρ, имеет значение свидетеля и мученика. Св. Григорий употребляет это слово в первом смысле об И. Христе, как и в откровении Иоанна ([Откр.1:5, 3:14](#)); в последнем – о свидетелях истины Христовой – Апостолах и Мучениках.

Анаксарх назвал мехом тело свое, когда толкли его в ступе.

Так Анаксагор назвал свое сочинение, в котором были собраны трудные вопросы.

В Римской державе.

Т.е. земного с небесным в человеке.

Пифиодора

Митре поклонялись персы, халдеи и в последующее время греки и римляне; при таинствах, совершавшихся в пещере Митры, поклонники его подвергались двенадцати жестоким испытаниям: томились голодом, терпели бичевания, проходили через огонь, и проч. В числе поклонников Митры был и Юлиан.

Наместник претора. Созомен называет его Саллюстием.

Имена двух мучителей, из коих один был в Эпире, другой в Агригенте.

Св. Григорий проводит здесь слова Гомера о Скамандре, переполненном трупами убитых Ахиллом. Илиада. XXI, 220. Юлиан в Антиохии тайно по ночам умерщвлял многих христиан, и волны Оронта скрывали свидетелей истины и обличителей нечестия.

В царствование Юлиана кто-то из христиан, живших в Кесарии, сжег храм, посвященный Фортуне, за что царь многих жителей Кесарии послал в заточение.

Покрытый шлемом Аида (или Плутона), как говорит Гомер (Илиада.V,845), был невидим другим, находясь перед их глазами. Другие (именно Платон во II-й книге Республики) то же рассказывают о перстне Гигеса, царя Лидийского.

Максимин умер от зловонных ран, которыми была поражена нижняя часть чрева его.

Телхины – древние жрецы, чародеи и ваятели идолов на острове Родосе.

Золотыми стихами называются правила жизни, предписываемые Пифагору.

Жреца, который собравшимся на праздник Цереры предлагает в пищу мясо вола. Другие под именем Вуфина подразумевают Геркулеса.

Слова эти взяты из Гомера, и первое из них значит ужасно; второе – звенеть, звучать; μὼν – ли, или; δῆλεθεν – итак, αττα – некоторая, αμωσῦέλως – отчасти, несколько.

Киносарг – языческий храм в Афинах, построенный на том месте, куда прежде подкидывали незаконнорожденных младенцев.

Гомер говорил, что у богов есть свой язык, и что река, известная у людей под именем Скамандра, на языке богов называется «Ксанфом», птица Каминда – «Халкидой», целебное растение с черным корнем и белыми цветами – «моли». Илиада. XX,74; XIV,291; Одиссея. XIV,305.

Здесь подразумевается закон Юлиана, которым запрещалось христианам учиться словесным наукам.

По рассказам мифологии, Деметра (Церера) научила земледелию Триптолема и Келея и подарила им колесницу, которую возили по полям крылатые драконы.

Телмис – древний город в Ликии.

Так Юлиан выражался о христианах.

Намек на выражение Гомера об Андромахе (Илиада.VI,484).

Насмешка над нелепым вымыслом мифологов, рассказывающих, что Сатурн хотел съесть Зевса, но вместо него проглотил камень.

Кердоем, т.е. умеющим наживаться, язычники называли Меркурия. Чтобы показать его ловкость, они изображали его с мешком у пояса и называли Сакеллионом – носящим мешок. Ему же приписывали они искусство воровать. Изречение: «Феб не прорицает без меди (или без медных денег)» принадлежит Дельфийскому оракулу.

Юлиан

перечисляются созвездия.

То есть явившийся на небе свет, изображающий знамение Креста, о чем сказано выше.

Еврипид

Огненосцем назывался носивший в войске языческом священный огонь для воскурения жертв, и победители щадили жизнь его, чтобы тем не оскорбить богов. Но поражение римского войска могло быть так велико, что нельзя было бы спастись и этому человеку.

Констанций

По языческому суеверию, на Елисейских полях добродетельные получают награды, которые распределяет Радомант.

Указание на обряды, совершаемые при таинстве Крещения.

То есть потомков патриарха Иакова ([Амос.6:8](#)).

Во время возмущения, бывшего после смерти [Константина Великого](#), Констанций спас Юлиана и брата его Галла от смерти, скрыв их во дворце своем.

В языческих училищах и в светских науках.

Христианскую веру.

Св. Марк Арефусский

Сочинение Юлиана «Мисопогон» – ненавистник бороды, написанное против антиохиян, которые смеялись над длинной и неопрятной бородой Юлиана.

Св. [Василия Великого](#), который был уже тогда рукоположен в пресвитеры Церкви Кесарийской, но на время удалялся в пустыню.

Некоторые из монахов, отделившихся от Епископа Назианзского, были поставлены в пресвитеры посторонними епископами, как объясняет Илия Критский.

То есть неосторожной подписи св. Григория, Епископа Назианзского, под символом полуарианским.

Еврипом называется пролив между Аттикой и островом Эвбей.

астрологии

То есть дьявола, который, своей прелестью склонив прародителей к послушанию, подверг всех нас осуждению и смерти.

Констанцию, которого не было тогда в Константинополе.

Св. Богослов указывает на истину, раскрытую [1Кор.15:42–44, 53–54](#).

Селения тьмы, по объяснению св. Богослова, вероятно, суть то же, что и селения Кидарские ([Пс.119:5](#)).

Кесария

Св. Григорий обращает слово к родителю, присутствовавшему при погребении.

Св. Василия Великого.

Учение о Божестве Духа Святого.

Манну.

Василия Великого.

В Кесарии.

Эти и последующие слова относятся к Анфиму, Епископу Тианскому, который был во вражде с Василием Великим.

Речь обращена к Евлалию.

Слово это говорил Св. Григорий в богадельне, устроенной Василием Великим, в которой тогда (в 373 г. н.э.) было много зараженных проказой.

Асс – медная монета весом 4 золотника.

Это выражение не следует понимать в смысле вещественном; оно, по объяснению Никиты, толкователя слов Св. Григория, означает дыхание жизни, которое Бог вдунул в лицо первосозданного человека ([Быт.2:7](#)), и вместе – образ Божий.

В некоторых манускриптах вместо слова Амос написано Михей.

Слова эти взяты из постановлений Апостольских.

Меркурию, покровителю корыстолюбия.

Эмпедокл, Эпикур.

Халдеи.

Мифологи.

Аристотель.

Т.е. чтобы дети не учили в присутствии родителей.

Т.е. отец Св. Григория, Епископ Назианзский. К нему же Григорий и далее несколько раз обращается в своем слове.

Проклятие гор гелвуйских ([2Цар.1:21](#)) состояло в том, чтобы не сходили на них ни роса, ни дождь. Но здесь Св. Богослов говорит, что горы несут проклятие в противном смысле, то есть проклинаяются за то самое, что не сходят на них ни дождь, ни роса.

Сочинение Иосифа Флавия под заглавием: Εἰς Μακκαβαίης ἡ περὶ αυτοκράτορος λογισμὲ («В честь Маккавеев, или о Самовластителе разуме»).

Имеет в виду своего отца.

Имеет в виду своего отца.

Св. Григорий имеет в виду почившего родителя своего.

Родитель Св. Григория Богослова.

Название «ипсистерии» происходит от слова υψιστος (самый высокий).

Мелкая монета.

Бриарей, по языческой мифологии, был сторукий и потому самый хищный гигант.

Слова Гесиода из произведения «Труды и дни».

Крестным знаменем.

Св. Богослов имеет в виду здесь то обстоятельство, случившееся с его родителем, что он, по простоте, подписался изложению Веры, составленному прикровенными арианами, в котором слово $\omicron\mu\omicron\epsilon\iota\omicron\varsigma$ (единосущный) с малой переменной заменено было словом $\omicron\mu\omicron\epsilon\iota\omicron\zeta$ (подобосущный).

Первый для наказания, вторая для подпоры.

То есть неподражаем.

У Пиндара.

Евхаристии.

Евсевия.

Епископ Кесарийский Евсевий.

Монашествующие.

Духовного.

Св. Григорий обращает слова эти к Св. Василию Великому.

Родитель св. Григория Богослова.

Св. Василия Великого в Архиепископа Кесарийского.

На своего родителя и Св. Василия Великого, из которых последний рукоположил его в епископы.

Обращение к Св. Василию Великому.

Родитель Св. Григория Богослова.

Или до принятия на Себя тела, как некоторого рублища, или до сложения с Себя и самого тела в смерти крестной.

Если бы Отец происходил сам от Себя, то мог бы он быть отделяем сам от Себя, так что в одном могли бы мы представлять двух – одного предсуществовавшего и другого, из Него происходящего.

Константинополе.

Св. евангелиста Марка, первого епископа в Александрийской Церкви.

Арий (Ἀρειος) может означать неистового, исступленного.

Как родившийся в Каппадокии, из которой происходил некто Георгий, один из врагов Афанасия, о котором будет говориться в продолжение Слова.

Григорию, который, по изгнании св. Афанасия арианами, был избран архиепископом Александрийским, но сведен с престола арианами и замещен Георгием Каппадокийцем.

Ариане, из ненависти к св. Афанасию, у кого-то живого или мертвого отсекли руку и, представив ее в суд, клеветали на святого, что он отсек эту руку у одного умерщвленного им александрийского клирика Арсения и посредством ее производил чары. Между тем Арсений удален был арианами из города. Но когда дошла до него весть о том, в чем обвиняют Св. Афанасия, – немедленно явился в суд и изобличил лжецов.

Афанасия.

То есть дьявол.

Созерцательной и подвижнической жизнью.

Констанция.

Георгий дорогими подарками привлек на свою сторону евнуха Евсевия, главного начальника при императорском дворе и явного арианина.

В Константинополе.

Слова символа арианского.

По объяснению Никиты, Констанций, по внушению ариан, написал, что слово: «подобный» значит то же, что «единосущный»:

Так на Константинопольском соборе арианами осужден был сирианин Аэтий за тщеславие и за чрезмерную склонность к спорам в сочинениях Theodorit. Histor. [Eccl. I.2](#) С.28.

То есть исследование жизни епископов людьми мирскими.

Констанций.

Георгия Каппадокиянина.

Не воспрепятствовал, когда мог, умерщвлению брата Константина, и сам велел умертвить Юлианова брата Галла.

Юлиана.

Георгия-еретика.

Александрийские граждане, умертвив Георгия, разрубили тело его на части и возили по городу на верблюде. Замечательно то, что Юлиан в письме к александрийцам (у Никифора кн.10, гл.7), изъявляя гнев свой на них за такой поступок, не упоминает об участии в нем христиан; а св. Епифаний (Том.1, кн.3) явно приписывает его язычникам; да и Марцеллин (кн.21) потому только заключает о согласии на это христиан, что они не воспрепятствовали язычникам.

Св. Афанасий.

Александрии.

Дьявола.

Юлиана.

Иовиниан.

То есть или символ Веры, известный под именем Афанасиева, или исповедание, представленное Афанасием Иовиниану, о котором смотр. у Феодорита Церк. Истор. Кн.4 гл.2 и 3.

По другим чтениям вместо неписаный (ἀγραφοῦν) читается (ἐγραφοῦν) письменный. В обоих случаях разумеется арианское вероучение.

Родителя Св. Григория Богослова.

Таково было богохульное учение ариан, утверждавших, что Сын сотворен для нас, что через Него, как через орудие, Бог сотворил нас, и если бы Богу неугодно было сотворить нас, то не было бы и Сына. Никифор. Кн.8. Гл.8.

А не к Отцу.

То есть, что Сын не существует.

Народы северные, вторгшиеся во Фракию, опустошившие эту область, но впоследствии побежденные и усмирены Феодосием Великим.

То есть христианскую веру.

Слова: υπερσέβοντες (предпочитающие) и υποσέβοντες (недопочитающие), по разъяснению Или, принадлежат Евномии, который обозначал ими степени поклонения трем Лицам Божества.

Поскольку Монтан первоначально посеял ересь свою во Фригии, то последователи его назывались фригиянами или катафригиянами. А в древности были известны фригийские жрецы Кибелы, которые скопили себя при посвящении в жречество.

Под галатами Св. Григорий, вероятно, подразумевает маркеллиан.

Св. Богослов имеет в виду здесь учение Аполлинария, называет же его не ересью, но братской распрей, потому что надеялся еще обратить Аполлинария к правой вере, как можно видеть из 77 письма его к Олимпии.

Память этого священномученика Киприана совершается Святой Церковью 2-го числа октября месяца.

Под любительницей мучеников, по объяснению Никиты, Св. Григорий понимает или само безмолвие, о котором сказал он выше, или одну из благочестивых жен, к которой удалялся он в село на безмолвие.

В страдании Св. Киприана (См. Acta sanctor. сентября 26 дня) сказано, что он вытребован был в Антиохию комитом Востока Евтолмием по доносу, будто бы своими посланиями возмущает весь Восток, даже весь мир.

Оно сохранилось и до наших времен. Греческий подлинник можно читать в Деяниях Святых (Acta Sanctorum) под 26-м числом сентября месяца.

Святая Иустина.

167

Растение, называемое иначе «гирча»:

Философ Герон, как видно из этого слова, родом из Александрии, по учению циник, пострадал от ариан за православие, а именно был сечен и осужден на изгнание. Иероним, в списке Церковных Писателей, под именем философа Герона понимает Максима, также циника, известного в жизни Св. Григория Богослова тем, что он впоследствии покушался присвоить себе престол Константинопольской Церкви.

Обращение к философу Герону.

По замечанию Илии, Герои, как циник, носил белый плащ, который Св. Богослов называет чуждым, может быть по цвету, для христиан, ведущих любомудрую жизнь, то есть для монахов.

Св. Богослов называет Герона псом, потому что он был циником; а это наименование произошло от слова κῶν (пес).

Язычниками.

То есть Константинополем.

Платон в своей «Республике», признавая Гомера вредным для юношества, говорит, что надобно его, увенчав волной, выслать из города.

Скиндапс – род индийского растения. Поскольку же такого растения нет нигде в другом месте; то Св. Григорий считает название это ничего не означающим словом.

Трагеллаф – животное, состоящее из козла и оленя, которое Св. Григорий признает баснословным.

Лукиан, осмеивая философа Хрисиппа, влагает ему в уста следующие слова: «Если хромой, хромой ногой споткнувшись о камень, получит рану, то хромота будет «симвама»:

Св. Богослов говорит о геометрических линиях, что они нигде не имеют места, то есть ни в самом веществе, потому что рассматриваются в отвлечении от тел, ни в мысли, потому что он не суть что-либо только мысленное.

Они были циниками; и Герон тоже был циником.

Валентин, Кердон и другие учили, что не благой Бог был творцом мира.

Глубина (βάθος) и Молчание (σιγή), по учению Симона, Маркиона и их преемников, были главными из Эонов.

Монтан водил с собою одну бесчестную женщину и называл ее Духом Святым.

Манес учил, что необразованная материя, или тьма, совечна Богу.

Нават не допускал до покаяния отрекшихся от веры во Христа, и даже всех, падших после крещения, и двоеженцев.

Савеллий три Лица Святой Троицы сливал в единое Лицо Отца.

То есть от языческого бога войны Ареса, или Марса.

Констанция.

При Констанции имел большую силу евнух Евсевий, арианин.

При Юлиане Отступнике.

При императоре Валенте, который был покровителем ариан.

По сказанию одних – Урвана, а по сказанию других – Феодула.

Обращение к Герону.

Объяснение на это смотри в слове святому Афанасию Великому.

Это – арианин Лукий, который изгнал Афанасиева преемника Петра и насильственно занял епископский престол в Александрии.

Палладий, александрийский градоначальник.

Преимник св. Афанасия Архиепископ [Александрийский Петр](#).

Тавеилом св. Григорий Богослов называет упомянутого выше арианина Лукия, который изгнал Петра и занял его епископский престол в Александрии.

Александрийский Архиепископ Петр, спасшись от ариан, убегает в Рим к папе Дамасу и приносит с собой окровавленные одежды убитых арианами. См. Сократ, кн.4, гл.22, и Никифор кн.11, гл.26.

Четыре года находившегося в изгнании и в продолжение этого времени как бы умершего для нас.

Гераклит.

201

Горним.

По объяснению Илии, Св. Богослов имеет здесь в виду Максима и называет его псом, как циника. При этом Илия замечает, что циники с особенной заботливостью отращивали у себя волосы.

По объяснению Илии, Св. Богослов понимает здесь Св. Писание, из которого должны напоить себя живой водой словесные овцы, когда зачинают в себе семя спасения.

У Евангелиста Матфея читаем: «принесло плод, одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать»:

На олимпийских и других играх часто сильные борцы уступали за деньги победу над собой более слабым.

То есть тело душевное, чтоб облечься в тело духовное ([1Кор.15:44](#)).

То есть Восток и Запад.

В которую египетские епископы, войдя в один храм, хотели рукоположить Максима.

Евномиане отрицали не только единосущее, но и подобосущее Бога Отца и Бога Сына. Кроме того, они учили, что можно совершенно постигнуть Бога умом человеческим. Против этого последнего лжеучения евномиан направлено настоящее слово.

Христианскую религию.

211

Не порабощаемся плотью.

Ум.

Ариане учили о Сыне Божиим, что было, когда Его не было, и что, следовательно, Он стал из не сущего сущим.

Платон в Тимее.

Внешний опыт.

По-гречески εν υλοσήματι, т.е. почти то же, что «в сущности».

217

Опыт.

По некоторым спискам, как замечает Илия, вместо слов: «по власти» (τη ἐξουσία), читалось: «по сущности» (τη γε οὐσία).

Плотин. Эннеады. И. кн.2. гл.1.

В рождении Бога Сына.

То есть, что Сын рожден или как существовавший, или как несуществовавший.

Илия после этих слов читал еще следующие. «Ибо пророк вводит самого Бога и Отца, Который задолго прежде описывает послание к нам Единородного Сына, совершенное по Божию совету, и говорит так: «Кто воздвиг от востока мужа правды, призвал его следовать за собою, предал ему народы и покорил царей? Он гонит их, идет спокойно дорогою, на которой никогда не ходил ногами своими. Кто сделал и совершил это? Тот, Кто от начала вызывает роды; Я – Господь первый и в последних – Я тот же»:

Плоти.

Человек.

То есть тело человеческое.

По некоторым греческим изданиями: φησι Κύριος, Κύριος στρατιων, т.е. «говорит Господь, Господь воинств».

Из Лиц Божества.

То есть учение арианское.

Св. Григорий имеет в виду тех, которые Бога Сына и Бога Духа Святого считали сотворенными.

Имеется в виду война импер. Феодосия с готами.

231

Валента.

Феодосия.

233

Начальнику поваров.

Здесь имеется в виду, по замечанию Илии, водопровод, устроенный Валентом и проходящий местами под землей, местами же поддерживаемый на воздухе арками. Ducang. Const. Chr. L.1, p.18.

По замечанию Илии, здесь подразумевается тот столп, на котором помещалась конная статуя Константина Великого, которую называют ανθήλιον.

Здесь намек на то, что Константинопольским мысом море как бы рассекается на две части.

Елена, по Никифору (Lib.8. С.30), в Константинополе построила прекрасный храм и назвала его новым Иерусалимом. А Зевксиппом назывались публичные, знаменитые и обширные бани. Ducang. Constantinop. Chr. L.1, p.88. Зевксипп с великим усердием посещали жители Константинополя. И Илия замечает, что, по некоторым преданиям, в Зевксиппе было место собрания еретиков, а потому догадывается, что Св. Богослов сам Зевксипп иронически называет новым Иерусалимом.

Св. Григорий намекает на покушения еретиков на его жизнь.

Крещения.

Св. Афанасий.

То есть с Отцом.

То есть Бога Сына, или Бога Духа, когда будет доказано, что какой-либо из Них не есть Бог, равный Богу Отцу.

243

Ария.

Юлиана.

По мнению Илии, Максима, философа-киника.

То есть престола Константинопольской Церкви, оставив Церковь Сасимскую.

Девственник.

Обязавшийся супружеством.

Человеческим естеством.

В устье Нила был высечен на камнях размер, по которому замечалось возвышение воды в Ниле во время разлива; а из этого делалось заключение о плодородии в Египте и о благоденствии жителей.

Крещение и Миропомазание.

Φυλακτήριον – повязка на лбу и на руках со словами из закона Божия, употреблявшаяся у иудеев ([Мф.23:5](#)).

По славянскому переводу: «рукой»:

Богослов подразумевает здесь под чревом память.

Духу и Сыну.

То есть Юлиан Отступник.

Император Валент.

То есть Лиц Святой Троицы.

Царские евнухи, которые большей частью заражены были арианской и македониевой ересями.

Ифигению.

Всех детей у родителей Василия было десять.

Пресвитеров.

Евсевий, Епископ Кесарийский. Об избрании и возведении его на кессарийский престол см. Твор. Св. Отц. Т.2, стр.134.

От ариан, при императоре Валенте.

Против Епископа Евсевия.

Евсевий, Епископ Кесарийский.

Как у Василя.

Ксерксе.

Главный повар у Валента, по имени Демосфен, который, будучи прислан к Василию, грозил убить его своим кухонным ножом. О нем Св. Василий говаривал: «Наконец есть у нас и Демосфен неграмотный».

270

По имени Модест.

271

У ариан.

По объяснению Никиты, дары эти состояли из золотых сосудов.

Бердо – принадлежность ткацкого станка, род гребня, для приборя утка, для чего каждая нить основы продета в набор или зубья берда. – «Прим. ред»:

Кесария и Тиана. Епископом в последнем городе был Анфим, который заявил притязания на некоторые части архиепископии Василия, имевшей престол в Кесарии.

Анфим.

Св. Василий.

Странноприимный дом, построенный Св. Василием близ Кесарии.

Человеческим естеством.

От πάσχω, стражду.

С небес.

«вооруженными на рать»:

*

PG.35, col. 781.